

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2024. № 507. Октябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2024. № 507. October

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берсун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Березкина С.В.** Жуковский и Карамзин (к вопросу о формировании литературной репутации поэта в 1797–1807 гг.) 5
- Загуменнов А.В.** Предварительная реконструкция языковой личности протопопа Аввакума 13
- Каменева В.А., Рабкина Н.В.** Детерминированность ассоциатов от типа стимула (вербальный знак, символ, рисунок) и от значимости денотата для респондента 21
- Новикова Е.Г.** «Нигилист Пётр Великий»: Ф.М. Достоевский об исторической роли Петра I в геополитическом аспекте 29
- Резанова З.И., Владимирова В.Е.** Федеральные и региональные новости в отражении кризисной ситуации (на материале русскоязычных текстов СМИ о пандемии COVID-19) 37
- Рыжкова Т.С.** Семантический объем прилагательного *slow* в современном английском языке 46

ФИЛОСОФИЯ

- Маслов В.М.** Философия научной фантастики (художественной футурологии) 54

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Павлова И.А.** Применение библиометрического сетевого анализа для картирования исследовательского поля по теме «капитал здоровья» 66
- Рогачева Т.В., Старшинова А.В.** Субъективные факторы риска инвалидизации как компонент ухудшения общественного здоровья 81

ИСТОРИЯ

- Бобров В.В.** О параллельных широтных миграциях в Евразии в начале эпохи палеометалла 93
- Зиновьев В.П.** Промышленный переворот в Сибири 101
- Ильных В.А.** Становление земельных органов советской Сибири (конец 1919 – начало 1921 гг.) 108
- Кириллов А.К., Почеревин Е.В.** Скрытая пружина кооперации начала XX века: сибирские маслоделы в волостном суде 116
- Молодин В.И.** Мультидисциплинарные исследования духовной культуры на базовых археологических памятниках Барабинской лесостепи 125
- Пономарева О.А.** Формирование образа «предприниматель» в региональной периодической печати в период либерализации экономики в 1992–1993 гг. на примере газеты «Томский вестник» 133
- Прокопьева А.Н.** Костюм в женских погребениях Якутии XVII–XVIII вв. как отражение социальной иерархии 142
- Сальникова И.В.** Этноконфессиональная и социальная принадлежность нательных крестов с изображением распятия и пассионалов (Орудия страстей Христовых) из археологических памятников Новосибирской области 148
- Юракова А.Ю., Марочкин А.Г.** Керамика неолита – ранней бронзы поселения Писаная-4: морфология, технологические особенности, культурно-хронологическая атрибуция 158

ПЕДАГОГИКА

- Абрамова И.Е., Шишмолина Е.П.** Технологии искусственного интеллекта и обучение иностранным языкам: преподаватели и студенты региональных вузов 168

CONTENTS

PHILOLOGY

- Berezkina S.V.** Zhukovsky and Karamzin (on the formation of the poet's literary reputation in 1797–1807) 5
- Zagumennov A.V.** Reconstruction of Archpriest Avvakum's language personality: To the issue's formulation 13
- Kameneva V.A., Rabkina N.V.** Effect of stimulus type (word, symbol, picture) and subjective denotative significance on associates 21
- Novikova E.G.** "The nihilist Peter the Great": Fyodor Dostoevsky on the historical role of Peter I in the geopolitical aspect 29
- Rezanova Z.I., Vladimirova V.E.** Federal and regional news reflecting a crisis situation (based on Russian-language media texts about the COVID-19 pandemic) 37
- Ryzhkova T.S.** Semantic scope of the adjective *slow* in the modern English language 46

PHILOSOPHY

- Maslov V.M.** Philosophy of science fiction (literary futurology) 54

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

- Pavlova I.A.** Application of bibliometric network analysis for mapping the research field on health capital 66
- Rogacheva T.V., Starshinova A.V.** Subjective risk factors of disability as a component of public health deterioration 81

HISTORY

- Bobrov V.V.** On the parallel latitudinal migrations in Eurasia at the beginning of the Metal Age 93
- Zinoviev V.P.** Industrial revolution in Siberia 101
- Illykh V.A.** Formation of Soviet Siberia's land organs (late 1919 – early 1921) 108
- Kirillov A.K., Pocherevin E.V.** Hidden mainspring of the early 20th-century cooperation: Siberian dairy cooperators in the township court 116
- Molodin V.I.** Multidisciplinary research of spiritual culture on basic archaeological sites of the Baraba forest-steppe 125
- Ponomareva O.A.** The formation of the image of an "entrepreneur" in the regional press during the period of economic liberalization from 1992 to 1993, using the example of the *Tomskiy Vestnik* newspaper 133
- Prokopeva A.N.** Costume in women's burials of Yakutia of the 17th–18th centuries as a reflection of social hierarchy 142
- Salnikova I.V.** The ethnoconfessional and social belongingness of cross pendants with the image of the crucifixion and passionals (instruments of the Passions of Christ) from the archaeological sites of Novosibirsk Oblast 148
- Yurakova A.Yu., Marochkin A.G.** The Neolithic – Early Bronze Age pottery from the Pisanaya-4 settlement: Morphology, technological specifics, cultural and chronological attributing 158

PEDAGOGICS

- Abramova I.E., Shishmolina E.P.** Artificial intelligence technologies and foreign language teaching: Teachers vs students at regional universities 168

Берсенева Н.С., Тяглова С.А. Методика подготовки студентов к сдаче норм ГТО на занятиях физической культурой	180	Berseneva N.S., Tyaglova S.A. Method of preparing students of technical universities for passing the GTO standards	180
Мутьев А.В., Якубов Б.С. Качественная и количественная характеристика кадрового состава сферы физической культуры в Крыму в начале 30-х гг. XX в.	189	Mutiyeu A.V., Yakubov B.S. Qualitative and quantitative characteristics of the physical culture personnel in Crimea in the early 1930s	189
Рогозная Н.Н., Давыдова М.А. К вопросу о проблеме интерязыка, интерференции и билингвальных моделей: теоретические и прикладные аспекты	197	Rogoznaya N.N., Davydova M.A. The problem of language interference, interlanguage and bilingual models: Theoretical and practical aspects	197
Родоманченко А.С., Сорокина Е.В. Использование нейросетей для развития письменно-речевых умений, языковых навыков и критического мышления в курсе «Английский язык в сфере деловой коммуникации»	206	Rodomanchenko A.S., Sorokina E.V. Using artificial intelligence to develop students' writing proficiency, language fluency, and critical thinking skills in the ESP course English for Business Communication	206

ПРАВО

LAW

Воронин И.К. Правовое положение женщины в крестьянской семье и сельской общине имперской России во второй половине XIX – начале XX в.	217	Voronin I.K. The legal status of a woman in a peasant family and rural community of imperial Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries	217
Иванова С.В. Фаунистическое право в системе российского права: теоретический аспект	225	Ivanova S.V. Faunistic law in the system of Russian law: A theoretical aspect	225
Лапочкина Е.П. Международно-правовое сотрудничество в рамках БРИКС: эволюция, результаты и перспективы развития	234	Lapochkina E.P. International legal cooperation within BRICS: Evolution, results and development prospects	234
Рахманова Е.Н., Писаревская Е.А. Противодействие торговле людьми в АСЕАН	241	Rakhmanova E.N., Pisarevskaya E.A. Combating human trafficking in ASEAN	241
Рузанова В.Д., Крюкова Е.С. Принцип конфиденциальности в условиях модернизации медицинской отрасли: системно-правовой подход	248	Ruzanova V.D., Kryukova E.S. The principle of confidentiality in the context of medical industry modernization: A systemic legal approach	248

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/507/1

Жуковский и Карамзин (к вопросу о формировании литературной репутации поэта в 1797–1807 гг.)

Светлана Вениаминовна Березкина¹

¹ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия, s.berezkina@mail.ru

Аннотация. На материале журнальных критических статей проанализированы отклики на сочинения В.А. Жуковского, относящиеся к первому десятилетию его литературной деятельности. На основе неопубликованных писем Е.А. Протасовой к В.А. Жуковскому выявлены новые факты о его контактах с Н.М. Карамзиным. Показано формирование литературной репутации Жуковского как писателя-сентименталиста, работающего в русле карамзинского направления. В изданиях В.А. Жуковского и его творческих планах 1800-х гг. названы замыслы, вдохновителем которых мог быть Н.М. Карамзин.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, Н.М. Карамзин, русский сентиментализм, история русской критики 1800-х гг., переписка В.А. Жуковского

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00386, <https://rscf.ru/project/24-18-00386/>

Для цитирования: Березкина С.В. Жуковский и Карамзин (к вопросу о формировании литературной репутации поэта в 1797–1807 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 5–12. doi: 10.17223/15617793/507/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/1

Zhukovsky and Karamzin (on the formation of the poet's literary reputation in 1797–1807)

Svetlana V. Berezkina¹

¹ Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation,
s.berezkina@mail.ru

Abstract. The article examines the earliest stage of the formation of Vasily Zhukovsky's literary reputation, which began in 1797, when the first publications of his works in verse and prose appeared. This was the period of Zhukovsky's studies at the Moscow University noble boarding school, where his worldview and creative formation took place under the influence of Masonic enlighteners who preached moral development in line with pan-European ideas and ideas about the high purpose of man. The article touches on the history of the Friendly Literary Society (1801), which included Zhukovsky, and the speeches of its participants. They concerned the development of Russian literature and the criticism of fashionable sentimentality. The ironic attitude towards Nikolay Karamzin as the head of the literary direction was shared until the beginning of 1804 by Dmitry Bludov, who was close to all members of the Friendly Literary Society. Zhukovsky did not approve of the comedy against sentimentalism conceived by Bludov in 1802 and stopped his work on it. At the end of 1804, he contributed to Bludov's acquaintance with Karamzin, who instilled a special piety in him. Justifying his position, Zhukovsky wrote to Bludov about contempt for sentimentality, but the need to nourish genuine sensitivity. Already in the 1800s Zhukovsky's literary reputation reflected the attitude towards him as a representative of this literary trend, headed by Karamzin. Unpublished letters of Ekaterina Protasova to Zhukovsky for 1802–1804, excerpts from which are given in the article, contribute to clarifying this circumstance. The letters reveal unknown facts from the history of Karamzin's communication with Zhukovsky. Protasova's first mention of Karamzin in letters to Zhukovsky dates back to October 1802, when he arrived in Moscow, bringing with him the elegy "Rural Cemetery" for publication in *Vestnik Evropy*. Zhukovsky's intensive communication with Karamzin began. Based on Protasova's letters, an assumption is made about the connection of the works of Zhukovsky the translator of 1802–1803 (including his unrealized plans) with Karamzin (libretto of the oratorio "The Seasons" by Haydn, "Don Quixote Lamansky" by Florian, "The Spirit of History, or Letters from Father to Son about Politics and Morality" by Ferran). The publication in Karamzin's magazine of the elegy "Rural Cemetery", which amazed even the poet's friends with literary skill, was a milestone that determined the appearance of Zhukovsky's name in Russian criticism. The article analyzes the magazine

reviews of P.I. Makarov in *Moscovskiy Merkurii* (1803) and M.T. Kachenovsky in *Vestnik Evropy* (1806). In the former, describing a collection of boarding school students, Zhukovsky was named one of "our young writers"; in the latter, his translation of Florian was highly appreciated. In critical notes, he appears as a good stylist who knows the problems of feelings of a virtuous and educated person relevant to Russian literature of the first decade of the 19th century. These assessments testified to the status of the Karamzin-style writer, which Zhukovsky acquired at the initial stage of his literary life.

Keywords: Vasily Zhukovsky, Nikolay Karamzin, Russian sentimentalism, history of Russian criticism of 1800s, correspondence of Vasily Zhukovsky

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00386, <https://rscf.ru/project/24-18-00386/>

For citation: Berezkina, S.V. (2024) Zhukovsky and Karamzin (on the formation of the poet's literary reputation in 1797–1807). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 5–12. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/1

Образ В.А. Жуковского (1783–1852) как представителя карамзинского периода русской литературы утвердился в критике еще на раннем этапе ее развития, связанном с именем В.Г. Белинского. Изучение литературных предпочтений, жанровой системы, поэтики, стилистики Жуковского способствовало раскрытию пересечений его литературного пути с тем идейно-художественным богатством, которое он находил в творчестве Н.М. Карамзина (1766–1826), своего старшего современника. Исследовательские усилия в этой области были движением от постулата о судьбоносной для Жуковского верности «преданиям сентиментализма», положенного в основу монографии А.Н. Веселовского [1], к установлению множественных моментов дистанцирования от предшественников (в том числе Карамзина), которое определяло развитие творческой индивидуальности поэта (см.: [2. Т. 1. С. 406; 3. С. 60–62]). Этот процесс в жизни Жуковского был достаточно длительным, причем на начальном этапе он обнаруживал большое тяготение к Карамзину. Тема «Жуковский и Карамзин» предполагает различные аспекты изучения, одним из которых является история личного общения писателей, имеющая к настоящему моменту множество белых пятен (см.: [4. С. 191; 5. С. 73]). Введение в научный оборот неопубликованных писем к поэту дают важный биографический материал, характеризующий процесс формирования литературной репутации Жуковского как писателя карамзинского лагеря в первое десятилетие его литературной деятельности.

Если судить по публикациям В.А. Жуковского, то местом, где началось освоение им литературного поприща, был московский Университетский благородный пансион, где он учился в 1797–1799 гг. Именно в пансионе определились контуры литературного содружества, в котором началось развитие поэтического дарования Жуковского. Там завязались и ценные для него в дальнейшем связи с русскими литераторами старшего поколения. Важную роль в этом процессе сыграли И.П. Тургенев, директор Московского университета, отец ближайших друзей Жуковского, и А.А. Прокопович-Антонский, руководитель пансиона. Участники масонского движения, они исповедовали единые педагогические принципы, связывая их с просвещением и развитием нравственности в русле общеевропейских идей и представлений о высоком назначении человека. В среде русских масонов-просветителей формировалось мировоззрение и проходило творческое становление Жуковского (см.: [6]).

А.А. Прокопович-Антонский был убежденным сторонником идеи неразрывности просвещения и религии. В книге «О воспитании» (1798. 1-е изд.) он утверждал: «...религия, преобразующая, обновляющая внутреннего человека, возносящая его над всем бренным, ничтожным и отверзающая пред ним врата неба! Ею, сладким и спасительным ее учением да напояется жаждающее сердце юноши; да вникнет в душу его тот страх Господень, тот священный страх, который есть начало премудрости, основание и утверждение всякой добродетели...»; по мнению автора, подлинно христианское воспитание чуждо суеверию и «мрачной лже-святости» [6. С. 48–49]. «Просвещение ума и образование сердца» в христианском духе ведет к познанию Бога, воспитанию гуманного отношения к своим ближним, почитанию высшей государственной власти [7. С. 18]¹. Отпечаток комплекса этих идей усматривается в таких стихотворениях юного Жуковского, как «Благоденствие России, устрояемое великим ея самодержцем Павлом Первым» (1797), «Добродетель» (1798), «Могущество, слава и благоденствие России» (1799).

Развитие литературных интересов и способностей воспитанников было одним из самых важных и плодотворных направлений в деятельности пансиона. Их сочинениям и переводам был открыт доступ в журнале, который в ту пору, когда на его страницах появилась первая в жизни Жуковского публикация сочинений, во-первых, в прозе («Мысли про гробницу», 1797), а во-вторых, в стихах («Майское утро», 1797), назывался «Приятное и полезное препровождение времени». Пансион выпускал и свои издания, среди которых выделялся сборник «Утренняя заря». В течение 1800–1808 гг. вышло шесть книжек, хорошо составленных и отредактированных, что было заслугой, несомненно, А.А. Прокоповича-Антонского (он же был и цензором «Утренней зари»). В рецензии на третий ее выпуск 1805 г. М.Т. Качановский, не склонный к поверхностным комплиментарным отзывам, утверждал: «...всякий читатель, который знает, в чем состоит достоинство книги, найдет в ней для себя приятное занятие, многому научится, многое приведет себе на память»². Автор заключил свою рецензию весомым выводом: «Довольно сказать, что детские труды не уступают в достоинстве упражнениям многих людей *взрослых и опытных*» [10. С. 120, 125].

В предисловии к первой книжке «Утренней зари» общалось: «Несколько молодых благородных людей,

воспитываемых под надежным руководством благонамеренных попечителей, для успешнейшего образования своего вкуса и для большего усовершенствования себя в отечественной языке, собираются однажды в неделю читать свои сочинения и переводы, сообщают друг другу свои о том мысли и замечания и общими взаимными усилиями исправляют свои упражнения» [11. С. III]. Речь здесь идет о литературном Собрании воспитанников университета благородного пансиона, учрежденном в 1799 г. с целью «исправления сердца, очищения ума и вообще обрабатывания вкуса» [12. С. 38]. Первым председателем общества был избран Жуковский, почетными членами его стали Н.М. Карамзин и И.И. Дмитриев.

К 1800 г., когда Жуковский, покинув пансион, поступил на службу, определился круг его друзей, увлеченных, как и он, литературой. Менее года (с января 1801 г.) просуществовало в Москве Дружеское литературное общество, в которое входили В.А. Жуковский, Андрей И. и Александр И. Тургеневы, А.Ф. Мерзляков, А.С. и М.С. Кайсаровы, А.Ф. Воейков, С.Е. Родзянко, А.М. Офросимов. В бумагах общества сохранились выступления («речи») его участников, посвященные проблематике нравственного самосовершенствования и формирования «внутреннего человека» (см.: [2. Т. 8. С. 460]). Они касались и современной русской литературы с обозначением тех начал, которые были попорчены литературной модой. А.С. Кайсаров, самый яркий критик этой моды, называл его «пустым карамзинизмом» [13. С. 15, 72, 76–79, 81], и эта оценка поддерживалась выступлениями Анд. Тургенева, Мерзлякова, Воейкова³.

В круг критиков Н.М. Карамзина на этом этапе входил и Д.Н. Блудов, которого Н.И. Греч впоследствии называл «самым исступленным карамзинистом» [17. С. 494–495]. Блудов, не будучи членом Дружеского литературного общества, был хорошо осведомлен о полемике в нем. «И в литературной, и в более общей духовной области, – пишет В.Э. Вацура, – участники Дружеского литературного общества ощущали себя как единство, противопоставленное не только “карамзинистам”, но во многом и самому Карамзину. П.И. Шаликов, В.В. Измайлов для них – образцы “ложной чувствительности”» [18. С. 23, 20–36]. Неприятие сентиментализма было в высшей степени характерно для молодого Блудова, разделявшего самые острые выступления против карамзинского направления, звучавшие в Дружеском литературном обществе. Блудов пытался найти поддержку у Жуковского, обратившись в конце 1802 г. к сочинению комедии «Чувствительный», которая, как он его убеждал, не была направлена против Карамзина. Действительно, объектом сатиры в «Чувствительном» было «Путешествие в полуденную Россию» (1802) В.В. Измайлова как образец модного сентиментализма. О своей комедии Блудов неоднократно писал Жуковскому в начале 1803 г. (см.: [19. С. 42–47]). Ему же он послал и подробный план двух действий комедии (см.: [20. С. 289–294; 21. С. 356–359]). Замысел комедии Блудова «Чувствительный» имел ряд достоинств, способных обеспечить ей успех у зрителей. Более того, работа над ней свидетельствовала о хорошем чутье молодого автора, подводившего

его к свежей и актуальной для русской сцены проблематике. Замысел Блудова, что удивительно, значительно опережал антисентименталистскую комедию «Новый Стерн» (1805) кн. А.А. Шаховского, весьма восприимчивого ко всему, что сулило театральный успех. Можно не сомневаться, что работу Блудова над комедией «Чувствительный» остановил в 1803 г. именно Жуковский. Он не мог отнестись благосклонно к замыслу, задевавшему литературное направление, которому дал свое имя Карамзин.

В начале 1804 г. в упоминаниях Блудова о Карамзине, содержащихся в письмах к Жуковскому, продолжала сквозить ирония, как, например, в письме от 1 февраля: «Что подделывает г. Карамзин? Правда ли, что он пишет историю России? Правда ли, что он снова женился?» [22. С. 93]. Карамзин был пожалован в историографы императорским указом 31 октября 1803 г., и это событие могло напомнить Блудову о герое его неоконченной комедии «Чувствительный», который горделиво вещал о своих «глубоких замечаниях для России» и скором знакомстве с ними государя. Тон же вопрошения Блудова о свадьбе намекал, по-видимому, на пародийное «описание бракосочетания господина К<арамзина>» А. С. Кайсарова, созданное в пору Дружеского литературного общества: это была «вольная юмористическая персифляция церковного обряда бракосочетания, написанная литературным тоном нежно-чувствительного настроения, в котором, однако, чувствуется <...> дерзновенное осмеяние сентиментального карамзинского стиля» [14. С. 150]. После знакомства с Карамзиным, которое произошло в Москве осенью 1804 г. благодаря посредничеству Жуковского [23], Блудов оценил позицию своего друга в решении участи начатой, но оставленной им без завершения комедии. Он навсегда был покорен личностью Карамзина, упоминания о котором в его письмах окрашиваются в тона особого уважения и интереса.

Как выступление Жуковского в Дружеском литературном обществе в 1801 г., посвященное защите «души чувствительной» [2. Т. 8. С. 219], так и его переписка с Блудовым 1802–1804 г. свидетельствуют, что он осознавал себя частью именно того литературного направления, во главе которого стоял Карамзин, и готов был отстаивать его в полемике с друзьями. В письме от 21 января 1804 г. к Блудову Жуковский уточнял свою позицию, признавая некоторую справедливость критики со стороны друзей, но настаивая на актуальности исканий литераторов-сентименталистов: «Нужно ненавидеть сентиментальность, но нужно питать свою чувствительность, потому что без нее мир, даже жизнь, есть лишь небытие» [2. Т. 15. С. 21]. Это высказывание можно считать отголоском того, что было высказано Жуковским в связи с критикой задуманной Блудовым антисентименталистской комедии «Чувствительный» (его письма о ней к Блудову не сохранились).

Высказывалось мнение о том, что с публикации первого стихотворения в декабрьском номере за 1802 г. «Вестника Европы» «начинается история личных взаимоотношений двух писателей, нашедшая непосредственное отражение в творчестве Жуковского» [4. С. 191]. В действительности же развитие личных контактов Жуковского с Карамзиным началось ранее (см.:

[5. С. 73–74]), но приняло более интенсивный характер в начале октября 1802 г. Конспективные записи о Карамзине в кратком дневнике (журнале) Жуковского «Прошедшая жизнь», составленном в 1805–1806 гг., отражают ход этих событий сбивчиво и с пропусками [2. Т. 13. С. 33], о чем свидетельствуют неопубликованные письма Е.А. Протасовой к Жуковскому в Москву. Ее покойный муж был родным братом первой жены Карамзина, которая скончалась во время родов в начале 1802 г. Таким образом, Жуковский, единокровный брат Е.А. Протасовой, был свойственником Карамзина, а ее дочери Маша и Саша Протасовы приходились Карамзину, по покойной жене, племянницами.

Е.А. Протасова писала Жуковскому в Москву в конце 10-х чисел октября 1802 г. (это был ответ на его первое, несохранившееся, письмо после приезда в Москву): «Очень радуюсь, что Николай Михайлович так с тобой хорошо обошелся. Ходи, милый, к нему почаще и пиши ко мне о нем, также и о милой Сонюшке <дочери Карамзина>, улыбается ли она и не похожа ли на которую из моих малюток» [24. Л. 9–9 об., без даты]. В конце октября 1802 г. Е.А. Протасова еще раз с удовлетворением написала: «Очень меня радует, что ты видишься с Николаем Мих<айловичем>»⁴ [25. Л. 11 об., без даты]. Через Жуковского Протасова пересылала Карамзину письма и свои («Посылаю тебе письмо к Николаю Михайловичу, которое отвези сам непременно, отдай поскорее как можно, а ко мне напиши его адрес...») [25. Л. 4 об., без даты], и родственников⁵. В ответе Протасовой от 22 декабря 1802 г. Карамзин писал, называя ее «любезной сестрицей» и вспоминая свою покойную жену: «Родные, друзья нежной моей подруги суть истинные родные и друзья моего сердца» [26. Стб. 1691, подл. по-франц.]. Орловско-тульская родня Карамзина старалась напомнить ему о себе в ситуациях, когда ее круг расширялся, например, благодаря какой-нибудь свадьбе, причем посредником в налаживании нового контакта становился Жуковский. После того как А.П. Юшкова была помолвлена с В.И. Киреевским, Е.А. Протасова, ее тетка, обратилась к Жуковскому с просьбой в середине декабря 1804 г.: «Ежели можно было <бы> Карамзину написать к Василию Ивановичу, это бы лучше было»⁶ [25. Л. 16 об., без даты].

Карамзин читал родство, связывавшее его с родственниками первой жены. Карамзину не было безразлично, как они отнесутся к его второму браку. Февраль и первую половину марта 1804 г. Жуковский провел в близком общении с семьей Карамзина в Москве. Повидимому, Жуковскому предназначалась роль посредника в улаживании того недовольства, которое вызвала свадьба Карамзина, женившегося 8 января 1804 г. на Е.Н. Кольяновой, внебрачной дочери кн. А.И. Вяземского. Е.А. Протасова писала Жуковскому в начале февраля 1804 г.: «Карамзину желаю счастья, с его ветреностью он и может быть счастлив в здеешнем мире. Представь, он пишет к Марье Ивановне⁷: *un moment d'attendrissement vous attend ici: vous ne pouvez pas voir Sophie sans penser à sa mère*⁸. Это точно его слова, а все письмо наполнено описанием его счастья. Видно, судит по себе, что и все должны забыть Лизаньку, увидя

его жену, и можно ли назвать *attendrissement* те чувства, которые имеешь о потере милого человека. <...> Описывай мне об нем порядочно, я тебе все буду говорить, что об нем думаю. Знаю, что ты никому не скажешь и не покажешь» [25. Л. 24–24 об., без даты]. Жуковский, вероятнее всего, не разделял этих предвзятых мнений [26].

Неопубликованная переписка с Е.А. Протасовой приоткрывает завесу и над остающимся нерешенным вопросом о тех произведениях, которые избирал для перевода Жуковский в первые годы после окончания им пансиона. 8 ноября 1802 г. Е.А. Протасова, отвечая на несохранившееся письмо Жуковского из Москвы, выразила одобрение его ближайшим литературным планам: «Расположение твое трудиться в переводе так, как ты описываешь, очень похвально» [25. Л. 6]. Достижения молодого переводчика в 1802 г. были весьма впечатляющими, поскольку у него вышли две книги. В июле 1802 г. вышел подготовленный Жуковским перевод прозаической «поэмы» Ж.-П.К. Флориана (Florian; 1755–1794) «Вильгельм Тель, или Освобожденная Швейцария»⁹, объявление о продаже которого было напечатано в «Московских ведомостях» [27]. В конце того же года вышел перевод либретто оратории Й. Гайдна «Времена года» («Die Jahreszeiten», 1-е исп. 1801), заказанный Жуковскому капельмейстером Петровского театра И.Ф. Керцелли для ее премьеры в Москве, состоявшейся в феврале 1803 г. О контактах с ним свидетельствует письмо Жуковского к Блудову от 15 августа 1802 г., с которым рукопись перевода была переслана в Москву [22. С. 65, 67].

История издания «Четырех времен года», выпущенного Жуковским анонимно [28], весьма примечательна. Издание Жуковского со стихотворным текстом перевода, ранее причислявшееся к разряду его «неизвестных сочинений», было атрибутировано и снабжено подробным комментарием лишь недавно [29]. Это был перевод на русский язык уже второй оратории Гайдна, причем либретто первой его оратории «Сотворение мира» («Die Schöpfung», 1-е исп. 1799) перевел Карамзин («Творение», 1801). В том и другом случае автором либретто был Г. ван Свитен (van Swieten; 1733–1803), имя которого не указывалось в первых немецких изданиях (его не было и в переводах Карамзина и Жуковского). Можно предположить, что Жуковский как возможный переводчик «Времен года» был назван капельмейстеру Петровского театра именно Карамзиным, причем произошло это не позднее мая 1802 г., когда Жуковский уволился со службы и уехал из Москвы на родину (где и перевел либретто).

Упоминание в письмах Протасовой о намерении «трудиться в переводе», сделанное в период самого интенсивного общения с Карамзиным, заставляет пристальнее взглянуть в планы молодого переводчика – в поисках среди них тех, которые им и были вдохновлены. Полагаем, именно Карамзиным был внушен план перевода только что вышедшей в Париже книги А.Ф.К. Феррана (Ferrand; 1751–1825) «Дух истории, или Письма отца к сыну о политике и морали» («L'esprit de l'Histoire, ou Lettres politique et morales d'un pere a son fils», 1802), который занимал Жуковского с конца 1802 г. вплоть до 1804 г. [2.

С. 602–693; 22. С. 81, 85–86]. Замысел многократно упоминался в его переписке и исчез только после смерти Андрея Тургенева, совместно с которым перевод и должен был осуществиться. Можно предположить, что обсуждение переводческих работ с Карамзиным в конце 1802 г. коснулось и книги Ж.-П.-К. де Флориана, над которой Жуковский начал работать в 1803 г. Перевод вышел в январе 1804 г. под названием «Дон Кишот» и был удостоен благожелательного отклика в «Вестнике Европы» (см. ниже).

Таким образом, в творческой работе Жуковского 1800-х гг. обнаруживается его позиция последовательного карамзиниста, причем с отстаиванием своих принципов в дружеском общении и четким отделением «дурной сентиментальности» от подлинной чувствительности, которую необходимо пестовать в своей душе и разрабатывать на литературной почве в России. Это было закреплено появлением его стихотворения «Сельское кладбище» (1802) в декабре 1802 г. на страницах журнала Карамзина «Вестник Европы». К тому моменту, когда Жуковский в начале октября появился в Москве, в его руках уже было это стихотворение в законченном виде [2. Т. 1. С. 436]. Даже для близких друзей Жуковского появление «Сельского кладбища» было поразительным свидетельством его таланта. Блудов в конце декабря 1802 г. написал Жуковскому, отмечая «полноту» (т.е. полноту), чистоту и «важную гармонию» всего стихотворения: «...твоя элегия не только для твоих лет, но и для всяких лет прекрасна. <...> я с истинным удовольствием учу твои стихи наизусть»; в следующем же письме, от 22 января 1803 г., он назвал Жуковского «*Великим человеком*», предвидя для него славную будущность [22. С. 75, 77]. Именно после публикации «Сельского кладбища» имя Жуковского начинает появляться и в рецензиях на страницах русских журналов, что важно, в качестве карамзиниста, с четко определенной литературной позицией.

Впервые оценка творческой работы Жуковского прозвучала в 1803 г. в журнале «Московский Меркурий» в рецензии его издателя П.И. Макарова на первый и второй выпуски сборника «Утренняя заря» (1800, 1803). По воспоминаниям Ф.Ф. Вигеля, «Петр Иванович Макаров был отличный критик, ученый, добросовестный, беспристрастный, пристойный» [30]. В своей рецензии П.И. Макаров не останавливается на содержательной стороне трудов воспитанников университетского благородного пансиона. В первую очередь его интересует лишь язык, стилистика, качество переводов, поэтому он предупреждает читателей, что в «Утренней заре» они «наймут несколько философический пиес, довольно хорошо переведенных». Он приводит названия трех опусов, напечатанных без подписи. «Но мы, – говорит далее рецензент, – оставим *переводы* и – для примера – возьмем *сочинения*. Друзья отечественной литературы поражаются таланту молодых наших писателей – таланту, ожидающему единственно зрелости и тех идей, которые приобретаются не иначе как долговременным наблюдением света» [31. С. 180–181]. Среди «молодых наших писателей» (а Макаров называет из них только двух) фигурирует В. Жуковский, фамилия которого приведена под его

прозаической миниатюрой «Мысли на кладбище» [31. С. 181–183] (см.: [2. Т. 8. С. 41, 443–444]), перепечатанной в «Московском Меркурии» полностью. Лестный отзыв П.И. Макарова относился, по-видимому, и к другим сочинениям Жуковского из «Утренней зари», как в прозе («К надежде», «Истинный герой», 1800), так и в стихах («Могущество, слава и благоденствие России», 1799; «К Тибуллу. На прошедший век», 1800; «Мир», 1800; «Человек», 1801; «Стихи, сочиненные в день моего рождения», 1803). Вторую книжку «Утренней зари» украшала и перепечатка из «Вестника Европы» элегии «Сельское кладбище».

Журнальная рецензия с титулованием Жуковского писателем оставила в его памяти, по-видимому, глубокий след. Об этом можно судить по истории перепечатки другого сочинения, поставленного Макаровым в один ряд с «Мыслями на кладбище» Жуковского. Характеристика «молодые наши писатели» была отнесена им еще и к И.А. Петину (1788–1813). В рецензии «Московского Меркурия» была перепечатана его басня под названием «Солнечные часы» [31. С. 184]. В.П. Степанов считал басню «ничем не выдающейся», лишь случайно попавшей в изданное Жуковским «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских» (1811. Ч. 3), а затем и в другие подобные сборники [33. С. 571]. В действительности же «Солнечные часы» давали яркий содержательно-стилистический контраст «Мыслям на кладбище» Жуковского (тексты в рецензии шли один за другим), обнаруживая те особенности дарования П.И. Макарова, которые позволяли его журналу быть достаточно популярным и уступать лишь «Вестнику Европы» Карамзина. Вот начало басни Петина: «На улице большой, широкой, // На башне не весьма высокой, // Для пользы или для красоты, // Стояли Солнечны часы». Еще более яркий контраст «Мыслям на кладбище» дала бы другая басня Петина из «Утренней зари» под названием «Осел и лев на звериной ловле», которая заканчивалась сентенцией льва: «Но если бы и заяц знал, // Что крик в лесу был крик ослиный, // Бессильный, подлый крик скотины, // То б из лесу не побежал // И на тебя бы наплевал». В примечании именно к этой басне составитель «Утренней зари» утверждал, что автор «имеет дар поэзии» [11. С. 61]. Это был дар баснописца с оригинальным сочетанием юной неискренности и особой, непосредственной «прозаичности» в изложении аллегорического сюжета.

Рецензия М.Н. Каченовского на перевод Жуковского «Дон Кишот» (1-е изд.) вышла в «Вестнике Европы» в 1806 г. в рубрике «Новая книга» [34]. Журнал, причем далеко не в каждом номере, давал отклики только на переводные русские книги. До статьи об издании Жуковского рецензии такого рода публиковались в рубрике «Критика». В декабре 1806 г. из «Вестника Европы» она исчезла и была заменена рубрикой «Новая книга». Эта замена была связана с имевшей большой резонанс в московской писательской среде придирчивой, объемной (в двух номерах журнала!) критикой Каченовского на третью часть «Сочинений и переводов» (1805) И.И. Дмитриева (см. об этом: [35. С. 44–45]). Негодующие высказывания об этой критике Дмитриев запечатлел в письмах к Жуковскому 1806 г. [36. С. 413–416].

Рубрика «Новая книга» не предполагала какого-либо критического разбора. Каченовский приветствовал перевод Жуковского как «приятнейшее одолжение любителям отечественной словесности», подчеркнув, что им была предложена «такая книга, которая переведена и беспрестанно переводится на все языки и которую <...> люди всякого звания читают с великим удовольствием». Он одобрил выбор издания, с которого был сделан перевод Жуковского, поскольку Флориан в своем переложении «некоторые места переменял, другие выпустил», так как «сего требовал <...> вкус нынешнего времени» [34. С. 286, 292].

Жуковский переводил с французского издания Сервантеса, подготовленного Ж.-П.-К. де Флорианом (Florian; 1755–1794). В 1798–1799 гг. в Париже были выпущены два перевода Флориана, шеститомное и трехтомное. Источником перевода Жуковского было посмертное издание, подготовленное Флорианом, в шести томах: *Don Quichotte de la Manche: Ouvrage posthume / Trad. de l'esp. de Michel de Cervantès par Florian*: Paris: Impr. de P. Didot l'aîné [etc.], 1799. V. 1–6 (указано И.А. Айзиковой; см. также: [2. Т. 9. С. 449, 469–470]).

Дав краткий биографический экскурс о Сервантесе (в именовании Каченовского, Михаил Сервант Саavedра), рецензент привел «приятный и занимательный» отрывок из главы XIV четвертого тома издания Жуковского, поскольку он «соответствует плану журнала» (т.е. программе «Вестника Европы»). Каченовский не сомневался в том, что читатели сами сумеют оценить высокое качество перевода и поймут, «к какому классу переводчиков надлежит причислять г-на Жуковского» [34. С. 287–288]. «Разговор между Дон Кишотом и ламанхским дворянином», приведенный в «Вестнике Европы», касался судьбы сына последнего: «Ему осьмнадцать лет; он <...> знает по-гречески, по-латыни, но, по несчастию, так привязался к поэзии, что перестал думать о других науках <...> Отечественных поэтов почитает он маловажными; презирает все новые языки: то, что написано не по-гречески и не по-латыни, кажется ему посредственным и недостойным никакого внимания». На это огорченный родитель получает ответ от Дон Кишота: «...недостатки детей не

должны уменьшать любви родительской. Отцы, без сомнения, обязаны <...> руководствовать, наполняя сердца их любовию к добродетели; но если дети уже в летах <...> если чувствуют решительную склонность к тому, а не к другому званию, к той, а не к другой науке, то, кажется мне, отцы и матери не имеют никакого права их неволить. <...> вы напрасно не радуетесь привязанности вашего сына к поэзии. Она есть прелестная, цветущая дева, которой приятностям, блеску и скромной стыдливости удивляются и уступают пальму все прочие науки <...> Счастлив молодой человек, привязанный к поэзии! <...> Она сделает его счастливым, славным и добродетельным».

Относительно же предпочтения классических языков перед отечественным (здесь, вероятно, содержалась аллюзия на распространенность французского языка в России) Дон Кишот говорит следующее: «...если сочинение не нравится, то виноват не язык, а один сочинитель. Если он рожден поэтом, если душа его чувствительна и пламенна, без чего и самый упорный труд ничего не значит, то язык его будет приятен и привлекателен <...> Не противьтесь его страсти к стихам: только советуйте <...> прославлять и воспламенять в людях одни благородные чувства добродетели, и, наконец, не забывать никогда, что истинный гений в сердце, а не в голове; что перо есть орган души; что самое верное средство пленять верным изображением добродетели есть быть самому добродетельным» [34. С. 288–291].

Два ранних критических отклика, относящихся к первому десятилетию литературной деятельности Жуковского, были связаны, что важно, не со стихами, а с прозой. Стихами Жуковского наполнился «Вестник Европы» уже в следующем, 1807 г., но это были большей частью пробные тематико-жанровые опыты его пера (басни, эпиграммы), в которых отдаленно угадывалось дарование проникновенного поэта-лирика. В критических заметках 1803–1806 гг. он предстает как хороший стилист, владеющий актуальной для русской литературы первого десятилетия XIX в. проблематикой чувствований человека добродетельного и образованного.

Примечания

¹ О философско-религиозных основаниях преподавания и воспитания в пансионе см.: [8. С. 13–49; 9].

² Слова «многое приведет себе на память» относились к источникам переводов, которые Каченовский назвал в рецензии, демонстрируя свою эрудицию и оценивая попутно мастерство переводчика.

³ Об этой стороне деятельности Дружеского литературного общества см.: [14. С. 147–148; 15. С. 18–76; 16. С. 354–357].

⁴ См. еще одно упоминание такого рода в письме Е.А. Протасовой к Жуковскому от конца декабря 1802 г.: «Давно ли ты был у Карамзина, что его крошечка, здоров ли он сам?» [25. Л. 12 об., без даты].

⁵ См. письмо Е.А. Протасовой к Жуковскому от 9 декабря 1802 г. с упоминанием письма от В.И. Протасова, дяди покойной жены Карамзина [25. Л. 8].

⁶ Было ли Карамзиным написано письмо к В.И. Киреевскому в связи с его свадьбой, о котором просила Е.А. Протасова, неизвестно. По-видимому, просьба ее, звучавшая в разрез с принятым обычаем, когда жених сам представлялся в письмах своим будущим родственникам, была связана со сложным характером Киреевского.

⁷ М.И. Протасова, сестра покойной Е.И. Карамзиной.

⁸ Вы найдете здесь повод для умиления: глядя на Софию, невозможно не подумать о ее матери (фр.).

⁹ Установление времени выхода книги дополняет комментарий в издании [2. Т. 9. С. 470–471].

Список источников

1. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1904. XII+546 с.
2. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 1999–2019. Т. 1–16. Томск : Из-во Том. гос. ун-та, 2024. Т. 17.

3. Коропова М.А. Жуковский и Карамзин: к проблеме литературной преемственности // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2003. Т. 62, № 1. С. 60–66.
4. Кочеткова Н.Д. Жуковский и Карамзин // Жуковский и русская культура. Л. : Наука, 1987. С. 190–217.
5. Фрик Т.Б. «Жуковский есть истинный наш брат»: Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский (к проблеме «Карамзин и его окружение») // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 72–80. doi: 10.17223/15617793/483/7
6. Янушкевич А.С. Жуковский и масонство // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 179–192.
7. Прокопович-Антонский А.А. О воспитании. М. : Универс. тип., 1818. 74 с.
8. Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма : Князь В.Ф. Одоевский. М. : М. и С. Сабашниковы, 1913. Т. 1, ч. 1. 616 с.
9. Ратников К.В. Преемственность идеалов религиозно-нравственного воспитания в русской журналистике рубежа XVIII–XIX веков (по материалам работ Н.И. Новикова, А.А. Прокоповича-Антонского и Н.М. Карамзина) // Медиасреда-2006 : альманах факультета журналистики Челябин. гос. ун-та. Челябинск, 2008. С. 77–90.
10. [Каченовский М.Т.] Критика. Утренняя заря. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона. Книжка 3. М., 1805 // Вестник Европы. 1806. Ч. 26, № 6. С. 120–125.
11. Утренняя заря. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона. М. : Универс. тип., 1800. Кн. 1. 211 с.
12. Сушков Н.В. Московский университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, Университетского благородного пансиона и Дружеского общества. М. : Универс. тип., 1858. 222 с.
13. Архив братьев Тургеневых. СПб. : Отд-е рус. языка и словесности Имп. Акад. наук, 1911. Вып. 2 : Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804) и письма его к А.С. Кайсарову и друзьям в Геттинген 1805–1811 гг. / введ. и примеч. В.М. Истрина. 527 с.
14. Резанов В.И. Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского. СПб. : Сенат. тип., 1906. Вып. 1. 362 с.
15. Лотман Ю.М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958 (Tartu riikliku ülikooli toimetised = Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 63). 190 с.
16. Вацуру В.Э., Виролойнен М.Н. Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л. : Наука, 1987. С. 350–431.
17. Греч Н.И. Записки о моей жизни. М. ; Л. : Academia, 1930. 896 с.
18. Вацуру В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб. : Наука, 1994. 240 с.
19. Березкина С.В. Театральные замыслы молодого Дмитрия Блудова (по неопубликованным письмам к В.А. Жуковскому 1802–1804 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 41–49. doi: 10.17223/15617793/479/4
20. Майофис М.Л. Консервативное крыло общества «Арзамас» : Литературная и общественно-политическая позиция С.С. Уварова, Д.Н. Блудова, Д.В. Дашкова : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 328 с.
21. Майофис М.Л. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М. : Нов. лит. обозрение, 2008. 799 с.
22. Березкина С.В., Дмитриева Н.Л. «Любезный друг Жуковский...» (Письма Д.Н. Блудова к В.А. Жуковскому, 1801–1917) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2023 год. СПб. : Полиграф, 2023. С. 55–117.
23. Березкина С.В., Дмитриева Н.Л. О знакомстве Д.Н. Блудова с Н.М. Карамзиным (по письмам к В.А. Жуковскому 1804 г.) // Словесность и история. 2023. № 4. С. 127–140.
24. Письма родственникам к В.А. Жуковскому. 1802. 8 писем. 14 л. // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 104. Карт. 6. № 41.
25. Письма Е.А. Протасовой к В.А. Жуковскому. Нач. 1790-х–1805. 16 писем. 28 л. // НИОР РГБ. Ф. 104. Карт. 8. № 11.
26. [Бартенев П.И.] Из бумаг В.А. Жуковского // Русский архив. 1870. № 9. С. 1682–1723.
27. [Объявления о новых книгах] // Московские ведомости. 1802. 12 июля. № 56. С. 794.
28. Четыре времени года. Музыка сочинения Гайдена. М. : Универс. тип., 1802. 33 с.
29. Березкина С.В. Перевод либретто оратории Й. Гайдена «Времена года» – неизвестное произведение В.А. Жуковского // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 34–58. doi: 10.17223/24099554/18/2
30. Вигель Ф.В. Записки. Изд. «Русского архива» (дополненное с подлинной рукописи). М. : Универс. тип., 1892. Ч. 3. С. 137.
31. [Макаров П.И.] Утренняя заря. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона. М., 1800 и 1803. Книжка первая и вторая // Московский Меркурий. 1803. Ч. 2. № 6. С. 180–184.
32. Утренняя заря. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона. М. : Универс. тип., 1803. Кн. 2.
33. Степанов В.П. Петин Иван Александрович // Русские писатели 1800–1917: Биограф. словарь. М. : Больш. рос. энциклопедия ; Филонит, 1999. Т. 4. С. 570–571.
34. [Каченовский М.Т.] Новая книга. Дон Кишот Ламанский. Сочинение Серванта. Переведено с французского Флориана перевода В. Жуковским : в 6 т. <...> Москва. В типографии Платона Бекетова // Вестник Европы. 1806. Ч. 30, № 24. Декабрь. С. 286–292.
35. Вацуру В.Э. И.И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // Пушкинская пора. СПб. : Акад. проект, 2000. С. 9–57.
36. [Бартенев П.И.] Письма И.И. Дмитриева к В.А. Жуковскому // Русский архив. 1871. № 3. С. 409–430.

References

1. Veselovskiy, A.N. (1904) V.A. Zhukovskiy. Poeziya chuvstva i "serdechnogo voobrazheniya" [V.A. Zhukovsky. Poetry of Feeling and "Heartfelt Imagination"]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
2. Zhukovskiy, V.A. (2024) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 volumes]. Vol. 17. Tomsk: Tomsk State University.
3. Koropova, M.A. (2003) Zhukovskiy i Karamzin: k probleme literaturnoy preemstvennosti [Zhukovsky and Karamzin: on the Problem of Literary Continuity]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 62 (1). pp. 60–66.
4. Kochetkova, N.D. (1987) Zhukovskiy i Karamzin [Zhukovsky and Karamzin]. In: *Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [Zhukovsky and Russian Culture]. Leningrad: Nauka. pp. 190–217.
5. Frik, T.B. (2022) "Zhukovsky is our true brother": Nikolay M. Karamzin and Vasily A. Zhukovsky (on the problem of Karamzin and his circle). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 72–80. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/7
6. Yanushkevich, A.S. (2000) Zhukovskiy i masonstvo [Zhukovsky and Freemasonry]. In: *Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX vv.* [Freemasonry and Russian Literature of the 18th – early 19th Centuries]. Moscow: Editorial URSS. pp. 179–192.
7. Prokopovich-Antonskiy, A.A. (1818) *O vospitanii* [On Education]. Moscow: Univers. tip.
8. Sakulin, P.N. (1913) *Iz istorii russkogo idealizma: Knyaz' V.F. Odоеvskiy* [From the history of Russian idealism: Prince V.F. Odоеvsky]. Vol. 1, Part 1. Moscow: M. i S. Sabashnikovy.
9. Ratnikov, K.V. (2008) Preemstvennost' idealov religiozno-nravstvennogo vospitaniya v russkoy zhurnalistike rubezha XVIII–XIX vekov (po materialam rabot N.I. Novikova, A.A. Prokopovicha-Antonskogo i N.M. Karamzina) [Continuity of ideals of religious and moral education in Russian journalism at the turn of the 19th century (based on the works of N.I. Novikov, A.A. Prokopovich-Antonsky and N.M. Karamzin)]. In: *Mediasreda-2006: al'manakh fakul'teta zhurnalistiki Chelyabin. gos. un-ta* [Mediasreda-2006: Almanac of the Journalism Faculty of Chelyabinsk State University]. Chelyabinsk. pp. 77–90.

10. Kachenovskiy, M.T. (1806) *Kritika. Utrennyaya zarya. Trudy vospitannikov Universitetskogo blagorodnogo pansiona*. Knizhka 3. M., 1805 [Criticism. Morning Dawn. Works of the students of the University Noble Boarding School. Book 3. Moscow, 1805]. *Vestnik Evropy*. 26 (6). pp. 120–125.
11. Anon. (1800) *Utrennyaya zarya. Trudy vospitannikov Universitetskogo blagorodnogo pansiona* [Morning Dawn. Works of the students of the University Noble Boarding School]. Book 1. Moscow: Univers. tip.
12. Sushkov, N.V. (1858) *Moskovskiy universitskiy blagorodnyy pansion i vospitanniki Moskovskogo universiteta, gimnazii ego, Universitetskogo blagorodnogo pansiona i Druzheskogo obshchestva* [Moscow University Noble Boarding School and students of Moscow University, its gymnasiums, the University Noble Boarding School and the Friendly Society]. Moscow: Univers. tip.
13. Istrin, V.M. (ed.) (1911) *Arkhiv brat'ev Turgenevykh* [Archive of the Turgenev Brothers]. Vol. 2. St. Petersburg: Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences.
14. Rezanov, V.I. (1906) *Iz razyskaniy o sochineniyakh V.A. Zhukovskogo* [From research on the works of V.A. Zhukovsky]. Vol. 1. St. Petersburg: Senat. tip.
15. Lotman, Yu.M. (1958) *Andrey Sergeevich Kaysarov i literaturno-obshchestvennaya bor'ba ego vremeni* [Andrei Sergeevich Kaisarov and the literary and social struggle of his time]. Tartu, *Tartu riikliku ülikooli toimetised = Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 63.
16. Vatsuro, V.E. & Virolaynen, M.N. (1987) *Pis'ma Andrey Turgeneva k Zhukovskomu* [Letters of Andrei Turgenev to Zhukovsky]. In: *Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [Zhukovsky and Russian Culture]. Leningrad: Nauka. pp. 350–431.
17. Grech, N.I. (1930) *Zapiski o moyey zhizni* [Notes on My Life]. Moscow; Leningrad: Academia.
18. Vatsuro, V.E. (1994) *Lirika pushkinskoy pory. "Elegicheskaya shkola"* [Lyrics of the Pushkin Era. "The Elegiac School"]. St. Petersburg: Nauka.
19. Berezkina, S.V. (2022) *Theatrical Plans of Young Dmitry Bludov (Based on Unpublished Letters of 1802–1804 to Vasily Zhukovsky)*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 41–49. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/4
20. Mayofis, M.L. (2002) *Konservativnoe krylo obshchestva "Arzamas": Literaturnaya i obshchestvenno-politicheskaya pozitsiya S.S. Uvarova, D.N. Bludova, D.V. Dashkova* [Conservative Wing of the Arzamas Society: Literary and Socio-Political Position of S.S. Uvarov, D.N. Bludov, D.V. Dashkov]. Philology Cand. Diss. Moscow.
21. Mayofis, M.L. (2008) *Vozzvanie k Evrope: literaturnoe obshchestvo "Arzamas" i rossiyskiy modernizatsionnyy proekt 1815–1818 godov* [Appeal to Europe: Literary Society "Arzamas" and the Russian Modernization Project of 1815–1818]. Moscow: Nov. lit. obozrenie.
22. Berezkina, S.V. & Dmitrieva, N.L. (2023) *"Lyubeznyy drug Zhukovskiy..." (Pis'ma D.N. Bludova k V.A. Zhukovskomu, 1801–1917)* ["Dear friend Zhukovsky..." (Letters of D.N. Bludov to V.A. Zhukovsky, 1801–1917)]. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2023 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2023]. St. Petersburg: Poligraf. pp. 55–117.
23. Berezkina, S.V. & Dmitrieva, N.L. (2023) *O znakomstve D.N. Bludova s N.M. Karamzinym (po pis'mam k V.A. Zhukovskomu 1804 g.)* [On D.N. Bludov's acquaintance with N.M. Karamzin (based on letters to V.A. Zhukovsky in 1804)]. *Slovesnost' i istoriya*. 4. pp. 127–140.
24. Research Department of Manuscripts of the Russian State Library (NIOR RGB). Fund 104. Cardfile 6. Item 41. *Pis'ma rodstvennikov k V.A. Zhukovskomu. 1802. 8 pisem. 14 l.* [Letters from relatives to V.A. Zhukovsky. 1802. 8 letters. 14 p.].
25. Research Department of Manuscripts of the Russian State Library (NIOR RGB). Fund 104. Cardfile 8. Item 11. *Pis'ma E.A. Protasovoy k V.A. Zhukovskomu. Nach. 1790-kh–1805. 16 pisem. 28 l.* [Letters from E.A. Protasova to V.A. Zhukovsky. Beginning of the 1790s–1805. 16 letters. 28 p.].
26. Bartenev, P.I. (1870) *Iz bumag V.A. Zhukovskogo* [From the papers of V.A. Zhukovsky]. *Russkiy arkhiv*. 9. pp. 1682–1723.
27. *Moskovskie vedomosti*. (1802) [Ob'yavleniya o novykh knigakh] [[Announcements of new books]]. 12 July. 56. p. 794.
28. Haydn, J. (1802) *Chetyre vremeni goda. Muzyka sochineniya Gaydena* [Haydn's The Seasons]. Moscow: Univers. tip.
29. Berezkina, S.V. (2022) *Translated Libretto of Joseph Haydn's Oratorio The Seasons -An Unknown Work by Vasily Zhukovsky. Imagologiya i komparativistika -- Imagology and Comparative Studies*. 18. pp. 34–58. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/18/2
30. Vigel', F.V. (1892) *Zapiski. Izd. "Russkogo arkhiva" (dopolnennoe s podlinnoy rukopisi)* [Notes. Published by "Russkiy arkhiv" (supplemented from the original manuscript)]. Part 3. Moscow: Univers. tip.
31. Makarov, P.I. (1803) *Utrennyaya zarya. Trudy vospitannikov Universitetskogo blagorodnogo pansiona*. M., 1800 i 1803. Knizhka pervaya i vtoraya [Morning Dawn. Works of the pupils of the University Noble Boarding School. Moscow, 1800 and 1803. Books One and Two]. *Moskovskiy Merkur*. 2 (6). pp. 180–184.
32. Anon. (1803) *Utrennyaya zarya. Trudy vospitannikov Universitetskogo blagorodnogo pansiona* [Morning Dawn. Works of the students of the University Noble Boarding School]. Book 2. Moscow: Univers. tip.
33. Stepanov, V.P. (1999) *Petin Ivan Aleksandrovich*. In: *Russkie pisateli 1800–1917: Biograf. Slovar'* [Russian writers of 1800–1917: Biographical dictionary]. Vol. 4. Moscow: Bol'sh. ros. entsiklopediya; Fionit. pp. 570–571.
34. Kachenovskiy, M.T. (1806) *Novaya kniga. Don Kishot Lamanskiy. Sochinenie Servanta. Perevedeno s frantsuzskogo Florianova perevoda V. Zhukovskim: v 6 t. <...> Moskva. V tipografii Platona Beketova* [New book. Don Quixote of la Mancha. Work by Cervantes. Translated from the French Florian translation by V. Zhukovsky: in 6 volumes. <...> Moscow. In the printing house of Platon Beketov]. *Vestnik Evropy*. 30 (24). December. pp. 286–292.
35. Vatsuro, V.E. (2000) *I.I. Dmitriev v literaturnykh polemikakh nachala XIX veka* [I.I. Dmitriev in literary polemics of the early 19th century]. In: *Pushkinskaya pora* [Pushkin's era]. St. Petersburg: Akad. proekt. pp. 9–57.
36. Bartenev, P.I. (1871) *Pis'ma I.I. Dmitrieva k V.A. Zhukovskomu* [Letters from I.I. Dmitriev to V.A. Zhukovsky]. *Russkiy arkhiv*. 3. pp. 409–430.

Информация об авторе:

Березкина С.В. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: s.berezkina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Berezkina, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskiy Dom) (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: s.berezkina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.06.2024;
одобрена после рецензирования 11.07.2024; принята к публикации 30.10.2024.

The article was submitted 21.06.2024;
approved after reviewing 11.07.2024; accepted for publication 30.10.2024.

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/15617793/507/2

Предварительная реконструкция языковой личности протопопа Аввакума

Александр Владимирович Загуменнов¹

¹ Вологодская духовная семинария Вологодской епархии Русской Православной Церкви, Вологда, Россия, zaw1991@mail.ru

Аннотация. Осуществляется предварительная реконструкция языковой личности протопопа Аввакума. Впервые данный объект исследования не только вписан в типологию, выработанную в российской лингвоперсонологии, но и учитывает замечания о конфессиональной принадлежности самого пишущего, что формирует две дополняющие друг друга системы описания. Частично реконструированы вербально-семантический уровень, лингво-когнитивный и мотивационный уровни языковой личности. Высказан ряд наблюдений и замечаний, являющихся итогом теоретико-методологической рефлексии над проделанной работой.

Ключевые слова: лексика, сложное слово, текст, языковая личность, лингвоперсонология

Для цитирования: Загуменнов А.В. Предварительная реконструкция языковой личности протопопа Аввакума // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 13–20. doi: 10.17223/15617793/507/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/2

Reconstruction of Archpriest Avvakum's language personality: To the issue's formulation

Alexandr V. Zagumennov¹

¹ Vologda Theological Seminary, Diocese of Vologda, Russian Orthodox Church, Vologda, Russian Federation, zaw1991@mail.ru

Abstract. The aim of this article is a partial reconstruction of Archpriest Avvakum's language personality with the discussion of the key issues at each stage of modeling. The materials for the research is texts published in Volume 29 of the *Russian Historical Library*. Special attention is drawn to three editions of the *Life of Archpriest Avvakum, Written by Himself*, the *Book of Reproofs*, or the *Eternal Gospel*, and his letters to various persons. The methodology of the work includes description, contextual analysis, comparison, juxtaposition, sampling, reconstruction, and modeling. For the first time in the Russian science, I include the language personality of Archpriest Avvakum into the established typology of language personalities. I introduce a metatheoretical opposition: coordinates of the external description/coordinates of the internal manifestation for a systematic presentation of the typology that I have revealed. The certification of the type of Archpriest Avvakum's language personality includes comments and links to scientific publications. I propose various scenarios for the reconstruction of the "grammatical" knowledge of Archpriest Avvakum. I briefly describe three research scenarios, including the description of lexically expressed conceptual fields, the analysis of complex words by the first and the second elements and, finally, the consideration of specific lexical units in their syntactic relations. When disclosing the last of these research scenarios, I found out that in all three editions of the *Life...* there are no adjectival phrases that include elements *blag-* + *-slov-*, *blag-* + *-da-ti-*, *blag-* + *chest-* in the main composite word, although according to the calculations, words with *blag-* (благ-) are dominant in terms of the usage number in all the three editions. I criticize the research scenario, which would involve modeling the conceptual structure "God" on the material of Archpriest Avvakum's works. At this point in my reasoning I do not proceed from theory, but from the material, citing fragments from the writings that explicate the dogmatic confession, but not the understanding of the consubstantial Trinity (Father, Son, Holy Spirit). Instead, I propose a scenario for modeling Russia as a conceptual structure, which appears in the texts of the ideologue of the Old Faith as a territory, as a guardian of faith, as a community of believers who have departed from God, and as a land that God punishes for departing from faith. The communicative and active need to protect one's own church and its way of life is described in the first approximation; however, ways of its implementation turn out to be very multifaceted. As an example, I mention a fragment from a letter in which Avvakum talks about the unacceptable behavior of the Greek archimandrite in the Russian land. In conclusion, I present the interim results and outline prospects for further research.

Keywords: vocabulary, compound word, text, language personality, linguopersonology

For citation: Zagumennov, A.V. (2024) Reconstruction of Archpriest Avvakum's language personality: To the issue's formulation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 13–20. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/2

Вот уже более полувека [1] в отечественной лингвистике наблюдается неугасающий интерес к языковой личности – носителю языка, реконструированному в основных своих чертах «на базе языковых средств» [2. С. 38]. Это понятие (нередко критикуемое [3, 4]) становится ключом к изучению человека во всех его коммуникативных связях. Рассматриваем ли мы говорящего как хранителя регионального речевого этикета [5], его идентичность в эпоху перемен [6], креативность [7] или же ведем разговор о теоретической модели [8–10] – все в конечном счете связано с носителем языка. При этом до сих пор остается актуальной историческая лингвоперсонология [11–15]. Этому направлению, реконструирующему языковую личность отдаленной по времени эпохи, свойствен исследовательский парадокс: чем масштабнее и значимее для культуры пишущий, тем сложнее его моделировать как уровневую структуру.

В качестве примера можно привести идеолога староверия, главного противника церковных реформ XVII в. протопопа Аввакума. На данный момент изучены фонетика [16], словообразование [17], лексика [18], морфология [19], синтаксис [20] его сочинений, вновь поднимаются вопросы о жанрах [21] и идейно-философской составляющей [22] его текстов. При этом богатстве разрозненных наблюдений в самой лингвоперсонологии до сих пор нет цельной реконструкции языковой личности протопопа Аввакума. Преодолеть сложившееся положение в разное время пытались Е.Н. Бекасова [23], Е.А. Миронова [24] и Д.Б. Терешкина [25]. Эти работы – необходимый, хотя и подготовительный этап к последующему моделированию языковой личности. К этому же опыту «предварительной работы» относится и предлагаемая статья.

Объектом нашего изучения выступает языковая личность протопопа Аввакума, предметом – языковые средства как способ репрезентации пишущего. Материалом исследования являются письменные тексты, опубликованные в 29-м томе «Русской исторической библиотеки» [26] (в дальнейшем при цитировании источника идет указание на номер столбца. – А.З.). Методология работы включает описание, контекстный анализ, сравнение, сопоставление, прием сплошной выборки, реконструкцию и поуровневое моделирование в координатах, предложенных Ю.Н. Карауловым. Актуальность проведенного исследования обусловлена не только востребованностью самой теории языковой личности при изучении определенного лингвистического материала (о чем уже было написано выше), но также и тем, что большинство научных трудов об Аввакуме (см. список литературы) оставляет в стороне «богословские сочинения» или те части сочинений, которые насыщены богословскими смыслами, а потому мы до сих пор не имеем полного представления о «специальных», «религиозных» сферах языковой картины мира огненпального протопопа. Новизна нашей работы заключается в том, что мы в предварительной реконструкции объекта изучения привлекаем также и те тексты («Книга Бесед», «Книга обличений, или Евангелие вечное», послания с толкованием православного кате-

хизиса и церковных правил), которые в силу разных обстоятельств не могли быть в должной мере проанализированы с антропоцентрических позиций.

Два вектора паспортизации реконструируемого объекта

Поскольку лингвоперсонология на данном этапе обладает разветвленной типологией языковых личностей, постольку необходимо в общих чертах осуществить «паспортизацию» объекта изучения. Подобное «подведение», «встраивание» или «идентификация» с определенным «типом», «разновидностью», «особью» позволяет не только охарактеризовать текущее состояние той или иной дисциплины, но и предоставляет возможность предположить теоретические решения в ходе самого исследования. И первое из них заключается в том, что паспортизация языковой личности может проводиться не только со стороны лингвоперсонологии как научного направления, но и со стороны материала изучения. Письменное наследие Аввакума (свыше 70 сохранившихся текстов, учитывая и те, что остались за пределами привлеченных для статьи источников) позволяет нам в полной мере учесть высказывания, значимые в том числе и для теоретических построений.

Первый вектор паспортизации по типам языковой личности со стороны научного направления может быть осуществлен в рамках предлагаемой нами оппозиции: *координаты внешнего описания / координаты внутреннего проявления*. Первый полюс противопоставления представляет собой обобщение итогов анализа текстовых средств, но с доминантой ценности знака во всем разнообразии его функциональности. Координаты внутреннего проявления предполагают опору в первую очередь на знак как воплощение ведущей деятельности. По некоторым причинам мы не сможем раскрыть детали каждого типа в пределах указанной нами оппозиции, но читатель может почерпнуть все интересующие его сведения, обратившись к списку литературы в конце нашей статьи.

1. КООРДИНАТЫ ВНЕШНЕГО ОПИСАНИЯ

1.1. Национальный тип ЯЛ [2]

1.1.1. Русская ЯЛ

1.1.1.1. Идиолектная русская ЯЛ [27].

1.1.1.1.1. Идиолектная русская ЯЛ **маскулинного** типа [28]

1.1.1.1.1.1. **Сильная** [29] / **Элитарная** идиолектная РЯЛ **маскулинного** типа [30]

1.1.1.1.1.1.1. **Историческая** элитарная идиолектная РЯЛ **маскулинного** типа [12]

2. КООРДИНАТЫ ВНУТРЕННЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ

2.1. Интерпретирующая [31]

2.2. Кооперативная [32]

Предложенная паспортизация со стороны научного направления не включает «разложение» языковой личности по уровням грамматического описания, т.е. мы не выделяем как самостоятельный объект изучения «морфемную ЯЛ», «лексическую ЯЛ», «синтаксическую ЯЛ». Выстраивание подобной типологии без

внутренних противоречий возможно только в координатах жесткого и последовательного номинализма, причем не столько как исследовательской программы (по В.В. Колесову [4. С. 75–93]), сколько как мировоззренческой установки самого ученого. При этом применение морфемного, лексического и синтаксического анализа в рамках моделирования вербально-грамматической сети языковой личности является на данный момент (и на наш взгляд) обязательным требованием при любой лингвоперсонологической реконструкции разной степени полноты.

Согласно первой части вектора паспортизации со стороны научного направления протопоп Аввакум является **исторической** (создание текстов в XVII столетии с осознанием исторических изменений вокруг него – «Богъ изляля фіаль гнѣва ярости Своея на Рускую землю» [Стлб. 4]) **элитарной** (жанровая и языковая сложность произведений, что отмечалось во многих исследованиях) **идиолектной** (говорящей от себя и за всех – «азъ многогрѣшный» [Стлб. 762], «яко да вси вѣрніи рустіи сынове, чада свѣтлой Росіи, избранніи Богу» [Стлб. 771]) **русской** (по языку сочинений, по территории рождения и гибели, по идентификации с определенной культурой, верой и государством) **языковой личностью маскулинного** типа (чего только стоит характеристика адресатов в письме к Ф.П. Морозовой и Е.П. Урусовой – «женскую немощь отложыше, мужескую мудрость воспріавше» [Стлб. 925]). Вторая половина представленных координат требует некоторого пояснения. Аввакум может быть причислен к **интерпретирующему** типу личности хотя бы уже по той причине, что он написал «Книгу толкований и нравоучений», где им проводится герменевтическая работа над определенными текстами Священного Писания. Вместе с тем огнепальный протопоп стремится к **кооперации**, будь то написание жития («Ну, старецъ, моево вяканья много вѣть ты слышалъ: о имени Господни повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову» [Стлб. 81]), или возможное примирение с духовным сыном (Аще бы ты реклъ: <...> то бы ты у меня прослылъ прямой богословъ, Ѳеодоръ, ... сынъ мой духовный» [Стлб. 617]). К нашему опыту паспортизации объекта изучения допустимо добавить тип профессиональной РЯЛ («всего тридесять лѣтъ, какъ имѣю священство» [Стлб. 8]), хотя признать священника (или инока, как в случае с Елифанием) вариантом «профессии» XVII в. можно с известной натяжкой.

В этой части рассуждения мы переходим к вектору паспортизации со стороны самого объекта исследования. Не вызывает сомнений, что и Аввакума, и других его пустозерских соузников следует идентифицировать в аспекте мировоззрения как конфессиональный тип ЯЛ [33, 34], однако считаем уместным в этой части статьи привести конфессиональную идентификацию самого огнепального протопопа в сравнении с известными ему течениями в христианстве. Идеолог староверия признает, что «много во чловѣцѣхъ по градомъ раздѣленія во ученіи» [Стлб. 887], но христианство им понимается только как православие. Он пишет: «Аще и в ересяхъ кои лежать, и тѣ “христіяны” ся зовуть: не отринуть имени сего, но, заблудивше отъ пути истинны, неправо исповѣдуютъ, мудрствуя о Христѣ... Мы же

православніи радостью радуемся и веселіемъ веселимся вси живущіи и вѣрующіи во Христа, право мудрствуя по Писанію [Стлб. 459].

Этот аналог конфессиональной паспортизации примечателен тем, что отрицает любую церковную иерархию, если она не является православной. Для Аввакума нет «направлений» или «течений» в христианстве, есть «ереси», список которых довольно объемён: католичество («вѣру римскую, и протчая ереси» [Стлб. 459]), протестанство («и евангелики глаголются, такожъ люторцы и калвинцы» [Стлб. 887]) и православие будущей РПЦ («в сію проклятую никоніанскую ересь» [Стлб. 868]). В картине мира огнепального протопопа сторонники этих ответвлений христианства не рассматриваются даже как люди, поскольку «ей, собаки и свиньи еретикъ хуже» [Стлб. 459]. Все это – и по лексике приведенных примеров, и по содержанию самих синтаксических конструкций – часть мировоззрения православной русской языковой личности XVII в., а потому предлагаемые варианты паспортизаций как со стороны теории языковой личности, так и со стороны Аввакума характеризуют не только его самого, но и всех остальных пустозерских узников: священника Лазаря, диакона Федора Иванова, инока Елифания.

Вербально-грамматическая сеть ЯЛ

При указанном ранее масштабе текстового наследия возникает проблема с выявлением исходных единиц для реконструкции «нулевого» (по Ю.Н. Караулову [2. С. 101–137]) уровня языковой личности, того грамматического знания, которым оперирует протопоп Аввакум. Мы видим возможность реализации трех исследовательских решений.

Во-первых, это дескрипция лексических или лексически выраженных понятийных полей, охватывающих несколько произведений языковой личности. Причем в этой ситуации исследователь при анализе лингвистического материала должен идти не от жанра сочинения, а от словесного материала. Если мы обнаруживаем постоянное использование лексем с корнями *грѣх-* (грѣхъ ради моихъ [Стлб. 13], погрѣшивый в вѣрѣ [Стлб. 306], грѣхотворительное житіе [Стлб. 306], азъ многогрѣшный [Стлб. 762]), *мол-* (мати же моя постница и молитвенница [Стлб. 8], Богородице молихся [Стлб. 8], да молитву Ісусову грызи, да и все тутъ. [Стлб. 395]), *спас-* (иже хошетъ спастися [Стлб. 88], Спаси ево, Господи! [Стлб. 99], ко взысканію спасенія душевнаго [Стлб. 314]), *Бог-* (Богородице молихся [Стлб. 8], по попущенію Бога святаго [Стлб. 314], во едино Божество [Стлб. 371]), то перед нами лексически воплощены контуры понятийного поля «религия», который подтверждает теоретическую предпосылку о конфессиональном типе языковой личности.

Во-вторых, в исследование могут быть привлечены сложные слова, количественные группировки которых могут выявить предпочтения пишущего. Например, в трех опубликованных [26] редакциях «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного» после подсчетов композитов по первому корню

доминирующими оказались объединения лексических единиц (в скобках дано количество употреблений), представленные в табл. 1.

Таблица 1

Количественные подсчеты сложных слов по первому корню

Житие А	Житие Б	Житие В
Благ- (56)	Благ- (47)	Благ- (74)
Бог- (23)	Бог- (20)	Бог- (25)
Пол- (18)	Пол- (15)	Пол- (24)
Прав- (15)	Вое-/Прав- (12)	Прав- (18)
Вое-/Ин- (11)	Все- (9)	Дв-/Три- (12)

Этот «панорамный» подход может быть углублен за счет «горизонтальных» срезов по составу углубленных компонентов в композитах. Например, первая позиция в таблице 'благ-' может быть представлена как категориальная рамка для выявления наиболее частотных и предпочтительных для языковой личности элементов (табл. 2)

Таблица 2

Количественные подсчеты сложных слов по второму корню

Житие А	Житие Б	Житие В
-слов- (39)	-слов- (29)	-слов- (48)
-да(ти)- (6)	-да(ти)- (7)	-да(ти)- (12)
-дар-/чест- (3)	-чест- (4)	-дар-/чест- (4)
-дѣ(ж)- (2)	-вол-/вон-/дар-/	-вѣр- (2)
-вол-/вон-/хитр- (1)	-дѣ(ж)-/твор-/хитр-/	-вол-/вон-/хитр-/
	-чин- (1)	-чин- (1)

Представленные результаты подсчетов позволяют выявить «сильные» позиционные группы (-слов-, -да(ти)-, -чест-), устойчивые «слабые» группы (-вол-/вон-/хитр-) и «подвижные» группы (все оставшиеся) конкретно в этих определенных редакциях. Подобное рассмотрение «по слоям» может быть экстраполировано и на другие произведения Аввакума. Решение реконструировать языковую личность с опорой на сложные слова обусловлено и влиянием текстов на церковнославянском языке (которые нередко обильно цитируются и содержание которых присваивается пишущим), и общей распространенностью этих единиц в XVII в.

В-третьих, вербально-грамматическая сеть может быть восстановлена с опорой на синтаксис дошедших до нас текстов. Для связности нашего изложения рассмотрим на материале «Жития...» словосочетания, в которых один из компонентов – сложное слово с первым элементом *благ-*, поскольку именно эти номинативные синтаксические единицы количественно доминируют во всех трех редакциях сочинения.

Субстантивные:

1) -слов-: отеческое благословение [Стлб. 67], благословения от меня [Стлб. 55];

2) -да(ти)-: благодать во устнѣхъ [Стлб. 11], Божию благодатию [Стлб. 58];

3) -чест-: старое благочестіе [Стлб. 49].

Глагольные:

1) -слов-: нынѣ благослови [Стлб. 1], велѣлъ благословить [Стлб. 11];

2) -да(ти)- (только как зависимое: творить благодатию [Стлб. 81], дать благодать [Стлб. 95]; для редакции «В» отсутствуют примеры употребления);

3) -чест- (только как зависимое во всех трех редакциях: не отступай благочестія [Стлб. 51]; били за благочестіе [Стлб. 124], держите благочестіе [Стлб. 211]).

Во всех трех редакциях нами не выявлены адекватные словосочетания, включающие в состав композита – главного слова, элементы *благ-* + *-слов-*, *благ-* + *-да(ти)-*, *благ-* + *-чест-*. Эта черта стабильна для всех трех редакций «Жития», однако мы пока не можем сказать, насколько это характерно для остальных текстов языковой личности. Мы ограничены объемом статьи, однако отметим примеры из списка глагольных словосочетаний. Если «не отступай благочестія» [Стлб. 51] и «держите благочестіе» [Стлб. 211] вполне вписываются в конфессиональную картину мира, то «били за благочестіе» [Стлб. 124] представляет собой подлинный парадокс, поскольку за благочестіе не наказывают. По крайней мере, ни один исторический словарь русского языка не фиксирует в семантике рассматриваемого слова того, что позволяет усомниться в необходимости быть благочестивым. Следовательно, проявление языковой личности Аввакума регистрируется даже на нулевом уровне выстраиваемой модели.

Наблюдения

над лингвокогнитивным уровнем ЯЛ

Реконструкцию «первого» (по Ю.Н. Караулову) уровня языковой личности мы предвараем следующим утверждением: в рамках нашего моделирования «Бог» не есть религиозный концепт. Как некоторая обозначенная смысловая структура он может быть описан при определенной исследовательской установке на определенном лингвистическом материале [35–37]. В случае с Аввакумом, как и с другими пустозерскими узниками, мы сталкиваемся с догматическим исповеданием того, во что верят, а не того, что понимают, познают, делают выводы и т.д. Причем ключи к этому подходу, как и в случае с паспортизацией по религиозному типу ЯЛ, предоставляет сам Аввакум.

В самом начале «Жития» им раскрывается концепция «Божественных имен» Псевдо-Дионисия Ареопагита – христианского автора V в. с ярко выраженной тенденцией к неоплатонизму (философскому реализму): «...Дионисія Ареопагита о Божественных именахъ, что есть Богу присносущные имена истинные, еже есть близостные, и что виновные, сирѣчь похвалныя» [Стлб. 1]. Сначала раскрывается первая группа: «Сый, Свѣтъ, Истинна, Животъ; только четыре свойственныхъ, а виновныхъ много» [Стлб. 1]. Во вторую группу «похвалныхъ» имен входят: «Господь, Вседержитель, Непостижимъ, Неприступенъ, Трисіаненъ, Тріипостасенъ, Царь славы, Непостояненъ, Огнь, Духъ, Богъ, и прочая потому разумѣвай» [Стлб. 1–2]. Оба перечня номинаций следует понимать в контексте древнерусского неоплатонизма как попытку «по челоуѣку мольте дебелымъ глаголемъ» [Стлб. 604]; попытку хоть как-то очертить идею, не ограничиваемую и потому не определяемую словами родного языка. Свести «виновные» «Божественные имена» из концепции Псевдо-Дионисия к «лексическим атрибутам» концептуальной структуры, по нашему мнению, возможно только в силу

номинализма методов самой лингвистики и отсутствия познаний в области православного катехизиса у самих потенциальных исследователей.

Отметим также дополнительные указания, обнаруживаемые в «Книге обличений, или Евангелии вечном». В рассуждении о соотношении лиц Троицы Аввакум пишет: «Не ино-ино, ни ино паче иного, ни инѣмъ ино, ни и ино во иномъ, ни отъ иного ино, но тоже въ себѣ и у себе собою, тоже и единство, и Троицу, неразѣмѣтно имущу совокупленіе и равенство неразлучно» [Стлб. 631]. Это не логика определений, это – диалектика категорий: тождество и различие (не ино-ино) меры и количества (ни ино паче иного), целого и части (ни инѣмъ ино, ни и ино во иномъ), движения (ни отъ иного ино). Иными словами, понятийный слой концептуальной структуры принципиально размыт (если не отсутствует вовсе). Наконец, в когнитивном отношении важно замечание Аввакума, что Бог «ни умомъ постижень, ни словомъ изречень» [Стлб. 631]. Переводя этот отрывок на язык работ современной когнитивно-дискурсивной парадигмы, мы прочитали бы его как «Бог в догматике субъектом не концептуализируется».

Совершенно иной результат достигается, если обратиться к «Руси-России» как некоторой смысловой структуре, тем более что, согласно предпринятой выше паспортизации, речь идет о русской языковой личности, осмысляющей определенный исторический период на определенной территории. В текстах Аввакума допустимо вывести как минимум четыре понимания этого ментального образования.

1. Русь/Россия как территория. «...велено ехать на Русь» [Стлб. 38]; «от Галилеи, и антихристъ изникнет; а не от наша Русіи» [Стлб. 894], «одною Русскою землею» [Стлб. 764]. Примечательно, что Сибирь (и Даурская ссылка) не воспринимается в текстах Аввакума как «русская земля».

2. Русь/Россия как хранитель веры. «...а руская вѣра яко солнце сіяеть от всѣхъ вѣръ» [Стлб. 145]; «яко да вси вѣрніи рустіи сынове, чада свѣтлой Росіи, избранніи Богу» [Стлб. 771]; «И послѣднее свѣтило, бывшее великоросійскіе церкви ко просвѣщенію душамъ» [Стлб. 320]. Во всех приведенных примерах этой группы прямо или косвенно обнаруживаются отголоски средневековой концепции «Москва – третий Рим», в которой чистота, полнота и слава русской церкви не подвергаются сомнению.

3. Русь/Россия как отступившая от Бога община верующих. «Выпросилъ у Бога свѣтлую Росію сатана» [Стлб. 123]; «И в нашей русской земли обрѣтется чортъ болшой, ему же мѣра – высоты и глубины – адъ преглубокій» [Стлб. 246]; «Распяли онѣ Христа в Русской землѣ» [Стлб. 568]. Некий коллектив когда-то служивших Богу священников действовал по наущению лукавого, устроив церковные правки и впоследствии церковный раскол. Ранее нами уже отмечалось, что Аввакум в известных нам текстах не рассуждал о противниках «древлего благочестия» как о схизматиках, всегда – только как о еретиках (данная форма отпадения от церковного единства в разы пагубнее по каноническим и догматическим соображениям).

4. Русь/Россия как земля, наказываемая Богом за отступление от веры. «...и сего ради Богъ изліять фіалъ гнѣва ярости Своея на Рускую землю» [Стлб. 4]; «на всю Россію гнѣвъ Божій и наведе» [Стлб. 733]. За нарушение устоев со стороны определенной группы священноначалия русская церковь и русская земля наказываются самим Творцом. Очищение от грехов происходит буквально кровью: многолетняя осада Соловецкого монастыря с жестокой расправой над монахами, костры самосожжения, массовый уход православных в глухие места подальше от мест, где правят «никоніянн-еретики» [Стлб. 458]. Аввакум видит решение – вернуться к старому укладу, а все нововведения отрицать, однако не все современники желали того же.

Замечание о мотивационном уровне ЯЛ

Сама социокультурная ситуация церковного раскола предполагает защиту собственных взглядов, собственной позиции. Но эта коммуникативно-деятельностная потребность обладает значительной вариативностью в своей реализации. Приведем один из примеров, обнаруживаемый в челобитных протопопа Аввакума.

Языковая личность начинает свое рассуждение издалека: «Нѣкто гречанин архимандрит Діонисей учит Иларіона, архіепископа Рязанского, греческимъ буквам, реку и нравом, внѣшняя мудрствующимъ» [Стлб. 751]. Архимандрит – это священник, который принял монашеский постриг, т.е. отрекся от всех мирских интересов и остаток своей жизни посвящает Богу и спасению окружающих. Протопоп продолжает: «...онѣ, архимаритъ, нѣкогого подяка содомски блудил многое время. И по дѣйству діаволу, прилучися ему и во алтари скверну дѣяти со отрокомъ, облекши дѣтище во святительскія ризы и во амфоръ» [Стлб. 751]. Алтарь – наиболее сакральная часть храма за иконостасом, куда обычным прихожанам (и женщинам, и мужчинам) входить запрещается. Отрок в церковнославянском понимании (с дополнительным пояснением от Аввакума, что это «дѣтище») – человек в возрасте до 14 лет. Омофор, который находится на растлеваемом подростке, представляет собой широкую ленту с изображением крестов. Это часть одежды епископа, высшего сана; часть одежды, символизирующая овцу, заблудшую и найденную добрым Пастырем – Иисусом Христом. Введя эти предикации, мы можем усматривать за описываемым фактом следующие смыслы. Некто, кто призван спасать других и думать о Боге сам, кто дал обет безбрачия, не соответствует своим обетам, вводит в блуд невинную душу. По своей прихоти (и похоти) растлитель неправомерно облачает свою жертву в одеяния высшего сана. Отрок не только не соответствует степени священства для того, чтобы это носить, но и символически в сознании преступника отождествляется с Иисусом Христом. Аввакум продолжает: «Как выѣдет он, архимарит, во свою землю, скажетъ вмѣсто дѣтища: я – де глухыхъ русаковъ и владыку, блудил. У нихъ-то, грековъ, не диковина. <...> такой вор и ругатель великія Росіи святителя учит!» [Стлб. 751–752]. Это прозвучит несколько жестоко, но Аввакум вовсе не думает о судьбе якобы растленного отрока. Для огнепального протопопа это не

просто акт – возможного – насилия со стороны иной национальности, это – символическое растление.

Старшая, византийская, вселенская церковь, отдавая «вселенскости» младшей, чистой русской церкви, затем испортила и опорочила ее своим вмешательством. Даже если описываемый эпизод не более чем простая спекуляция слухами, он вполне укладывается и в неоплатоническое мировоззрение, где вещи становятся отражением конкретных идей, и в общем содержатся отражением конкретной структуры.

Таким образом, на протяжении нашей предварительной реконструкции проявляется единый смысловой стержень внутри выстраиваемой модели; стержень, который, возможно, характерен не только для протопопа Аввакума, но и для всех пустозерских узников. От лексического пространства, маркирующего принадлежность пишущего к христианскому вероисповеданию (Мы же православнии, молитву Исусову.), к контекстам, эксплицирующим понимание Руси как безразличной самому Богу (чада свѣтлой Росіи, избранни Богу), и фрагментам, отстаивающим и защищающим «русскую веру» от вмешательства извне (А все то кобель борзой Никонь, врагъ... устроить все пофряжскому, сирѣчь понѣметцкому [Стлб. 283]) – все это должно быть воспринято не только как «содержание» структуры, но и как сама «структура»; то, чем жили и за что сгорели первые и главные исповедники староверия XVII в. Гипотетичность тождества смысловых стержней не отрицает гипотетическое различие получаемых

моделей по параметру выбора определенных языковых средств с характерным для конкретного пишущего набором прецедентных текстов и коммуникативно-деятельностных потребностей (по Ю.Н. Караулову).

Что касается полноценной реконструкции языковой личности протопопа Аввакума, то с учетом координат внутреннего проявления (интерпретирующий тип; вектор паспортизации со стороны научного направления), наличия богословских рассуждений (не ино-ино, ни ино паче иного, ни инѣмъ ино, ни и ино во иномъ, ни отъ иного ино), помимо контекстного анализа, сравнения, сопоставления, приема сплошной выборки требуется разработка филологической герменевтики не столько как метода толкования, сколько как «аспекта», «ракурса», с позиции которого должна осуществляться интерпретация лингвистического материала.

Впервые в рамках нашей работы мы с этим столкнулись при описании лингвокогнитивного, а затем – мотивационного уровня, когда для объяснения сакральных смыслов упоминаемых Аввакумом предметов и вещей необходимо было ввести соответствующие предикации.

Не исключено, что именно в русле исторической лингвоперсонологии (и не в отдаленной перспективе) анализ текстов идеологов и приверженцев староверия оформит самостоятельный «герменевтико-феноменологический ракурс» изучения языковой личности, однако анализ теоретических предпосылок к этому остается за пределами нашей работы.

Список источников

1. Львова Ю.А., Оборина М.В. Генезис концепции языковой личности и терминологическая неоднозначность в работах Г.И. Богина 1970–80-х годов // Понимание и рефлексия в России : междунар. науч.-практ. конф. : материалы докл. (Тверь, 29–30 ноября 2019 года). Тверь : Твер. гос. ун-т, 2020. С. 145–174.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
3. Воронова Н.Г. Осмысление категории языковой личности в современной лингвистике // Казанская наука. 2021. № 11. С. 149–153.
4. Колесов В.В. Основы концептологии. СПб. : Златоуст, 2019. 775 с.
5. Иванцова Е.В. Правила речевого поведения диалектной языковой личности как составляющая языкового ландшафта сибирского старожильского села // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 61–80. doi: 10.17223/19986645/74/4
6. Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М. : Издательский дом ЯСК, 2020. 336 с.
7. Стеклова Т.И., Лаппо М.А. Различия в языковой рефлексии стандартной и творческой языковых личностей // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2022. № 20. С. 51–67.
8. Бутакова Л.О. Региональная языковая личность: проблемы построения современных лингвистических моделей разного уровня // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 4. С. 9–21.
9. Курганова Н.И. К выделению уровней сознания языковой личности // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2021. № 26-2. С. 23–25.
10. Скубиева Е.Н., Шпилина Н.Н. Модель языковой личности как носителя диалогической языковой способности // Филология и человек. 2022. № 1. С. 37–52.
11. Шелепова Л.И. Историческая языковая личность как объект лингвоперсонологии // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Т. 2. М. : ЛЕНАНД, 2016. С. 155–168.
12. Аникин Д.В. Персонификация событийного процесса истории: текст личности в «Повести временных лет». Барнаул : Алтай. гос. ун-т, 2017. 168 с.
13. Майоров А.П. Речевое портретирование региональной языковой личности XVIII века // Слово : Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Вып. 17. Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2021. С. 132–146.
14. Бондарь Ю.В., Костина Л.Ю. Опыт портрета исторической языковой личности Бондаря Филиппа Петровича (на материале дневниковых записей дореволюционного и военного периодов) // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 23 апреля 2022 года. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2022. С. 11–14.
15. Комогорцева С.В., Зырянова Е.В. Языковой портрет чиновника IV–VIII класса (на материале памятников забайкальской деловой письменности XVIII в.) // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. № 4. С. 3–13.
16. Потапов В.В. Контрастивное исследование речевого ритма в диахронии и синхронии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 47 с.
17. Азарх Ю.С. Проблема связи словообразования и формообразования в истории русского языка (Имя существительное) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1983. 451 с.
18. Шорохова В.Н. Наблюдения в области словарного состава «Жития» Аввакума : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953. 16 с.
19. Чернов В.А. Русский язык в XVII веке. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. 199 с.
20. Петров В. Е. Бессоюзные сложные предложения в произведениях протопопа Аввакума : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1987. 253 с.

21. Маматов Г.М. Жанровые элементы мартырии в «Житии Протопопа Аввакума, им самим написанном» // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 493. С. 73–81. doi: 10.17223/15617793/493/9
22. Шпаковский М.В. Религиозно-философское учение протопопа Аввакума: историко-философское исследование : автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2023.
23. Бекасова Е.Н. О языке челобитных царю Федору Алексеевичу протопопа Аввакума и Игнатия Соловецкого // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2015. № 13. С. 209–218.
24. Миронова Е.А. Специфика языковой личности протопопа Аввакума (на материале писем и посланий семье) // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 330–338.
25. Терешкина Д.Б. «Нужно бо есть побеседовати»: Аввакум как коммуникативная личность в своем «Житии» // Протопоп Аввакум и его наследие в истории и современности: к 400-летию со дня рождения : материалы межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 15 декабря 2020. Великий Новгород, 2021. С. 105–114.
26. Русская историческая библиотека Т. 39: Памятники истории старообрядчества XVII века. Кн. 1, вып. 1. Л. : [б. и.], 1927. 960 стлб.
27. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод : сб. науч. тр. М. : Изд-во Моск. гос. лингв. ун-та, 1996. С. 112–116.
28. Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2004. 45 с.
29. Кадилина О.А. Сильная/слабая языковая личность: коммуникативно-прагматические характеристики: на материале текстов Д. Карнеги : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011. 193 с.
30. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999. 53 с.
31. Ким Л.Г. Типология интерпретирующих языковых личностей в аспекте адресатоцентричной модели языковой деятельности // Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Вып. 2. М. : ЛЕНАНД, 2016. С. 68–76.
32. Ничипорович Е.А. Кооперативная языковая личность в открытом коммуникативном эпизоде : дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 190 с.
33. Салахова А.Г. Конфессиональная языковая личность и религиозная картина мира // Язык и культура : сб. ст. XXIV Междунар. науч. конф., посвящ. 135-летию Том. гос. ун-та. Томск, 2014. С. 118–123.
34. Лю С., Стариков Г.Н. Конфессиональная языковая личность и аспекты ее репрезентации в бытовых старообрядческих рукописях // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 81. С. 92–112. doi: 10.17223/19986645/81/5
35. Бобырева Е.В. Содержательный план и концепты религиозного дискурса // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2006. № 6. С. 90–96.
36. Верещагина А.В. Концепт «Бог» в русских и французских библейских выражениях (древнегреческие истоки происхождения) // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2019. № 4. С. 54–60.
37. Косицына Н.О. Концепт «Бог» в текстах курских заговоров // Лингвофольклористика. 2023. № 37. С. 124–130.

References

1. L'vova, Yu.A. & Oborina, M.V. (2020) [Genesis of the concept of language personality and terminological ambiguity in the works of G.I. Bogin in the 1970s and 1980s]. *Ponimanie i refleksiya v Rossii* [Understanding and reflection in Russia]. Proceedings of the International Conference. Tver. 29–30 November 2019. Tver: Tver State University. pp. 145–174. (In Russian).
2. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Izd-vo LKI.
3. Voronova, N.G. (2021) *Osmyslenie kategorii yazykovoy lichnosti v sovremennoy lingvistike* [Comprehension of the category of language personality in modern linguistics]. *Kazanskaya nauka*. 11. pp. 149–153.
4. Kolesov, V.V. (2019) *Osnovy kontseptologii* [Fundamentals of Conceptology]. St. Petersburg: Zlatoust.
5. Ivantsova, E.V. (2021) The Rules of a Dialect Language Personality's Speech Behavior as a Component of The Siberian Old-Resident Village Languagescape. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 74. pp. 61–80. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/74/4
6. Shaposhnikova, I.V. (2020) *Modusy identifikatsii russkoy yazykovoy lichnosti v epokhu peremen* [Modes of identification of the Russian language personality in the era of change]. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.
7. Steksova, T.I. & Lappo, M.A. (2022) *Razlichiya v yazykovoy refleksii standartnoy i tvorcheskoy yazykovykh lichnostey* [Differences in the linguistic reflection of standard and creative language personalities]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*. 20. pp. 51–67.
8. Butakova, L.O. (2021) *Regional'naya yazykovaya lichnost': problemy postroeniya sovremennykh lingvisticheskikh modeley raznogo urovnya* [Regional language personality: problems of constructing modern linguistic models of different levels]. *Filologicheskii vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4. pp. 9–21.
9. Kurganova, N.I. (2021) *K vydeleniyu urovney soznaniya yazykovoy lichnosti* [On the allocation of levels of consciousness of the language personality]. *Lingvistoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*. 26-2. pp. 23–25.
10. Skubieva, E.N. & Shpil'naya, N.N. (2022) *Model' yazykovoy lichnosti kak nositelya dialogicheskoy yazykovoy sposobnosti* [Model of language personality as a carrier of dialogical linguistic ability]. *Filologiya i chelovek*. 1. pp. 37–52.
11. Shelepova, L.I. (2016) *Istoricheskaya yazykovaya lichnost' kak ob'ekt lingvopersonologii* [Historical language personality as an object of linguopersonology]. In: *Yazykovaya lichnost': modelirovanie, tipologiya, portretirovanie* [Linguistic personality: modeling, typology, portrayal]. Vol. 2. Moscow: LENAND. pp. 155–168.
12. Anikin, D.V. (2017) *Personifikatsiya sobytiynogo protsessa istorii: tekst lichnosti v "Povesti vremennykh let"* [Personification of the event process of history: the text of the personality in the "Tale of Bygone Years"]. Barnaul: Altai State University.
13. Mayorov, A.P. (2021) *Rechevoe portretirovanie regional'noy yazykovoy lichnosti XVIII veka* [Speech portraiture of a regional language personality of the 18th century]. In: Arkhipova, N.G. & Oglezneva, E.A. (eds) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh. Materialy nauchnykh ekspeditsiy* [Word: Folklore and dialectological almanac. Materials of scientific expeditions]. Vol. 17. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 132–146.
14. Bondar', Yu.V. & Kostina, L.Yu. (2022) [An attempt to create a portrait of the historical language personality of Filipp Petrovich Bondar (based on the diary entries of the pre-revolutionary and war periods)]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii: teoriya, praktika, perspektivy razvitiya* [Current issues in modern philology: theory, practice, development prospects]. Proceedings of the International Conference. Krasnodar. 23 April 2022. Krasnodar: Kuban State University. pp. 11–14. (In Russian).
15. Komogortseva, S.V. & Zyryanova, E.V. (2022) *Yazykovoy portret chinovnika IV–VIII klassa (na materiale pamyatnikov zabaykal'skoy delovoy pis'mennosti XVIII v.)* [Language portrait of an official of the IV–VIII classes (based on the monuments of Transbaikalian business writing of the 18th century)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 4. pp. 3–13.
16. Potapov, V.V. (1998) *Kontrastivnoe issledovanie rechevogo ritma v diakhronii i sinkhronii* [Contrastive study of speech rhythm in diachrony and synchrony]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
17. Azarkh, Yu.S. (1983) *Problema svyazi slovoobrazovaniya i formoobrazovaniya v istorii russkogo yazyka (Imya sushchestvitel'noe)* [The problem of the connection between word formation and form formation in the history of the Russian language (Noun)]. Philology Dr. Diss. Moscow.
18. Shorokhova, V.N. (1953) *Nablyudeniya v oblasti slovarnogo sostava "Zhitiya" Avvakuma* [Observations in the field of vocabulary of Avvakum's "Life"]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

19. Chernov, V.A. (1984) *Russkiy yazyk v XVII veke* [Russian language in the 17th century]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
20. Petrov, V.E. (1987) *Bessoyuznye slozhnye predlozheniya v proizvedeniyakh protopopa Avvakuma* [Asyndetic composite sentences in the works of Archpriest Avvakum]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
21. Mamatov, G.M. (2023) Genre Elements of the Acts of the Martyrs in the Life of the Archpriest Avvakum, by Himself. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 493. pp. 73–81. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/493/9
22. Shpakovskiy, M.V. (2023) *Religiozno-filosofskoe uchenie protopopa Avvakuma: istoriko-filosofskoe issledovanie* [Religious and philosophical teaching of Archpriest Avvakum: historical and philosophical research]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow.
23. Bekasova, E.N. (2015) O yazyke chelobitnykh tsaryu Fedoru Alekseevichu protopopa Avvakuma i Ignatiya Solovetskogo [On the Language of Petitions to Tsar Feodor Alekseevich by Archpriest Avvakum and Ignaty Solovetsky]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*. 13. pp. 209–218.
24. Mironova, E.A. (2018) Spetsifika yazykovoy lichnosti protopopa Avvakuma (na materiale pisem i poslanii sem'e) [Specifics of the Language Personality of Archpriest Avvakum (Based on Letters and Epistles to the Family)]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativnaya*. 2. pp. 330–338.
25. Tereshkina, D.B. (2021) ["It is Necessary to converse": Avvakum as a Communicative Personality in His "Life"]. *Protopop Avvakum i ego nasledie v istorii i sovremennosti: k 400-letiyu so dnya rozhdeniya* [Archpriest Avvakum and His Legacy in History and Modernity: on the 400th Anniversary of His Birth]. Conference Proceedings. 15 December 2020. Velikiy Novgorod. pp. 105–114. (In Russian).
26. Anon. (1927) *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. 39, Book 1, Is. 1. Leningrad: [s.n.].
27. Neroznak, V.P. (1996) Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny [Linguistic Personology: Towards Defining the Status of the Discipline]. In: *Yazyk. Poetika. Perevod: sb. nauch. tr.* [Language. Poetics. Translation: collection of scientific papers]. Moscow: Moscow State Linguistic University. pp. 112–116.
28. Fomin, A.G. (2004) *Psikholingvisticheskaya kontseptsiya gendernoy yazykovoy lichnosti* [Psycholinguistic concept of gender language personality]. Abstract of Philology Dr. Diss. Barnaul.
29. Kadilina, O.A. (2011) *Sil'naya/slabaya yazykovaya lichnost': kommunikativno-pragmaticheskie kharakteristiki: na materiale tekстов D. Karnegi* [Strong/weak language personality: communicative-pragmatic characteristics: based on texts by D. Carnegie]. Philology Cand. Diss. Krasnodar.
30. Kochetkova, T.V. (1999) *Yazykovaya lichnost' nositelya elitarnoy rechevoy kul'tury* [Language personality of a bearer of elite speech culture]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saratov.
31. Kim, L.G. (2016) Tipologiya interpretiruyushchikh yazykovykh lichnostey v aspekte adresatotsentrichnoy modeli yazykovoy deyatel'nosti [Typology of interpretive language personalities in the aspect of the addressee-centric model of linguistic activity]. In: *Yazykovaya lichnost': Modelirovaniye, tipologiya, portretirovaniye. Sibirskaya lingvopersonologiya* [Language personality: Modeling, typology, portrayal. Siberian linguopersonology]. Vol. 2. Moscow: LENAND. pp. 68–76.
32. Nichiporovich, E.A. (1998) *Kooperativnaya yazykovaya lichnost' v otkrytom kommunikativnom epizode* [Cooperative language personality in an open communicative episode]. Philology Cand. Diss. Moscow.
33. Salakhova, A.G. (2014) [Confessional language personality and religious picture of the world]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Proceedings of the International Conference. Tomsk. pp. 118–123. (In Russian).
34. Liu Si & Starikova, G.N. (2023) Confessional language personality and its representational aspects in Old Believer domestic manuscripts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 81. pp. 92–112. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/81/5
35. Bobyreva, E.V. (2006) Soderzhatel'nyy plan i kontsepty religioznogo diskursa [The content plan and concepts of religious discourse]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*. 6. pp. 90–96.
36. Vereshchagina, A.V. (2019) Kontsept "Bog" v russkikh i frantsuzskikh bibleyskikh vyrazheniyakh (drevnegrecheskie istoki proiskhozhdeniya) [The concept "God" in Russian and French biblical expressions (ancient Greek origins)]. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire*. 4. pp. 54–60.
37. Kositsyna, N.O. (2023) Kontsept "Bog" v tekstakh kurskikh zagovorov [The concept "God" in the texts of Kursk spells]. *Lingvofol'kloristika*. 37. pp. 124–130.

Информация об авторе:

Загуменнов А.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Вологодской духовной семинарии Вологодской епархии Русской Православной Церкви (Вологда, Россия). E-mail: zaw1991@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Zagumennov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Vologda Theological Seminary, Diocese of Vologda, Russian Orthodox Church (Vologda, Russian Federation). E-mail: zaw1991@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.02.2024;
одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 09.02.2024;
approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

Научная статья
УДК 81'23+81.411.2
doi: 10.17223/15617793/507/3

Детерминированность ассоциатов от типа стимула (вербальный знак, символ, рисунок) и от значимости денотата для респондента

Вероника Александровна Каменева¹, Надежда Владимировна Рабкина²

¹ Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ russia_science@mail.ru

² nrabkina@mail.ru

Аннотация. Проведен сравнительный анализ результатов направленного ассоциативного эксперимента. Под-
ростки 13–15 лет с врожденными пороками сердца и их условно здоровые сверстники представили по три ас-
социации на слово «сердце», символическое изображение сердца и его анатомическое изображение. Первые
склонны связывать вербальный стимул со своей болезнью, особенно в эксперименте с вербальным стимулом,
в то время как вторые во всех экспериментах определяют его как вместилище эмоций.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, психолингвистика, вербальный стимул, визуальный стимул
(символ), визуальный стимул (рисунок), ассоциат, ассоциативное поле

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект
№ 23-28-00002 «Проблема когнитивно-дискурсивной параметризации медицинского дискурса пациентов с
ВПС (врожденным пороком сердца) в кардиохирургическом стационаре»), <https://rscf.ru/project/23-28-00002>

Для цитирования: Каменева В.А., Рабкина Н.В. Детерминированность ассоциатов от типа стимула (вербаль-
ный знак, символ, рисунок) и от значимости денотата для респондента // Вестник Томского государственного
университета. 2024. № 507. С. 21–28. doi: 10.17223/15617793/507/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/3

Effect of stimulus type (word, symbol, picture) and subjective denotative significance on associates

Veronika A. Kameneva¹, Nadezhda V. Rabkina²

^{1, 2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ russia_science@mail.ru

² nrabkina@mail.ru

Abstract. In a controlled associative experiment, associations may depend on (1) the type of sign that represents the
stimulus, i.e., a word, a symbol, or a picture; (2) the subjective meaning the denotation has for the respondent. This
research featured 40 teenage patients (13–16 y.o.) operated in childhood for congenital heart disease (CHD) and 40
conventionally healthy peers. The controlled associative experiment yielded from 103 to 118 associations for the word
heart, a symbolic image of red heart, and an anatomical drawing of the heart organ. The study relied on an integrated
theoretical and methodological approach to psycholinguistics and cognitive linguistics. The associations were obtained
by the survey method and the method of controlled association experiment. The data were processed by Yury Karau-
lov's semantic gestalt method and the pragma-semantic analysis of associative fields, as well as by some standard
research methods. A semantic classification of the associations provided the following picture. Associations to the
verbal stimulus in the CHD group were quantitatively distributed in descending order as "disease – body – emotions –
visual image – people"; in the control group, the chain was "emotions – body – visual image – people – disease –
physical objects". The teenagers with CHD associated the word *heart* with their disease. Their healthy peers tended to
define the word "heart" as a "vessel for emotions" rather than as a verbal designation for a body organ, and were much
less likely to see it as a source of disease. Associations to the stylized image of a red heart ranked as "visual image –
body – objects" in the test group and as "visual image – emotions – body – objects – people – disease" in the control
group. Both groups of respondents focused on describing what they saw, but the teenagers with CHD did not associate
the symbolic heart with emotions. Conventionally healthy teenagers, on the contrary, quite often associated the heart
symbol with what it traditionally means in Western linguistic culture, i.e. with love. Associations to the anatomical
image of the heart as an organ were distributed as "body – science – visual image" in the test group and as "body –
abstract concepts – science" in the control group. In addition, the conventionally healthy teenagers provided a much
more versatile and personal semantic classification, demonstrating an ability to self-project and a more complex active

vocabulary: 52–60 unique verbal reactions vs. 16–27 in the test group. In both groups, associations to the verbal stimulus were the most lexically different; however, associations to the anatomic image were the least semantically versatile in the test group, while in the control this test resulted in the most versatile semantic classification. In this study, visual stimuli that were not accompanied by a verbal component acted as a limiting factor for the teenagers with CHD and interfered with their subjective perception of the concept they represented.

Keywords: cognitive linguistics, psycholinguistics, verbal stimulus, visual stimulus (symbol), visual stimulus (picture), associate, associative field

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00002: Cognitive-discursive parameterization of medical discourse of patients with congenital heart disease (CHD) in a cardiac surgery hospital, <https://rscf.ru/project/23-28-00002>

For citation: Kameneva, V.A. & Rabkina, N.V. (2024) Effect of stimulus type (word, symbol, picture) and subjective denotative significance on associates. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 21–28. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/3

Введение

Актуальность заявленной проблематики обусловлена существенными изменениями получения и передачи информации в связи с развитием цифровых технологий и расширением интернет-пространства во всем мире. Снижается доля межличностного общения во многих сферах жизни и деятельности современного человека. Большая часть взаимодействия людей всех возрастов осуществляется через различные цифровые каналы передачи информации, что ставит перед исследователями актуальные задачи по выявлению стимулов и форматов их предъявления, которые позволили бы эффективнее извлекать информацию из сознания, закреплять определенные ассоциативные ряды за различными знаками, концептуализирующими культурную, социально-значимую, политическую, экономическую (например, рекламную), учебную информацию. «Визуализация и инфографичность основных информационных потоков, во-первых, упрощает объяснение сложных концептов; во-вторых, минимизирует коммуникативные неудачи... в-третьих, быстрее формирует и закрепляет чувственный образ, чем вербальная подача» [1. С. 111].

Изменения указанных аспектов коммуникации ставят перед исследователями новые задачи, касающиеся совершенствования методологии научных направлений, связанных с рассматриваемым объектом. Одной из актуальных проблем психолингвистики и когнитивных исследований можно признать идентификацию взаимосвязи типа стимула, специфики извлечения информации и значимости стимула для респондентов при проведении ассоциативных экспериментов. В случае с категориями людей, имеющими определенные ограничения по здоровью, эти вопросы сохраняют актуальность, так как данная информация может быть значимой для подготовки программ когнитивно-речевой реабилитации таких лиц. В этой связи можно упомянуть ряд работ, описывающих ассоциативный эксперимент для получения данных о когнитивно-речевых особенностях детей с недоразвитием речи или лиц с возрастными когнитивными нарушениями. Например, труд Л.Р. Гевирт, А.Г. Шиндлер и Д.Б. Хиера о специфике ассоциаций у лиц с деменцией и афазией [2], исследование особенностей ассоциативного именования у пациентов при деменции типа Альцгеймера [3], исследование Л. Шенг, Э.Д. Пеня, Л.М. Бедор и

К.Э. Фиестас по изучению лексикона у испано-английских двуязычных детей с нарушениями речи на основе данных ассоциативного эксперимента [4], работа Э. Довистер, Б. Джемель и И.К. Майяр по изучению широты, глубины словарного запаса и беглости ассоциирования у шведоязычных детей с нарушениями развития речи [5] и др.

Цель данного исследования – выявить детерминированность ассоциатов от типа стимула (вербальный знак, символ, рисунок) и от значимости денотата для респондента в ассоциативном эксперименте у подростков после коррекции врожденных пороков сердца (ВПС) и их условно здоровых сверстников.

Ассоциативный эксперимент выбран не случайно. Ассоциативная обработка информации занимает центральное место в человеческом познании, восприятии и памяти [6], а ассоциации отображают ментальный лексикон человека [7]. Именно ассоциативный эксперимент можно считать эффективным способом «в определении “лестницы ценностей” в картине мира человека» [8. С. 52].

В данном исследовании значимой задачей ставится выявление информационного потенциала ассоциативного эксперимента с тремя типами стимулов (слово, символ, рисунок), что поможет ответить не только на вопрос о специфике концептуализации информации, как культурной, так и личностно значимой, у определенных групп респондентов, но и об особенностях извлечения информации из сознания знаками разных систем.

Изученность проблематики

Анализ научных работ позволяет говорить о том, что вопрос стимула и формат его предъявления все чаще становятся научными объектами не только экспериментальной психологии, но и психолингвистических исследований. Отметим теоретически значимые результаты данной проблематики:

1. Выявлено, что ассоциации, получаемые в ассоциативном эксперименте со стимулами в виде цветowych образцов и цветообозначений, отличаются. Как отмечают исследователи, при «восприятии цветового образца происходит актуализация ассоциатов, имеющих чувственную основу. При восприятии цветообозначений, т.е. вербального знака, осуществляется иной способ актуализации (репрезентации, вербального

овнешнения) цветового образа, связанного в большей степени с функционированием языковой единицы в конкретной этнокультурной среде» [9. С. 88].

2. Установлено, что при предъявлении одного и того же стимула в свободном ассоциативном эксперименте аудиально и визуально канал восприятия значительно влияет на извлекаемую информацию из сознания реципиентов. Было подтверждено влияние способа восприятия стимула на актуализацию в ментальном лексиконе индивида ассоциативных полей. Было отмечено «несовпадение частоты однотипных реакций и их ранга, а также различия в составе и доле главных ассоциатов сравниваемых полей, выделенные тематические группы в большинстве случаев совпадают, но процентное соотношение этих групп существенно отличается» [10].

3. Выявлен информативный потенциал направленного цепочечного эксперимента с тремя стимулами: вербальным, визуальным и гетеросемиотическим (визуально-вербальным). Подтверждено, что «вербальный стимул непосредственно связан с раскрытием сути явления, а визуальный вызывает у реципиентов ассоциации, связанные с формой и внешним видом объекта на предъявленном изображении, визуальный компонент вербально-визуального стимула вызывает у респондентов в большей степени нейтральные реакции» [1. С. 110].

4. Изучена специфика извлечения информации из сознания в ассоциативном эксперименте с вербально-эмблематическим стимулом. Показано, что «ассоциации, извлекаемые из сознания вербально-эмблематическим стимулом, представленным гербом территории (города или области), позволяют выявить специфику декодирования визуальных элементов стимула, к которым относятся объект, форма, цвет и идея. Установлено, что вербальный элемент такого стимула задает направление корректной расшифровке закодированной информации. Зафиксирован факт блокировки генерации ассоциативных смыслов в ассоциативном эксперименте с вербально-эмблематическим стимулом» [11. С. 149].

Методы и материалы

Формирование генеральной совокупности исследования и анализ полученных данных осуществлялись при помощи следующих методов: анкетирование, синтез, анализ, направленный ассоциативный эксперимент с тремя типами стимулов, метод семантического гештальта Ю.Н. Караулова, по результатам которого были сформированы три лексико-семантических поля частотных реакций с 3 типами стимулов (слово, символ, рисунок), проведена интерпретация ассоциативных полей при помощи метода семантического анализа.

Под генеральной совокупностью в данной работе понималась совокупность всех единиц исследования, относительно которых предполагалось делать выводы при решении поставленных задач.

В качестве стимулов были выбраны слово «сердце», символ сердца, реалистичный рисунок сердца.

Каждый респондент получил анкету со следующими заданиями:

1. Запиши, пожалуйста, первые три ассоциации со словом «сердце».

2. Посмотри, пожалуйста, на изображение, а затем напиши первые три слова, которые пришли тебе на ум.

3. Посмотри, пожалуйста, на изображение, а затем напиши первые три слова, которые пришли тебе на ум.

Анкетирование каждого респондента проводилось отдельно. Все три задания были включены в одну анкету из-за невозможности проведения психолингвистического эксперимента у одних и тех же респондентов фокус-группы, что обусловлено разными сроками госпитализации и реабилитации. В работе учитывалось, что подобное проведение психолингвистического эксперимента могло привести к некоторому влиянию реакций первого типа на второй и третий типы ассоциатов.

Состав испытуемых и методика проведения исследования

Данные были собраны в течение февраля 2024 г. В анкетировании приняли участие 80 человек, которые были разделены на 2 группы по 40 человек. Возраст участников эксперимента обеих групп исследования – 13–16 лет. Подростки обеих групп являются носителями русского языка. 40 подростков первой группы проживают в сибирских городах и деревнях, имеют септальный врожденный порок сердца в анамнезе, потребовавший закрытия в условиях искусственного кровообращения. Дефект межпредсердной перегородки – один из самых частых врожденных пороков сердца, который характеризуется наличием патологического сообщения между предсердиями. Закрытие дефекта межпредсердной перегородки – хирургический термин, используемый для заполнения хирургического протокола оперативного вмешательства.

Во вторую группу вошли 40 условно здоровых сверстников, проживающих в г. Кемерово и обучающихся в средней общеобразовательной школе № 28.

Испытуемым предлагалось в письменной форме написать в течение 1–3 минут три пришедших на ум слова, которые вызывает у них стимул. Не все респонденты зафиксировали требуемые три ассоциации. Для того чтобы ассоциация не связывалась у респондентов с предыдущим словом-реакцией, анкета для заполнения имела вид вертикального списка.

В генеральную совокупность исследования, по данным эксперимента с респондентами первой группы, вошли 118 реакций на слово-стимул «сердце», 114 ассоциатов на стимул-символ «сердце», 113 ассоциатов

на стимул-рисунок «сердце» у подростков, оперированных по поводу ВПС.

В генеральную совокупность исследования по данным эксперимента с респондентами второй группы вошли 110 реакций на слово-стимул «сердце», 103 ассоциата на стимул-символ «сердце», 108 ассоциатов на стимул-рисунок «сердце» у условно здоровых подростков.

В исследовании учитывались и единичные ассоциаты, хоть они и представляют собой «личностные смыслы» [12. С. 753], т.е. индивидуализированные, субъективные значения, возникающие на пересечении мотива и цели деятельности [13], так как это позволяет идентифицировать потенциальные возможности формирования устойчивых ассоциативных рядов. Однако итоговое определение выводилось на основе количественного анализа ассоциативной группы, т.е. на основе наиболее частотных реакций.

Результаты исследования по направленному ассоциативному эксперименту у подростков, оперированных по поводу ВПС

Слово-стимул «сердце» (118 ассоциатов). Количественный анализ реакций на слово-стимул в экспериментальной группе показал следующий результат: *кровь* (14), *любить* (12), *порок* (сердца) (11), *красный* (цвет) (10), *сосуд(ы)* (10), *орган* (9), *аритмия* (5), *давление* (5), *болеть* (4), *операция* (на сердце) (4), *лечить* (3), *мама* (3), *организм* (3), *семья* (3), *болезнь* (2), *инфаркт* (2), *жизнь* (1), *камеры сердца* (1), *любовь* (1), *нарушение ритма* (1), *обнимать* (1), *операционная* (1), *сердечко* (1), *ЭКГ* (1). Лексика включает 27 различных слов.

Семантический анализ ассоциатов привел к следующей классификации, слоты которой количественно распределились следующим образом:

1. Болезнь (39):

– Состояние не-нормы: *порок* (сердца) (11), *аритмия* (5), *давление* (5), *болеть* (4), *болезнь* (2), *инфаркт* (2), *нарушение ритма* (1).

– Лечение: *операция* (на сердце) (4), *лечить* (3), *операционная* (1), *ЭКГ* (1).

2. Тело человека (37): *кровь* (14), *сосуд(ы)* (10), *орган* (9), *организм* (3), *камеры сердца* (1).

3. Абстрактные понятия (15):

– Эмоции и их проявления (14): *любить* (12), *любовь* (1), *обнимать* (1).

– Экзистенциальные ценности (1): *жизнь* (1).

4. Визуальное описание (11):

– Цвет (10): *красный* (цвет) (10).

– Форма: *сердечко* (1).

5. Люди (6): *мама* (3), *семья* (3).

На основе наиболее частотных ассоциатов можно сделать вывод о том, что сердце – это орган красного цвета, связанный с сосудами и кровью, который подвержен болезням, требует лечения и отвечает за чувство любви. Логично было бы предположить, что для детей с ВПС слово-стимул, связанный с их недугом, вызовет такие личностные ассоциаты, как *жизнь*, однако данная реакция оказалась в числе однократных.

Стимул-символ «сердце» (114 ассоциатов). Количественный анализ реакций на символическое изображение сердца в экспериментальной группе дал следующий результат: *сердце/сердца* (32), (сердце) *рисунок* (сердца) (28), *изображение* (сердца) (12), *сердечко* (8), *картинка* (7), *красный* (цвет) (5), *красное* (сердце) (5), *нарисовано* (сердце) (5), *нарисованное сердце* (3), *валентинка* (1), *красиво* (1), *нарисовать* (1), *открытка* (1), *разукрашка* (1), *раскраска* (1), *фотография* (1). Всего 17 разных лексем.

Семантический анализ позволил получить следующую классификацию:

1. Визуальное описание (73):

– Цвет (10): *красный* (цвет) (5), *красное* (сердце) (5).

– Способ изображения (55): (сердце) *рисунок* (сердца) (28), *изображение* (сердца) (12), *картинка* (7), *нарисовано/нарисованное* (сердце) (8).

– Форма (8): *сердечко* (8).

2. Тело человека (32): *сердце/сердца* (32).

3. Предметы (5): *валентинка* (1), *открытка* (1), *разукрашка* (1), *раскраска* (1), *фотография* (1).

4. Эстетическая оценка (1): *красиво* (1).

5. Действие (1): *нарисовать* (1).

Следовательно, символ «сердце» представляет собой графическое изображение красного сердца.

Стимул-рисунок «сердце» (113 ассоциатов). Количественный анализ ассоциатов, полученных на анатомически реалистичное изображение сердца, дал следующий результат: *сердце/сердца* (26), *орган* (18), *анатомия* (14), *сосуды* (12), *анатомия сердца* (8), *кровь* (6), *сердце и сосуды* (6), *медицина* (3), *анатомия сосудов* (2), *изображение* (2), *орган кровообращения* (2), *орган сердце/сердце орган* (2), *рисунок органа* (2), *анатомия органа* (1), *изображение сердца* (1), *кровеносная система* (1), *круги* (1), *круги сердца* (1), *муляж* (1), *организм* (1), *рисунок* (1), *сосуды в сердце* (1). Ассоциаты представлены 16 различными лексемами.

Семантическая классификация выглядит следующим образом:

1. Тело человека (75): *сердце/сердца* (26), *орган* (18), *сосуды* (12), *кровь* (6), *сердце и сосуды* (6), *орган кровообращения* (2), *орган/сердце/орган* (2), *кровеносная система* (1), *организм* (1), *сосуды в сердце* (1).

2. Наука (30): *анатомия* (14), *анатомия сердца* (8), *медицина* (3), *анатомия сосудов* (2), *круги* (сердца) (2), *анатомия органа* (1).

3. Визуальное описание (7): *изображение* (сердца) (3), *рисунок* (органа) (3), *муляж* (1).

Следовательно, реалистичное изображение представляет сердце, орган, связанный с кровью и сосудами, который изучается в рамках анатомии.

В группе подростков с ВПС лексическое разнообразие в среднем по результатам трех экспериментов сводится к 20 единицам, при этом наибольшее лексическое разнообразие реакций было получено в первом тесте, где стимулом послужило слово.

С точки зрения семантики полученных ассоциатов на все три стимула были получены реакции, которые называют органы тела, т.е. семантически относятся к организму человека, или являются попыткой описать увиденный визуальный или вербальный стимул, т.е. по

сути являются визуальным описанием. Интересно, что лексемы, связанные с тематическим полем болезни и лечения, эмоциями и людьми, встречаются только в реакциях на вербальный стимул. Примечательно также, что символическое изображение сердца, которое часто используется как обозначение любви, не вызвало ни одной реакции, связанной с чувствами и эмоциями. Самая семантически ущербная классификация была получена по результатам теста, где в качестве стимула было использовано анатомически точное изображение сердца. Этот стимул, кроме ассоциаций, связанных с организмом и визуальным описанием, вызвал ассоциации с научной деятельностью. Семантический анализ реакций на символическое изображение продемонстрировал группу слов, обозначающих предметы, но они в большинстве своем были связаны с манерой изображения, т.е. рисунком: *разукрашка, открытка* и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод, что визуальный стимул сужает спектр реакций.

Результаты исследования по направленному ассоциативному эксперименту у условно здоровых подростков

Слово-стимул «сердце» (110 ассоциатов). Вербальные реакции на слово-стимул, полученные от условно-здоровых подростков из группы контроля, количественно выстроились в следующем порядке: *любовь* (23), *кровь* (11), *орган* (8), *красный* (цвет) / *красное* (5), *жизнь* (4), *боль* (3), *биология* (2), *болезнь* (2), *вены* (2), *семья* (2), *тук-тук* (2), *член* (2), *Алена* (1), *артерия* (1), *бок* (1), *болит* (1), *большое сердце* (1), *будущая работа* (1), *Ваня* (1), *врач* (1), *доброта* (1), *дружба* (1), *дружить* (1), *друзья* (1), *душа* (1), *забота* (1), *здоровье* (1), *книга* (1), *красивое* (1), *крах* (1), *ласка* (1), *любить* (1), *миокард* (1), *мишка плюшевый* (1), *нежность* (1), *объединение* (1), *организм* (1), *отец* (1), *открытка на 8 марта* (1), *плюшевая игрушка* (1), *пульс* (1), *рак* (1), *ритм* (1), *с кулак* (1), *сердце человека* (1), *смайлик* (1), *смерть* (1), *сосуды* (1), *счастье* (1), *тахикардия* (1), *тромб* (1), *человек* (1), *хирургия* (1), *чувствительное* (1), *эмоциональное* (1), *эпицентр* (1). Данные реакции составили 60 различных лексем.

Семантическая классификация выглядела следующим образом:

1. Абстрактные понятия (42):

– Эмоции и чувства (29): *любовь* (23), *боль* (3), *ласка* (1), *нежность* (1), *счастье* (1).

– Экзистенциальные ценности (10): *жизнь* (4), *доброта* (1), *дружба* (1), *дружить* (1), *забота* (1), *здоровье* (1), *любить* (1).

– Энтропия (2): *крах* (1), *смерть* (1).

– Религия (1): *душа* (1).

2. Тело человека (31): *кровь* (11), *орган* (8), *вены* (2), *член* (2), *артерия* (1), *бок* (1), *миокард* (1), *организм* (1), *пульс* (1), *ритм* (1), *сердце человека* (1), *сосуды* (1).

3. Визуально-аудальное описание (10):

– Цвет (5): *красный* (цвет) / *красное* (5).

– Звук (2): *тук-тук* (2).

– Размер (2): *большое сердце* (1), *с кулак* (1).

– Форма (1): *смайлик* (1).

4. Люди (8): *семья* (2), *Алена* (1), *Ваня* (1), *врач* (1), *друзья* (1), *отец* (1), *человек* (1).

5. Болезнь (6): *болезнь* (2), *болит* (1), *рак* (1), *тахикардия* (1), *тромб* (1).

6. Предметы (4): *книга* (1), *мишка плюшевый* (1), *открытка на 8 марта* (1), *плюшевая игрушка* (1).

7. Наука (3): *биология* (2), *хирургия* (1).

8. Оценочные реакции (3): *красивое* (1), *чувствительное* (1), *эмоциональное* (1).

9. Другое (3): *будущая работа* (1), *объединение* (1), *эпицентр* (1).

На количественной основе вышеприведенные ассоциаты можно обобщить в следующее определение: сердце – это орган красного цвета, связанный с кровью, отвечающий за такие эмоции, как любовь к другим людям.

Стимул-символ «сердце» (103 ассоциата). На стимул в виде символического изображения сердца были получены следующие реакции: *красный* (цвет) / *красное* (17), *любовь* (14), *сердце* (8), *карты* (4), *кровь* (4), *мама* (3), *боль* (2), *валентинка* (2), *День Святого Валентина* (2), *жопо* (2), *круг* (2), *рисунок* (2), *рэд/red* (2), *семья* (2), *фигура* (2), *больница* (1), *большое* (1), *бумага* (1), *голова болит* (1), *ветер* (1), *влюбленность* (1), *всегда вижу* (1), *две половины* (1), *девушка* (1), *детство* (1), *дружба* (1), *мармелад* (1), *открытка* (1), *конфеты* (1), *любимое* (1), *общество* (1), *папа* (1), *плюшевый медведь* (1), *порок* (1), *привязанность* (1), *рисование* (1), *розы* (1), *сердечко* (1), *смайлик сердца* (1), *сосуды* (1), *стук* (1), *счастье* (1), *телевизор* (1), *червовая масть* (1), *член* (1), *2015 год* (1). Здесь можно выделить 54 различные лексемы.

Семантическая классификация выглядит следующим образом:

1. Визуально-аудальное описание (30):

– Цвет (19): *красный* (цвет) / *красное* (17), *рэд/red* (2).

– Форма (6): *фигура* (2), *две половины* (1), *сердечко* (1), *смайлик сердца* (1), *червовая масть* (1).

– Способ изображения (3): *рисунок* (2), *рисование* (1).

– Звук (1): *стук* (1).

– Размер (1): *большое* (1).

2. Чувства и эмоции (19): *любовь* (14), *влюбленность* (1), *дружба* (1), *любимое* (1), *привязанность* (1), *счастье* (1).

3. Тело человека (18): *сердце* (8), *кровь* (4), *жопо* (2), *круг* (2), *сосуды* (1), *член* (1).

4. Предметы (12):

– Собственно предметы (10): *карты* (4), *валентинка* (2), *бумага* (1), *открытка* (1), *плюшевый медведь* (1), *телевизор* (1).

– Еда (2): *конфеты* (1), *мармелад* (1).

5. Люди (8): *мама* (3), *семья* (2), *девушка* (1), *общество* (1), *папа* (1).

6. Болезнь (5): *боль* (2), *больница* (1), *голова болит* (1), *порок* (1).

7. Праздник (2): *День Святого Валентина* (2).

8. Время (2): *детство* (1), *2015 год* (1).

9. Мир природы (2):

– Явления природы (1): *ветер* (1).

– Растения (1): *розы* (1).

10. Другое (1): *всегда вижу* (1).

Следовательно, изображение представляет сердце – орган красного цвета, отвечающий за чувство любви.

Стимул-рисунок «сердце» (108 ассоциатов). Ассоциаты, полученные на стимул в виде анатомически реалистичного изображения сердца, количественно выстроились следующим образом: (человеческий) *орган/ы* (человека) (15), *кровь* (12), (человеческое) *сердце* (8), *сосуды* (6), *биология* (4), *жизнь* (4), *кишки* (4), *здоровье* (3), *мозг(и)* (3), *организм* (3), *человек* (3), *анатомия* (2), *артерия/артерии* (2), *клапан(ы)* (2), *мясо* (2), *сериал «Склифосовский»* (2), *хирургия* (2), *вена* (1), *вкусно* (1), *дружба* (1), *желудок* (1), *желудочки* (1), *живет внутри нас* (1), *кардиохирургия* (1), *кровообращение* (1), *кровоток* (1), *настоящее* (1), *некрасивое* (1), *НИИ КПССЗ* (1), *патология* (1), *печень* (1), *плесень* (1), *полый фиброзно-мышечный орган* (1), *почки* (1), *расчленение* (1), *сердцебиение* (1), *странный вид* (1), *стук* (1), *сухость* (1), *тоннель* (1), *тревожность* (1), *тромбы* (1), *трубка* (1), *труп* (1), *умереть* (1), *червяк* (1), *чувства* (1), *эмоции* (1). Всего выделено 52 различные лексемы.

Семантически полученные ассоциаты можно разделить так:

1. Тело человека (64): (человеческий) *орган/ы* (человека) (15), *кровь* (12), (человеческое) *сердце* (8), *сосуды* (6), *кишки* (4), *мозг(и)* (3), *организм* (3), *артерия/артерии* (2), *клапан(ы)* (2), *мясо* (2), *вена* (1), *желудок* (1), *желудочки* (1), *кровообращение* (1), *кровоток* (1), *печень* (1), *полый фиброзно-мышечный орган* (1), *почки* (1), *сердцебиение* (1).

2. Абстрактные понятия (11):

– Экзистенциальные ценности (8): *жизнь* (4), *здоровье* (3), *дружба* (1).

– Эмоции (3): *тревожность* (1), *чувства* (1), *эмоции* (1).

3. Наука (10): *биология* (4), *анатомия* (2), *хирургия* (2), *кардиохирургия* (1), *НИИ КПССЗ* (1).

4. Люди (3): *человек* (3).

5. Кинематограф (2): *сериал «Склифосовский»* (2).

6. Болезнь (2): *патология* (1), *тромбы* (1).

7. Звук (1): *стук* (1).

8. Реакция (3): *вкусно* (1), *некрасивое* (1), *странный вид* (1).

9. Энтропия (3): *расчленение* (1), *труп* (1), *умереть* (1).

10. Животный мир (2): *плесень* (1), *червяк* (1).

11. Конструкции (2): *тоннель* (1), *трубка* (1).

12. Физические ощущения (1): *сухость* (1).

13. Другое (2): *живет внутри нас* (1), *настоящее* (1).

Следовательно, изображение представляет орган человеческого тела, связанный с кровью и сосудами, который является предметом изучения науки.

В среднем по трем экспериментам в группе условно здоровых подростков лексическое многообразие составило 55 единиц, при этом более разнообразные реакции были получены на вербальный стимул. В группе реакций на слово-стимул в количественном отношении лидирует тема, связанная с абстрактными понятиями, в частности эмоциями, за которой следует группа слов, обозначающих различные органы и процессы человеческого организма.

В группе реакций на символическое изображение сердца количественно наиболее многочисленными

оказались слова, связанные с попыткой описать увиденное, на втором месте – слова, описывающие чувства, эмоции и тело человека. В группе реакций на реалистичное изображение сердца с большим отрывом лидируют слова, семантически связанные с телом человека. Эта же группа реакций оказалась и самой семантически разветвленной.

Сравнение результатов по направленному ассоциативному эксперименту с тремя типами стимулов

Сопоставление результатов теста в экспериментальной группе и группе сравнения позволило сформулировать следующие выводы.

В группе условно здоровых подростков семантика реакций по всем трем тестам оказалась гораздо более разнообразной, чем в группе детей с ВПС. У последних количество слотов в классификации варьировалось от 3 до 5, причем минимум был отмечен в тесте с реалистичным изображением. У первых же, при количестве слотов от 9 до 13, самая разветвленная классификация была построена как раз для реакций на тест с реалистичным изображением сердца.

Максимальное лексическое разнообразие реакций в обеих группах было получено на вербальный стимул «сердце». Однако в группе подростков с ВПС разнообразие лексических единиц варьировалось от 16 до 27, а в группе условно здоровых подростков – от 52 до 60, что позволяет предположить наличие у последних более богатого активного словаря.

Большее разнообразие реакций в группе условно здоровых подростков достигалось в том числе за счет их личного характера (2015 год, Ваня, Алена и т.д.), в то время как среди ассоциатов, приведенных подростками с ВПС, ассоциатов подобного типа не было зафиксировано. Можно предположить, что у условно здоровых подростков более развит механизм проецирования ситуации на себя. Если подростки в группе сравнения позволяли себе пошутить, что типично для этого возраста (*вкусно*, *ж*па*, *чл*н*), то в группе подростков с ВПС ничего подобного отмечено не было.

У условно здоровых подростков абстрактные слова-реакции не сводятся только к *любить*, как в тесте с вербальным стимулом у подростков с ВПС. Аналогичным образом тематическая группа «люди» в группе сравнения гораздо разнообразнее.

В обеих группах упоминание красного цвета отсутствовало среди ассоциатов на стимул в виде реалистичного изображения сердца. Прилагательное «красный» было отмечено как среди реакций на символическое изображение (10 у подростков с ВПС и 19 в группе сравнения; что вполне логично, так как символическое изображение сердца было красным), так и среди реакций на вербальный стимул (10 и 5 соответственно).

Можно сделать вывод о том, что сема «красный цвет» входит в психологически реальное значение слова «сердце», однако этот момент был значительно более выражен на материале анализа реакций в экспериментальной группе.

Если сравнить основные слоты семантической классификации по тестам, получится следующая картина. Ассоциаты на вербальный стимул в группе подростков с ВПС количественно по мере убывания распределились как «болезнь – тело – эмоции – визуал – люди», а в группе условно здоровых подростков – как «эмоции – тело – визуал – люди – болезнь – предметы». Можно сделать вывод, что подростки-пациенты кардиоцентра наиболее прочно связывают с болезнью именно вербальный стимул «сердце». Их здоровые сверстники склонны определять слово «сердце» скорее как «вместилище эмоций», чем обозначение органа, и в гораздо меньшей степени склонны видеть в нем источник болезни.

Ассоциаты на стилизованное изображение сердца в группе подростков с ВПС распределились как «визуал – тело – предметы», а в группе сравнения – как «визуал – эмоции – тело – предметы – люди – болезнь». Обе группы респондентов сосредоточились на описании увиденного, однако подростки с ВПС совершенно не ассоциируют символическое сердце с эмоциями, любовью и т.д. (разве что весьма опосредованно, через *валентинки*, но количество таких реакций было незначительным). Условно здоровые подростки, напротив, довольно часто связывали символ сердца с любовью.

Ассоциаты на анатомическое изображение сердца в группе подростков с ВПС распределились как «тело – наука – визуал», а в группе условно здоровых подростков – как «тело – абстрактные понятия – наука». В обеих группах респондентов реакции, связанные с обозначениями органов и процессов организма, превалировали с большим отрывом. Однако подростки с ВПС привели гораздо больше ассоциатов, связанных с наукой, чем их условно здоровые сверстники, но совершенно не упомянули ни эмоции, ни какие-либо экзистенциальные ценности.

Интересно, что в группе условно здоровых респондентов присутствовала и аудиальная характеристика сердца (*стук, тук-тук*), а в экспериментальной группе подобные ассоциаты отсутствовали.

Заключение

Данный эксперимент выявил общую для обеих групп подростков закономерность: эксперимент с вербальным стимулом вызвал наибольшее количество реакций, причем реакции эти отличались значительным лексическим разнообразием.

В целом же условно здоровые подростки предоставили на каждый вид стимула гораздо более разнообразные и субъективные смысловые классификации, продемонстрировав способность проецировать ситуацию на себя. Тот факт, что в данной группе в среднем лексическое разнообразие оказалось выше, может указывать на достаточно богатый активный словарный запас. Среди их реакций гораздо чаще встречались абстрактные понятия, связанные с эмоциями, чувствами, внутренним миром, взаимоотношениями между людьми и т.д.

Такое серьезное заболевание, как сердечная недостаточность, так или иначе подчиняет себе весь образ жизни подростка, является доминантой его бытия и быта. В связи с этим логично было бы предположить, что стимул «сердце», будь то слово, символическое изображение или натуралистичный рисунок из учебника анатомии, вызовет в этой группе респондентов ассоциаты, семантически связанные с болезнью. Однако таковые были получены только в эксперименте с вербальным стимулом: ни схематичное красное сердечко, ни, что удивительно, реалистичное изображение сердца с желудочками, сосудами и т.д. не вызвали у подростков с ВПС субъективной связи со своим заболеванием.

Остается сделать вывод, что в данном исследовании визуальные стимулы, не сопровождавшиеся вербальным компонентом, срабатывали как ограничивающий фактор для подростков с ВПС и препятствовали субъективному восприятию того понятия, которое они представляли.

Список источников

1. Каменева В.А., Рабкина Н.В., Потапова Н.В., Морозова И.С. Влияние семиотического типа стимулов на извлечение информации из языкового сознания // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 110–125. doi: 10.25205/1818-7935-2022-20-2-110-125
2. Gewirth L.R., Shindler A.G., Hier D.B. Altered Patterns of Word Associations in Dementia and Aphasia // Brain and Language. 1984. Vol. 21, № 2. P. 307–317. doi: 10.1016/0093-934X(84)90054-3
3. Bandera L., Della Sala S., Laiacina M., Luzzatti C., Spinnler H. Generative Associative Naming in Dementia of Alzheimer's Type // Neuropsychologia. 1991. Vol. 9, № 4. P. 291–304. doi: 10.1016/0028-3932(91)90043-8
4. Sheng L., Peña E.D., Bedore L.M., Fiestas C.E. Semantic Deficits in Spanish-English Bilingual Children with Language Impairment // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. 2012. Vol. 55, № 1. P. 1–15. doi: 10.1044/1092-4388(2011/10-0254)
5. Dauvister E., Jemel B., Maillart C. Preserved Category-Based Inferences for Word Learning in School-Aged Children with Developmental Language Disorder // Clinical Linguistics & Phonetics. 2022. Vol. 36, № 4-5. P. 359–380. doi: 10.1080/02699206.2021.2007286
6. Baror S., Bar M. Increased Associative Interference under High Cognitive Load // Scientific Reports. 2022. Vol. 12, № 1. doi: 10.1038/s41598-022-05722-w
7. Prihatini A. Word Association and Its Function at the Constituent Understanding on the Language Learning // KnE Social Sciences. 2020. Vol. 4, № 4. doi: 10.18502/kss.v4i4.646
8. Мусатаева М., Кожаметова А. Ассоциативный эксперимент как метод исследования аксиологической семантики // Annali d'Italia. 2021. № 26. С. 52–55.
9. Кудрина А.В. Прикладные аспекты психосемантики цвета. Ассоциативный эксперимент как инструмент исследования формирования семантики цвета в онтогенезе // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5, № 3. С. 86–95.
10. Конева Е.А., Мелихова Ю.Р. Специфика способа восприятия испытуемыми стимулов в ходе проведения ассоциативного эксперимента // Russian Linguistic Bulletin. 2022. № 2. doi: 10.18454/RULB.2022.30.13
11. Каменева В.А., Морозова И.С., Рабкина Н.В., Каргина А.Е., Тубалова И.В. Комплексный анализ ассоциаций, извлекаемых из языкового сознания гетеросемиотическим стимулом (на материале ассоциаций с вербально-эмблематическими стимулами: герб г. Кемерово и герб Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. Т. 7, № 2. С. 149–160. doi: 10.21603/2542-1840-2023-7-2-149-160

12. Пищальникова В.А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23, № 3. С. 749–761. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761
13. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат. 1975. 304 с.

References

1. Kameneva, V.A. et al. (2022) Vliyanie semioticheskogo tipa stimulov na izvlechenie informatsii iz yazykovogo soznaniya [The influence of the semiotic type of stimuli on the extraction of information from linguistic consciousness]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 20 (2). pp. 110–125. doi: 10.25205/1818-7935-2022-20-2-110-125
2. Gewirth, L.R., Shindler, A.G. & Hier, D.B. (1984) Altered Patterns of Word Associations in Dementia and Aphasia. *Brain and Language*. 21 (2). pp. 307–317. doi: 10.1016/0093-934X(84)90054-3
3. Bandera, L. et al. (1991) Generative Associative Naming in Dementia of Alzheimer's Type. *Neuropsychologia*. 9 (4). pp. 291–304. doi: 10.1016/0028-3932(91)90043-8
4. Sheng, L. et al. (2012) Semantic Deficits in Spanish-English Bilingual Children with Language Impairment. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 55 (1). pp. 1–15. doi: 10.1044/1092-4388(2011/10-0254)
5. Dauvister, E., Jemel, B. & Maillart, C. (2022) Preserved Category-Based Inferences for Word Learning in School-Aged Children with Developmental Language Disorder. *Clinical Linguistics & Phonetics*. 36 (4-5). pp. 359–380. doi: 10.1080/02699206.2021.2007286
6. Baror, S. & Bar, M. (2022) Increased Associative Interference under High Cognitive Load. *Scientific Reports*. 12 (1). doi: 10.1038/s41598-022-05722-w
7. Prihatini, A. (2020) Word Association and Its Function at the Constituent Understanding on the Language Learning. *KnE Social Sciences*. 4 (4). doi: 10.18502/kss.v4i4.646
8. Musataeva, M. & Kozhakhmetova, A. (2021) Assotsiativnyy eksperiment kak metod issledovaniya aksiologicheskoy semantiki [Associative experiment as a method for studying axiological semantics]. *Annali d'Italia*. 26. pp. 52–55.
9. Kudrina, A.V. (2012) Prikladnye aspekty psikhosemantiki tsveta. Assotsiativnyy eksperiment kak instrument issledovaniya formirovaniya semantiki tsveta v ontogeneze [Applied aspects of color psychosemantics. Associative experiment as a tool for studying the formation of color semantics in ontogenesis]. *Ekspperimental'naya psikhologiya*. 5 (3). pp. 86–95.
10. Koneva, E.A. & Melikhova, Yu.R. (2022) Spetsifika sposoba vospriyatiya ispytuemymi stimulov v khode provedeniya assotsiativnogo eksperimenta [Specificity of the way subjects perceive stimuli during an associative experiment]. *Russian Linguistic Bulletin*. 2. doi: 10.18454/RULB.2022.30.13
11. Kameneva, V.A. et al. (2023) Kompleksnyy analiz assotsiatitsiy, izvlekaemykh iz yazykovogo soznaniya geterosemioticheskim stimulom (na materiale assotsiatitsiy s verbal'no-emblematiceskimi stimulami: gerb g. Kemerovo i gerb Kemerovskoy oblasti) [Comprehensive analysis of associations extracted from linguistic consciousness by a heterosemiotic stimulus (based on associations with verbal-emblematic stimuli: the coats of arms of Kemerovo and Kemerovo Oblast)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 7 (2). pp. 149–160. doi: 10.21603/2542-1840-2023-7-2-149-160
12. Pishchal'nikova, V.A. (2019) Interpretatsiya assotsiativnykh dannykh kak problema metodologii psikholingvistiki [Interpretation of associative data as a problem of psycholinguistic methodology]. *Russian Journal of Linguistics*. 23 (3). pp. 749–761. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761
13. Leont'ev, A.N. (1975) *Deyatelnost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.

Информация об авторах:

Каменева В.А. – д-р филол. наук, зав. кафедрой теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: russia_science@mail.ru

Рабкина Н.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры перевода и лингвистики Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: nrabkina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Kameneva, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Theory and Methods of Teaching Humanities, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: russia_science@mail.ru

N.V. Rabkina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: nrabkina@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.04.2024;
одобрена после рецензирования 01.09.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 08.04.2024;
approved after reviewing 01.09.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/507/4

«Нигилист Пётр Великий»: Ф.М. Достоевский об исторической роли Петра I в геополитическом аспекте

Елена Георгиевна Новикова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, elennov@mail.ru

Аннотация. Собраны основные материалы высказываний Ф.М. Достоевского о роли и значении Петра I в истории России, которые впервые проанализированы в контексте геополитической картины мира писателя. Также впервые в центре изучения – формулировка Достоевского «нигилист Петр Великий», которая позволяет реконструировать созданный писателем образ первого российского императора в широком диапазоне исторических, социальных, культурных закономерностей российской действительности на основании использования культурно-исторического, сравнительно-исторического и имагологического методов анализа текста.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Петр I, А.С. Пушкин, публицистика

Для цитирования: Новикова Е.Г. «Нигилист Пётр Великий»: Ф.М. Достоевский об исторической роли Петра I в геополитическом аспекте // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 29–36. doi: 10.17223/15617793/507/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/4

"The nihilist Peter the Great": Fyodor Dostoevsky on the historical role of Peter I in the geopolitical aspect

Elena G. Novikova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, elennov@mail.ru

Abstract. For the first time, the article attempts to reconstruct the image of Peter I in the context of Dostoevsky's geopolitical worldview; at the same time, the writer's formulation "the nihilist Peter the Great" is also for the first time considered as his basic position in relation to Peter I. The relevance of the research is determined by the general problems of the interaction of fiction and socio-political thought, as well as the modern idea of Dostoevsky as an original political thinker. The main materials of Dostoevsky's statements about the role and significance of Peter I in the history of Russia, presented in Dostoevsky's journalistic works, are collected "Zimnie zametki o letnikh vpechatleniyakh", "Ob'yavlenie o podpiske na zhurnal 'Vremya' na 1861 god", "Dva lagerya teoretikov (po povodu 'Dnya' i koy-chego drugogo)", "Dnevnik pisatelya", "Pushkin". They are studied using cultural-historical, comparative-historical, imagological methods of text analysis. In Dostoevsky's works, two stages of the writer's appeal to the image of Peter and to the problems of Peter's reform are distinguished: the beginning of the 1860s and the second half of the 1870s – the beginning of the 1880s. In "Ob'yavlenie o podpiske na zhurnal 'Vremya' na 1861 god" and "Dva lagerya teoretikov (po povodu 'Dnya' i koy-chego drugogo)", Dostoevsky speaks about the universal significance of Peter's reform, and at the same time argues that it separated the people and the educated part of society in Russia. The second stage of active attention to the problems of Peter's reform is the period of the second half of the 1870s-early 1880s. It is "Dnevnik pisatelya" of 1876–1877 and "Pushkin". It was here that Dostoevsky's final ideas about Peter the Great's geopolitical mission were formed. In "Dnevnik pisatelya" of 1876–1877, Dostoevsky discusses the national liberation struggle of the Slavs in the Balkans against the Ottoman yoke and the active role of Russia in these political events. Peter the Great appears here as one of the forerunners of the geopolitical idea of the All-Slavic unity led by Russia. In Pushkin's materials, Dostoevsky points to the deep relationship between Peter's reform and Pushkin as a unique Russian genius who embodied the "universal responsiveness" of the nation. In general, Dostoevsky's deep and ambiguous formulation of "the nihilist Peter the Great" carries a complex combination of different aspects of the writer's understanding of the historical role of Peter I and Peter's reform. Dostoevsky's texts about Peter I became an important component of his geopolitical concept: Peter's reform as Russia's step into Europe in the name of fraternal reunification of nations – this, according to Dostoevsky, is Russia's geopolitical mission in Europe and the world.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Peter I, Alexander Pushkin, journalism

For citation: Novikova, E.G. (2024) "The nihilist Peter the Great": Fyodor Dostoevsky on the historical role of Peter I in the geopolitical aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 29–36. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/4

Исходные методологические подходы к проблеме «Петр I в восприятии Ф.М. Достоевского» были заданы И.Л. Волгиным в его фундаментальном труде «Достоевский и русский императорский дом» [1], несмотря на то, что история династии Романовых начинается в ней с момента кончины Петра I, Петра Алексеевича из династии Романовых, ставшего первым российским императором. В работе Ш. Липке, С.В. Мурзиной и М.В. Подрезова «Ф.М. Достоевский о роли личности в истории» утверждается, что Петр I относился к тем историческим личностям, которые всегда оставались в центре внимания писателя [2. С. 39]. О.С. Кругликова предприняла попытку интерпретации ряда высказываний Достоевского о Петре I в аспекте почвенничества писателя [3].

Однако материалы обращения Достоевского к образу Петра I свидетельствуют о том, что историческую роль первого российского императора в восприятии писателя нельзя полно и непротиворечиво реконструировать вне его размышлений о взаимодействии России и Европы, шире говоря – вне его общей геополитической картины мира.

В письме к К.П. Победоносцеву от 19 мая 1879 г. Достоевский рассказывает о только что законченной им книге романа «Братья Карамазовы» «Pro et contra», и, стремясь объяснить истоки теодицеи Ивана Карамазова, обращается к Европе, к «современной цивилизации», в которой, по его мнению, доминирует «европейский социализм» [4. Т. 30, кн. 1. С. 66–67]. Именно здесь он и формулирует свое представление о Петре I как о «нигилисте»: «Культуры¹ нет <...> через нигилиста Петра Великого» [4. Т. 30, кн. 1. С. 67]. По мнению Достоевского, «нет культуры» самостоятельного мышления, отсюда – такие интеллектуальные явления, как богоборчество Ивана Карамазова: подобный этому герою российский мыслитель «хоть все целиком у европейского социализма взял, а ведь и тут переделал так, что ни на что не похоже» [4. Т. 30, кн. 1. С. 67]. В связи с авторским осмыслением специфики социокультурного взаимодействия России с европейской мыслью и возникла уникальная формулировка Достоевского «нигилист Петр Великий».

В.Л. Цымбурский впервые предпринял попытку вписать реформы Петра I в общую картину «Геополитических взглядов Федора Достоевского»², он показал, что для писателя это был путь к «осознанию всемирного положения России» [5]. Тема петровских реформ в геополитическом аспекте была продолжена в ряде современных работ: так, А.В. Лесвицкий сопоставляет их восприятие Достоевским и евразийцами [6]; в исследованиях Е.А. Волковой вопрос оценки писателем их исторического значения вписывается в реконструкцию его отношения к Русско-турецкой войне 1876–1878 гг. [7, 8]. Специальное системное изучение образа Петра I как российского «нигилиста» в контексте геополитических взглядов Достоевского предпринимается впервые, что обусловило научную новизну исследования. Его актуальность определяется общей проблематикой взаимодействия художественной словесности и социально-политической мысли в русской культуре и литературе [9, 10], а также современным представлением о

Достоевском как о ярком и оригинальном политическом мыслителе [11–13].

«У нас – русских – две родины: наша Русь и Европа» [4. Т. 23. С. 30] – таково было сущностное представление Достоевского о России, и эта сложная природа страны и нации восходит к реформам Петра I: «В самом деле, что такое для нас петровская реформа <...> Мы <...> дружелюбно, с полной любовью приняли в душу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий» [4. Т. 26. С. 147]. Так, общемировой смысл петровских реформ был осознан и принят Достоевским изначально. Это, по мысли писателя, обусловило также и современную ему российскую «политическую идею, завещанную еще Петром» [4. Т. 28, кн. 1. С. 208]. Как пишет В.Л. Цымбурский, «свое время Достоевский определяет как конец “эпохи прорубленного в Европу окошка”» [5]. С его точки зрения, эпоха Петра длилась в России до второй половины XIX в. и только сейчас заканчивается, поэтому закономерно, что к теме Петра I и его реформ Достоевский обращался на протяжении всего своего творчества.

* * *

Уникальное определение «нигилист Петр Великий» требует специального анализа. Представляется, что сама эта формулировка, организованная сложным взаимодействием изначально амбивалентных смыслов, по методологии своего создания может быть соотнесена с знаменитым определением Достоевского своих последних романов как «жития великого грешника». Традиционный жанр жития, обычно посвященный жизни и деяниям святых, здесь заявлен как повествование о «грешнике», но «великом» – во всей полноте возможных смыслов как его «величины», так и «величия». В свою очередь, в формулировке «нигилист Петр Великий» существительное «нигилист» может быть связано с почвенническими установками Достоевского, но при этом из двух традиционно используемых именовании первого российского императора как «Петра I» и «Петра Великого» выбран второй, также номинирующий его «величие» и «величину».

Достоевский, впервые посетивший Европу в 1862 г., свои впечатления о своем первом заграничном путешествии выразил в цикле публицистических очерков «Зимние заметки о летних впечатлениях», опубликованном в первой половине 1863 г. в журнале «Время». В частности, именно в этом публицистическом цикле Достоевский обращается к самому яркому и очевидному образу «нигилиста» в российской культуре – к образу Базарова: «беспокойный и тоскующий Базаров (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм» [4. Т. 5. С. 59]. Нигилист – и «великое сердце», вновь здесь важное значение приобретает представление о его «величии».

Фрагмент «Главы III» «Зимних заметок...», в который вошла эта характеристика Базарова, посвящен И.С. Тургеневу – в достаточно неожиданном для традиционных представлений о почвеннических упреках Достоевского к нему аспекте: «Зато как же мы теперь самоуверенны в своем цивилизаторском призвании,

как свысока решаем вопросы, да еще какие вопросы-то: почвы нет, народа нет, национальность – это только известная система податей, душа – *tabula rasa*³, вошчик, из которого можно сейчас же вылепить настоящего человека, общечеловека всемирного, гомункула – стоит только приложить плоды европейской цивилизации да прочесть две-три книжки. Зато как мы спокойны, величаво спокойны теперь, потому что ни в чем не сомневаемся и все разрешили и подписали. С каким спокойным самодовольствием мы отхлестали, например, Тургенева за то, что он осмелился не успокоиться с нами и не удовлетвориться нашими величавыми личностями и отказался принять их за свой идеал, а искал чего-то получше, чем мы. Лучше, чем мы, господи помилуй! Да что же нас краше и безошибочнее в подсолнечной? Ну и досталось же ему за Базарова, беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм. Даже отхлестали мы его и за Кукшину, за эту прогрессивную вошь, которую вычесал Тургенев из русской действительности нам на показ, да еще прибавили, что он идет против эманципации⁴ женщины» [4. Т. 5. С. 59–60].

Обозначив современные «плоды европейской цивилизации» и «цивилизаторские» претензии определенных слоев российского общества как ложные «идеалы», Достоевский упоминает в том числе Кукшину Тургенева. В сущности, обращение Достоевского к образу Кукшиной – это та же позиция, которая была обозначена самим Тургеневым в статье «По поводу “Отцов и детей”»: «Я – коренной, неисправимый западник, и насколько этого не скрывал и не скрываю; однако я, несмотря на это, с особенным удовольствием вывел в лице Паншина (в «Дворянском гнезде») все комические и пошлые стороны западничества» [14. Т. 11. С. 88]. Именно о таком «кукшинском» феномене ложного прогресса и размышлял в письме к Победоносцеву Достоевский: «Культуры нет у нас (что есть везде) <...> то и выдумывает бедный наш бескультурный поневоле что-нибудь пофантастичнее, да понелепее, да чтоб ни на что не похоже» [4. Т. 30, кн. 1. С. 66]. Подобным «прогрессивным» псевдоевропейским тенденциям в российском обществе Достоевский и противопоставляет «беспокойного, тоскующего» нигилиста Базарова – человека «великого сердца», который «отказался принять их за свой идеал, а искал чего-то получше, чем мы».

Так, на фоне первого знакомства Достоевского с Западной Европой понятие «нигилизм» у него начинает наполняться сложными и крайне неоднозначными смыслами.

Любопытно, что в самом начале той же статьи «По поводу “Отцов и детей”» Тургенев использует существительное «почва»: «Не обладая большою долей свободной изобретательности, я всегда нуждался в <...> почве, по которой я бы мог твердо ступать ногами» [14. Т. 11. С. 86]. Безусловно, это может быть простым совпадением; но о своеобразном «почвенничестве» художественного творчества (не идеологии) Тургенева много, вполне осознанно и принципиально писал А.А. Григорьев, который был одним из ведущих сотрудников «Времени».

Кстати сказать, в начале тургеневской статьи он также упомянут [14. Т. 11. С. 87]. В свою очередь, понятие «почва» во многом объединяло Достоевского и Григорьева, не случайно в своем «Примечании <к статье Н. Страхова “Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве”>» (1864) Достоевский подчеркнул: «Человек он был непосредственно и во многом даже себе не ведомо – почвенный, кражевой» [4. Т. 20. С. 136].

А.А. Григорьеву принадлежит цикл из четырех статей «И.С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа “Дворянское гнездо”», впервые опубликованный в журнале «Русское слово» за 1859 г. Возводя творчество Тургенева к пушкинской традиции И.П. Белкина, критик следующим образом объяснял свою позицию: «...в нас совершался еще процесс органический, процесс, который очерком обозначил свои грани – в нашем величайшем, единственно полном художественном явлении, в Пушкине – процесс борьбы Ивана Петровича Белкина с Сильвио, Германом, Алеко и т.д. – борьбы скудной, еще невозделанной почвы с непомерно-развившимися растительными силами. Представителем этого органического, пушкинского процесса во всех его фазисах – был в нашу эпоху Тургенев, и вот, в чем его великое историческое значение» [15. С. 304].

Переходя собственно к роману «Дворянское гнездо», А.А. Григорьев размышляет о двух недавно сменивших друг друга эпохах российского общества, характеризуя их следующим образом: «Одна эпоха веровала исключительно в развитие, то есть в силы и их стремления. Другая верит исключительно в натуру, то есть в почву и среду» [15. С. 292]. Первая из них, по мысли критика, воплощена в фигуре Михалевича, однако ему противопоставлены Лежнёв и Лаврецкий, в которых Григорьев и обнаруживает белкинскую традицию Пушкина: «Смирением завершается их умственный и нравственный процесс, потому что в них больше натуры, если хотите, физиологической личности, чем в Рудине и Михалевиче, – больше внутренних физиологических связей с той почвою, которая произвела их, с той средой, которая воспитала их первые впечатления» [15. С. 304]. Значимым в этом смысле представляется финал романа Тургенева «Накануне», главным героем которого был болгарин Инсаров, посвятивший свою жизнь борьбе за освобождение родины от турецкого ига: «Шубин изредка переписывается с Уваром Ивановичем, который один несколько и ни в чем не изменился. «Помните, – писал он ему недавно, – что вы мне сказали в ту ночь, когда стал известен брак бедной Елены, когда я сидел на вашей кровати и разговаривал с вами? Помните, я спрашивал у вас тогда, будут ли у нас люди? и вы мне отвечали: “Будут”. О черноземная сила! И вот теперь я отсюда, из моего “прекрасного далека”, снова вас спрашиваю: “Ну, что же, Увар Иванович, будут?”» Увар Иванович поиграл перстами и устремил в отдаление свой загадочный взор» [14. Т. 6. С. 300].

Опыт тургеневского романного творчества конца 1850 – начала 1860-х гг., важнейшим результатом ко-

торого стал программный образ Базарова, свидетельствует о том, что формирование почвеннических и «нигилистических» идей осуществлялось в определенном взаимодействии между собой, а принцип их жесткого и однозначного противостояния победит позже, когда процессы идейного оформления будут завершены. Достоевский, Тургенев, Григорьев, каждый по-своему, размышляли о тесной связи «великих сердец» славянских нигилистов и политических борцов с их «почвой», именно это их принципиально и отличает от ложно понятого «общечеловека всемирного, гомункула».

Можно предположить, что в сознании Достоевского к этому типу «нигилистов» относился и «Петр Великий» – великий реформатор России: «Петра можно назвать народным явлением настолько, насколько он выражал в себе стремление народа обновиться <...> Выражаясь точнее, одна *идея* Петра была народна» [4. Т. 20. С. 15]. При этом, опираясь на «стремление народа», Петр I в конечном счете, по мысли Достоевского, решал геополитические задачи России: «...общечеловеческое значение реформы Петра... Она, по прекрасному выражению Пушкина, прорубила нам окно в Европу, она указала нам на Запад» [4. Т. 20. С. 14]; «В самом деле, что такое для нас петровская реформа <...> Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому!» [4. Т. 26. С. 147].

* * *

В творчестве Достоевского можно выделить два этапа специального обращения писателя к образу Петра и к проблематике петровской реформы – это начало 1860-х гг. и вторая половина 1870 – начало 1880-х гг., иначе говоря, первый и заключительный периоды его зрелого творчества.

По возвращении из Сибири писатель активно включился в актуальную социально-политическую повестку дня, прежде всего, организацией журнала «Время». Его первым программным текстом стало «Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год» 1860 г.

Оно начинается размышлением Достоевского о современности: «Прежде чем мы приступим к объяснению, почему именно мы считаем нужным основать новый публичный орган в нашей литературе, скажем несколько слов о том, как мы понимаем наше время и именно настоящий момент нашей общественной жизни» [4. Т. 18. С. 35]. Бесспорным образцом «важнейших событий нашей истории» здесь предстает «реформа Петра» [4. Т. 18. С. 35] в ее геополитическом «значении»: «Мы сознаем, что реформа раздвинула наш кругозор, что через нее мы осмыслили будущее значение наше в великой семье всех народов» [4. Т. 18. С. 36–37]; «Мы знаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, и предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий» [4. Т. 18. С. 37]. Так, петровские реформы в размышлениях Достоевского сразу же предстают как ключевое, поворотное явление российской

истории, предельно актуальное и для текущей современности, к которому он апеллирует, стремясь разъяснить общественно-политическую и культурную позицию планируемого им «Времени».

При этом, с его точки зрения, «петровская реформа, продолжавшаяся вплоть до нашего времени, дошла наконец до последних своих пределов. Дальше нельзя идти, да и некуда: нет дороги; она вся пройдена». А именно: «Все последовавшие за Петром узнали Европу, примкнули к европейской жизни и не сделались европейцами» [4. Т. 18. С. 36].

Вот ключевая позиция писателя по поводу деятельности Петра: «мы» «узнали Европу», но «не сделались европейцами». Поэтому, по мысли писателя, самым опасным для России результатом петровской реформы стало «разъединение» «великого русского народа» и «сословия образованного» [4. Т. 18. С. 35]. Достоевский называет это «нравственным распадом народа с его высшим сословием» и подчеркивает, «какою дорогою ценою досталась нам тогдашняя новая жизнь» [4. Т. 18. С. 36].

Основной причиной этого исторического разъединения Достоевский считает саму сущность реформаторской деятельности «великого царя», собственно она и представляется ему «нигилистической» по отношению к нации: «Реформа Петра Великого <...> нам слишком дорого обошлась: она разъединила нас с народом. С самого начала народ от нее отказался. Формы жизни, оставленные ему преобразованием, не согласовались ни с его духом, ни с его стремлениями, были ему не по мерке, не впору. Он называл их немецкими, последователей великого царя – иностранцами» [4. Т. 18. С. 36]. «Народ, отшатнувшийся от Петровской реформы еще 170 лет назад» [4. Т. 18. С. 35], – таков результат этой деятельности.

Размышляя о «распадении народа с его высшим сословием», Достоевский замечает далее: «Мы говорим здесь не о славянофилах и не о западниках. К их домашним раздорам наше время совершенно равнодушно» [4. Т. 18. С. 37]. Тем не менее в статье «Два лагеря теоретиков (по поводу “Дня” и кой-чего другого)», опубликованной во «Времени» в 1862 г. и посвященной именно этим «двум лагерям теоретиков», он продолжил свои сложные и глубокие размышления о петровской реформе в совершенно закономерном контексте западничества – славянофильства.

Прежде всего, Достоевский принципиально подчеркивает ее «почвеннические» основания, прямо указывая здесь на ее «русскую почву»: «Такое историческое явление, каков Петр, выросло на русской почве <...> В русском воздухе носились уже задатки реформационной бури, и в Петре только сосредоточилось это пламеннейшее общее желание – дать новое направление нашей исторической жизни» [4. Т. 20. С. 14–15].

Однако деятельность «нигилиста Петра Великого», в полном соответствии с этим амбивалентным определением, представлялась Достоевскому и народной, и антинародной одновременно: «Петра можно назвать народным явлением настолько, насколько он выражал в себе стремление народа обновиться <...> Выражаясь точнее, одна *идея* Петра была народна. Но Петр как

факт был в высшей степени антинароден... <...> он изменил народному духу в деспотизме своих реформаторских приемов» [4. Т. 20. С. 15].

Нигилистическое отношение к собственному народу в этой статье уточняется как «деспотизм»: «А у Петра пылали костры и воздвигались эшафоты для людей, не сочувствовавших его преобразованиям <...> реформа главным образом обращена была на внешность <...> преобразование было таково, что простиралось на его одежду, бороду и т.д.» [4. Т. 20. С. 15]. Поэтому, в частности, Достоевский выражает глубокое сомнение в том, что петровская реформа на своих первых этапах действительно способствовала продуктивной европеизации России: «...мы чрезвычайно ошиблись бы, если б подумали, что реформа Петра принесла в нашу русскую среду главным образом общечеловеческие западные элементы. На первый раз у нас водворилась только страшнейшая распущенность нравов, немецкая бюрократия – чиновничество» [4. Т. 20. С. 14].

Вновь в этой статье повторяется принципиальная идея Достоевского о том, что «петровские реформы создали у нас своего рода *statum in statu*⁵ <...> создали так называемое образованное общество» [4. Т. 20. С. 7], причем суть этого «государства в государстве» теперь квалифицируется им гораздо более жестко и однозначно, чем в «Объявлении о подписке...»: «общество, часто изменявшее народным интересам, совершенно разобщенное с народной массой, мало того, ставшее во враждебное к ней отношение» [4. Т. 20. С. 7]. При этом, по мысли Достоевского, в конечном счете и оно стало заложником такого разобщения: «От разрыва с народом страдают и высшие классы. Их силы сравнительно с силами народа – чрезвычайно малы, если не ничтожны» [4. Т. 20. С. 18].

«Оттого петровская реформа принесла характер измены нашей народности, нашему народному духу» [4. Т. 20. С. 14], «и от этого раздвоения народа страшно страдают обе его части» [4. Т. 20. С. 18] – таково общее определение Достоевского деятельности Петра I как нигилистической «измены народному духу» в целом. Поэтому основная задача России на сегодняшнем этапе ее развития, с точки зрения Достоевского, – объединение нации, разобщенной петровской реформой: «...когда у нас будет не на словах только, а на деле один народ, когда мы скажем о себе заодно с народной массой – мы» [4. Т. 20. С. 19].

Однако именно в данном контексте осмысление петровских реформ в статье «Два лагеря теоретиков...» приобретает геополитический масштаб.

Остро поставив вопрос объединения нации, Достоевский прежде всего обращается к вопросу о том, что такое собственно нация, в чем состоит национальная специфика, которую он связывает с «правом *саморазвития*, уместной *автономии*» [4. Т. 20. С. 7] каждого народа. На этой основе Достоевский описывает свое представление о национальной самобытности: «...каждый, развиваясь при особых условиях, исключительно свойственных той стране, которую он заселяет, неизбежно образует свое мирозерцание, свой склад мысли, свои обычаи, свои уставы в общественной жизни <...> неизбежно надобно обращать внимание на

народность, если мы хотим какого-нибудь развития народу... Народные инстинкты слишком чутки ко всякому посягательству со стороны» [4. Т. 20. С. 7].

Проблема национальной самобытности для Достоевского не самодостаточна, он к ней обращается для того, чтобы выйти к вопросу о роли и значении каждой нации на общей мировой арене, в конечном счете для него «национальное» и «общечеловеческое» теснейшим образом взаимосвязаны между собой: «Говоря, впрочем, о национальности, мы не разумеем под нею ту национальную исключительность, которая весьма часто противоречит интересам всего человечества. Нет, мы разумеем тут истинную национальность, которая всегда действует в интересе всех народов» [4. Т. 20. С. 19]. По мысли Достоевского, каждый из современных народов, в соответствии со своими «местными» особенностями, «применительно к условиям своего материального состояния», выполняет «свою задачу» и тем самым «развивает ту или другую сторону общего человека <...> тогда человечество и совершит полный цикл своего развития» [4. Т. 20. С. 19]. Эти базовые геополитические представления Достоевского о потенциально возможной близости наций в едином человечестве и обусловили его сущностное понимание того, что петровская реформа, при всех ее сложностях и противоречиях, в конце концов имела для России «общечеловеческое значение» [4. Т. 20. С. 14].

Таким было исходное понимание Достоевского петровской реформы в его публицистических работах начала 1860-х гг.

* * *

Второй этап активного обращения к проблематике петровской реформы – период второй половины 1870 – начала 1880-х гг. Это материалы «Дневника писателя» 1876–1877 гг. и «Пушкин (Очерк)», также опубликованный в августовской книге «Дневника писателя» за 1880 г. На первый взгляд, заданы два совершенно разных подхода: участие России в национально-освободительной борьбе славян и творчество поэта. Однако именно в таких разных контекстах и формируется целостное представление Достоевского о геополитической миссии Петра I: масштаб мировой политики и масштаб русского гения, воплотившего в себе сущностные черты нации.

Одной из основных тем «Дневника писателя» 1876–1877 гг. стал так называемый восточный вопрос – национально-освободительная борьба славян на Балканах против османского ига, которая началась как вооруженное восстание, а затем продолжилась как война; во всех этих событиях Россия принимала самое активное участие, помогая славянским народам сначала на основе добровольческого движения, а позже – в результате официального решения императора Александра II, объявившего в апреле 1877 г. Турции войну.

Полная и безоговорочная поддержка россиян, как добровольцев, так и официальных военных структур, определяет все материалы «Дневника писателя» Достоевского 1876–1877 гг., посвященные «восточному вопросу», который он воспринимает как «и славянский вместе» [4. Т. 26. С. 30]. Эти политические события

привели писателя к мысли об особом геополитическом предназначении России как «великой Всеславянской империи» [4. Т. 26. С. 79]. Так представлялся Достоевскому «новый этап развития мировой истории: после падения римского католичества “утраченный образ Христа” сохраняют только Россия и восточное христианство – православие, поэтому на смену мировому господству Римской империи грядет мировое господство Всеславянской империи во главе с Россией» [16. С. 217–218].

Для обоснования этой идеи писатель обращается к русской истории: «Восточный вопрос (то есть и славянский вместе) <...> Родился он при первом сплочении великорусского племени в единое русское государство, то есть вместе с царством Московским. Восточный вопрос есть исконная идея Московского царства, которую Петр Великий признал в высшей степени и, оставляя Москву, перенес с собой в Петербург. Петр в высшей степени понимал ее органическую связь с русским государством и с русской душой. Вот почему идея не только не умерла в Петербурге, но прямо признана была бы *русским назначением* всеми преемниками Петра» [4. Т. 26. С. 30]. Петр I предстает здесь как один из провозвестников геополитической идеи всеславянского единства во главе с Россией.

Следует обратить внимание на то, что в понимании Достоевского идея «Всеславянской империи» как «*русского назначения*» объединяет все этапы российской истории: сформированная в «Московском царстве», она получает «признание» Петра I и его «преемников». В свое время в статье «Два лагеря теоретиков...» Достоевский писал о «московском периоде» российской истории как о «допетровской Руси» [4. Т. 20. С. 12], противопоставляя Россию «Московского царства» и Россию Петра, что служило одним из доказательств «нигилизма» первого российского императора по отношению к предшествующей ему истории государства. Теперь же Достоевский подчеркивает преемственность геополитической деятельности Петра: «Царь Иван Васильевич употреблял все усилия, чтоб завоевать Балтийское побережье, лет сто тридцать раньше Петра. Если б завоевал его и завладел его гаванями и портами, то неминуемо стал бы строить свои корабли, как и Петр» [4. Т. 22. С. 110]. Поэтому, по мнению Достоевского, «через реформу Петра произошло расширение *прежней* же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ее: мы сознали тем самым всемирное назначение наше» [4. Т. 23. С. 47]. Геополитическая роль Петра – «расширение» национальной идеи до «всемирного назначения».

«С Петровской реформой явилось расширение взгляда беспримерное, – и вот в этом <...> весь подвиг Петра» [4. Т. 23. С. 46], – повторяет Достоевский. Далее, стремясь объяснить, «что же это за “расширение взгляда”, в чем оно и что означает?», он говорит об уникальности петровской реформы – «подобной реформы нигде никогда и не было» [4. Т. 23. С. 47] – в конечном счете, во имя предельно дорогой для него идеи «Всеславянской империи» во главе с Россией, которая представляется ему реализацией общечеловеческой православной миссии нации: «Это, действительно

и на самом деле, почти братская любовь наша к другим народам <...> это потребность наша всеслужения человечеству <...> это, может быть, и есть начало, первый шаг того деятельного приложения нашей драгоценности, нашего православия, к всеслужению человечеству» [4. Т. 23. С. 47].

В «Дневнике писателя» 1876–1877 гг. Достоевский фактически отказывается от своих предыдущих представлений о «нигилизме» Петра. Отвечая на вопрос: «что же это за “расширение взгляда”, в чем оно и что означает?», он, в частности, пишет и о том, что это «не измена тоже народным русским нравственным началам, во имя европейской цивилизации; нет» [4. Т. 23. С. 47]. Однако при этом, думается, не следует забывать, что сама формулировка «нигилист Петр Великий» содержится в письме к К.П. Победоносцеву 1879 г.

Одним из последних программных произведений Достоевского стала его знаменитая речь о Пушкине, опубликованная в августовской книге «Дневника писателя» за 1880 г. как «Пушкин (Очерк)» в сопровождении «Объяснительного слова по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине».

Уже в «Зимних заметках о летних впечатлениях», описывая свои первые впечатления от Европы, Достоевский обращается к Пушкину: «А уж Пушкин ли не русский был человек! <...> Ведь это пророк и провозвестник» [4. Т. 5. С. 52]. Предельно значимыми представляются его размышления о Пушкине в письме к Н.Н. Страхову от 24 марта (5 апреля) 1870 г.: «Пушкин, Ломоносов – гении. Явиться с *Арапом Петра Великого* и с *Белкиным* – значит решительно появиться с гениальным *новым словом*, которого до тех пор *совершенно* не было нигде и никогда сказано» [4. Т. 29, кн. 1. С. 114]. Гениальность Пушкина Достоевский доказывает – достаточно неожиданно – прежде всего, его незаконченным произведением «Арап Петра Великого», восходящим, как известно, к истории рода Ганнибалов, как будто бы в сознании писателя Петр I, история происхождения Пушкина и его гениальность были каким-то образом взаимосвязаны между собой.

В пушкинских материалах «Дневника писателя» представление о такой взаимосвязи, изначально, возможно, интуитивное, получило уже вполне оформленное воплощение – Пушкин и петровская реформа: «Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы <...> В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание» [4. Т. 26. С. 136–137].

Отсюда – закономерное обращение в «Пушкине» собственно к проблематике петровской реформы: «В самом деле, что такое для нас петровская реформа, и не в будущем только, а даже и в том, что уже было, произошло, что уже явилось воочию? Что означала для нас эта реформа?» [4. Т. 26. С. 147].

В начале очерка, размышляя о «Цыганах» и об «Евгении Онегине» и собственно об Алеко и Онегине как о едином типе «скитальца в родной земле <...> столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе нашем», Достоевский вновь намечает тему ложной европеизации России, которая в конце концов

приводит к «социализму» [4. Т. 26. С. 137] (та же мысль, что и в письме к К.П. Победоносцеву).

Однако далее, задавая общие вопросы о смысле петровской реформы, он показательно уходит от этой проблематики: «Что означала для нас эта реформа? Ведь не была же только для нас усвоением европейских костюмов, обычаев, изобретений и европейской науки. Вникнем, как дело было, поглядим попристальнее <...> Петр несомненно повиновался некоторому затаенному чутью, которое влекло его, в его деле, к целям будущим, несомненно огромнейшим» [4. Т. 26. С. 147]. Призывая взглянуть в петровскую реформу «попристальнее», Достоевский подчеркивает истинно геополитический масштаб и смысл деятельности первого российского императора: «Если захотите вникнуть в нашу историю после петровской реформы, вы найдете уже следы и указания <...> в характере общения нашего с европейскими племенами, даже в государственной политике нашей. Ибо, что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе» [4. Т. 26. С. 147–148]; «Для настоящего русского Европа <...> так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей» [4. Т. 26. С. 147]. Принципы «всемирного» служения на основе «братства и братского стремления нашего к воссоединению людей», по мысли Достоевского, уже реализуются «в государственной политике» России.

Геополитическая проблематика была вполне закономерна в материалах «Дневника писателя», посвященных Русско-турецкой войне, но ее актуализация в «Пушкине», на первый взгляд, не столь очевидна. Объяснение этому – сущностные представления Достоевского о гении Пушкина как воплощении «всемирной отзывчивости», «всемирности, *всепонятности*» [4. Т. 26. С. 130]: «...не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов» [4. Т. 26. С. 146]. Стремясь объяснить пушкинский феномен «всемирной отзывчивости», Достоевский характеризует его как «национальный» и подчеркивает его теснейшую связь с петровской реформой: «Народ же наш именно заключает в душе своей эту склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению и уже проявил ее во все двухсотлетие с петровской реформы не раз» [4. Т. 26. С. 131].

* * *

Таким образом, глубокая и многозначная формулировка Достоевского «нигилист Петр Великий» несет в себе сложное сочетание разных векторов осмысления писателем исторической роли Петра I и петровской реформы.

Если в начале 1860-х гг. его основные акценты определялись темой ответственности первого российского императора за распадение нации на «народ» и «образованное сословие», то во второй половине 1870 – начале 1880-х гг. национальная проблематика приобретает принципиально новые смыслы особой миссии России по объединению разных наций для их общего служения человечеству. Тексты Достоевского о Петре I стали значимой составляющей его геополитической концепции: петровская реформа как шаг России в Европу во имя братского воссоединения наций – такова, по мысли Достоевского, геополитическая миссия России в Европе и мире.

Примечания

¹ Здесь и далее курсив Достоевского.

² Данный текст – один из фрагментов рукописи незавершенной докторской диссертации В.Л. Цымбурского, размещенный на сайте «Русская idea»; его название предложено рабочей группой (в составе Н.М. Йова, Г.Б. Кремнева, Б.В. Межуева).

³ Чистый лист (лат.)

⁴ Так у Достоевского.

⁵ Государство в государстве (лат.)

Список источников

1. Волгин И.Л. Колеблясь над бездной. Достоевский и русский императорский дом. М.: Центр гуманитар. образования, 1998. 651 с.
2. Липке Ш., Мурзина С.В., Подрезов М.В. Ф.М. Достоевский о роли личности в истории // Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского / под ред. Е.Г. Новиковой, А.И. Щербинина. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. С. 38–45.
3. Кругликова О.С. Образ Петра Великого в публицистике Ф. М. Достоевского // Русско-византийский вестник. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви. 2022. № 3 (10). С. 119–128.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
5. Цымбурский В.Л. Геополитические взгляды Федора Достоевского // Русская idea. 2014. URL: <https://politconservatism.ru/experiences/geopoliticheskie-vzglyady-fedora-dostoevskogo> (дата обращения: 12.04.2024).
6. Лесевский А.В. Реформы Петра Великого в восприятии Ф.М. Достоевского и идеологов евразийства // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 9. URL: <https://human.snauka.ru/2013/09/3635> (дата обращения: 04.04.2024).
7. Волкова Е.А. Восточный вопрос и Россия в творчестве Ф.М. Достоевского // Научные ведомости. Серия: История. Политология. 2017. № 8 (257), вып. 42. С. 111–118.
8. Волкова Е.А. Восточная политика России в художественных и публицистических сочинениях Ф.М. Достоевского // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (275). С. 125–128.
9. Ивашов Л.Г. Русская культура и русская геополитика // Наш современник. 2006. № 10. С. 47–58.
10. Гердт Я.В. Истоки российской геополитики // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 12 (266). С. 26–30.
11. Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского / под ред. Е.Г. Новиковой, А.И. Щербинина. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. 288 с.
12. Коротченко Т.В. Политическая проблематика наследия Ф.М. Достоевского: американская рецепция // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 32–41. doi: 10.17223/15617793/464/4

13. Богданов А.В. Политическая теория почвенничества: А.А. Григорьев, Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. 22 с.
14. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1978–2014.
15. Григорьев А.А. Апология почвенничества / сост. и коммент. А.В. Белова. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2008. 688 с.
16. Новикова Е.Г. Россия как центр геополитических размышлений Ф.М. Достоевского // Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского / под ред. Е.Г. Новиковой, А.И. Щербинина. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. С. 207–218.

References

1. Volgin, I.L. (1998) *Koleblyas' nad bezdnoy. Dostoevskiy i russkiy imperatorskiy dom* [Wavering over the Abyss. Dostoevsky and the Russian Imperial House]. Moscow: Tsentr gumanitarnogo obrazovaniya.
2. Lipke, Sh., Murzina, S.V. & Podrezov, M.V. (2021) F.M. Dostoevskiy o roli lichnosti v istorii [F.M. Dostoevsky on the Role of the Individual in History]. In: Novikova, E.G. & Shcherbinin, A.I. (eds) *Geopoliticheskaya karta i kartina mira F.M. Dostoevskogo* [F.M. Dostoevsky's Geopolitical Map and Picture of the World]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 38–45.
3. Kruglikova, O.S. (2022) Obraz Petra Velikogo v publitsistike F. M. Dostoevskogo [The Image of Peter the Great in the Journalism of F.M. Dostoevsky]. *Russko-vizantiyskiy vestnik. Nauchnyy zhurnal Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 3 (10). pp. 119–128.
4. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 volumes]. Leningrad: Nauka.
5. Tsyburskiy, V.L. (2014) *Geopoliticheskie vzglyady Fedora Dostoevskogo* [Geopolitical views of Fyodor Dostoevsky]. [Online] Available from: <https://politconservatism.ru/experiences/geopoliticheskie-vzglyady-fedora-dostoevskogo> (Accessed: 12.04.2024).
6. Lesevitskiy, A.V. (2013) Reformy Petra Velikogo v vospriyatii F.M. Dostoevskogo i ideologov evraziystva [Reforms of Peter the Great in the perception of F.M. Dostoevsky and the ideologists of Eurasianism]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 9. [Online] Available from: <https://human.snauka.ru/2013/09/3635> (Accessed: 04.04.2024).
7. Volkova, E.A. (2017) Vostochnyy vopros i Rossiya v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [The Eastern Question and Russia in F.M. Dostoevsky's Works]. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Istoriya. Politologiya*. 8 (257):42. pp. 111–118.
8. Volkova, E.A. (2017) Vostochnaya politika Rossii v khudozhestvennykh i publitsisticheskikh sochineniyakh F.M. Dostoevskogo [Russia's Eastern Policy in F.M. Dostoevsky's Fiction and Journalistic Works]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (275). pp. 125–128.
9. Ivashov, L.G. (2006) Russkaya kul'tura i russkaya geopolitika [Russian Culture and Russian Geopolitics]. *Nash sovremennik*. 10. pp. 47–58.
10. Gerdt, Ya.V. (2012) Istoki rossiyskoy geopolitiki [The Origins of Russian Geopolitics]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 12 (266). pp. 26–30.
11. Novikova, E.G. & Shcherbinin, A.I. (eds) (2021) *Geopoliticheskaya karta i kartina mira F.M. Dostoevskogo* [F.M. Dostoevsky's Geopolitical Map and Picture of the World]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Korotchenko, T.V. (2021) Political Issues in Fyodor Dostoevsky's Writings: American Reception. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 464. pp. 32–41. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/464/4
13. Bogdanov, A.V. (2002) *Politicheskaya teoriya pochvennichestva: A.A. Grigor'ev, F.M. Dostoevskiy, N.N. Strakhov* [Political Theory of Pochvennichestvo: A.A. Grigor'ev, F.M. Dostoevsky, N.N. Strakhov]. Abstract of Political Science Cand. Diss. Moscow.
14. Turgenev, I.S. (1978–2014) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 volumes]. Moscow: Nauka.
15. Grigor'ev, A.A. (2008) *Apologiya pochvennichestva* [Apology of Pochvennichestvo]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
16. Novikova, E.G. (2021) Rossiya kak tsentr geopoliticheskikh razmyshleniy F.M. Dostoevskogo [Russia as the Center of FM Dostoevsky's Geopolitical Reflections]. In: Novikova, E.G. & Shcherbinin, A.I. (eds) *Geopoliticheskaya karta i kartina mira F.M. Dostoevskogo* [F.M. Dostoevsky's Geopolitical Map and Picture of the World]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 207–218.

Информация об авторе:

Новикова Е.Г. – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: elennov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.G. Novikova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.05.2024;
одобрена после рецензирования 17.07.2024; принята к публикации 30.10.2024.

The article was submitted 18.05.2024;
approved after reviewing 17.07.2024; accepted for publication 30.10.2024.

Научная статья
УДК 81'33
doi: 10.17223/15617793/507/5

Федеральные и региональные новости в отражении кризисной ситуации (на материале русскоязычных текстов СМИ о пандемии COVID-19)

Зоя Ивановна Резанова¹, Валерия Евгеньевна Владимирова²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ rezanovazi@mail.ru

² picture_perfect@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты сравнительного анализа тематических доминант новостей о пандемии COVID-19 в федеральных и региональных СМИ. Охарактеризованы аспекты сходства и различий в информировании населения, что значимо для решения актуальной проблемы места новостей в представлении кризисной ситуации в сфере здоровья. Материалом послужили тексты агентств РИА и ТАСС и портала news.vtomske за 2020–2023 гг. объемом 14 100 и 2 126 текстов соответственно. Анализ проведен на основе применения алгоритма Латентного размещения Дирихле и метода выделения ключевых слов TF-IDF.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, инфодемия, автоматическое тематическое моделирование, TF-IDF, региональные новости, федеральные новости

Источник финансирования: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01001.

Для цитирования: Резанова З.И., Владимирова В.Е. Федеральные и региональные новости в отражении кризисной ситуации (на материале русскоязычных текстов СМИ о пандемии COVID-19) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 37–45. doi: 10.17223/15617793/507/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/5

Federal and regional news reflecting a crisis situation (based on Russian-language media texts about the COVID-19 pandemic)

Zoya I. Rezanova¹, Valeria E. Vladimirova²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ rezanovazi@mail.ru

² picture_perfect@mail.ru

Abstract. Social crises caused by various natural, social and other factors destabilize human life and necessitate emergency decision-making regarding one's own position in rapidly changing situations. Fast and accurate informing is of great importance for relieving tension in society, building trust in the authorities as a guarantee of maintaining stability in society. The article presents the results of a study of one aspect of this problem: a comparison of the system of media information about a crisis situation in the health sector from a federal and regional perspective. The aim of the present study is to compare the thematic dominants of news content in spatial and administrative variation: the leading federal news agencies RIA and TASS, as well as the regional news portal news.vtomske.ru. The material for constructing the thematic model was texts related to the COVID-19 pandemic and published during the period from January 2, 2020, to April 21, 2023, by the news publications of RIA and TASS, with a volume of 14,100 texts, 2,969,660 word forms, and of the news.vtomske.ru portal, 2,126 texts, 534,033 word forms, published during the period from January 20, 2020, to May 3, 2023. The analysis was carried out using automatic text analysis methods. At the first stage, the Latent Dirichlet Allocation algorithm was applied (six groups of thematically grouped words in regional news and eight groups in federal news, characterized by the highest probability of appearing in texts, were obtained). The second stage of analysis combined LDA methods and TF-IDF keyword identification measures. As a result, groups of thematically related words characterized by the highest level of cumulative frequency were obtained, and, on this basis, key themes were identified for both data collections. As a result, we obtained thematic groups, the units of which are characterized by the highest coefficients of probability of co-occurrence and relative particularity. Thematic groups analysis allows us to interpret the focus of the news flow, the degree of their similarities and differences. Interpreting automatic topic modeling, we conclude that regional and federal news agencies are significantly similar in the choice of dominant topics of information (pandemic statistics, social restrictions, vaccination, organization of medical care), which is determined by both the unity of the basic genre function of the news and the institutional position of the subjects of discourse – informing on behalf of the state. At the same time, regional news follows federal ones, only complementing federal

sources, localizing the news flow to the region and introducing a comparison of regional and federal aspects of the development of the pandemic. The differences in the nature of the dialogue with the reader also seem motivated: federal news contains information on behalf of officials and, on this basis, direct appeals to readers with calls for positive attitudes and actions. Regional news flows also predictably more often present personal versions of the experience of the crisis situation.

Keywords: coronavirus, COVID-19, pandemic, infodemic, news discourse, automatic topic modeling, TF-IDF

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01001.

For citation: Rezanova, Z.I. & Vladimirova, V.E. (2024) Federal and regional news reflecting a crisis situation (based on Russian-language media texts about the COVID-19 pandemic). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 37–45. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/5

Введение. Постановка проблемы

Социальные кризисы, вызванные разными природными, общественными и другими факторами, дестабилизируют жизнь человека, обуславливают необходимость экстренного принятия решений относительно собственной позиции в стремительно меняющихся ситуациях. Информирование, оперативное и точное, имеет огромное значение для снятия напряжения, формирования доверия к власти как залога сохранения стабильности в обществе. Вследствие этого возникает необходимость исследования процессов реагирования государственных средств массовой информации на кризисные явления, зафиксированные в текстах новостей. Пандемия новой коронавирусной инфекции и ее отражение в СМИ представляют обширный актуальный материал для выявления общих закономерностей и их частных вариантов при решении этой проблемы. Как известно, пандемия COVID-19 породила инфодемию – «массированное распространение (в том числе по каналам СМИ и соцмедиа) во время некоторой эпидемии избыточного объема информации о ней (в том числе искаженной и недостоверной)» [1]. При этом исследователи данного феномена обращаются в первую очередь к текстовому контенту социальных сетей, прежде всего Твиттера (см. например, данные метаанализа публикаций об отражении COVID-19 и других инфекционных заболеваний) [2].

Вместе с тем в литературе отмечается, во-первых, что в настоящее время социальные сети и официальные СМИ оказываются тесно переплетенными и между ними порой трудно проводятся «демаркационные линии», во-вторых, что именно государственные СМИ являются первичными источниками информации, которые в дальнейшем находят отражение в социальных сетях. Высок уровень общественной значимости точного оперативного распространения информации для формирования позитивного отношения населения к принимаемым решениям государства о социальных ограничениях, системе диагностики, лечении, мерах государственной поддержки. Исследования информационных потоков показали, что в фокусе пристального внимания общества оказались, помимо статистики распространения пандемии, динамики выздоровлений и смертей, также социальные ограничения на передвижения, изменения формата обучения и работы, меры государственной поддержки бизнеса и наиболее уязвимых слоев населения (о позитивных следствиях оперативного информирования см., например, в [3]).

Отметим, что современные методы автоматической обработки языка, позволяющие анализировать большие объемы данных, повышают уровень обоснованности полученных выводов. В настоящее время накоплен значительный объем информации о характере отражения пандемии в средствах массовой информации на основе применения спектра методов NLP (Natural Language Processing – обработка естественного языка) при выявлении тематического фокусирования ситуации протекания пандемии новой коронавирусной инфекции и ее социальных следствий, тональности новостного потока в разных странах мира.

В систему компаративных исследований в ряде работ был включен и материал государственных российских СМИ. Так, в статье К. Якунина и соавт. было проведено сравнение отражения пандемии в российских и казахстанских СМИ и отмечен высокий уровень корреляции новостной активности с абсолютными показателями развития пандемии, прежде всего с ежедневным количеством новых случаев заражения и смертей. В целом, наблюдалась умеренная корреляция между количеством смертей, новых случаев заражений и новых тестов и количеством положительных новостей (которое также было значительно выше в российских СМИ). Авторы делают вывод, что это может свидетельствовать о том, что СМИ склонны сглаживать негативные психологические последствия, вызванные пандемической ситуацией, а не раздувать страх. В частности, когда эпидемиологическая ситуация ухудшалась, средства массовой информации стали публиковать больше информации о последних исследованиях вакцин и их преимуществах [4].

В статье А.С. Панфиловой и соавт. представлены результаты sentiment-анализа текстов СМИ о коронавирусной инфекции: выборка составляет 12 000 новостных записей, опубликованных в период с 1 по 30 марта 2020 г. на итальянском, немецком, французском и русском языках. Среди рассматриваемых стран наиболее нейтральный тон публикуемых новостей наблюдался в России, преимущественно негативный тон новостных записей – во Франции, позитивный тон – в Италии. Показано, что эмоциональный тон новостей был связан с актуализацией разных аспектов пандемии и в меньшей степени – с абсолютными показателями ее распространения. Эмоциональный тон прессы в большей степени определялся глобальными событиями, связанными с пандемией, нежели ее распространением внутри собственной страны [5].

В представленных статьях прослеживается два основных аспекта в информационном представлении пандемии: 1) соотношение в тематической структуре контента СМИ динамики развития событийного ряда пандемии и важнейших социальных ответов на ее течение и 2) эмоциональный тон сообщений.

Частная проблематика в рамках первого аспекта решается с использованием различных методов тематического моделирования, в рамках второго – методов автоматического моделирования тональности текстов, сентимент-анализа. Ранее нами было проведено исследование тематического и фреймового моделирования ситуации пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 на протяжении 2020 г. в текстах новостных агентств РИА, ТАСС (объем текстов – 10 499 390 токенов). Выявление уникальных тем в текстах было проведено на основе применения алгоритма Латентного размещения Дирихле (LDA, Latent Dirichlet allocation) [6, Р. 56] в сочетании с методом выделения ключевых слов TF-IDF (term frequency – inversed document frequency). В исследовании было показано, что в проанализированных российских федеральных СМИ освещался широкий спектр социальных воздействий пандемии на события во всем мире, на различные сферы общественной и частной жизни человека, казалось бы, непосредственно с пандемией не связанные [7, 8].

Однако Россия – федеративное государство, характеризующееся высоким уровнем различий в социально-экономическом развитии субъектов Федерации, плотности населения, что повлияло и на динамику развития пандемии, на направленность системы государственных регулирующих мер в отношении пандемии и мер социальной поддержки населения. Учитывая это, мы считаем, что наряду с макроисследованиями, направленными на выяснение вариантов отражения пандемии в разных странах, актуальным является изучение содержательной вариативности в отражении пандемии COVID-19 в пределах одного государства. При этом отметим, что важным является исследование соотношения тематических доминант новостного потока, с одной стороны, с вариативностью протекания пандемии и реализацией социально значимых мероприятий, с ней связанных, с другой – с вариативностью отражения COVID-19 в федеральных и региональных СМИ.

В раннем исследовании на основе применения метода автоматического анализа текстовой коллекции нами было соотнесено тематическое членение текстов новостей о пандемии COVID-19 за 2020 г. с данными статистики протекания пандемии и данными о принимаемых регулятивных мероприятиях (локдауны, прекращение авиасообщения, введение дистанционных способов работы и обучения, регулирующие государственные меры по поддержке бизнеса и под.). При этом было проведено сравнение в тематических фокусировках информации о ситуации в регионах и Москве. Анализ показал, что синхронизация событийного ряда пандемии и его отражения в федеральных медиа варьируется, значимые темы удерживаются на протяжении всего года (2020), и в связи с административно-территориальным своеобразием варьируются тематические фокусы [9].

В данной статье мы представляем результаты дальнейшего исследования этой проблемы, сравниваем систему медийного информирования о кризисной ситуации в сфере здоровья в федеральной и региональной перспективе. Однако в данном случае мы обращаемся в качестве материала исследования к контенту ранее проанализированных федеральных и одного из региональных СМИ (news.vtomske.ru) [10], а также расширяем материал – анализируем тексты новостей, посвященные пандемии за весь период с 2020 по 2023 г.

Цель представляемого исследования – сравнить тематические доминанты новостного контента о пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 в ведущих федеральных информационных агентствах – РИА и ТАСС, а также регионального новостного портала news.vtomske.ru.

Материал и метод

Материалом для построения тематической модели послужили тексты, касающиеся пандемии и опубликованные в период с 2 января 2020 г. по 21 апреля 2023 г.: новостных изданий РИА и ТАСС объемом 14 100 текстов, 2 969 660 словоформ, 17 227 лемм; тексты портала news.vtomske – 2 126, 534 033 словоформы, 8 160 лемм. Выборка текстов федеральных СМИ и регионального информационного портала ограничена тематикой пандемии новой коронавирусной инфекции в сфере здоровья COVID-19. Рассмотрение текстов одной рубрики, сопоставление тематического членения текстов СМИ на одном основании позволяет показать специфику реагирования федеральных и региональных новостных агентств на течение коронавирусной инфекции и различия в характере освещения событий.

Все тексты прошли стандартный этап предобработки для последующего автоматического анализа: токенизацию, лемматизацию при помощи программы Mystem 3.0, приведение всех слов в нижний регистр, удаление «стоп-слов», удаление высокочастотных и низкочастотных лексических единиц в соответствии с абсолютной частотой их встречаемости, так как подобные единицы редко являются тематическими. Для исключения влияния объема выборок были выявлены относительные частоты единиц в документе. Анализ был осуществлен при помощи языка программирования R 4.0.2 и библиотеки quanteda. Результаты выделения наиболее частотных лексических единиц в частотных темах, репрезентирующих развитие пандемии за весь период, позволяют определить степень синхронизации ее отражения в федеральных и региональных медиа.

Для определения тем и сравнения тематических групп нами был применен алгоритм LDA – создание матрицы с комбинацией тем и слов в документах. Оптимальное количество тем мы основывали на пакете «ldatuning» языка программирования R, используя метрики «Griffiths2004» [11], «CaoJuan2009» [12], «Arun2010» [13], «Deveaud2014» [14]. Анализ по 4 метрикам позволил выявить диапазон оптимального количества тем для каждой выборки текстов: 5–7 для текстов регионального томского портала и 8 для федеральных текстов.

Таким образом, были найдены оптимальные модели для коллекций документов с гиперпараметрами и темами для обоих корпусов текстов.

Основные результаты

На основе применения алгоритма LDA нами были получены 6 и 8 групп тематически связанных слов. На гистограммах визуализировано соотношение десяти наиболее вероятных слов в каждой теме в текстах регионального новостного портала *vtomske* (рис. 1) и федеральных агентств ТАСС и РИА-Новости (рис. 2).

Как можно видеть на гистограмме рис. 1, лексемы, характеризующиеся наибольшей вероятностью появления в текстах, достаточно определенно маркируют своеобразие тем регионального новостного сайта. Темы на гистограммах обозначены цифрой сверху, в дальнейшем анализе текста мы маркируем буквами отнесенность к федеральным новостям – Ф и региональным – Р. Лексемы первой группы (1Т) маркируют тему медицинской помощи в региональном центре, второй (2Т) – отражают расширение темы инфицирования новым вирусом в масштабах страны. Лексемы третьей группы (3Т) маркируют тему официальной статистики развития пандемии, лексические единицы четвертой (4Т) – тематическую фокусировку создания и деятельности штабов по борьбе с пандемией в регионе. Лексемы пятой группы (5Т) фиксируют значимость темы ситуации роста заболеваний в марте-апреле, предопределившей введение режима самоизоляции и перестройку системы занятости, шестой группы (6Т) – другой этап развития пандемии, обусловленный вакцинацией.

В федеральных новостях мы видим и маркирование тем, пересекающихся с региональными: тема вакцинации (лексемы первой группы в федеральных (1Ф) и шестой (6Т)) в региональных новостях. Наблюдается также вариант, когда одна тема – статистика заболеваемости – маркируется семантически близкими, но не тождественными лексемами: третья тема (3Т) новостей портала *vtomske* и шестая (6Ф), выделенная в контенте двух новостных федеральных агентств. Также частично пересекаются лексемы, характеризующиеся наибольшей вероятностью встречаемости во второй (2Т) теме томских новостей и четвертой (4Ф) – в новостном контенте РИА и ТАСС, актуализирующей точную проекцию статистики развития пандемий с фокусировкой на случаях заражения и смерти. В то же время мы можем видеть в представленных на гистограммах лексемах то, что в текстах РИА и ТАСС актуализируются темы, которые обеспечивают другую новостную проекцию ситуации развития пандемии. Это темы организации здравоохранения в стране в период пандемии (2Ф), лексемы третьей группы (3Ф) отражают важнейший аспект государственного регулирования в ситуации пандемии – создание медицинских центров, лексемы пятой группы (5Ф) представляют развитие ситуации пандемии в Москве и федерации, восьмой (8Ф) – региональную проекцию государственных мер регулирования, лексемы седьмой группы (7Ф) – международный масштаб пандемии.

На втором этапе анализа вслед за исследованием, представленным в более ранней статье [7], мы объединили методы LDA и меры выявления ключевых слов TF-IDF: суммируется средневзвешенное значение TF-IDF всех слов, входящих в соответствующую тему.

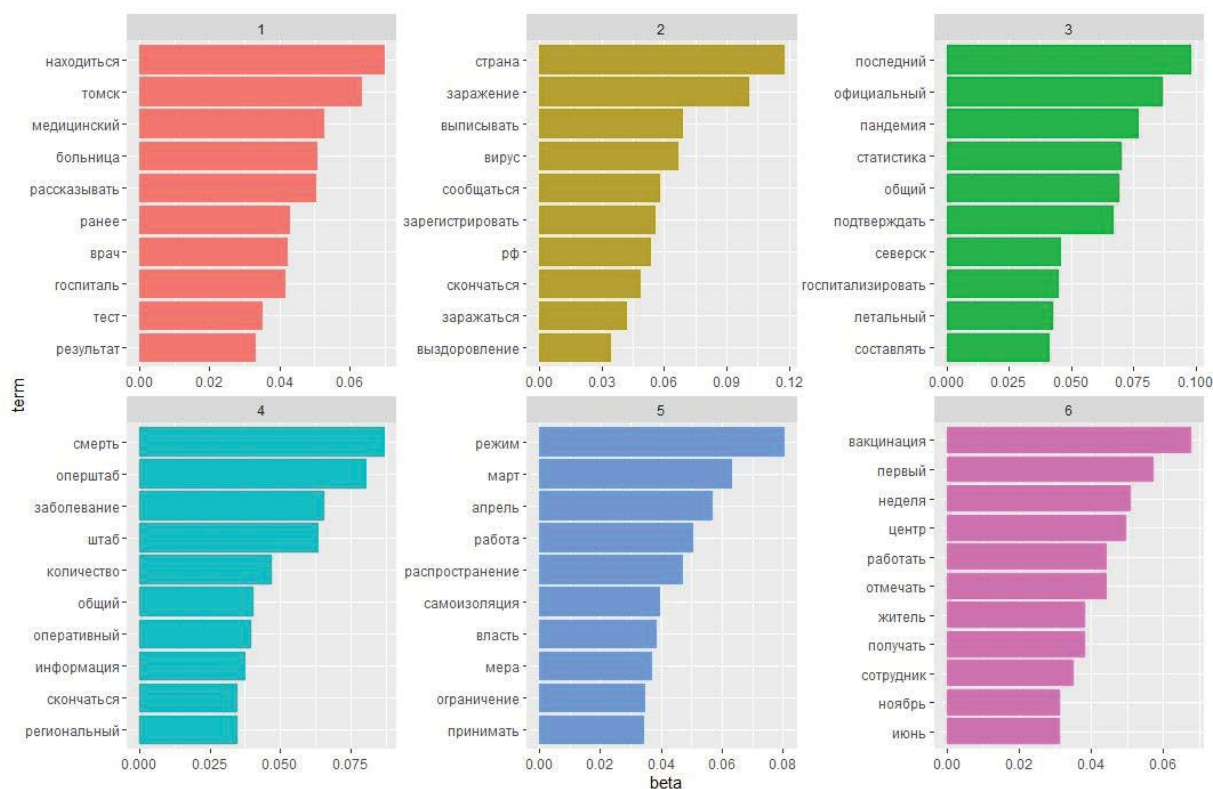

Рис. 1. Гистограмма вероятностей встречаемости лексем в темах региональных новостей

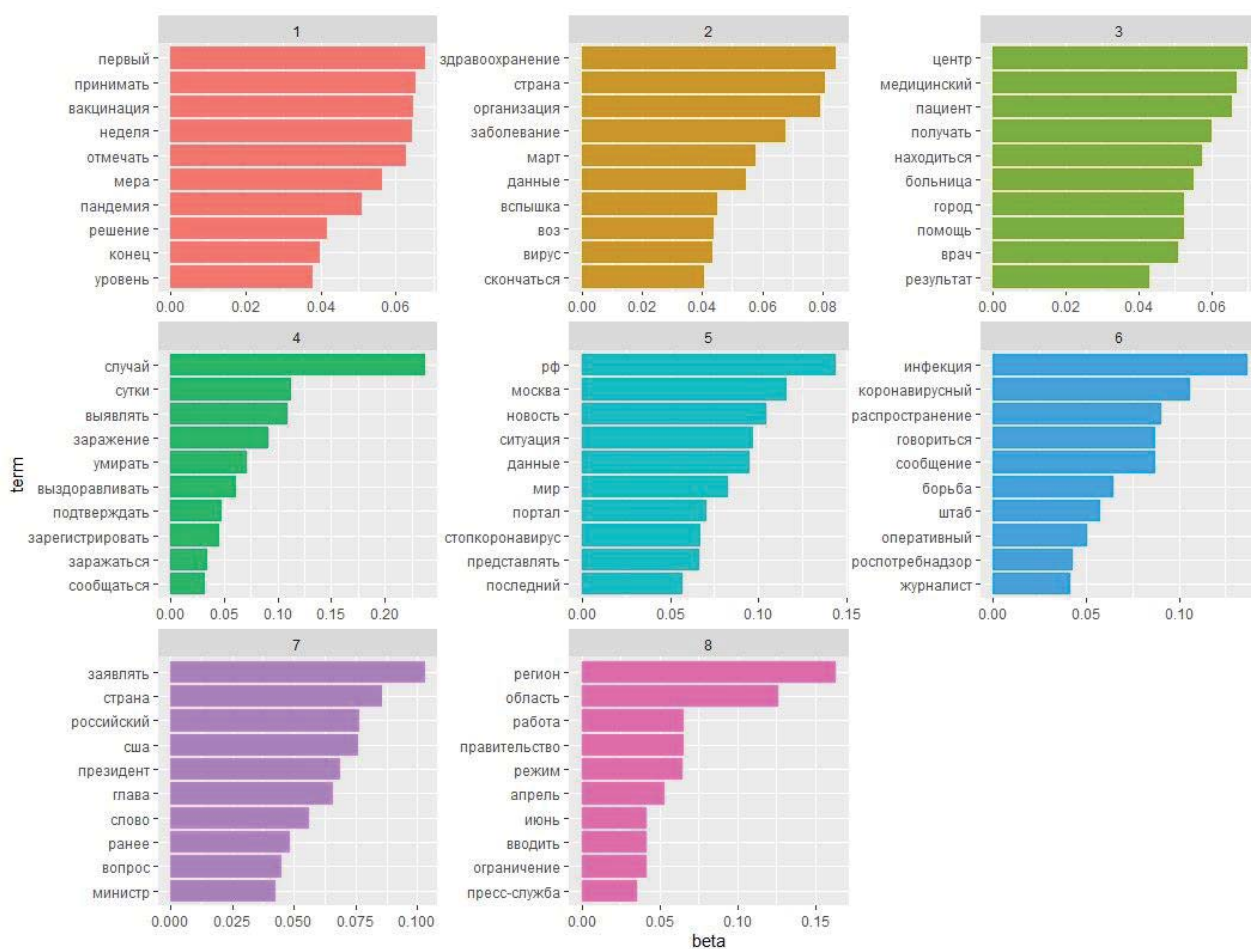

Рис. 2. Гистограмма вероятностей встречаемости лексем в темах федеральных новостей агентств ТАСС и РИА

Ключевые слова в выделенных текстовых коллекциях

Ключевые слова	Название темы	TF-IDF
Официальный, статистика, летальный, смерть, Северск, последний, заражение, подтверждать, пандемия, исход, выписывать, госпитализировать, вирус, скончаться, общий	1Т ¹ Официальная статистика COVID-19 в области и стране	0.241566
Регион, область, режим, работа, правительство, апрель, вводить, июнь, ограничение, федеральный, житель, региональный, пресс-служба, территория, власть	1Ф ¹ Государственные регулирующие меры	0.128282
Смерть, штаб, оперштаб, скончаться, общий, пневмония, оперативный, подтверждать, вырастать, последний, подтверждаться, составлять, минувший, больной, заражение	2Т ¹ Суточная ситуация развития COVID-19	0.189232
РФ, Москва, новость, портал, мир, ситуация, данные, стопкоронавирус, представлять, май, последний, пандемия, март, вопрос, большой	2Ф ¹ COVID-19 в мире и в стране марте и мае	0.126548
Режим, самоизоляция, Жвачкин (Губернатор Томской области с 17.03.2012 по 05.2022), работа, ограничение, губернатор, апрель, решение, должный, мера, вводить, март, распространение, администрация	3Т ¹ Режим ограничений и самоизоляции в регионе	0.169371
Заявлять, российский, США, страна, президент, глава, слово, вопрос, министр, представитель, подчеркивать, должный, ранее, гражданин	3Ф ¹ Правительственные решения в период проекции пандемии в стране и мире	0.125037
Госпиталь, отделение, больница, находиться, респираторный, медицинский, Томск, лечение, помощь, врач, инфекционный, тест, работа, рассказывать, подтверждаться	4Т ¹ Госпитализация, лечение COVID-19	0.148010
Здравоохранение, организация, страна, заболевание, март, вспышка, ВОЗ, вирус, данные, заражать, объявлять, скончаться, всемирный, зафиксировать, власть	4Ф ¹ Организация здравоохранения в период COVID-19 в стране и мире	0.124982
Страна, мир, гражданин, март, россиянин, глава, зарегистрировать, распространение, заявлять, роспотребнадзор, отмечать, здравоохранение, слово, ситуация, РФ	5Т ¹ распространение COVID-19 в стране и мире	0.137134
Вакцинация, неделя, принимать, первый, мера, отмечать, конец, уровень, период, месяц, пандемия, решение, среди, проходить, составлять	5Ф ¹ Вакцинация в контексте страны	0.124672
Вакцинация, первый, ноябрь, работать, проходить, центр, ковид, получать, здравоохранение, Томск, октябрь, сотрудник, областной, неделя, врач	6Т ¹ Вакцинация в регионе	0.114685
Случай, выявлять, сутки, заражение, умирать, выздороветь, подтверждать, зарегистрировать, сообщаться, заражаться, пациент, начало, скончаться, состояние, последний	6Ф ¹ Суточная ситуация развития пандемии (проекция, страна, регион, мир)	0.124537
Центр, медицинский, пациент, получать, больница, помощь, врач, находиться, город, результат, сотрудник, минздрав, работать, рассказывать, информация	7Ф ¹ Организация и деятельность медицинских центров	0.123890
Инфекция, коронавирусный, распространение, сообщение, говорится, борьба, штаб, оперативный, роспотребнадзор, журналист, количество, составлять, ситуация, Москва, рост	8Ф ¹ Информирование о распространении заболеваемости COVID-19	0.122048

Нами были получены группы тематически связанных слов, из которых для дальнейшего анализа были взяты по 80 слов, характеризующихся наибольшим уровнем совокупной частотности, и на этой основе выявлены ключевые темы для обеих коллекций данных.

Полученные данные подтвердили результаты первого этапа – наличие тех же общих тем в моделировании развития пандемии в стране и регионе в отражении федеральных и региональных новостных источников, что были выделены на основе индекса совместной встречаемости единиц. Однако последовательность выделенных на основании совокупных частотностей слов тем изменилась по сравнению с предыдущей. Вследствие различий в количестве выделяемых тем заметно отличается и суммарный вес ключевых слов в темах региональных и федеральных новостей. В таблице представлены данные о первых 15 наиболее частотных единицах тем в каждой выборке новостных текстов. Мы дополнительно маркируем темы, выделенные на основании двух методов: к обозначению порядкового номера и отнесенности к региональным новостям добавляем индекс.

Обсуждение

В результате выделения ключевых (наиболее частотных) слов в темах мы отмечаем значительную общность тематического моделирования в федеральных и региональных источниках. Новости преимущественно отражают официальную статистику медицинских состояний, касающихся пандемии, решений властей относительно введения мер безопасности, работы медицинских центров и вакцинации. Однако наряду с вполне естественным значительным пересечением, заданным самим принципом отбора тем, обнаруживается и вполне мотивированная специфика в отражении пандемии как на уровне отдельных тем, так и фокусировок тем в федеральных и региональных СМИ.

Можно увидеть, что в информационном поле, формируемом новостным порталом *vtomske*, значителен вклад темы 1Т¹ «Официальная статистика в области и стране» по сравнению с другими тематическими группами (ср. значения TF-IDF 0.241566 и 0.189232 и ниже). Таким образом, данная тематическая группа является ключевой в текстах региональных новостей. Подобного разрыва в значимости тем мы не видим в текстах федеральных новостей. Все темы распределены равномерно (ср. значения TF-IDF 0.128282 и 0.126548 и ниже).

Продемонстрируем на основе обращения к отдельным темам с привлечением расширенного списка наиболее частотных лексем специфику представления темы пандемии в текстах федеральных и региональных новостей. Так, например, тема 3Т¹ «Режим ограничений и самоизоляции в регионе» включает в качестве наиболее частотных лексем, фиксирующие саму тему, – *режим, самоизоляция*, имена субъектов администрирования (*Жвачкин Сергей, губернатор, администрация, власть*), локацию (*Томск*), время (*апрель, март*), действия и их объекты (*ограничение, решение,*

вводить, принимать, напоминать, борьба, работа, организация, распространение), группы населения и их позиции в ситуации (*сотрудник, гражданин, житель, оставаться, закрытый, работать, дом*). В теме 4Ф¹ «Организация здравоохранения в период COVID-19 в стране и мире» новостного контента федеральных агентств лексемы наиболее частотны лексемы, маркирующие тему (*здравоохранение, организация, власть, специалист*), локальную проекцию новостей (*страна, всемирный, мир, город, ВОЗ*), время (*март, ранее*), объектную сферу проводимых мероприятий (*ситуация, заболевание, пандемия, вспышка, вирус, заражение, заражать, заражаться, заболевать, скончаться, зафиксировать, составлять, данные, последний, обций, объявлять, новость, оставаться, гражданин*).

Тематический анализ текстов на основе применения метода LDA позволяет сгруппировать и тексты на основе представленности в них групп лексем, характеризующихся наибольшим индексом совместной встречаемости. На третьем этапе мы сравнили выделенные тематические группы с тем, как авторы задают и раскрывают темы в соответствующих новостных текстах. Приведем типичные соответствия тематической группы и типового содержания статей, их представляющих на примере темы 3Т «Официальная статистика заболеваемости»: *Новость COVID 19 (11 октября 2020 15:28). За последние сутки корона-вирусную инфекцию обнаружили у 148 жителей Томской области, сообщает Информационный центр по мониторингу ситуации с коронавирусом. Общее число заболевших в регионе за все время превысило 8,7 тысячи человек. <...> За последние сутки в России подтвержденных случаев коронавирусной инфекции – 13 634 в 85 регионах. Общее число заболевших – почти 1,3 миллиона человек. Также за сутки подтверждено 149 летальных случаев от COVID-19 в стране (за все время – 22 597). Выписано по выздоровлению за сутки 4 240 человек, в общем – 1,02 миллиона.*

Последние новостные тексты, датирующиеся 21 апреля 2023 г. в федеральных и 3 мая 2023 г. в региональных источниках, информируют граждан о новом варианте «омикрона», о том, что регистрируются новые случаи коронавирусной инфекции. При этом региональный источник приводит опять же статистическую информацию за сутки, за весь период пандемии, например: *Число зарегистрированных в Томской области случаев заражения инфекцией COVID-19 приблизилось к 168 тысячам, увеличившись за апрель почти на две тысячи. <...> Согласно статистике, в Томской области число выявленных случаев на сегодняшний день, 3 мая, составляет 167 749, случаев выздоровления в регионе зафиксировано 166 224. Официально умершими после ковида числятся 1 005 человек. <...> В конце апреля Роспотребнадзор сообщил о выявлении в России нового подвиде коронавирусной инфекции Arcturus, или арктур (ХВВ 1.16). Главный санитарный врач страны Анна Попова сообщила, что это подвид омикрона, он более заразен, чем предыдущие версии ковида, и «умеет обходить сформировавшийся ранее иммунитет».*

Так же согласованно представлены и другие тематические группы в региональных и федеральных новостях, ср., например, типичные варианты представления темы вакцинации:

– в новостях федеральных агентств: МОСКВА, 16 авг. 2020, РИА Новости. Вакцину от COVID-19 включили в перечень лекарств, распределение которых регулирует государство, говорится на сайте правительства. "Это позволит контролировать поставки препарата в регионы и поможет избежать дефицита", – отмечается в сообщении. Помимо новой вакцины, в перечень добавили еще шесть препаратов: дексаметазон, канакинумаб, олокизумаб, барицитиниб, тофацитиниб и левелимаб. На этой неделе Минздрав зарегистрировал первую в мире вакцину для профилактики коронавирусной инфекции. Препарат разработал Национальный исследовательский центр эпидемиологии и микробиологии имени Н.Ф. Гамалеи совместно с Российским фондом прямых инвестиций. Вакцина получила название "Спутник V", это раствор для внутримышечного введения. Вакцинацию предполагается проводить в два этапа с интервалом в три недели. Как заявляли в Минздраве, такая схема позволяет сформировать иммунитет сроком до двух лет. Первую партию вакцины уже произвели. А в целом мощности позволяют производить до 500 миллионов доз в год (1Ф);

– на региональном портале news.vtomske: 8 ноября 2021. В России с 8 ноября этого года начала действовать новая форма сертификата вакцинации против COVID 19; 12 августа 2022 09:15 Пункт вакцинации в Изумрудном городе будет работать с понедельника по пятницу с 11 до 19 часов, в субботу с 10 до 17 часов, в воскресенье с 10 до 14 часов <...> (Т6).

В результате наблюдений мы можем сделать вывод о том, что тематическое пространство региональных и федеральных новостей имеет схожую направленность, что обусловлено единством целеполагания новостного дискурса – информирование граждан. Мы видим, что тематические группы пересекаются в обеих текстовых коллекциях: информирование о режиме самоизоляции, о вакцинации, о статистике медицинских состояний и т.д. При этом прослеживается разница в тематических фокусировках. Очевидно, что региональные источники сфокусированы на информировании граждан конкретного региона, поэтому частотны случаи сравнения всероссийской и региональной статистики. По выявленному оптимальному количеству тем можно сделать вывод о том, что региональные новости идут вслед за федеральными, лишь дополняя федеральные источники региональными новостями. Так, например, в текстах регионального портала в меньшем количестве приводятся авторитетные высказывания, направленные на сохранение спокойствия среди граждан, однако частотны призывы заботиться о себе: Редакция vtomske.ru просит томичей беспокоиться о своем здоровье, не забывать антисептики, а при ухудшении самочувствия – использовать в людных местах маски. Берегите себя!

Для федеральных новостных агентств типичны следующие проекции новостного потока:

1) федеральный центр > регионы; федеральный центр > мир;

2) пандемия > государственные решения во всех социально значимых областях жизни;

3) пандемия > человек в ситуации пандемии:

1) МАГАДАН, 17 авг. – РИА Новости. Правительство выступит с предложениями в том или ином виде продолжить стимулирующую политику в отношении медиков, которые борются с новой коронавирусной инфекцией, заявил Михаил Мишустин. Премьер в рамках визита в Магадан посетил областной онкодиспансер и пообщался с персоналом. Врачи поблагодарили его за меры поддержки <...> (5Ф);

2) ВАШИНГТОН, 25 фев. – РИА Новости. Администрация Дональда Трампа запросит у конгресса дополнительно 2,5 миллиарда долларов на борьбу с новым коронавирусом, сообщила газета Politico со ссылкой на источники. По ее данным, дополнительный бюджетный запрос поступит в конгресс уже в понедельник вечером по местному времени (ночь – утро вторника мск <...> (5Ф);

3) МОСКВА, 3 мая – РИА Новости. У россиян начали проявляться признаки "карантинной депрессии". Чем она опасна и как от нее избавиться, рассказала радио Sputnik врач-психотерапевт Айна Громова. Месяц самоизоляции из-за пандемии коронавируса подпортил психику многим россиянам. Из-за вынужденного карантина у кого-то даже стала развиваться клиническая депрессия <...> (3Ф).

Для регионального новостного портала типичны такие проекции: 1) регион > федеральный центр > страна; 2) пандемия > человек в условиях пандемии; герои пандемии:

1) 13 апреля 2020. За прошедшую неделю жители Томска ухудшили позиции в индексе самоизоляции, составленном Яндексом. Все будние дни показатель составлял 2–3 из 5 баллов, что характеризуется как на улице очень много людей. Напомним, после введения самоизоляции в регионах страны Яндекс начал считать баллы, которые показывают уровень самоизоляции в разных городах... Показатель в Томске один из худших в России среди городов с населением более 500 тысяч человек. Хуже дела обстояли во Владивостоке Кемерово и Хабаровске <...>;

2) 25 марта 2020. Часть группы томских дайверов, застрявшая в Египте из-за коронавируса, вернулась в Россию. Остальная часть команды вылетит в Москву в среду. Ранее сообщалось, что члены томского клуба дайверов UD застряли в Египте из-за отмены авиасообщения в связи с распространением коронавируса. Обратно томичи должны были вылететь 22 марта, но авиакомпания отменила рейс. Как сообщают дайверы в соцсетях, первая часть команды прилетела из африканской страны в Россию в ночь на среду <...> (5Т).

Однако мы должны подчеркнуть, что это доминирующие проекции новостного контента о пандемии в региональном и федеральных новостных источниках при значительном уровне пересечения тем, что определяется, как отмечалось, совпадением базового целеполагания.

Заключение

Применение методов автоматического анализа к значительным текстовым массивам позволило, во-первых, выделить на основе определения лексем, характеризующихся наибольшим индексом совместной встречаемости и относительной частотности, доминирующие частные темы, фокусирующие медийное представление ситуации пандемии COVID-19; во-вторых, выделить коллекции текстов, в наиболее явном виде представляющих данные темы. На основе лингвистической интерпретации результатов автоматического тематического анализа мы выявили согласованность в информировании о ситуации пандемии между федеральными и региональными субъектами российского медиапространства, проявляющуюся в тематическом пересечении, и в то же время обоснованное разделение содержательных проекций совпадающих тем.

Полученные результаты согласуются с данными, полученными ранее с применением к материалу федеральных новостных агентств за 2020 г. тождественных методов, и с результатами, полученными в компаративных мегаисследованиях, в которых материал российских государственных СМИ за 2020 рассматривался в сравнении с данными информационных медиа других стран. Полученные материалы дают основание положительно оценить выполнение базовой цели новостных агентств – многоаспектного тематического моделирования. Однако влияние СМИ на общественные настроения в кризисных социальных ситуациях, к которым принадлежит пандемия, определяется не только содержательными фокусами в их отражении, но и оценочным фоном новостного потока, что требует специальной разработки с применением специальных технологий автоматического анализа. Данный аспект мы рассматриваем как перспективу исследования.

Список источников

1. Инфодемия: существующие подходы к анализу паник, фобий, слухов, фейков во время эпидемий и предложения по борьбе с ними // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. URL: <https://www.ranepa.ru/documents/monitoring/120-infodemiya.pdf> (дата обращения: 26.06.2023).
2. Alamoodi A.H., Zaidan B.B., Zaidan A.A., Albahri O.S., Mohammed K.I., Malik R.Q., Almahdi E.M., Chyad M.A., Tareq Z., Albahri A.S., Hameed H., Alaa M. Sentiment Analysis and Its Applications in Fighting COVID-19 and Infectious Diseases: A Systematic Review // *Expert Systems with Applications*. 2020. Vol. 167. Art. No. 114155. doi: 10.1016/j.eswa.2020.114155
3. Lyu J., Han E., Luli G. COVID-19 Vaccine-Related Discussion on Twitter: Topic Modeling and Sentiment Analysis // *Journal of Medical Internet Research*. 2021. Vol. 23, No. 6. Art. No. e24435. doi: 10.2196/24435
4. Yakunin K., Mukhamediev R.I., Zaitseva E., Levashenko V., Yelis M., Symagulov A., Kuchin Ya., Muhamedijeva E., Aubakirov M., Gopejkeno V. Mass Media as a Mirror of the COVID-19 Pandemic // *Computation*. 2021. Vol. 9(12). Art. No. 140. doi: 10.3390/computation9120140
5. Panfilova A.S., Ushakov D.V. Sentiment Analysis of Russian, Italian, German and French Internet News Content during the Spread of the Coronavirus Pandemic // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2022. Vol. 19, No. 3. P. 562–586. doi: 10.17323/1813-8918-2022-3-562-586
6. Aggarwal C.C. *Machine learning for text*. 2018. 490 p.
7. Резанова З.И., Степаненко А.А. Фреймирование кризисной ситуации в институциональных и персональных медиа (на материале текстов о Covid-19) // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 495. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/495/1
8. Резанова З.И., Степаненко А.А. Дискурсивные варианты тематического моделирования пандемии Covid-19 (новостной медиадискурс VS социальные сети) // *Вестник Томского государственного университета*. Филология. 2023. № 86. С. 84–101. doi: 10.17223/19986645/86/6
9. Резанова З.И., Коровина Ю.Е. Риск-коммуникация в сфере здоровья: тематическая фокусировка событийного потока COVID-19 в новостном дискурсе // *Вестник Томского государственного университета*. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 217–228. doi: 10.17223/1998863X/76/20
10. Коронавирусная инфекция COVID-19 // Новостной портал [news.vtomske.ru](https://vtomske.ru). URL: <https://vtomske.ru/story/142-koronavirusnaya-infekciya-covid-19> (дата обращения: 06.06.2023).
11. Griffiths T.L., Steyvers M. Finding scientific topics // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2004. Vol. 101, Suppl 1. P. 5228–5235. doi: 10.1073/pnas.0307752101
12. Cao Juan, Xia Tian, Li Jintao, Zhang Yongdong, Tang Sheng. A density-based method for adaptive LDA model selection // *Neurocomputing – 16th European Symposium on Artificial Neural Networks 2008*. 2009. Vol. 72, Is. 7–9. P. 1775–1781. doi: 10.1016/j.neucom.2008.06.011
13. Arun R., Suresh V., Veni Madhavan C.E., Narasimha Murthy M.N. On finding the natural number of topics with latent dirichlet allocation: Some observations // Mohammed J. Zaki, Jeffrey Xu Yu, B. Ravindran, Vikram Pudi (Eds.) *Advances in knowledge discovery and data mining*. Springer Berlin Heidelberg, 2010. P. 391–402. doi: 10.1007/978-3-642-13657-3_43
14. Deveaud R., SanJuan E., Bellot P. Accurate and effective latent concept modeling for ad hoc information retrieval // *Document numerique*. 2014. Vol. 17, Is. 1. P. 61–84. doi: 10.3166/dn.17.1.61-84

References

1. RANEPА. (2023) *Infodemiya: sushchestvuyushchie podkhody k analizu panik, fobiy, slukhov, feykov vo vremya epidemiy i predlozheniya po bor'be s nimi* [Infodemics: Existing approaches to the analysis of panics, phobias, rumors, fakes during epidemics and proposals for combating them]. [Online] Available from: <https://www.ranepa.ru/documents/monitoring/120-infodemiya.pdf> (Accessed: 26.06.2023).
2. Alamoodi, A.H. et al. (2020) Sentiment Analysis and Its Applications in Fighting COVID-19 and Infectious Diseases: A Systematic Review. *Expert Systems with Applications*. 167. Art. No. 114155. doi: 10.1016/j.eswa.2020.114155
3. Lyu, J., Han, E. & Luli, G. (2021) COVID-19 Vaccine-Related Discussion on Twitter: Topic Modeling and Sentiment Analysis. *Journal of Medical Internet Research*. 23 (6). Art. No. e24435. doi: 10.2196/24435
4. Yakunin, K. et al. (2021) Mass Media as a Mirror of the COVID-19 Pandemic. *Computation*. 9 (12). Art. No. 140. doi: 10.3390/computation9120140
5. Panfilova, A.S. & Ushakov, D.V. (2022) Sentiment Analysis of Russian, Italian, German and French Internet News Content during the Spread of the Coronavirus Pandemic. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 19 (3). pp. 562–586. doi: 10.17323/1813-8918-2022-3-562-586
6. Aggarwal, C.C. (2018) *Machine learning for text*. Springer.
7. Rezanova, Z.I. & Stepanenko, A.A. (2023) Framing a Crisis Situation in Institutional and Personal Media (Based on COVID-19 Texts). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/1

8. Rezanova, Z.I. & Stepanenko, A.A. (2023) Discursive Variants of Thematic Modeling of COVID-19 (News Media Discourse vs Social Networks). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 84–101. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/6
9. Rezanova, Z.I. & Korovina, Yu.E. (2023) Risk Communication About Health: Thematic Focus of the COVID-19 Event Flow in News Discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 76. pp. 217–228. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/20
10. News.vtomske.ru. (2013) *Koronavirusnaya infektsiya COVID-19* [Coronavirus infection COVID-19]. [Online] Available from: <https://vtomske.ru/story/142-koronavirusnaya-infekciya-covid-19> (Accessed: 06.06.2023).
11. Griffiths, T.L. & Steyvers, M. (2004) Finding scientific topics. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 101, Suppl 1. pp. 5228–5235. doi: 10.1073/pnas.0307752101
12. Cao Juan, et al. (2009) A density-based method for adaptive LDA model selection. *Neurocomputing – 16th European Symposium on Artificial Neural Networks 2008*. 72 (7–9). pp. 1775–1781. doi: 10.1016/j.neucom.2008.06.011
13. Arun, R. et al. (2010) On finding the natural number of topics with latent dirichlet allocation: Some observations. In: Mohammed, J.Z. et al. (eds) *Advances in knowledge discovery and data mining*. Springer Berlin Heidelberg. pp. 391–402. doi: 10.1007/978-3-642-13657-3_43
14. Deveaud, R., SanJuan, E. & Bellot, P. (2014) Accurate and effective latent concept modeling for ad hoc information retrieval. *Document numerique*. 17 (1). pp. 61–84. doi: 10.3166/dn.17.1.61-84

Информация об авторах:

Резанова З.И. – д-р филол. наук, профессор кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Владимиров В.Е. – старший преподаватель кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: picture_perfect@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Z.I. Rezanova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru,

V.E. Vladimirova, senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation) E-mail: picture_perfect@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.06.2024;
одобрена после рецензирования 09.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 10.06.2024;
approved after reviewing 09.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

Научная статья
УДК 81.37; 811.811
doi: 10.17223/15617793/507/6

Семантический объем прилагательного *slow* в современном английском языке

Татьяна Сергеевна Рыжкова¹

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия, ryzhkova08@mail.ru

Аннотация. Исследуется семантический объем прилагательного *slow*. Материалом являются данные толковых словарей и текстовые фрагменты корпусов английского языка. Выявлены семантические компоненты лексемы, не зафиксированные словарями. Отмечается семантическая прогрессия исследуемого слова за счет появления семантически производных значений, новых положительных коннотаций и эвфемизмов на основе метафорического переноса. Зафиксированы семантические сдвиги лексемы с позиции рационального понимания современного бытия человека.

Ключевые слова: семантический объем, прилагательное *slow*, компонентный анализ слова, семантическая прогрессия, положительная коннотация, эвфемизация

Для цитирования: Рыжкова Т.С. Семантический объем прилагательного *slow* в современном английском языке // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 46–53. doi: 10.17223/15617793/507/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/6

Semantic scope of the adjective *slow* in the modern English language

Tatiana S. Ryzhkova¹

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, ryzhkova08@mail.ru

Abstract. This article aims to study the semantic scope of the adjective *slow* at the present stage of development of the English language. The material includes data from explanatory dictionaries and text fragments of the British National Corpus (BNC), the Corpus of Contemporary English (COCA), NOW Corpus (NOW) and Corpus iWeb (iWeb). The analysis of dictionary definitions made it possible to identify the following meanings fixed in explanatory dictionaries such as 'slow', 'long', 'slowed', 'behind time' (about the clock), 'low-speed', 'stupid', 'boring', 'unwilling', 'weak', 'low-sensitive' (about photographic film). The common constituent of the identified semantic components is the assessment of the processes of a person's internal and external world that occur at insufficient speed or intensity, marked by the opinion of an insufficient level of development or wish. The contextual analysis of the word usage of the adjective *slow* in text fragments of English corpora made it possible to identify meanings not fixed by lexicographic sources. The meanings 'unhurried', 'cost-conscious' and 'conscious' were identified, which allows us to determine the development of the potential of the lexeme 'slow' in the direction of expanding positive connotations when assessing new phenomena and concepts of modern society. The sequential analysis of text fragments of the corpora allowed revealing the meanings: 'illiquid', 'labor-intensive' and 'thoughtful', which are used in a limited number of contexts, but, nevertheless, confidently occupy their niche in the semantic scope of the adjective. The meanings 'illiquid', and 'labor-intensive' are euphemistic names for the financial and labor aspects of human life in order to present certain facts in a more positive way. At present, these above-mentioned meanings have not yet been fixed in dictionaries, although they are already recognized by native speakers and used in speech when describing phenomena and events of reality. As a result, ten meanings were identified from the lexicographic sources and six meanings were revealed from the contexts of English language corpora. The meanings of the adjective *slow*, representing its semantic scope, have a negative or positive connotation from the standpoint of assessment and rational understanding of modern human existence. To sum up, the semantic scope of the lexeme *slow* increases due to the expansion of the original meaning, including the development of new metaphorically derived meanings, positive semantic connotations as well as the use of an adjective in the process of euphemization when assessing the phenomena of the reality.

Keywords: semantic scope, adjective *slow*, component analysis of the word, semantic progression, positive connotation, euphemization

For citation: Ryzhkova, T.S. (2024) Semantic scope of the adjective *slow* in the modern English language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 46–53. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/6

Изучение семантического потенциала прилагательных находится в фокусе современных лингвистических исследований, которые для определенных лексических единиц фиксируют сужение или расширение значения слова. Расширение семантики прилагательного детерминируется реалиями быстро развивающегося мира и способностью языка эволюционировать.

Вопросы исследования семантического потенциала прилагательных были заложены и нашли свое отражение в фундаментальных трудах лингвистов XX в. – Ю.Д. Апресяна [1], Н.Д. Арутюновой [2], Е.М. Вольф [3], Е.С. Кубряковой [4], А.А. Потебни [5] и др. [6–9].

Исследования XXI в. также характеризуются устойчивым интересом ученых к изучению семантики имени прилагательного [10–14]. Так, О.Ю. Буйнова в своей работе фиксирует динамическое развитие и расширение семантического потенциала прилагательного *black* [15]. М.Б. Талапина, сравнивая семантический потенциал прилагательных русского языка *белый/черный* с английскими *white/black*, приходит к выводу о более развитой периферии семантики русских лексем [16]. В исследовании, посвященном изучению семантической структуры прилагательного *простой*, Е.Э. Бабаева выделяет особенности семантики лексемы и смыслы, которые задают направление ее семантического развития [17]. О.Ю. Богуславская при анализе русских ментальных прилагательных *умный, компетентный, сообразительный, глупый, тупой, легкомысленный, любознательный, ветреный* и других подчеркивает их способность к развитию многозначности и расширению семантического объема [18].

В данной статье предпринимается попытка описать семантический объем прилагательного *slow* на современном этапе развития английского языка и выявить

все смыслы, для передачи которых оно может использоваться.

Методами исследования послужили анализ словарных дефиниций, компонентный анализ значения слова, количественный анализ, метод сплошной выборки и контекстуальный анализ.

Важной составляющей бытия человека является оценка уже известных и новых познаваемых явлений в позитивном или негативном ключе относительно периода времени, в рамках которого они происходят. В современном мире восприятие времени дает человеку представление о скорости, длительности и последовательности событий окружающей его действительности. При помощи времени человек оценивает процессы своего внутреннего и внешнего мира как медленные или быстрые по шкале *хорошо/плохо*, что влияет на его восприятие и категоризацию окружающей действительности, воздействует на его жизнедеятельность. Ускорение темпа развития современного общества, научно-технического прогресса оказывает влияние на формирование объективной оценки окружающего человека мира и адаптацию к происходящим изменениям.

На первом этапе был исследован семантический объем прилагательного *slow*, зафиксированный толковыми словарями английского языка. Анализ словарных дефиниций позволил выделить следующие значения: *медленный; долгий; замедленный; отстающий (о часах); малоскоростной; тупой; скучный; нежелающий; слабый; малочувствительный (о фотоплёнке)*. Результаты анализа, ранжированные в зависимости от количества зафиксированных значений, наглядно представлены в табл. 1.

Таблица 1

Значения прилагательного *slow*, зафиксированные толковыми словарями

Значение	Словарь					
	Collins English Dictionary	Merriam-Webster Dictionary	Macmillan English Dictionary for Advanced Learners	Longman Dictionary of Contemporary English	Cambridge Dictionary	Oxford Advanced Learner's Dictionary
медленный	+	+	+	+	+	+
долгий	+	+	+	+	+	+
отстающий (о часах)	+	+	+	+	+	+
тупой	+	+	+	+	+	+
слабый	+	+	+	+	+	+
замедленный	+	+	+	+	+	
малоскоростной	+	+	+	+		+
нежелающий	+	+		+	+	+
скучный	+	+	+		+	
малочувствительный (о фотоплёнке)	+		+	+		+

Основное значение '*медленный*', ср.: '*marked by low speed*' [19], характеризует движение процессов внутреннего и внешнего мира человека как события, протекающие с небольшой скоростью или в более низком темпе в сравнении с показателями нормы. Отметим, что большинство контекстов в значении '*медленный*' имеет отрицательную коннотацию в силу того, что описываемые процессы оцениваются как события, происходящие в недостаточном скоростном режиме, ср.: *a slow speed* – *медленная скорость*; *a slow moving vehicle* – *медленно движущееся транспортное средство*; *a slow economic recovery* – *медленное восстановление экономики*; *slow adaptation* – *медленная адаптация*. Ср.:

It's a slow process that sometimes drives me mad, but at least it's progressing [20];

Impatient participants are inclined to anticipate what the slow person wants to say and complete their sentences for them as if playing a game of charades [21].

В современную эпоху значимыми для человека становятся быстрые и удобные в применении ИТ-

технологии. В случае несоответствия ожидаемой и реальной скорости работы устройств формируется негативное оценочное суждение потребителя в их отношении, ср.: *a slow application* – медленное приложение; *a slow access* – медленный доступ; *a slow internet connection* – медленное интернет-соединение; *a slow reboot* – медленная перезагрузка; *a slow page* – медленная страница; *a slow computer* – медленный компьютер. Ср.:

If you have a powerful computer, but a slow internet connection, look into using more complex and efficient encoding to save upload time [21];

I found that the app is too slow to load [21].

Достаточная часть контекстов с медленной характеристикой движения имеет нейтральную окраску, потому что воспринимается большинством людей как норма определенной сферы общественной жизни или составляющая научного знания, ср.: *a plant of slow growth* – растение медленного роста; *a slow roll* – медленное вращение; *a slow particle* – медленная частица; *a slow filter* – медленнодействующий фильтр. Ср.:

His aha moment was when he read Carr's explanation of the difference between quick skimming and scanning on the Web, which lodges in the brain's short-term memory and is quickly lost, and the long-term memories that a more thoughtful kind of slow reading provides [21];

The slow neutron technique proved useful in future work [21].

В спортивной сфере таким примером может служить употребление прилагательного *slow* в качестве индикатора стратегии игры, при которой намеренно избирается подача мяча с медленной скоростью полета для достижения тактических успехов, ср.: *a slow ball (pitch)* – медленная подача. Например:

I tried a slow ball. Boom! Another home run. I tried to mix my pitches [21];

By pressing them in various ways he could pitch a fast ball, a slow ball, or one of several intermediate speeds [21].

Тем не менее следует подчеркнуть, что определенная часть контекстов употреблений прилагательного *slow* в значении ‘медленный’ характеризуется положительной коннотацией при описании процессов, которые ассоциируются с предвкушением удовольствия от приема пищи, вызывая позитивный эмоциональный отклик, ср.: *a slow stream of caramel colored espresso*; *a slow stream of melted chocolate*. Ср.:

Lock the filter into place slowly pre infuse the coffee, pull the shot and wait for the first black drops to turn into a slow stream of caramel colored espresso [21];

Think of a slow stream of melted chocolate moving across your tongue [21].

Следующее значение – ‘долгий’, ср.: ‘*taking too long*’ [22]; ‘*taking a longer time than is expected*’ [19], описывает явления или процессы, происходящие в течение длительного времени, подчеркивая не скорость события, а длительность его протекания, ср.: *a slow journey* – долгая поездка; *a slow process* – долгий процесс; *slow waiting* – долгое ожидание; *slow farewell* – долгое прощание; *a slow job search* – долгий поиск работы. Ср.:

We drove from Panjwai district center toward Zangabad, but it was a slow trip. Half of the road was paved and half wasn't [21];

It can be a slow process. But it's worth it [21].

Значение ‘замедленный’ фиксируется словарями при характеристике явлений и процессов, которые намеренно замедляются при помощи ИТ-технологий, ср.: ‘*not as quickly as it should*’ [22], ср.: *slow motion* – замедленная съемка; *slow-motion effect* – эффект замедленного движения; *slow motion playback* – замедленное воспроизведение. Ср.:

You can do slow motion in post, but it looks jerky because you are slowing down footage that is 30fps to a slower rate [21];

To truly capture slow motion, you must be using a camera that can generate the number of frames necessary for smooth playback [21].

Следующее значение прилагательного – ‘отстающий’, ср.: ‘*showing a time that is behind the correct time*’ [19], используется при характеристике хода часов, которые отстают и показывают неправильное время, ср.: *a slow clock / a slow watch* – часы, которые отстают. Ср.:

But don't even think about having a slow clock, because he knows when it's quitting time [20];

Those with a slow clock, delay sleep more during the week and then sleep longer during the weekend [20].

Значение ‘малоскоростной’, ср.: ‘*not going or allowing you to go at a fast speed*’ [23], используется при описании явлений действительности, которые в силу определенных обстоятельств не могут протекать в более интенсивном скоростном режиме, ср.: *a slow lane of a motorway* – малоскоростная полоса автомагистрали (полоса магистрали, по которой разрешено двигаться с определенными скоростными ограничениями); *a slow flight* – полет с малой скоростью; *a slow machine* – тихоходная машина. Например:

There is a common misconception that motorway lanes have a fast lane and a slow lane – this is not the case [21].

Следующие значения, выделенные на основе анализа словарных дефиниций, следует отнести к переносным, метафорически производным значениям. Значение ‘тупой’, ср.: ‘*not quick or clever in understanding*’ [19], используется при описании человека, которому для понимания поставленных задач или оценки событий требуется намного больше времени, чем другим людям в его окружении. Также данное значение актуально при характеристике человека, не способного самостоятельно мыслить и принимать адекватные, соответствующие определенной ситуации решения. В зависимости от контекста оценка медленной реакции человека может варьироваться от отрицательной до крайне негативной, ср.: *медлительный* → *несообразительный* → *неспособный* → *глупый* → *тормозной (разг.)* → *отстающий* → *неуспевающий* → *тупой* → *умственно отсталый*. Например:

I'm also a slow learner, and do a lot of things wrong [21];

Dennis was sent to a local boarding school where, already a slow student, he had even more difficulty learning foreign languages [21].

Данное значение прилагательного *slow* в подавляющем большинстве контекстов означает неодобрительную оценку умственных способностей человека, заменяя своей нейтральной эмоциональной составляющей неуместные и оскорбительные слова. Например:

Well, Forrest is just **a bit slow** [24].

Оценка умственных способностей как недостаточных, не достигающих до определенного уровня с позиции говорящего заставляет его искать новый способ выражения суждения, подбирать эвфемистическое наименование путем метафорического переноса, основанным на сходстве оценки скорости физического движения объекта и скорости осуществления мыслительных операций. Эвфемизация на основе метафорического переноса позволяет смягчить речь говорящего и негативную реакцию на его оценку.

Однако в некоторых контекстах прилагательное *slow* усиливает негативную коннотацию в случае, если определяет существительное, нарушающее нормы общественной морали и имеющее изначально целью выражение речевой агрессии, ср.: *a slow moron* – тупой болван. Например:

Or, to put it another way, the phenomena that is so striking even **a slow moron** like Lowry has noticed it is happening for some reason, and the reason I provide above provides a predictive model for understanding this new development; other explanations do not [21].

‘Скучным’, ср.: ‘*dull or boring*’ [22]; ‘*not exciting*’ [25], т.е. затянувшимся во времени и не представляющим никакого интереса с точки зрения определенного человека, может быть событие, мероприятие или предмет окружающей действительности: *a slow book* – скучная книга; *a slow start book* – скучное начало книги; *a slow party* – скучная вечеринка; *a slow day* – скучный день. Отсутствие интереса к событию напрямую связано с желанием скорейшего его завершения, что и создает иллюзию медленного течения времени. Например:

It was **a slow start book** that I put down over and over, but in the end, I loved it [21];

It was **a slow day** at the museum [21].

Следующее значение ‘нежелающий’, ср.: ‘*unwilling to perform an action*’ [19], актуализируется в конструкции *slow+to+infinitive*, поэтому иногда на русский язык переводится при помощи глаголов *медлить*, *не спешить*, что означает не медленный процесс выполнения, а некоторый период промедления перед началом действия. Поэтому данная конструкция отличается вариативностью перевода: *slow to forgive* – злопамятный; *slow to move* – тяжелый на подъем; *slow to respond* – медлить с ответом; *slow to consider* – медлить с рассмотрением; *slow to call* – не спешить звонить; *slow to accept* – медлить с принятием; *slow to adopt* – не спешить с внедрением. Ср.:

You must all be quick to listen, **slow to speak**, and **slow to get angry** [21];

For Windows, in general, corporations are **slow to adopt** new platforms and the prolonged existence of XP reminds us of this [21].

Значение ‘слабый’, ср.: ‘*weak*’ [19]; ‘*not vigorous or active*’ [26], актуализируется при описании огня, который горит с недостаточной интенсивностью; при характеристике торговли, рынка, туристического сезона, которые отличаются низкими продажами, а также используется при описании походки, движений, действий человека, происходящих в замедленном темпе,

которые могут быть следствием усталости, недосыпания, лени или болезни, ср.: *a slow fire* – слабый огонь; *a slow flare* – слабая вспышка; *a slow economy* – слабая экономика; *slow sale* – слабые продажи; *a slow season* – слабый (мертвый) сезон; *a slow movement* – слабое движение; *a slow pulse* – слабый пульс. Например:

Then, fry the seeds in **a slow fire** [20];

The restaurant and café business reeled under this challenge particularly because a large number of them are small to medium scale businesses with limited capacity to sustain through long periods of **slow business** [20];

Vertical Dreams was able to strengthen relationships with customers and keep their business top of mind during **a slow part** of the year – making **a slow season**, a lot **less slow** [21].

Следующее значение прилагательного ‘малочувствительный’, точнее, ‘с малой светочувствительностью’, ср.: ‘*not very sensitive to light*’ [27], актуально при характеристике предметов и инструментов, которые используются фотографами в профессиональной сфере: *a slow lens* – малосветосильный объектив (объектив с малой светосилой); *a slow film* – малочувствительная пленка; *slow paper* – фотобумага с малой светочувствительностью. Малочувствительная пленка не подходит для съемки в помещении с плохим освещением, объектив с малой светосилой пропускает значительно меньше света при полном раскрытии диафрагмы, а фотобумага с малой светочувствительностью подходит только для контактной печати. Таким образом, прилагательное *slow* означает недостаточную чувствительность к свету, которая выражается в определенном наборе рекомендаций или ограничений использования определенного фотоматериала. Ср.:

And they had **slow film**, they're shooting in black and white but the courage to light the scene with a human torch [21];

This can be a limitation in low-light conditions or when shooting fast-moving subjects, as **the slower lens** requires longer exposure times [21].

Отметим, что толковым словарем Collins фиксируются следующие семы: ‘*behind the times*’ [19] – ‘устаревший’ и ‘*sticky from a fairly recent rain and in the process of drying out*’ [19] – ‘в процессе высыхания’. Так, сема ‘*behind the times*’ не дефинируется словарем и приводится лишь в качестве примера вне контекста употребления. Сема ‘*sticky from a fairly recent rain and in the process of drying out*’ актуализируется при характеристике трека для скачек и употребляется только в коллокации со словом *dirt* ‘грязь’ – *Dirt Slow* (*Dirt Slow* – мокрый трек после дождя; считается медленным и тяжелым при проведении скачек). Данные семы являются маркером актуальности использования основного значения прилагательного при характеристике новых реалий действительности, но не могут быть позиционированы и учтены в качестве значений исследуемой лексемы.

Значения, вычлененные на основе анализа лексикографических источников, представлены в табл. 2. Ключевой и общей составляющей для всех значений является оценка процессов внутреннего и внешнего мира человека как протекающих с недостаточной скоростью, интенсивностью, маркированных мнением о недостаточном

уровне развития или нежелания предпринять какое-либо действие.

Таблица 2
Значения прилагательного *slow*, выделенные
на основе лексикографических источников

Оценка	Значение
недостаточная скорость	медленный долгий замедленный отстающий (о часах) малоскоростной
недостаточная интенсивность	скучный слабый малочувствительный (о фотоплёнке)
недостаточное развитие	тупой
недостаточное желание	нежелающий

На следующем этапе исследования семантического объема прилагательного *slow* были проанализированы контексты употребления лексемы на базе корпусов английского языка с целью выявления новых значений, не зафиксированных лексикографическими источниками. Методом сплошной выборки было проанализировано 10 000 текстовых фрагментов, представленных в британском национальном корпусе английского языка (BNC), корпусе современного американского английского языка (COCA), а также в корпусе новостного контента Интернета (NOW) и корпусе интернет-ресурсов (iWeb).

Вызовы стремительно развивающегося окружающего мира способствовали появлению новых трендов и, соответственно, развитию новых семантических компонентов прилагательного *slow*. В настоящее время выявленные метафорически производные значения еще не зафиксированы словарями, хотя уже осознаются носителями языка и употребляются в речи при описании явлений и событий действительности.

Так, значение '*неспеиный*' обладает выраженной положительной коннотацией и применяется при описании процессов, протекающих не с медленной скоростью в силу каких-либо причин, условий или правил, а в намеренно задаваемом неспешном темпе: *a slow walk* – *неспеиная прогулка*; *a slow breakfast* – *неспеиный завтрак*; *a slow pace of life* – *неспеиный темп жизни*, ср.:

But perhaps Ratty would above all treasure the slow pace of life and the almost Latin approach to the world [28].

Еще в конце прошлого века в Европе зародилось движение за неспешное и осознанное наслаждение жизнью во всех ее проявлениях как ответ на глобализацию и ускорение темпа развития общества. Идея улучшения качества жизни за счет намеренного замедления ее ритма, противостояние однообразию и усреднению способствовали появлению и развитию концепций *slow food*, *slow city* и *slow travel* [29–31].

Движение *slow food* появилось в противовес популярной идее быстрого питания *fast food* и выступает за употребление в пищу натуральных и полезных продуктов, которые выращиваются местными фермерами и хозяйствами, не нанося вреда экологии региона, а также продвигает неспешный прием пищи, ср.:

To qualify as slow food, the ingredient (meat, produce, nuts, whatever) must be produced in a clean way that does not harm the environment, animal welfare or health [20];

But slow food is more than just a trend as it really is a grassroots movement meant to encourage consumers to think about good, clean and fair food [20].

Концепцию *slow cities* в настоящее время поддерживают около 300 городов по всему миру, для которых характерны хорошая экология и инфраструктура, позволяющие горожанам и туристам придерживаться неспешного, комфортного ритма жизни, а также оказание помощи местным производителям и стремление сохранить традиционные промыслы и ремесла, ср.:

Seferihisar is a quiet town which was awarded with the status of a slow city, an independent organization in Europe founded in 1999 trying to improve the quality of life in the towns within its network and which promotes a city having less traffic, local food instead of fast food, traditional life and housing, interesting places and unspoiled landscapes [21];

Ludlow, famed for its gastronomy, has carved out a reputation as a slow town, a concept pioneered in Italy as a reaction to the fast-food culture [20].

Следует отметить, что в настоящее время в контекстах корпусов английского языка фиксируются новые коллокации с прилагательным *slow*, которые имеют нарастающую тенденцию употребления по мере развития философии *slow city*. Так, например, *slow street* представляет собой городское пространство с ограниченным движением транспорта, которое предназначено для пешеходных прогулок и езды на велосипеде с соблюдением норм безопасности и комфорта передвижения для жителей и гостей города. *Slow architecture* олицетворяет собой архитектуру, которая органично вписывается в городскую среду и коррелирует с экологическими требованиями и инновациями. Например:

We live on a slow street [21];

On slow streets, vehicles are limited to only local access trips and are encouraged to drive slowly to make the street safer for other users [32];

One of the aspects of slow architecture is the reuse of objects, structures, and materials [20].

Идея *slow travel* означает организацию неспешного отдыха и глубокое погружение в атмосферу нового места с его традициями, ритмом и спецификой жизни, ср.:

Travelling slowly creates the opportunity for travelers to fully engage with the local culture and their way of life. By embracing slow travel, travelers can experience the beauty and richness of the world around them [20];

Slow travel helps you slow down and appreciate the little things in life [20].

Следующее значение '*бережливый*' также является результатом последовательного развития концепции неспешного, гармоничного образа жизни и предполагает ответственное ношение одежды из экологически чистых материалов, в том числе отказ от покупки новых предметов одежды в пользу ремонта уже имеющихся, ср.:

It may be expensive buying a slow fashion garment, but pays off on the long run because it helps to reduce environmental pollution through washing, dyeing and so on [20].

Значение 'осознанный' означает обдуманый подход к тренировкам, которые отличаются сознательным замедлением темпа и умеренной интенсивностью физических нагрузок, ср.:

Slow fitness like yoga, qigong, and tai chi focus on breathing and quality of movement [20].

Таким образом, значения 'неспешный', 'бережливый' и 'осознанный' являются результатом развития философии неспешного образа жизни и свидетельствуют о тесной взаимосвязи развития общества и способности языка откликаться на происходящие изменения. Отметим, что на современном этапе английского языка фиксируется развитие потенциала лексемы 'slow' в направлении расширения положительных коннотаций.

Следующим семантическим компонентом, выделенным на основе анализа контекстов корпусов английского языка, является значение 'неликвидный'.

Значение 'неликвидный' используется в экономических контекстах при характеристике товаров и других материальных ценностей компании, которые трудно реализуются на рынке: *slow assets* – *неликвидные активы*; *slow goods (slow-moving goods; slow moving products; slow moving stock)* – *неликвидные товары*; *slow moving inventory* – *неликвидные товарно-материальные запасы*. Ср.:

*This ratio helps you ascertain whether your business is top-heavy in fixed or **slow assets**, and complements Net Sales to Tangible Net Worth* [32];

*If there isn't insane volume Monday or Tuesday, there likely won't be anytime soon and it will be you and your Bee Gee's having a long-term affection for your **slow moving stock*** [21];

*In an attempt to sell **slow moving products**, wholesalers often require what is known as *otie-in sales*, requiring purchase of one product to acquire another* [21].

Для настоящего периода развития английского языка данное значение актуально только в контексте толкования явлений и процессов экономики. Тем не менее отмечается достаточно широкое употребление вышеприведенных коллокаций при характеристике скорости сбыта финансовых активов и товаров компании в текстах экономической направленности.

Последовательный анализ текстовых фрагментов корпусов позволил зафиксировать семантические компоненты 'трудоемкий' и 'вдумчивый', которые используются в ограниченном количестве контекстов, но тем не менее уверенно занимают свою нишу в семантическом объеме исследуемой лексемы: *a slow work* – *трудоемкая (кропотливая) работа*, *slow reading* – *вдумчивое (внимательное) чтение*. Ср.:

I'm in the final stages of finishing the large canvas that I've been documenting here, spending a lot of time weighing the weight of the colors and forms and adding a bit here

*and there to bring it into balance. It's **slow work** and sometimes I have to just get away from it to clear my head* [21];

*Generally, **slow reading** is thought of as a **reading technique** designed to help readers more fully understand and value a particular text, such as a literary or philosophical piece* [20].

Отметим, что значения 'неликвидный' и 'трудоемкий' являются эвфемистическими наименованиями финансовых и трудовых аспектов жизнедеятельности человека с целью представления информации в более позитивном ключе.

В результате проведенного исследования было выделено 10 значений, зафиксированных лексикографическими источниками, и 6 значений, выделенных на основе анализа контекстов корпусов английского языка. Семантический объем исследуемой лексемы на современном этапе развития языка наглядно представлен в табл. 3.

Таблица 3
Семантический объем прилагательного *slow*

Значения, зафиксированные словарями	Значения, не зафиксированные словарями
медленный	неспешный
долгий	бережливый
замедленный	осознанный
отстающий (о часах)	неликвидный
малоскоростной	трудоемкий
тупой	вдумчивый
скучный	
нежелающий	
слабый	
малочувствительный	
(о фотопленке)	

Оценка скорости процессов окружающего мира в пространственно-временном континууме человека происходит по шкале *медленно* → *нормально* → *быстро*. Значения прилагательного *slow*, презентующие его семантический объем, в большинстве контекстов характеризуются отрицательной коннотацией.

Однако результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что оценка достаточного количества процессов внутреннего мира человека и событий внешнего мира, протекающих в замедленном темпе, характеризуется положительно с позиции осознанного, рационального понимания современного бытия человека.

Таким образом, наполнение семантического объема лексемы *slow* происходит за счет расширения исходного значения, а именно появления новых метафорически производных значений, положительных семантических коннотаций, а также использования прилагательного в процессе эвфемизации при оценке событий окружающего человека мира.

Список источников

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : Школа «Языки русской культуры», 1974. 368 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М. : Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Яз. славян. культуры, 2004. 555 с.
5. Потебня А.А. Слово и миф. М. : Правда, 1989. 200 с.

6. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. : Рус. яз., 1972. 642 с.
7. Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. М. : Учпедгиз, 1957. 400 с.
8. Givón T. Notes on the Semantic Structure of English Adjectives // *Language*. 1970. Vol. 46, № 4. P. 816–837.
9. Klein E. A semantics for positive and comparative adjectives // *Linguistics and Philosophy*. 1980. Vol. 4. P. 1–45.
10. Goddard C., Taboada M., Trnava R. The semantics of evaluational adjectives. Perspectives from Natural Semantic Metalanguage and Appraisal // *Functions of Language*. 2019. Vol. 26, Is. 3. P. 308–342.
11. Sassoon Galit W. A Typology of Multidimensional Adjectives // *Journal of Semantics*. 2013. Vol. 30, Is. 3. P. 335–380.
12. Антонова М.Б. Рождение смысла: концептуальные основания семантики английских прилагательных. М. : Рос. гос. гум. ун-т, 2021. 356 с.
13. Белова Н.Н. Семантика оценки в именах прилагательных : дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2011. 263 с.
14. Щуклина Т.Ю. Семантика русских прилагательных в динамическом измерении // Теоретические и практические вопросы изучения русского языка в аспекте региональной картины мира. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 133–144.
15. Буйнова О.Ю. Семантический объем прилагательного «black» в сопоставительном аспекте // Международная научно-практическая конференция : сб. ст. Вып. 7. Н. Новгород : Нижегород. гос. пед. ун-т им. Козьмы Минина, 2023. С. 20–25.
16. Талапина М.Б. Сопоставительное исследование русских и английских прилагательных «белый/черный» и «white/black» в когнитивно-дискурсивном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 25 с.
17. Бабаева Е.Э. Формирование семантической структуры слова простой в русском языке // Языковая картина мира и системная лексикография. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 759–844.
18. Богуславская О.Ю. Интеллектуальные способности и деятельность человека в зеркале прилагательных // Языковая картина мира и системная лексикография. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 470–512.
19. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 05.06.2023).
20. Корпус NOW (News on the Web). URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 11.06.2023).
21. Корпус современного американского английского языка. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 10.06.2023).
22. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 17.07.2023).
23. Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 10.06.2023).
24. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 20.07.2023).
25. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 10.06.2023).
26. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 10.06.2023).
27. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 01.06.2023).
28. Британский национальный корпус. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 10.06.2023).
29. Dickinson J.E., Lumsdon L., Robbins D. Slow Travel: Issues for Tourism and Climate Change // *Journal of Sustainable Tourism*. 2011. № 19(3). P. 281–300.
30. Farelnik E., Stanowicka A. Smart City, Slow City and Smart Slow City as Development Models of Modern Cities // *Olsztyn Economic Journal*. 2016. № 11 (4). P. 359–370.
31. Siniscalchi V. Environment, Regulation and the Moral Economy of Food in the Slow Food Movement // *Journal of Political Ecology*. 2013. Vol. 20, № 1. P. 295–305.
32. Корпус iWeb (The 14 Billion Word Web Corpus). URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (дата обращения: 10.07.2023).

References

1. Apresyan, Yu.D. (1974) *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymous means of language]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
2. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
3. Vol'f, E.M. (2002) *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of assessment]. Moscow: Editorial URSS.
4. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. On the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow: Yaz. slavyan. kul'tury.
5. Potebnya, A.A. (1989) *Slovo i mif* [Word and myth]. Moscow: Pravda.
6. Vinogradov, V.V. (1972) *Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical doctrine of the word]. Moscow: Rus. yaz.
7. Shakhmatov, A.A. (1957) *Istoricheskaya morfologiya russkogo yazyka* [Historical morphology of the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz.
8. Givón, T. (1970) Notes on the Semantic Structure of English Adjectives. *Language*. 46 (4). pp. 816–837.
9. Klein, E. (1980) A semantics for positive and comparative adjectives. *Linguistics and Philosophy*. 4. pp. 1–45.
10. Goddard, C., Taboada, M. & Trnava, R. (2019) The semantics of evaluational adjectives. Perspectives from Natural Semantic Metalanguage and Appraisal. *Functions of Language*. 26 (3). pp. 308–342.
11. Sassoon Galit, W. (2013) A Typology of Multidimensional Adjectives. *Journal of Semantics*. 30 (3). pp. 335–380.
12. Antonova, M.B. (2021) *Rozhdenie smysla: kontseptual'nye osnovaniya semantiki angliyskikh prilagatel'nykh* [The Birth of Meaning: Conceptual Foundations of the Semantics of English Adjectives]. Moscow: RSUH.
13. Belova, N.N. (2011) *Semantika otsenki v imenakh prilagatel'nykh* [Semantics of Evaluation in Adjectives]. Philology Cand. Diss. Michurinsk.
14. Shchuklina, T.Yu. (2018) *Semantika russkikh prilagatel'nykh v dinamicheskom izmerenii* [Semantics of Russian Adjectives in a Dynamic Dimension]. In: *Teoreticheskie i prakticheskie voprosy izucheniya russkogo yazyka v aspekte regional'noy kartiny mira* [Theoretical and Practical Issues of Studying the Russian Language in the Aspect of the Regional Picture of the World]. Kazan: Kazan State University. pp. 133–144.
15. Buynova, O.Yu. (2023) *Semanticheskii ob'em prilagatel'nogo "black" v sopostavitel'nom aspekte* [Semantic scope of the adjective "black" in the comparative aspect]. In: *Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Collection of articles based on the materials of the International Conference]. Vol. 7. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical University. pp. 20–25.
16. Talapina, M.B. (2008) *Sopostavitel'noe issledovanie russkikh i angliyskikh prilagatel'nykh "belyi/chernyi" i "white/black" v kognitivno-diskursivnom aspekte* [Comparative study of Russian and English adjectives "belyi/chernyi" and "white/black" in the cognitive-discursive aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
17. Babaeva, E.E. (2006) *Formirovaniye semanticheskoy struktury slova prostoy v russkom yazyke* [Formation of the semantic structure of the word simple in Russian]. In: *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language picture of the world and systemic lexicography]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 759–844.
18. Boguslavskaya, O.Yu. (2006) *Intellektual'nye sposobnosti i deyatel'nost' cheloveka v zerkale prilagatel'nykh* [Intellectual abilities and human activity in the mirror of adjectives]. In: *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language picture of the world and systemic lexicography]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 470–512.
19. Collins English Dictionary. [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com> (Accessed: 05.06.2023).
20. News on the Web Corpus. [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/now/> (Accessed: 11.06.2023).
21. Corpus of Contemporary American English. [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/coca/> (Accessed: 10.06.2023).

22. *Longman Dictionary of Contemporary English*. [Online] Available from: <https://www.ldoceonline.com/> (Accessed 17.07.2023).
23. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (Accessed 10.06.2023).
24. *Urban Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.urbandictionary.com/> (Accessed: 20.07.2023).
25. *Cambridge Dictionary*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/> (Accessed: 10.06.2023).
26. *Merriam-Webster Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed: 10.06.2023).
27. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. [Online] Available from: <https://www.macmillandictionary.com/> (Accessed: 01.06.2023).
28. *British National Corpus*. [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (Accessed: 10.06.2023).
29. Dickinson, J.E., Lumsdon, L. & Robbins, D. (2011) Slow Travel: Issues for Tourism and Climate Change. *Journal of Sustainable Tourism*. 19 (3). pp. 281–300.
30. Farelnik, E. & Stanowicka, A. (2016) Smart City, Slow City and Smart Slow City as Development Models of Modern Cities. *Olsztyn Economic Journal*. 11 (4). pp. 359–370.
31. Siniscalchi, V. (2013) Environment, Regulation and the Moral Economy of Food in the Slow Food Movement. *Journal of Political Ecology*. 20 (1). pp. 295–305.
32. *The 14 Billion Word Web Corpus*. [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (Accessed: 10.07.2023).

Информация об авторе:

Рыжкова Т.С. — канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия). E-mail: ryzhkova08@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.S. Ryzhkova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ryzhkova08@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.03.2024;
одобрена после рецензирования 15.06.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 17.03.2024;
approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 001.18
doi: 10.17223/15617793/507/7

Философия научной фантастики (художественной футурологии)

Вадим Михайлович Маслов¹

¹ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, maclov@bk.ru

Аннотация. В русле становления постнеклассической рациональности задаются основы полноценного включения научной фантастики в осмысление общественно значимых перспектив научно-технического развития. Научная фантастика – обусловленная возникновением практической науки – определяется ведущим видом художественной футурологии, включающей все проявления образного отражения гипотетического будущего. Материалом исследования выступают представления о специфике, истории развития и месте научной фантастики в системе общественной жизни.

Ключевые слова: постнеклассическая рациональность, визуальный поворот, техногенная цивилизация, научная фантастика, утопия, антиутопия, футурология, художественная футурология, фантастика, фэнтези

Для цитирования: Маслов В.М. Философия научной фантастики (художественной футурологии) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 54–65. doi: 10.17223/15617793/507/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/7

Philosophy of science fiction (literary futurology)

Vadim M. Maslov¹

¹ Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, maclov@bk.ru

Abstract. The aim of the article is to provide a basis for the full-fledged connection of science fiction to the understanding of intensive scientific and technical changes, encouraging, inspiring and destructive vectors of the development of modern society, technogenic civilization. The material of the research is the idea of the specifics, history of development and place of science fiction in the system of public life. The basis of the research is the emerging post-non-classical scientific and philosophical rationality; the main methods are analysis, synthesis, historical and systematic approach, hermeneutical immersion. The connection of science fiction to the mainstream of philosophical work takes place in the form of an actual correlation of the scientific and the literary, and a subsequent critical analysis of the relationship with utopia/dystopia, futurology, fantasy. Considering the variety of science fiction works, but taking into account the generic connection with science, science fiction is an art genre that remains in the main line of development as an artistic, vital, existential expression of the ultimate possibilities of science and technology to change a person, society, and nature in a promising, problematic, and destructive way. The historical and semantic originality of science fiction determines its connection with practical science. The world learned about such science and the happy society built on its basis from Francis Bacon's *New Atlantis* (1627). This beginning of science fiction is critically and existentially complemented by Mary Shelley's *Frankenstein, or the Modern Prometheus* (1818) and Jules Verne's *Five Weeks in a Balloon* (1863). Since that time, science fiction has acquired its essential completeness, including utopia/dystopia, as a form of social science fiction. Historical tradition (Plato, Thomas More, Herbert George Wells) leaves utopia/dystopia in culture ("Utopian Studies"). Hence, the optimal way for science fiction to enter futurology is to introduce the idea of "literary futurology", which, including all manifestations of the figurative reflection of a hypothetically possible future (while maintaining their declared specificity), asserts the leading role of science fiction. Data on the virtual vector of development of science fiction and fantasy, the comparative growth of the popularity of non-scientific fantasy in the context of changing utopian priorities from the future to another present (Zygmunt Bauman, Michel Foucault) are examples of the importance of connecting the problems of science fiction, literary futurology to modern theory and practice of comprehension and positive influence on the future.

Keywords: post-non-classical rationality, visual turn, technogenic civilization, science fiction, utopia, dystopia, futurology, literary futurology, fantastic, fantasy

For citation: Maslov, V.M. (2024) Philosophy of science fiction (literary futurology). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 54–65. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/7

Постнеклассическая рациональность и научная фантастика

Современный процесс познания во все больше степени показывает сложность, проблемность окружающего мира, актуализируя популярность постмодернизма и релятивизма. Противовесом являются разработки в области рациональности (Н.С. Автономова, П.С. Гуревич, В.А. Лекторский, М.К. Мамардашвили, В.С. Швырев и др.) и формирование адекватной современным вызовам постнеклассической рациональности (В.С. Степин).

Постнеклассическая рациональность – становящийся феномен. Ее значимой характеристикой видится открытость к диалогу с вненаучным знанием [1. С. 83–84]. В широком фронте постнеклассической работы, с учетом «визуального поворота» (делающего образное более значимым, чем логико-вербальное [2. С. 39]), особое внимание привлекает взаимодействие с миром искусства.

Современная мысль плодотворно обращается к достижениям искусства. Задействованные в философии существования художественные произведения (в том числе и созданными самими экзистенциалистами – «Посторонний» А. Камю, «Тошнота» Ж.П. Сартра и др.) не просто иллюстративный материал, но средства полноценного приобщения к философским истинам. Положительно воспринимаются все указания на то, что в психологии важны и наука, и искусство (Г. Олпорт). В данных случаях не требуется постнеклассическая модернизация, но только поступательное совершенствование. Последнее не относится к научной фантастике (НФ). Сегодняшнее развитие общества, техногенной цивилизации балансирует на грани возможности существования человечества [3]. Требуется заново продумывать все феномены, имеющие отношение к техногенной цивилизации: по определению, НФ является таким объектом. Здесь же укажем на то, что в зарубежной научно-образовательной культуре НФ уделяется сравнительно большее внимание. В 1970-х гг. указывали, что в университетах Канады и США преподавали около двухсот учебных курсов по НФ [4. С. 12], при отсутствии таковых в СССР. В 2000-х гг. это отставание красноречиво сказалось на сравнительном уровне философско-научного внимания к фильму «Матрица» (1999) [5]. Ярким компаративистским примером сегодняшнего дня можно взять отсутствие отечественного аналога англоязычного рецензированного научного журнала «Science Fiction Studies». Данный журнал рассматривает феномен НФ в самых широких футурологических, научно-философских планах и взаимосвязях, в частности, это наглядно демонстрируется в ходе гуманистического осмысления научно-фантастического произведения, демонстрирующего на современном материале возможности появления искусственного интеллекта [6]. Всем этим формируется основная гипотеза и ведущая идея нашей работы. В русле постнеклассического исследования НФ – ее взаимоотношений с искусством, утопией, фэнтези – НФ определяется местом сборки всей художественной футурологии, позволяющей значительно расширить и углубить

научно-философское понимание происходящего сегодня и полноценнее определить возможные будущие траектории развития современного общества, техногенной цивилизации.

Научная фантастика как препаидигмальный феномен

Регулярная публикация Ж. Верном со второй половины XIX в. «необыкновенных путешествий» (П.Ж. Этцель) привлекла всеобщее внимание. Подобный художественный опыт получает широкое распространение (Г. Уэллс, К. Ласвиц и др.). В итоге в начале XX в. в мировую культуру входят соответствующие разъясняющие словосочетания: «НФ» (восходит к публикации 1914 г. отечественного популяризатора науки Я. Перельмана) и «scientific fiction» (введено в 1929 г. американским издателем Х. Гернсбеком). Появление собственного наименования говорит о том, что НФ признается особым видом искусства современного общества и закономерно становится значимым объектом культурного осмысления. Анализ дальнейшей истории НФ в XX–XXI вв. определяет 1990-е гг. временем незавершенного перехода от прошлого этапа развития НФ к современному. Соответствующим образом конкретизируется исходная задача исследования: необходимо разъяснить своеобразие данного перехода, а его завершение будет выступать формой подключения НФ к теории и практике современной постнеклассической научно-философской рациональности.

Научная фантастика до 1990-х гг. очевидным образом находилась в русле перспективного научно-технического развития, кардинально меняющего общественную жизнь. Это отмечается отечественными [7, 8] и зарубежными [9] специалистами. Известное идеологическое противостояние социализма и капитализма не касалось научно-технической составляющей НФ; в этом плане представители разных социальных систем не отличались друг от друга (А. Азимов, А. Кларк, Р. Хайнлайн, И. Ефремов, А. и Б. Стругацкие, С. Лем). Ярким примером на известность НФ можно взять широкий интерес к американскому научно-фантастическому сериалу «Звездный путь» (Star Trek), первая серия которого вышла в 1966 г.

Общественное внимание к НФ постоянно актуализировало все ее положительные моменты. Прежде всего, НФ давала художественно-конкретное представление о дальнейшем будущем существовании человечества на основе дальнейшего научно-технического развития. Оптимистические, положительные представления о будущем человечества – «Туманность Андромеды» И. Ефремова – наполняли перспективным положительным смыслом современную деятельность людей. Трагические, негативные представления о будущем человечества – «Час быка» И. Ефремова – предупреждали о соответствующей опасности и позволяли надеяться ее предупредить и нейтрализовать. Научная фантастика вносила существенный вклад в более точное и глубокое понимание конкретных направлений научно-технического развития. Классической в данном случае является разработка темы роботов А. Азимовым.

Здесь же можно упомянуть конкретные научно-технические прозрения авторов НФ (лазер у Г. Уэллса и А. Толстого). Произведения НФ вносили свой существенный вклад в теорию и практику творчества [10]. Популярность НФ воодушевляла подрастающее поколение связывать свое будущее с ответственной наукой и техникой. Известные примеры успешного сочетания конкретной научно-технической деятельности с научно-фантастическим творчеством (В.А. Обручев, И.А. Ефремов) воспринимались формой полнокровной, перспективной работы современного ученого и инженера.

Представленная НФ – суть «твердая НФ». Введение последнего наименования, с одной стороны, еще раз подчеркивает значимость такого рода НФ, с другой стороны, указывает на то, что не вся НФ – суть твердая НФ. Соответственно, ставится вопрос о соотношении твердой НФ со всей другой НФ. В этом плане, например, англоязычные исследователи отмечают, что уже в 1960-х гг. «формируется более широкое воззрение на фантастику... ослабляющее акцент на ее научно-технической составляющей» [11], «подвергаются сомнению многие священные коровы НФ (оптимизм, озабоченность технологиями)» [12. Р. 4]. Все это, в купе с началом бурного роста популярности фэнтези, приводит к тому, что к 1990-м гг. твердая НФ утрачивается свою прошлую известность и значимость. Качественным итогом можно взять предложение ввести понятие «фантазматика», отражающего современный мейнстрим в области художественной фантастики, характеризующийся «отходом от науки и сдвигом в сторону магии, легкой мистики и даже простой сказочности» [13. С. 21]. В этом контексте не удивляет горькое указание Э. Дрексlera на убеждение в том, что любая созвучность мысли НФ служит серьезным основанием не тратить на нее время [14. Р. 215].

Необходимое полноценное подключение НФ к современной постнеклассической мысли не может быть простой актуализацией прошлой классической значимости НФ (Г.С. Альтшуллер, Е.П. Брандис, Л.П. Бритиков, Г.И. Гуревич, И.Д. Дмитриевский, Б.В. Ляпунов и др.). Решение данной проблемы должно ориентироваться на технологию диалектической спирали, которая, признавая определенную правомерность наличной критики и забвения, затем с необходимостью ведет к итоговому синтезу, утверждения современной значимости НФ на новом качественном уровне.

Исходным началом современного исследования НФ является ее строгое определение. Во многих развернутых подходах утверждается, что «полностью удовлетворительного определения научной фантастики не существует» [15]. Критическое преодоление последнего утверждения связано с открытием того, что проблема неопределенности НФ является следствием суммы открытых к разрешению базовых проблем: сочетания научного и художественного в НФ; соотношения НФ с утопией, фэнтези, футурологией. В итоге современное состояние теоретического осмысления НФ может быть идентифицировано как предпарадигмальное, открытое к формированию современного обще-

признанного представления о НФ в рамках постнеклассической научно-философской рациональности. Логика выведения такого парадигмального представления о НФ идет от рассмотрения проблемы сочетания научного и художественного в НФ до введения представлений о художественной футурологии и специфического включения НФ в современную футурологию. В ходе подобного анализа будут разрешаться все другие значимые проблемы НФ, например, проблема ее возникновения.

Научная фантастика, наука, искусство, фантастика

Смысловая структура наименований «НФ» и «science fiction» (SF) имеет идеальным пределом форму выражения, в которой противопоставление науки и искусства сливалась бы в гармоничное целое (антитеза, постоянно переходящая в оксюморон). Преимуществом отечественного названия является его акцентированность на фантастическом, удивительном, футурологическом, но при этом здесь прямо не указывается на искусство (фантастическое может быть и в мифе). Преимуществом англоязычного названия является его прямое указание на искусство, художественную литературу (fiction), но здесь нет подчеркнутой связи с футурологией. В целом культура открыта к появлению более точного, говорящего наименования, гипотетическим примером дальнейшего продвижения к чему может быть совмещение «научной литературы» (nonfiction) и «художественной литературы» (fiction) – «nonfiction fiction». Все это нужно иметь в ходе дальнейшего исследования НФ.

В случае общепризнанных шедевров НФ – «Трудно быть богом» А. и Б. Стругацких – научное и художественное, по определению, бытийствует в неразрывном единстве. Во всех других случаях соотношения научного и художественного требует специального анализа. Исторически значимой точкой отсчета в данном случае можно взять заочную полемику Ж. Верна и Г. Уэллса. Ж. Верн принципиально указывает, что в его произведениях нет отрыва от реальных научно-технических представлений и сравнительного отсутствия у британца «настоящей научной основы» [16. С. 140]. Анализ позиций и дискуссий в этой открывает целый ряд положительных и проблемных моментов для научной составляющей НФ. Эти моменты можно последовательно объединить в следующие три специфические группы: положительные, положительно-проблемные, проблемные.

Безоговорочно положительным для научной составляющей НФ является сам факт исторического определения НФ видом художественной литературы. Это сделало НФ общезначимым, уважаемым феноменом общественной жизни (скорее всего, ни наука, ни философия не смогли бы обеспечить подобную легитимность НФ.) В лоне искусства НФ сразу же вступает в объективную конкуренцию качества со всеми другими классическими и современными художественными произведениями. Вытекающее из всего этого стремление достичь достойного эстетического

уровня обеспечивает главное для научной составляющей НФ – максимально полнокровно, жизненно, экзистенциально представить научно-техническое будущее человека и человечества.

Положительно-проблемной для научной составляющей НФ является современная популярность искусства. В положительном плане имеем в виду, что произведения искусства могут быстрее и ярче донести до широкой общестественности значимую научно-техническую информацию. Классическим примером на это является фильм «Матрица» (1999), который познакомил всех с компьютерной виртуальной реальностью и дал путающие образы виртуального будущего человечества. В проблемном плане знаем о том, что современное искусство – это бизнес. Соответствующее стремление к прибыли не нацелено на получение истины; согласно Д. Сувину, современная коммерческая зависимость НФ – «крайне патологическое явление» [11].

Проблемными для научной составляющей НФ являются все попытки сравнительно более точного определения специфики соотношения научного и художественного. Во всех этих случаях восприятие научного в НФ будет искажено. Последнее обуславливает превалирование филологического подхода, когда НФ повсеместно определяется видом искусства («избравшего предметом науку и эмоции, связанные с перспективами научного творчества» [17. С. 18]), в котором НФ не занимает существенного места.

Отсюда, *во-первых*, НФ берется в рамках всего множества известных проблем определения художественных стилей, специфики исторического и современного развития искусства, художественной фантастики. *С одной стороны*, это вносит свою существенную лепту в общую видимость неопределенности НФ («...фантастика, даже литературная, не может быть классифицирована, строго говоря, ни как жанр, поскольку объединяет произведения разных жанров... ни как направление, поскольку может совершенно спокойно включать в себя и разные направления...» [18. С. 128]). *С другой стороны*, явно или неявно, определяет НФ менее интересным феноменом сравнительно с яркими, новыми, творческими прорывами в общей художественной фантастике, в которой, к примеру, уже можно говорить о появлении нового жанра «авантюрно-исторической фантастики» [19].

Во-вторых, родовая для филологического подхода эстетическая составляющая снижает художественную ценность НФ: «В творчестве Ж. Верна были сформированы основные черты рациональной фантастики как нового типа художественного вымысла... подчиненность художественных средств развертыванию фантастической гипотезы, снабженной рациональной мотивировкой; “вторичность” сюжета, сведенного к несложной приключенческой схеме; шаблонность героев, подразделяющихся на сторонников и противников научного поиска; максимальная лаконичность бытовых деталей, приносимых в жертву ради заострения читательского внимания на проблемах понимаемого узко “технологически” общественного прогресса» [20. С. 71–72]. Одним из закономерных следствий этого является достаточно распространенное представление о

том, что НФ – это искусство для подрастающего поколения.

В-третьих, закономерное в этом подходе обогащение специфики НФ через ее соотнесенность с художественной фантастикой (необычным, удивительным, невероятным и т.п.) ведет к нивелированию научной сути НФ. Примером на это из зарубежной мысли можно взять считающееся фундаментальным в англоязычной теории [21. Р. 431] определение Д. Сувиным НФ как литературы «когнитивного отчуждения» («cognitive estrangement») [22. Р. 32]. Точкой отсчета для Д. Сувина выступают известные идеи «остранения» В. Шкловского и «очуждения» Б. Брехта. Ряд отечественных специалистов выходят на близкие Д. Сувину концепции при анализе исторического перехода от творчества Ж. Верна к творчеству Г. Уэллса. «У Ж. Верна научная фантастика служит исключительно пропаганде и популяризации науки как могущественной силы... Уэллс создал синтетический научно-фантастический роман, где сплавлены воедино все основные виды литературной фантастики (фантастическая утопия, фантастическая сатира, философская и нравственно-психологическая фантастика), и таким образом связал принцип научности с традицией художественной фантастики в мировой литературе» [23. С. 163]. В этом случае НФ демонстрирует «родство... с другими типами художественной условности» [20. С. 62]. Только в этом случае НФ охватывает «широкий и многозначный пласт современной литературы – вместе со всеми ее историческими корнями и пересечениями с другими ветвями литературного “древа” ... включая фантастику Кафки, Голдинга, Борхеса...» [24. С. 6]. Научная фантастика играет важную роль в утверждении сущностного общественного предназначения фантастики – «разрушать стереотипы мышления. Фантастика не обязательно учит чему-то новому. Она учит искать и узнавать это новое и отучает от мысли, что старое дано раз и навсегда... Именно наука достаточно поколебала старые фантастические представления, чтоб сделать их фантастикой... Даже те фантасты, которые выступали против науки, не могли порвать эту связь. Она только выявлялась у них в парадоксальной форме» [4. С. 80]. Включение НФ в подобный широкий контекст фантастического актуализирует все известные, в том числе антинаучные смыслы фантастики (нереальное, иллюзорное, призрачное, мнимое, нежизненное, вымышленное, чудесное, сказочное, волшебное, мифологическое и т.п.). Все это абсолютно неприемлемо для научной составляющей НФ.

Обозначенная специфика «филологического подхода» и указанная проблемность для научной составляющей НФ требуют считать связь с современной наукой фундаментальной характеристикой НФ. Но эту связь нельзя утвердить в конфликтной «или, или» форме. Конфликта не случится, если связь с научной составляющей в НФ будет дана в форме диалектической необходимости, которая не отрицает случайность или многообразие различных воплощений НФ, но даже предполагает их наличие. Отсюда, НФ – это жанр искусства, возникший и остающийся в своей основной

линии развития формой отражения предельных возможностей современной науки и техники изменять человека, общество, природу. Полученный результат должен быть соответственно конкретизирован в ходе следующего рассмотрения проблемы начала истории НФ.

Ф. Бэкон и начало истории научной фантастики

Взвешенная актуализация научной составляющей НФ должна быть подкреплена соответствующими представлениями о начале истории НФ. Тема дискуссионная, не в последнюю очередь из-за постоянного расширяющегося круга исторического знания, имеющего отношение к появлению НФ [25]. Соглашаемся, что НФ не может возникнуть раньше современной науки [26]. Первое произведение НФ должно, *с одной стороны*, возвестить всему миру, что новая наука, обеспечивающая техногенную перестройку мира по желанию человека, будет базовой составляющей общественной жизни, *с другой стороны*, продемонстрировать, как именно это преобразование – предельно удивительное и непонятное для современников – осуществится «на самом деле». Заданным критериям соответствует одно и только одно произведение – «Новая Атлантида» Ф. Бэкона (1627).

«Новая Атлантида» – государство, в котором главенствующую роль играет Дом Соломона, «Общество, для познания истинной природы всех вещей (дабы прославить бога, создавшего их, а людей научить плодотворному пользованию ими)» [27. С. 505], – закономерно завершает творчество Ф. Бэкона. В его смысловом начале – требование, чтобы «знание было реальной силой». Прошлое бессилие науки не просто отрицается, но продумывается до ее основ, где открываются истинные виновники такого положения дел – «идолы познания». Очищенное от заблуждений сознание ученого Ф. Бэкон вооружает новым методом/органом, избавляющим эмпирическое индуктивное познание от возможности появления в будущем разрушительных «черных лебедей». Этим закладываются основы кардинальной перестройки общества и мира. Все это понятно нашим современникам, но как это можно было понять современникам Ф. Бэкона? Единственно возможный способ донести до них «благовую весть о новой науке» – эта максимально жизненно показать гипотетическое будущее в форме того, что потом стали называть НФ. Это и делается в «Новой Атлантиде». «Новая Атлантида» – это «подлинная поэма науки и техники» [28. С. 24], это шикарная витрина счастливого будущего, которое ожидает человечество, выбравшего приносящую пользу науку в качестве основы своего дальнейшего существования.

Дальнейшее представление о начальной истории НФ формируется в ходе критического уточнения и обогащения проблематики «Новой Атлантиды» в сторону формирования НФ содержательно полным и общезначимым феноменом современной культуры. Безграничный научно-технический оптимизм Ф. Бэкона – для научной составляющей НФ и сегодня – выглядит предельно неубедительно. Известный роман М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818)

органично дополняет НФ представлениями о возможных губительных следствиях научно-технического развития. Учение о будущей счастливой жизни не доводилось Ф. Бэконом до личностного, экзистенциального прояснения. Указано, что в Новой Атлантиде сравнительно очень высокий уровень материального достатка. Но не исключена возможность того, что вскоре мещанское благополучие приведет к потере интереса к науке, к развитию безудержного гедонизма... в конечном счете, к гибели. Положительная долговечность проекта «Новой Атлантиды» требует, чтобы большинство людей связывали с развитием науки и техники личностный интерес. Об этом читаем в первом романе Ж. Верна – «Пять недель на воздушном шаре» (1863). Полноценным участником этого произведения является воздушный шар, только и только с помощью которого можно было решать насущные научные проблемы географии Африки. Воздушный шар позволяет положительным героям реализовывать свои глубоко личностные интересы, демонстрировать лучшие качества своей души. Интересность, привлекательность деятельности литературных героев Ж. Верна сравнима с интересностью, привлекательностью жизни героев А. Дюма – самого известного в то время автора романтических, приключенческих произведений. Удивительность перспектив развития науки и техники, указанную Ф. Бэконом, в целом подтвердил Ж. Верн. Но понимаем ли мы эту «удивительность»? Появление первого научно-фантастического романа Г. Уэллса «Машина времени» (1895) служит общим признанием того, что НФ должна исходить из абсолютно безграничных возможностей современной науки и техники.

Ф. Бэкон «наполнял старые меха новым вином», его «Новая Атлантида» брала за основу известную утопическую традицию. Это, *с одной стороны*, усложняет задачу идентификации НФ как НФ, *с другой стороны*, не позволяет забыть и прямо направляет мысль на необходимость понятийного соотнесения «утопии» и «НФ». В этом плане сразу же не принимаем встречающееся некритическое сближение, замещение, сочетание утопии и НФ, примерами чего можно взять выражение «научно-фантастическая утопия» [29. Р. 121] или замену «социальной фантастики» на «утопию и антиутопию» [30. С. 12].

Утопия, антиутопия, научная фантастика

Книга Т. Мора «Утопия» (1516) ввела в культуру «утопию». В современной литературе отмечают «большое разнообразие мнений по вопросу определения “утопии”, начиная от антиутопического отрицания утопии как тоталитаризма и заканчивая определением утопии широким и гибким средством выражения желаний» [31. Р. 1]. Данную «неопределенность утопии» всегда нужно иметь в виду, но этим не отменяется то, что в самом общем подходе утопия понимается как подробное описание счастливого общества, устранившего все основные негативные моменты современного человеческого существования. Здесь сердцевина интересующей нас проблематики взаимоотношений утопии, антиутопии и НФ.

Общим условием формирования утопий является переход от первобытнообщинного к классовому обществу, в ходе которого происходит разрушение исходного исторического равенства и братства людей, возникновение подневольного труда, появление богатых и бедных, с известным качественным неравенством их социально-политической жизни. В этих условиях рождаются идеи об утраченном «золотом веке». В ходе движения «от мифа к логосу» Гесиод связал золотой век с «веком Кроноса», когда из золота были созданы первые люди. Учение Платона об идеальном государстве – с его резким противопоставлением привычной общественной жизни и общей управленческой регламентацией – считается первой философской утопией. Ямбул размещал свой утопический остров Совершенства вдали от известной Ойкумены, далеко за Африкой. Классическая античная традиция помещала утопии в идеальное пространство. Второй источник современной утопии – иудейская и христианская религии – помещали утопию в идеальное время, тысячелетнее царство [32. С. 63]. В общекультурном плане историческая первичность утопий вполне может рассматриваться как проявление «общего утопического импульса», который «относится к глубоко человеческому стремлению к совершенно преобразованному, радикально иному и/или искупленному существованию» [33. Р. 79]. Подобное смысловое обобщение созвучно известной позиции К. Манхейма, для которого «утопическим является то сознание, которое не находится в согласии с окружающим его "бытием"... переходя в действие частично или полностью взрывающее существующий в данный момент времени порядок вещей» [34. С. 164].

Становление современного общества, техногенной цивилизации дает новый объективный импульс для появления соответствующих утопий, снимающих наличную проблемность в ожидаемом идеальном будущем [28]. После Т. Мора об этом можно было узнать из таких произведений, как «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле (1533–1564), «Город Солнца» Т. Кампанеллы (1623), «Государства Луны» С. де Бержерака (1650), «История севарамбов» Д. Вераса (1675–1679). Развитие современного общества не внесло общезначимой ясности в конечную цель происходящих изменений. Это служило основанием для появления новых утопий. Указанная Ф. Бэконом значимость научно-технического развития находила все большее подтверждение в ходе исторического развития современного общества и служила важным материалом для осмысления в утопических произведениях. Часть утопий, так или иначе, поддерживали сформированное Ф. Бэконом положительное отношение к новой науке и технике. Но научно-техническое развитие не решило многие старые и породило много новых проблем; современные наука и техника прямо ответственны за огромное количество жертв и масштабы разрушений двух мировых войн. Все это способствовало росту утопического интереса к идеям «исторического отступления» к дотехногенной жизни и итоговому пессимизму, трагизму различного рода антиутопий [35].

Продолжающееся развитие утопий, формирование жанра антиутопий обосновывают идею сравнительной фундаментальности утопии по отношению к НФ. Смысловой основой этой позиции может служить творчество Г. Уэллса. В этом плане, «Начиная с “Современной утопии” (1905) – произведения, вдохновленного “Новой Атлантидой” Бэкона и представляющего собой видение чистого, упорядоченного и эффективного общества, триумфа рациональной организации и централизованного планирования, управляемого самураями, добровольной научной и бюрократической элитой, – и продолжая в более поздних работах, таких как в книгах “Люди подобны богам” (1923) и “Облик грядущего” (1933), Уэллс разработал множество влиятельных утопических идей, которые дополнили его ныне более известные научно-фантастические рассказы и романы» [33. С. 87].

Английский писатель и мыслитель, *во-первых*, проводил резкое смысловое различие между утопией и всеми другими выходами в будущее. Научная фантастика отражает те или иные темы, связанные с непосредственным или гипотетическим развитием науки и техники. Но «быть может, завтра будет сделано открытие, которое перечеркнет все понятия о законах природы». Утопия «рассматривает будущее с точки зрения отношений между людьми». «Утопия – это мечта. Это – «царство будущего... ради которого человек борется, живет» [36. С. 120–121]. В плане уточнения утопических «пророчеств» Г. Уэллса их соотносят с концепцией идеальных типов М. Вебера [37. С. 530]. Г. Уэллс, *во-вторых*, обосновывал не статичный, а все более актуальный для современности динамический характер утопий [38]: после появления теории Ч. Дарвина современная утопия «должна формироваться не как постоянное состояние, а как этап надежды, ведущий к долгому восхождению по ступеням» [39. Р. 5]. Отсюда обоснованность функционирования рецензированного научного журнала «Utopian Studies» и соответствующей исследовательской деятельности, в рамках которой, в частности, «бросается вызов укоренившейся ортодоксии в области утопических исследований» и актуализируется внимание на новых проблемах, «требующих достойного утопического выражения и осмысления» [40. Р. 478].

Критический анализ «утопической позиции» идентифицирует ее парадигмальным стремлением не допустить к жизни перспективное. В итоге принимаем встречающуюся и в отечественной, и в зарубежной мысли точку зрения, что утопии (и антиутопии) должны быть включены в НФ. В целом утопия воспринимается формой социальной фантастики («частью социально-фантастической литературы» [20. С. 78]; «поджанром НФ» [21. Р. 421]); применительно к более частным вопросам, к примеру, антиутопии – суть постапокалиптика. В историческом плане – учитывая известное противопоставление наук о духе наукам о природе – утопии до XVII в. логично воспринимаются прото-научно-фантастическим знанием о будущей жизни. Значимым положительным моментом данного решения является избавление от влияния на общую

проблематику НФ всех негативных смыслов и коннотаций «утопии». Прежде всего, речь идет о синонимичности «утопии» «сказке», «вымыслу», «пустой фантазии», «химере». В этом плане В.И. Ленин считает, что «утопия в политике есть такого пожелание, которое осуществить никак нельзя, ни теперь, ни впоследствии, пожелание, не опирающееся на общественные силы и не подкрепленное ростом, развитием политических, классовых сил» [41. С. 117], а К. Поппер определяет утопию идеологией «закрытых обществ» [42].

Обсуждение взаимоотношений НФ и утопии затронуло проблематику футурологии. Этим ставится новая задача философии НФ – рассмотреть взаимоотношения между НФ и футурологией. Здесь же перспективно обратить внимание на следующее. Вряд ли вряд указанный ход мысли сразу убедит сторонников современного утопизма. Обоснованнее предположить наличие переходного периода, когда продолжают существовать разные представления о взаимоотношениях НФ и утопии. Стратегическая принципиальность философии НФ не должна отменять тактического поиска компромиссных решений, нацеленных на смягчение разногласий в пользу получения конкретных положительных результатов. Подобное возможно при обращении к более общей для НФ и утопии теме футурологии.

Футурология, научная фантастика, художественная футурология

В 1943 г. О. Флехтхейм выдвинул идею создания футурологии – науки, философии о будущем. Футурология не стала «строгой наукой» по О. Флехтхейму; есть представления о введении более точного синонимичного названия. Но все согласятся с растущей значимостью познания будущего. Сегодня футурология воспринимается как обобщение всей научно-философской теории и практики в области онто-гносеологических основ познания будущего и совокупность всех концепций, сценариев будущего человека и человечества.

Настоящее, как движение уходящего прошлого в наступающее будущее, выступает онтологическим основанием возможности и необходимости футурологии. Согласно теории опережающего отражения А.П. Анохина, возникновение жизни на планете Земля – следствие познания будущего. Развитие биологических организмов сопровождалось усложнением их жизнедеятельности и функциональным ростом значимости познания всегда неизвестного (удивительного) будущего. Все это на новом качественном уровне характеризует и появившуюся социальную жизнь. Древнейшие примеры на это: гадательные практики дописьменных культур; астрологические прогнозы на глиняных табличках Месопотамии – начальных письменных свидетельств человечества; дельфийский оракул; римские авгуры.

Относительно медленные изменения во всех сферах жизни древнейших обществ не ставили вопрос о футурологии. Появившиеся теоретики, философы видели будущее сквозь призму уже понятого прошлого и

настоящего. К примеру, в рамках философии Аристотеля, чтобы бы ни случилось с этим охваченным кризисом обществом, но его дальнейшее стабильное существование будет соответствовать одному из всего шести видов политических устройств. Становление современного общества, техногенной цивилизации в XV–XVII вв. открывало неизвестное из прошлого будущее. В ответ на это формируется философия истории, которая нацелена на открытие пока не акцентированных в прошлом противоречий, желаний, тем, которые с необходимостью ведут общество из прошлого в настоящее и всем этим определенное будущее.

Возникшая в середине XX в. потребность в футурологии говорит о том, что философия истории не справляется с познанием будущего. В частности, это связано с тем, что нет единой философии истории, а есть целое множество полемизирующих друг с другом теорий исторического процесса. Существенной основой этого является интенсивное развитие науки и техники. Наличие и обоснованность философии истории позволяют точнее определить место футурологии в системе научно-философского знания. Футурология призвана быть предельно возможным рациональным знанием о будущем. Футурология должна работать с таким материалом, который в рамках философии истории выглядит удивительным, необычным, излишне гипотетичным. (Не соглашаемся с тем, когда название «футурология» меняют на «прогностику» или «исследования будущего», основываясь на большей конкретности последних названий, предполагающих, к примеру, использование определенных математических моделей. В собственно футурологической области математика и статистика не работают.) Если футурология выполнила свое предназначение и ее недавний удивительный образ будущего становится все более правдоподобным для современников, то данное футурологическое достижение отходит к философии истории. К примеру, вполне обоснованно считать, что формирование представлений о постиндустриальном обществе в 1950–1960-х гг. относится к футурологической деятельности [43. С. 85]. Но сегодня постиндустриальные теории общезначимо отражают определенные тенденции развития современной цивилизации, соответственно, эти теории становятся определенным видом философии истории (общесоциологических теорий).

Развитие научно-философской футурологии включает в себя, с одной стороны, тщательную и перманентную критику всех лже-, псевдофутурологических претензий и предсказаний, с другой стороны, сбор всего способствующего постижению будущего, в частности или прежде всего НФ. Опираясь на существо дела, видится следующая логика подключения проблематики НФ к современной футурологии.

После утверждения своего научно-философского главенства, футурология должна признать и то, что прорывные идеи о будущем могут появляться и в НФ. В соответствии с этим современная футурология должна критически отнестись к известной идее А. Азимова: НФ – суть «социальный эксперимент на бумаге» [44. С. 246–247], фактически отрицающей необходи-

мость футурологии. Но футурология – после тщательного анализа всех фактов, на которые опирался А. Азимов, – должна признать, что в случае с указанной конкретной темой урбанизации, НФ опередили футурологию. В этом же ключе следует трактовать следующее возвышение НФ над футурологией: «...практически вся проблематика, ставшая объектом и предметом исследования классикой западной футурологической мысли в конце 1960-х – начале 1970-х гг., была не менее концептуально, а иногда и более последовательно рассмотрена таким жанром политической мысли, как советская научная фантастика, минимум на десятилетие раньше – в конце 1950-х – начале 1960-х гг.» [45. С. 95].

Футурология принимает идею перспективного сведения утопии к НФ. Но футурология, как более общее знание, обострено учитывает факт того, что еще долго сторонники утопии не будут соглашаться с подобной трактовкой НФ. Снятие ненужного здесь усложнения возможно при введении представления о «художественной футурологии», специфически объединяющей разность общей и историко-структурной трактовок.

Художественная футурология – это совокупность около или произведений искусства, затрагивающих или посвященных далекому и удивительному будущему, которое в философско-научной экспертизе признается, как гипотетически возможное. Смысловые границы художественной футурологии очерчивает футурологический максимализм и минимализм. Конкретизацией футурологического максимализма произведений художественной футурологии можно взять классические и современные труды представителей НФ, которые прямо посвящены футурологическим предсказаниям [46–48]; авторы этих произведений ориентируются на научно-философскую форму изложения материала, но наличие художественного таланта оставляет их в эстетической области. Конкретизацией футурологического минимализма произведений художественной футурологии может служить проект «Climate Art». Целью этого проекта не является получение нового футурологического знания, но повышение социальной вовлеченности в обеспечение желанного будущего в плане «климатической справедливости и социального равноправия» через соответствующее эстетическое воздействие [49].

Художественная футурология в общем подходе не знает разграничительных линий внутри себя, позволяя выходить на общие идеи, независимо от того, даны ли они, например, в утопии или НФ. Вся абстрагируемая в общем подходе проблематика актуализируется в историко-структурном подходе к художественной футурологии. Именно здесь указываются историко-перспективные взаимоотношения утопии и НФ. Первые произведения художественной футурологии идентифицируются как «утопии» и «антиутопии». Становление современного общества, техногенной цивилизации привело к появлению НФ. Прямая связь НФ с современным обществом, современной научно-технической линией развития, делают НФ ведущей формой современной художественной футурологии, которая вклю-

чает в себя утопические и антиутопические произведения и проблематику, как форму социальной НФ. Принимая последнее, нужно иметь в виду продолжающееся развитие теории и появление новых утопий и антиутопий.

Научная фантастика и фэнтези

С середины XX в. наблюдается рост популярности фэнтези (приключенческие действия этого жанра происходят, в основном, в мирах близких к феодальному Средневековью) с одновременным падением интереса к НФ. Смысл данного процесса – суть последняя значимая проблема современной философии НФ. Началом ее рассмотрения является критический выбор из двух противоположных подходов. Согласно одному из них, все сводится к обычному для современного искусства жанровому обогащению, «в условиях жесткой конкуренции» за потребителя. Фиксируется наличие целого класса произведений, сочетающих черты НФ и фэнтези. В итоге все ведет к положительному синтезу: «...многолетняя конкуренция НФ и фэнтези породила в сознании читателя интересное единство “ментального поля вымысла”, в котором фантастические образы и ситуации лишились устойчивой привязки к определенному типу повествования» [50. С. 131–132].

Считаем, что данная позиция не выдерживает критики со стороны утверждения высокой проблемности, даже трагичности роста общественного превалирования фэнтези над НФ. Здесь отмечается, что, *во-первых*, необходимая связь с наукой для НФ и отсутствие таковой для фэнтези делают эти феномены принципиально разными. *Во-вторых*, растущая популярность фэнтези за счет НФ говорит об общем падении интереса и снижении уровня понимания реального процесса научно-технического развития.

Все это поддерживает и хорошо коррелирует с известным расширением постмодернистского влияния в мире; в итоге обостряется противоречие между увеличивающейся масштабностью и мощью научно-технического развития и уменьшением количества людей, способных адекватно понимать, что на самом деле происходит в этой области. Принимаем данную позицию с нижеследующим виртуальным уточнением и футурологическим углублением.

Любое произведение НФ предполагает наличие специфического мира, в котором может быть реализована научно-фантастическая идея. Этим закладывается объективная основа для создания – как правило, циклом произведений – целой фантастической вселенной с богатой многовековой историей и множеством персонажей. Самые известные из этих вселенных формируют и поддерживаются соответствующим фэндомом или «сообществом фанатов».

Поклонники фантастических миров: активно используют оригинальную символику и артефакты; с жизненным интересом воспринимают характеры, поступки и мысли художественных персонажей фантастических вселенных. Сближению художественных

миров и реальной жизни их почитателей способствуют: коллективные встречи в образах любимых героев; создание так называемых фанфиков – художественных любительских продолжений по мотивам оригинальных произведений; соответствующие компьютерные игры. Логичным завершением растущей реальной включенности людей во вселенные НФ видится создание соответствующей виртуальной реальности (с помощью компьютера и вспомогательных устройств реальности, воспринимаемой реальной реальностью, таковой не являющейся [51. С. 55]). Вся эта виртуальная специфика НФ также характерна для фэнтези.

Виртуальная определенность сдвига интереса от НФ к фэнтези позволяет более точно раскрыть футурологическую значимость происходящего. Движение от НФ к фэнтези понятно указывает на будущее время (здесь соглашаемся с указанием на необходимость постоянного мониторинга исторического сочетания реального и виртуального [52, 53]). Но виртуальная конкретизация также заставляет обратить внимание на пространственный срез происходящего.

В этом плане предполагаем возможность того, что значимые формы будущей социальной жизни в той или иной степени уже даны в современном мире. Данная идея – в рамках всеобщности художественной футурологии – может быть выведена с опорой на следующие, связанные с осмыслением «утопии» мысли. З. Бауман считает, что расположенном в будущем идеальном месте классический образ утопии перестает быть значимым для людей, «текущей современности» [54].

«Заботу о лучшем завтрашнем дне» вытеснило «стремление к другому сегодняшнему дню» [55. Р. 11], который позволяет достаточно полно, интересно и гарантированно реализовывать себя (синица в руках выглядит убедительной футурологического журавля). Последнее конкретизирует концепция «гетеротопии» М. Фуко, где гетеротопии – это полноценные специфические социальные миры, существующие наряду и в определенном противопоставлении господствующей форме социальной жизни [56].

Научная фантастика как дальнейшая актуальная задача философии

Предпринятый анализ задает основу полноценного подключения проблематики НФ – как ведущей составляющей художественной футурологии – к современной постнеклассической деятельности. Растущая общественная потребность понимания тенденций интенсивного научно-технического развития будет находить в художественной футурологии множество значимого материала. Гармонизация логико-вербального и художественного отражения происходящего внесет положительный вклад в развитие связи философской теории с практикой, становлении гуманитарной, философской экспертизы [57].

Проведенное исследование нацеливает на необходимость разработки полноценной связи философии Ф. Бэкона с футурологической традицией. Отечественные и зарубежные историки философии после изложения специфики «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона переключают свое внимание с проблематики техногенной цивилизации на методологию познания новой науки [58. С. 482; 59. С. 276–177, 294]; не исключена обусловленность последнего тем, что «Дом Соломона» не смог состояться и конкурировать с реальными политиками и бизнесменам. В новом подходе к истории философии Ф. Бэкон должен быть дан как ключевая фигура формирования современной футурологии. Идущая от Ф. Бэкона линия развития футурологии должна подключить к истории философии все значимые для нее моменты, в частности, проблематику НФ и художественной футурологии.

Актуальной перманентной целью постнеклассической научно-философской рациональности становится обеспечение возможности появления новых творческих достижений в НФ, художественной футурологии. В идеальном пределе от этого творчества ждем «научно-технического романтизма», который бы воодушевил современную проблемную техногенную цивилизацию на дальнейшее оптимальное, позитивное развитие [60. С. 105–106]. Применительно к РФ имеем в виду указание на то, что НФ послужила мощным стимулом для проведения в нашей стране научно-технической модернизации в первой половине XX в. [61].

Список источников

1. Лекторский В.А. Вызовы рациональности в современной культуре // Стратегические приоритеты. 2014. № 2 (2). С. 71–86.
2. Маслов В.М. Философия визуального поворота: от теории к практике // Философская мысль. 2019. № 12. С. 39–56.
3. Maslov V.M. Value Bases Of The Post-Technogenic Vector Development Of Technogenic Civilization // Мир человека : нормативное измерение – 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах : от реализма до конструктивизма и трансцендентализма : сб. тр. междунар. науч. конф. (Саратов, 7–9 июня 2021 г.). Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2021. С. 378–387.
4. Кагарлицкий Ю. Что такое фантастика? : О темах и направлениях зарубежной фантастики вчера и сегодня. М. : Художественная литература, 1974. 349 с.
5. Прими красную таблетку : Наука, философия, религия в «Матрице» / под ред. Гленна Йеффета. М. : Ультра. Культура, 2005. 312 с.
6. Ahn S. The Everyday Life of Artificial Intelligence : The Humanism of Ted Chiang's The Lifecycle of Software Objects // Science Fiction Studies. 2020. № 1 (47). P. 73–92.
7. Тимошенко Т.В. Научная фантастика как социокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2003. 26 с.
8. Цветков Е.В. Научная фантастика как способ конструирования социальной реальности (социально-философские аспекты) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2009. 24 с.
9. Ashley M. Time Machines: The Story of the Science-Fiction Pulp Magazines from the Beginning to 1950. Liverpool : Liverpool University Press, 2001. 300 p.
10. Гуревич Г.И. Лоция будущих открытий. М. : Наука, 1990. 205 с.
11. Definitions of SF. URL: https://sf-encyclopedia.com/entry/definitions_of_sf (дата обращения: 04.06.2024).
12. Introduction: Approaching Science Fiction // A Companion to Science Fiction / ed. by D. Seed. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2005. P. 1–7.
13. Долгих А.Ю. От научной фантастики к паранаучной фантазматике? // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 3. С. 21–25.

14. Drexler K.E. Engines of Creation 2.0: The Coming Era of Nanotechnology. Updated and Expanded. URL: <https://www.nanowerk.com/nanotechnology/reports/reportpdf/report47.pdf> (дата обращения: 04.06.2024).
15. Genre SF. URL: https://sf-encyclopedia.com/entry/genre_sf (дата обращения: 04.06.2024).
16. Кагарлицкий Ю.И. Вглядываясь в будущее : Книга о Герберте Уэллсе. М. : Книга, 1989. 350 с.
17. Брандис Е.П., Дмитриевский И.Д. Мир будущего в научной фантастике. М. : Знание, 1965. 47 с.
18. Кузнецов В.Ю. Философия фантастики. К постановке проблемы // Философия и общество. 2010. № 1. С. 124–140.
19. Козьмина Е. Фантастический авантюрно-исторический роман : поэтика жанра. М.; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. 292 с.
20. Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного : Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). М. : Изд-во МГУ, 1999. 308 с.
21. Milner A. Metamorphoses of Science Fiction: On the Poetics and History of a Literary Genre and Dystopia, Science Fiction, Post-apocalypse: Classics – New Tendencies – Model Interpretations // Utopian Studies. 2018. № 3 (29). P. 421–429.
22. Suvin D. Metamorphoses of Science Fiction: On the Poetics and History of a Literary Genre. Bern: Peter Lang, 2016. 465 p.
23. Черная Н.И. В мире мечты и предвидения : Научная фантастика, ее проблемы и художественные возможности. Киев : Наукова думка, 1972. 228 с.
24. Энциклопедия фантастики : Ок. 1 300 статей / Под ред. Вл. Гакова. Минск : Галаксиас, 1995. 692 с.
25. History of SF. URL: https://sf-encyclopedia.com/entry/history_of_sf (дата обращения: 04.06.2024).
26. Proto SF. URL: https://sf-encyclopedia.com/entry/proto_sf (дата обращения: 04.06.2024).
27. Бэкон Ф. Новая Атлантида // Сочинения в двух томах. Т. 2. М. : Мысль, 1972. С. 487–526.
28. Воробьев Л. Утопия и действительность // Утопический роман XVI–XVII веков. М. : Художественная литература, 1971. С. 5–38.
29. Couton P., Lopez J.J. Movement as utopia // History of the Human Sciences. 2009. № 4. P. 93–121.
30. Долгих А.Ю. Утопия и антиутопия : научная фантастика и действительность. Киров : Радуга-ИРЕСС, 2017. 176 с.
31. Levitas R. Introduction: The Elusive Idea of Utopia // History of the Human Sciences. 2003. № 1 (16). P. 1–10.
32. Kumar K. Aspects of the Western Utopian Tradition // History of the Human Sciences. 2003. № 1 (16). P. 63–77.
33. Wegner P.E. Utopia // A Companion to Science Fiction / ed. by D. Seed. Oxford : Blackwell Publishing Ltd, 2005. P. 79–94.
34. Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 7–276.
35. Utopias. URL: <https://sf-encyclopedia.com/entry/utopias> (дата обращения: 04.06.2024).
36. Уэллс Г. Современная утопия // Завтра : Фантаст. Альманах. Вып. 1. М. : Текст, 1991. С. 120–130.
37. Levitas R. Back to the Future: Wells, Sociology, Utopia and Method // The Sociological Review. 2010. № 4 (58). P. 530–547.
38. Partington J.S. The Time Machine and A Modern Utopia: The Static and Kinetic Utopias of the Early H.G. Wells // Utopian Studies. 2002. № 1 (13). P. 57–68.
39. Wells H.G. A Modern Utopia / Ed. by Krishan Kumar. L. : J.M. Dent, 1994. 270 p.
40. Davis L. The Past and Future of Utopian Studies // Utopian Studies. 2024. № 3 (34). P. 478–488.
41. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 22. М. : Изд-во политической литературы, 1968. 507 с.
42. Поппер К. Утопия и насилие // Предположения и опровержения. Рост научного знания. М. : АСТ, 2004. С. 587–600.
43. Рочняк Е.В. Пять этапов развития футурологии как научной дисциплины: от предыстории к современности // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. № 2 (45). С. 81–93.
44. Араб-Оглы Э.А. «Конец вечности» – роман предостережение // Библиотека современной фантастики : в 15 т. Т. 9: Азимов А. Конец вечности. М. : Молодая гвардия, 1966. С. 245–254.
45. Черняховская Ю.С. Советская художественная футурология и классика футурологии западной: историческое опережение и знаковые расхождения // Власть. 2017. № 6. С. 95–99.
46. Кларк А. Черты будущего. М. : Мир, 1966. 287 с.
47. Лем С. Сумма технологии. М. : Мир, 1968. 608 с.
48. Стерлинг Б. Будущее уже началось: Что ждет каждого из нас в XXI веке? Екатеринбург : У-Фактория, 2005. 264 с.
49. Van Lente H., Peters P. The future as aesthetic experience: imagination and engagement in future studies // European Journal of Futures Research. 2022. № 1 (10). P. 1–8.
50. Ковтун Е.Н. Мир будущего в современной научной фантастике: специфика художественной модели // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 4. С. 118–135.
51. Маслов В.М. Свобода, свободы, виртуальная реальность // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 5 (439). Философские науки. Вып. 56. С. 50–58.
52. Bojic L. Metaverse through the prism of power and addiction: what will happen when the virtual world becomes more attractive than reality? // European Journal of Futures Research. 2022. № 1 (10). С. 1–24.
53. Лешкевич Т.Г., Катаева О.В. Виртуализация жизненного мира: к контурам новой парадигмы // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 69–76.
54. Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
55. Bauman Z. Utopia with no Topos // History of the Human Sciences. 2003. № 1 (16). P. 11–25.
56. Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть. Т. 3. М. : Праксис, 2006. С. 191–205.
57. Tyurin I.N., Maslov V.M. Philosophical expertise as a factor of desubjectivation of the technogenic trend and achievement of social justice // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies. 2019. № 4 (35). P. 569–579.
58. Соколов В.В. Философия как история философии. М. : Академический проект, 2010. 843 с.
59. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта. СПб. : Петрополис, 2002. 800 с.
60. Черняховская Ю.С. Цели и ценности научно-технического романтизма. Постановка проблемы // Ценности и смыслы. 2019. № 2 (60). С. 105–118.
61. Banerjee A. We Modern People: Science Fiction and the Making of Russian Modernity. Middletown, Connecticut : Wesleyan University Press, 2012. 206 p.

References

1. Lektorskiy, V.A. (2014) Vyzovy ratsional'nosti v sovremennoy kul'ture [Challenges to Rationality in Modern Culture]. *Strategicheskie priority*. 2 (2). pp. 71–86.
2. Maslov, V.M. (2019) Filosofiya vizual'nogo povorota: ot teorii k praktike [Philosophy of the Visual Turn: From Theory to Practice]. *Filosofskaya mysl'*. 12. pp. 39–56.
3. Maslov, V.M. (2021) Value bases of the post-technogenic vector development of technogenic civilization. *Mir cheloveka: normativnoe izmerenie – 7.0. Problema obosnovaniya norm v razlichnykh perspektivakh: ot realizma do konstruktivizma i transtsendentalizma* [The Human World: Normative Dimension – 7.0. The Problem of Justifying Norms in Different Perspectives: From Realism to Constructivism and Transcendentalism]. Proceedings of the International Conference. Saratov. 7–9 June 2021. Saratov: Saratov State Law Academy. pp. 378–387.
4. Kagarlitskiy, Yu. (1974) *Chto takoe fantastika?: O temakh i napravleniyakh zarubezhnoy fantastiki vchera i segodnya* [What is Science Fiction?: On the Themes and Directions of Foreign Science Fiction Yesterday and Today]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

5. Yeffeth, G. (ed.) (2005) *Primi krasnuyu tabletku: Nauka, filosofiya, religiya v "Matritse"* [Taking the Red Pill: Science, Philosophy and Religion in The Matrix]. Translated from English. Moscow: Ul'tra. Kul'tura.
6. Ahn, S. (2020) The Everyday Life of Artificial Intelligence: The Humanism of Ted Chiang's The Lifecycle of Software Objects. *Science Fiction Studies*. 1 (47). pp. 73–92.
7. Timoshenko, T.V. (2003) *Nauchnaya fantastika kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Science Fiction as a Sociocultural Phenomenon]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Rostov-on-Don.
8. Tsvetkov, E.V. (2009) *Nauchnaya fantastika kak sposob konstruirovaniya sotsial'noy real'nosti (sotsial'no-filosofskie aspekty)* [Science fiction as a way of constructing social reality (social and philosophical aspects)]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Arkhangelsk.
9. Ashley, M. (2001) *Time Machines: The Story of the Science-Fiction Pulp Magazines from the Beginning to 1950*. Liverpool: Liverpool University Press.
10. Gurevich, G.I. (1990) *Lotsiya budushchikh otkrytiy* [Directions of future discoveries]. Moscow: Nauka.
11. SF. (2024) *Definitions of SF*. [Online] Available from: https://sf-encyclopedia.com/entry/definitions_of_sf (Accessed: 04.06.2024).
12. Seed, D. (ed.) (2005) Introduction: Approaching Science Fiction. In: *A Companion to Science Fiction*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd. pp. 1–7.
13. Dolgikh, A.Yu. (2018) Ot nauchnoy fantastiki k paranauchnoy fantazmatike? [From Science Fiction to Parascientific Fantasmatics?]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 21–25.
14. Drexler, K.E. (2024) *Engines of Creation 2.0: The Coming Era of Nanotechnology. Updated and Expanded*. [Online] Available from: <https://www.nanowerk.com/nanotechnology/reports/reportpdf/report47.pdf> (Accessed: 04.06.2024).
15. SF. (2024) *Genre SF*. [Online] Available from: https://sf-encyclopedia.com/entry/genre_sf (Accessed: 04.06.2024).
16. Kagarlitskiy, Yu.I. (1989) *Vglyadyvayas' v gryadushchee: Kniga o Gerberte Uellse* [Looking into the Future: A Book about Herbert Wells]. Moscow: Kniga.
17. Brandis, E.P. & Dmitrievskiy, I.D. (1965) *Mir budushchego v nauchnoy fantastike* [The World of the Future in Science Fiction]. Moscow: Znanie.
18. Kuznetsov, V.Yu. (2010) *Filosofiya fantastiki. K postanovke problemy* [Philosophy of Science Fiction. Towards the Formulation of the Problem]. *Filosofiya i obshchestvo*. 1. pp. 124–140.
19. Koz'mina, E. (2017) *Fantasticheskiy avanturno-istoricheskiy roman: poetika zhanra* [Fantastic Adventure-Historical Novel: The Poetics of the Genre]. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.
20. Kovtun, E.N. (1999) *Poetika neobychnogo: Khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoy skazki, utopii, pritchi i mifa (Na materiale evropeyskoy literaturny pervoy poloviny XX veka)* [Poetics of the Extraordinary: Artistic Worlds of Fantasy, Fairy Tale, Utopia, Parable, and Myth (Based on European Literature of the First Half of the 20th Century)]. Moscow: Moscow State University.
21. Milner, A. (2018) Metamorphoses of Science Fiction: On the Poetics and History of a Literary Genre and Dystopia, Science Fiction, Post-apocalypse: Classics – New Tendencies – Model Interpretations. *Utopian Studies*. 3 (29). pp. 421–429.
22. Suvin, D. (2016) *Metamorphoses of Science Fiction: On the Poetics and History of a Literary Genre*. Bern: Peter Lang.
23. Chernaya, N.I. (1972) *V mire mechty i predvideniya: Nauchnaya fantastika, ee problemy i khudozhestvennye vozmozhnosti* [In the World of Dreams and Predictions: Science Fiction, Its Problems and Artistic Possibilities]. Kyiv: Naukova dumka.
24. Gakov, V.I. (ed.) (1995) *Entsiklopediya fantastiki: Ok. 1 300 statey* [Encyclopedia of Science Fiction: Approx. 1,300 articles]. Minsk: Galaksias.
25. SF. (2024) *History of SF*. [Online] Available from: https://sf-encyclopedia.com/entry/history_of_sf (Accessed: 04.06.2024).
26. SF. (2024) *Proto SF*. [Online] Available from: https://sf-encyclopedia.com/entry/proto_sf (Accessed: 04.06.2024).
27. Bacon, F. (1972) *Novaya Atlantida* [New Atlantis]. In: *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Translated from English. Vol. 2. Moscow: Mysl', pp. 487–526.
28. Vorob'ev, L. (1971) *Utopiya i deystvitel'nost'* [Utopia and Reality]. In: *Utopicheskiy roman XVI–XVII vekov* [The Utopian Novel of the 16th–17th Centuries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–38.
29. Couton, P. & Lopez, J.J. (2009) Movement as utopia. *History of the Human Sciences*. 4. pp. 93–121.
30. Dolgikh, A.Yu. (2017) *Utopiya i antiutopiya: nauchnaya fantastika i deystvitel'nost'* [Utopia and Dystopia: Science Fiction and Reality]. Kirov: Raduga-PRESS.
31. Levitas, R. (2003) Introduction: The Elusive Idea of Utopia. *History of the Human Sciences*. 1 (16). pp. 1–10.
32. Kumar, K. (2003) Aspects of the Western Utopian Tradition. *History of the Human Sciences*. 1 (16). pp. 63–77.
33. Wegner, P.E. (2005) Utopia. In: Seed, D. (ed.) *A Companion to Science Fiction*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd. pp. 79–94.
34. Mannheim, K. (1994) *Ideologiya i utopiya* [Ideology and Utopia]. Translated from English. In: *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time]. Moscow: Yurist. pp. 7–276.
35. SF. (2024) *Utopias*. [Online] Available from: <https://sf-encyclopedia.com/entry/utopias> (Accessed: 04.06.2024).
36. Wells, H.G. (1991) *Sovremennaya utopiya* [A Modern Utopia]. Translated from English. In: *Zavtra: Fantast. Al'manakh* [Tomorrow: Fantast. Almanac]. Vol. 1. Moscow: Tekst. pp. 120–130.
37. Levitas, R. (2010) Back to the Future: Wells, Sociology, Utopia and Method. *The Sociological Review*. 4 (58). pp. 530–547.
38. Partington, J.S. (2002) The Time Machine and A Modern Utopia: The Static and Kinetic Utopias of the Early H.G. Wells. *Utopian Studies*. 1 (13). pp. 57–68.
39. Wells, H.G. (1994) *A Modern Utopia*. Leningrad: J.M. Dent.
40. Davis, L. (2024) The Past and Future of Utopian Studies. *Utopian Studies*. 3 (34). pp. 478–488.
41. Lenin, V.I. (1968) *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. Vol. 22. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.
42. Popper, K. (2004) *Utopiya i nasilie* [Utopia and Violence]. In: *Predpolozheniya i oproverzheniya. Rost nauchnogo znaniya* [Conjectures and Refutations. The Growth of Scientific Knowledge]. Translated from English. Moscow: AST. pp. 587–600.
43. Rochnyak, E.V. (2022) Pyat' etapov razvitiya futurologii kak nauchnoy distsipliny: ot predystorii k sovremennosti [Five stages of development of futurology as a scientific discipline: from prehistory to modernity]. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium*. 2 (45). pp. 81–93.
44. Arab-Ogly, E.A. (1966) "Konets vechnosti" – roman predosterezhenie ["The End of Eternity" – a cautionary novel]. In: *Biblioteka sovremennoy fantastiki: v 15 t.* [Library of modern science fiction: in 15 volumes]. Vol. 9. Moscow: Molodaya gvardiya. pp. 245–254.
45. Chernyakhovskaya, Yu.S. (2017) *Sovetskaya khudozhestvennaya futurologiya i klassika futurologii zapadnoy: istoricheskoe operezhenie i znakovye raskhozhdeniya* [Soviet artistic futurology and the classics of Western futurology: historical advancement and significant differences]. *Vlast'*. 6. pp. 95–99.
46. Clarke, A. (1966) *Cherty budushchego* [Profiles of the Future]. Translated from English. Moscow: Mir.
47. Lem, S. (1968) *Summa technologiae*. Moscow: Mir. (In Russian).
48. Sterling, B. (2005) *Budushchee uzhe nachalos': Chto zhdet kazhdogo iz nas v XXI veke?* [Tomorrow Now: Envisioning the Next Fifty Years]. Translated from English. Yekaterinburg: U-Faktoriya.
49. Van Lente, H. & Peters, P. (2022) The future as aesthetic experience: imagination and engagement in future studies. *European Journal of Futures Research*. 1 (10). pp. 1–8.
50. Kovtun, E.N. (2016) *Mir budushchego v sovremennoy nauchnoy fantastike: spetsifika khudozhestvennoy modeli* [The World of the Future in Modern Science Fiction: Specifics of the Artistic Model]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 4. pp. 118–135.
51. Maslov, V.M. (2020) *Svoboda, svobody, virtual'naya real'nost'* [Freedom, Liberties, Virtual Reality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5 (439):56. pp. 50–58.

52. Bojic, L. (2022) Metaverse through the prism of power and addiction: what will happen when the virtual world becomes more attractive than reality? *European Journal of Futures Research*. 1 (10). pp. 1–24.
53. Leshkevich, T.G. & Kataeva, O.V. (2020) Virtualization of the Lifeworld: To the Contours of a New Paradigm. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 460. pp. 69–76. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/460/8
54. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. St. Petersburg: Piter.
55. Bauman, Z. (2003) Utopia with no Topos. *History of the Human Sciences*. 1 (16). pp. 11–25.
56. Foucault, M. (2006) *Drugie prostranstva* [Other spaces]. In: *Intellektualy i vlast'* [Intellectuals and power]. Translated from French. Vol. 3. Moscow: Praksis. pp. 191–205.
57. Tyapin, I.N. & Maslov, V.M. (2019) Philosophical expertise as a factor of desubjectivation of the technogenic trend and achievement of social justice. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 4 (35). pp. 569–579.
58. Sokolov, V.V. (2010) *Filosofiya kak istoriya filosofii* [Philosophy as a History of Philosophy]. Moscow: Akademicheskii proekt.
59. Antiseri, D. & Reale, G. (2002) *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dney. Ot Vozrozhdeniya do Kanta* [Western Philosophy from the Origins to the Present Day. From the Renaissance to Kant]. Translated from Italian. St. Petersburg: Petropolis.
60. Chernyakhovskaya, Yu.S. (2019) Tseli i tsennosti nauchno-tehnicheskogo romantizma. Postanovka problemy [Goals and Values of Scientific and Technological Romanticism. Statement of the Problem]. *Tsennosti i smysly*. 2 (60). pp. 105–118.
61. Banerjee, A. (2012) *We Modern People: Science Fiction and the Making of Russian Modernity*. Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press.

Информация об авторе:

Маслов В.М. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: maclov@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.M. Maslov, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Lobachevsky University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: maclov@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.12.2021;
одобрена после рецензирования 03.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 06.12.2021;
approved after reviewing 03.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 78.606:004.65:025.4.03:331.101.262:316.4:61

doi: 10.17223/15617793/507/8

Применение библиометрического сетевого анализа для картирования исследовательского поля по теме «капитал здоровья»

Ирина Анатольевна Павлова¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, iapav@mail.ru*

Аннотация. Разрабатывается и анализируется проблемное поле по тематике капитала здоровья в контексте алгоритмического подхода с помощью компьютеризированных программных средств. Представлены результаты картирования исследовательского поля с использованием методов библиометрического сетевого анализа с применением программы VOSviewer и веб-модуля Biblioshiny. Проведен анализ сетей соприсутствия ключевых слов и сетей соавторства (для авторов, организаций и стран). Выделены разные типы капиталов и показана их связь со здоровьем. Рассмотрена социологическая и экономическая парадигма исследования капитала здоровья.

Ключевые слова: библиометрический сетевой анализ, соприсутствие ключевых слов, сети соавторства, капитал здоровья, VOSviewer, Biblioshiny, социальный капитал, человеческий капитал, культурный капитал, культурный капитал здоровья, модель Гроссмана

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Институты реализации ресурсного потенциала старшего поколения в экономике старения» (проект № 19-18-00300, <https://rscf.ru/project/19-18-00300/>).

Для цитирования: Павлова И.А. Применение библиометрического сетевого анализа для картирования исследовательского поля по теме «капитал здоровья» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 66–80. doi: 10.17223/15617793/507/8

Original article

doi: 10.17223/15617793/507/8

Application of bibliometric network analysis for mapping the research field on health capital

Irina A. Pavlova¹

¹ *HSE University, Moscow, Russian Federation, iapav@mail.ru*

Abstract. For a researcher, a common practice is to work extensively on literature review to understand the research field and to design the conceptual framework for the study. This task may not be trivial due to the growing number of studies and interdisciplinarity/multidisciplinarity of the research field. The case of health capital research is a challenge both terminologically and conceptually. This article aims at mapping and examining the structure of the research field on the topic of health capital within the so-called algorithmic paradigm of systematic literature review. The main objective of the study is to develop and implement an algorithm for using bibliometric network analysis for thematic mapping of the research field with the help of computer-assisted tools. The analysis was implemented in several steps with software tools (VOSviewer, Bibliometrix/Biblioshiny) for the datasets retrieved from the Web of Science database. Bibliometric co-occurrence and co-authorship networks were built in VOSviewer for three datasets of 57853, 3000 and 395 publications. Exploratory data analysis using R with the Bibliometrix library and the Biblioshiny web-module was implemented to build thematic maps and to track the evolution of the research field. The article identifies the most important co-occurring terms/concepts and their relationship with health. In addition to social and human capitals, different other types of capital are highlighted, which also contribute to the structure of the health capital research field (psychological capital, intellectual capital, cultural capital, etc.). Culturally determined health capital represents a specific form of cultural capital that can be used for effective interaction of individuals and organizations in the healthcare domain. Study of health in relation to social or human capital manifests these approaches to be complementary, yet very specific ones. Social capital assumes a broader context and an indirect association with health (sociological paradigm), while human capital can be considered in a narrower context and directly related to health (economic paradigm). The health capital theory itself is considered within the framework of the economic paradigm. Also, research topics were mapped by author keywords and keywords plus, which made it possible to identify well-developed "motor" and "niche" specialized topics of health capital research. The most "influential" subject categories for publications in the Web of Science in health capital research correspond to a narrow economic paradigm (human capital theory, health capital theory). In general, the implementation of the algorithmic approach increments new knowledge at every step of the study and clearly structures the research field of health capital – topics/themes, research

evolution, most popular approaches and prominent authors. Such an algorithm with computer-assisted software tools helps to enhance understanding of the field for the ultimate goal of creating a high-quality systematic literature review, developing a conceptual research model and operationalizing basic terminology.

Keywords: bibliometric network analysis, keyword co-occurrence, co-authorship, health capital, VOSviewer, Biblioshiny, social capital, human capital, cultural capital, cultural health capital, Grossman model

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00300: Institutes for Realizing the Resource Potential of the Older Generation in the Economics of Aging, <https://rscf.ru/project/19-18-00300/>.

For citation: Pavlova, I.A. (2024) Application of bibliometric network analysis for mapping the research field on health capital. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 66–80. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/8

Введение

На современном этапе развития науки ученые сталкиваются с растущим объемом знаний как в своих узких областях научной специализации, так и в области мультидисциплинарных проектов. Междисциплинарность и мультидисциплинарность находят свое отражение в мета-анализах публикаций при кодировании информации в базах данных. Работа с растущим объемом информации является задачей нетривиальной. На помощь исследователю приходят множественные инструменты для проведения литературного обзора. В классическом виде литературный обзор реализуется экспертным образом, когда мы полагаемся на знания ученого, занимающегося исследованиями. Однако систематический литературный обзор может быть реализован и другим способом – алгоритмическим [1] при помощи компьютеризированных средств анализа данных. Для этих целей активно применяются наукометрические и библиометрические подходы, которые могут представлять собой самостоятельное научное направление, но также предлагать ученому специализированные методы для изучения отдельных научных тематик.

Данное исследование посвящено изучению структуры исследовательского поля по теме капитала здоровья. Цель статьи – разработка и реализация алгоритма применения библиометрического сетевого анализа для тематического картирования исследовательского поля. Для достижения указанной цели автор решает несколько задач:

- 1) применить алгоритмический подход в анализе литературы для разработки собственного алгоритма литературного анализа по теме капитала здоровья;
- 2) провести тематическое картирование при помощи библиометрического сетевого анализа по указанной тематике;
- 3) оценить возможности программных средств (VOSviewer, Bibliometrix/Biblioshiny) для тематического картирования структуры знаний по теме капитала здоровья;
- 4) продемонстрировать приращение знания в анализе литературы по теме капитала здоровья на каждом этапе применения алгоритмического подхода.

Здоровье в теории эпидемиологического перехода

Терминологически и концептуально для исследователя термин «здоровье» является комплексным в силу

многообразия тематик изучения здоровья. Что есть здоровье для индивида или общества? Насколько это сопоставимые понятия, как их описывать и как операционализировать? Очевидно, на индивидуальном уровне здоровье скорее будет рассматриваться в контексте собственного здоровья отдельного человека. Возможно, в этом случае подойдет определение Всемирной организации здравоохранения как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» [2]. Здоровье в общественном понимании будет скорее связано со здоровьем нации в целом, а также качеством и доступностью системы здравоохранения. Абдель Омран с середины 1960-х гг. развивал теорию эпидемиологического перехода (epidemiologic transition theory), представив её впервые публике в 1971 г. [3]. В демографии и медицинской географии эпидемиологический переход – это теория, рассматривающая здоровье как зависимую переменную, которая пребывает в постоянной динамике под воздействием социально-экономических изменений и описывает изменения в структуре населения с учетом изменений рождаемости, продолжительности жизни, смертности и основных причин смертности. Здоровье будет производной от следующих изменений [4]: (1) переход в здоровье, связанный с изменением структуры заболеваний населения; (2) демографический переход, связанный со старением населения и ростом продолжительности жизни; (3) переход в образе жизни; (4) переход в здравоохранении; (5) технологический переход в связи с развитием технологий в медицине; (6) экологический переход, связанный с изменениями средовых факторов, факторов окружающей среды, экологических факторов. Безусловно, любая теория получает развитие в работе последователей. Так, на сегодняшний день авторы разделяют оригинальную (классическую) теорию эпидемиологического перехода и ее последующие модификации и приращения научного знания. Например, в работе [5] представлен систематический литературный обзор, в котором авторы зафиксировали, что за несколько десятилетий исследований произошли определенные изменения в акцентах – более четко оформилась тенденция к изучению широкого спектра факторов, определяющих смертность, включая факторы риска, изменения образа жизни, социально-экономические факторы и макрофакторы, такие как изменение климата, что предполагает расширение теоретических предпосылок эпидемиологического перехода.

«Страны достигли разного уровня прогресса в эпидемиологическом переходе с точки зрения времени, темпов и основных механизмов... Классическая теория эпидемиологического перехода в значительной степени игнорировала решающую роль социальных детерминант, будучи в значительной степени теоретическим обобщением опыта смертности в некоторых странах... Эмпирические данные свидетельствуют о том, что некоторые неучтенные аспекты социальных детерминант способствовали отклонениям от классических теоретических направлений» [5]. Исследователи обращают внимание, что основная теоретическая ценность эпидемиологического перехода заключается в том, что при наличии информации об уровне смертности населения (например, наличии показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении) мы должны быть в состоянии сделать значимые выводы о множестве текущих и будущих характеристик населения, включая рост и рождаемость, показатели и профили причин смерти [6]. В целом Абдель Омран в 1971 г. представил важную концепцию, которая помогла понять один из наиболее важных феноменов в области здоровья населения – снижение смертности, лежащее в основе впечатляющего увеличения продолжительности жизни, сначала в Западной Европе и Северной Америке, а позднее и в других частях мира. Теория в свое время оказалась очень полезной для понимания здоровья населения, но на текущий момент у нее имеются важные ограничения («не только с точки зрения ее точности характеристики того, что произошло в прошлом, но также с точки зрения понимания настоящего и предсказания будущего» [7].

Капитал здоровья: осмысление темы и методы исследования

Термин «капитал здоровья» является еще более многогранной категорией в исследованиях, чем просто «здоровье», потому что сложно определить данное понятие единообразно. Анализ литературы для любого исследовательского проекта является сложным, трудозатратным, но необходимым этапом, однако именно на этом этапе происходит концептуализация исследовательской модели, операционализация ключевых понятий и формируется дизайн исследования. Термин «капитал здоровья» является относительно новым в исследованиях, представляет собой комплексное явление и интегрирует в себя довольно много релевантных понятий, в связи с чем имеются определенные сложности анализа проблемного поля для концептуально сложного явления.

Наукометрические исследования ориентированы на изучение количественных аспектов научной деятельности – оценка процесса генерации знаний (инновационная, публикационная, патентная и другие виды деятельности, связанные с созданием, распространением и использованием новых знаний). Библиометрические исследования, как правило, связаны с анализом и оценкой публикационной активности. Иначе говоря, это «библиотечная» наука (library science), изучающая авторов и их интеллектуальный продукт на основе

библиотечных записей – метаданных публикаций. Библиометрические исследования могут быть реализованы при помощи разных методов – от самых простых описательных техник с несложным анализом основной статистики по имеющимся данным до сложных техник моделирования, в том числе имеющих предсказательные задачи. Анализ сетей является одним из динамично развивающихся направлений в наукометрии. Это касается не только способов приложения этого метода исследований к решению практических задач, но и развития различных инструментальных средств (программных инструментов) для автоматизации процесса анализа. Например, в работе [8] авторы анализируют различные инструменты, доступные для проведения библиометрического и наукометрического анализа, включая инструменты для: (1) получения и предобработки данных; (2) оценки публикационной производительности; (3) визуализации данных. Последняя категория инструментов позволяет строить и анализировать сети различных типов. Примерами таких программных средств являются VOSviewer, Pajek, Gephi и многие другие.

Представленное в данной статье исследование реализовано в рамках направления алгоритмического подхода [1] при проведении систематического литературного обзора. Суть алгоритмического подхода состоит в применении компьютеризированных программных средств для анализа литературы. В нашем случае используются программные средства для проведения библиометрического сетевого анализа для построения разных типов библиометрических сетей (соавторства, цитирования, соприсутствия ключевых слов и т.д.), построение которых является одним из направлений исследований в библиометрии и наукометрии и позволяет более детально исследовать структуру знаний по выбранному направлению в дополнение к проведению классического литературного обзора традиционным экспертным способом. В данной работе изучение исследовательского поля по теме «капитал здоровья» реализовано при помощи библиометрического сетевого анализа по публикациям в базе данных Web of Science для систематизации ключевых тематик и направлений в литературе при помощи программ VOSviewer [9], а также библиотек Bibliometrix/Biblioshiny в пакете R.

Источником данных послужили библиографические данные из базы данных Web of Science. Загрузка выбранных библиографических данных осуществлялась в режиме full record без приставных списков литературы весной 2022 г. Выгрузка данных в таком виде позволяет построить и провести анализ библиометрических сетей соавторства (по авторам, организациям и странам) и соприсутствия ключевых слов. Анализ при помощи компьютеризированных средств включал несколько стадий:

- 1) анализ соприсутствия ключевых слов в программе VOSviewer (в три этапа для 57 853, 3 000 и 395 публикаций);
- 2) эксплораторный анализ данных при помощи R с использованием библиотеки Bibliometrix и модуля Biblioshiny;
- 3) анализ соавторства в программе VOSviewer.

Для целей данного исследования данные скачивались из Web of Science по ключевым словам «здоровье» и «капитал» на английском языке по отдельности и вместе взятые как словосочетание для формирования связанных с этими терминами ключевых понятий и словосочетаний для дальнейшего изучения тематик по теме «капитал здоровья». При выгрузке данных не задавались временные рамки; использовались все найденные публикации вне зависимости от даты публикации.

Сети соприсутствия ключевых слов в программе VOSviewer

Метод соприсутствия ключевых слов подразумевает анализ совместного появления в публикациях ключевых слов и словосочетаний. Это могут быть авторские ключевые слова, ключевые слова из названий и аннотаций публикаций и ключевые слова «плюс» (keywords plus). Последняя категория – дополнительные слова, которые могут быть добавлены к метаданным публикаций редакторами журналов, базами данных при помощи встроенных алгоритмов на основе анализа текстов работ. В частности, keywords plus – это слова или фразы, которые часто встречаются в заголовках ссылок на статью (названиях публикаций из списка цитирующей литературы), но не обязательно появляются в названии самой статьи. Авторские ключевые слова могут больше относиться к тематике статьи, в то время как keywords plus будут лучше иллюстрировать методы, область исследования или историю развития проблемной области [10].

Программа VOSviewer была разработана учеными в Лейденском университете (Королевство Нидерланды) специально для проведения библиометрического сетевого анализа – для построения и визуализации библиометрических сетей. Эти сети могут быть построены для журналов, исследователей или отдельных публикаций на основе цитирования, библиографической связи, совместного цитирования или отношений соавторства. VOSviewer имеет встроенные функции интеллектуального анализа текста для построения и визуализации сетей совместного использования важных терминов, извлеченных из массива научной литературы. Эта программа на текущий день является одним из самых доступных и популярных инструментов кластеризации и сетевого анализа публикаций в разных сферах исследований от гуманитарных наук до инженерии.

Построение сетей соприсутствия ключевых слов в программе VOSviewer было реализовано в 3 этапа, представленных далее. Для построения сетей в данной работе применялся метод фракционного счета (fractional counting), позволяющий учитывать вклад всех библиографических сущностей как элементов анализа. В противовес полному счету (full counting) фракционный счет не инфлирует участие каждого элемента анализа, а учитывает только долю участия при множестве соавторов. Для ключевых слов выбор метода подсчета не является критически важным [11], однако, так как в работе в том числе речь идет о построении сетей соавторства, то автором данного исследования был выбран фракционный счет как единый метод

подсчета. Метод присвоения весов при построении библиометрических сетей также выбран один – total link strength, демонстрирующий значимость узлов в сети на основе как своих непосредственных связей с другими узлами, так и всех других связей в сети.

Этап 1. Поиск по словам health, capital. Всего найдено 57 853 публикации. В этом наборе данных выделено всего 111 753 ключевых слова. Для построения библиометрической карты соприсутствия ключевых слов использовались все ключевых слова (all keywords). В этом достаточно большом наборе данных только 1 161 ключевое слово появляется в публикациях 50 раз (threshold 50+) и всего 542 ключевых слова появляются 100 раз (threshold 100+). Используемый метод построения карты – LinLog/modularity для выделения 5 кластеров (рис.1). Наиболее хорошо читаемыми являются четыре крупных кластера, которые характеризуют различные аспекты исследований, посвященных здоровью. Самый большой кластер (на рис. 1 выделен красным цветом) иллюстрирует ассоциативную связь терминов здоровья (health) с социальным капиталом (social capital), который определяется различными социально-экономическими факторами (рис. 2).

Анализ кластеров, сформированных из ключевых слов, на данном этапе исследования продемонстрировал, как ключевые слова формируют тематики исследований. Подробно анализ данных тематических кластеров обсуждался в работе [11]. Термин «здоровье» является самым часто используемым в выделенном наборе данных из ключевых слов – он появляется 5 258 раз. Термин «социальный капитал» входит в топ-5 ключевых слов и появляется 2 725 раз. На рис. 2 представлены частоты появления ключевых слов, а также связь термина «социальный капитал» с другими ключевыми словами. Концепция социального капитала пользуется большой популярностью в междисциплинарных исследованиях. Современное понимание концепции является результатом смеси функционалистских, критических и рациональных теоретических традиций, которые во многом предопределили методологии в изучении социального капитала как между социальными науками, так и внутри них [12].

Простыми словами, социальный капитал обозначает социальные связи и ресурсы, которые создают возможность функционировать эффективно на индивидуальном, групповом и общественном уровнях. П. Бурдьё, Дж. Коулмен, Р. Патнэм расставляют разные акценты в определении и оценке социального капитала. Однако важно отметить, что социальный капитал по своей природе является ресурсом, зависящим как от контекста, так и от времени [12]. Интерес к социальному капиталу для изучения здоровья не является случайным. Исследования подтверждают, что социальный капитал имеет в целом положительную связь со здоровьем – как индивидуальным, так и общественным. Однако, как отмечает S. Ferlander [13], следует дифференциально подходить к рассмотрению этой связи и выделять разные формы социального капитала, поскольку они подразумевают разные ресурсы, поддержку и обязательства, что предполагает разное влияния на здоровье.

капитала и здоровья. Эта касается выделения формы социального капитала, четкой проблематизации исследования, выделения зависимых и независимых переменных.

Например, исследования смертности от всех причин показали и положительные, и отрицательные контекстуальные эффекты социального капитала [14]. Высокий уровень социального капитала (доверия) как на индивидуальном, так и на региональном уровне в Великобритании обратно пропорционален плохой самооценке здоровья [15]. Более позднее исследование для Китая показало разные эффекты разных типов доверия (bonding trust и bridging trust) на самооценку здоровья на индивидуальном уровне и уровне округов с определенными различиями для городского и сельского населения, что, по мнению авторов, отражает двойственную структуру города и деревни в Китае [16].

и здоровья. Связь социального капитала и здоровья – самооценки здоровья, депрессии, риска госпитализации, смертности, здоровье-ассоциированного поведения (курение, алкоголь, здоровый образ жизни) – не всегда может быть однозначной, так как важны условия, факторы, время, география исследования.

Этап 2. Построение карты для терминов «health» и «capital» на основе 3 000 наиболее релевантных публикаций (релевантность публикаций определялась на основе алгоритмов Web of Science) и установления барьера появления ключевых слов в количестве 15 раз (threshold 15+).

70

хронологически более старых элементов, желтый – для более «молодых». На этом этапе исследования обращают на себя внимание условно «молодые» ключевые слова – относительно новые ключевые слова, которые начинают соприисутствовать в публикациях. В частности, это группа ключевых слов, которые связаны с депрессией и ее симптомами, одиночеством, счастьем – самостоятельной тематикой исследований ментального здоровья и субъективного благополучия.

Социальный капитал рассматривается как фактор, оказывающий влияние на ментальное здоровье, и может быть полезным при разработке инициатив по укреплению здоровья. В частности, высокий уровень социального капитала приводит к улучшению психического благополучия как отдельных лиц, так и сообществ, а усиление социальных ресурсов групп может позволить улучшить общее психическое здоровье населения [17].

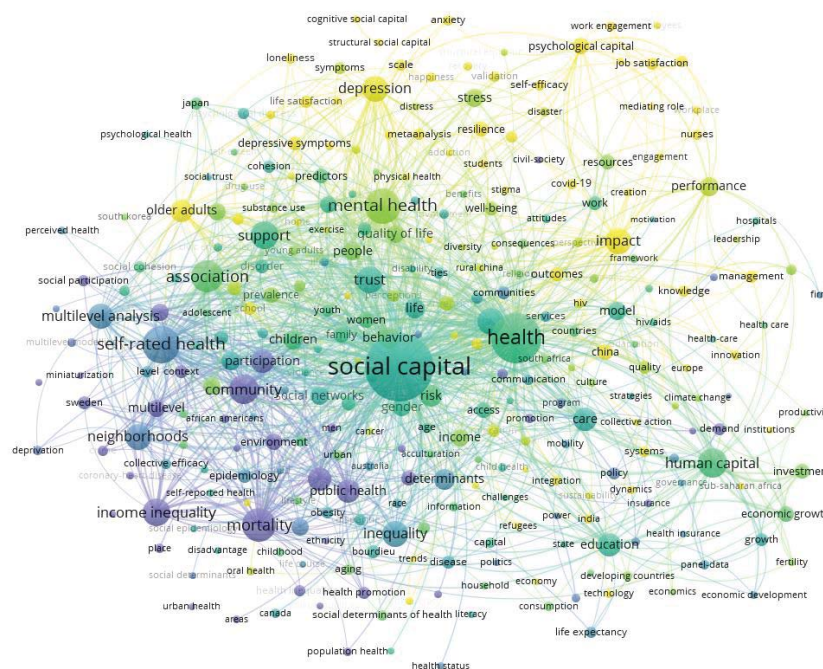

Рис. 3. Темпоральная карта соприсутствия ключевых слов для 3 000 наиболее релевантных публикаций

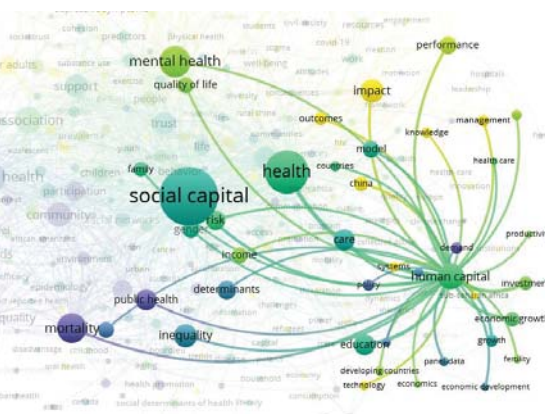
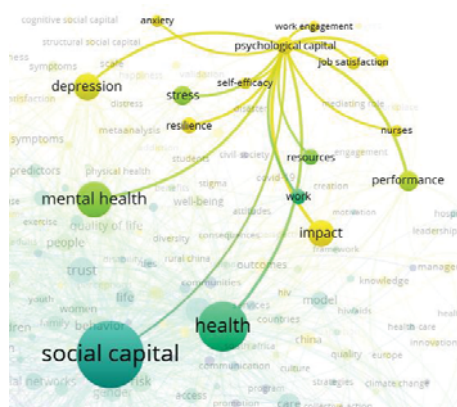

Рис. 4. Термины «психологический капитал» и «человеческий капитал» на карте соприсутствия ключевых слов для 3 000 наиболее релевантных публикаций

Для целей исследования капитала здоровья пул ключевых слов можно расширить за счет следующих терминов: «человеческий капитал» (human capital), «психологический капитал» (psychological capital), «интеллектуальный капитал» (intellectual capital), «культурный капитал» (cultural capital), «социально-экономический статус» (socio-economic status), «самооценка здоровья» (self-rated health), «ментальное здоровье» (mental health). На рис. 4 представлена связь терминов «психологический капитал» и «человеческий капитал» с другими ключевыми словами.

На этом этапе исследования четко дифференцируется связь социального капитала и человеческого капитала. В данном ключе возможно рассмотрение капитала здоровья в контексте социологической и экономической парадигм [11]. Человеческий капитал – это продукт инвестиций в собственное развитие, в том числе здоровье. В широком смысле человеческий капитал – совокупность производственных навыков, воплощенных в человеке, которые можно использовать для получения доходов на рынке труда и расширения возможностей потребления домохозяйства. Как отмечает

капитал может быть рассмотрен в более узком контексте и напрямую связан со здоровьем.

[illegible]

5 раз только 100 ключевых слов соответствуют указанному критерию.

72

культурно детерминированный капитал здоровья), активное использование которого характерно для относительно недавних исследований (см. рис. 6).

В основе теории капитала здоровья (health capital theory) лежит так называемая модель Гроссмана, центральное положение которой заключается в том, что здоровье можно рассматривать как долговременный капитал, обеспечивающий здоровое времяпрепровождение [19]. Согласно этой модели, человек определяет свой оптимальный запас капитала здоровья в любом возрасте, приравнивая предельную эффективность этого капитала к издержкам его использования, выраженным в цене валовых инвестиций. Эта модель объясняет различия в здравоохранении и медицинском обслуживании среди людей с точки зрения изменений кривых спроса и предложения для капитала здоровья [19. Р. 246–247].

В соответствии с теорией капиталов Бурдье, существует три формы капитала (экономический, социальный и культурный). Относительно новая концепция культурного капитала здоровья основана на теории культурного капитала (неформальное образование, объекты культуры и доверие). Различные формы капиталов, принадлежащие отдельным лицам, могут определять их положение в структуре социальной стратификации и в дальнейшем влиять на модель социального поведения [20]. Культурный капитал здоровья может рассматриваться как набор культурных навыков, вербальных и невербальных компетенций, отношений и поведения, а также стилей взаимодействия, культивируемых как пациентами, так и врачами, которые при использовании могут привести к более оптимальным отношениям в сфере здравоохранения [21]. Культурный капитал может предопределять поведение индивида, например определять объем и практики физических упражнений, привычки бодрствовать, злоупотребление курением и алкоголем [20]. В узком смысле эта концепция объясняет, как взаимодействие пациента и поставщика услуг в здравоохранении приводит к неравенству. Концептуально культурно детерминированный капитал здоровья рассматривается как специализированная форма культурного капитала, которую можно использовать в контексте здравоохранения для эффективного взаимодействия с поставщиками медицинских услуг [21]. Концепция культурно детерминированного капитала здоровья может применяться для понимания неравенства в здравоохранении и особенностей здоровья в регионах с низким уровнем дохода и ограниченным доступом к здравоохранению, а также социально незащищенных групп населения в странах с развитыми экономиками и относительно благополучными социальными сферами. Например, в исследовании [22] представлена попытка изучения социального неравенства в лечении сердечно-сосудистых заболеваний через призму культурного капитала здоровья посредством исследования жизненного опыта социально незащищенных пациентов с ишемической болезнью сердца в Дании. В статье [23] продемонстрирован опыт интеграции иммигрантов в систему здраво-

охранения Норвегии и сформулирован вывод, что сочетание иммигрантского происхождения выходцев из Сомали и их формальных медицинских знаний представляет собой как раз своего рода культурный капитал здоровья.

Эксплораторный анализ в Biblioshiny

Biblioshiny представляет собой графический веб-интерфейс библиотеки Bibliometrix, запускается при помощи языка R через загрузку указанной библиотеки и требует минимальных знаний программирования на R. Для анализа достаточно установить и запустить библиотеку Bibliometrix и дополнительную команду вызова Biblioshiny (`install.packages(bibliometrix, dependancies = TRUE); library(bibliometrix); bibliometrix::biblioshiny()`), после чего веб-модуль Biblioshiny откроется в браузере.

Анализ с помощью Biblioshiny был проведен для набора данных из 395 публикаций, выгруженных строго для словосочетания «капитал здоровья». Эти работы были опубликованы за период с 1984 по 2022 г., представлены в 268 источниках. Всего в этом наборе данных выделено 1 046 авторских ключевых слов, 1 922 автора; из них только 87 авторов являются единственными авторами статей, все остальные работали в соавторстве. 24,6% публикаций имеют международное соавторство, остальные работы приходятся на национальных авторов или национальные научные коллективы.

На рис. 7 представлена тройная диаграмма Сэнки (Sankey chart), иллюстрирующая связь следующих слоев:

- 1) основные журналы, где были представлены публикации из выборки по тематике «капитал здоровья» (Journal of Health Economics, Social Science and Medicine, Health Economics, Sociology of Health and Illness, Journal of Health and Social Behavior и др.);
- 2) основные ключевые слова (health capital, epidemiology, health, human capital, mortality, cancer, smoking, cultural health capital, grossman model и др.);
- 3) основные страны, в которых представлены институциональные аффилиации авторов (США, Франция, Италия, Дания, Германия, Канада, Великобритания, Китай, Россия и др.).

Обращает на себя внимание тот факт, что топ-список ключевых слов, представленных в результатах анализа в VOSviewer и Biblioshiny, имеет некоторые отличия. Это может быть связано с тем, что для построения карты соприсутствия ключевых слов в VOSviewer использовался метод фракционного счета, а также причиной могут быть самые разные встроенные алгоритмы анализа текстовых данных. Тем не менее это отличие в нашем случае не имеет существенного значения, так как для изучения проблемного поля «капитал здоровья» результаты, полученные на разных этапах анализа данных, комплементарны друг другу.

Анализ авторских ключевых слов и дополнительных ключевых слов (keywords plus) на этом этапе дает различные результаты, что позволяет взглянуть на тематику с разных сторон.

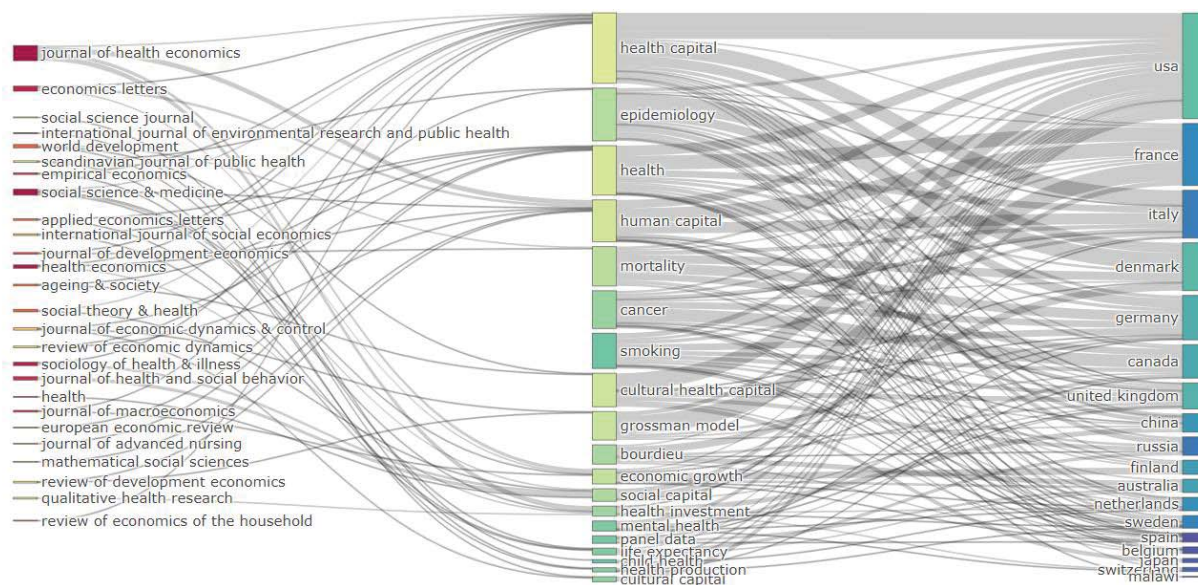

Рис. 7. Тройная диаграмма Сэнки (авторы, ключевые слова, страны) для набора данных из 395 публикаций по теме «капитал здоровья»

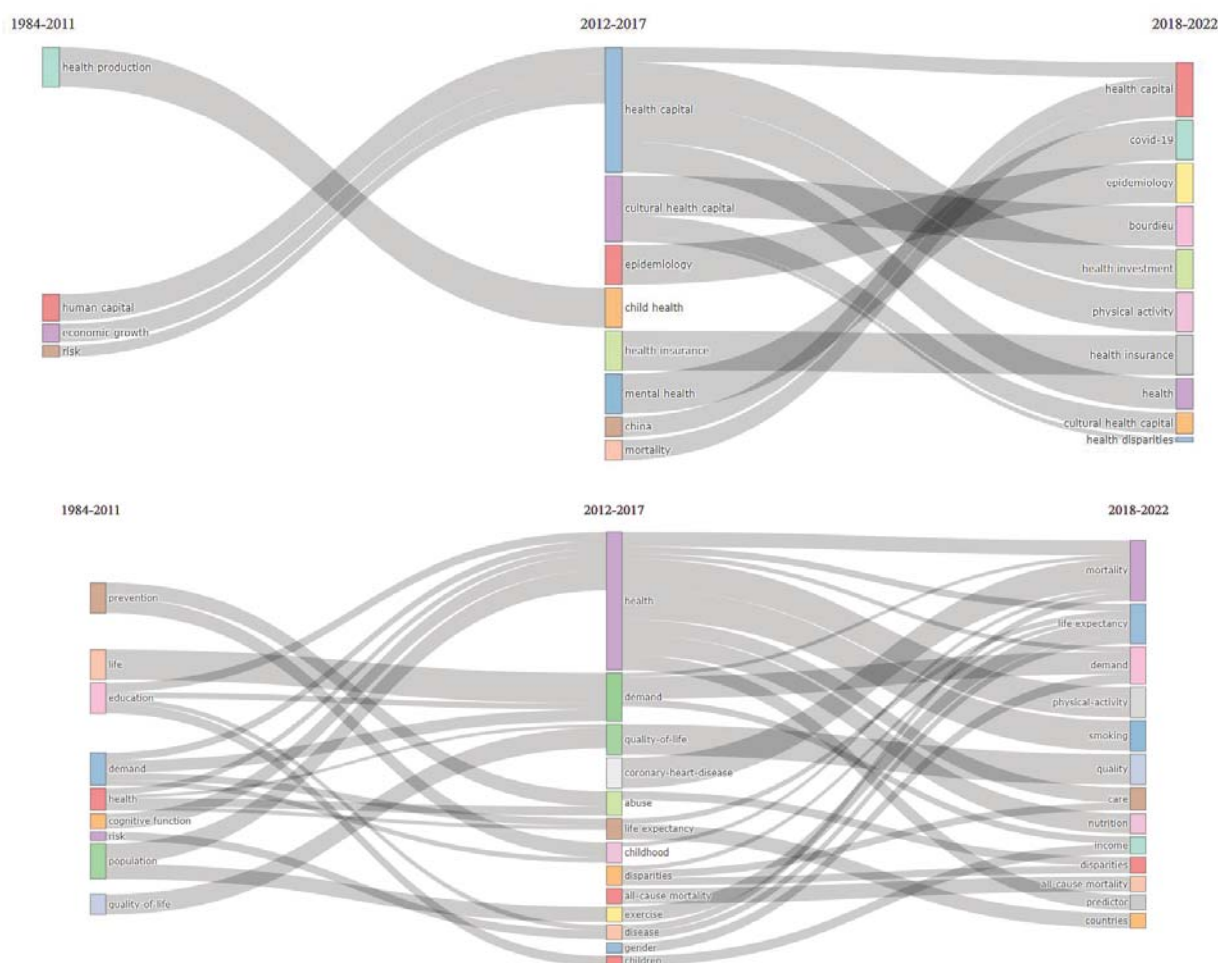

Рис. 8. Тройная диаграмма Сэнки для авторских ключевых слов (author's keywords) (вверху) и дополнительных ключевых слов (keywords plus) (внизу) для набора данных из 395 публикаций по теме «капитал здоровья»

На рис. 8 представлены тройные диаграммы Сэнки для разных временных периодов для авторских ключевых слов (author's keywords, вверху) и дополнительных ключевых слов (keywords plus, внизу). Диаграммы

Сэнки показывают, как менялись основные ключевые слова в исследованиях и как трансформировались основные тематики в 1984–2011, 2012–2017, 2018–2022 гг.

Этот подход к картированию тематик исследований был предложен в работе M.J. Cobo и соавторов «An approach for detecting, quantifying, and visualizing the evolution of a research field: A practical application to the Fuzzy Sets Theory field» («Подход к обнаружению, количественной оценке и визуализации развития области исследований: практическое применение к области теории нечетких множеств») [24], посвященной разработке методологии для изучения тематической эволюции научных направлений. Подход объединяет анализ научной производительности (научной эффективности) и картирование научных тематик для выявления и визуализации концептуальных отдельных тем или общих тематических областей, рассматриваемых в течение заданного периода времени.

Алгоритм этого анализа предполагает 4 стадии [24]:

1) выявление тем при помощи анализа соприсутствия важных слов для каждого изучаемого хронологического подпериода;

2) размещение в маломерном пространстве результатов тематического анализа первого шага (первой темы);

3) анализ изменений (эволюции) выделенных тем в различные изучаемые подпериоды, чтобы выявить общие тематические области, их происхождение и взаимосвязи;

4) анализ исследовательской эффективности в различные периоды, тем и тематических областей при помощи количественных показателей и показателей воздействия.

Диаграммы Сэнки на рис. 8 показывают тематическую эволюцию в исследованиях капитала здоровья. Однако методология построения тематических карт, предложенная Cobo et al. [24], предполагает использованием метрик сетевого анализа – центральности (centrality) и плотности (density). Центральность в сети означает важность или влияние узла внутри такой сети. Это фундаментальная концепция сетевой науки, используемая для выявления наиболее влиятельных участников (узлов) в сети. В нашем случае центральность измеряет степень взаимодействия сети (выделенной тематики) с другими сетями (другими тематиками), т.е. силу внешних связей выделенной темы с другими темами. Эту метрику можно рассматривать как меру важности (степени актуальности) темы исследования в развитии всей анализируемой научной области [25]. Плотность – это доля присутствующих ребер от всех возможных ребер в сети. В нашем случае плотность измеряет внутреннюю силу сети, т.е. силу внутренних связей между всеми ключевыми словами, описывающими тему исследования. Его можно понимать как меру степени разработанности конкретной темы [25]. На рис. 9 представлены концептуальные тематические карты, построенные в соответствии с методологией сетевого анализа для авторских ключевых слов (вверху) и дополнительных ключевых слов (внизу).

На основе показателей центральности и плотности темы делятся на четыре категории [24, 25]:

1) движущие темы (motor themes), которые хорошо развиты и важны для структурирования области исследований;

2) нишевые темы (niche themes), которые являются специализированными, с достаточно хорошо развитыми внутренними связями внутри кластера, но с довольно слабыми внешними связями; поэтому они оказывают лишь незначительное влияние на область исследования;

3) базовые темы (basic themes), играющие важную роль в анализируемой области знаний, но еще недостаточно разработанные;

4) возникающие или исчезающие темы (emerging or declining themes), которые являются одновременно несущественными и слабо разработанными.

Для авторских ключевых слов (рис. 9) многие тематики концептуальной структуры по теме капитала здоровья сосредоточены в области движущих тем (motor themes). Это тематики, которые объединяют следующие ключевые слова и словосочетания:

- cultural health capital, bourdieu, cancer, cultural capital, child health;
- epidemiology, obesity, asthma, cardiovascular disease, depression;
- birth weight, bmi, height, india, weight;
- health capital, economic growth, health production, panel data, smoking;
- health investment, comparative dynamics, optimal control, prevention, risk;
- health, human capital, grossman model, mortality, social capital (пограничная позиция между движущей и базовой темой).

Среди нишевых тем для авторских ключевых слов выделяются три темы:

- health insurance, general equilibrium, health capital accumulation, healthcare consumption;
- auditory processing, children.

Для дополнительных ключевых слов в движущие темы попала только одна – risk, disease, population, prevalence, risk-factors. Среди нишевых тематик выделяются следующие три тематики:

- depression, community, countries, system, climate-change;
- diversity, molecular epidemiology;
- life, socioeconomic status, association united states, childhood.

Одновременное использование авторских и дополнительных ключевых слов может быть полезным для ученого, так как дает более полную картину тематик исследовательского поля [10]. В нашем случае авторские и дополнительные ключевые слова пересекаются, но в относительно небольшой своей части. Это может быть связано с очень широким полем, междисциплинарностью и мультидисциплинарностью исследований в области капитала здоровья. Анализ предметных категорий (Subject Categories) базы данных Web of Science по публикациям в нашем наборе данных позволил выделить наиболее важные предметные категории в сети соприсутствия ключевых слов. Для данной сети были рассчитаны метрики центральности по посредничеству (betweenness centrality), которая определяет количество раз, когда узел действует как мост (связующее звено) на кратчайшем пути между двумя другими узлами.

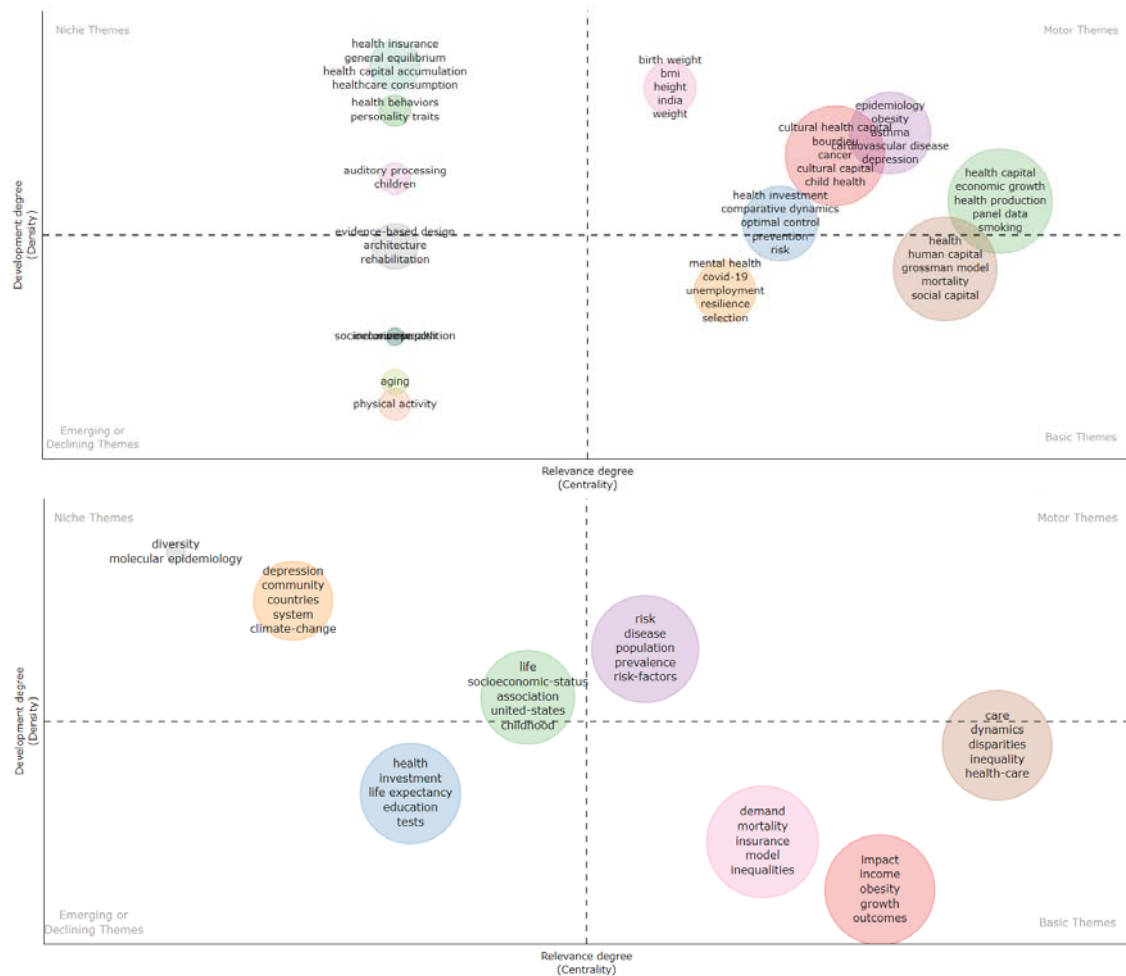

Рис. 9. Концептуальная тематическая карта для авторских (вверху) и дополнительных (внизу) ключевых слов для набора данных из 395 публикаций по теме «капитал здоровья»

В социальных сетях центральность измеряет подобного рода структурную значимость узла, поскольку такая метрика показывает степень важности человека как функции социальной структуры сообщества или организации. Самые «влиятельные» предметные категории по теме исследований капитала здоровья в нашем наборе данных следующие (в порядке убывания «влиятельности» с указанием в скобках значения центральности по посредничеству):

- Economics (193,22);
- Public, environmental & occupational health (82,29);
- Health care sciences & services (45,00);
- Environmental sciences (21,65);
- Health policy & services (10,35);
- Environmental studies (9,22);
- Social sciences, interdisciplinary (5,99);
- Social sciences, biomedical (1,80);
- Clinical neurology (1,00);
- Sociology (0,48).

На основании этих данных можно предположить, что в узком смысле «капитал здоровья» тематически исследуется скорее на стыке экономических наук и наук, изучающих здоровье и здравоохранение. Социальные науки занимают тематикой капитала здоровья в меньшей степени. Данный вывод соотносится с

содержательной частью теории капитала здоровья и узким подходом к анализу капитала здоровья в рамках теории человеческого капитала.

Сети соавторства в VOSviewer

Сети соавторства в программе VOSviewer демонстрируют связь между элементами на основе количества публикаций, которые были подготовлены в соавторстве. В качестве таких элементов выступают сами авторы, организации и страны. Анализ соавторства был проведен для набора данных из 395 публикаций. Всего в выборку попали 1 177 авторов, 618 организаций из 76 стран. Анализ сетей соавторства полезен для понимания географии публикаций, институциональных аффилиаций авторов, коллабораций авторов и организаций из разных стран.

Количество опубликованных документов в наборе данных не очень велико, максимальное количество, 8 публикаций, – у автора T. Jorgensen, который исследует причины ухудшения здоровья и смертности. Более интересен анализ по количеству цитирований у авторов. Так, максимальное количество цитирований (525) – у авторов N. Halfon и M. Hochstein, которые предложили концепцию развития здоровья на протяжении всей

жизни (Life Course Health Development – LCHD), объясняющую то, как траектории здоровья развиваются на протяжении жизни человека, как эти знания могут определять новые подходы в науке и при разработке политики в соответствующей сфере [26]. Эта концепция иллюстрирует изменение современного понимания здоровья на основе данных из разных научных дисциплин в сфере общественного здоровья, медицины, человеческого развития и социальных наук. Здоровье сегодня «является следствием множества детерминант, действующих во взаимосвязанных генетических, биологических, поведенческих, социальных и экономических контекстах, которые меняются по мере развития человека» [26]. На втором месте по цитированиям (366) – J. Shim, которая работает над вопросами культурно-детерминированного капитала здоровья [21]. На третьем месте – S. Chakraborty (257 цитирований) с работами в области экономического статуса и

человеческого капитала, а также связанными с этим вопросами неравенства в здоровье, модели Гроссмана, продолжительности жизни и смертности [27]. Три первые позиции самых продуктивных организаций по количеству опубликованных работ принадлежат Дании – University of Copenhagen, Aalborg University, Research Centre for Prevention and Health (Glostrup Hospital), University of Southern Denmark. На рис. 10 представлена сеть соавторства для стран, где находятся организации, с которыми аффилированы авторы публикаций. Данная библиометрическая сеть соавторства по странам иллюстрирует, какие страны наиболее вовлечены в международное сотрудничество по тематике капитала здоровья. Дополнительно на рис. 10 показано, с какими странами есть международные коллаборации (по данным на весну 2022 г.) у российских исследователей, которые занимаются тематикой капитала здоровья.

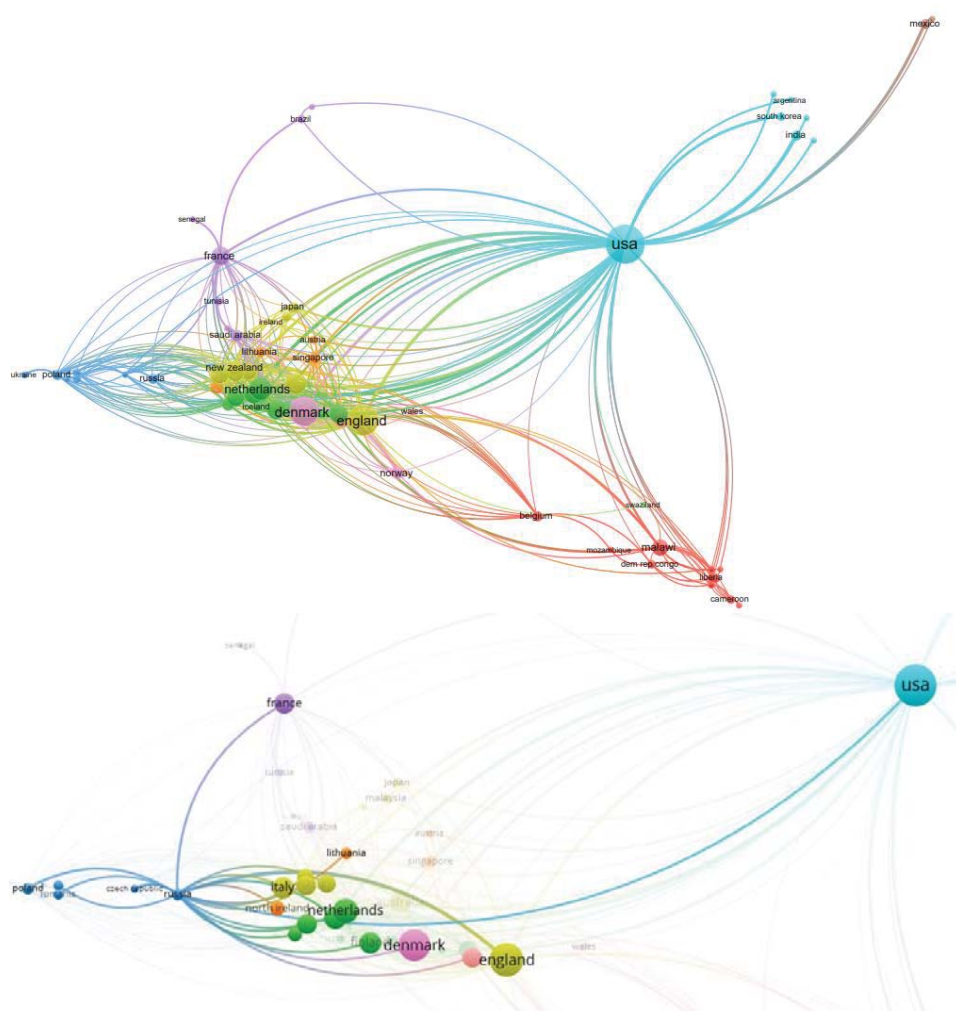

Рис. 10. Сеть соавторства для стран (набор данных из 395 публикаций по теме «капитал здоровья»)

Выводы и заключение

Алгоритмический подход для анализа литературы по тематике капитала здоровья позволил сформировать алгоритм анализа и картировать структуру исследовательского поля. Алгоритмизация предполагает

процесс разработки и описания последовательности шагов, которые необходимо выполнить для решения определенной задачи или достижения конкретной цели. Далее представлены шаги картирования исследовательского поля по выбранной тематике с полученными результатами.

1. Сбор и выгрузка данных в Web of Science по выбранной тематике – 3 набора данных (57 853 публикаций для health, capital; 3 000 самых релевантных публикаций для health, capital; 395 публикаций строго для health+capital). Ограничением на этом шаге стала выгрузка данных без приставных списков литературы, что позволило построить только 2 типа библиометрических сетей: сети соприсутствия ключевых слов и сети соавторства для авторов, организаций и стран.

2. Анализ соприсутствия ключевых слов с построением библиометрических сетей в VOSviewer для 3 наборов данных. Поэтапно были выделены важные термины и проанализирована их связь со здоровьем. Изучение здоровья в рамках социального капитала представляет собой довольно широкий подход, в рамках которого не рекомендуется избыточное обобщение. Наоборот, в изучении связи социального капитала и здоровья требуется декомпозиция с учетом контекстуальных и временных параметров. Связь человеческого капитала и здоровья более очевидна и может реализовываться в более узком контексте. Оба подхода для изучения роли и связи социального и человеческого капитала со здоровьем комплементарны друг другу. Социальный капитал предполагает более широкий контекст и опосредованную связь (социологическая парадигма), в то время как человеческий капитал может быть рассмотрен в более узком контексте и напрямую быть связан со здоровьем (экономическая парадигма). Теория капитала здоровья (health capital theory) рассматривается в рамках экономической парадигмы.

На этом шаге выявлены разные типы капиталов дополнительно к социальному и человеческому, которые также вносят свой вклад в структурирование исследовательского поля по теме «капитал здоровья». Это психологический капитал, интеллектуальный капитал, культурный капитал и др. Культурно детерминированный капитал здоровья является довольно новой концепцией и в узком смысле представляет собой особую

форму культурного капитала, которую можно использовать для эффективного взаимодействия в контексте здравоохранения. Отметим, в анализе соприсутствия ключевых слов отдельно выделяется самостоятельное направление исследований, связанное со здоровьем пожилых людей.

3. Проведение эксплораторного анализа в Biblioshiny позволило изучить хронологические изменения в тематиках исследований (представленность ключевых слов за три временных периода) для авторских и дополнительных ключевых слов, рассмотреть топ-журналы для публикаций. На основе расчета центральности и плотности были картированы тематики по авторским и дополнительным ключевым словам, что позволило выявить хорошо развитые «движущие» и «нишевые» специализированные тематики капитала здоровья. Также были выявлены самые «влиятельные» предметные категории исследований капитала здоровья, по которым публикуются работы, как правило, в рамках узкой экономической парадигмы (теория человеческого капитала, теория капитала здоровья).

4. Анализ сетей соавторства (для авторов, организаций и стран) в VOSviewer позволил картировать коллаборации между странами, а также выявить и проанализировать самых продуктивных авторов и организации.

В целом, на каждом этапе реализации алгоритмического подхода четко определяется приращение нового знания в интересах структурирования исследовательского поля по теме капитала здоровья – определяются тематики, эволюция исследований, самые востребованные подходы и авторы. Такой алгоритм анализа литературы при помощи компьютеризированных средств позволяет более детально проработать поле исследований и существенно расширить горизонт понимания объекта исследования в интересах создания качественного систематического обзора литературы по нужной тематике, разработки концептуальной модели исследования и операционализации базовой терминологии.

Список источников

1. Моисеев С.П., Мальцева Д.В. Отбор источников для систематического обзора литературы: сравнение экспертного и алгоритмического подходов // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2018. № 47. С. 7–43.
2. Преамбула к Уставу Всемирной организации здравоохранения, принятому Международной конференцией здравоохранения. Нью-Йорк, 1946.
3. Omran A.R. The epidemiologic transition theory revisited thirty years later // World health statistics quarterly. 1998. № 2, 3, 4. P. 99–119.
4. Omran A.P. Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя // Демографическое обозрение. 2019. № 6. С. 177–216. doi: 10.17323/demreview.v6i1.9117
5. Santosa A., Wall S., Fottrell E., Högborg U., Byass P. The development and experience of epidemiological transition theory over four decades: a systematic review // Global Health Action. 2014. № 7. Art. no. 23574. doi: 10.3402/gha.v7.23574
6. Sudharsanan N., Aburto J.M., Riffe T., van Raalte A. Large variation in the epidemiological transition across countries: is it still valuable as a mortality theory? // International Journal of Epidemiology. 2022. № 51 (4). P. 1057–1061. doi: 10.1093/ije/dyac107
7. Mackenbach J.P. Omran's 'Epidemiologic Transition' 50 years on // International Journal of Epidemiology. 2022. № 51 (4). P. 1054–1057. doi: 10.1093/ije/dyac020
8. Moral-Muñoz J.A., Herrera-Viedma E., Santisteban-Espejo A., Cobo M.J. Software tools for conducting bibliometric analysis in science: An up-to-date review // Profesional De la información. 2020. № 29 (1). doi: 10.3145/epi.2020.ene.03
9. Van Eck N.J., Waltman L. Software survey: VOSviewer, a computer program for bibliometric mapping // Scientometrics. 2010. № 84 (2). P. 523–538. doi: 10.1007/s11192-009-0146-3
10. Zhang J., Yu Q., Zheng F., Long C., Lu Z., Duan Z. Comparing keywords plus of WOS and author keywords: A case study of patient adherence research // Journal of the association for information science and technology. 2016. № 67 (4). P. 967–972. doi: 10.1002/asi.23437
11. Павлова И.А. Построение карты соприсутствия ключевых слов по теме «капитал здоровья» в программе VOSviewer // Векторы благополучия: экономика и социум. 2023. № 49 (2). С. 38–54. doi: 10.18799/26584956/2023/2/1592
12. Tzanakis M. Social capital in Bourdieu's, Coleman's and Putnam's theory: empirical evidence and emergent measurement issues // Educate. 2013. № 13 (2). P. 2–23.
13. Ferlander S. The Importance of Different Forms of Social Capital for Health // Acta Sociologica. 2007. № 50 (2). P. 115–128. doi: 10.1177/0001699307077654

14. Murayama H., Fujiwara Y., Kawachi I. Social Capital and Health: A Review of Prospective Multilevel Studies // *Journal of Epidemiology*. 2012. № 22 (3). P. 179–187. doi: 10.2188/jea.JE20110128
15. Snelgrove J.W., Pikhart H., Stafford M. A multilevel analysis of social capital and self-rated health: Evidence from the British Household Panel Survey // *Social Science & Medicine*. 2009. Vol. 68, № 11. P. 1993–2001. doi: 10.1016/j.socscimed.2009.03.011
16. Meng T., Chen H. A multilevel analysis of social capital and self-rated health: Evidence from China // *Health & Place*. 2014. № 27. P. 38–44. doi: 10.1016/j.healthplace.2014.01.009
17. Bassett E., Moore S. Mental Health and Social Capital: Social Capital as a Promising Initiative to Improving the Mental Health of Communities // *Current Topics in Public Health*. IntechOpen, 2013. doi: 10.5772/53501
18. Weiss Y. Gary Becker on Human Capital // *Journal of Demographic Economics*. 2015. № 81 (1). P. 27–31.
19. Grossman M. On the Concept of Health Capital and the Demand for Health // *The Journal of Political Economy*. 1972. Vol. 80. P. 223–255.
20. Xu P., Jiang J. Individual Capital Structure and Health Behaviors among Chinese Middle-Aged and Older Adults: A Cross-Sectional Analysis Using Bourdieu's Theory of Capitals // *International journal of environmental research and public health*. 2020. Vol. 17, № 20. Art. no. 7369. doi: 10.3390/ijerph17207369
21. Shim J.K. Cultural Health Capital: A Theoretical Approach to Understanding Health Care Interactions and the Dynamics of Unequal Treatment // *Journal of health and social behavior*. 2010. Vol. 51, № 1. P. 1–15. doi: 10.1177/0022146509361185
22. Rasmussen A.N., Guise A., Overgaard C. Understanding social inequalities in cardiac treatment through the lens of cultural health capital: a study of Danish socially disadvantaged ischemic heart patients' lived experiences of healthcare interactions // *Social Theory & Health*. 2023. № 21. P. 17–32. doi: 10.1057/s41285-021-00173-1
23. Næss A. Trust, Cultural Health Capital, and Immigrants' Health Care Integration in Norway // *Sociology*. 2019. Vol. 52, № 2. P. 297–313. doi: 10.1177/0038038518793371
24. Cobo M.J., López-Herrera A.G., Herrera-Viedma E., Herrera F. An approach for detecting, quantifying, and visualizing the evolution of a research field: A practical application to the Fuzzy Sets Theory field // *Journal of Informetrics*. 2011. Vol. 5, № 1. P. 146–166. doi: 10.1016/j.joi.2010.10.002
25. Janik A., Ryszko A., Szafraniec M. Exploring the Social Innovation Research Field Based on a Comprehensive Bibliometric Analysis // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2021. Vol. 7, № 4. Art. no. 226. doi: 10.3390/joitmc7040226
26. Halfon N., Hochstein M. Life Course Health Development: An Integrated Framework for Developing Health, Policy, and Research // *The Milbank Quarterly*. 2002. Vol. 80, № 3. P. 433–479. doi: 10.1111/1468-0009.00019
27. Chakraborty S., Das M. Mortality, Human Capital and Persistent Inequality // *Journal of Economic growth*. 2005. Vol. 10, № 2. P. 159–192. doi: 10.1007/s10887-005-1670-5

References

1. Moiseyev, S.P. & Mal'tseva, D.V. (2018) Otkor istochnikov dlya sistematicheskogo obzora literatury: sravneniye ekspertnogo i algorit-micheskogo podkhodov [Selection of sources for a systematic review of literature: comparison of expert and algorithmic approaches]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye*. 47. pp. 7–43.
2. WHO. (1946) *Preambula k Ustavu Vsemirnoy organizatsii zdoravookhraneniya, prinyatomu Mezhdunarodnoy konferentsiyey zdoravookhraneniya* [Preamble to the Charter of the World Health Organization, adopted at the International Conference on Health]. New York.
3. Omran, A.R. (1998) The epidemiologic transition theory revisited thirty years later. *World Health Statistics Quarterly*. 2, 3, 4. pp. 99–119.
4. Omran, A.R. (2019) Teoriya epidemiologicheskogo perekhoda: vzglyad 30 let spustya [Theory of epidemiological transition: a 30-year look]. *Demograficheskoye obozreniye*. 6. pp. 177–216. doi: 10.17323/demreview.v6i1.9117
5. Santosa, A. et al. (2014) The development and experience of epidemiological transition theory over four decades: a systematic review. *Global Health Action*. 7. Art. 23574. doi: 10.3402/gha.v7.23574
6. Sudharsanan, N. et al. (2022) Large variation in the epidemiological transition across countries: is it still valuable as a mortality theory? *International Journal of Epidemiology*. 51 (4). pp. 1057–1061. doi: 10.1093/ije/dyab107
7. Mackenbach, J.P. (2022) Omran's 'Epidemiologic Transition' 50 years on. *International Journal of Epidemiology*. 51 (4). pp. 1054–1057. doi: 10.1093/ije/dyab020
8. Moral-Muñoz, J.A. et al. (2020) Software tools for conducting bibliometric analysis in science: An up-to-date review. *Profesional De La información*. 29 (1). doi: 10.3145/epi.2020.ene.03
9. Van Eck, N.J. & Waltman, L. (2010) Software survey: VOSviewer, a computer program for bibliometric mapping. *Scientometrics*. 84 (2). pp. 523–538. doi: 10.1007/s11192-009-0146-3
10. Zhang, J. et al. (2016) Comparing keywords plus of WOS and author keywords: A case study of patient adherence research. *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 67 (4). pp. 967–972. doi: 10.1002/asi.23437
11. Pavlova, I.A. (2023) Postroyeniye karty soprisutstviya klyuchevykh slov po teme "kapital zdorov'YA" v programme VOSviewer [Building a map of the co-presence of keywords on the topic of "health capital" in the VOSViewer program]. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium*. 49 (2). pp. 38–54. doi: 10.18799/26584956/2023/2/1592
12. Tzanakis, M. (2013) Social capital in Bourdieu's, Coleman's and Putnam's theory: empirical evidence and emergent measurement issues. *Educate*. 13 (2). pp. 2–23.
13. Ferlander, S. (2007) The Importance of Different Forms of Social Capital for Health. *Acta Sociologica*. 50 (2). pp. 115–128. doi: 10.1177/0001699307077654
14. Murayama, H., Fujiwara, Y. & Kawachi, I. (2012) Social Capital and Health: A Review of Prospective Multilevel Studies. *Journal of Epidemiology*. 22 (3). pp. 179–187. doi: 10.2188/jea.JE20110128
15. Snelgrove, J.W., Pikhart, H. & Stafford, M. (2009) A multilevel analysis of social capital and self-rated health: Evidence from the British Household Panel Survey. *Social Science & Medicine*. 68 (11). pp. 1993–2001. doi: 10.1016/j.socscimed.2009.03.011
16. Meng, T. & Chen, H. (2014) A multilevel analysis of social capital and self-rated health: Evidence from China. *Health & Place*. 27. pp. 38–44. doi: 10.1016/j.healthplace.2014.01.009
17. Bassett, E. & Moore, S. (2013) Mental Health and Social Capital: Social Capital as a Promising Initiative to Improving the Mental Health of Communities. *Current Topics in Public Health*. IntechOpen, doi: 10.5772/53501
18. Weiss, Y. (2015) Gary Becker on Human Capital. *Journal of Demographic Economics*. 81 (1). pp. 27–31.
19. Grossman, M. (1972) On the Concept of Health Capital and the Demand for Health. *The Journal of Political Economy*. 80. pp. 223–255.
20. Xu P. & Jiang, J. (2020) Individual Capital Structure and Health Behaviors among Chinese Middle-Aged and Older Adults: A Cross-Sectional Analysis Using Bourdieu's Theory of Capitals. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 17 (20). Art. 7369. doi: 10.3390/ijerph17207369
21. Shim, J.K. (2010) Cultural Health Capital: A Theoretical Approach to Understanding Health Care Interactions and the Dynamics of Unequal Treatment. *Journal of Health and Social Behavior*. 51 (1). pp. 1–15. doi: 10.1177/0022146509361185
22. Rasmussen, A.N., Guise, A. & Overgaard, C. (2023) Understanding social inequalities in cardiac treatment through the lens of cultural health capital: a study of Danish socially disadvantaged ischemic heart patients' lived experiences of healthcare interactions. *Social Theory & Health*. 21. pp. 17–32. doi: 10.1057/s41285-021-00173-1

23. Naess, A. (2019) Trust, Cultural Health Capital, and Immigrants' Health Care Integration in Norway. *Sociology*. 52 (2). pp. 297–313. doi: 10.1177/0038038518793371
24. Cobo, M.J. et. Al (2011) An approach for detecting, quantifying, and visualizing the evolution of a research field: A practical application to the Fuzzy Sets Theory field. *Journal of Informetrics*. 5 (1). pp. 146–166. doi: 10.1016/j.joi.2010.10.002
25. Janik, A., Ryszko, A. & Szafraniec, M. (2021) Exploring the Social Innovation Research Field Based on a Comprehensive Bibliometric Analysis. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 7 (4). Art. 226. doi: 10.3390/joitmc7040226
26. Halfon, N. & Hochstein, M. (2002) Life Course Health Development: An Integrated Framework for Developing Health, Policy, and Research. *The Milbank Quarterly*. 80 (3). pp. 433–479. doi: 10.1111/1468-0009.00019
27. Chakraborty, S. & Das, M. (2005) Mortality, Human Capital and Persistent Inequality. *Journal of Economic Growth*. 10 (2). pp. 159–192. doi: 10.1007/s10887-005-1670-5

Информация об авторе:

Павлова И.А. — канд. экон. наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории прикладного сетевого анализа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). Email: iapav@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Pavlova, Cand. Sci. (Economics), senior research fellow, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: iapav@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.11.2023;
одобрена после рецензирования 22.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 07.11.2023;
approved after reviewing 22.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

Научная статья
УДК 364.26
doi: 10.17223/15617793/507/9

Субъективные факторы риска инвалидизации как компонент ухудшения общественного здоровья

Татьяна Владимировна Рогачева¹, Алевтина Викторовна Старшинова^{2,3}

¹ Областной центр реабилитации инвалидов, Екатеринбург, Россия

² Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

³ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ TVRog@yandex.ru

^{2,3} a.v.starshinova@urfu.ru

Аннотация. Выявлены индивидуальные факторы риска инвалидизации клиентов стационарной формы обслуживания, проявляющиеся в реабилитационном процессе (выборочная совокупность n = 2000). Проведен факторный анализ, в котором задано два фактора: «социальный капитал личности» и «факторы риска инвалидизации». К субъективным рискам инвалидизации относятся наличие девиаций как «вредных привычек», формулировка потребности клиентом в начале реабилитации, длительность заболевания, длительность наличия группы инвалидности. Эти факторы приводят к различным рискованным способам поведения, в том числе при взаимодействии со специалистами.

Ключевые слова: общественное здоровье, риски инвалидизации, реабилитационный процесс, результативность реабилитации, взаимодействие со специалистами в реабилитационном процессе

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 24-18-00542 «Экосоциальная модель социального государства в России: концептуальные основы, дискурсы, институты», реализуемого в СПбГУ.

Для цитирования: Рогачева Т.В., Старшинова А.В. Субъективные факторы риска инвалидизации как компонент ухудшения общественного здоровья // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 81–92. doi: 10.17223/15617793/507/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/9

Subjective risk factors of disability as a component of public health deterioration

Tatiana V. Rogacheva¹, Alevtina V. Starshinova^{2,3}

¹ Center for Rehabilitation of the Disabled, Yekaterinburg, Russian Federation

² Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

³ St Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ TVRog@yandex.ru

^{2,3} a.v.starshinova@urfu.ru

Abstract. Despite the decrease in the total number of disabled people in Russia, morbidity rates, including those leading to disability and mortality, are increasing. Many authors emphasize that identifying predictors of disability risk is not only a medical but also a social task. The transition to the social model of disability and the adoption of the theoretical interpretation of the disease as a bio-psycho-social phenomenon allows us to consider the process of disability in dynamics, i.e. through the "internal" procedural mechanisms of disability associated with both the somatic state of the client and those subjective factors that affect the effectiveness of the rehabilitation process, at the time meetings of the client with a specialist who helps in the restoration or correction of the client's condition. The aim of the study is to identify individual risk factors for disability of adult clients, manifested in the rehabilitation process. The object of the study was the clients of the rehabilitation center receiving rehabilitation services in a stationary form. A factor analysis was carried out, in which two factors were identified, called "social capital of the individual" and "risk factors for disability". Statistically significant relationships have been established between such variables as "marital status", "level of rehabilitation potential", "age", "subjective assessment of rehabilitation at the beginning of the process", which allows us to consider social capital as a client's resource. It is shown that variables such as "assessment of material well-being", "clinical diagnosis", "attitude to the disease" are those indicators that worsen the resources of a person with disabilities, thereby becoming a risk of further disability. Subjective risk factors for disability include the presence of deviations as "bad habits", the formulation of the client's need at the beginning of rehabilitation, the duration of the disease, the duration of the presence of a disability group. It is these factors that lead to various risky behaviors, including when interacting with specialists in the rehabilitation process.

Keywords: public health, risks of disability, rehabilitation process, effectiveness of rehabilitation, interaction with specialists in rehabilitation process

Financial support: The article was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00542: The Eco-social Model of the Welfare State in Russia: Conceptual Foundations, Discourses, Institutions, implemented at St Petersburg University.

For citation: Rogacheva, T.V. & Starshinova, A.V. (2024) Subjective risk factors of disability as a component of public health deterioration. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 81–92. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/9

Введение

Описывая факторы, влияющие на состояние общественного здоровья, авторы традиционно выделяют четыре основные группы показателей: показатели медико-демографических процессов; показатели заболеваемости населения; показатели инвалидности населения; показатели физического развития. Так, по данным новосибирских демографов, уже в 2020 доковидном году «избыточная смертность зафиксирована в 82 из 85 субъектов Российской Федерации» [1]. В отчете аналитического центра при Правительстве РФ также подчеркивается, что «высокая смертность отмечена в трудоспособных возрастах, по которой Россия “опережает” не только развитые страны, но и многие развивающиеся»¹. Растет и заболеваемость населения. В отчете Министерства здравоохранения РФ указывается, что «общая заболеваемость населения Российской Федерации в 2022 г. выросла на 3,83%» [2]. Первые позиции занимают болезни органов дыхания, системы кровообращения, костно-мышечной системы и соединительной ткани. Такие серьезные заболевания как инсульты, ишемическая болезнь сердца, инфаркты, злокачественные новообразования, пневмония как следствие COVID-19, бронхиальная астма, хроническая обструктивная болезнь легких, бронхоэктатическая болезнь, тромбоэмболия легочной артерии и другие, а также последствия черепно-мозговых травм и отравлений зачастую приводят к инвалидизации.

По данным статистики на начало 2023 г., в России статус «инвалид» имели 10,9 млн чел., что составляет 7,5% от общей численности населения страны [3]. Несмотря на то, что с 2012 г. общая численность инвалидов в России снижается, проблема ухудшающегося общественного здоровья остается актуальной.

Показатели заболеваемости и инвалидности имеют прямые корреляционные связи. Причем как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях все чаще встречаются оценки риска инвалидности, связанного как с определенными заболеваниями, так и с поведенческими аспектами. А. Лэбиш еще в прошлом веке писал, что практика защиты общественного здоровья всегда носила не столько медицинский, сколько социально-политический характер [4].

В лонгитюдном популяционном когортном исследовании (n = 1 756 чел.) шведских социологов было установлено, что случаи инвалидизации в результате сердечно-сосудистых заболеваний прямо связаны с поведенческими моделями (гиподинамией, отказом от адекватной диеты и пр.) [5]. В других исследованиях прямо указывается на специфические условия труда,

связанные с высоким психологическим риском, которые могут быть фактором повышенного риска инвалидности [6]. В исследованиях московских социологов установлены «значительные гендерные различия в риске инвалидности, в том числе с учетом профессионального и брачного статуса» [7].

Исследовательская проблема и нуждающиеся в изучении в связи с ней вопросы, рассмотренные в статье, определяется следующим противоречием. С одной стороны, многие авторы подчеркивают, что определение предикторов инвалидизации в настоящее время перестает быть предметом медицинских исследований и становится важнейшей социальной проблемой [8]. В научном поле исследований проблем общественного здоровья проявляется позиция, трактующая общественное здоровье через социальное конструирование, что позволяет обеспечить достойное место выявлению и изучению конкретных социальных проблем, связанных с экзогенными факторами общественного здоровья [9]. С другой стороны, как пишут московские организаторы здравоохранения, на данный момент большинство исследователей общественного здоровья, по сути, учитывают лишь биологическую детерминанту снижения, а не саму характеристику общественного здоровья [10]. Кроме того, несмотря на длительные разработки вопроса категоризации понятия «общественное здоровье», которое, как подчеркивают многие исследователи, является междисциплинарным [11–13], единая система индикаторов и методика измерения социального здоровья в настоящее время отсутствуют [14].

Следует обратить внимание и на тот факт, что практически во всех исследованиях риска инвалидизации указываются только статичные данные, без анализа динамики процесса. Такие факторы могут быть исследованы только при постоянном взаимодействии с человеком, имеющим ограничения жизнедеятельности, на основании которых был определен статус «инвалид». Следовательно, ухудшение общественного здоровья определяет актуальность анализа реабилитационного процесса как взаимодействия людей с ограниченными возможностями жизнедеятельности и специалистов, которое может минимизировать риск инвалидизации и способствовать восстановлению и (или) коррекции определенных ограничений жизнедеятельности людей, имеющих статус «инвалид». Такое взаимодействие осуществляется при прохождении человеком с инвалидностью реабилитационного процесса. Поэтому анализ «внутренних» процессуальных механизмов инвалидности, связанных с соматическим состоянием клиента на момент реабилитационного процесса,

предполагает и изучение субъективных факторов, влияющих на реабилитационный процесс. Выявление индивидуальных факторов риска инвалидизации взрослых клиентов, проявляющихся в реабилитационном процессе, составляет цель настоящей статьи.

Методология и методы исследования

Теоретическими основаниями статьи выступают положения теории социального капитала, основы которого заложены в концепции П. Бурдьё. Признавая противоречивость выбранной теории и неоднозначность трактовки социального капитала как основного понятия, для целей нашего анализа принципиальное значение имеет его понимание как совокупности «реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания» [15]. В данной статье под социальным капиталом будет рассматриваться ресурс, облегчающий либо осложняющий реабилитационный процесс. С таких позиций можно принять то определение индивидуального социального капитала, которое дали К. Чарльз и П. Клайн: социальный капитал – товар, который индивиды используют в нерыночных социальных взаимодействиях, чтобы извлечь ценные ресурсы [16]. Такой подход заложен в Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ) к пониманию реабилитационного процесса. Этот международный документ опирается на интеграцию «медицинской» и «социальной» моделей инвалидности и базируется на био-психо-социальной модели здоровья-болезни. В нем отчетливо просматривается отход от классификации «последствий» нарушений функционирования как своеобразного «отголоска» медицинской концепции инвалидности. На первые позиции в документе поставлены «составляющие здоровья», поэтому ресурсы личности образуют основу классификации ограничений жизнедеятельности. При этом в классификации учитывается не только функционирование, но и активность и участие

конкретного индивида, а также анализ различных факторов окружающей среды, помогающих или мешающих этому индивиду справляться со своим состоянием. Предложенный подход позволяет составить всестороннее представление о ситуации инвалида.

Субъективные факторы риска инвалидизации взрослых клиентов реабилитационного процесса выявлялись на основе анализа базы данных Областного центра реабилитации инвалидов Свердловской области с начала 2022 г. по конец 2023 г. ($n = 2\,000$ чел.). Для анализа были отобраны респонденты от 18 лет и старше. Все участники исследования имели статус «инвалид». В период исследования они находились в Центре на стационарной форме обслуживания в течение 14 дней для прохождения комплексной реабилитации.

Методами исследования также были структурированное интервью; наблюдение; психодиагностический инструментарий, в частности методика ТООБЛ [17], цветовой тест отношений А.М. Эткинда [18].

Обработка эмпирических данных проводилась в программе SPSS Statistics (версия 27). Вращение осуществлялось методом ротации (Varimax rotation).

Результаты и обсуждение

Вошедшие в выборку клиенты репрезентативно представляют генеральную совокупность, т.е. всех взрослых людей с инвалидностью: инвалиды I группы составили 7%, инвалиды II группы – 35%, III группы – 58%. Женщины трудоспособного возраста составили преобладающую группу (табл. 1).

Для оценки переменных, влияющих на риск инвалидизации, было выбрано два фактора. Они представлены в матрице факторной структуры переменных в табл. 2. Первый фактор, обозначенный как «социальный капитал», образуют переменные, которые демонстрируют реальную ситуацию клиента в начале реабилитационного процесса. Самый большой вклад в данный фактор внесли переменные: «отношение к болезни» и «реабилитационный потенциал».

Таблица 1

Структура анализируемой выборки исследования

Возрастная группа	Мужчины, кол-во			Женщины, кол-во			Σ (кол-во/%)
	Группа инвалидности			Группа инвалидности			
	I	II	III	I	II	III	
Молодые (до 30 лет)	36	45	50	18	42	49	240 (12%)
Трудоспособного возраста	23	185	155	36	207	334	940 (47%)
Пенсионного возраста (+ 60 лет)	19	122	201	4	113	361	820 (41%)
Всего	836 (42%)			1 164 (58%)			2 000

Таблица 2

Матрица факторной структуры переменных

Переменная	Факторные нагрузки	
	«социальный капитал»	«факторы риска инвалидизации»
Возраст	0,245	0,367
Брачный статус	0,341	
Материальное благополучие (по оценке клиента)	–0,472	
Длительность инвалидности		0,511
клинический диагноз	–0,387	
Группа инвалидности		0,362
Длительность заболевания		0,472

Переменная	Факторные нагрузки	
	«социальный капитал»	«факторы риска инвалидизации»
Реабилитационный потенциал	0,544	
Потребность в реабилитации (запрос клиента)		0,436
Отношение к болезни	-0,632	
Наличие девиаций (курение, пищевые привычки, злоупотребление алкоголем и пр.)		0,528
Оценка «Реабилитация» в начале процесса	0,412	
Оценка «Реабилитация» в конце процесса		0,482
Результативность реабилитации		0,523
Взаимодействие со специалистами в реабилитационном процессе		-0,682

* В матрицу внесены только значимые переменные (при $p \leq 0,05$).

Понятие «отношение» введено в отечественный научный дискурс В.Н. Мясичевым, который считал, что отношения представляют собой целостную систему, которая выражает его личностный опыт и внутренне определяет его действия, его переживания [19]. Данный автор писал, что отношения выступают своеобразной силой, потенциалом, определяющим степень интереса, степень выраженности эмоции, степень напряжения желания или потребность [19]. Поэтому и диагностика отношения к болезни позволяет опираться на три фактора: 1) индивидуальные факторы; 2) клинический диагноз; 3) эмоции.

К индивидуальным факторам личности принято относить возраст, брачный статус и материальное благополучие, которые при проведении факторного анализа имели большие нагрузки с переменной «отношение к болезни» и демонстрируют обратную пропорциональную связь.

На первом месте смешанный тип отношения к своему заболеванию, структура которого принципиально разная в зависимости от возраста и материального благополучия (по субъективной оценке клиента). Так,

среди всех клиентов с таким типом отношения к болезни молодые клиенты составили 11%. Трудоспособные клиенты – 46%, клиенты пенсионного возраста – 43%. Смешанный тип у молодых клиентов чаще состоял из анозогнозического и эргопатического типов (табл. 3). При анозогнозическом типе клиенту свойственно отбрасывать мысли о болезни, о возможных ее последствиях, вплоть до отрицания очевидного, отчетливые тенденции рассматривать симптомы болезни как проявления «несерьезных» заболеваний или случайных колебаний самочувствия [17]. В связи с этим нередко характерны отказ от лечения и реабилитации, желание «разобраться самому» и «обойтись своими средствами», надежда на то, что «само все обойдется» [17]. Эргопатический тип представляет собой «уход от болезни в другие виды деятельности». Характеризуется стремлением сохранить статус, возможностью продолжения активностей как прежде. Практически все молодые люди со смешанным отношением к болезни не имели постоянного партнера или не состояли в брачных отношениях. Они оценивали свое материальное положение как выше среднего.

Таблица 3

Отношение к болезни клиентов в зависимости от пола и возраста, чел.

Тип отношения к болезни	Мужчины			Женщины			Σ
	мол.	труд.	пенс.	мол.	труд.	пенс.	
Смешанный	45	114	121	33	207	180	700 (35%)
Эргопатический	21	47	52	31	87	104	342 (17%)
Анозогнозический	20	62	34	22	122	47	307 (16%)
Диффузный	6	62	9	5	61	49	192
Ипохондрический	2	3	49	-	18	49	121
Сенситивный	8	42	13	4	28	18	113
Тревожный	12	10	36	2	22	14	96
Гармонический	13	15	17	11	26	14	96 (5%)
Другие	4	8	11	1	6	3	33
Всего	836			1164			2000

Примечание. Здесь и в табл. 4 мол. – клиенты молодого возраста, труд. – клиенты трудоспособного возраста, пенс. – клиенты пенсионного возраста.

Среди клиентов трудоспособного возраста смешанный тип отношения к болезни чаще состоял из анозогнозического, сенситивного и тревожного типов. Сенситивный тип отношения к болезни характеризуется «ранимостью, уязвимостью, озабоченностью возможными неблагоприятными впечатлениями, которые могут произвести на окружающих сведения о болезни. Опасениями, что окружающие станут жалеть, считать неполноценным, пренебрежительно или с опаской относиться, распускать слухи и неблагоприятные слухи о причине и природе болезни и даже избегать общения» [17]. Тревожный тип характеризуется «непрерывным беспокойством и мнительностью в отношении

неблагоприятного течения болезни, возможных осложнений неэффективности и даже опасности реабилитации» [17]. Такой смешанный тип представляет собой противоречивую структуру отношения к болезни, свойственную для психической дезадаптации, так как одновременно у человека присутствует желание быть активным, «здоровым» человеком и интрапсихическая направленность личностного реагирования на болезнь, обуславливающая нарушения социальной адаптации, что снижает результативность реабилитационного процесса. Практически все эти клиенты считали уровень своего дохода средним, «как у всех» (68%), либо ниже среднего (32%).

Каждый второй клиент со смешанным отношением к болезни не состоял в браке либо был в разводе, что значительно влияет на актуальное самочувствие. Выявленный факт подтверждается и другими исследованиями. Так, по результатам исследования, проведенного А.Я. Бурдяк и А.О. Тындики, среди инвалидов во всех возрастных группах доля лиц, не состоявших в браке, выше, чем у населения в целом. В наиболее активных брачных возрастах, от 25 до 40 лет, разрыв между всем населением и инвалидами, составляет 33% для мужчин и около 28% для женщин [20].

У клиентов пенсионного возраста смешанное отношение к болезни еще более противоречиво. Обращает внимание факт, что женщин этой возрастной группы с таким отношением к болезни больше, чем мужчин этого возраста. Смешанный тип чаще состоит из эргопатического, сенситивного и ипохондрического типов. Ипохондрический тип отношения к своему состоянию характеризуется сосредоточением на субъективных болезненных и иных неприятных ощущениях. Для них характерно стремление постоянно рассказывать о них специалистам и окружающим, преувеличение действительных и выискивание несуществующих болезней и страданий, преувеличение неприятных ощущений в связи с побочными действиями лекарств и реабилитационных процедур. Они отличаются сочетанием желания лечиться и неверием в успех, постоянных требований тщательного обследования у авторитетных специалистов и боязни вреда и болезненности процедур. Практически все клиенты в данной возрастной группе рассматривают свое материальное благополучие как ниже среднего и низкое. Большинство из них (63%) разведены, остальные находятся в брачных отношениях (имеют постоянного партнера).

На втором месте – эргопатический тип, причем прослеживается тенденция к уменьшению данного отношения к своему состоянию в зависимости от возраста. Если среди молодых клиентов таких 15%, среди клиентов трудоспособного возраста – 39%, то среди клиентов пенсионного возраста 46%, причем среди женщин трудоспособного возраста в два раза больше, что можно интерпретировать как необходимость женщине пенсионного возраста сохранять активность в определенных видах деятельности. Иркутские социологи выявили «очевидную тенденцию более низкого уровня вовлеченности в трудовую занятость мужчин пенсионного возраста по сравнению с женщинами, доля населения пенсионного возраста в структуре занятости населения среди мужчин составляет 6,1%, среди женщин – 16,3%» [21]. Многие клиенты пенсионного возраста продолжают работать, что подтверждается и в других исследованиях. Так, по данным И.М. Козиной и И.К. Зангиевой «за последние 10 лет удельный вес занятых в профессиональной деятельности в численности пенсионеров по старости увеличился примерно в 1,5 раза» [22]. Среди других видов деятельности преобладают, по данным Р.Р. Хизбуллиной, среди женщин «ведение домашнего хозяйства (79,3%)», среди мужчин «работа на даче и огороде (57,7%)» [23], несмотря на то, что «после выхода на пенсию их самочувствие скорее ухудшилось (33%), явные ухудшения

видят 12,6%, 28,1% считают, что их физическое состояние осталось неизменным» [23]. На третьем месте «чистое» анозогнозическое отношение к своему состоянию. Такое отношение продиагностировано у 60% клиентов трудоспособного возраста, 26% клиентов, достигших пенсионного возраста, и у 14% клиентов, относящихся к молодежному возрасту.

Достаточно большой процент клиентов трудоспособного возраста (64%) характеризуется диффузным отношением к болезни. Молодые клиенты с таким отношением составляют меньшинство (6%). Данное отношение к болезни, как правило, состоит из противоречивых типов. У клиентов пенсионного возраста структура диффузного типа чаще состоит из анозогнозического, эгоцентрического, сенситивного и меланхолического типов, что осложняет реабилитационный процесс. У людей трудоспособного возраста диффузный тип чаще состоит из эргопатического, тревожного и параноидального типов, у молодых людей – из анозогнозического, тревожного и меланхолического типов. Практически все клиенты с диффузным отношением к своему состоянию считают, что их уровень материального благополучия либо низкий (62%), либо ниже среднего (38%).

Достаточно низкий процент клиентов с гармоническим отношением к своему заболеванию (5%). Они не склонны преувеличивать тяжесть своего состояния. В то же время они не склонны недооценивать тяжесть болезни и стремятся содействовать успеху реабилитации. Среди молодых с таким отношением было выявлено 25%, среди трудоспособных клиентов – 43%, среди людей пенсионного возраста – 32%. Практически все клиенты (94%) с гармоничным отношением к болезни оценили свое материальное состояние как выше среднего. Большинство этих клиентов (89%) состоит в браке либо имеет постоянного партнера (состоит в гражданском браке).

Другими статистически значимыми показателями, определяющими результативность реабилитационного процесса, выступают клинический диагноз и реабилитационный потенциал. Р. М. Войтенко предлагает рассматривать реабилитационный потенциал как структуру биологических (на уровне организма) и личностных факторов, выделяя три уровня: организма, личности и индивида (как члена социальной группы) [24]. Исходя из этого реабилитационный потенциал представляет собой показатель, который на основе комплекса медицинских, социальных и психологических факторов оценивает реальные возможности восстановления нарушенных функций и способностей человека. При этом данная оценка учитывает возможности обратимости и (или) компенсируемости функциональных нарушений. Она включает психологическую готовность клиента к реабилитации, наличие и степень выраженности сопутствующих заболеваний, возможности компенсации патологического процесса при помощи технических средств реабилитации. В то же время такая оценка предусматривает возможность сохранения имеющегося уровня патологического процесса при прогрессирующем течении. Таким образом, реабилитационный потенциал представляет собой своеобразную системную биопсихосоциальную характеристику актуального статуса человека, имеющего инвалидность.

Болезни органов кровообращения в структуре клинических диагнозов, как показал проведенный анализ в ходе исследования, занимают лидирующие позиции. К ним относятся цереброваскулярные болезни, последствия острого нарушения мозгового кровообращения (инсульты), ишемическая болезнь сердца, стенокардия, гипертензивная болезнь сердца, последствия инфаркта миокарда. Как видно из табл. 4, среди клиентов с такими заболеваниями почти половина (43%) – это люди трудоспособного возраста, а 54% – пенсионного. У них в анамнезе, как правило, либо несколько инсультов, либо инфаркт миокарда и инсульт, а также другие коморбидные заболевания (последствия COVID-19, полиартрозы, нарушения психических процессов: энцефалопатии, неврастении и пр.). Было установлено, что переменная «клинический диагноз» и переменная «реабилитационный потенциал» имеют обратно пропорциональную связь (см. табл. 2). Это означает, что реабилитационный потенциал тем ниже, чем хуже соматическое состояние клиента. У клиентов с перечис-

ленными выше нозологическими формами, как правило, реабилитационный потенциал ниже среднего или низкий.

На втором месте – болезни нервной системы (18%), среди которых самыми распространенными являются ДЦП, эпилепсия, полиневропатии, рассеянный склероз, болезнь Паркинсона. Так, среди клиентов молодого возраста (22%) и почти половины клиентов трудоспособного возраста – это последствия ДЦП, у 52% клиентов трудоспособного возраста – рассеянный склероз, у пенсионеров – в основном полиневропатии, дегенеративные болезни центральной нервной системы, поражения отдельных нервов, нервных корешков и сплетений, болезнь Паркинсона. Женщин в этой группе было большинство, тогда как мужчины преобладали в группе пенсионного возраста. Если у клиентов трудоспособного возраста реабилитационный потенциал либо выше среднего, либо высокий, то у клиентов пенсионного возраста преобладает потенциал либо ниже среднего, либо низкий.

Таблица 4

Нозологические формы клиентов в зависимости от возраста и пола, чел.

Нозологическая форма	Мужчины			Женщины			Σ
	Мол.	Труд.	Пенс.	Мол.	Труд.	Пенс.	
Болезни системы кровообращения	7	86	166	6	125	101	491 (25%)
Болезни нервной системы	38	72	52	42	124	37	365 (18%)
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	7	29	63	5	33	183	320 (16%)
Психические расстройства	18	17	13	23	67	65	203
Новообразования	3	2	1	2	118	27	153
Травмы и отравления	27	82	6	2	12	3	132
Болезни эндокринной системы	–	12	9	17	41	16	95
Некоторые инфекционные и паразитические болезни	28	27	–	1	8	–	64
Болезни уха	–	14	19	1	8	13	55
Болезни органов пищеварения	–	4	2	1	21	18	46
Врожденные аномалии (пороки развития)	2	8	–	7	9	1	27
Болезни глаза	–	8	7	–	5	3	23
Болезни органов дыхания	–	1	1	–	6	6	14
Другое	1	1	3	2	–	5	12
Всего	836			1 164			2 000 (100%)

На третьем месте – болезни костно-мышечной системы, которые ограничивают жизнедеятельность 77% клиентов пенсионного возраста и 19% клиентов трудоспособного возраста. У этой подгруппы клиентов чаще имеются поражения межпозвонковых дисков различных отделов позвоночника, сопровождающиеся дорсопатиями и дорсалгиями, сколиозы, кифозы. Среди данной подгруппы клиентов большая часть имеет III группу инвалидности и средний реабилитационный потенциал.

За последние 5 лет постоянно увеличивается количество клиентов с онкологическими заболеваниями. По данным национального медицинского центра радиологии Минздрава РФ, на 2022 г. ««грубый» показатель заболеваемости на 100 тыс. населения России составил 397,9 (доверительный интервал 396,9–398,9), прирост за 10-летний период 12,1%» [25]. Инвалидизирующей данная нозологическая форма стала для 203 тыс. человек в 2022 г. (в 2008 г. – для 170 тыс. человек)². В Свердловской области в 2023 г., по данным

ФБ МСЭ, у 35,6% от всех взрослых (старше 18 лет) клиентов причиной инвалидизации были злокачественные образования. Среди клиентов с новообразованиями, попавшими в выборку, 78% – женщины трудоспособного возраста, как правило, состоящие в браке (имеющие постоянного партнера) и рассматривающие свое материальное положение «как у всех», среднее. Реабилитационный потенциал оценивается либо как выше среднего, либо, у клиентов с I группой инвалидности, – как ниже среднего и низкий.

Увеличивается также и количество клиентов с психическими расстройствами (шизофрения, расстройства личности в зрелом возрасте, аффективные расстройства и пр.), причем большинство из клиентов, проходивших реабилитационный курс, женщины. Так, трудоспособных женщин в 4 раза больше, пенсионного возраста – в 5 раз больше, чем мужчин. В этой группе клиентов реабилитационный потенциал, как правило, низкий. В отношении них вопрос выздоровления (recovery) как завершения патологического процесса

не рассматривается. Скорее, здесь следует говорить о длительной ремиссии, о возникновении «новой нормы для индивида», которая может быть достигнута в реабилитационном процессе.

Стоит подчеркнуть, что отношение к болезни не всегда связано с объективной тяжестью, а зависит от когнитивного и эмоционального компонентов внутренней картины болезни, что является социально обусловленным фактором. Именно такой подход предлагается в МКФ. Данная классификация охватывает все сферы жизнедеятельности индивида и позволяет оценить составные части функционирования (активность, участие, функции и структуры организма), факторы окружающей среды и личностные факторы. К примеру,

возвращаются ли клиенты к работе и нормальному функционированию после инфаркта миокарда зачастую не определяется только биологическими особенностями самого инфаркта. Различия зависят от актуальности любой деятельности для индивида (активность) и направленности этой деятельности (участие). Другими словами, понятие «активность» связано с любой активной деятельностью человека, снижающей ограничения его жизнедеятельности для себя, а «участие» характеризует его возможности при взаимодействии с другими людьми. Отношение к болезни всегда значимо и оказывает влияние и на другие системы отношений человека, в том числе на взаимоотношения со специалистами, значимыми группами (семьей и пр.), с другими клиентами и пр.

Таблица 5

Выбор цвета для конструкта «Реабилитация в начале процесса», соответствующий возрастной группе и уровню реабилитационного потенциала

Возрастная группа	Реабилитационный потенциал		
	Низкий и ниже среднего	Средний	Выше среднего и высокий
Молодые	Серый/синий	Зеленый	Желтый/красный
Трудоспособного возраста	Коричневый	Фиолетовый/зеленый	Зеленый/желтый
Пенсионного возраста (60+)	Синий/черный	Желтый	Красный

Поэтому интересна еще одна переменная, статистически значимая для фактора «социальный капитал». Это результаты методики Цветовой тест отношений А.М. Эткинды. По словам Г. Браэма, «цвета на самом деле не что иное, как «визуализированные ощущения» [26]. Это позволяет интерпретировать ассоциации в соответствии с другими статистически значимыми факторами, в первую очередь, с отношением к болезни и реабилитационным потенциалом.

Л.И. Собчик считает, что данные, полученные с помощью Цветового теста, сопоставимы с индивидуально-типологическим подходом, который согласуется с концепцией целостного многоуровневого понимания личности [27]. В табл. 5 четко прослеживаются ранее выявленные корреляции. Так, молодыми клиентами с низким реабилитационным потенциалом ассоциация реабилитации как серой либо синей может интерпретироваться, согласно Л.И. Собчик, как «сосредоточенность на внутренних проблемах, пассивности» и «усталость» [27], а также как «защитная реакция, ограждение себя от вмешательств» [26]. Другая картина у молодых клиентов со средним потенциалом, которые чаще выбирали зеленый цвет, интерпретируемый как «упорство, самодостаточность» [27]. Молодые люди с высоким реабилитационным потенциалом рассматривали реабилитацию как «стремление действовать и добиваться успеха» (красный) и как «стремление смотреть вперед и надеяться» (желтый) [27].

Клиенты трудоспособного возраста с низким реабилитационным потенциалом чаще ассоциировали реабилитацию с коричневым цветом, который трактуется как «физический дискомфорт» [27]. Клиенты со средним потенциалом ассоциировали реабилитацию с фиолетовым и зеленым цветами, что интерпретируется как «смешанный тип реагирования, обидчивость, недоверчивость» [27]. Клиенты с высоким потенциалом – с зеленым и желтым, что трактуется как «амбициозно-

защитные тенденции, потребность в отстаивании собственных установок, противодействие обстоятельствам, которое носит защитный характер» [27].

Клиенты пенсионного возраста с низким потенциалом чаще выбирали синий и черный цвета. Обычно это диагностируется как «пассивно-протестная реакция, характерная для лиц со склонностью к развитию физических недугов» [27]. У клиентов, имеющих средний, выше среднего и высокий реабилитационный потенциал, преобладали «позитивные» цвета, которые «определяют ведущую тенденцию, придающую определенность эмоционально-динамическому паттерну» [27], чаще желтый и красный цвета. Желтый цвет трактуется как «стремление смотреть вперед и надеяться» [27], красный – как «стремление действовать и добиваться успеха» [27].

Второй фактор был назван «риски инвалидизации», в котором самый большой корреляционный коэффициент оказался у переменной «взаимодействие со специалистами в реабилитационном процессе» ($r = -0,682$). Как справедливо указывала Н.А. Лебедева-Несевря, «социально детерминированный риск здоровью представляет собой объективно существующую, потенциально наблюдаемую и субъективно воспринимаемую вероятность расстройства (нарушения) индивидуального или популяционного здоровья определенной тяжести, связанную с действием социальной макро- и микросреды, возникающую при определенных условиях» [28]. В исследовании обосновывается необходимость перехода от односторонних рисков коммуникаций производителей и реципиентов рисков к успешному субъект-субъектному диалогу. Анализ результатов проведенного нами исследования показал, что качество взаимодействия со специалистами, которые организованы в междисциплинарную команду, обратно пропорционально результативности реабилитационного процесса ($r = 0,523$). Все клиенты, вошедшие

в выборку, были разделены на четыре группы в зависимости от типа взаимодействия со специалистами:

- адекватное (А) (выполняет назначенные специалистами реабилитационные мероприятия, при повторном пребывании в Центре отмечается выполнение рекомендаций, данных в предыдущем заезде);
- противоречивое (Пр.) (выполняет назначения специалиста либо «по настроению», может не прийти на услугу, либо отказывается от реабилитационного мероприятия без уважительной причины);
- конфликтное (К) (постоянно вступает в противоречия со специалистами и другими клиентами, считает, что «лучше знает, какие услуги ему показаны», требует назначения непоказанных ему услуг);

– пассивное (П) (рассматривает пребывание в реабилитационной организации как отдых, возможность для общения, пропускает реабилитационные мероприятия без уважительных причин).

На первом месте адекватное взаимодействие в реабилитационном процессе, которое установлено у 35% клиентов (мужчин – 31%, женщин – 37%). Если среди молодых клиентов адекватно взаимодействовали со специалистами 79%, среди клиентов трудоспособного возраста – 44%, то среди клиентов пенсионного возраста – только 11%. Среди молодых клиентов с адекватным взаимодействием длительность заболевания составила $4 \pm 0,5$ года, а длительность инвалидности – 2 года.

Таблица 6

Распределение типов взаимодействия со специалистами в зависимости от возраста, чел.

Возрастная группа	А		Пр.		К		П.		Σ
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
Молодые	89	101	29	5	4	1	9	2	240
Трудоспособного возраста	146	264	118	36	78	152	21	125	940
Пенсионного возраста (60+)	27	63	97	67	5	56	213	292	820
Итого	262	428	244	108	87	209	243	419	2 000
Всего	690 (35%)		352 (18%)		296 (14%)		662 (33%)		

Таблица 7

Наличие вредных привычек у клиентов в зависимости от типа взаимодействия со специалистами, чел.

Тип взаимодействия	Муж.	Жен.	Σ	Все клиенты данного типа, %
Адекватный	28	32	60	7
Противоречивый	201	101	302	86
Конфликтный	87	147	234	79
Пассивный	213	189	402	61

На втором месте – пассивное взаимодействие, которое выявлено у 33% клиентов (мужчин – 29%, женщин – 36%). Причем возрастная картина противоположна: самый большой процент с пассивным взаимодействием у клиентов пенсионного возраста – 76% от всех клиентов данной возрастной группы, трудоспособного возраста – 22%, минимальный процент – 2% среди клиентов молодого возраста. Среди клиентов пенсионного возраста длительность заболевания составила $30 \pm 0,8$ лет, длительность инвалидности – $21 \pm 0,4$ года.

Среди клиентов с противоречивым типом взаимодействия больше всего клиентов с I группой инвалидности, диффузным отношением к своему состоянию и выраженной болевой симптоматикой, связанной с заболеванием клиента.

Серьезный вклад во второй фактор внесла переменная «наличие девиаций» ($r = 0,528$). Нахождение в реабилитационном учреждении позволяет выявить наличие вредных привычек у клиентов, не обращаясь к опросам и анкетированию, с помощью наблюдения. Результаты представлены в табл. 6.

Больше всего клиентов с вредными привычками среди тех, кто относился к реабилитационному процессу противоречиво (86%), на втором месте – конфликтные клиенты (79%) на третьем – клиенты, пассивно относящиеся к реабилитации (61%). Самая малочисленная группа клиентов, в которой преобладает курение, – адекватно относящиеся к реабилитационному процессу (7%).

Курение – наиболее частая вредная привычка у клиентов, причем многим клиентам данная привычка противопоказана по состоянию здоровья. Курящими были отмечены почти половина клиентов, среди которых 30% – женщины.

Достаточно много клиентов с вредными пищевыми привычками (переедание, злоупотребление сладким, жирным и пр.), большинство из которых – женщины с пассивным типом взаимодействия со специалистами. Как установлено в исследовании белгородских медиков, «нерационально питание признано неудовлетворительным... пищевое поведение взаимосвязано не только с жалобами на здоровье, но и с показателями тревожности, астении и агрессии» [29], что подтверждено и в нашем исследовании.

Встречались клиенты, которые в течение реабилитационного процесса злоупотребляли алкогольными напитками. Это в первую очередь конфликтные клиенты и клиенты с противоречивым типом, причем женщин, употреблявших алкоголь в течение реабилитационного процесса в данных подгруппах – 23%.

Запросы клиентов зачастую выступают диагностическим показателем, влияющим на результативность реабилитационного процесса. Результативность реабилитации и взаимодействие со специалистами прямо связаны с переменной «потребность в реабилитации (запрос клиента)», причем структура запросов разная у клиентов с улучшением состояния после реабилитации и у клиентов без улучшения состояния.

Таблица 8

Запросы* клиентов стационарной формы обслуживания, формулируемые при заезде в зависимости от результативности, чел.

Запрос	Улучшение			Без изменений		
	Муж.	Жен.	Σ	Муж.	Жен.	Σ
Полечиться, поправить здоровье	88	240	328	135	203	338
Конкретный запрос на реабилитацию	233	279	512	11	31	42
Восстановиться после ОНМК	79	69	148	6	1	7
Укрепить организм, физическая активность	118	75	193	49	9	58
Снять болевой синдром	38	44	82	16	40	56
Отдохнуть	–	4	4	21	22	43
Получить психологическую помощь (улучшить сон, улучшить эмоциональное состояние, улучшить память и пр.)	19	79	98	3	29	32
Пообщаться	–	–	–	18	19	37
Другое (расслабиться, позаниматься творчеством, познакомиться, поездить на экскурсии и пр.)	–	3	3	2	17	19
Итого	575	793	1 368	261	371	632

* У одного клиента может быть несколько запросов.

На первом месте у всех клиентов – запрос на лечение, который высказали 33% всех клиентов. Причинами такого большого процента запроса клиентов на лечение в учреждении социальной направленности выступают следующие тенденции современной медицины.

1. Современные медицинские технологии и техники делают практически невозможным для современного врача стать сострадательным. Это связано с тем, что субъективные, личностные переживания пациентом болезни являются менее информативными по сравнению с объективными данными медицинских исследований. Кроме того, существующие медицинские протоколы не позволяют пообщаться с пациентом, выслушать его.

2. Доверие к конкретному врачу снижается и в связи с прогрессирующим дроблением врачебной профессии на множество специальностей, формирующих специфическое мировоззрение врача каждой из них. Углубляющаяся профессиональная дифференциация не способствует восприятию врачом пациента как единого целого – пациента и болезни, которую необходимо лечить вместе с самим человеком. Тем самым нарушается принцип «лечить больного, а не болезнь».

3. Проблема противостояния «врач – пациент» приобретает актуальный характер. Развивается своеобразный социальный конфликт, выходящий по содержанию за рамки изначально определенной, специальной сферы отношений.

4. Со стороны клиента – озабоченность собственным здоровьем, стремление укрепить его любыми доступными средствами при частой недоступности медицинской помощи, особенно в местах проживания в области.

На втором месте у клиентов с улучшением состояния (37%) обозначился конкретный запрос на реабилитацию. Большая часть таких клиентов относится к молодому и трудоспособному возрасту со II и III группой

инвалидности. Запросы адекватны и прямо связаны с реабилитационным процессом. Например, клиентка с рассеянным склерозом хотела «улучшить равновесие». Клиент после черепно-мозговой травмы с нарушениями речи хотел «позаниматься с логопедом». Клиент с последствиями ОНМК – «улучшить функционирование правой руки» и пр. Клиентов без улучшения состояния после реабилитации, которые могли сформулировать конкретный запрос, было намного меньше – 6%. Однако их запросы не соответствовали возможностям Центра. Так, примерами таких запросов выступают следующие пожелания в адрес специалистов: женщина с диагнозом «доброкачественное образование головного мозга, эпилепсия» хотела бы «встать на ноги», мужчина – «встать с коляски» при диагнозе «ДЦП с пlegией нижних конечностей», что означает полное отсутствие произвольных движений, обусловленное слабостью мышц и связанное с нарушением их иннервации. Женщины часто хотят похудеть за 14 дней реабилитации или научиться плавать.

На третьем месте у клиентов с улучшением состояния – желание «укрепить организм, позаниматься физкультурой», выявленное у 14%, среди которых большинство (61%) – мужчины. Потребность клиентов в укреплении организма, в физической активности связана с недоступностью, даже в областном центре, о которой говорят многие клиенты. Среди клиентов без улучшения состояния данный запрос на втором месте (у 10%). Мужчины с такой потребностью составляют большинство (85%).

На третьем месте у клиентов без улучшения состояния запрос на минимизацию болевой симптоматики 9%. В эту подгруппу вошли в основном женщины пенсионного возраста с III группой инвалидности – 61%.

Таблица 9

Выбор цвета для конструкта «Реабилитация в конце процесса» в зависимости от возрастной группы, реабилитационного потенциала и результативности реабилитационного процесса (чаще выбираемые цвета)

Возрастная группа	Реабилитационный потенциал					
	низкий и ниже среднего		средний		выше среднего и высокий	
	Улучшение	Без изменений	Улучшение	Без изменений	Улучшение	Без изменений
Молодые	Синий	Серый	Красный	Красный	Желтый	Синий
Трудоспособного возраста	Зеленый	Коричневый	Красный	Коричневый	Зеленый/красный	Синий
Пенсионного возраста (60+)	Желтый	Черный/серый	Желтый	Серый	Зеленый/желтый	Серый

Переменная «реабилитация в конце процесса» также коррелирует с показателями «реабилитационный потенциал», «возраст» и «результативность» ($r = 0,482$). Обращает внимание изменение ассоциативных предпочтений у клиентов с улучшением состояния после реабилитации. Так, у всех клиентов с улучшением состояния, даже у молодых клиентов с низким реабилитационным потенциалом, преобладают «позитивные» цвета, которые интерпретируются как «спокойствие, удовлетворенность» (синий), «стремление к самоутверждению» (зеленый), «стремление действовать и добиваться успеха» (красный), «смотреть вперед и надеяться» (желтый) [27]. У клиентов без изменения состояния после реабилитации вне зависимости от уровня реабилитационного потенциала преобладают цвета, которые «отражают вынужденную охранительную реакцию на невозможность реализации первичных потребностей» [27]. Так, выбор коричневого цвета отражает «проблему тревожности с соматической окраской» [27], серого цвета – «временную усталость или астению как длительное состояние» [27], черный – «негативное отношение к ситуации» [27]. Выбор синего цвета клиентами молодого и трудоспособного возраста с высоким и выше среднего потенциалом трактуется как «пассивность, склонность к пессимистичности, тревожность» [27], красного цвета кли-

ентами трудоспособного возраста со средним реабилитационным потенциалом – как «импульсивность, агрессивные высказывания и поступки» [27].

Заключение

Поведение человека, имеющего ограничения жизнедеятельности и статус «инвалид», рассмотрено с точки зрения отношения к своему состоянию в «реальном времени», в ситуации прохождения курса реабилитации. Выявлены статистически значимые показатели, влияющие на ухудшение соматического и психологического состояния человека и, следовательно, выступающие предикторами дальнейшей инвалидизации. К факторам риска инвалидизации отнесены как объективные, достаточно известные показатели (возраст, низкий уровень дохода, длительность заболевания и инвалидности, наличие различных вредных привычек), так и субъективные показатели, среди которых самыми значимыми являются отношение к болезни и реабилитационный потенциал, которые неадекватны клиническому состоянию клиента, потребность в реабилитации, сформулированная самим клиентом, отсутствие результативности курса реабилитации и тип взаимодействия со специалистами в реабилитационном процессе.

Примечания

¹ Об итогах работы Министерства здравоохранения Российской Федерации в 2022 году и задачах на 2023 год. М. : Министерство здравоохранения РФ, 2023. 242 с.

² См.: URL: http://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pi_1.3.xlsx

Список источников

1. Горошко Н.В., Пацала С.В. Избыточная смертность в период пандемии COVID-19: регионы России на фоне страны // Социально-трудовые исследования. 2022. № 46 (1). С. 103–116. doi: 10.34022/2658-3712-2022-46-1-103-116
2. Цели устойчивого развития ООН и Россия / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. М. : Аналитический центр при Правительстве РФ, 2016. 298 с.
3. Щербакова Е.М. Инвалиды в России, 2023 год // Демоскоп Weekly. 2023. № 989–990. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2023/0989/barom01.php>
4. Labish A. History of public health – history in public health: Looking back and looking forward // Social History of Medicine. 1998. Vol. 11, № 1. P. 1–13.
5. Heiland E.G., Welmer A., Wang R., Santoni G., Fratiglioni L. Cardiovascular Risk Factors and the Risk of Disability in Older Adults: Variation by Age and Functional Status // Journal of the American Medical Directors Association. 2019. № 20 (2). P. 208–212.
6. Leineweber C., Marklund S., Aronsson G., Gustavsson K. Work-related psychosocial risk factors and risk of disability pension among employees in health and personal care: A prospective cohort study // International Journal of Nursing Studies. 2019. № 93. P. 12–20. URL: 10.1016/j.ijnurstu.2018.10.009
7. Кучмаева О.В., Калмыкова Н.М., Колотуша А.В. Оценка риска стать инвалидом в России: опыт моделирования по данным лонгитюдного выборочного исследования // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 4. С. 108–148.
8. Герасимова Л.И., Викторова Л.В., Денисова Т.Г. Медико-социальные факторы риска болезней системы кровообращения // Общественное здоровье и здравоохранение. 2012. № 2. С. 36–39.
9. Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 119–141.
10. Васильева Т.П., Ларионов А.В., Русских С.В., Зудин А.Б., Васюнина А.Е., Васильев М.Д. Методические подходы к измерению общественного здоровья как медико-социального ресурса и потенциала общества // Здоровье населения и среда обитания. 2022. Т. 30, № 11. С. 7–15. doi: 10.35627/2219-5238/2022-30-11-7-15
11. Шевченко О.М., Штофер Л.Л. Общественное здоровье как ресурс стабильного развития российского социума: риски и угрозы // Caucasian Science Bridge. 2022. № 5 (2). С. 30–40. doi: 10.18522/2658-5820.2022.2.2
12. Еремина М.Г., Шигаев Н.Н., Кром И.Л., Еругина М.В., Власова М.В. Социальные риски здоровью детского населения в России: региональный контекст (обзор) // Саратовский научно-медицинский журнал. 2021. № 17 (1). С. 67–70.
13. Нечаев В.С., Петрова И.А. К методологии изучения организационных технологий здоровьесбережения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. № 28 (6). С. 1326–1332. doi: 10.32687/0869-866X-2020-28-6-1326-1332
14. Дементьева И.Н. Социальное здоровье в контексте российских и региональных потребительских трендов // Society and security insights. 2019. Т. 2, № 2. С. 90–106.
15. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.
16. Charles K.K., Kline P. Relational costs and the production of social capital: evidence from carpooling. Cambridge, 2002. 55 p.
17. Вассерман Л.И., Иовлев Б.В. Психологическая диагностика отношения к болезни. СПб. : Из-во СПб НИПИ им. В.М. Бехтерева, 2005. 32 с.

18. Эткинд А.М. Цветовой тест отношений (ЦТО) // Общая психодиагностика. СПб. : Речь, 2006. С. 221–227.
19. Мясичев В.Н. Психология отношений. Москва : Институт практической психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1995. 356 с.
20. Бурдяк А.Я., Тындык А.О. Социальное положение инвалидов: проблема одиночества // Народонаселение. 2016. С. 26–37.
21. Карпикова И.С., Басва О.Н. Трудовая занятость пожилых россиян: характеристика тенденций и возможностей реализации // Социодинамика. 2021. № 6. doi: 10.25136/2409-7144.2021.6.35924
22. Козина И.М., Зангиева И.К. Государственное и рыночное регулирование трудовой активности пенсионеров // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16, № 1. С. 7–22.
23. Хизбуллина Р.Р., Алимова О.В. Формы досуговой деятельности пенсионеров как демографической группы: эмпирические результаты // Теория и практика современной науки. 2016. № 9 (15). С. 376–379.
24. Войтенко Р.М. Основы реабилитологии и социальная медицина: концепция и методология. СПб. : МЕДЕЯ, 2007. 192 с.
25. Злокачественные новообразования в России в 2021 году (заболеваемость и смертность) / под ред. А.Д. Каприна, В.В. Старинского, А.О. Шахзадовой. М. : МНИОИ им. П.А. Герцена – филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России, 2022. 252 с.
26. Бразм Г. Психология цвета. М. : АСТ:Астрель, 2011. 158 с.
27. Собчик Л.Н. Метод цветowych выборов. Модификация восьмицветного теста М. Люшера. СПб : Речь, 2010. 128 с.
28. Лебедева-Несевря Н.А. Теория, методология и практика анализа социально детерминированных рисков здоровью населения : автореф. д-ра социол. наук. Волгоград, 2014. 46 с.

References

1. Goroshko, N.V. & Patsala, S.V. (2022) Izbytochnaya smertnost' v period pandemii COVID-19: regiony Rossii na fone strany [Excess mortality during the COVID-19 pandemic: Russian regions against the background of the country]. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya*. 46 (1). pp. 103–116. doi: 10.34022/2658-3712-2022-46-1-103-116
2. Bobylev, S.N. & Grigor'ev, L.M. (eds) (2016) *Tseli ustoychivogo razvitiya OON i Rossiya* [UN Sustainable Development Goals and Russia]. Moscow: Analiticheskiy tsentr pri Pravitel'stve RF.
3. Shcherbakova, E.M. (2023) Invalidy v Rossii, 2023 god [Disabled people in Russia, 2023]. *Demoskop Weekly*. 989–990. [Online] Available from: <http://demoscope.ru/weekly/2023/0989/barom01.php>
4. Labish, A. (1998) History of public health – history in public health: Looking back and looking forward. *Social History of Medicine*. 11 (1). pp. 1–13.
5. Heiland, E.G. et al. (2019) Cardiovascular Risk Factors and the Risk of Disability in Older Adults: Variation by Age and Functional Status. *Journal of the American Medical Directors Association*. 20 (2). pp. 208–212.
6. Leineweber, C. et al. (2019) Work-related psychosocial risk factors and risk of disability pension among employees in health and personal care: A prospective cohort study. *International Journal of Nursing Studies*. 93. pp. 12–20. [Online] Available from: 10.1016/j.ijnurstu.2018.10.009
7. Kuchmaeva, O.V., Kalmykova, N.M. & Kolotusha, A.V. (2020) Otsenka riska stat' invalidom v Rossii: opyt modelirovaniya po dannym longitudoynogo vyborochnogo issledovaniya [Assessing the risk of becoming disabled in Russia: an experience of modeling based on longitudinal sample study data]. *Demograficheskoe obozrenie*. 7 (4). pp. 108–148.
8. Gerasimova, L.I., Viktorova, L.V. & Denisova, T.G. (2012) Mediko-sotsial'nye faktory riska bolezney sistemy krovoobrashcheniya [Medical and social risk factors for circulatory system diseases]. *Obshchestvennoe zdorov'e i zdavoookhranenie*. 2. pp. 36–39.
9. Osipova, N.G. (2016) Sotsial'noe konstruirovaniye obshchestvennogo zdorov'ya [Social construction of public health]. *Vestnik MGU. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 4. pp. 119–141.
10. Vasil'eva, T.P. et al. (2022) Metodicheskie podkhody k izmereniyu obshchestvennogo zdorov'ya kak mediko-sotsial'nogo resursa i potentsiala obshchestva [Methodological approaches to measuring public health as a medical and social resource and potential of society]. *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya*. 30 (11). pp. 7–15. doi: 10.35627/2219-5238/2022-30-11-7-15
11. Shevchenko, O.M. & Shtofer, L.L. (2022) Obshchestvennoe zdorov'e kak resurs stabil'nogo razvitiya rossiyskogo sotsiuma: riski i ugrozy [Public health as a resource for stable development of Russian society: risks and threats]. *Caucasian Science Bridge*. 5 (2). pp. 30–40. doi: 10.18522/2658-5820.2022.2.2
12. Eremina, M.G. et al. (2021) Sotsial'nye riski zdorov'yu detskogo naseleniya v Rossii: regional'nyy kontekst (obzor) [Social risks to the health of children in Russia: regional context (review)]. *Saratovskiy nauchno-meditsinskiy zhurnal*. 17 (1). pp. 67–70.
13. Nechaev, V.S. & Petrova, I.A. (2020) K metodologii izucheniya organizatsionnykh tekhnologiy zdorov'esberezheniya [Towards a Methodology for Studying Organizational Health-Saving Technologies]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdavoookhraneniya i istorii meditsiny*. 28 (6). pp. 1326–1332. doi: 10.32687/0869-866X-2020-28-6-1326-1332
14. Dement'eva, I.N. (2019) Sotsial'noe zdorov'e v kontekste rossiyskikh i regional'nykh potrebitel'skikh trendov [Social Health in the Context of Russian and Regional Consumer Trends]. *Society and Security Insights*. 2 (2). pp. 90–106.
15. Bourdieu, P. (2002) Forms of Capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 3 (5). pp. 60–74. (In Russian).
16. Charles, K.K. & Kline, P. (2002) *Relational costs and the production of social capital: evidence from carpooling*. Cambridge.
17. Vasserman, L.I. & Iovlev, B.V. (2005) *Psikhologicheskaya diagnostika otnosheniya k bolezni* [Psychological diagnostics of attitudes toward illness]. St. Petersburg: Petersburg Psychoneurological Research Institute.
18. Etkind, A.M. (2006) Tsvetovoy test otnosheniy (TsTO) [Color test of relations (CTR)]. In: *Obshchaya psikhodiagnostika* [General psychodiagnostics]. St. Petersburg: Rech'. pp. 221–227.
19. Myasishchev, V.N. (1995) *Psikhologiya otnosheniy* [Psychology of relations]. Moscow: Institute of Practical Psychology; Voronezh: NPO MODEK.
20. Burdyak, A.Ya. & Tyndyk, A.O. (2016) Sotsial'noe polozenie invalidov: problema odinochestva [Social status of persons with disabilities: the problem of loneliness]. *Narodonaselenie*. 2. pp. 26–37.
21. Karpikova, I.S. & Baeva, O.N. (2021) Trudovaya zanyatost' pozhiylkh rossiyan: kharakteristika tendentsiy i vozmozhnostey realizatsii [Labor Employment of Elderly Russians: Characteristics of Trends and Opportunities for Implementation]. *Sotsiodinamika*. 6. doi: 10.25136/2409-7144.2021.6.35924
22. Kozina, I.M. & Zangieva, I.K. (2018) Gosudarstvennoe i rynochnoe regulirovaniye trudovoy aktivnosti pensionerov [State and Market Regulation of Pensioners' Labor Activity]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 16 (1). pp. 7–22.
23. Khizbullina, R.R. & Alimova, O.V. (2016) Formy dosugovoy deyatel'nosti pensionerov kak demograficheskoy gruppy: empiricheskie rezul'taty [Forms of Leisure Activities of Pensioners as a Demographic Group: Empirical Results]. *Teoriya i praktika sovremennoy nauki*. 9 (15). pp. 376–379.
24. Voytenko, R.M. (2007) *Osnovy reabilitologii i sotsial'naya meditsina: kontseptsiya i metodologiya* [Fundamentals of Rehabilitation and Social Medicine: Concept and Methodology]. St. Petersburg: MEDEYA.
25. Karpin, A.D., Starinskiy, V.V. & Shakhzadova, A.O. (eds) (2022) *Zlokachestvennye novoobrazovaniya v Rossii v 2021 godu (zabolevaemost' i smertnost')* [Malignant Neoplasms in Russia in 2021 (Morbidity and Mortality)]. Moscow: Hertsen Medical Research Institute – Branch of the National Medical Research Center of Radiology, Ministry of Health of the Russian Federation.
26. Braem, H. (2011) *Psikhologiya tsveta* [The Power of the Colours]. Moscow: AST: Aстрel'.

27. Sobchik, L.N. (2010) *Metod tsvetovykh vyborov. Modifikatsiya vos'mitsvetnogo testa M. Lyushera* [Method of Color Choices. Modification of the eight-color test by M. Luscher]. St. Petersburg: Rech'.
28. Lebedeva-Nesevrya, N.A. (2014) *Teoriya, metodologiya i praktika analiza sotsial'no determinirovannykh riskov zdorov'yu naseleniya* [Theory, methodology and practice of analyzing socially determined risks to population health]. Abstract of Sociology Dr. Diss. Volgograd.

Информация об авторах:

Рогачева Т.В. — д-р психол. наук, зав. отделением реабилитационной диагностики и мониторинга Областного центра реабилитации инвалидов (Екатеринбург, Россия). E-mail: TVRog@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-1259-7567.

Старшинова А.В. — д-р социол. наук, профессор кафедры социальной работы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); ведущий научный сотрудник факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.v.starshinova@urfu.ru. ORCID: 0000-0001-8804-5681. ResearcherID: Q-1245-2015.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.V. Rogacheva, Dr. Sci. (Psychology), head of the Department of Rehabilitation Diagnostics and Monitoring, Center for Rehabilitation of the Disabled (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: TVRog@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-1259-7567.

A.V. Starshinova, Dr. Sci. (Sociology), professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation); leading research fellow, Faculty of Sociology, St Petersburg University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.v.starshinova@urfu. ORCID: 0000-0001-8804-5681. ResearcherID: Q-1245-2015.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.06.2024;
одобрена после рецензирования 14.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 21.06.2024;
approved after reviewing 14.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 902
doi: 10.17223/15617793/507/10

О параллельных широтных миграциях в Евразии в начале эпохи палеометалла *

Владимир Васильевич Бобров^{1, 2}

¹ Федеральный исследовательский центр угля и углехимии
Сибирского отделения Российской академии наук, Кемерово, Россия

² Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
^{1, 2} bobrov4545@mail.ru

Аннотация. В концепции миграций эпохи палеометалла в Сибирь и Центральную Азию предложено рассматривать переселение народов, которое привело к возникновению окуневской и чемурчекской культур не как автономные явления, а как единый одновременный процесс. Приведены материалы, возрождающие идею северной миграции от Фенноскандии до Среднего Енисея, ранее выраженной в распространении гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. Южный и северный пути передвижения населения с запада на восток были практически одновременными. Сделан вывод о, вероятно, наличии в Восточной Европе общей причины, вызвавшей миграционный процесс.

Ключевые слова: эпоха палеометалла, миграция, окуневская культура, чемурчекская культура, ранние скотоводы, Евразия

Источник финансирования: работа выполнена в рамках государственного задания, проект АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Для цитирования: Бобров В.В. О параллельных широтных миграциях в Евразии в начале эпохи палеометалла // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 93–100. doi: 10.17223/15617793/507/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/10

On the parallel latitudinal migrations in Eurasia at the beginning of the Metal Age

Vladimir V. Bobrov^{1, 2}

¹ Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russian Federation

² Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)
^{1, 2} bobrov4545@mail.ru

Abstract. The historiography of the Eneolithic and Early Bronze Age archaeology attributes the main role to the migration theory in the formation of the archaeological cultures in Siberia and Central Asia. The actual level of archaeological knowledge drives the need to correct the content of migrations in the late 4th – 3rd millennia BC. It especially deals with the second wave of migration of the early breeders from the Eastern European steppes to the East. The issue is connected to the concept of Chemurchek culture origin, which is thought to have emerged in the Late Paleolithic in France, and migration is considered as an autonomous phenomenon. With no reference to the Western European analogies, the absolute dates speak about the simultaneous appearance of Chemurchek culture and cultures of Okunevo type, which emerged as a result of stage migration of Catacomb and Pit culture population. The similarity of archaeological sources shows a relative commonness of Chemurchek and Okunevo cultures. As a consequence, the movement of the population who created Chemurchek culture was a part of a whole migration process of the second wave, which reminds the "resettlement of peoples" as for its nature and composition (according to A.V. Poliakov). Okunevo type cultures include Saensayi culture in Xinjiang province which has a catacomb component. By the end of the 1980-s, the archaeological historiography had the idea of the emergency of assemblages with comb-pit ornamentation in Western Siberia as a result of migration of population from the northern regions of Eastern Europe. A critical study of sources from the Neolithic southern taiga and forest-steppe zones of Western Siberia will allow tracing not only ceramic ware but also the geography of such a specific tool as "krummeisel" used in the Late Neolithic and Eneolithic in Finland and

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

Karelia, less spread in the Baltic countries and the North-East of Russia. The tools of this type found in the Middle Ural, Trans-Ural, Middle Irtysh regions and Kuznetsk hollow, sometimes in assemblages with comb-pit ceramic ware turn us to the theory of the northern migration theory. Russian archaeology has not discussed the Southern and Northern migrations together. It is noticeable that at the chronological level they practically concur, not with the second wave, but with the first one, which led to Afanasievo culture emergence in Sayan-Altai-Khangai Mountains. We can consider the presence of a common reason for migration from Eastern Europe to the East.

Keywords: Metal Age, migration, Okunevo culture, Chemurchek culture, early breeders, Eurasia

Financial support: The work was carried out within the framework of the state assignment, Project AAAAA-A21-121012090006-0: Socio-Cultural Studies and Cross-Border Interaction of Ancient and Medieval Societies in the Contact Zones of Western and Central Siberia.

For citation: Bobrov, V.V. (2024) On the parallel latitudinal migrations in Eurasia at the beginning of the Metal Age. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 93–100. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/10

В археологической науке многие десятилетия обсуждается проблема происхождения культур ранних скотоводов на территории восточных районов Евразийских степей. Она имеет два аспекта: исторический, который заложен в самом понятии «ранние скотоводы», развиваемом в последние годы своей жизнедеятельности Д.Г. Савиновым, и собственно археологический, за которым стоит процесс культурогенеза, начиная от его истоков. Появление первых скотоводов в восточных районах Евразийских степей представляет афанасьевская культура, археологические памятники которой неравномерно распространены на территории Горного Алтая и Минусинских котловин, в Монголии и Западных Саянах. Со времени выделения этой культуры С.А. Теплоуховым по материалам курганных захоронений на территории Среднего Енисея прошло почти 100 лет [1]. И в этом хронологическом пространстве заметное место занимает проблема происхождения культуры в исследованиях разных специалистов.

Научному археологическому сообществу достаточно хорошо известно, что на решение этой проблемы сформировались два подхода: автохтонный и миграционный, представленный значительным кругом единомышленников, среди которых археологи, антропологи, палеогенетики. В этом авторитетном коллективе выделяют два лагеря, приверженцев разных точек зрения об исходной территории миграции ранних скотоводов на восток. Одни специалисты считают, что афанасьевцы пришли со степной восточноевропейской территории без или с указанием принадлежности к ареалу конкретной археологической культуры/общности, в частности, ямной КИО (А.П. Окладников, Н.Я. Мерперт, Э.Б. Вадеева, Г.А. Максименков, Н.Л. Моргунова, А.В. Поляков, А.В. Фрибус, С.В. Цыб, Н.Ф. Степанова и др.). Другая группа придерживается точки зрения о том, что и афанасьевская, и ямная культуры произошли из одного переднеазиатского центра. Движение на север значительного по численности народа изменило направление, достигнув восточноевропейских степей (Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин, И.Н. Хлопин, В.К. Мерц, Д.Г. Савинов).

Независимо от версии о прародине мигрантов специалисты длительное время рассматривали маршрут их движения по казахстанским степям, включая южнорусскую степную зону, где расположены самые северо-восточные памятники ямной культурно-исторической общности [2]. Однако археологически он не

находил подтверждения. Ссылки на отдельные единичные находки создали лишь иллюзию возможности передвижения по степным открытым пространствам. В этой связи интерес представляет концепция Д.Г. Савинова о пути движения ранних скотоводов на восток вдоль предгорий Тянь-Шаня в степные долины Саяно-Алтае-Хангайского нагорья [3. С. 282–290; 4. С. 179–180], которая получила обоснование археологическими источниками, исследованными в последние десятилетия (рис. 1). Особо выделим его точку зрения о том, что передвижение населения носило этапный характер, что в период относительно длительных «остановок» шел процесс формирования новых черт материальной и духовной культуры, в том числе при взаимодействии с обитателями сопредельного окружения. Эта идея чрезвычайно важна в аспекте теории археологической науки.

Д.Г. Савинов высказал мысль о том, что таким же маршрутом шло движение другой волны мигрантов из восточноевропейской степи, которых исследователи связывают с населением катакомбной культуры [5. С. 130–138; 6. С. 14–16]. Конечный пункт этого движения оказался тот же, что и у афанасьевцев – Горный Алтай (каракольская культура) и межгорная Минусинская впадина, где сформировалась окуневская культура. Эта, по мнению автора [7. С. 53–56], вторая волна миграции европеоидного населения привела к формированию на территории Южной Сибири свиты археологических культур: каракольской, чаахольской, окуневской и самусьской. Связь катакомбной культурной традиции, как ведущего компонента в сложении окуневской культуры, обоснована А.В. Поляковым на современном методическом и источниковом уровне [5. С. 131–138].

В связи с миграциями ранних скотоводов с запада на восток принципиальное значение имеет хронология этих демографических и исторических событий. Не касаясь историографии проблемы, отметим современное представление об их временном пространстве, основанное на данных, полученных естественно-научными методами в последние десятилетия. Возникновение афанасьевской культуры на Горном Алтае определено концом IV – первым столетием III тыс. до н.э., а ее существование в степях Среднего Енисея – началом–срединой III тыс. до н.э. [5. С. 89]. Согласно современным данным, начало раннего уйбатского этапа окуневской культуры датировано XXVI в. до н.э. [5. С. 188, 191]. Можно полагать, что миграции разделял интервал в пределах 300–500 лет.

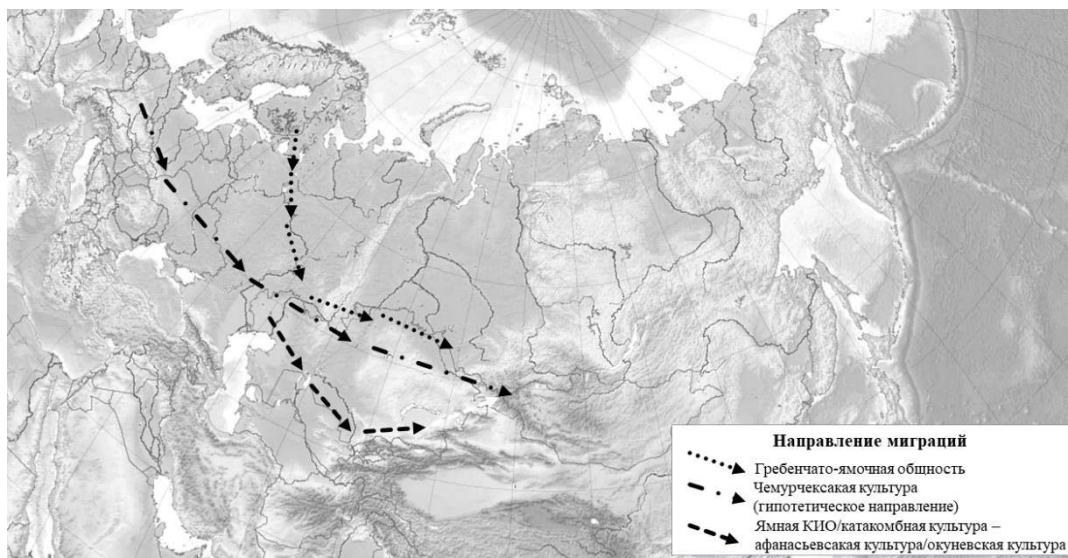

Рис. 1. Направления миграций

На южном широтном направлении миграции в начале эпохи палеометалла можно было бы поставить точку и адресовать специалистов к обширной историографии проблемы в отечественной археологии (см. в качестве примера: [5. С. 47–54; 8]). Но требует оценки высказанная идея происхождения чемурчекской культуры, выделенная сравнительно недавно А.А. Ковалевым, ареал которой включает районы Восточного Казахстана, Монголии и провинции Синьцзян КНР. По его мнению, формирование культуры в пределах обозначенного ареала являлось результатом миграции европеоидного населения с территории Западной Европы, а точнее, современной Франции, на восток в первом столетии III тыс. до н.э. [9, 10].

Однако А.А. Ковалев, насколько мне известно, не приводит маршрут миграции в 6 500 км (по Л.С. Клейну) по просторам Евразии (на рис. 1 предложен гипотетический маршрут). В одной из статей, посвященной происхождению тохарских языков (чемурчекский феномен породил и эту лингвистическую проблему) в приграничных районах Китая, он представил путь переселения по территории Западной Европы – от Бретань-Пуатье до выхода из приальпийского региона на восток [11. С. 55]. Л.С. Клейн не отрицал идею истоков чемурчекской культуры в позднем неолите Франции, но приводил очень важное затруднение в ее признании. Оно сводится к тому, что аналогии чемурчекской культуре не сосредоточены в конкретном районе французской территории, а имеют достаточно обширный ареал. Одновременно предлагает объяснение этому явлению в так называемой «сборной» или «обходной» миграции [12. С. 30]. Но что это за «...самая активная группа населения...», когда от Франции до Швейцарии она добралась за 400–500 лет, согласно радиоуглеродным датам, приведенным А.А. Ковалевым [12. С. 30; 11. С. 55]?

Небезынтересна хронология формирования чемурчекской культуры в восточных районах Евразийских степей – территории завершения миграции. Достаточно значительная серия абсолютных дат памятников

Восточного Казахстана и Монголии, полученных по образцам из них, благодаря целеустремленным исследованиям А.А. Ковалева, позволила ему датировать начало существования чемурчекской культуры XXVI–XXV вв. до н.э. [13. С. 172–186; 14. С. 9–161]. Движение мигрантов на восток после выхода в Центральную Европу он датировал началом (первым–вторым веками) III тыс. до н.э., т.е. в то время, когда на территории Саяно-Алтае-Хангайского нагорья и Минусинских котловин уже существовала культура ранних скотоводов – афанасьевская. А завершение этого миграционного процесса во времени практически совпадает с возникновением окуневской культуры и близкородственных ей культур на территории Южной Сибири.

Являясь сторонником привлечения дальних аналогий в археологической науке, тем не менее, «французские» аналогии чемурчека не убеждают меня в достоверности генетической связи западноевропейской и восточноазиатской археологических культур. Даже при грубом подсчете за время миграции (приведенные специалистами даты) должно было смениться не менее 40 поколений. На мой взгляд, вторую волну миграции европеоидного скотоводческого населения следует не разделять, придавая им окраску феномена, а объединять в единый миграционный процесс, возможно, вызванный какими-то общими причинами. А.В. Поляков, придерживающийся идентичной точки зрения, заметил, что первая волна миграции населения на восток привела к возникновению только одной афанасьевской культуры, как на территории Горного Алтая и Минусинских котловин, так и в западных Саянах, Монголии и Синьцзяне, то вторая – завершилась формированием блока родственных культур, имевших общую мировоззренческую иррациональную основу. Он предполагает возможность, что она носила характер «переселения народов», исходя из некоторой разнородности антропологического и культурогенетического состава новых археологических культур [5. С. 130, 135].

Кроме окуневской культуры катакомбный компонент прослеживается еще в одной археологической культуре Сазньсаи, расположенной по образному выражению А.А. Ковалева, в сердце Азии. Ареал ее памятников связан с провинцией Синьцзян КНР [15. С. 293–306]. Любопытно, что ареал свиты или блока культур, условно назовем их «окуневского типа», за некоторым исключением совпадает с территорией распространения памятников афанасьевской культуры. Полагаю, что это неслучайность.

В таком же временном пространстве, но в более северных широтах Евразии (лесостепь, южные районы тайги от Финляндии и Карелии до Среднего Енисея), существовали культуры или общность культур так называемой гребенчато-ямочной керамики. В западно-сибирской археологии исследование этого историко-культурного явления происходило в соответствии с концепцией о развитии орнаментальных традиций, обоснованной М.Ф. Косаревым на обширных в пространственном, хронологическом и количественном отношении источниках, прежде всего, эпохи бронзы Западной Сибири [16, 17]. До 1980-х гг. М.Ф. Косарев и последователи его концепции считали, что появление этой орнаментальной традиции явилось результатом воздействия или проникновения ее носителей на территорию Западной Сибири с северо-западных регионов Европы. Как и в историографии изучения южной миграции ранних скотоводов, в концепции происхождения гребенчато-ямочной традиции к востоку от Урала можно проследить разные точки зрения на исходную территорию. В.А. Посредников – один из первых исследователей, поднявший рассматриваемую проблему, – полагал появление в Сибири этой орнаментальной традиции из лесной зоны Восточной Европы [18. С. 104]. Близка этой идее точка зрения А.И. Петрова, который связывал гребенчато-ямочные комплексы с европейским севером, но видел компоненты Волго-Камского неолита в екатерининской поздненеолитической культуре Среднего Прииртышья [19. С. 160–161]. Не отрицая участие северных восточноевропейских археологических культур в появлении гребенчато-ямочной орнаментальной традиции на территории Сибири, В.И. Молодин видит в Среднем Поволжье плацдарм, с которого шло проникновение этой традиции за Уральский хребет [20. С. 78; 21. С. 34]. Но более сложной представляется проблема распространения гребенчато-ямочной орнаментальной традиции по сибирскому пространству или, условно говоря, проблема пути внутренней миграции. Решение ее осложняет длительность сохранения этой традиции в таежной зоне Западной Сибири.

Если обратиться к точке зрения М.Ф. Косарева как основоположника концепции орнаментальной традиции, то он полагал, что распространение гребенчато-ямочной орнаментальной традиции шло из таежной зоны, а точнее, вероятно, из районов близких к Уралу, на восток – в Томско-Нарымское Приобье и на юг, заняв лесостепь Западной Сибири. Юго-восточное направление, по его мнению, завершилось в районах Восточного Казахстана [22]. В.И. Молодин высказы-

вает идентичную мысль, считая, что население с гребенчато-ямочной орнаментацией в лесостепное Прииртышье и Барабу пришло с севера и северо-запада [20. С. 48]. В.А. Посредников полагал, что северная граница гребенчато-ямочной керамики находилась в пределах нижнего Приобья. Возражая этой точке зрения, Е.А. Васильев ограничивает распространение этой орнаментальной традиции на севере – Сургутским или средним Приобьем [23. С. 3–12]. Г.П. Визгалов считает, что территория распространения гребенчато-ямочной орнаментальной традиции финального неолита приходится на Ишимо-Иртышское междуречье и Тюменское Притоболье, а в эпоху бронзы ареал смещается к северу в таежную зону [24. С. 47–52]. Научная позиция В.А. Заха на данную проблему выглядит следующим образом. По его мнению, первоначальный ареал гребенчато-ямочной керамики складывается в Притоболье и Приишимье в период среднего неолита. В эпоху раннего металла происходило его расширение в восточном направлении до Енисея, а в северном – до Среднего Приобья, но только в начале II тыс. до н.э. это орнаментальная традиция стала доминирующей на пространстве от Урала (бассейн Конды) до Саяно-Алтая, от Среднего Приобья до казахстанских степей [25. С. 265]. Особое место в историографии изучения проблемы гребенчато-ямочного феномена в древностях Западной Сибири занимает диссертационное исследование Н.Ю. Адамовой, посвященное керамике ранней–развитой бронзы южно-таежного Обь-Иртышья. Используя статистико-комбинаторный метод, предложенный Я.А. Шером, метрические данные гребенчатого орнамента, характеристики его постановки к поверхности сосуда, она получила результаты, которые позволили ей выделить три хронологических этапа в массиве гребенчато-ямочных комплексов и обозначить отличие этой орнаментальной традиции в лесостепной и таежной ландшафтных зонах [26. С. 182–185]. Такой подход был использован впервые при исследовании практически не дифференцируемой орнаментальной композиции. А предложен он был в первой половине 1980-х гг. А.И. Петровым в частном порядке (в том числе он обсуждал его и с автором данной статьи).

Представленный краткий историографический очерк иллюстрирует сложность восстановления пути распространения достаточно оригинальной орнаментальной традиции за Уральским хребтом. Подходить к ее решению с точки зрения хронологии, опираясь на понятия археологической периодизации, нецелесообразно. Поздний неолит таежной зоны Западной Сибири и так называемый энеолит лесостепи этого региона относительно синхронны. Абсолютные даты комплексов более надежные, но требуют критической оценки и проверки, что не всегда удается.

Миграционная концепция не выдержала испытания временем. В какой-то степени на этот процесс оказал воздействие негативный «заряд» в абсолютных датировках археологических комплексов, а также тенденция на удревание периода перехода от эпохи камня к эпохе металла, которая пришлась в основном на вто-

рую половину 1980-х гг. – 1990-е гг. Именно в этот период М.Ф. Косарев изменил свое отношение к миграционной идее. Если в работе 1987 г. он писал, что «представляется наиболее вероятным, что гребенчато-ямочная орнаментация была принесена в Западную Сибирь из Восточной Европы, где она имела глубокие местные корни. Это произошло, скорее всего, на поздних этапах неолита, когда в Восточной Европе начинается отмеченный археологически массовый исход населения с гребенчато-ямочной керамикой из Волго-Окского междуречья в смежные районы. Возможно в конце неолита эта мощная миграционная волна переклестнула Уральский хребет и распространилась на Западно-Сибирскую равнину» [27. С. 315]. Через 10 лет он, не отрицая возможности восточноевропейских импульсов, пришел к выводу о возможном автохтонном происхождении гребенчато-ямочной орнаментации в поздненеолитических культурах Западной Сибири [28. С. 269]. В настоящее время многие специалисты помещают гребенчато-ямочную общность в пределы лесостепной и южно-таежной зон Западной Сибири [29. С. 38–40; 25. С. 34].

В первоначальной концепции, предложенной М.Ф. Косаревым, не был учтен достаточно специфический тип орудий, так называемые когтевидные долотца («круммейсель»), широко представленные в финальном неолите–энеолите Финляндии и Карелии, меньше на территории Прибалтики, а также в северных районах Приуралья. В комплексах они взаимосвязаны с гребенчато-ямочной керамической посудой. До последнего десятилетия прошлого столетия были известны две находки на территории к востоку от Уральского хребта – из стоянки Няшевка II [30] и из случайных сборов, хранящийся в музее г. Томска, с маркировкой местонахождения Западная Сибирь. На Урале одно когтевидное долотце представлено в коллекции из случайных сборов на Шигирском торфянике [31. Рис. 9–3]. Еще одно изделие найдено на территории бассейна р. Конды, на памятнике Большая Умытъя -100 в погребении 2 [32. Рис. 7–3]. Другое изделие происходит из жилища 1 поселения Ир II, расположенного на р. Ишим в Тюменской области. Когтевидное долотце на этом поселении взаимосвязано с гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой и датировано автором раскопок поздним неолитом началом бронзового века [33. С. 45–55]. Семь экземпляров долотца происходят из разных памятников екатерининской культуры в пределах Среднего Прииртышья, таких как поселения Ямсыса XII, Александровка I, Екатериновка I, могильнике Хутор Бор IV. Более того, в екатерининских комплексах они найдены вместе с керамикой, украшенной в гребенчато-ямочной орнаментальной традиции [6. С. 77]. Нахождение долот типа «круммейсель» в памятниках екатерининской культуры снижает вероятность их происхождения в результате обмена. Небезынтересно также то, что А.И. Петров упоминает в екатерининских комплексах деревообрабатывающие

орудия русско-карельского типа, что предполагает обратиться к критическому анализу каменных орудий позднего неолита и ранней бронзы западносибирских памятников.

Местонахождения долот типа «круммейсель» перечислены в последовательности с запада на восток. А.И. Петров первым вписал эти находки в линию миграции и назвал ее параллельной, сославшись на А.П. Окладникова. Поселение Танай-4, расположенное в Кузнецкой котловине, является самым восточным памятником (см. рис. 1), содержащим серию когтевидных долот, но им сопутствует гребенчатая керамика большемысской культуры эпохи энеолита [34. С. 30–32]. Даты, полученные по ^{14}C в лаборатории Германского археологического института и Института геологии СО РАН, указывают на возраст поселения в пределах середины III тыс. до н.э. Образцы из этого памятника без ведома руководителя раскопок, оказавшись у И.В. Ковтуна, дали даты на тысячу лет древнее, что отвечает его концепции [35. С. 33–38]. Находки когтевидных долот вписываются в широтную географию и хронологию гребенчато-ямочных комплексов. Отсутствие этого типа орудий на территории северных районов Западной Сибири, связанных с ареалом гребенчато-ямочной орнаментальной традиции, вероятно, объясняется отсутствием качественного исходного сырья.

Представленные оригинальные нетипичные для западносибирского позднего неолита и ранней бронзы каменные орудия во взаимосвязи с проблемой происхождения гребенчато-ямочной орнаментальной традиции позволяют вернуться к миграционной теории этого археологического явления на рубеже эпох – камня и металла. Небезынтересно то, что в последние десятилетия предложена теория происхождения уральского энеолита на многокомпонентной основе, в которой немаловажное место занимают культурные традиции, исходная территория которых в Северо-Западной и Северной Европе. Среди ведущих признаков – некоторые типы орнаментации керамики (веревочная, ложношнуровая и др.) и мегалитическая традиция [36. С. 46]. Пока этой гипотезе присущи те же недостатки, что и теории французской прародины чумурчекской культуры.

Если версия о проникновении и движении носителей гребенчато-ямочной орнаментальной традиции получит новые подтверждения в результате дальнейших исследований, то можно предполагать, что этот процесс шел параллельно второй волны ранних скотоводов на восток, который привел к формированию свиты культур окуневского типа (окуневской, чаахольской, каракольской, чумурчекской, Сазньсай, самусьской). Не исключено, что на юге и на севере Восточной Европы была общая причина, вызвавшая однозначные исторические и демографические события. По крайней мере эта проблема, вероятно глобального характера, заслуживает внимания и междисциплинарного исследования.

Список источников

1. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Т. IV, вып. 2. Л., 1929. С. 41–62.

2. Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург : ОГПУ, 2014. 347 с.
3. Савинов Д.Г. О динамике расселения первых скотоводов на севере Центральной Азии и в Южной Сибири (афанасьевская модель) // Культура и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения. Томск, 2013. Вып. 3. С. 282–290.
4. Савинов Д.Г. «Ранние скотоводы» эпохи палеометалла восточной части евразийских степей // Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты : материалы V Междунар. симп. «Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты» (Денисова пещера (Алтай, Россия), 19–24 августа 2019 г.). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 174–182.
5. Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб. : Изд-во ИИМК РАН, 2022. 364 с.
6. Лазаретов И.П. К вопросу о ямно-катакомбных связях окуневской культуры // Проблемы изучения окуневской культуры. СПб., 1995. С. 14–16.
7. Бобров В.В. К проблеме миграции европеоидного населения на территорию Южной Сибири в сейминскую эпоху // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 53–56.
8. Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул : Азбука, 2014. 380 с.
9. Ковалев А.А. Чемурачский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2005. С. 178–184.
10. Ковалев А.А. Великая чемурачская миграция из Франции на Алтай в начале III тыс. до н.э. // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. С. 183–244.
11. Ковалев А.А. Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурачский феномен как ключ к решению проблемы тохарской прародины // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями : материалы междунар. научн. конф., посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб. : Изд-во ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 49–57.
12. Клейн Л.С. Происхождение индоевропейцев и археология // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями : материалы междунар. науч. конф., посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб. : Изд-во ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 25–34.
13. Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Зайцева Г.И., Бурова Н.Д. Радиоуглеродное датирование курганов Монгольского Алтая, исследованных Международной Центральноазиатской экспедицией, и его значение для хронологического и типологического упорядочивания бронзового века Центральной Азии // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул : Азбука, 2008. С. 172–186.
14. Ковалев А.А., Самашев З.С., Сунгатай С. Исследование археологических памятников раннего периода бронзового века в Восточном Казахстане // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурачский культурный феномен. Ч. 1: Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб. : Изд-во ЛЕМА, 2014. С. 9–161.
15. Ковалев А.А. Сазысай – новая культура бронзового века восточноевропейского происхождения на Тянь-Шане // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурачский культурный феномен. Ч. II: Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кабдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель. СПб. : Изд-во МИСР, 2015. С. 293–306.
16. Косарев М.Ф. О преемственности традиций в орнаментальном искусстве древнего населения Западной Сибири // Сборник тезисов докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973. С. 230–232.
17. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М. : Наука, 1981. 280 с.
18. Посредников В.А. О культурно-этнической принадлежности поселения Большой Ларьяк II и некоторых других памятников в таежном Приобье // Из истории Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1973. Вып. 7. С. 95–107.
19. Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. Омск : Изд-во ОмГУ, 2014. 348 с.
20. Молодин В.И. Неолит и эпоха бронзы Обь-Иртышского междуречья. Новосибирск : Наука, 1977. 170 с.
21. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
22. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М. : Наука, 1974. 220 с.
23. Васильев Е.А. Гребенчато-ямочная керамика Среднего Приобья // Этнокультурная история Западной Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1978. С. 3–12.
24. Визгалов Г.П. Поселения с гребенчато-ямочной керамикой бассейна Конды // Вопросы археологии Урала. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1988. С. 47–52.
25. Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск : Наука, 2009. 320 с.
26. Адамова Н.Ю. Керамика ранней-развитой бронзы южно-таежного Обь-Иртышья : дис. ... канд. истор. наук. Тобольск, 1996. 242 с.
27. Косарев М.Ф. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М. : Наука, 1987. С. 314–317.
28. Косарев М.Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Неолит Северной Евразии. М. : Наука, 1996. С. 253–269.
29. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.
30. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М. : Наука, 1969. 394 с.
31. Савченко С.Н., Жилин М.Г., Кашина Е.А. Шигирская коллекция случайных находок в собрании Государственного Исторического Музея // Седьмые Берсовские чтения : материалы Российской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург : КВАДРАТ, 2016. С. 316–333.
32. Клементьева Т.Ю., Погодин А.А., Труфанов А.Я. Неолитический могильник Большая Умытъя 100 на севере Западной Сибири: планиграфия, хронология, стратиграфия // Археология Евразийских степей. 2023. № 5. С. 8–22.
33. Косинская Л.Л. Поселение Ир II // Вопросы археологии Урала. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1984. С. 45–55.
34. Бобров В.В. Общая характеристика раннего комплекса поселения Танай-4а // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999. С. 17–35.
35. Ковтун И.В., Онищенко С.С. Абсолютная хронология большемысских древностей северо-восточного Присалаирья // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». Кемерово, 2023. С. 33–38.
36. Григорьев С.А. Миграции и их роль в культурогенезе Евразии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями : материалы междунар. науч. конф., посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб. : Изд-во ИИМК РАН; «Периферия», 2012. С. 40–49.

References

1. Teploukhov, S.A. (1929) Opyt klassifikatsii drevnikh metallicheskih kul'tur Minusinskogo kraia [An attempt to classify ancient metal cultures of the Minusinsk region]. In: *Materialy po etnografii* [Materials on ethnography]. Vol. IV, Is. 2. Leningrad. pp. 41–62.
2. Morgunova, N.L. (2014) *Priural'skaya gruppa pamyatnikov v sisteme volzhsko-ural'skogo varianta yamnoy kul'turno-istoricheskoy oblasti* [The Ural group of monuments in the system of the Volga-Ural variant of the Yamnaya cultural-historical region]. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University.

3. Savinov, D.G. (2013) O dinamike rasseleniya pervykh skotovodov na severe Tsentral'noy Azii i v Yuzhnoy Sibiri (afanas'evskaya model') [On the dynamics of the settlement of the first pastoralists in the north of Central Asia and in Southern Siberia (the Afanasievo model)]. In: *Kul'tura i narody Severnoy i isentral'noy Azii v kontekste mezhdisziplinarnogo izucheniya* [The culture and peoples of Northern and Central Asia in the context of interdisciplinary study]. Vol. 3. Tomsk. pp. 282–290.
4. Savinov, D.G. (2019) ["Early Pastoralists" of the Paleometal Period in the Eastern Part of the Eurasian Steppes]. *Mobil'nost' i migratsiya: konseptsii, metody, rezul'taty* [Mobility and Migration: Concepts, Methods, Results]. Proceedings of the V International Symposium. Denisova Cave (Altai, Russia). 19–24 August 2019. Novosibirsk: IAET SB RAS. pp. 174–182. (In Russian).
5. Polyakov, A.V. (2022) *Khronologiya i kul'turogenez pamyatnikov epokhi paleometalla Minusinskikh kotlovin* [Chronology and Cultural Genesis of Paleometal Period Monuments of the Minusinsk Basins]. St. Petersburg: Institute of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.
6. Lazarev, I.P. (1995) K voprosu o yamno-katakombnykh svyazyakh okunevskoy kul'tury [On the Pit-Catacomb Relations of the Okunev Culture]. In: *Problemy izucheniya okunevskoy kul'tury* [Problems of Studying the Okunev Culture]. St. Petersburg. pp. 14–16.
7. Bobrov, V.V. (1994) K probleme migratsii evropeoidnogo naseleniya na territoriyu Yuzhnoy Sibiri v seyminskuyu epokhu [On the problem of migration of the Caucasoid population to the territory of Southern Siberia in the Seima era]. In: *Paleodemografiya i migratsionnye protsessy v Zapadnoy Sibiri v drevnosti i srednevekov'e* [Paleodemography and migration processes in Western Siberia in antiquity and the Middle Ages]. Barnaul. pp. 53–56.
8. Vadetskaya, E.B., Polyakov, A.V. & Stepanova, N.F. (2014) *Svod pamyatnikov afanas'evskoy kul'tury* [Collection of monuments of the Afanasiev culture]. Barnaul: Azbuka.
9. Kovalev, A.A. (2005) Chemurcheskiy kul'turnyy fenomen: ego proiskhozhdenie i rol' v formirovanii kul'tur epokhi ranney bronzy Altaya i Tsentral'noy Azii [Chemurchek cultural phenomenon: its origin and role in the formation of the cultures of the Early Bronze Age of Altai and Central Asia]. In: *Zapadnaya i Yuzhnaya Sibir' v drevnosti* [Western and Southern Siberia in antiquity]. Barnaul: Altai State University. pp. 178–184.
10. Kovalev, A.A. (2011) Velikaya chemurcheskaya migratsiya iz Frantsii na Altay v nachale III tys. do n.e. [The Great Chemurchek Migration from France to Altai at the Beginning of the 3rd Millennium BCE]. *Rossiyskiy arkhologicheskii ezhegodnik*. 1. pp. 183–244.
11. Kovalev, A.A. (2012) [The Earliest Europeans in the Heart of Asia: The Chemurchek Phenomenon as the Key to Solving the Problem of the Tocharian Homeland]. *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami* [Cultures of the Steppe Eurasia and Their Interaction with Ancient Civilizations]. Proceedings of the International Conference. Book. 2. St. Petersburg: Institute of Material Cultures of the Russian Academy of Sciences, "Periferiya". pp. 49–57. (In Russian).
12. Kleyn, L.S. (2012) [Origin of the Indo-Europeans and Archaeology]. *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami* [Cultures of the Steppe Eurasia and Their Interaction with Ancient Civilizations]. Proceedings of the International Conference. Book. 2. St. Petersburg: Institute of Material Cultures of the Russian Academy of Sciences, "Periferiya". pp. 25–34. (In Russian).
13. Kovalev, A.A. et al. (2008) Radiouglerodnoe datirovanie kurganov Mongol'skogo Altaya, issledovannykh Mezhdunarodnoy Tsentral'noaziatskoy ekspeditsiei, i ego znachenie dlya khronologicheskogo i tipologicheskogo uporyadochivaniya bronzovogo veka Tsentral'noy Azii [Radiocarbon Dating of the Burial Mounds of the Mongolian Altai Investigated by the International Central Asian Expedition and Its Significance for the Chronological and Typological Ordering of the Bronze Age of Central Asia]. In: *Drevnie i srednevekovye kochevniki Tsentral'noy Azii* [Ancient and Medieval Nomads of Central Asia]. Barnaul: Azbuka. pp. 172–186.
14. Kovalev, A.A., Samashev, Z.S. & Sungatay, S. (2014) Issledovanie arkhologicheskikh pamyatnikov rannego perioda bronzovogo veka v Vostochnom Kazakhstane [Study of archaeological sites of the early Bronze Age in Eastern Kazakhstan]. In: *Drevneyshie evropeytsy v serdtse Azii: chemurcheskiy kul'turnyy fenomen* [The earliest Europeans in the heart of Asia: the Chemurchek cultural phenomenon]. Part 1. St. Petersburg: Izd-vo LEMA. pp. 9–161.
15. Kovalev, A.A. (2015) Saen'sai – novaya kul'tura bronzovogo veka vostochnoevropeskogo proiskhozhdeniya na Tyan'-Shane [Saensay – a new Bronze Age culture of Eastern European origin in the Tien Shan]. In: *Drevneyshie evropeytsy v serdtse Azii: chemurcheskiy kul'turnyy fenomen* [The earliest Europeans in the heart of Asia: the Chemurchek cultural phenomenon]. Part II. St. Petersburg: Izd-vo MISR. pp. 293–306.
16. Kosarev, M.F. (1973) O preemstvennosti traditsiy v ornamental'nom iskusstve drevnego naseleniya Zapadnoy Sibiri [On the Continuity of Traditions in the Ornamental Art of the Ancient Population of Western Siberia]. In: *Sbornik tezisov dokladov sessii, posvyashchennoy itogam polevykh arkhologicheskikh issledovaniy 1972 goda v SSSR* [Collection of Abstracts of the Session Dedicated to the Results of Field Archaeological Research in 1972 in the USSR]. Tashkent. pp. 230–232.
17. Kosarev, M.F. (1981) *Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri* [The Bronze Age of Western Siberia]. Moscow: Nauka.
18. Posrednikov, V.A. (1973) O kul'turno-etnicheskoy prinadlezhnosti poseleniya Bol'shoy Lar'yak II i nekotorykh drugikh pamyatnikov v taizhnom Priob'e [On the Cultural and Ethnic Affiliation of the Bolshoy Laryak II Settlement and Some Other Monuments in the Taiga Ob Region]. In: *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Vol. 7. Tomsk: Tomsk State University. pp. 95–107.
19. Petrov, A.I. (2014) *Epokha pozdnego neolita i ranney bronzy v Srednem Priir'tysh'e* [The Late Neolithic and Early Bronze Age in the Middle Irtysh Region]. Omsk: Omsk State University.
20. Molodin, V.I. (1977) *Neolit i epokha bronzy Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [Neolithic and Bronze Age of the Ob-Irtysh Interfluvium]. Novosibirsk: Nauka.
21. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.
22. Kosarev, M.F. (1974) *Drevnie kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya* [Ancient Cultures of the Tomsk-Naryn Ob Region]. Moscow: Nauka.
23. Vasil'ev, A.A. (1978) Grebenchato-yamochnaya keramika Srednego Priob'ya [Comb-Pit Ceramics of the Middle Ob Region]. In: *Etnokul'turnaya istoriya Zapadnoy Sibiri* [Ethnocultural History of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–12.
24. Vizgalov, G.P. (1988) Poseleniya s grebenchato-yamochnoy keramikoy basseyna Kondy [Settlements with comb-pit ceramics of the Konda basin]. In: *Voprosy arkheologii Urala* [Issues of archeology of the Urals]. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 47–52.
25. Zakh, V.A. (2009) *Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ya* [Chronostratigraphy of the Neolithic and early metal of the forest Tobol-Ishim region]. Novosibirsk: Nauka.
26. Adamova, N.Yu. (1996) *Keramika ranney-ravzvoy bronzy yuzhno-taizhnogo Ob'-Irtysh'ya* [Ceramics of the Early Developed Bronze Age of the Southern Taiga Ob-Irtysh Region]. History Cand. Diss. Tobolsk.
27. Kosarev, M.F. (1987) Nekotorye voprosy etnicheskoy istorii Zapadnoy Sibiri [Some Issues of the Ethnic History of Western Siberia]. In: *Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR. Arkheologiya SSSR* [The Bronze Age of the Forest Belt of the USSR. Archaeology of the USSR]. Moscow: Nauka. pp. 314–317.
28. Kosarev, M.F. (1996) Neolit Vostochnogo Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri [Neolithic of the Eastern Trans-Urals and Western Siberia]. In: *Neolit Severnoy Evrazii* [Neolithic of Northern Eurasia]. Moscow: Nauka. pp. 253–269.
29. Molodin, V.I. (2001) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi* [The Sopka-2 Monument on the Om River]. Vol. 1. Novosibirsk: IAET SB RAS.
30. Khalikov, A.Kh. (1969) *Drevnyaya istoriya Srednego Povolzh'ya* [Ancient history of the Middle Volga region]. Moscow: Nauka.
31. Savchenko, S.N., Zhilin, M.G. & Kashina, E.A. (2016) [Shigir collection of random finds in the collection of the State Historical Museum]. *Sed'mye Bersovskie chteniya* [Seventh Bersov Readings]. Conference Proceedings. Yekaterinburg: KVADRAT. pp. 316–333. (In Russian).
32. Klement'eva, T.Yu., Pogodin, A.A. & Trufanov, A.Ya. (2023) Neoliticheskiy mogil'nik Bol'shaya Umyt'ya 100 na severe Zapadnoy Sibiri: planigrafiya, khronologiya, stratigrafiya [Neolithic burial ground Bolshaya Umyt'ya 100 in the north of Western Siberia: planigraphy, chronology, stratigraphy]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey*. 5. pp. 8–22.

33. Kosinskaya, L.L. (1984) Poselenie Ir II [Settlement Ir II]. In: *Voprosy arkheologii Urala* [Issues of Archaeology of the Urals]. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 45–55.
34. Bobrov, V.V. (1999) Obshchaya kharakteristika rannego kompleksa poseleniya Tanay-4a [General characteristics of the early complex of the Tanai-4a settlement]. In: *Problemy neolita-eneolita yuga Zapadnoy Sibiri* [Problems of the Neolithic-Eneolithic in the south of Western Siberia]. Kemerovo. pp. 17–35.
35. Kovtun, I.V. & Onishchenko, S.S. (2023) Absolyutnaya khronologiya bol'shemyskikh drevnostey severo-vostochnogo Prisaial'ya [Absolute chronology of the Bolshemys antiquities of the northeastern Salair region]. In: *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya pisanitsa"* [Scientific notes of the Tomsk Pisanitsa Museum-Reserve]. Kemerovo. pp. 33–38.
36. Grigor'ev, S.A. (2012) [Migrations and their role in the cultural genesis of Eurasia]. *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami* [Cultures of the steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations]. Proceedings of the International Conference. Book 2. St. Petersburg: Institute of Material Cultures of the Russian Academy of Sciences; "Periferiya". pp. 40–49. (In Russian).

Информация об авторе:

Бобров В.В. – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово, Россия); главный научный сотрудник научно-инновационного управления Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: bobrov4545@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Bobrov, Dr. Sci. (History), chief research fellow, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation); chief research fellow, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: bobrov4545@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.07.2024;
одобрена после рецензирования 22.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 02.07.2024;
approved after reviewing 22.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/15617793/507/11

Промышленный переворот в Сибири*

Василий Павлович Зиновьев¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, vpz@tsu.ru*

Аннотация. Изучается эволюция промышленного переворота в Сибири с 1840-х до 1960-х гг. Последовательно рассматриваются отрасли производства, транспорта, коммунального и домашнего хозяйства, захваченные процессом механизации и формирования основных классов индустриального общества – промышленной буржуазии и пролетариата, формирования городов как торгово-промышленных центров индустриального мира.

Ключевые слова: промышленный переворот, технический переворот, формирование пролетариата, промышленная буржуазия

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Зиновьев В.П. Промышленный переворот в Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 101–107. doi: 10.17223/15617793/507/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/11

Industrial revolution in Siberia

Vasily P. Zinoviev¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vpz@tsu.ru*

Abstract. The article is an expanded version of the report at a conference in Novosibirsk in June 2024 on the features of the industrial revolution in Siberia. It examines the main stages of the industrial revolution in Siberia from the 1840s to the 1960s. The branches of production, transport, utilities and household management captured by the process of mechanization and the formation of the main classes of industrial society – the industrial bourgeoisie and the proletariat, the formation of cities as commercial and industrial centers of the industrial world are consistently considered. The author believes that the economic history of the country is interpreted simplistically, the industrial revolution is considered as a rather short period of the 1850s–1890s, while it continued in the country as a whole and in Siberia in the 1830s–1960s. In Siberia, it began with river transport and metallurgy; continued in the manufacturing and mining industries until the 1930s; in construction, in agriculture and utilities, in everyday life until the 1960s at least. As a significant milestone in the modernization of the national economy in Siberia, the author considers the period of the late 19th – early 20th centuries, the time of railways, the beginning of electrification of industries and cities, the victory of machine production in manufacturing industries. The table shows the dates of the introduction of the main transport systems, communications, utilities, electrification of cities – telegraph, telephone, construction of power plants, water pipes, railways, steamship communication, the appearance of trams, buses, trolleybuses, aviation. The peculiarities of the technical revolution in Siberia in comparison with European Russia include its later beginning with steam navigation and metallurgical production; the most important role of the railway, which itself was an act of the industrial revolution and its condition for other sectors of the economy; a large proportion of the use of electric motors and internal combustion engines than steam technology at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. At the turn of the century, Siberia entered the era of the industrial revolution, which ended already in Soviet times. The incompleteness of the transition from the manufacturing stage of the development of the Siberian economy to the factory stage corresponded to the immaturity of the main classes of industrial society – the bourgeoisie and the proletariat. The Siberian bourgeoisie was weak and was included in the financial empires of all-Russian banks; industrial capital was still largely subordinated to commercial capital. The events of the 1917 Revolution and the Civil War interrupted the formation of the regional layer of the bourgeoisie, as well as the entire bourgeoisie of Russia. The working class continued to form permanent staff after the 1917 Revolution. following the mechanization of industries, since only the introduction of machines improved the quality of workers' life in the sectors of the national economy and formed their personnel.

Keywords: industrial revolution, technical revolution, formation of proletariat, industrial bourgeoisie

* Статья является расширенным вариантом доклада на конференции в Новосибирске в июне 2024 г. об особенностях промышленного переворота в Сибири [1].

Financial support: The results were obtained as part of the fulfillment of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FSWM-2024-0008.

For citation: Zinoviev, V.P. (2024) Industrial revolution in Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 101–107. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/11

Промышленный переворот показан в российской истории как краткий сюжет. Начинается он и в советских и современных учебниках в 30-х гг. XIX в. и в 80-х гг. того же века завершается. Наиболее полно итоги изучения промышленного переворота в советский период историографии подвела монография А.М. Соловьевой, в которой промышленный переворот в России автор укладывает в 50–90-е гг. XIX в. [2. С. 268]. Попытка Б.Л. Ципина обратить внимание на сложность и протяженность процесса механизации экономики России осталась незамеченной, так как он, чтобы вписаться в концепцию официальной истории СССР, в которой в начале XX в. якобы созрели предпосылки для социалистической революции, заявил, что показателем завершения промышленного переворота в России является начало пролетарского этапа в освободительном движении, т.е. с середины 90-х гг. XIX в. [3. С. 166–167]. Промышленный переворот (первая модернизация) на самом деле начался в России в первой половине XIX в. с обрабатывающих отраслей и транзитного транспорта и продолжался до 1960-е гг. в добывающей промышленности, сельском хозяйстве, строительном деле, коммунальном и домашнем хозяйстве.

Если обратиться к проблеме промышленного переворота применительно к истории Сибири, то показать ее такой же, как в Российской империи в целом невозможно в силу его значительного отставания во времени. В.А. Скубневский в докладе на Всесоюзной Байкальской исторической школе в июне 1990 г., анализируя состояние изученности этого сюжета истории края, утвердительно ответил на вопрос о техническом перевороте в Сибири XIX в. только в речном судоходстве и в начале XX в. – на железнодорожном транспорте, обратил внимание на противоречивые, иногда противоположные, оценки историками уровня оснащенности машинами различных отраслей промышленности. Он высказал мнение в том, что промышленный переворот вряд ли завершился в Сибири к революции 1917 г. и поставил три задачи, нерешенные, по его мнению, историками: 1. Победило или нет фабричное производство в обрабатывающих отраслях промышленности? 2. Когда начался и когда завершился технический переворот в горнодобывающих отраслях региона? 3. Насколько продвинулась социальная сторона промышленного переворота в Сибири – формирование индустриальных классов – промышленной буржуазии и пролетариата? [4] Отметил он там же и неудовлетворительное освещение этого вопроса в обобщающей книге по истории рабочего класса Сибири [5].

Как решались задачи, которые были обозначены в этом докладе в постсоветской историографии? С первой задачей справился сам В.А. Скубневский. Он собрал и проанализировал все доступные свидетельства о состоянии обрабатывающей промышленности Си-

бири и доказал статистически вывод: «Переход от мануфактуры к фабрике, начавшийся в Сибири в пореформенный период, завершился в основных группах местной обрабатывающей промышленности в первом десятилетии XX в.» Он выяснил, что основную часть продукции промышленности Сибири стали в это время давать фабрично-заводские предприятия [6. С. 71–72]. Наиболее общим критерием перехода на фабричную ступень развития считалось историками тогда, да и сейчас, применение паровых двигателей. Это верно для обрабатывающей промышленности даже в том случае, когда основную работу делают дрожжевые грибки как в винокурении и пивоварении, так как наиболее трудоемкие операции по перемещению ингредиентов совершают паровые насосы. Отметим также, что в первое десятилетие XX в. в сибирской промышленности стала преобладать механическая обработка сельскохозяйственного растительного и животного сырья, а не горная промышленность как в XIX в. В 1910–1913 гг. стоимость продукции пищевых отраслей составила 81,1% суммы производства обрабатывающей промышленности и 54,7% суммы производства всей промышленности Сибири (в пределах Сибирского края 1925 г.) [7. С. 82].

Сложнее обстояла ситуация с механизацией производства в добывающей промышленности Сибири. В.А. Скубневский, ссылаясь на мою статью 1980 г., констатировал переходное состояние отрасли от мануфактуры к фабрике в начале XX в. [8]. Дальнейшие исследования подтвердили этот вывод [9. С. 32–50; 10. С. 20–26; 11. С. 579].

Сложность определения датировки промышленного переворота в горнодобывающих отраслях промышленности в том, что механизация производства в них начинается не с основного, а со вспомогательных процессов: промывки песков (обогащения золотоносной породы), откачки воды, вентиляции и освещения шахт, откатки, подъема из шахт, перевозки горных пород. Главный, наиболее трудоемкий процесс отбойки горной массы – угля, руды, золотоносных песков долгое время не был механизирован и осуществлялся вручную забойщиками в разрезах и шахтах. Золото-промывальные машины были внедрены в производство с 1830-х гг., они были сердцем централизованных мануфактур, какими являлись прииски с хозяйскими работами, но они дали прибавку в производительности труда не более 6–8%, так как земляные работы остались ручными и требовали увеличения числа рабочих, перевозка песков тачками и таратайками также увеличивала число рабочих и лошадей. Это заметил еще Ф.И. Михалевский [12. С. 72].

Замена ручной откатки песков на конную в таратайках дала 25–33% прибавки, а главным ресурсом осталась интенсификация труда забойщиков и возчиков – в три раза с 1830-х до 1890-х гг. [13. С. 73].

Таким образом, некоторый элемент механизации в мануфактуре существовал, но он не произвел революции в производительности труда. Настоящий технический переворот начался в горнодобывающей промышленности Сибири в 80–90-х гг. XIX в. с внедрения гидромониторов, драг в золотопромышленности. Механизмы подняли производительность труда в десятки раз. В 1905 г., по данным горной статистики на приисках с драгами выработка годового рабочего составляла 396 тыс. пудов песка, на приисках с ручной добычей – 15,1 тыс. пудов [13. С. 73].

В 1920–1930-е гг. появились врубовые машины, отбойные молотки, стали широко применяться взрывчатые вещества для отбойки пород в шахтах. Доля механизированной добычи в Кузнецком бассейне выросла с 1,8% в 1928 г. до 43,4% в 1932 г. а к 1937 г. дошла до 95% [14]. Использование электрических отбойных молотков томского ученого К.Н. Шмаргунова произвело революцию в угольной промышленности за счет эффективности, удобства и безопасности инструмента [15]. Можно утверждать, что технический переворот во всей угольной промышленности СССР произошел в 1930-е гг., так как механизация Кузнецкого бассейна не отставала от союзной. Но в советской историографии термины «технический переворот», «промышленная революция», «первая модернизация» применительно к периоду сталинской индустриализации уже не использовались, хотя по сути и были таковыми.

Во второй половине XIX – первой половине XX в. в Сибири и на Дальнем Востоке России произошло изменение роли городов. Из административных, торговых центров они превратились в центры промышленности, транспортные узлы, оснащенные техническими системами связи и коммунального хозяйства. К 1907–1908 гг. число фабричных рабочих было в Томске – 2,9 тыс. чел., Омске – 3,8 тыс., Красноярске – 3,3 тыс., Тюмени – 3,2 тыс., Иркутске – 1,2 тыс., Чите – 2 тыс. [13. С. 40]. К 1915–1917 гг. их стало заметно больше –

Тюмень – 3 783 чел., Курган – 4 200, Омск – 6 159, Томск – 5 200, Новониколаевск – 2 779, Барнаул – 2 250, Бийск – 1 346, Красноярск – 3 630, Иркутск (со станцией Иннокентьевской) – 6 147, Чита – 2 588, Владивосток – 15 тыс. чел. на казенных предприятиях и в порту. Всего же в районе Владивостока было сосредоточено 82,5 тыс. рабочих и служащих [11. С. 606; 16. С. 65].

Сибирь и Дальний Восток связали с центром страны железные дороги. Транссибирский путь (7 150 верст), построенный в 1891–1904 гг., был дополнен Алтайской, Кулундинской, Тюмень-Омской, Кольчугинской, Ачинск-Минусинской ж. д. – 2,3 тыс. верст [17. С. 70]. По рекам Сибири и Дальнего Востока ходили до 1 700 судов, в том числе свыше 440 пароходов и теплоходов. Местные же перевозки еще долго обслуживались гужевым транспортом, для чего действовали 110 верст грунтовых дорог и зимников. Автобусное сообщение стало утверждаться в Сибири и на Дальнем Востоке только в советское время – в 1920–1950-е гг. (таблица). В сельской местности еще в 1960-е гг. гужевой транспорт оставался основным. Я хорошо помню, как в нашем Талиновском лесопункте Парабельского района Томской области появились первый трактор и первый лесовоз на газогенераторной тяге во второй половине 1950-х гг., конный двор функционировал и в 1970-е гг.

Электротранспорт (трамвай) в городах стал строиться в 1930-х гг. в Новокузнецке и Новосибирске, на что ушли деньги Урало-Кузнецкого проекта, в остальных городах лишь в 1940–1950-е гг. (таблица). Исключением был Владивосток, где трамвай запустила в 1912 г. бельгийская фирма на средства городской думы. Надо сказать, что порт Владивосток мог использоваться для благоустройства деньгами казенных ведомств – морского и железнодорожного, а также немалыми средствами местных коммерсантов, технику город мог получать через океан из США, дешевле и быстрее чем из Европы.

Введение в действие технических систем связи, коммунального хозяйства и транспорта в крупных городах Сибири и на Дальнего Востока в XIX–XX вв.

Город	Телеграф	Телефон	Электростанция	Водопровод	Пароходство	Железная дорога	Автобусное сообщение	Трамвай	Троллейбус	Авиационное сообщение
Тюмень	1862 г.	1894 г.	1909 г.	1864 г.	1844 г.	1885 г.	1929 г.	–	1970 г.	1935 г.
Тобольск	1871 г.	1895 г.	1911 г.	1901 г.	1844 г.	1975 г.	1959 г.	–	–	1932 г.
Омск	1862 г.	1904 г.	1921 г.	1915 г.	1860 г.	1894 г.	1924 г.	1936 г.	1955 г.	1932 г.
Семипалатинск	1973 г.	1900 г.	1914 г.	1910 г.	1862 г.	1915 г.	1929 г.	–	–	1929 г.
Новониколаевск (Новосибирск)	1898 г.	1906 г.	1913 г.	1929 г.	1894 г.	1896 г.	1923 г.	1934 г.	1957 г.	1929 г.
Томск	1863 г.	1894 г.	1895 г.	1906 г.	1844 г.	1896 г.	1926 г.	1949 г.	1967 г.	1928 г.
Барнаул	1867 г.	1908 г.	1900 г.	1919 г.	1854 г.	1914 г.	1929 г.	1948 г.	1973 г.	1937 г.
Кемерово	1917 г.	1928 г.	1934 г.	1934 г.	1898 г.	1916 г.	1951 г.	1940 г.	1970 г.	1930 г.
Кузнецк (Новокузнецк)	1888 г.	1929 г.	1932 г.	1930 г.	1898 г.	1919 г.	1931 г.	1933 г.	1978 г.	1952 г.
Красноярск	1863 г.	1891 г.	1912 г.	1913 г.	1882 г.	1895 г.	1934 г.	1958 г.	1959 г.	1942 г.
Иркутск	1864 г.	1888 г.	1910 г.	1906 г.	1844 г.	1898 г.	1940 г.	1946 г.	1970 г.	1928 г.
Верхнеудинск (Улан-Удэ)	1866 г.	1912 г.	1908 г.	1936 г.	–	1899 г.	1926 г.	1958 г.	–	1926 г.
Чита	1893 г.	1896 г.	1906 г.	1907 г.	1864 г.	1899 г.	1947 г.	–	1970 г.	1932 г.
Якутск	1901 г.	1911 г.	1914 г.	1938 г.	1862 г.	–	1934 г.	–	–	1932 г.
Благовещенск	1870 г.	1896 г.	1908 г.	1908 г.	1854 г.	1913 г.	1938 г.	–	1979 г.	1935 г.
Хабаровск	1863 г.	1900 г.	1907 г.	1907 г.	1854 г.	1897 г.	1924 г.	1956 г.	1975 г.	1929 г.
Владивосток	1866 г.	1896 г.	1912 г.	1893 г.	1860 г.	1897 г.	1920 г.	1912 г.	1965 г.	1930 г.
Петропавловск Камчатский	1910 г.	1937 г.	1914 г.	1951 г.	1849 г.	–	1951 г.	–	–	1930 г.

Примечание. Составлено по открытым источникам (краеведческие сайты городов, учреждений, научно-популярные статьи), подробнее см.: [18. С. 87–100; 19. С. 203–209; 20. С. 50–55; 21; 22; 23. С. 95–99; 24].

Телеграф был сооружен через всю Северную Азию для нужд военного ведомства в 60–70-е гг. Телефоны и электрическое освещение начали применять в Сибири и на Дальнем Востоке частные лица и военные в 1880-е гг. В 1890-е гг. городские думы начали изыскивать средства на телефон, освещение и водопровод, часто связанные одним и тем же источником энергии.

К особенностям промышленного переворота в Сибири и на Дальнем Востоке следует отнести более значительную долю применению электродвигателей по сравнению с Европейской Россией. Академик В.В. Алексеев отметил, что в Сибири частные компании в 1905 г. применяли для освещения 247 небольших динамомашинок мощностью в 5,3 тыс. кВт, городские электростанции имели мощность до 7 тыс. кВт, кроме того работали до 40 небольших электростанций. Мощности 6 гидроэлектростанций на Ленских приисках равнялась 2,8 тыс. кВт. Они питали более 100 электромоторов [18]. После революции 1917 г. курс на электрификацию был усилен большевиками.

Первую городскую электростанцию построила в Томске фирма «Технико-промышленное бюро», организованное горным инженером Вячеславом Степановичем Реутовским в 1895 г. Он сумел создать высокодоходное дело: с 1897 по 1913 г. товарищество «Технико-промышленное бюро» получило 625,3 тыс. руб. прибыли, при том, что электрическое освещение стоило дешевле свечного в два раза и чуть дороже керосинового. Стоимость за 12 ч электрического освещения составляла 9,6 коп., керосинового – 7,6 коп., свечного – 20 коп. Электричество для состоятельных граждан было предпочтительней из-за удобства и яркости [25]. Однако дешевизна и автономность керосиновой лампы – до сих пор серьезный аргумент при выборе освещения деревенского или дачного жилья.

Электрические насосы содействовали строительству водопроводов, которые были также сооружены в городах Сибири в основном в конце XIX – начале XX в. Первый водопровод в Тюмени был построен в 1864 г. за счет средств горожан, так как носить воду на коромыслах или возить в бочках было крайне неудобно из-за крутизны берегов Туры [21]. Этот водопровод был уникальным, но примитивным – без очистки воды, только для домашних нужд, маломощный. Его сооружение стоило 25 560 руб. Томский водопровод, запущенный в 1906 г., был сооружен фирмой Бромлей за 800 тыс. руб. Он был предназначен для снабжения населения и учреждений водой, для тушения пожаров и играл роль защитника от эпидемий. Водопровод подавал в год 50 млн ведер воды. Здания этого водозабора до сих пор в деле [26. С. 35–57].

К отраслям производства долгое время технически отсталым в Сибири относилось дорожное дело. Вплоть до 1960-х гг. оно оставалось на кустарном уровне. Главным строителем и ремонтником, как и до революции, оставался крестьянин с лопатой и телегой. Колхозники, как и их предки, выполняли дорожную повинность, равняли грунтовые дороги, засыпали и гатили топи, строили мосты, вооруженные только хлебным паром. Только теперь дороги разбивали не телеги, а автомашины, и этот процесс шел намного быстрее.

В 1960–1970-е гг. в строительные организации стала поступать техника – скреперы, бульдозеры, грейдеры, самосвалы, экскаваторы для ремонта грунтовых дорог. Однако техника была, как правило, поношенная, кадры дорожников из-за низкой зарплаты малоквалифицированными и не держались в строительных организациях. Шоссированных дорог было немного. Редкие дороги были асфальтированы за пределами населенных пунктов.

Индустриальное оснащение дорожников началось в 80-е гг. для строительства асфальтовых и бетонных дорог, железобетонных мостов [27, 28]. Это совершило переворот в пассажирском транспорте региона от водного и авиатранспорта к автобусному сообщению. Ранее отсутствие хороших дорог с 20-х гг. XX в. в Азиатской России компенсировалось авиацией. Верный «кукурузник» АН-2 был универсальным средством доставки пассажиров на короткие расстояния, на средние расстояния летал АН-24. Летом на реках трудились пассажирские пароходы, затем теплоходы и суда на подводных крыльях – «Ракеты», «Метеоры», «Восходы». В 1980–1990-х гг. асфальтированные дороги по большей части оставили не у дел перевозчиков, летавших по воздуху и ходивших по воде. Сейчас теплоходы обслуживают туристов, аэропорты, которые действовали во всех мало-мало крупных населенных пунктах, закрылись.

Лесоразработки, печально знаменитый «лесоповал», также долго оставался уделом ручного труда, в отличие от лесопиления, механизированного еще в XIX в. О техническом состоянии лесной отрасли в Сибири можно судить по списку оборудования треста «Северкузбасслес», составленном в мае 1940 г.: пил двуручных – 2 044, улучшенных пил – 490, лучковых – 2 969, электромоторных – 1, на бензиновом моторе – 2, топоров – 4 980, колунных – 1 461, сучкорубных топоров – 290, станков дровопильных – 3, шпалорезных – 5, крепережных – 8, тракторов «Сталинец» – 32 (в 1980 л. с.), колесных тракторов – 6 (в 90 л. с.), автомобилей ГАЗ-АА – 2 (в 70 л. с.), ЗИС-5 – 16 (в 1 200 л. с.), прочих марок – 3 (в 180 л. с.), паровозов – 2, мотовозов – 4, вагонов – 2, платформ – 37, тракторных саней – 234, тракторных телег – 3, автоприцепов – 26, санных прицепов – 17, трелевочных саней – 482, лебедок – 58, кранов (стрел) – 12, лесотасок – 7, гаражей теплых – 6, прочих – 10, токарных станков – 14, сверлильных – 16, строгальных – 3, прочих – 8, сварочный аппарат – 1, вулканизаторов – 2, количество работников в лесу – 4 503, на лесопилении – 464 [29. С. 81]. Налицо ситуация, схожая с золотопромышленностью и угледобычей: перевозка и переработка леса механизированы, а валка леса, т.е. исходная операция заготовки – ручная, там и работников было в 10 раз больше. Модернизация ручных пил давала некоторый рост выработки, но не решала проблем роста производительности труда в отрасли. Рабочие-стахановцы посвящали лучковым пилам вот такие вирши:

Зимним утром, часов в восемь,
Барак рабочий опустел,
Под ногами лесоруба
Снег холодный закрипел.
Росли быстро кубометры,

Работа кончена была ...

В пять раз нормы перекрыла

Моя лучковая пила [29. С. 70].

Норма составляла 2,44 м³ в смену. Стало быть, стахановец напил за день 12 м³ леса. Бензопилы «Дружба», «Урал», наиболее популярные в СССР, появились только в 1955 г. Норма выработки бензопилы «Урал» составляет от 41 до 94 м³ в семичасовую смену, а с помощником – от 72 до 164 м³ в смену в зависимости от размера хлыста [30]. Таким образом вальщик с бензопилой становился минимум в 15 раз производительней, чем рабочий с лучковой пилой, а средний работник с механической пилой не спеша обходил в три с лишним раза стахановца.

Наиболее сложно механизировать сельскохозяйственное производство. В Сибири были внедрены в некоторой степени в начале XX в. машины по обработке зерна – веялки, молотилки, однако обработка земли, посев, уборка урожая покоилась по-прежнему на примитивной технике и на мускульной силе животных и людей. В регионе был зарегистрирован только один трактор. Преимущество машин перед ручным трудом признавалось, однако мелкотоварное крестьянское хозяйство делало невозможным их применение. Н.Д. Федотов писал в 1928 г.: «Введение в сельское хозяйство механической силы (мотокультура) значительно повышает производительность с.-х. работ. Так, одноконным однокорпусным плугом можно вспахать в рабочий день не более 0,5 га, а двухкорпусным тракторным плугом – 2,5 га. Тракторная рядовая сеялка засеет в день до 8 га. При ручной косьбе 1 рабочий скосит в день около 0,25 га, а при помощи косилки с трактором – до 10 га. При ручной работе 1 жнея сожнет в день 0,2 га, а сноповязалка сожнет и свяжет снопы до 5 га. Работая цепами, 5 человек обмолят в день 10 копен снопов ржи, а тракторная молотилка около 100 копен обмолотит, затем очистит и рассортирует зерно» [31]. Рентабельность применения машин, как показывал опыт США, требовала минимум 30 га на хозяйство. Это было препятствием на пути применения машин в СССР, пока крестьянство не было кооперировано. В растениеводстве промышленный переворот в основном завершился в 1930–1940-е гг., в животноводстве – в 1960-х гг., при этом в сельском хозяйстве до сих пор остается значительная доля ручного труда. Домашний быт был механизирован только в 1960–1980-е гг. в процессе революции массового потребления.

Таким образом, к особенностям технического переворота в Сибири по сравнению с Европейской Россией можно отнести его более позднее начало с пароходства и металлургического производства, важнейшую роль проведения железной дороги, которая сама была актом промышленного переворота и его условием для других

отраслей экономики, большую долю применения электродвигателей и двигателей внутреннего сгорания, нежелезнодорожной техники в конце XIX – начале XX в. На рубеже веков Сибирь вступила в эру промышленной революции, которая завершилась уже в советское время в 60–80-е гг. XX в. Именно в это время изменился стандарт потребления, появился привычный сейчас набор домашних механизмов длительного пользования – холодильники, стиральные машины, телевизоры, радиоприемники, кухонные комбайны и т.д. [10. С. 267–268].

Незавершенности перехода от мануфактурной стадии развития экономики Сибири к фабричной стадии в начале XX в. соответствовала незрелость основных классов индустриального общества – буржуазии и пролетариата. Сибирская буржуазия была слаба и включена в финансовые империи общероссийских банков, промышленный капитал был еще в значительной степени подчинен торговому. События революции 1917 г. и Гражданской войны прервали формирование регионального слоя буржуазии, как и всей буржуазии России.

Что касается формирования пролетариата, то в Сибири преобладали малоквалифицированные, сезонные рабочие. Перепись населения 1897 г. из 305 тыс. учтенных рабочих и прислуги к индустриальной сфере отнесла 90 тыс. работников, из них к работающим на предприятиях фабричного типа – 25–30 тыс. чел. Рабочие и прислуга в Сибири составляли 5,3% населения, вдвое меньше чем в целом по империи. «Они представляли собой пестрый конгломерат, разделенный по национальности, сословности, роду занятий, втянутости в индустриальную сферу. Осознания себя как особого класса населения у многих еще не состоялось» [9. С. 92–99]. К 1917 г. в промышленности Сибири трудились 184 тыс. рабочих, в том числе в горной промышленности – 60 тыс., в обрабатывающей – 124, при том, что только 34 тыс. из них можно отнести к фабрично-заводским, в транспорте и связи насчитывалось 130 тыс. рабочих и служащих, в строительстве – до 30 тыс., на лесных промыслах – 25 тыс., на рыбных промыслах – 15 тыс., в торговой сфере – 44 тыс., в коммунальном хозяйстве – 20 тыс. батраков, в сельском хозяйстве – до 220 тыс. Всего рабочих и служащих в Сибири – до 670 тыс. чел. [10. С. 194] Большая их часть состояла из временных, сезонных работников. Кадры постоянных квалифицированных рабочих все же сложились в горнодобывающей и фабрично-заводской промышленности, на железной дороге, в водном транспорте, учреждениях связи. Доля их по отраслям рознилась. Формирование кадров постоянных квалифицированных рабочих и служащих продолжалось и в 1930–1960-е гг., а в таких отраслях, как лесная промышленность, строительство, сельское хозяйство, кадры сложились в это время.

Список источников

1. Зиновьев В.П. Об особенностях промышленного переворота в Сибири // Индустриальное развитие России: этапы, особенности, перспективы изучения : Всерос. науч. конф., посвященная 95-летию индустриализации в СССР. Новосибирск, 2024. С. 4.
2. Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. / отв. ред. В.И. Бовыкин. М. : Наука, 1990. 269 с.
3. Ципин Б.Л. Некоторые особенности промышленного переворота в России. Свердловск : Средне-Уральское книж. изд-во, 1968. 188 с.
4. Скубневский В.А. Промышленный переворот в Сибири: некоторые итоги и задачи изучения // Материалы Всесоюзной Байкальской исторической школы «история и общество в панораме веков» (19–24 июня 1990 г.). Ч. 1. Иркутск, 1990. С. 82–86.

5. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск : Наука, 1982. 456 с.
6. Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 282 с.
7. К вопросу об индустриализации Сибири / с предисл. М.М. Лашевича ; под общ. ред. А. Тамарина. Новониколаевск : Сибцуп ВСНХ, 1925. X, 91 с., 12 л.
8. Зиновьев В.П. Горная промышленность и формирование горнорабочих (1895–1917 гг.) // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 6–31.
9. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 258 с.
10. Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 336 с.
11. История Сибири. Т. 3. Новое время (конец XVI – начало XX века) / отв. ред. А.Х. Элерт, М.В. Шиловский. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. 812 с.
12. Михалевский Ф.И. Золото как денежный товар. М., 1937. 188 с.
13. Зиновьев В.П. Методы капиталистической эксплуатации рабочих в золотопромышленности России // Из истории буржуазии России. Томск, 1982. С. 47–78.
14. История Кузбасса. Т. II: Кузнецкий край на переломе эпох. Кн. 2: История региона в 1920–1930-х гг. / А.Н. Ермолаев (рук. авт. кол.), А.Ю. Карпинец, Н.М. Морозов, И.Ю. Усков. Кемерово : Кузбасская медиа группа, 2021. 560 с.
15. История отбойного молотка. URL: https://pnevmo.ru/news/istoriya_otboynogo_molotka/?ysclid=Itsuchh6od222400665 (дата обращения: 9.07.2024).
16. Скубневский В.А. Урбанизационные процессы в Сибири второй половины XIX – начала XX в.: избранные статьи. Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2010. С. 296.
17. Андреева Т.И. Частный железнодорожный транспорт Сибири. Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет, 2021. 276 с.
18. Алексеев В.В. Первые электростанции в Урало-Сибирском регионе (к 100-летию плана ГОЭЛРО) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 33. С. 87–100. doi: 10.26516/2073-3380.2020.33.8
19. Морев В.А. Сибирская телеграфная магистраль: к истории строительства (1860–1890-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 203–209. doi: 10.17223/19988613/59/27
20. Кос В.В. Водоснабжение провинциального города на рубеже веков (на примере Томской губернии конца XIX – начала XX вв.) // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (542), т. 1. С. 50–55.
21. История тюменского водопровода. URL: <https://gorod-t.info/culture/istoriya/2120/?ysclid=ly8oqa1tcn965734132> (дата обращения: 10.07.2024).
22. Автограф времени. Камчатка. Люди. События. Факты 1637–1950 : [справ. пособие] / сост. Н.И. Курохтина, И.А. Верхозина, И.В. Шамашова. Петропавловск-Камчатский : Холд. комп. «Новая книга», 2015. 232 с.
23. Исмагилов А.А. Строительство аэропортов на севере Тюменской области в 1950–1970-е гг. на примере г. Сургута // Вестник СурГУ. 2015. Вып. 4 (10). С. 95–99.
24. Первые телеграфисты Дальнего Востока и Сахалина. URL: <https://sakhalin-war.livejournal.com/15894.html?ysclid=lygu85lhmh168145712> (дата обращения: 10.07.2024).
25. Зиновьев В.П. Реутовский // Деловая элита старой Сибири. Новосибирск : Сова, 2005. С. 193–196.
26. Багаева Л.А., Бузанова В.А., Зыкова В.Г., Карих Е.В., Черкашин В.И. От чистого истока. Век томского водопровода / ред. В.П. Зиновьев, А.Ф. Порядин. Томск : ГалаПресс, 2005. 304 с.
27. Андрищенко Б.К., Бузанова В.А., Зиновьев В.П., Зыкова В.Г., Коновалов П.С. История дорожного дела в Томской области / под ред. В.П. Зиновьева. Томск, 1999. 284 с.
28. Багаева Л.А., Зыкова В.Г. Мосты и судьбы. История мостоотряда 101 Томского филиала ОАО «Сибмост». 1943–2013 / ред. В.П. Зиновьев. Новосибирск : Приобские ведомости, 2013. 264 с.
29. Зиновьев В.П., Дмитриенко Н.М., Коновалов П.С. Яйский лесопромышленный. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. 312 с.
30. Лесосенные работы. Нормы выработки на валке леса при работе бензопил МП-5 «Урал-2», «Хускварна» и «Штиль» в смену (смена 7 часов). URL: studfile.net/preview/7515447/page:6/ (дата обращения: 10.07.2024).
31. Федотов Н.Д. Сельскохозяйственное машиностроение и индустриализация СССР // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 133–154.

References

1. Zinov'ev, V.P. (2024) [On the Features of the Industrial Revolution in Siberia]. *Industrial'noe razvitie Rossii: etapy, osobennosti, perspektivy izucheniya* [Industrial Development of Russia: Stages, Features, Study Prospects]. Conference Proceedings. Novosibirsk. pp. 4. (In Russian).
2. Solov'eva, A.M. (1990) *Promyshlennaya revolyutsiya v Rossii v XIX v.* [Industrial Revolution in Russia in the 19th Century]. Moscow: Nauka.
3. Tsipin, B.L. (1968) *Nekotorye osobennosti promyshlennogo perevorota v Rossii* [Some Features of the Industrial Revolution in Russia]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo.
4. Skubnevskiy, V.A. (1990) [Industrial Revolution in Siberia: Some Results and Objectives of Study]. *Istoriya i obshchestvo v panorame vekov* [History and Society in the Panorama of Centuries]. Proceedings of the All-Union Baikal Historical School. 19–24 June 1990. Part 1. Irkutsk. pp. 82–86. (In Russian).
5. Anon. (1982) *Rabochiy klass Sibiri v dooktyabr'skiy period* [The Working Class of Siberia in the Pre-October Period]. Novosibirsk: Nauka.
6. Skubnevskiy, V.A. (1991) *Rabochie obrabatyvayushchey promyshlennosti Sibiri (90-e gg. XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Workers in the Manufacturing Industry of Siberia (1890s – February 1917)]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Tamarin, A. (ed.) (1925) *K voprosu ob industrializatsii Sibiri* [On the Industrialization of Siberia]. Novonikolaevsk: Sibtsup VSNKh.
8. Zinov'ev, V.P. (1980) *Gornaya promyshlennost' i formirovaniye gornorabochikh (1895–1917 gg.)* [Mining industry and formation of miners (1895–1917)]. In: *Promyshlennost' i rabochie Sibiri v period kapitalizma* [Industry and workers of Siberia during the period of capitalism]. Novosibirsk. pp. 6–31.
9. Zinov'ev, V.P. (2007) *Industrial'nye kadry staroy Sibiri* [Industrial personnel of old Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Zinov'ev, V.P. (2009) *Ocherki sotsial'noy istorii industrial'noy Sibiri* [Essays on the social history of industrial Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Elert, A.Kh. & Shilovskiy, M.V. (eds) (2023) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 3. Novosibirsk: IAET SB RAS.
12. Mikhalevskiy, F.I. (1937) *Zoloto kak denezhnyy tovar* [Gold as a monetary commodity]. Moscow.
13. Zinov'ev, V.P. (1982) *Metody kapitalisticheskoy ekspluatatsii rabochikh v zolotopromyshlennosti Rossii* [Methods of capitalist exploitation of workers in the gold mining industry of Russia]. In: *Iz istorii burzhazii Rossii* [From the history of the bourgeoisie of Russia]. Tomsk. pp. 47–78.
14. Ermolaev, A.N. et al. (2021) *Istoriya Kuzbassa* [History of Kuzbass]. Vol. II, Book 2. Кемерово: Kuzbasskaya media gruppа.
15. Pnevmo.ru. (2024) *Istoriya otboynogo molotka* [History of the jackhammer]. [Online] Available from: https://pnevmo.ru/news/istoriya_otboynogo_molotka/?ysclid=Itsuchh6od222400665 (Accessed: 9.07.2024).

16. Skubnevskiy, V.A. (2010) *Urbanizatsionnye protsessy v Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.: izbrannye stat'i* [Urbanization processes in Siberia in the second half of the 19th - early 20th centuries: selected articles]. Barnaul: Altai State University.
17. Andreeva, T.I. (2021) *Chastnyy zheleznodorozhnyy transport Sibiri* [Private railway transport in Siberia]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.
18. Alekseev, V.V. (2020) *Pervye elektrostantsii v Uralo-Sibirskom regione (k 100-letiyu plana GOELRO)* [The first power plants in the Ural-Siberian region (on the 100th anniversary of the GOELRO plan)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*. 33. pp. 87–100. doi: 10.26516/2073-3380.2020.33.8
19. Morev, V.A. (2019) *Siberian Telegraph Line: On History of Construction (1860s–1890s)*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 59. pp. 203–209. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/59/27
20. Kos, V.V. (2013) *Vodosnabzhenie provintsial'nogo goroda na rubezhe vekov (na primere Tomskoy gubernii kontsa XIX – nachala XX vv.)* [Water Supply of a Provincial Town at the Turn of the Century (Based on Tomsk Province in the Late 19th – Early 20th Centuries)]. *Vestnik KemGU*. 2 (542):1. pp. 50–55.
21. Gorod-t.info. (2024) *Istoriya tyumenskogo vodoprovoda* [History of the Tyumen water supply system]. [Online] Available from: <https://gorod-t.info/culture/istoriya/2120/?ysclid=ly8oqa1ten965734132> (Accessed: 10.07.2024).
22. Kurokhina, N.I., Verkhovina, I.A. & Shamashova, I.V. (2015) *Avtograf vremeni. Kamchatka. Lyudi. Sobytiya. Fakty 1637–1950* [Autograph of Time. Kamchatka. People. Events. Facts. 1637–1950]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Khold. komp. "Novaya kniga".
23. Ismagilov, A.A. (2015) *Stroitel'stvo aeroportov na severe Tyumenskoy oblasti v 1950–1970-e gg. na primere g. Surguta* [Construction of airports in the north of Tyumen Oblast in the 1950s–1970s on the example of Surgut]. *Vestnik SurGU*. 4 (10). pp. 95–99.
24. LiveJournal. (2024) *Pervye telegrafisty Dal'nego Vostoka i Sakhalina* [The First Telegraph Operators of the Far East and Sakhalin]. [Online] Available from: <https://sakhalin-war.livejournal.com/15894.html?ysclid=lygu85lhmh168145712> (Accessed: 10.07.2024).
25. Zinov'ev, V.P. (2005) *Reutovskiy*. In: *Delovaya elita staroy Sibiri* [Business Elite of Old Siberia]. Novosibirsk: Sova. pp. 193–196.
26. Bagaeva, L.A. et al. (2005) *Ot chistogo istoka. Vek tomskogo vodoprovoda* [From a Clean Source. The Century of Tomsk Water Supply]. Tomsk: GalaPress.
27. Andryushchenko, B.K. et al. (1999) *Istoriya dorozhnogo dela v Tomskoy oblasti* [History of road construction in Tomsk Oblast]. Tomsk.
28. Bagaeva, L.A. & Zykhova, V.G. (2013) *Mosty i sud'by. Istoriya mostootryada 101 Tomskogo filiala OAO "Sibmost". 1943–2013* [Bridges and destinies. History of bridge crew 101 of the Tomsk branch of Sibmost OJSC. 1943–2013]. Novosibirsk: Priobskie vedomosti.
29. Zinov'ev, V.P., Dmitrienko, N.M. & Konovalov, P.S. (1995) *Yayskiy lesopromyshlennyy* [Yaya timber industry]. Tomsk: Tomsk State University.
30. Anon. (2024) *Lesosechnye raboty. Normy vyrabotki na valke lesa pri rabote benzopil MP-5 "Ural-2", "Khuskvarna" i "Shtil" v smenu (smena 7 chasov)* [Logging operations. Production rates for felling timber when operating MP-5 Ural-2, Husqvarna and Shtil chainsaws per shift (7-hour shift)]. [Online] Available from: studfile.net/preview/7515447/page:6/ (Accessed: 10.07.2024).
31. Fedotov, N.D. (1928) *Sel'skokhozyaystvennoe mashinostroenie i industrializatsiya SSSR* [Agricultural engineering and industrialization of the USSR]. *Planovoe khozyaystvo*. 2. pp. 133–154.

Информация об авторе:

Зиновьев В.П. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vpz@tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.P. Zinoviev, Dr. Sci. (History), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.07.2024;
одобрена после рецензирования 22.07.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 12.07.2024;
approved after reviewing 22.07.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

Научная статья
УДК 94:332.21(571.1/.5)"1919/1921"
doi: 10.17223/15617793/507/12

Становление земельных органов советской Сибири (конец 1919 – начало 1921 г.)

Владимир Андреевич Ильиных¹

¹ Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, agro_iwa@mail.ru

Аннотация. Представлена характеристика становления органов управления сельским хозяйством советской Сибири. Осуществлена реконструкция развития их структуры и кадрового потенциала. Проанализирована дискуссия о выборе оптимальной структуры организации агрономического обслуживания и его базовых объектов. Установлено, что развертывание деятельности земельных органов региона проходило в условиях острого дефицита кадров. Первоочередное их внимание направлялось на поддержку колхозов и совхозов. В качестве основной формы организации агропомощи была признана участковая.

Ключевые слова: аграрная политика Советского государства, сельское хозяйство, государственное управление, агрономическое обслуживание, Сибирь

Источник финансирования: работа выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв., стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

Для цитирования: Ильиных В.А. Становление земельных органов советской Сибири (конец 1919 – начало 1921 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 108–115. doi: 10.17223/15617793/507/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/12

Formation of Soviet Siberia's land organs (late 1919 – early 1921)

Vladimir A. Ilynykh¹

¹ Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, agro_iwa@mail.ru

Abstract. The article characterizes the formation of agricultural management organs in Soviet Siberia. The development of their structure and personnel potential is reconstructed. The methodological basis of the research is neo-institutionalist theory, according to which the key role in the economy belongs to institutions – systems of norms that determine the framework for the activities of participants in economic relations. As a result of the study, it is established that as the Red Army moved eastward, provincial, and then district and volost land departments were formed. At the same time, subdivisions of the Siberian Land Department were created. The weakest link in the system of agricultural management organs, both professionally and logistically, was the volost land departments. Direct agronomic, veterinary, and technical services to agricultural producers were provided by agronomic stations, veterinary stations, state farms, rental stations, and warehouses of agricultural machinery and equipment. Most of them were subordinated to volost land departments; the larger ones were under the jurisdiction of provincial or Siberian land departments. After the restoration of Soviet power in the region there was a discussion between the supporters of branch and sectional organization of the agro-network. As a result, a compromise solution was adopted. In the short term, it was proposed to focus on the development of district agro-assistance, combined with the deployment of specialists in certain branches of agriculture in some districts. In the future, district agronomists should be completely replaced by sectoral specialists. The question of what form of organization of agricultural production is the basic object of servicing by land authorities was also debated. A number of experts suggested that the main efforts of agricultural personnel should be focused on servicing individual peasant farms, while others believed that land agencies should primarily work with collective and state farms. The dispute was completed after receiving the directive of the People's Commissariat of Agriculture of the RSFSR, which indicated that the greatest effect can be given by the organization of all forms of generalized farming. It is proved that the deployment of the land authorities in the region took place in conditions of acute shortage of personnel. Many agrarian specialists in the region served in other departments. In this regard, by order of the Sibrevkom, all specialists of the relevant profile, including former white officers and prisoners of war, were forcibly mobilized to serve in the land authorities. The number of agricultural personnel increased. However, the personnel shortage could not be completely overcome.

Keywords: agrarian policy of Soviet state, agriculture, public administration, agricultural services, Siberia

Financial support: The work was carried out on the topic of the state assignment "Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the Twentieth and Early Twenty-First Centuries. Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context" (FWZM-2024-0005).

For citation: Ilynh, V.A. (2024) Formation of Soviet Siberia's land organs (late 1919 – early 1921). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 108–115. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/12

Основной задачей, которую на протяжении XX в. ставило перед собой Российское государство, была модернизация экономики и общества. Центральным звеном ее реализации являлось решение вопроса о путях и методах преобразования сельского хозяйства. Интенсивный и многовекторный поиск путей решения аграрного вопроса проходил в период 1920-х гг. Задача реформирования аграрного сектора экономики решалась практической деятельностью земельных органов¹ структура, кадровый состав и методы работы которых трансформировались в соответствии со сменой аграрного курса.

Изучение системы управления сельским хозяйством имеет непосредственный выход на интерпретацию ряда важнейших проблем современной отечественной историографии, в том числе методов решения аграрного вопроса, реформирования сельского хозяйства. Особенности функционирования структур управления аграрной сферой являются наглядной иллюстрацией специфики каждого из этапов аграрной политики Советского государства. Региональный аспект темы связан с принципиальной для понимания специфики российской государственности проблемой взаимоотношения центральной и местной элит при проведении экономической политики.

В советской историографии фрагментарное изучение истории земельных органов Сибири в 1920-е гг. велось в основном в рамках изучения сельской интеллигенции. Наиболее существенное приращение исторического знания по данной проблеме достигнуто в монографии Т.Н. Осташко, которая исследовала динамику численности агрономических, зоотехнических и ветеринарных работников, основные направления их деятельности [1]. На постсоветском этапе развития исторической науки значимые результаты получены при изучении организации и деятельности ветеринарной службы, методов агрономического обслуживания² в условиях нэпа [2–4]. Наименее исследованным периодом истории органов управления сельским хозяйством Сибири в 1920-е гг. остаются первые годы десятилетия. Недостаточно изученными являются вопросы развития структуры и кадрового потенциала земорганов, проблемы выбора оптимальной структуры их организации. Задачей настоящей статьи является реконструкция истории земельных органов советской Сибири в период их становления с конца 1919 по начало 1921 г. включительно.

Советская система управления сельским хозяйством начала создаваться после Октябрьской революции. В первый состав Совнаркома был включен нарком земледелия. Аппарат наркомата создавался на базе бывшего Министерства земледелия. Во время Гражданской войны помимо традиционных задач на наркомат и его местные органы были возложены новые обя-

занности: по организации и управлению государственными сельхозпредприятиями (совхозами), содействию переходу от индивидуального к коллективному ведению сельского хозяйства и поддержке колхозов, оказанию помощи хозяйствам призванных в армию красноармейцев, ветеринарному обслуживанию, межеванию, проведению посевных кампаний³.

Наряду с организацией центрального аппарата управления принимались меры по созданию местных земельных органов. В 1918 г. создаются постоянные земельные органы при исполкомах советов. В иерархию земельных органов входили губернские, уездные и волостные земельные отделы. Они находились в двойном ведении: по ведомственной линии подчинялись Наркомзему РСФСР, по «советской» линии – соответствующим исполкомам советов, при которых они образовывались.

В «Декрете о социализации земли» от 19 февраля 1918 г. перед земельными органами всех уровней ставились следующие основные задачи: а) «справедливое» наделение сельскохозяйственными угодьями «трудового населения»; б) повышение культуры земледелия и животноводства, распространение передового опыта; в) развитие второстепенных подотраслей сельского хозяйства; г) «развитие коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных в целях перехода к социалистическому хозяйству» [6. № 25. Ст. 346].

В соответствии с «Положением о земельных отделах губернских, уездных и волостных исполкомов», утвержденным наркомом земледелия 10 мая 1919 г., структурными элементами губернских земельных отделов являлись подотделы сельского хозяйства, землеустройства, лесного хозяйства и управления делами. В подотдел сельского хозяйства входили отделения агрономическое, животноводческое, обобществления сельского хозяйства; сельскохозяйственного образования, опытного дела и метеорологии, садоводства и огородничества. Уездные земельные отделы должны были состоять из подотделов сельского хозяйства, землеустройства, лесного хозяйства и управления делами. Волостной отдел включал заведующего, его помощника и секретаря [7. Л. 21–27 об.]. Однако требования данного положения часто не соблюдались. «Местные земельные органы строились в значительной степени по своему усмотрению и каждый на свой лад» [8. С. 13].

В Сибири советская система управления сельским хозяйством фактически начала формироваться после освобождения ее территории от колчаковских войск. В конце 1919 г. в Челябинске при Сибревкоме было учреждено представительство Наркомата земледелия РСФСР под руководством его уполномоченного А.А. Пономарева.

В задачи представительства входило определение первоочередных вопросов регулирования сельского хозяйства, которые предстояло решить в общесибирском масштабе. По мере продвижения Красной армии на восток формировались губернские, а затем уездные и волостные земотделы. Губернские и уездные отделы создавались на базе функционировавших в предыдущий период земельных органов. При этом кадровый и организационный потенциал последних находился «в плачевном состоянии», а имущество и сельхозинвентарь – разбазарены. Большинство сотрудников были мобилизованы в Белую армию или бежали на восток.

После освобождения Омска началась работа по созданию на базе представительства Наркомзема земельного отдела Сибревкома. В конце 1919 – начале 1920 г. работа представительства была тесно связана с деятельностью Омского губземотдела и проводилась в основном в пределах территории губернии. Уполномоченный Наркомзема выделил в свое непосредственное подчинение отделение обобществления и советских хозяйств, отделение опытного дела и метеорологии, а также лесной подотдел Омского губземотдела. Одновременно создавались подотделы Сибземотдела: ветеринарный (1 февраля 1920 г.), животноводства (1 февраля), сельского хозяйства (5 февраля), организации посевной площади (оргасев) (6 февраля), лесного хозяйства (8 марта), землеустройства (29 марта), обобществления (3 апреля). Первоначально Сибземотдел руководил земельными органами на территории Челябинской, Тюменской, Омской, Семипалатинской, Алтайской, Томской, Енисейской, Иркутской и Якутской губерний. В апреле 1920 г. Челябинская и Тюменская области были выведены из подчинения Сибревкома и соответственно Сибземотдела.

В марте 1920 г. произошли кадровые и организационные изменения в руководящих структурах земельных органов Сибири. Должности уполномоченного Наркомзема и заведующего Сибземотделом были разделены. Заведующим Сибземотделом стал В.Н. Соколов, являвшийся членом Сибревкома, уполномоченным Наркомзема – А.Р. Воронов. Фактически руководил земорганами региона заведующий Сибземотделом. Уполномоченный осуществлял представительские и контрольные функции. В начале июня 1920 г. «двоевластие» упразднили. А.Р. Воронов был назначен на должность помощника заведующего Сибземотделом, а в конце июля – заместителем заведующего [9. Л. 20б., 21 об.; 10. Л. 4].

15 июня структура Сибземотдела пополнилась управлением делами, финансово-счетной частью, статистическим подотделом. В подотдел сельского хозяйства вошли отделения агрономическое, опытного дела, метеорологии и энтомологическое бюро. Штаты агрономического отделения помимо иных должностей предусматривали наличие специалистов по полеводству, луговодству, свеклосеянию, огородничеству, культуре лекарственных растений (по одному), организации агропомощи населению (двух), агронома-кооператора. Подотдел животноводства не был структурирован. В его штатном расписании числилось восемь специалистов: по коннозаводству, крупному рогатому

скоту, молочному хозяйству, овцеводству, пчеловодству, птицеводству и кролиководству, оленеводству, кормодобыванию, а также «консультант для кооперации».

Подотдел землеустройства состоял из землемерно-технической части, землеустроительной части, колонизационно-переселенческой части и мелиоративного отделения. Оргасев был разделен на две структурные единицы с четырьмя штатными специалистами. Специалисты по организации посевной площади и по снабжению семенами работали в организационном отделении, специалисты по сельскохозяйственному машиностроению и по организации ремонта сельхозмашин – в отделении «сельскохозяйственной механики». Подотдел обобществления состоял из отделения снабжения, отделения «колхоз», отделения совхозов, организационно-инструкторского отделения и «Совета обобществления». В ветеринарный подотдел входили следующие отделения: общее; «ветеринарно-санитарное, эпизоотическое и лабораторное»; «ветеринарного снабжения и лечебная часть»; культурно-просветительное [2. С. 98; 11. Л. 2; 12. Л. 83; 13. Л. 2–5].

В середине января 1920 г. по приказу Сибревкома при Сибпродкоме учреждался отдел снабжения сельского хозяйства (Сибсельхоз), которому передавались все склады сельхозтехники, ранее подведомственные переселенческому управлению, кооперативным организациям или принадлежавшие частным предпринимателям. Отделу вменялось в обязанности хранение и распределение сельхозинвентаря, а также организация ремонта [14. С. 134]. В начале осени 1920 г. Сибсельхоз был передан из Сибпродкома в Сибземотдел и 16 сентября преобразован в управление снабжения. 16 октября из него выделили технико-эксплуатационное управление. Кроме того, в структуре Сибземотдела произошли следующие изменения [11. Л. 2; 12. Л. 83; 15. Л. 3, 4]. 10 января 1921 г. было образовано управление охотничьего хозяйства (Сибохота). Тогда же стала функционировать комиссия по оказанию помощи красноармейским хозяйствам комкрасхоз. В конце декабря 1920 – начале 1921 г. были сформированы информационно-издательское отделение (при управлении делами), опытное и садово-огородное отделения (при подотделе сельского хозяйства), комитет миллиардного фонда⁴ (при подотделе обобществления).

Структура губернских и уездных земельных отделов в целом была однотипной, хотя и имела определенную специфику. Как правило, в них входили управления делами и подотделы сельского хозяйства, посевной площади, животноводства, обобществления, землеустройства, ветеринарии, лесного хозяйства, снабжения, технико-эксплуатационный. В Омской губернии, где находилась половина всех совхозов Сибири, отделение совхозов существовало как самостоятельное губернское управление советскими хозяйствами. В Алтайской губернии отдел обобществления назывался Бюро коммун. В уездных земотделах отсутствовали подотделы животноводства и технико-эксплуатационный. Функции последнего возлагались на подотделы снабжения. Мероприятия по животноводству проводились специализированными секциями подотдела сельского хозяйства.

Большинство уездных подотделов сельского хозяйства состояли из агрономического отделения, оргасева и бюро защиты растений от вредителей. В Новониколаевском уезде подотдел сельского хозяйства включал четыре секции – обобществления, «советских имений» (совхозов), общественной агрономии, животноводства, пчеловодства и огородничества, а оргасев – мукомольную, семенную и ремонтную секции [16. Л. 28; 17. Л. 1–81 об.].

Непосредственное агрономическое, ветеринарное, техническое обслуживание сельхозпроизводителей осуществляли агрономические участки, ветеринарные пункты, совхозы, конные заводы, прокатные, зерноочистительные и случные пункты, а после ликвидации Сибсельхоза – также склады сельскохозяйственных машин и инвентаря, ремонтные мастерские и кузницы. Большинство из них подчинялись уездным земотделам, более крупные находились в ведении губернских или Сибирского земельных отделов. Наиболее слабым звеном системы земельных органов как в профессиональном, так и в материально-техническом плане являлись волземотделы. Реальной агрономической помощи населению своих волостей они не оказывали и фактически осуществляли лишь учетно-регистрационные функции.

Налаживанию координационных связей между различными уровнями управления способствовали съезды и совещания земельных работников. В июле 1920 г. в Омске был проведен Первый сибирский земельный съезд, в работе которого приняли участие представители губернских, уездных и волостных земотделов и коллективных хозяйств. На нем обсуждались вопросы земельной политики, землеустройства, колонизации Сибири, обобществления крестьянского хозяйства, организации агрономического обслуживания населения, борьбы с вредителями, развития животноводства. В ноябре состоялся съезд представителей опытных учреждений, а затем – конференция заведующих губземотделами, на которой рассматривались вопросы проведения предстоящей посевной кампании и был принят план работы земорганов региона на 1921 г. [18. 18–23, 25, 27, 30 июля; 19. Л. 1; 20. Л. 6–8 об., 16–18 об.].

Одной из проблем, которая находилась в центре внимания земельных форумов, являлось определение оптимальной организации низовой агрономической сети. До революции в России действовало две системы агрономической помощи. Государственная имела отраслевой характер. От имени государства ее непосредственное оказание на местах осуществляли специалисты и инструкторы по отдельным отраслям сельского хозяйства. Земская агропомощь, определяемая как общественная, была участковой и комплексной. В ее основу был заложен принцип комплексного подхода к крестьянскому хозяйству. Основной задачей агрообслуживания в связи с этим являлось развитие не отдельных отраслей, а хозяйства в целом. В каждом районе следовало создать единый агроучасток, во главе с агрономом. Последний рассматривался не столько как специалист в области растениеводства, сколько как экономист и организатор сельхозпроизводства [4. С. 84].

В первой половине 1920 г. большинство губернских земельных отделов региона приняли решение о внедрении участковой агрономии. Так в Омской губернии планировалось создать 59 участков. В 32 из них к середине июня назначили участковых агрономов. Иркутскую губернию разделили на 39 агроучастков. Ряд губерний перешли на смешанную систему. Помимо участковых агрономов учреждались должности специалистов по отдельным подотраслям. В Алтайской губернии к лету 1920 г. удалось открыть только четыре агрономических участка и один инструкторский пункт по животноводству. Заведующий подотделом сельского хозяйства губземотдела при этом подчеркивал: «Работа участковых агрономов вряд ли развернется достаточно полно в ближайшем будущем, т.к. агрономы принуждены выезжать на участки с одним языком (так в источнике. – В.И.), не имея в своем распоряжении ни машин, ни сеялок, ни каких-либо пособий» [16. Л. 47; 21. Л. 1, 225 об.].

Об основных направлениях деятельности функционирующих агрономических участков можно судить по отчету заведующего юргинским участком И.С. Шилдаева (см.: [16. Л. 48–52]). В штат участка помимо агронома входил его помощник. Они обслуживали четыре волости Томского уезда. При агроучастке функционировал случной пункт с двумя жеребцами-производителями, пункт проката сельхозинвентаря, на балансе которого числилось 27 плугов, 6 рядовых сошниковых сеялок, 5 сенокосилок, 2 жатки-самосброски, 2 конных грабелей, 7 борон «рычажных простых», 2 бороны «зиг-заг». В предыдущий период инвентарь был отдан в прокат крестьянам. С тем чтобы «равномернее распределить орудия и машины между волостями и селениями участка и произвести необходимый ремонт», И.С. Шилдаев попытался собрать инвентарь. Однако сделать это ему не удалось. «Хозяева отказались доставить “казенный” инвентарь в волостной земельный отдел, мотивируя тем, что этот инвентарь нужен им для собственного хозяйства, что он выдан их семьям, когда сами хозяева “страдали” на войне, что хозяйство их за время войны расстроилось и т.д.; столь же безуспешными оказались меры, принятые волземотделом и местной милицией, к содействию которой волземотдел обратился. В конечном итоге, по соглашению с волземотделом, во избежание осложнений решено было оставить орудия и машины временно, до окончания ярового сева, в пользовании прежних хозяев, но с тем чтобы работа производилась ими на общих основаниях за установленную плату и чтобы орудия и машины предоставлялись другим нуждающимся в них хозяевам» [16].

С целью ознакомления местных крестьян с травосеянием на территории обслуживаемых волостей весной 1920 г. было заложено три показательных участка клевером. В деревнях со слабо развитым овощеводством также было засажено три участка овощными культурами.

За время с 1 апреля по 1 июня 1920 г. агроном и его помощник провели 17 коллективных бесед с крестьянами 19 селений. Темы бесед касались применения

удобрений и усовершенствованного инвентаря, подготовки семян, внедрения в севообороты трав и огородных культур, борьбы с вредителями сельского хозяйства, улучшения продуктивности скота, организации коллективных хозяйств. Было проведено 58 индивидуальных консультаций на дому, оказана 21 услуга по вызову хозяев. По мнению И.С. Шилдаева, «ограниченное число обращений за советами по хозяйству и приглашения для выполнения тех или иных работ объясняется весьма малой осведомленностью населения, что такое агроном и каковы его обязанности, а также обычным недоверием к агроному как к лицу, сведущему в хозяйстве».

Работники участка 47 раз выезжали на места. Лошадей для служебных выездов на участке не было. Разъезды осуществлялись в порядке гужевой повинности. При этом лошади подавались «крайне неисправно», а с наступлением полевых работ поездки стали практически невозможными. «Агрономический персонал весьма часто перебирается из селения в селение пешком».

Оценивая итоги работы в целом, И.С. Шилдаев указал, что «за отчетное время условия и обстановка агрономической работы были весьма неблагоприятны. Чувствительно пострадавшие при отступлении белых, переживая острые затруднения по возобновлению инвентаря и его ремонту, нуждаясь в рабочем скоте, семенах и проч., хозяева озабочены были не улучшениями, а тем, чтобы сохранить свои хозяйства хотя бы на прежнем уровне. Учитывая неопределенность и неустойчивость наличного земельного пользования, они отказывались испытывать приемы, имеющие длительный характер, как то: вывозку на поля навоза, улучшение покосов и т.п. С другой стороны, агрономический персонал совершенно не располагает средствами для того, чтобы “учить не наказом, а показом”» [16].

Вопрос об оптимальной организации низовой агрономической сети оставался дискуссионным. Омский губернский агроном И.И. Осипов настаивал на необходимости развития участковой агрономии. Заведующий подотделом сельского хозяйства Сибирского земельного отдела Н.И. Вентцер считал, что в регионе следует внедрять институт отраслевых специалистов [22. Л. 87 об.]. Состоявшейся в июле 1920 г. Первый земельный съезд Сибири принял компромиссное решение. В его резолюции указывалось, что земорганам Сибири в ближайшей перспективе надлежит придерживаться участковой организации агрономической помощи, которая должна сочетаться с прикреплением отраслевых специалистов к тем районам, в которых наиболее развиты отдельные подотрасли сельского хозяйства. В более отдаленной перспективе следовало полностью перейти от участковой к отраслевой системе организации агрономического обслуживания [23. Л. 76, 77 об.].

Споры также вызывал вопрос о том, какая форма организации сельхозпроизводства является базовым объектом обслуживания земорганами. Сибревком в своих первых директивных актах декларировал равенство всех форм трудового землепользования и указы-

вал на необходимость оказывать первоочередную помощь единоличным крестьянским хозяйствам. Первый уполномоченный Наркомзема по Сибири А.А. Пономарев в циркуляре от 3 марта 1920 г. предостерегал губземотделы от «скороспелой организации коммун». Против массового создания совхозов выступал и первый заведующий Сибземотделом В.Н. Соколов. Он также был противником копирования проводимого в европейской части России классового подхода. По его мнению, социальные различия для сибирского крестьянства играют менее существенную роль, чем различия между сословными группами: аборигенами, казаками, крестьянами-старожилами и переселенцами. Поэтому земельная политика в регионе должна в первую очередь учитывать специфику данных групп [14. С. 82].

Выступивший с докладом на совещания агрономов при Томском уездном земельном отделе 1 февраля 1920 г. заведующий подотделом сельского хозяйства Я.И. Мурашко указал на «большие затруднения, которые встретятся при проведении в жизнь начал коллективного землепользования». В условиях Сибири, по его мнению, «трудно ожидать в самом близком будущем насаждения и широкого распространения самой совершенной, идеальной формы землепользования – коммуны. Задачей агрономов поэтому является подготовить почву для ведения этой совершенной формы землепользования, приучить постепенно к коллективному землепользованию». С этой целью он рекомендовал «широкую пропаганду объединения неимущих, обобществление инвентаря, общественной уборки, сенокосов и, наконец, общественных запасек» [16. Л. 57].

Уполномоченный Наркомата земледелия РСФСР по Сибири А.Р. Воронов придерживался более радикальной позиции. Опираясь на содержащееся в «Положении о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» утверждение о том, что единоличное хозяйство является «отживающим», он поставил перед подведомственными управленческими структурами задачу форсированного обобществления сельского хозяйства. Подобной позиции придерживались руководящие работники ряда губернских и уездных земельных отделов. В резолюции Первого сибирского земельного съезда признавалось необходимым «имеющиеся агрономические силы бросить в первую очередь в совхозы и колхозы <...> во вторую очередь – для оказания непосредственной помощи населению как хозяйствам единоличным». В сентябре 1920 г. нарком земледелия РСФСР С.П. Середя направил в адрес губземотделов циркуляр, в котором предлагалось сосредоточить основные усилия земельных органов на поддержку и распространение обобществленных форм организации сельского хозяйства [14. С. 82; 23. Л. 76; 24. Л. 82].

Развертывание деятельности земельных органов Сибири проходило в условиях острого дефицита кадров. При этом многие находящиеся на территории региона специалисты-аграрники служили в других ведомствах. В начале 1920 г. в Алтайской, Енисейской, Томской, Тюменской и Омской губерниях из общего числа специалистов по сельскому хозяйству работали

в земорганах 23,4%, в кооперации – 7,2, служили в армии – 13,9, работали в других учреждениях – 24,6, нигде не работали или не дали сведений о занимаемой должности – 28,8% [25. Л. 45 об.]. Для того чтобы исправить ситуацию, уполномоченный Наркомзема А.А. Пономарев инициировал принятие 10 января 1920 г. Сибревкомом постановления «Об учете и мобилизации специалистов сельского хозяйства, ветеринарного, землемерного и гидротехнического персонала». В соответствии с данным постановлением специалисты в указанных областях объявлялись мобилизованными «на действительную службу по сельскому хозяйству» [18. 21 янв.]. 30 апреля Сибревком издал дополнительное Постановление «О мобилизации специалистов сельского хозяйства», а 4 мая – «О мобилизации ветеринарных врачей и ветфельдшеров на гражданскую службу» [18. 4, 7 мая]. Мобилизации подлежали гражданские лица, эвакуированные на восток вместе с отступавшими частями Белой армии, а также бывшие белые военнослужащие. 29 апреля Сибревком направил в штаб Западно-Сибирского военного округа письмо с просьбой откомандировать из лагерей военнопленных в распоряжение Сибземотдела специалистов сельского хозяйства [26. Л. 10]. К началу 1921 г. в земельных органах подведомственных Сибревкому губерний численность агроперсонала удалось довести до 654 чел., ветврачей – до 154, ветфельдшеров – до 358 чел. [1. С. 38].

Однако полностью преодолеть кадровый дефицит не удалось. К марту 1920 г. в Сибземотделе работало 26 сотрудников, к июню – 85 (при штатной численности в 335 чел.), к началу 1921 г. – 226 сотрудников. В начале осени в подотделе животноводства из 9 предусмотренных штатным расписанием специалистов работали 4 (по коннозаводству, молочному хозяйству, овцеводству и пчеловодству). В начале 1921 г. в земельных органах Сибири штатные вакансии в подотделе обобществления были заполнены на 22%, землеустройства – на 28, животноводства – на 30, сельского хозяйства – на 35, ветеринарии – на 57%. При этом потребность в ветврачах удовлетворялась в Алтайской губернии на 6,4%, в Томской – на 7,6, в Енисейской – на 15,6, в Омской – на 9,6, в Иркутской – на 28,8%. В составленном в апреле 1921 г. отчете Сибземотдела указывалось, что абсолютное большинство сотрудников земельных органов региона – беспартийные. «По партийной окраске большинство сотрудников беспартийные. С величайшим трудом удалось в состав Сибземотдела и губземотделов достать партийных работников только в качестве руководящего центра, большинство же [под]отделов руководится [беспартийными] специалистами». В Сибземотделе из 226 сотрудников насчитывалось 13 членов РКП(б) [2. С. 126; 11. Л. 2 об.; 23. Л. 51; 27. Л. 2; 28. С. 51].

Направленные на работу в земорганы члены большевистской партии, как правило, не имели специального образования, осуществляли в них функции политического руководства и в связи с этим определялись в документах как политработники. Практическая работа по обслуживанию нужд деревни выполнялась специалистами («спецами»), имеющими соответствующее образование и дореволюционный стаж работы.

На кадровое обеспечение земорганов влияла сложная политическая обстановка. В районах массовых крестьянских восстаний потенциально опасные для большевистских властей земельные работники заключались в концентрационные лагеря. Политически благонадежные специалисты были мобилизованы в Красную армию. Осенью 1920 г. часть земельных работников привлекли к проведению Всесоюзной сельскохозяйственной переписи. Существовал и отток специалистов в европейскую часть страны и за границу. Работавшие в земельных органах беженцы из Латвии и Эстонии после заключения между этими странами и РСФСР мирных договоров в рамках оптации возвращались на родину [22. Л. 86; 29. Л. 35 об.].

Наиболее сложной с точки зрения кадрового наполнения и профессиональной подготовки была ситуация в подотделах и отделениях обобществления. В отчете подотдела обобществления Сибземотдела за 1920 г. указывалось на незавершенность их формирования во многих уездных земотделах. Так, во всех уездных земотделах Иркутской области не были приняты на работу агрономы по обобществлению. Низким был и профессиональный уровень работников данных структур. По мнению заведующего подотделом обобществления Сибземотдела Курбатова, «абсолютная новизна коллективного строительства» привела к тому, что «по обобществлению работают люди самых разнообразных профессий». «В качестве инструкторов были использованы в последнее время курсанты из университета имени Свердлова, но они, по свидетельству загубземотделами, далеко не всегда отвечают своему назначению. Если некоторых из них (меньшая часть) можно использовать в качестве агитаторов, то для деловой конкретной в условиях сельскохозяйственной обстановки работы в Сибири не использован еще ни один» [30. Л. 5–5об.].

В докладной записке Сибземотдела определялись основные причины кадрового голода в Сибири: а) «задачи, стоящие перед земорганами, требовали значительно большего количества специалистов, чем это было ранее»; б) «империалистическая и гражданская война распылила специалистов, отвлекла их от основных специальностей»; в) «с [19]14 года специальные учебные заведения почти не выпускали специалистов» [11. Л. 2об.–3].

В 1921 г. продолжалось наращивание кадрового и организационного потенциала земельных органов Сибири. Их организационное устройство приводилось в соответствие с изменениями административно-территориального деления. В связи с образованием Киргизской (затем Казахской) АССР в ее состав были включены Семипалатинская губерния и ряд территорий Омской и Алтайской губерний. В июне 1921 г. из Томской и Алтайской губерний выделилась Новониколаевская губерния.

В начале июля 1921 г. в рамках Сибирского земельного отдела функционировали подотделы сельского хозяйства, животноводства, землеустройства, мелиорации⁵, ветеринарии, лесного дела, обобществления, технико-эксплуатационный, управления делами, охотничьего хозяйства и снабжения. В подотдел сельского

хозяйства включались агрономическое, садово-огородное, опытное, общее отделения, отделение организации посевной площади и энтомологического бюро; в подотдел животноводства – отделения коневодства и коннозаводства, крупного рогатого скота, мелкого животноводства, общее; в подотдел обобществления – отделения колхозов, совхозов, общее и Совета обобществления. в подотдел землеустройства – землеустроительное, учетно-земельное, переселенческое, общее отделения и землемерно-техническая часть. При Сибземотделе также функционировал ряд комиссий и комитетов, в том числе комитет миллиардного фонда, комиссия по оказанию помощи семьям красноармейцев, комиссия по страхованию, комиссия по учету излишков сельхозугодий в совхозах и колхозах, садово-огородная комиссия [22. Л. 82; 32. Л. 53, 54 об.].

В ведении Сибземотдела находилось 6 губземотделов, 37 уездных и аймачных земотделов. В регионе функционировало 62 прокатных пункта, 54 показательных поля и участка. Подведомственная территория была разделена на 165 агрономических участков, значительная часть которых не работала. В земорганах региона работало 69 участковых агрономов и 73 помощника участковых агрономов [22. Л. 82].

Вопросы совершенствования структуры земельных органов Сибири обсуждались на состоявшемся в начале июля 2-м Сибирском земельном съезде. В его

решениях указывалось на необходимость усиления координационной деятельности Сибземотдела [32. Л. 51 об.–52]. Однако во второй половине 1921 г. его роль как организационного центра земорганов региона, напротив, ослабла. Причиной этого стали административные изменения. В июне 1921 г. резиденция Сибревкома была перенесена из Омска в Новониколаевск. Вслед за ним в новую региональную столицу начали перемещаться его структурные подразделения.

Подготовка к переезду Сибземотдела началась 20 августа. 1 сентября отдел выехал из Омска. При этом от переезда на новое место отказался ряд ведущих специалистов. После прибытия в Новониколаевск выяснилось, что предназначенное для размещения Сибземотдела строение еще занято. И только в октябре здание было передано новому владельцу и начался ремонт, длившийся около трех месяцев. В это время сотрудники ютились в нескольких комнатах и «о нормальной работе не могло быть и речи». Долговременное фактическое бездействие Сибземотдела привело к организационной оторванности от него губземотделов. Происходившая в Новониколаевске в декабре 1921 г. передача дел новому заведующему отделом (А.Х. Митрофанову) также «несколько замедлила органическую работу учреждения» [33. Л. 126].

Определяющее влияние на структурные и кадровые изменения в земельных органах в 1922 г. оказало разветвление новой экономической политики.

Примечания

¹ Земельные органы – принятое в России (СССР) до начала 1946 г. название государственных органов, в ведение которых входило управление сельским хозяйством.

² Под агрономическим обслуживанием в 1920-е гг. понимался комплекс мероприятий по налаживанию производства, повышению культуры земледелия и животноводства, внедрению научных достижений и передового опыта. Понятие «агрономическое» в данном контексте базируется на широком значении термина «агрономия», понимаемом как совокупность знаний обо всех отраслях сельского хозяйства, а не только о полеводстве.

³ В конце 1919 г. в структуру Наркомата земледелия РСФСР входило около 20 функциональных подразделений и производственных отделов, в том числе отделы национализации земельного фонда, текущей земельной политики, землеустройства, организации посевной площади (оргасев), земельных улучшений, сельского хозяйства, животноводства, сельскохозяйственной экономики и статистики, обобществления сельского хозяйства, опытного дела, мелиорации, переселений, ветеринарии, лесного хозяйства, рыбного хозяйства, кустарной промышленности [5. С. 242].

⁴ 2 ноября 1918 г. СНК РСФСР принял декрет «Об образовании специального фонда на мероприятия по развитию сельского хозяйства», в соответствии с которым был создан специальный фонд в размере одного миллиарда рублей для выдачи ссуд и пособий коммуна и сельхозартелям, а также сельским общинам и группам крестьянских хозяйств при условии их перехода от единоличной к коллективной обработке земли [6. № 81. Ст. 856]. Распоряжались выделенными средствами «Комитет миллиардного фонда» при Наркомате земледелия РСФСР и губернские комитеты.

⁵ Мелиоративный подотдел Сибземотдела (Сибмелиозем) был образован в конце мая 1921 г. из мелиоративной части подотдела землеустройства [31. Л. 27, 33].

Список источников

1. Осташко Т.Н. Сельская интеллигенция Сибири. Конец 1919 – 1927 г. Новосибирск : Наука, 1988. 172 с.
2. Донченко А.С., Осташко Т.Н., Самолова Т.Н. Очерки истории ветеринарии в Сибири. 1917–1927 гг. Новосибирск : Юпитер, 2008. 431 с.
3. Ilyinykh V.A. Siberian land agencies in the conditions of NEP: Rise and fall of the agrarian experts // The NEP Era: Soviet Russia 1921–1928. 2013. Vol. 7. P. 1–22.
4. Ильиных В.А. Организация агрономического обслуживания в Сибири в 1920-е гг.: дискурс и выбор // Крестьяноведение. 2019. № 2. С. 83–107.
5. Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967 гг.): справочник. М., 1971. 624 с.
6. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1918.
7. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 245.
8. Сельскохозяйственная жизнь. 1927. № 43.
9. ГАО. Ф. Р-13. Оп. 2. Д. 2.
10. ГАО. Ф. Р-13. Оп. 2. Д. 6.
11. ГАО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 682.
12. ГАО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 128.
13. ГАО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 689.
14. Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск : Наука, 1983. 319 с.
15. ГАО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 687.

16. ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 59.
17. ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 135.
18. Советская Сибирь (Новосибирск). 1920.
19. ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 34.
20. ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 35.
21. ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 386.
22. ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1281.
23. ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 19.
24. ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 80.
25. ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 687.
26. ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 37.
27. ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 74.
28. Отчет Сибирского революционного комитета о деятельности за январь–июнь 1921 г. Новониколаевск, 1921. 73 с.
29. ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 71.
30. ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 679.
31. ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 524.
32. ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 61.
33. ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 702.

References

1. Ostashko, T.N. (1988) *Sel'skaya intelligentsiya Sibiri. Konets 1919 – 1927 g.* [Rural intelligentsia of Siberia. The end of 1919–1927]. Novosibirsk: Nauka.
2. Donchenko, A.S., Ostashko, T.N. & Samolovova, T.N. (2008) *Ocherki istorii veterinarii v Sibiri. 1917–1927 gg.* [Essays on the history of veterinary science in Siberia. 1917–1927]. Novosibirsk: Yupiter.
3. Ilynykh, V.A. (2013) Siberian land agencies in the conditions of NEP: Rise and fall of the agrarian experts. *The NEP Era: Soviet Russia 1921–1928*. 7. pp. 1–22.
4. Il'nykh, V.A. (2019) Organizatsiya agronomicheskogo obsluzhivaniya v Sibiri v 1920-e gg.: diskurs i vybor [Organization of Agronomic Services in Siberia in the 1920s: Discourse and Choice]. *Krest'yanovedenie*. 2. pp. 83–107.
5. Anon. (1971) *Vysshie organy gosudarstvennoy vlasti i organy tsentral'nogo upravleniya RSFSR (1917–1967 gg.): spravochnik* [Supreme Bodies of State Authority and Central Government Bodies of the RSFSR (1917–1967): Reference book]. Moscow.
6. *Sobranie uzakoneni i rasporyazheniy Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR* [Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR]. (1918).
7. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 245.
8. *Sel'skokhozyaystvennaya zhizn'*. (1927) 43.
9. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 2. File 2.
10. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 2. File 6.
11. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 682.
12. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 128.
13. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 689.
14. Shishkin, V.I. (1983) *Sotsialisticheskoe stroitel'stvo v sibirskoy derevne (noyabr' 1919 – mart 1921 g.)* [Socialist construction in the Siberian village (November 1919 – March 1921)]. Novosibirsk: Nauka.
15. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 687.
16. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 59.
17. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 135.
18. *Sovetskaya Sibir' (Novosibirsk)*. 1920.
19. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 34.
20. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 35.
21. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 386.
22. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 1281.
23. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 19.
24. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 80.
25. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 687.
26. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 37.
27. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 74.
28. Siberian Revolutionary Committee. (1921) *Otchet Sibirskogo revolyutsionnogo komiteta o deyatel'nosti za yanvar'–iyun' 1921 g.* [Report of the Siberian Revolutionary Committee on its activities for January–June 1921]. Novonikolaevsk.
29. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 71.
30. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 679.
31. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 524.
32. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 61.
33. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 702.

Информация об авторе:

Ильиных В.А. – д-р ист. наук, зав. сектором аграрной и демографической истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: agro_iwa@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Ilynykh, Dr. Sci. (History), head of the Sector of Agrarian and Demographic History, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: agro_iwa@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.06.2024;
одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 30.10.2024.
The article was submitted 13.06.2024;
approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 30.10.2024.

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/15617793/507/13

Скрытая пружина кооперации начала XX в.: сибирские маслоделы в волостном суде

Алексей Константинович Кириллов¹, Евгений Владимирович Почеревин²

¹ Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, alkir.nsk@gmail.com

² Бийский филиал им. В.М. Шукшина Алтайского государственного педагогического университета, Бийск, Россия, pev2@mail.ru

Аннотация. Работа опирается на решения двух волостных судов Томской губернии (Тулинского и Башчелакского) по искам маслоделов против сдатчиков молока; основная часть этих материалов впервые вводится в научный оборот. Авторы раскрывают неявный механизм действия маслодельных артелей начала XX в. В отличие от кооперативного замысла, известного своей демократичностью, успешность западносибирских артелей во многом зависела от принуждения крестьян к вступлению в члены артели и сдаче молока только на данный завод. Принуждение относилось как к тем крестьянам, которые хотели только продать излишки молока, не вступая в члены кооператива, так и к тем, которые осознанно относились к артельному делу, но не хотели быть участниками данного кооператива.

Ключевые слова: дореволюционная Россия, экономическая история, маслодельная артель, артельный договор, решения волостного суда

Источник финансирования: статья выполнена по теме госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).

Для цитирования: Кириллов А.К., Почеревин Е.В. Скрытая пружина кооперации начала XX века: сибирские маслоделы в волостном суде // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 116–124. doi: 10.17223/15617793/507/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/13

Hidden mainspring of the early 20th-century cooperation: Siberian dairy cooperators in the township court

Alexey K. Kirillov¹, Evgeniy V. Pocherevin²

¹ Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, alkir.nsk@gmail.com

² Biysk Branch of Altai State Pedagogical University, Biysk, Russian Federation, pev2@mail.ru

Abstract. The article sheds a new light on the Siberian dairy cooperation in the first decades of the 20th century. Creation of the Union of the Siberian Creamery Associations marked a great success of the Siberian dairy cooperatives comparable to that of the Danish ones. The history of Siberian butter making is usually described as a success story. But this approach leaves aside conflicts inside of the cooperatives. Meanwhile an attempt to understand the origin of such conflicts gives us a new understanding of how the Siberian dairy cooperatives gained their force. The research is based on the verdicts of township courts (*volostnoy sud*) – the only source of information about the vast majority of peasants conflicts. Poorly preserved, registers of township court verdicts can occasionally be found in local archives. Registers of two township courts – those of Tulinskaya and Bashchelak (respectively, Barnaul and Biysk counties (*uezd*) of Tomsk province) that contain more that 800 verdicts were taken for study. The analysis of the conflict descriptions contained in the verdicts allowed the authors state the following. The reality of Siberian cooperative building contradicted considerably the idea of free-will association of equal partners. Nine out of ten dairy cooperatives (*artel*) mentioned in our documents used to sue peasants for not bringing milk from their cows to the creamery. The *artel* representatives (*doverennyy*) usually enjoyed support of the court, and in the opposite cases land captains (*zemskiy nachal'nik*) used to correct the court verdict upon the appeal of *doverennyy*. The first reason for such suits was contradiction between desire of many peasants to sell their milk to a creamery without taking any obligations and the desire of cooperative leaders to have a certain number of cows fixed to the creamery. Cooperative treaty conditions would allow buying milk from peasants who were not the cooperative members, but in fact even a single transaction between a milk supplier and an *artel* was treated by the *artel* leaders as a reason to enlist the peasant among the *artel* members. Some disputes about true or false enlistment about the cooperative members show us peasants who did think about becoming real cooperative members but they hesitated weighing the pros and cons. This was one of the forms of the second type of conflicts – those between an association and conscious cooperators. Conflicts of this type included as well suits against peasants who did not question their affiliation with the cooperative, some of them even had acted for

some time as *artel doverennyy*. But later they got disappointed in *artel* and stopped supplying milk. On the one hand, conflicts of this type show that there were pitfalls in the dairy cooperation essential enough to make active cooperators quit their *artel*. On the other hand, they prove that the idea of association was in reality adopted by many peasants, which evidently was a favorable factor for the boost of *artel* creameries.

Keywords: late imperial Russia, economic history, dairy cooperation, cooperative treaty, township court verdicts

Financial support: The article is based on the state assignment "Siberian Society as a Factor of Territorial Growth and Unity of Russia (Late XVI – Early XX Century)" (FWZM-2024-0007).

For citation: Kirillov, A.K. & Pocherevin, E.V. (2024) Hidden mainspring of the early 20th-century cooperation: Siberian dairy cooperators in the township court. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 116–124. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/13

Сибирское маслоделие начала XX в. – безусловно крупное экономическое явление. П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин в записке по итогам своей сибирской поездки рассчитывали впечатлить царя сообщением о том, что сибирское масло даёт России вдвое больше денег, чем сибирские золотые прииски. Как экономическое явление маслоделие интересно не только своим вкладом в ВВП, но и быстрым расцветом: целая отрасль в крупном регионе, значимая на международном уровне, была создана в считанные годы. Этот быстрый подъём опирался на определённую организационную технологию. Самая яркая звезда сибирского маслоделия – Союз Сибирских маслодельных артелей, объединивший сотни кооперативных заводов [1].

Кооперация во второй половине XIX в. – такой же символ прогресса, как паровоз или телеграф. Практическое распространение кооперации по всему миру связано с Рочдейльским кооперативом в Великобритании [2]. Пример англичан был подхвачен немцами [3]; имена Германа Шульце-Делича и Вильгельма Райффайзена были хрестоматийными для кооператоров дореволюционной России [4]. Кооперативные идеи проникли в Россию сразу после их распространения на Западе, массовые попытки воплощения начались с 1860-х гг., а в 1890-е гг. дело дошло до утверждения первых типовых кооперативных уставов. Межреволюционное десятилетие стало эпохой бурного подъёма: сбытовые, потребительские, производственные, кредитные кооперативы стали в России повсеместными [5].

Кооперация – больше, чем способ организации производства. Кооперация – светлая мечта XIX в.: организационная технология, позволяющая развивать современное производство без эксплуатации человека человеком. В кооперативе все его участники – одновременно и собственники, и работники. Многим казалось, что это и есть магистраль развития производства. Американская политическая организация «Орден рыцарей труда» (1869) ставила задачу: «to abolish as rapidly as possible, the wage system, substituting co-operation therefore» («возможно скорее отменить зарплатную систему, заменяя её кооперацией») [6. Р. 136]. Почти полвека спустя автор агитационной брошюры о маслоделии для сибирских крестьян советовал не избирать торговцев артельными доверенными (в руках которых и находилось управление артелью). Совет свой он объяснял так: «Местные торговцы, разбогатевшие крестьяне, будь они даже безупречной честности, как-никак всю жизнь прожили, усматривая, нельзя ли где выручить лишнюю копейку, нельзя ли кого поприжать на

лишний грош. Вся их забота в торговле и хозяйстве лишь в том: каким бы манером округлить свое хозяйство и вылезть на верх прочей серой крестьянской бедноты. А кооперативное дело требует другого: все равны и все должны пользоваться одинаковыми выгодами, никто не должен в товарищеских делах иметь особых преимуществ» [7. С. 30].

За последовавшие полтора века вера в кооперацию как главную движущую силу общественного преобразования поослабла. Но до наших дней создание кооперативных предприятий рассматривается вдохновителями этого дела как путь существования современной экономики, альтернативный монополиям и частному капиталу [8].

Именно в таком свете изучал кооперацию признанный мэтр позднесоветской исторической науки К.Н. Тарновский. В своей последней, написанной в стол и изданной посмертно монографии он размышлял о «демократическом капитализме» как одной из альтернатив российской истории начала XX в. [9].

Тарновский, с присущим столичным историкам европоцентризмом, про сибирское маслоделие не упоминает. Это упущение восполняется работами и современников, и историков. Уже в 1902 г. вышел специальный очерк кооперативного маслоделия в Западной Сибири [10] – безусловно благоприятный по отношению к кооператорам, но не скрывающий трудностей этого дела и из-за внутренних пороков артелей, и из-за конкуренции со стороны частных заводчиков. Этот подход – сочувствовать, но показывать трудности – закрепила гораздо более обстоятельная книга Н.П. Макарова (будущего профессора-экономиста, а на момент выхода книги – студента Московского университета) [11]. В советское время, уже при нэпе, маслодельная кооперация оказалась не в чести. Один из современных историков иллюстрирует официальную оценку позднего нэпа предисловием Л.С. Сосновского (деятели из круга Л.Д. Троцкого) к книге агрономов И.Ф. Степаненко и М.П. Комкова [12]. Упрёки маслодельной кооперации состояли в том, что она «имела торгашеский характер» и «полностью отсутствовала кооперативная демократия» [13. С. 20]. Такую же оценку даёт в одной из своих монографий Л.М. Горюшкин, именно с изучения крестьянства (дореволюционного) начинавший свой путь в Академию наук. Автор сообщает, что «кулаки использовали маслодельческую кооперацию» в их собственных интересах – «для увеличения своих капиталов путем привлечения средств середняков» [14. С. 209–211, 286–287]. Переводя с языка советской

эпохи, мы понимаем, что это намёк на неравноправие членов кооперативов. Но каким образом кооператив, в котором по уставу все равны, превращается в орудие эксплуатации тружеников предпринимателями? Этого советские историки не раскрывали.

Не объясняет этого и постсоветская историография сибирского маслоделия, в целом панегиричная. Лишь иногда читатель обнаруживает подробности, не соответствующие общему благостному настроению. Авторы статей пишут про «суеверия крестьян», нередко враждебно относившихся к маслодельным заводам, а иногда и устраивавшим настоящие маслодельные погромы [15, 16]. Историки с удовольствием цитируют передававшиеся крестьянами бредовые слухи о вреде сепараторов, но в том, что касается объяснения причин, не уходят дальше указания на различие материальных интересов у тех, кто сдаёт молоко на завод, и у тех, кто (по бедности) не сдаёт. Подразумевается, что все участники кооперативов оказываются по одну сторону баррикады; водораздел проходит за пределами кооперации.

В чём-то современные авторы, вроде бы, повторяют выводы С.П. Швецова – известного общественного деятеля и знатока крестьянской жизни. Это он уже в 1902 г., по горячим следам и со ссылкой на местных деятелей, использовал понятие «молочные бунты» [17]. Действительно, Швецов подытоживал поиск причин этих «диких и жестоких» погромов выводом о «столкновении примитивных форм хозяйства и общих условий жизни сибирской деревни с ворвавшимся в нее в виде маслоделия капитализмом, порожденным где-то там, на стороне, до сих пор чуждыми этой деревне условиями и потому мало для нее понятными».

В то же время очерк Швецова создаёт более сложную картину за счёт мелких наблюдений, оставляемых автором в стороне от чётко сформулированных выводов. Швецов описывает рознь между крестьянским большинством и приехавшими из города маслоделами, инициаторами кооперативов. Что бы мы ни думали о причинах этой розни, в качестве сухого остатка швецовских описаний мы имеем факт: вражда крестьян распространялась не на кооператоров вообще, а на инициаторов кооперативов, которые были чужими для крестьянской массы и по месту предыдущего проживания, и по образу жизни (более близкому к «барскому» укладу). Простые кооператоры во всех погромных историях присутствуют лишь как фон, подразумеваемый, но не играющий роли. Кооператив перестаёт быть содружеством равных, начинает проглядывать нечто иное.

И мы вновь оказываемся перед вопросом о существовании этого внутрикооперативного неравенства. Зацепка для ответа содержится в уже упомянутой книге Н.П. Макарова. Говоря о нередко встречаемой неспособности кооператоров вести дело в конкуренции с частными заводчиками, автор в качестве воодушевляющего примера приводит один кооператив Тарского уезда, который уже стоял на грани закрытия, «но в это время нанимают нового доверенного, который, действуя “на корень вещей” путем строгого контроля,

штрафов, временного исключения, упорядочения отчетности, через месяц поправил дела кооперации» [11. С. 81]. Конечно, распорядительность необходима для всякого предприятия. Но наличие кнута там, где, казалось, всё решается пряником, обращает на себя внимание. Мы получаем ещё одно звено цепи, конец которой пока скрыт от нашего взора. Одновременно мы получаем и намёк, где искать: там, где разбираются споры о штрафах – в суде.

Суд, разбирающий споры между крестьянами в до-революционной России, – это волостной суд: трое или четверо выбранных крестьян выносят решения, волостной писарь записывает их в специальную шнуровую книгу. Ежегодно в пореформенной России составлялись тысячи «Книг на записку решений волостного и третейского суда», в каждой из западносибирских книг начала XX в. – сотни решений по разнообразным вопросам крестьянских отношений [18, 19]. Лишь малая часть этих документов сохранилась: не в каждом областном архиве есть хотя бы одна полная книга. Обработка тех, что сохранились, – дело не быстрое: требуется сплошная расшифровка сотен листов, писанных поспешным писарским почерком. Дело осложняется тем, что сами по себе записи решений составлены не для того, чтобы исчерпывающе передать суть дела, а для того, чтобы выполнить тягостную формальность. Тем не менее первые же две «Книги на записку решений», оказавшиеся в наших руках – по Тулинской волости (Барнаульский уезд) за 1914 г. и по Башцелакской волости (Бийский уезд) за 1909 г., дали нам новое понимание конфликтов вокруг маслодельной кооперации.

Двадцать шестого сентября 1914 г. Тулинский волостной суд разбирал дело по иску Тулинской маслодельной артели против крестьянина Ефима Григорьевича Зеленцова ценой в 30 рублей (решение № 132) [20. Л. 179 об.–182]. Доверенный артели, тулинский же крестьянин Василий Киприанович Гуляев, в обоснование своей позиции представил договор от 21 декабря 1913 г., «...в котором между прочим – п[ункт] 5 выражено: Мы товарищи обязуемся дружно вести дело во взаимной пользе, молоко от своих коров не сдавать на какой-либо другой завод. Если же кто-либо из нас начнет свое молоко сдавать на другой какой-либо завод, то обязан уплачивать <...> неустойки по 5 руб. с каждой коровы и что ответчик Ефим Зеленцов действительно значится вписанным в договоре с 6 шт. коров от коих молоко[,] как объясняет доверенный[,] Зеленцов не сдает».

Ответчик пытался отклонять обвинение, отрицая сам факт своего участия в кооперативе. Но, как видно, доверенный припомнил ему кое-что, в результате чего Зеленцову пришлось дать уточнение, проливающее новый свет на положение дел с кооперацией в селе Тулинском. Вот как выглядит вся запись его показаний: «Ответчик кр[естянин] Ефим Григорьев Зеленцов объясняет, что он потому не сдает молоко от своих 6 коров маслодельной артели в с. Тулинском что

[участвовать] в компании маслодельной артели не соглашался, а внесли его как неграмотного самовольно. Добавил[,] что коров в маслодельную артель велел записать сам, только не соглашался под пункт условия соглашений неустойки[,] почему и не считает себя обязанным платить».

Дополнительное показание, заключённое в последнем предложении, меняет картину почти на противоположную! Оказывается, записаться в артель крестьянин хотел, но на особых условиях. Однако «в чужой монастырь со своим уставом не ходят»: волостные судьи присудили победу доверенному артели. Едва ли хоть раз получив деньги от артели, незадачливый кооператор уже потерял сумму, равную цене коровы!

Решение по делу Зеленцова полезно тем, что вызывает сомнения, одолевавшие крестьян в связи с маслодельными кооперативами. Они были непрочь участвовать в этом деле, но не хотели брать на себя кабальные обязательства, оформленные неустойкой. При таком подходе очевидно, что крестьянин рассматривает свои отношения с кооперативом как куплю-продажу товара, а не как участие в деле. Он рад получить деньги за лишнее молоко, но не рассматривает интересы артели как свои интересы. Остаётся, правда, не вполне понятным, проявляется ли таким образом природная осторожность, или сдатчик молока видит перед собой действительную возможность продать свой ценный товар в другие руки.

Несомненный ответ на этот вопрос дают два случая из башчелакского опыта. Первый из них – это дело по иску Покровской маслодельной артели против Ипата Фёдоровича Немцева (решение № 214) [21. Л. 178 об.–181]. Для начала нас интересует только один сюжет из этого дела. Свидетели показали, что «он, Немцев, сдавая молоко на частный завод, расстраивает артельщиков, предлагая отказаться от артели и сдавать молоко с ним вместе на частный завод в видах выгоды». Близкую формулировку находим и в деле Пономарёвской артели против Перфила Макарова (решение № 333) [21. Л. 277 об.–279]. Ответчик «объяснил, что молоко не стал носить вследствие того, что он нуждался в деньгах и стал носить молоко на купеческий завод». Итак, рядом с артельными заводами действительно существуют частные «купеческие» предприятия, которые платят то ли больше, то ли аккуратнее – в общем, платят лучше.

В ту же строку надо поставить и дополнительные расходы артели, которые доверенные тоже пытаются взыскать с ответчиков: это плата «за возку льда», которую выполняют местные же крестьяне. Цена доставки льда кажется незначительной по сравнению с размером неустойки: десятки копеек на фоне десятков рублей штрафа – и тем не менее эти копейки взыскиваются неукоснительно. Это, конечно, характеризует вездливость артельного руководства, но это и даёт представление о той стороне дела, наличие которой новоиспечённые артельщики, вероятно, осознавали не сразу. Когда крестьяне, желающие получать деньги за своё

молоко, соглашались «записаться» в артель, вряд ли организаторы ставили им на вид необходимость регулярно отчислять деньги на покрытие текущих расходов артели. Такая «ловкость рук» кооператоров должна была вызывать у сдатчиков раздражение тем большее, что на частных заводах такого, конечно, не было.

Теперь мы можем сказать уже уверенно, что система штрафов – это орудие в действительно существующей острой конкуренции маслодельных заводов. Для артельных руководителей это средство закрепления за собой сдатчиков молока, причём такое средство, которое обеспечивало им преимущество перед частными предпринимателями, не имевшими права закабалить своих сдатчиков юридически. Частникам оставалось лишь заманивать сдатчиков более высокой ценой, на что, очевидно, и рассчитывали крестьяне, не желавшие давать обязательство сдавать молоко непременно в одну и ту же артель.

Зачем же в таком случае сдатчики вообще приходили в артель? Напрашивается предположение, что и кооператоры время от времени приманивали владельцев молока повышенными ценами, которые затем снижались. Впрочем, ещё одно судебное решение может дать нечто новое для размышления над эти вопросом.

Речь идёт об иске Тулинской маслодельной артели против сразу пяти «крестьян членов артели» (решение № 35; в исковом заявлении значилось шестеро, но претензии к одному из них были сняты, пока заявление ждало суда) [20. Л. 55 об.–58]. Сумма иска против каждого из крестьян составляла от 10 до 20 рублей соответственно числу имеющихся коров (по 5 руб. за каждую). Прегрешение ответчиков доверенный артели, судя по записи, формулировал так: «самовольно ушли с артели[,] чем и нарушили договор». На самом же деле, как и в случае Зеленцова, спор был в другом: вступали или не вступали. Это ясно видно из показаний ответчиков. Крестьяне «заявили, что они к договору в артель не подписывались а мы только спрашивали сколько у них имеется коров в артель же они не соглашались и сейчас не согласны и если бы были согласны, то Кладов как грамотный должен бы сам расписат[ь]ся, а неграмотные – просить кого-либо расписат[ь]ся». Несмотря на путаницу с «мы» и «они», ясно, что всё это предложение передаёт реплики ответчиков. Насколько точно это куцее писарское описание отражает обсуждавшиеся вопросы – можно сомневаться, но общую картину происходившего мы получаем: крестьяне приходили к руководству артели разведать условия, на которых возможно сотрудничество, и сухой остаток этого разговора трактуется сторонами различно.

Крестьянское «в артель не соглашались» высказано вполне определённо, однако случай Зеленцова заставляет относиться к этим словам с сомнением. Кстати, и в этом случае один из ответчиков носил фамилию Зеленцов (Фома): уж не родственник ли Ефима, требовавшего себе персональных условий?

Отсутствие подписей «за неграмотных» – тоже довод не очень сильный. Это правда, что по-хорошему за неграмотного должен был расписаться кто-то другой. Но те же книги решений волостных судов показывают, что правило это соблюдалось не всегда.

А вот отсутствие подписи грамотного Константина Кладова – другое дело. Кто грамотный, а кто – нет, в деревне было известно отлично. Фамилия Кладова под договором без его собственноручной подписи была бы явной махинацией, поэтому записать его на собственное усмотрение доверенный никак не мог. Отсутствие же подписи показывает, что Кладов действительно не согласился. И поскольку истец не выделял Кладова из общего ряда ответчиков, то степень стремления всех ответчиков в артель была, надо думать, одинаковой. Отсутствие подписи Кладова – убедительное доказательство того, что трактовка артельным доверенным разговора с крестьянами как их желания вступить в артель была произвольной. Именно так и рассудил суд, отказав истцу.

Можно полагать, что победа ответчиков в данном случае зависела только от грамотности Кладова. В таком случае зачем доверенный включал его в иск – по недосмотру? Или был уверен, что разговор важнее подписи, что Кладова удастся пересилить? Это вопрос не праздный. Потому что доверенному действительно удалось пересилить – хотя и не Кладова, но зато всех остальных ответчиков по этому делу. Отказное решение волостных судей он обжаловал крестьянским начальникам, и те отменили решение волостного суда!

Лишь три из почти двухсот решений Тулинского волостного суда за 1914 г. были отменены крестьянскими начальниками. Образованные чиновники, люди причастные к городской культуре, старались без крайней нужды не вмешиваться в то, как крестьяне налаживают свою деревенскую жизнь. Но в случае Кладова и товарищей нужда, как видно, была крайней. Постановлением от 31 октября 1914 г. начальники постановили Кладова признать невиновным, а с остальных взыскать требуемую истцом сумму.

Это могло бы стать не очень неожиданным для тех, кто знал то, о чём рассказывал уже упоминавшийся Н.П. Макаров. «Сначала, – пишет он, – [волостной] суд не считался с кооперацией как с юридическим лицом, обладающим своими обычными правами», но затем «экономической секцией Томского съезда маслоделов 1907 г. было принято следующее положение: «Высказать пожелание о возбуждении съездом ходатайства о предложении крестьянским властям не препятствовать устройству кооперативных маслоделен» [11. С. 98]. Стремление автора, горячего поборника кооперации, изобразить чёрно-белую картину, сильно влияет на подбираемые им глаголы: «суд не считался с кооперацией» – это, очевидно, намёк на такие решения, как по делу Кладова и товарищей. Но главное ясно: кооператоры, пользуясь наличием у них отраслевых представительных органов, обратились к властям через голову всех волостных судов вместе взятых. Это обращение, очевидно, не осталось безрезультатным.

Что нового даёт случай Кладова и товарищей для понимания внутренних процессов в маслоделии?

Прежде всего, мы имеем ещё одно свидетельство о том, что принуждение к вступлению в артель было делом не единичным. Но главное – важно присмотреться к объяснению ответчиков о цели их прихода к доверенному. Если бы смысл их действий был такой же, как у Ефима Зеленцова, то они должны были бы спрашивать, по какой цене предлагается сдавать молоко. Но они спрашивали другое – «сколько у них имеется коров». «У них» в данном случае – это те, кому противопоставляют себя ответчики: сама артель. Количество коров в артели имеет значение лишь для тех, кто собирается в эту артель вступать по-настоящему. Ф. Холмогорский объяснял в своей брошюре: «...опытными людьми в деле переработки молока в Сибири считается безопасным начинать дело, если домохозяева, заявившие о своём участии в артели, имеют коров 200–250. Такое количество коров дает возможность вести дело и окупать все расходы, связанные с содержанием завода» [7. С. 14–15]. В Дании, примером которой вдохновлялись российские маслодельные кооператоры [22], минимум стоял ещё выше: 400 коров [23]. Очевидно, что тулинские крестьяне, выспрашивая количество коров в создаваемой артели, хотели оценить её жизнеспособность. Они могли бы стать не безразличными к общему делу сдатчиками, а настоящими кооператорами. И даже такие люди попадали под гребёнку штрафного затягивания в артель – затягивания, опиравшегося на поддержку государственной власти в лице крестьянских начальников.

По поводу поддержки власти требуется уточнение: хотя большинство исков маслоделов против сдатчиков молока заканчивалось победой артельных доверенных, известны и обратные случаи. Бацелакский суд, рассматривая 15 июля 1909 г. серию из четырёх исков Мало-Бацелакской артели о неустойках, отклонил иск ценой в 40 руб. к Еремею Петрову с его четырьмя коровами, «имея в виду, что у Петрова в настоящее время полное расстройство хозяйства, почему ему нет возможности выполнять договора» (решение № 325) [21. Л. 268 об.–269]. Следующий иск, ценой 30 руб., закончился мировой сделкой: «...ответчик Фролов предложил получить доверенному 10 рублей, на что последний согласился» (решение № 326) [21. Л. 268 об.–270]. Дело вовсе не в доброту доверенного: буквально перед тем он требовал с Елизара Феклистова 50 руб. за пять коров безо всяких поблажек (решение № 324) [21. Л. 267 об.–268]. Почему же в случае Фролова он пошёл на уступку? Может быть, и Пётр Фролов с его жалкими по сибирским меркам тремя коровами имел основания жаловаться на слабость хозяйства, и доверенный решил не рисковать, предпочёл «синицу в руках»? А в следующем деле тот же доверенный вновь взял с ответчика (Илья Плотников) сполна 50 руб., запрошенных изначально (решение № 327) [21. Л. 269 об.–270]. Видимо, Плотников никак не мог претендовать на скидку по бедности.

В ту же строку можно поставить апрельское решение того же года по уже упоминавшемуся спору между

Покровской артелью и Ипатом Немцевым. Оказывается, что спор этот был оформлен не одним, а двумя исками (решения № 214 и 215) [21. Л. 178 об.–182]. «Доверенный <...> просит взыскать с кр[естьянина] Ипата Немцева за нарушение маслодельного договора 70 рублей по числу 7 дойных коров» – содержание жалобы формулируется в двух подряд решениях настолько одинаково, что порождает недоумение: не повтор ли это, не ошибка ли? Но нет – изложение дела показывает, что ошибки нет. Просто у Немцева было не 7 коров, а 14, и неустойка должна была составить 140 рублей. Артель разбила эту сумму на два иска, чтобы пролезть под 100-рублёвую планку исков, подсудных волостному суду. Судьи пресекли эту хитрость, но так, чтобы не слишком обижать артель: удовлетворили первый из исков, отклонив второй «по неподсудности».

В графе ознакомления с решениями суда доверенный Покровской артели расписался под словами о том, что он решением суда «доволен». И даже отказное решение по иску Мало-Башцелакской артели к Еремее Петрову тоже осталось без обжалования: доверенный, значит, понимал, что доводы ответчика убедительны. И в целом, несмотря на некоторые попытки учесть особые обстоятельства крестьян, волостной суд всё-таки действовал как надёжное орудие принуждения крестьян к сдаче молока на артельные заводы. При всей той разнице между пострадавшими сдатчиками молока, о которой шла речь выше, складывается представление о ярко выраженном противостоянии между артельным руководством (доверенными) и массой простых артельщиков, которых эти руководители с помощью штрафов удерживают в артели.

Поправки в это представление вносит всё тот же случай Ипата Немцева. Дело в том, что Немцев, по объяснению свидетелей, не просто стал носить молоко на частный завод вместо артельного, но стал «расстраивать» артельщиков, «предлагая отказаться от артели и сдавать молоко с ним вместе на частный завод в видах выгоды[,] чем и желает подорвать интересы артели» [21. Л. 180].

В своей «агитационной работе» Немцев был не один. Прямо перед его делом разбирался иск той же Покровской артели против Федота Родионова (решение № 213) [21. Л. 177 об.–178]. Доверенный артели требовал с крестьянина 90 руб. Дело закончилось заранее подготовленной «миролюбивой сделкой» с необычным условием: «...доверенный Колмаков по предложению членов артели иск свой 90 рублей с Родионова прекратили в видах отказа последнего от артельного завода навсегда. Ответчик Родионов отказавшись обязался не вмешиваться в дела артельного завода». Первое, что здесь бросается в глаза, – это уточнение о том, что уступка Родионову сделана по предложению членов артели. Очевидно, это предложение не соответствовало мнению доверенного и он не успел на заседании выказать свою досаду.

Главное же, что удивляет в приведённой цитате, – это «обязался не вмешиваться»: не подходящая формулировка для описания отказа от сдачи молока. При всей неуклюжести иных писарских выражений надо думать, что за этими словами действительно стоит активное участие Родионова в спорах о Покровском маслодельном заводе. Одного отказа от этого «вмешательства» было, как видно из сопоставления с делом Ипата Немцева, недостаточно для того, чтобы артель отказалась от иска. К тому же Федот Родионов был в Покровке не полноправный член общества, а лишь «временно проживающий» – значит, переселенец, да ещё и непокладистый (в том же году он тягался с Покровским обществом о полетках – платежах за пользование усадьбным местом и пастбищами) (решение № 216) [21. Л. 182 об.–184]. При таких условиях различное отношение артельщиков к Родионову (которого простили) и Немцеву (которому назначили большой штраф) можно объяснить лишь тем, что Немцев более резко противопоставил себя артели.

По-видимому, это зависело не только от того, что он говорил крестьянам, но и от того, какое положение занимал накануне разрыва с артелью. В апрельском 1909 г. споре о плате за возку льда (решение № 219) Ипат Немцев назван бывшим доверенным артели! [21. Л. 187 об.–190]. Раз Немцев был доверенным, его уж точно не зачислишь в «записанных обманом»: он, значит, был настоящим членом кооператива, притом деятельным. Наконец мы имеем ответчика, который не может отказаться от своего имени под договором.

Правда, при таком подходе появляется недосказанность: почему Немцев, решив не иметь больше дела с этой артелью, не вышел из неё законным порядком? Порядок выхода из артели надо искать в её уставе. Покровский устав до нас не дошёл, зато известен устав Мало-Башцелакской артели [24. Л. 1–1 об., 5–7 об.]. Существенная роль, которая отводится в нём правительственному инструктору, показывает, что документ составлен при участии чиновников, и значит, это типовый устав. Можно думать, что как минимум в Башцелакской волости, а скорее всего, и во всей Томской губернии, артели были устроены на тех же основаниях. Согласно этому документу, выход из артели в течение первых пяти лет возможен только при уплате неустойки. При таком условии логично, что Немцев, разочаровавшись в кооперации, не ушёл молча, а стал бороться: смирение не избавило бы его от неустойки.

Мы не знаем, кому проиграл Ипат Немцев в этой борьбе – такому ли же, как он сам, богатому крестьянину, или маслодельному мастеру, который, возможно, был инициатором Покровской артели. Мы не можем сказать уверенно, пытался ли Ипат Немцев использовать артель для того, чтобы, по выражению Ф. Холмогорского, «поприжать на лишний грош» своих односельчан, или, напротив, пытался бороться против такого «прижимания» со стороны более влиятельных членов кооператива. Но мы видим, что даже доверенные не были застрахованы от того, чтобы попасть под действие штрафа за уход из артели. По-видимому, идея артельного маслоделия действительно возбуждала у многих крестьян надежды, побуждавшие

их вкладывать в общее дело свои силы и душу. Тот слой незадачливых кооператоров, с которым мы впервые столкнулись в деле Кладова и товарищей, благодаря делу Немцева приобретает дополнительный вес. Становится ясно, что эта «незадачливость» не обязательно появляется сразу; периоду разрыва с артелью может предшествовать период энергичного участия в делах артели.

Но и на этом не заканчивается разнообразие явлений из жизни маслодельной кооперации, которые открываются решениями волостных судов. Башчелакские материалы дают основание выделить разные типы артелей по их отношению к обладателям лишнего молока.

Спор между 2-й Больше-Башчелакской артелью и Павлом Серковым (решение № 330) выглядит поначалу как обычный спор из серии «записан / не записан»: «Доверенный 2-й Маслодельной артели дер. Б[ольшого] Башчелака Ерофей Чернаков просит взыскать с члена артели Павла Серкова неустойки по числу дойных коров 20 руб. и расходов понесенных по заведению завода 32 коп.» [21. Л. 274–275].

Но уже в формулировке позиции ответчика проглядывает нечто новое: «...он согласия своего быть членом 2-й артели не давал, так как он записан в 1-ю артель Большого Башчелака, куда и сдавал все время молоко». Необычно, что у ответчика есть довод не только отрицательный («я не записывался»), но и положительный («записан и сдаю молоко в другую артель»). В подтверждение этого Серков представил «удостоверение 1-й артели». Тем не менее суд решил дело в пользу истца, потому что «Серков в 1-й артели членом не состоит, а лишь как частный сдатчик молока, что же касается [того], что он записался членом открытой артелью лавки, то это не препятствует и не может быть причиной (на какую и основывается ответчик) состоять в той или другой артели».

Суд, таким образом, поступил по шаблону, выгодному маслоделам. Но крестьянские начальники, обычно требовавшие от судов именно таких решений, решение по делу Павла Серкова отменили (и это была одна из всего девяти отмен на 630 башчелакских решений, состоявшихся в том году). Логика крестьянских начальников можно понять. По существу, они воплотили здесь то же правило, что и в других случаях: если человек сдавал молоко, он – член артели. В других случаях это правило работало против крестьян (которых присуждали к штрафам), здесь (благодаря наличию конкурирующих артелей) неожиданно сработало за крестьянина. Своеобразие этого случая состояло, по всей вероятности, в том, что крестьянин успел сдать молоко и в 1-ю артель, и во 2-ю; крестьянские начальники, по-видимому, отдали предпочтение той артели, которая получила молоко первой.

Чем эта история важна для нас: оказывается, что в маслодельной артели всё-таки могли быть и обычные сдатчики молока, не члены артели. С учётом уже известного нам типового устава этот факт не должен был

бы нас удивлять. Второй пункт этого документа оговаривает исключительно добровольное вступление, с обязательным подписанием договора. И более того – уже в примечании к первому пункту читаем: «Артель может покупать молоко и со стороны, но только от лиц, которые почему-либо не хотят быть членами артели» [24. Л. 1]. Но мы-то уже видели в судебных решениях стремление маслоделов записать членом артели любого сдатчика. Итак: пункт о сторонних сдатчиках в уставе был, но не работал. Очевидно, что в деле Павла Серкова – в отличие от всех прочих – этот пункт сработал (после судебного вмешательства) только потому, что возникла конкуренция между артелями.

Размышляя над тем, почему она возникла, полезно учесть особенность 1-й Больше-Башчелакской артели, которая бросается в глаза при изучении перечня всех судебных дел тулинских и башчелакских маслоделов: из десяти артелей¹ это единственная, которая ни разу не выступает с исками против крестьян, зато трижды оказывается ответчиком по крестьянским искам. В одном случае артель добровольно согласилась уплатить деньги (решение № 597) [25. Л. 198 об.–199]; ещё в одном случае мировая сделка была заключена до суда (решение № 347) [21. Л. 291 об.–293]. Лишь один иск артель выиграла – это иск о разбавленном молоке, который только подтверждает порядочность руководителей артели по отношению к сдатчикам (заподозрив одного в разбавлении молока, они сначала подтвердили свои подозрения пробной дойкой и лишь затем накаляли сдатчика пониженной ценой) (решение № 497) [25. Л. 99 об.–102]. По всей видимости, 1-я Больше-Башчелакская артель являла редкий пример воплощения кооперативного идеала. Само появление 2-й артели (которая, конечно, была второй не только по названию, но и по времени появления) выглядит как «заполнение экологической ниши хищника». По-видимому, агрессивные методы борьбы за сдатчиков позволяли не только создавать предприятие в «маслодельно девственных» местах, но и вторгаться на уже занятую площадку.

Подведём итоги. Только благодаря решениям волостных судов мы можем уяснить значение фактора принуждения к участию в кооперативе для расцвета кооперативного маслоделия в Западной Сибири начала XX века.

Орудием этого принуждения были штрафы за несдачу молока в сочетании с принудительной записью в артель всех, кто так или иначе дал повод считать себя связанным с артелью. В артельных уставах пункты о штрафах воспринимаются как нечто второстепенное, как оговорка на какой-то маловероятный случай. На деле оказалось, что это регулярно используемое правило, один из главных столпов артели. Напротив, возможность приёма молока от посторонних сдатчиков, прямо прописанная в уставах, на деле не использовалась. Вместо этого любой факт сдачи молока, факт переговоров о вступлении в артель рассматривался как доказательство участия в артели.

Конфликт коренится в противоречии интересов сторон. Владельцам коров в условиях конкуренции маслоделов за молоко было выгодно сохранить возможность менять покупателя. Маслоделам же для обеспечения окупаемости завода требовалось обеспечить гарантированный минимум сырья.

Это и создавало напряжённую обстановку, постоянно требовавшую вмешательства судейского авторитета. Но вот что интересно: «маслодельные бунты» после 1902 г. уже не повторялись. Данные волостных судов объясняют и этот удивительный факт. Дело в том, что отношение сдатчиков молока к артели не сводилось только к логике «ты догоняешь – я убегаю». Часть крестьян, включая богатых, осознанно включалась в новое дело, что не мешало некоторым из них в дальнейшем оказываться в состоянии открытого конфликта с артелью. Успех артелей, таким образом, опирался не

только на хитрый замысел заводчиков-организаторов, но и на рвение значительной части крестьян, привлечённых идеей, увлекавшей многие миллионы людей в разных странах.

Наконец, пример двух Больше-Башчелакских артелей позволяет сформулировать удовлетворяющую имеющимся материалам гипотезу о том, что само артельное движение оказывается не однородным: наряду с агрессивными артелями существовали и «истинно кооперативные», которые не принуждали сдатчиков молока к вступлению в артель. Такие артели были менее многочисленны, более уязвимы для атак со стороны агрессивных конкурентов, и по-видимому, присутствовали на более раннем этапе развития кооперации. Так идея кооперации приспособлялась, подгонялась под людей и нравы западносибирской деревни капиталистической эпохи.

Примечания

¹ В наших документах упоминаются 26 исков, в которых участвуют артели: по Тулинской волости – Бороздинская (решение № 29) и Тулинская (35, 132), по Башчелакской – Покровская (213, 214, 215, 219), Сосновская (249, 387), Больше-Башчелакская 1-я (298, 330), Больше-Башчелакская 2-я (347, 497, 597), Мало-Башчелакская (143, 322, 324, 325, 326, 327), Пономаревская (333), Сентелекская (470, 473, 474, 553), Усть-Тулатинская (510).

Список источников

1. Чайковский Н.В. Кооперативное дело в Сибири: Союз сибирских маслодел. артелей. СПб. : С.-Петербург. отд-е Ком. о сел. ссудосберегат. и пром. т-вах, 1914. 56 с.
2. Holyoake G.J. The history of the Rochdale pioneers. 1844–1892. 3d edition revised and enlarged. London: Swan Sonnenschein & Co, Lim. New-York : Charles Scribner's Sons, 1900. 192 p.
3. Notz Gisela. Genossenschaften. Geschichte, Aktualität und Renaissance. Stuttgart : Schmetterling Verlag, 2021. 266 S.
4. Николаев А.А. Кооперация. (О том, как сообща можно выгоднее устраивать свои дела). 2-е изд. СПб., 1908.
5. Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 391 с.
6. Gourevitch A. From Slavery to the Cooperative Commonwealth: Labor and Republican Liberty in the Nineteenth Century. Cambridge University Press, 2015. 220 p.
7. Холмогорский Ф. Как выгоднее вести молочное хозяйство. Маслодельные артели. М. : Типография т-ва И.Д. Сытина, 1914. 60 с.
8. Williams Richard C. The cooperative movement: globalization from below. Ashgate Publishing Limited, 2007. 230 p.
9. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М. : Наука, 1995. 269 с.
10. Мурашкинцев А.А. Кооперативное маслоделие в Западной Сибири. СПб., 1902. 26 с.
11. Макаров Н.П. Крестьянское кооперативное движение в Западной Сибири. М., 1910. 205 с.
12. Степаненко И.Ф., Комков М.П. Сибирское маслоделие. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1928. 201 с.
13. Николаев А.А. Историография сибирского маслоделия первой трети XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 3. С. 18–23.
14. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск : Наука, 1967. 412 с.
15. Скобелев К.В. «Молочные бунты» в Сибири в начале XX в. // Омский научный вестник. 2010. № 3 (88). С. 17–20.
16. Ермачкова Е.П. Кооперативное маслоделие в исторической локализации Прииримья рубежа XIX–XX столетий // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2015. Вып. 9 (162). С. 167–172.
17. Швецов С.П. «Молочные бунты» в Сибири и их причины // Русское богатство. 1902. № 3. С. 96–118.
18. Почеревин Е.В. Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX в. – 1917 г.). Бийск : Алтайская гос. академия образования им. В.М. Шукшина, 2013. 286 с.
19. Гордеева М.А. Делопроизводственная документация Тулинского волостного суда как источник изучения крестьянства Западной Сибири начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 3. С. 107–111.
20. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 204.
21. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 182. Оп. 1. Д. 85.
22. Каратыгин Е.С. В стране крестьянских товариществ. Очерк развития товарищеского начала в сельском хозяйстве Дании. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Типография Редакции периодических изданий Министерства финансов, 1913. 165 с.
23. Henriksen I., Viid M., Sharp P. Law and Peace: Contracts and the Success of the Danish Dairy Cooperatives // The Journal of Economic History. March 2012. Vol. 72, № 1. P. 197–224.
24. ГААК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 146.
25. ГААК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 84.

References

1. Chaykovskiy, N.V. (1914) *Kooperativnoe delo v Sibiri: Soyuz sibirskikh maslodel. arteley* [Cooperative business in Siberia: Union of Siberian butter-making artels]. St. Petersburg: S.-Peterb. otd-e Kom. o sel. ssudosberegat. i prom. t-vakh.
2. Holyoake, G.J. (1900) *The history of the Rochdale pioneers. 1844–1892. 3d edition revised and enlarged*. London: Swan Sonnenschein & Co, Lim. New-York: Charles Scribner's Sons.
3. Notz Gisela. (2021) *Genossenschaften. Geschichte, Aktualität und Renaissance*. Stuttgart: Schmetterling Verlag.
4. Nikolaev, A.A. (1908) *Kooperatsiya. (O tom, kak soobshcha mozno vygodnee ustraivat' svoi dela)* [Cooperation. (On how to organize your affairs more profitably together)]. 2nd ed. St. Petersburg
5. Korelin, A.P. (2009) *Kooperatsiya i kooperativnoe dvizhenie v Rossii. 1860–1917 gg.* [Cooperation and the cooperative movement in Russia. 1860–1917]. Moscow: ROSSPEN.

6. Gourevitch, A. (2015) *From Slavery to the Cooperative Commonwealth: Labor and Republican Liberty in the Nineteenth Century*. Cambridge University Press.
7. Kholmogorskiy, F. (1914) *Kak vygodnee vesti molochnoe khozyaystvo. Maslodel'nye arteli* [How to run a dairy farm more profitably. Butter-making artels]. Moscow: Tipografiya t-va I.D. Sytina.
8. Williams, R.C. (2007) *The cooperative movement: globalization from below*. Ashgate Publishing Limited.
9. Tarnovskiy, K.N. (1995) *Melkaya promyshlennost' Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Small-scale industry of Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka.
10. Murashkintsev, A.A. (1902) *Kooperativnoe maslodelie v Zapadnoy Sibiri* [Cooperative butter making in Western Siberia]. St. Petersburg.
11. Makarov, N.P. (1910) *Krest'yanskoe kooperativnoe dvizhenie v Zapadnoy Sibiri* [Peasant cooperative movement in Western Siberia]. Moscow.
12. Stepanenko, I.F. & Komkov, M.P. (1928) *Sibirskoe maslodelie* [Siberian butter making]. Novosibirsk: Sibkrayizdat.
13. Nikolaev, A.A. (2019) *Istoriografiya sibirskogo maslodeliya pervoy trety XX v.* [Historiography of Siberian butter making in the first third of the 20th century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 26 (3). pp. 18–23.
14. Goryushkin, L.M. (1967) *Sibirskoe krest'yanstvo na rubezhe dvukh vekov* [Siberian peasantry at the turn of the century]. Novosibirsk: Nauka.
15. Skobelev, K.V. (2010) "Molochnye bunty" v Sibiri v nachale XX v. ["Milk riots" in Siberia at the beginning of the 20th century]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 3 (88). pp. 17–20.
16. Ermachkova, E.P. (2015) *Kooperativnoe maslodelie v istoricheskoy lokalistike Priishim'ya rubezha XIX–XX stoletiy* [Cooperative butter production in the historical localization of the Ishim region at the turn of the 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 9 (162). pp. 167–172.
17. Shvetsov, S.P. (1902) "Molochnye bunty" v Sibiri i ikh prichiny ["Milk riots" in Siberia and their causes]. *Russkoe bogatstvo*. 3. pp. 96–118.
18. Pocherevin, E.V. (2013) *Nizovaya administrativno-sudebnaya sistema v Altayskom okruge (konets XIX v. – 1917 g.)* [The Lower Administrative-Judicial System in Altai Okrug (the End of the 19th Century – 1917)]. Biysk: Altai State Academy of Education named after V.M. Shukshin.
19. Gordeeva, M.A. (2016) *Deloproizvodstvennaya dokumentatsiya Tulinskogo volostnogo suda kak istochnik izucheniya krest'yanstva Zapadnoy Sibiri nachala XX v.* [Office Work Documentation of the Tulin Volost Court as a Source for Studying the Peasantry of Western Siberia in the Early 20th Century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 23 (3). pp. 107–111.
20. State Archive of Novosibirsk Oblast. Fund D-78. List 1. File 204.
21. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 182. List 1. File 85.
22. Karatygin, E.S. (1913) *V strane krest'yanskikh tovarishchestv. Ocherk razvitiya tovarishcheskogo nachala v sel'skom khozyaystve Danii* [In the Country of Peasant Associations. An outline of the development of the cooperative principle in agriculture in Denmark]. 2nd ed. St. Petersburg: Tipografiya Redaktsii periodicheskikh izdaniy Ministerstva finansov.
23. Henriksen, I., Hviid, M. & Sharp, P. (2012) Law and Peace: Contracts and the Success of the Danish Dairy Cooperatives. *The Journal of Economic History*. March. 72 (1). pp. 197–224.
24. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 182. List 1. File 146.
25. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 182. List 1. File 84.

Информация об авторах:

Кириллов А.К. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник сектора истории второй половины XVI – начала XX века Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: alkir.nsk@gmail.com

Почеревин Е.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Бийского филиала им. В.М. Шукшина Алтайского государственного педагогического университета (Бийск, Россия). E-mail: pev2@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.K. Kirillov, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alkir.nsk@gmail.com

E.V. Pocherevin, Cand. Sci. (History), associate professor, Biysk Branch of Altai State Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: pev2@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.06.2024;
одобрена после рецензирования 22.07.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 26.06.2024;
approved after reviewing 22.07.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

Научная статья
УДК 902/904
doi: 10.17223/15617793/507/14

Мультидисциплинарные исследования духовной культуры на базовых археологических памятниках Барабинской лесостепи*

Вячеслав Иванович Молодин¹

¹ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия, molodin@archaeology.nsc.ru

Аннотация. Барабинская лесостепь, богатая природными ресурсами, занимает обширные пространства Обь-Иртышского междуречья. Исследование памятников археологии с применением мультидисциплинарного подхода способствовало эффективному изучению духовной культуры, пластического и декоративно-прикладного искусства обитателей региона. Археологические исследования активизировались в Барабе со второй половины прошлого века и приобрели особый размах на базовых памятниках, активно изучаемых в настоящее время. В статье предлагается обзор основных итогов по изучению духовной культуры, полученных с использованием мультидисциплинарного подхода.

Ключевые слова: мультидисциплинарные исследования, духовная культура, археологические памятники

Источник финансирования: работа выполнена при финансовой поддержке РНФ № 23-18-00424 «Мультидисциплинарные исследования духовной культуры и первобытного искусства населения Западной Сибири и Центральной Азии в древности».

Для цитирования: Молодин В.И. Мультидисциплинарные исследования духовной культуры на базовых археологических памятниках Барабинской лесостепи // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 125–132. doi: 10.17223/15617793/507/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/14

Multidisciplinary research of spiritual culture on basic archaeological sites of the Baraba forest-steppe

Vyacheslav I. Molodin¹

¹ Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, molodin@archaeology.nsc.ru

Abstract. The aim of this research is to conduct a comprehensive analysis of multidisciplinary studies on spiritual culture and artistic crafts, focusing on key archaeological sites within the Baraba forest-steppe area. The primary sources of information are the most significant objects, including settlements, burial grounds, and sanctuaries, from the Holocene era that were studied during the latter part of the previous century and the beginning of the current one. The Baraba forest-steppe covers vast areas of the Ob-Irtysh interfluvium. During the Holocene, the climate in this region was relatively mild, and the presence of numerous lakes and river systems created an ideal habitat for fish and waterfowl. The rich vegetation provided excellent conditions for the development of livestock farming and the habitat for wild animals that are characteristic of both taiga and steppe ecosystems. So, due to its rich vegetation, diverse fauna, mild climate, and the presence of rivers and lakes, including one of the largest in Siberia – Lake Chany – this region created favorable conditions for both human habitation and migration along both meridional and latitudinal directions. The only significant disadvantage of the region was the near-total lack of decorative stone and copper deposits. This forced the inhabitants of the Baraba to travel south in search of these essential resources. Nonetheless, thanks to the advancement of iron tool manufacturing techniques, they were able to establish an active production in the area based on the extraction of iron from marshy ores. The initial archaeological explorations in the Baraba region commenced in the 19th century, with the contributions of eminent scholars such as V.V. Radlov, S.M. Chugunov, G.O. Ossowskiy, and N.M. Yadrintsev. However, it was not until the latter half of the twentieth century that extensive research truly intensified. Particular focus has been directed towards the examination of significant multicultural sites, including the Sopka-2, Tartas-1, and Chicha-1 settlements dating from the Late Bronze Age to the transition period between the Bronze and

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

Iron Ages. Noteworthy developments in research methodologies include the widespread adoption of geophysical monitoring techniques and wide areas excavation practices. The exploration of spiritual culture is incomplete without a comprehensive analysis of the ritualistic practices associated with funerary rites, which draw upon, among other sources, anthropological and paleogenetic evidence. The key reference works on this topic are presented. Thus, significant conclusions have been drawn regarding the study of spiritual culture through the multidisciplinary approach, primarily focusing on the key sites of the Ob-Irtysh region, which have been documented in monographs, articles and other scientific publications.

Keywords: multidisciplinary research, spiritual culture, archaeological sites

Financial support: The work was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00424: Multidisciplinary Research of Spiritual Culture and Primitive Art of the Population of Western Siberia and Central Asia in Ancient Times.

For citation: Molodin, V.I. (2024) Multidisciplinary research of spiritual culture on basic archaeological sites of the Baraba forest-steppe. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 125–132. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/14

Барабинская лесостепь занимает обширные пространства между великими сибирскими реками – Обью и Иртышом, простираясь с запада на восток на расстояние более семисот километров. С севера Бараба граничит с таежно-болотистой зоной, при этом Васюганское болото вторгается в часть данной территории. На юге Бараба плавно переходит в Кулундинскую степь. В широтном отношении она достигает порядка двухсот километров [1]. В период голоцена, в условиях Западной Сибири, лесостепь отличалась достаточно мягким климатом, а обилие озер и речных систем способствовало обитанию здесь рыбы и водоплавающей дичи. Наличие богатого травостоя создавало прекрасные условия для интенсивного развития скотоводства и обитания диких животных, характерных как для таежной, так и для степной зон. Кроме того, ярко выраженный равнинный рельеф местности и текущие в широтном направлении реки Омь и Тара, река Тартас, текущая в меридиональном направлении, одно из крупнейших озер Сибири – озеро Чаны, в определенные периоды голоцена имевшее прорывы на западе в р. Иртыш [2], – все это благоприятствовало миграциям человеческих популяций во всех направлениях.

Барабинскую лесостепь отличает и ярко выраженный равнинный рельеф, перепады высот здесь крайне минимальные, что также способствовало передвижению населения как в широтном, так и в меридиональном направлениях. Выраженный равнинный рельеф территории содействовал уже в финальной стадии бронзового века овладению человеком навыками земледельческой экономики, получившей развитие в последующие эпохи.

Несомненным недостатком региона является почти полное отсутствие поделочного камня и залежей медной руды, что вынуждало обитателей Барабы совершать путешествия на юг с целью получения необходимых жизненных ресурсов. Впоследствии, с овладением производством железных орудий, в регионе было поставлено их активное производство на базе получения железа из болотной руды.

Все вышеперечисленное, бесспорно, способствовало активному освоению Барабинской лесостепи человеком в различные периоды его истории. Для реконструкции историко-культурных процессов главным источником являются памятники археологии.

В совокупности с данными этнографии, а также других дисциплин удастся реконструировать не только

материальную культуру, палеоэкономику, духовную сторону жизни человека, но и оценить его пластическое и декоративно-прикладное искусство.

Первые археологические исследования на территории Барабы проводились начиная с XIX в. и связаны с именами таких ученых как В.В. Радлов, С.М. Чугунов, Г.О. Оссовский, Н.М. Ядринцев и другие, однако понастоящему масштабные исследования активизировались здесь в послевоенное время, т.е. в середине XX в.

После окончания Великой Отечественной войны археологические исследования на территории Барабинской лесостепи были связаны с деятельностью вузовских структур. В Новосибирском государственном педагогическом институте археологическое направление возглавила Татьяна Николаевна Троицкая, в Томском государственном университете – Владимир Иванович Матющенко. Позднее к исследованиям в Барабе подключился Свердловский государственный университет под руководством Владимира Федоровича Генинга¹.

Далее к активной деятельности по изучению Барабы стали подключаться и учреждения Академии наук СССР, прежде всего Институт истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством Алексея Павловича Окладникова (впоследствии – академика), а также Институт археологии АН СССР в лице таких ученых, как М.Ф. Косарев, В.А. Могильников и Н.Л. Членова и Ленинградское отделение Института археологии АН СССР в лице, прежде всего, М.П. Грязнова² и М.Н. Комаровой.

В результате уже к 80-м гг. XX в. удалось провести масштабные исследования, некоторые итоги которых аккумулированы в ряде монографических (см., например: [3–5]). Полученные масштабные данные явились мощным подспорьем для развития археологических исследований в означенном регионе в конце XX и в уже текущем XXI в. При этом отмеченные труды и сегодня являются актуальными – в них рассматриваются проблемы материальной и духовной культуры обитателей региона в различные периоды истории человечества, прежде всего – в эпоху бронзы.

Надо сказать, что результатом совместных усилий как вышеуказанных исследователей, так и их многочисленных учеников и последователей за предельно короткий срок была разработана модель, демонстрирующая историко-культурные процессы в регионе с момента появления здесь первого человека (примерно

18 тыс. лет назад) до этнических групп, прежде всего барабинских и других групп сибирских татар, а также южных хантов, обитавших на данной территории вплоть до прихода сюда русского населения.

В настоящей работе мы предлагаем конспективный обзор некоторых основных итогов, полученных в Барабинской лесостепи по изучению духовной культуры на базовых археологических памятниках. На сегодняшний день таких памятников в означенном регионе насчитывается не один десяток, однако в рамках данной работы мы сконцентрируем внимание на наиболее масштабных и хорошо изученных.

Несомненно, особо значимое место принадлежит итогам изучения комплекса, расположенного в месте слияния рек Тартас и Омь и состоящего из разновременных и разнокультурных памятников, объединенных общим названием «Сопка-2». Фактически с начала изучения этого объекта нами использовалась принципиально новая методика, предопределяющая вскрытие культурного слоя сплошной площадью, невзирая на его рельефные признаки [6], а также широкое использование геофизических методов. Кроме того, при обработке полученных материалов широко использовались антропологические исследования [7, 8], а также появившиеся возможности палеогенетического анализа [9] и данные радиоуглеродного датирования [10].

Мультидисциплинарный подход к анализу источников предоставлял в наше распоряжение принципиально новые знания, касающиеся проблем духовной культуры, связанных с реконструкцией погребальной практики, а также возможных этногенетических реконструкций и специальной оценки предметов пластического и декоративно-прикладного искусства, которые оперативно вводились в научный оборот [11]. Полевые исследования памятника проводились в течение тринадцати полевых сезонов.

На Сопке-2 было исследовано около семисот погребальных комплексов от эпохи неолита до позднего средневековья, включая захоронения целого спектра культур эпохи развитой и поздней бронзы. В результате получены фундаментальные знания по реконструкции погребальной практики носителей археологических культур на протяжении нескольких тысячелетий. При этом открытые на Сопке-2 культурные образования были обоснованы монографически [12–15]. В результате исследований, проведенных на могильниках памятника Сопка-2, удалось существенно удревнить неолитическую эпоху в означенном регионе. Это же касается и культур эпохи раннего металла, открытых в Барабе. Был сделан принципиально важный вывод, что в лесостепной части Западной Сибири культурно-исторические процессы развивались в конце неолита – начальной стадии эпохи металла синхронно явлениям, происходившим в восточноевропейской лесостепи. Получены данные о том, что ранняя стадия кротовской культуры, без сомнения, уходит в III тыс. до н.э. Прекрасно выделяется и позднекротовский (черноозерский) комплекс, сосуществовавший с андроновской (федоровской) культурой и сформировавшийся благодаря синтезу указанных этнокультурных образований. Можно ставить вопрос о генетической линии развития

погребальной практики, являющейся ярким показателем эволюции духовной культуры человека в эпоху неолита–бронзы. Кроме того, были получены принципиально новые данные по пластическому и декоративно-прикладному искусству.

Важно также отметить, что благодаря результатам полномасштабных раскопок памятника Сопка-2 удалось ввести в научный оборот погребальные комплексы эпохи поздней бронзы и раннего железного века, прежде всего саргатской культуры, а также захоронения первой половины II тыс. н.э. Подробно, с привлечением этнографических параллелей были рассмотрены предметы вещественного комплекса, включающие уникальные образцы духовной культуры, а также сложнейшие нюансы погребальной практики.

Кроме того, на памятнике Сопка-2 было полностью исследовано святилище позднесредневековой кыпчакской культуры, содержащее серию оригинальных архитектурных ансамблей с богатейшим набором сакрального инвентаря, включающего образцы чудом сохранившейся деревянной скульптуры [16, 17]. Важнейшим научным итогом стала реконструкция обрядовой практики таяжского населения на основе носителей угорского этноса, мигрирующего на юг и обитавшего в Барабе вместе с автохтонным населением барабинских татар. Важно отметить, что на святилище были выявлены и признаки человеческих жертвоприношений, останки животных и птиц, а также черепа (головы) собак.

Разумеется, предлагаемые семантические реконструкции были бы невозможны, если бы мы не обращались к этнографическим данным, в полной мере осуществляя мультидисциплинарный подход к анализу источников.

Масштабные научные данные, касающиеся в том числе духовной культуры периода поздней бронзы и переходного от эпохи бронзы к раннему железному веку времени, были получены в результате исследования городища Чича-1, расположенного в восточной части акватории озера Чаны. Раскопкам предшествовал фронтальный геофизический мониторинг, позволивший говорить о сложной планиграфии памятника, включающей жилую и оборонительную систему комплекса [18, 19].

Полученные в результате многолетних раскопок материалы полностью введены в научный оборот. Третий, заключительный том серии содержит аналитические материалы, в основу интерпретации которых положен мультидисциплинарный подход к анализу полученных источников [20].

Особое место было уделено характеристике духовной культуры. Это, прежде всего, богатейшие керамические комплексы, позволившие, помимо решения проблем культурогенеза, аккумулировать принципиально новые данные по декоративно-прикладному искусству [21], а также дать оценку оригинальной серии предметов пластического искусства, обнаруженных на городище [22]. Особая значимость материалов памятника Чича заключалась в том, что его обитатели происходили из различных мест Западной Сибири, а городище представляло собой своего рода факторию, где

смешивались традиции носителей культур лесостепной, таежной и степной зон. Такая тесная интеграция отразилась в том числе на декоративно-прикладном искусстве, представленном огромным керамическим комплексом.

Говоря о памятнике Чича-1, следует иметь в виду, что нами были проведены раскопки лишь его незначительной части, поэтому памятник представляет огромные перспективы для проведения стационарных раскопок и целенаправленных действий по решению целого ряда проблем, в том числе связанных с исследованием духовной сферы человека.

Первое десятилетие текущего века было посвящено изучению еще одного грандиозного памятника, получившего название «Тартас-1» и расположенного на правом берегу одноименной реки, на второй надпойменной террасе урочища Таи – грандиозного по своим масштабам заимки с богатыми рыбными ресурсами и, что особенно важно для скотоводческого населения, стабильным травостоем. Урочище притягивало людей во все времена, по-видимому, с финальной стадии плейстоцена на протяжении всего голоцена, о чем свидетельствует огромное количество археологических памятников различных эпох и культур, сосредоточенных на его обоих берегах. Кроме того, археологические стоянки выявлены в том числе в пойме, которая периодически освобождалась от воды, привлекая к себе человека.

На памятнике Тартас-1, благодаря специфическим условиям (прежде всего стабильной незатопляемости), сосредоточены поселенческие, погребальные и ритуальные комплексы различных эпох и культур. С помощью геофизического мониторинга и фронтального вскрытия всей площади комплекса полностью исследована раннеолитическая стоянка открытой в регионе барабинской неолитической культуры [23], святилище пахомовской культуры с несколькими архитектурными сооружениями и оригинальными погребальными комплексами, а также представительные могильники эпохи неолита, ранней развитой и поздней бронзы, раннего железа и средневековья. Общее количество исследованных захоронений, выявленных на памятнике, превысило 800 [24].

Полученные материалы находятся в стадии углубленного мультидисциплинарного изучения, что позволяет активно реконструировать материальную и духовную культуру населения, обитавшего в Барабинской лесостепи на протяжении всего периода голоцена. В качестве ближайшей перспективы мы рассматриваем полную публикацию полученных здесь многоплановых источников, подготовку аналитического тома с всесторонними реконструкциями историко-культурных процессов, включающих проблемы погребальной практики, а следовательно, вопросов духовной культуры.

На рассматриваемой территории, кроме изучения названных выше объектов, была исследована значительная серия могильников и поселений, расположен-

ных преимущественно в западной и центральной частях Барабинской лесостепи, содержащих обширный материал, касающийся духовной культуры населения региона на разных этапах его развития. На этих памятниках найдено немало предметов пластического и декоративно-прикладного искусства. Особо следует отметить ритуальный комплекс на раннеолитическом святилище в урочище Таи, содержащий великолепные предметы из рога и кости, например фигуру лебедя и намершие в виде головы лося (рис. 1). Мультидисциплинарное изучение уникального в своем роде раннеолитического святилища, несомненно, открыло новую яркую страницу духовной жизни населения региона на заре голоцена [25]. Получены новейшие данные, касающиеся относительной и абсолютной хронологии архитектурного ансамбля и многочисленных входящих в его состав объектов. Эти данные позволяют констатировать, что святилище бытовало в VII–VI тыс. до н.э. Удалось провести параллели с кругом святилищ, характерных для таежной и лесостепной частей неолитических культур Евразии. В результате исследования получены сведения о проявлениях обрядовой практики, свидетельствующие о чрезвычайно сложной мифологии, сформировавшейся у западносибирских охотников и рыболовов на заре новолитического века.

Уместно упомянуть и такие памятники, как поселения Венгерово-2, Венгерово-3 [26, 27], Автодром-2 [28], могильник Венгерово-2А [29], Усть-Тартасские курганы [30], могильник пахомовской культуры Старый Сад [31], не говоря уже о монографически изученных памятниках Преображенка-3, Преображенка-6, а также Абрамово-4, Туруновка 1–4. Все эти и другие исследованные в Барабинской лесостепи объекты обогатили наши представления о духовной культуре и пластическом и декоративно-прикладном искусстве представителей многочисленных археологических культур и эпох.

Следует особо отметить, что по ряду современных административных районов Новосибирской области, расположенных на территории Барабинской лесостепи, удалось подготовить и опубликовать «Свод археологических памятников», содержащие как сведения об археологических объектах, так и некоторые результаты их исследований, включающие комплексы и отдельные находки, демонстрирующие великолепные образцы духовной культуры [32–34]. Опубликованная серия «Сводов...» на сегодняшний день насчитывает более десяти томов, является единственной для сибирских краев и областей и представляет собой прекрасный пример систематизации информации по историко-культурному наследию.

Отдельно подчеркнем, что полученные по итогам изучения Барабинской лесостепи результаты, в том числе по реконструкции духовной культуры вошли в обобщающие научные сочинения в рамках новейшей версии подготовленной Институтом археологии и этнографии СО РАН «Истории Сибири» [35, 36], в которой оданной проблеме посвящены особые разделы и главы.

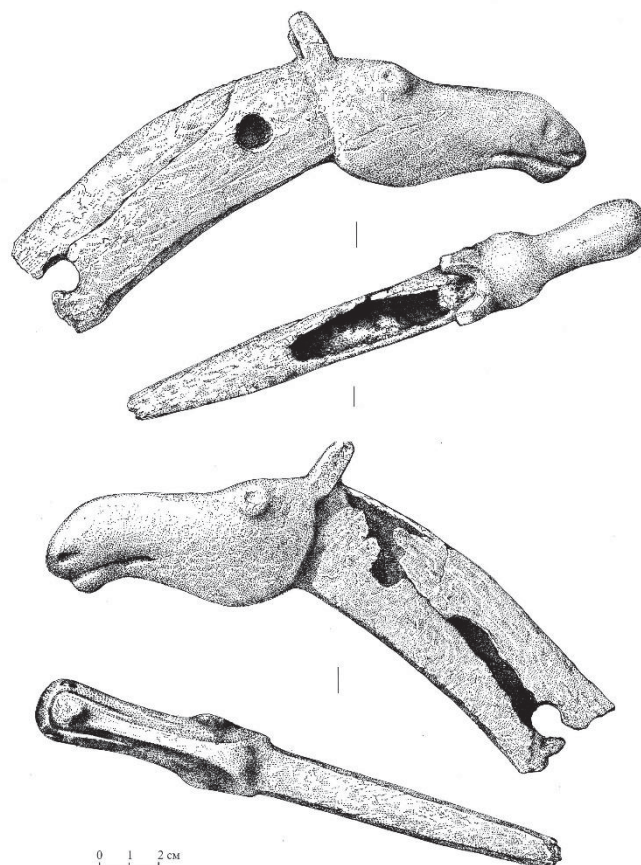

Рис. 1. Скульптурное изображение головы лося из ритуального комплекса на раннеолитическом святилище в урочище Таи

Новая версия «Истории Сибири» аккумулировала огромную научную информацию, накопленную на основании многолетнего изучения территории Сибири и Дальнего Востока с использованием мультидисциплинарного подхода. На сегодняшний день данное издание является по-своему уникальным. Кроме того, проблемы первобытного искусства и духовной культуры особо освещены на страницах научно-популярной литературы для старших школьников рассматриваемого региона Сибири [37].

В заключение можно сделать следующий вывод о том, что предлагаемый читателю конспективный обзор некоторых проблем духовной культуры, проводимый

при помощи мультидисциплинарного подхода на базовых памятниках Обь-Иртышского междуречья, подкрепленный масштабными раскопками на других объектах, позволил сформулировать ряд важнейших выводов, представленных в монографических изданиях, ряде статей и научно-популярной литературе. Вместе с тем это лишь первый шаг в деле изучения древнейшей и древней истории как рассматриваемого в статье Барабинского региона, так и Сибири в целом. Дальнейшие разведки и раскопки, несомненно, обогатят нас новой уникальной информацией, в том числе в плане изучения проблем духовной культуры, пластического и декоративно-прикладного искусства.

Примечания

¹ Все названные ученые впоследствии стали докторами наук.

² Впоследствии доктора наук.

Список источников

1. Панади А.Д. Барабинская низменность. М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1953. 232 с.
2. Молодин В.И., Дураков И.А. О возможных артериях – озеро Чаны – река Иртыш и их роль в культурно-историческом процессе (Западная Сибирь, эпоха бронзы) // История и практика археологических исследований : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР, проф. А.А. Спицына (Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г.). СПб., 2008. С. 331–337.
3. Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск : Наука, 1980.
4. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985.
5. Матюшенко В.И., Силицына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск : Изд-во ТГУ, 1988.
6. Молодин В.И. Методика исследования курганных могильников сплошными площадями // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны : тез. докл. науч. конф. Липецк, 1992. С. 16–17.

7. Чижишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпоху неолита – раннего железного века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2010. 50 с.
8. Чижишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпоху неолита – раннего железа. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.
9. Пилипенко А.С. Реконструкция процессов формирования населения Барабы эпохи бронзы методами анализа вариативности мтДНК : автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 2010. 16 с.
10. Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.С. Новые данные по радиоуглеродной хронологии погребальных комплексов могильника Сопка-2 эпохи ранней – развитой бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. XII, ч. 1. С. 422–427.
11. Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири (Обь-Иртышская лесостепь). Новосибирск : Наука, 1992. 191 с.
12. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 1: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 127 с.
13. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 3: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск, 2012.
14. Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. 450 с.
15. Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 5: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (черноозерской), андроновской (федоровской), ирменской и пахомовской культур. Новосибирск, 2019.
16. Молодин В.И., Ефремова Н.С., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 6: Ритуальные комплексы эпохи Средневековья. Новосибирск, 2021.
17. Молодин В.И. Деревянные антропоморфные изваяния из культовых комплексов эпохи Средневековья (Западная Сибирь) // Северная Азия от древности до Средневековья : тез. докл. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 1992. С. 227–229.
18. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи: первые результаты исследований / Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фасбиндер И., Манштейн А.К., Дядьков П.Г. Новосибирск, 2001. Т. 1. 240 с.
19. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенек Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Т. 2. Новосибирск ; Берлин : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 336 с.
20. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К., Казанский А.Ю., Чемякина М.А., Матасова Г.Г., Васильевский А.Н., Овчаренко А.С., Гришин А.Е., Ермакова Н.В., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Некрасова О.А., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Зубова А.В., Чижишева Т.А., Поздняков Д.В., Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Новикова О.И., Васильев С.К., Шнеевайс Й., Приват К., Болдырев В.В., Дребущак В.А., Дребущак Т.Н., Деревянко Е.И., Бородавский А.П., Бургарт Д., Ренке И., Кузьминых С.К., Марченко Ж.В. Т. 3. Новосибирск, 2009.
21. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Керамика городища Чича-1 как источник по истории переходного времени от бронзового к железному веку // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве. Новосибирск, 2004. С. 101–106.
22. Глиняные скульптурки городища Чича-1 / Молодин В.И., Чемякина М.А., Парцингер Г., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Гришин А.Е., Марченко Ж.В. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения юга Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 1. С. 333–340.
23. Molodin V.I., Hansen S., Mylnikova L.N., Reinhold S., Nenachov D.A., Nesterova M.S., Durakov I.A., Kobleva L.S., Nenachova Ju.N. Der frühneolithische Siedlungskomplex am Unterlauf des Tartas (Südwestsibirisches Tiefland) // Eurasia Antiqua. 2021 (2017). № 23.
24. Тартас-1 – перекресток культур и эпох / Молодин В.И., Парцингер Г., Мыльникова Л.Н., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ефремова Н.С., Наглер А., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Селин Д.В. Т. 1. Новосибирск, 2022.
25. Раннеэнеолитическое святилище урочища Таи / Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Селин Д.В., Зоткина Л.В., Пархомчук Е.В., Рендю У. Новосибирск, 2023.
26. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск : Наука, 1977. 171 с.
27. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Глиняная «погремушка» в виде головы медведя и варианты ее использования носителями кротовской культуры (эпоха бронзы, конец III тыс. до н.э., Барабинская лесостепь) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 16–22.
28. Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение артынской культуры Автодром-2 – памятник позднего неолита в барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 1.
29. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерово-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты междисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, № 2. С. 30–46.
30. Савинов Д.Г., Полосмак Н.В. Новые материалы по эпохе бронзы и раннего железа в Центральной Барабе // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск : Наука, 1985. С. 78–103.
31. Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе / Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 180 с.
32. Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. Новосибирск : НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия, 1998. 139 с. (Мат-лы «Свода памятников истории и культуры народов России». Вып. 3).
33. Молодин В.И., Новиков А.В., Софеев О.В. Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области. Новосибирск : НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия, 2000. 223 с. (Мат-лы «Свода памятников истории и культуры народов России». Вып. 4).
34. Молодин В.И., Соловьев А.И., Чемякина М.А., Сумин В.А., Ануфриев Д.Е., Евтеева Е.М., Князев А.О., Кравченко Е.В. Археологические памятники Чановского района Новосибирской области. Новосибирск, 2011. (Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Вып. 8).
35. История Сибири. Каменный и бронзовый век. Т. 1. Новосибирск, 2022.
36. История Сибири. Железный век и средневековье. Т. 2. Новосибирск, 2019.
37. Андреевков С.Н., Зверев В.А., Зверева К.Е., Исупов В.А., Кузнецова Ф.С., Молодин В.И., Соловьев А.И., Соловьева Е.А., Хлытина О.М. История Новосибирской области (история России через историю регионов) : учеб. пособие. М., 2017.

References

1. Panadiadi, A.D. (1953) *Barabinskaya nizmennost'* [Baraba Lowland]. Moscow: Gos. izd-vo geogr. lit.
2. Molodin, V.I. & Durakov, I.A. (2008) [On Possible Arteries – Lake Chany – the Irtysh River and Their Role in the Cultural-Historical Process (Western Siberia, Bronze Age)]. *Istoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy* [History and Practice of Archaeological Research]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg. 26–30 November 2008. St. Petersburg. pp. 331–337. (In Russian).

3. Troitskaya, T.N., Molodin, V.I. & Sobolev, V.I. (1980) *Arkheologicheskaya karta Novosibirskoy oblasti* [Archaeological Map of Novosibirsk Oblast]. Novosibirsk: Nauka.
4. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.
5. Matyushchenko, V.I. & Sinitsyna, G.V. (1988) *Mogil'nik u d. Rostovka vblizi Omska* [Burial ground near the village Rostovka near Omsk]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Molodin, V.I. (1992) [Methodology for studying burial mounds in continuous areas]. *Teoriya i metodika issledovaniy arkheologicheskikh pamyatnikov lesostepnoy zony* [Theory and methodology for studying archaeological monuments of the forest-steppe zone]. Abstracts of the Conference. Lipetsk. pp. 16–17. (In Russian).
7. Chikisheva, T.A. (2010) *Dinamika antropologicheskoy differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v epokhu neolita – rannego zheleznogo veka* [Dynamics of anthropological differentiation of the population of the south of Western Siberia in the Neolithic – Early Iron Age]. Abstract of History Dr. Diss. Novosibirsk.
8. Chikisheva, T.A. (2012) *Dinamika antropologicheskoy differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v epokhu neolita – rannego zheleza* [Dynamics of anthropological differentiation of the population of the south of Western Siberia in the Neolithic – Early Iron Age]. Novosibirsk: IAET SB RAS.
9. Pilipenko, A.S. (2010) *Rekonstruktsiya protsessov formirovaniya naseleniya Baraby epokhi bronzy metodami analiza variabel'nosti mtDNK* [Reconstruction of the processes of formation of the Baraba population of the Bronze Age by the methods of analysis of mtDNA variability]. Abstract of Biology Cand. Diss. Novosibirsk.
10. Molodin, V.I., Marchenko, Zh.V. & Grishin, A.S. (2006) *Novye dannye po radiouglerodnoy khronologii pogrebal'nykh kompleksov mogil'nika Sopka-2 epokhi ranney – razvitoi bronzy* [New data on the radiocarbon chronology of the burial complexes of the Sopka-2 burial ground of the Early – Late Bronze Age]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 12, Part 1. Novosibirsk: IAET SB RAS. pp. 422–427.
11. Molodin, V.I. (1992) *Drevnee iskusstvo Zapadnoy Sibiri (Ob'-Irtyshskaya lesostep')* [Ancient art of Western Siberia (Ob-Irtysh forest-steppe)]. Novosibirsk: Nauka.
12. Molodin, V.I. (2001) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi* [Sopka-2 monument on the Om River]. Vol. 1. Novosibirsk: IAET SB RAS.
13. Molodin, V.I. (2012) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi* [Sopka-2 monument on the Om River]. Vol. 3. Novosibirsk: IAET SB RAS.
14. Molodin, V.I. & Grishin, A.E. (2016) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi* [Sopka-2 monument on the Om River]. Vol. 4. Novosibirsk: IAET SB RAS.
15. Molodin, V.I. & Grishin, A.E. (2019) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi* [Sopka-2 monument on the Om River]. Vol. 5. Novosibirsk: IAET SB RAS.
16. Molodin, V.I., Efremova, N.S. & Solov'ev, A.I. (2021) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi* [Sopka-2 monument on the Om River]. Vol. 6. Novosibirsk: IAET SB RAS.
17. Molodin, V.I. (1992) [Wooden anthropomorphic sculptures from cult complexes of the Middle Ages (Western Siberia)]. *Severnaya Aziya ot drevnosti do Srednevekov'ya* [Northern Asia from ancient times to the Middle Ages]. Abstracts of the Conference. St. Petersburg. pp. 227–229. (In Russian).
18. Molodin, V.I. et al. (2001) *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi: pervye rezul'taty issledovaniy* [Chicha – a settlement of the transitional period from the Bronze Age to the Iron Age in the Baraba forest-steppe: first results of research]. Vol. 1. Novosibirsk: IAET SB RAS.
19. Molodin, V.I. et al. (2004) *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi: pervye rezul'taty issledovaniy* [Chicha – a settlement of the transitional period from the Bronze Age to the Iron Age in the Baraba forest-steppe: first results of research]. Vol. 2. Novosibirsk; Berlin: IAET SB RAS.
20. Molodin, V.I. et al. (2009) *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi: pervye rezul'taty issledovaniy* [Chicha – a settlement of the transitional period from the Bronze Age to the Iron Age in the Baraba forest-steppe: first results of research]. Vol. 3. Novosibirsk: IAET SB RAS.
21. Molodin, V.I. & Myl'nikova, L.N. (2004) *Keramika gorodishcha Chicha-1 kak istochnik po istorii perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku* [Ceramics of the Chicha-1 settlement as a source for the history of the transition period from the Bronze Age to the Iron Age]. In: *Istoriya i kul'tura Sibiri v issledovatel'skom i obrazovatel'nom prostranstve* [History and Culture of Siberia in the Research and Educational Space]. Novosibirsk. pp. 101–106.
22. Molodin, V.I. et al. (2003) *Glinyanye skulpturki gorodishcha Chicha-1* [Clay sculptures of the Chicha-1 settlement]. In: *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoeniya yuga Zapadnoy Sibiri* [Historical experience of economic and cultural development of the south of Western Siberia]. Book 1. Barnaul. pp. 333–340.
23. Molodin, V.I. et al. (2021) *Der frühneolithische Siedlungskomplex am Unterlauf des Tartas (Südwestsibirisches Tiefland)*. *Eurasia Antiqua*. 23.
24. Molodin, V.I. et al. (2022) *Tartas-1 – perekrestok kul'tur i epokh* [Tartas-1 – a crossroads of cultures and eras]. Vol. 1. Novosibirsk.
25. Molodin, V.I. et al. (2023) *Ranneneoliticheskoe svyatilishche urochishcha Tai* [Early Neolithic sanctuary of the Tai tract]. Novosibirsk.
26. Molodin, V.I. (1977) *Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya* [The Neolithic and Bronze Age of the Forest-Steppe Ob-Irtysh Region]. Novosibirsk: Nauka.
27. Molodin, V.I., Myl'nikova, L.N. & Nesterova M.S. (2017) The Clay "Rattle" in the Shape of Bear Head and the Variants of Its Usage by the Population of Krotovo Culture (Bronze Age, the End of the 3rd Millennium BC, Baraba Forest-Steppe). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 49. pp. 16–22. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/49/3
28. Bobrov, V.V., Marochkin, A.G. & Yurakova, A.Yu. (2017) *Poselenie artynskoy kul'tury Avtodrom-2 – pamyatnik pozdnego neolita v barabinskoy lesostepi* [Artyn culture Avtodrom-2 – a late Neolithic monument in the Baraba forest-steppe]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 45 (1).
29. Molodin, V.I., Myl'nikova, L.N. & Nesterova, M.S. (2016) *Pogrebal'nye komplekсы epokhi neolita Vengerovo-2A (yug Zapadno-Sibirskoy ravniny): rezul'taty mul'tidistsiplinarnykh issledovaniy* [Burial complexes of the Neolithic era Vengerovo-2A (south of the West Siberian Plain): results of multidisciplinary research]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 44 (2). pp. 30–46.
30. Savinov, D.G. & Polos'mak, N.V. (1985) *Novye materialy po epokhe bronzy i rannego zheleza v Tsentral'noy Barabe* [New materials on the Bronze and Early Iron Age in Central Baraba]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya v rayonakh novostroek Sibiri* [Archaeological research in the areas new buildings of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 78–103.
31. Molodin, V.I. et al. (2017) *Vostochnyy variant pakhomovskoy kul'tury v Tsentral'noy Barabe* [Eastern variant of the Pakhomovskaya culture in Central Baraba]. Novosibirsk: IAET SB RAS.
32. Molodin, V.I. & Novikov, A.V. (1998) *Arkheologicheskie pamyatniki Vengerovskogo rayona Novosibirskoy oblasti* [Archaeological monuments of Vengerovsky District of Novosibirsk Oblast]. Novosibirsk: NPTs po sokhraneniyyu ist.-kul't. Naslediya.
33. Molodin, V.I., Novikov A.V. & Sofeykov, O.V. (2000) *Arkheologicheskie pamyatniki Zdvinskogo rayona Novosibirskoy oblasti* [Archaeological monuments of Zdvinsky District of Novosibirsk Oblast]. Novosibirsk: NPTs po sokhraneniyyu ist.-kul't. naslediya.
34. Molodin, V.I. et al. (2011) *Arkheologicheskie pamyatniki Chanovskogo rayona Novosibirskoy oblasti* [Archaeological monuments of Chanovsky District of Novosibirsk Oblast]. Novosibirsk.
35. Anon. (2022) *Istoriya Sibiri. Kamennyy i bronzovyy vek* [History of Siberia. The Stone and Bronze Age]. Vol. 1. Novosibirsk.
36. Anon. (2019) *Istoriya Sibiri. Zheleznyy vek i srednevekov'e* [History of Siberia. The Stone and Bronze Age]. Vol. 2. Novosibirsk.

37. Andreenkov, S.N. et al. (2017) *Istoriya Novosibirskoy oblasti (istoriya Rossii cherez istoriyu regionov): ucheb. posobie* [History of Novosibirsk Oblast (history of Russia through the history of regions): textbook]. Moscow.

Информация об авторе:

Молодин В.И. – академик РАН, д-р ист. наук, зав. отделом археологии палеометалла, главный научный сотрудник, советник директора Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru. ORCID: 0000-0002-3151-8457

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.I. Molodin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (History), head of the Department of Paleometallic Archaeology, chief research fellow, advisor to the director, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru. ORCID: 0000-0002-3151-8457

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.08.2024;
одобрена после рецензирования 03.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 26.08.2024;
approved after reviewing 03.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

Научная статья
УДК 94 (470) «1991...»
doi: 10.17223/15617793/507/15

Формирование образа «предприниматель» в региональной периодической печати в период либерализации экономики в 1992–1993 гг. на примере газеты «Томский вестник»

Ольга Алексеевна Пономарева¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, olga.glushchenko.95@mail.ru

Аннотация. Изучается процесс формирования образа предпринимателя в период с 1991 по 1993 г. по материалам региональной газеты «Томский вестник». В ходе работы выявляются методы и характеристики, с помощью которых происходило создание образа предпринимателя в глазах общества. Делается вывод о том, что в формировании образа предпринимателя через СМИ участвовали администрация и общественность региона. В начале 1990-х гг. в образе предпринимателя преобладали негативные характеристики.

Ключевые слова: образ предпринимателя, предпринимательство, Томск, либерализация экономики 1990-х гг., региональная периодическая печать

Для цитирования: Пономарева О.А. Формирование образа «предприниматель» в региональной периодической печати в период либерализации экономики в 1992–1993 гг. на примере газеты «Томский вестник» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 133–141. doi: 10.17223/15617793/507/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/15

The formation of the image of an "entrepreneur" in the regional press during the period of economic liberalization from 1992 to 1993, using the example of the *Tomskiy Vestnik* newspaper

Olga A. Ponomareva¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, olga.glushchenko.95@mail.ru

Abstract. With the beginning of the active phase of economic reform in the 1990s, entrepreneurship was given an impetus for development as one of the important institutions of a market economy. For a long time, there was no legal private enterprise in Russia. It was necessary to establish relationships between the government, society, and private business again. These relationships were formed in many ways, considering the characteristics of entrepreneurs and their activities, which directly affected the future development of entrepreneurship and the market economy overall. The aim of this work is to trace the formation of the image of entrepreneurs through the media in Tomsk Oblast at the start of economic liberalization, from the perspective of regional administration and public opinion. In the course of the work, methods and characteristics are revealed by which the image of an entrepreneur in society's eyes was formed. The article examines the period from 1991 to 1993, as the initial stage of business development in the region. The study examines the *Tomskiy Vestnik* newspaper. In this work, historical and genetic analysis methods, typological analysis, consistency principle, and induction were employed. Creating a positive image of an entrepreneur is one of the most important forms of small business development in the region. Regional administrations use several methods to form a positive image in the public's eyes, including media coverage of positive and promising aspects of entrepreneurial development, holding conferences and educational meetings, organizing retraining programs, assisting in the creation of an association of entrepreneurs, and supporting charitable activities by businesspeople. The administration's work plans for small business development are actively published in media outlets, which contributes to the formation of the positive image. Personal qualities and socially responsible actions come to the forefront in this process. The public, interacting with entrepreneurs, formed its own opinion about them, which was reflected in periodicals and increasingly embedded in people's minds. In the eyes of society, the image of entrepreneurs created spontaneously through real interactions with small businesses had a negative connotation. The main features of the negative image of entrepreneur in the early 1990s were lack of civility, wealth gained through dishonest means, crime, arrogance, and speculation. The formation of an image of entrepreneurship in the late 20th century was a confrontation between the regional administration and entrepreneurs themselves. This was reflected in public outrage. Therefore, efforts by regional authorities to create a positive image of socially responsible middle-class entrepreneurs continued until the start of the 21st century.
Keywords: image of entrepreneur, entrepreneurship, Tomsk, economic liberalization of 1990s, regional periodical press

For citation: Ponomareva, O.A. (2024) The formation of the image of an "entrepreneur" in the regional press during the period of economic liberalization from 1992 to 1993, using the example of the *Tomskiy Vestnik* newspaper. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 133–141. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/15

В 1990-х гг. в России произошли важные изменения в политической и экономической сферах. С началом активной фазы реформирования экономики появились новые формы хозяйствования и новые акторы экономического процесса. Импульс к развитию получило предпринимательство как один из важных институтов рыночной экономики. Так как долгое время в России не существовало частного предпринимательства, пришлось вновь выстраивать взаимосвязи между властью, обществом и частным бизнесом. Во многом эти взаимосвязи формировались с учетом характеристик, которыми наделялись предприниматели и их деятельность, что напрямую отражалось на дальнейшем развитии предпринимательства и рыночной экономики в целом. Пути выстраивания коммуникации и формирование отношения к новому слою частных предпринимателей можно проследить на страницах периодической печати, которая также активно развивалась с 1990 г. В условиях тех лет пресса являлось площадкой, на которой устанавливались новые смыслы и мнения. Оправдание проводимой политики и переконфигурация смысла уже знакомых понятий приобрела важную роль в процессе создания новой России XXI в. В связи с этим изучение форм и методов формирования образа и концепта предпринимательства как важного субъекта свободной экономики представляется актуальным и сегодня.

Развитие предпринимательства в 1990-е гг. изучали исследователи, которые составили обширное поле знания по этому вопросу. Н.М. Дмитриенко описала историю Томска, в том числе период либерализации экономики, что позволяет составить картину Томска в конце XX в. [1]. И.В. Черданцева анализировала социально-экономическое развитие Томской области на этапе рыночных отношений, в том числе деятельность предпринимателей [2. С. 443–446]. Формы и методы встраивания предпринимателей в российскую экономику изучали также Д.Б. Кувалин [3], Л.Е. Бляхер [4. С. 25–30].

В.А. Войтикова и В.В. Шевцов описали работу томских СМИ в контексте развития рекламного дела в 1990-х гг., что представляет интерес для данного исследования, так как важной чертой развития предпринимательства в условиях рынка является использование рекламы и позиционирование через неё [5. С. 44–50]. В то же время реклама является одним из инструментов создания образа предпринимательства конца XX в. Так как СМИ выступали площадкой для конструирования образов и смыслов возрождающегося российского предпринимательства, важно обратить внимание на работу Н.В. Живляковой, в которой описывается процесс развития СМИ в конце XX в. в Томской области [6. С. 58–67].

Цель статьи – на примере Томской области, проследить процесс формирования образа предпринимателя через СМИ в начале либерализации экономики с точки зрения администрации и общественности региона. В ходе работы выявляются методы и характеристики,

с помощью которых происходило формирование образа предпринимателя в глазах общества.

В исследовании изучается региональная газета «Томский вестник». Это ежедневная общественно-политическая газета, имевшая широкий круг читателей, которая выпускалась в Томске с 1990 по 2010 г. Изначально выпуск осуществлял орган Томского городского Совета народных депутатов [6]. Впоследствии она перешла в ведение администрации региона и стала одной из самых популярных газет области. В статье рассматривается время с конца 1991 по конец 1993 г. как начальный период формирования предпринимательских отношений в регионе, когда тираж газеты составлял 60 000 экземпляров. У газеты «Томский вестник» было несколько приложений: «Буфф-сад», «Ваучер», «Деловая среда», которые также анализировались в ходе исследования. Как и большинство СМИ, «Томский вестник» был очень политизирован, но в ней писали и о повседневных нуждах горожан, освещали события местной жизни [1. С. 371]. «Томский вестник» дает возможность проследить деятельность региональной власти по формированию образа предпринимателя, так как газета по большей части подчинялась администрации региона.

В настоящей работе были использованы такие методы исторического исследования, как историко-генетический анализ, метод типологизации, принцип системности и индукции.

Государство, выбрав путь либерализации экономики, поддерживало возрождающееся предпринимательство и старалось формировать положительное отношение к этому институту. В нормативно-правовых актах 1990-х гг. было дано определение предпринимательской деятельности: «...предпринимательство – это инициативная, самостоятельная деятельность граждан, направленная на получение прибыли или личного дохода, осуществляемая от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность или от имени и под имущественную ответственность юридического лица – предприятия» [7]. Данное определение охватывало широкий круг видов деятельности, что отражалось на восприятии предпринимателя обществом и им самим. Предпринимателями могли называться многие: тот, кто имел собственность или зарабатывал на спекуляции, кустарном производстве, противозаконной деятельности. Отмечалось также, что некоторые предприниматели живут только «сегодняшним днем, заботясь о сиюминутных интересах». Такое поведение можно объяснить нестабильной экономической ситуацией и неразвитостью институтов рыночной экономики, высоким уровнем преступности. По мере развития рыночной экономики положение предпринимателей укреплялось, деятельность становилась более последовательной. К признакам стабильного предпринимательства относили использование рекламы как в периодической печати, так и на телевидении [8].

В 1991 г. на пост главы Томской области был назначен председатель облсовета В.М. Кресс. Он собрал основной кадровый состав администрации региона из представителей облсоветов и горсоветов, из людей, имеющих опыт хозяйственной и управленческой деятельности. В администрации региона на некоторые посты были назначены представители демократического движения Томска, учитывая рекомендации комиссии Совета министров РСФСР о формировании аппарата администрации на коалиционной основе. Так, в начале 1990-х гг. новая команда администрации для либерализации экономики в регионе была достаточно разнородна, но управленческое ядро состояло из партийно-советской элиты. Руководство региона с энтузиазмом отнеслось к реформам, но по примеру работы в условиях командной экономики администрация взяла на себя большое количество задач, не характерных для рыночной экономики (льготные кредиты, субсидии предпринимателям).

Администрация Томской области играла активную роль в формировании образа предпринимателя. Власть активно освещала свою деятельность по развитию предпринимательства в Томске. Популяризация предпринимателя как положительной фигуры была нужна исполнительной власти для аккумуляции процесса экономических реформ и в целом для улучшения экономической ситуации в регионе. На органы государственной власти возлагалась ответственность не только за проведение либерализационных мер, но и за уровень жизни населения. В периодической печати встречается информация о том, что именно развитие предпринимательства, которое должно поддерживать государство, будет защищать человека [9].

Важно было развивать предпринимательство и создавать его положительный образ, так как предприниматели должны с помощью налогов, платежей и сборов пополнять региональный бюджет, что было необходимо для работы здравоохранения, образования, городских служб. Поэтому на начальном этапе реформирования администрация оказывала предпринимателям всевозможную помощь: льготные кредиты, субсидии, обучения. Региональная власть ставила перед собой задачу создания рыночной инфраструктуры, необходимой для развития предпринимательства. Комиссия по экономической реформе непрерывно работала с предпринимателями, давала консультации, также работал экспертно-аналитический центр [10].

На конференции в администрации Томской области осенью 1992 г. особое внимание было уделено формированию положительного имиджа предпринимателя, так как в периодической печати неоднократно отмечалось негативное отношение к предпринимателям со стороны общественности. В рамках союза предпринимателей была создана комиссия по предпринимательской этике, которая взяла на себя улаживание конфликтных ситуаций, возникающих в среде предпринимателей. Однако информации о работе комиссии найдено не было.

В 1993 г. в Томске проводился III съезд предпринимателей и арендаторов России. В мероприятии участвовало 160 делегатов из 58 областей 12 автономных

республик России, 6 республик ближнего зарубежья, делегация Томской области была самая многочисленная [11].

Проведение подобных мероприятий свидетельствует о том, что администрация Томской области действительно работала над созданием положительного образа томского предпринимательства и имиджа региона как ориентированного на развитие малого предпринимательства.

Однако, не смотря на усилия администрации Томской области по поддержке развития предпринимательства и формирования его положительного образа, многие предприниматели занимались спекуляцией, а не производством товаров, не действовали в интересах общества и экономического развития региона, а заботились о быстром личном обогащении. Эта стратегия развития бизнеса шла вразрез с ожиданиями региональной власти. Например, предприниматели старались получить краткосрочные лицензии на торговлю, они объясняли свое желание тем, что не знают, будут ли работать дальше. Это может свидетельствовать как о неустойчивом положении предпринимателей, так и о спекулятивном характере этого вида торговли.

В рамках приватизации в Томской области проводились аукционы по продаже недвижимости, которые были ориентированы на предпринимателей как на целевую аудиторию. Например, в объявлении об аукционе в № 120 «Томского вестника» от 23.07.1992 г. звучит обращение напрямую к предпринимателям: «Вы считаете себя дальновидным, опытным предпринимателем? И не боитесь сделать решительный шаг? Что ж, тогда аукцион муниципальной собственности – именно то, что вам нужно» [12]. Примечательно, что в контексте аукционов предпринимателей сравнивали с купцами: «Заметна все большая деловитость и внешняя сдержанность самого этого действа. Вспомним первый аукцион: праздник, буфет с икрой и пивом, музыка, услаждающая слух купцов-бизнесменов» [13]. Можно сказать, что в данной статье об аукционах проводится сравнение предпринимателей-купцов с более сдержанными и деловыми предпринимателями на примере развития культуры аукционов. Предпочтение отдается сдержанной, деловой фигуре предпринимателя, положительно описывается именно этот образ. Кроме того, предпринимателям приписывали такие характеристики, как дальновидность, решительность, опыт.

На страницах газет отмечено, что томских предпринимателей просили о помощи общественные организации и учреждения культуры [14]. Но также это можно объяснить сравнением предпринимателей с томскими купцами, которые были известны своей благотворительностью. Возможно, слой предпринимателей некоторое время ассоциировался у томичей с городским купечеством, которое занималось благотворительностью, поддерживало культурные и социальные объекты. Например, Городской совет ветеранов неоднократно обращался за помощью к предпринимателям и руководителям предприятий с просьбой материальной поддержки [15, 16]. Городские власти также обращались к предпринимателям с приглашением поучаствовать в организации городских праздников в обмен на рекламу [17].

Кроме этого, в газетах есть свидетельство о том, что предприниматели не откликались на просьбы социальных структур о помощи. Говорится именно о «молодом» поколении предпринимателей, которые, по мнению представителей культуры, не заботятся о будущем общества, в котором они строят свое дело: «...молодое поколение предпринимателей и коммерсантов еще не скоро поймет: их деятельность может принести желаемые результаты только в высокообразованном, духовно здоровом обществе» [18].

Попыткой ориентации предпринимателей к социальной ответственности было освобождение от части налогов на региональном уровне тех предпринимателей, которые оказывают поддержку учреждениям культуры и искусства: «В связи с созданием фонда развития культуры и искусства при областном управлении культуры, для оказания материальной поддержки учреждениям культуры и искусства разрешить и утвердить норму затрат для предприятий-плательщиков областного бюджета на долевое участие в содержании учреждений культуры в сумме не более 200 тысяч рублей для каждого предприятия за счет уменьшения налога на прибыль, вносимого в областной бюджет в 1992 году...» [19].

Таким образом, можно сказать, на предпринимательство в 1990-х гг. возлагалась надежда на поддержку учреждений культуры и искусства, общественных организаций, т.е. выполнение некоторых функций, которые раньше брало на себя государство, но в силу экономических обстоятельств у предпринимателей регионов не было возможности помогать систематически.

На начальном этапе развития предпринимательских отношений в Томске проводились курсы, на которых обучали предпринимательскому делу, информирование потенциальной аудитории осуществлялось через периодическую печать. Обучение проходило как в Томске – приглашались эксперты, так и в других городах, куда томичей приглашали учебные заведения, биржи, банки [20]. Кроме того, в политехническом университете работал бизнес-центр, занимающийся обучением предпринимателей. Целью центра стало «создание благоприятной информационной, интеллектуальной и экономической среды в регионах Сибири и Дальнего Востока для предпринимательской деятельности с участием российских и иностранных капиталов» [21]. Структура центра включала школу бизнеса, информационно-рекламный центр и отдел делового сотрудничества. Предполагалась подготовка «бизнесменов нового типа», а также организация международного делового сотрудничества: установление деловых связей, привлечение в Томск западных бизнесменов, торговля наиболее прогрессивными разработками политехнического университета за рубежом. Таким образом, становится понятно, что создаваемый образ предпринимателя в СМИ и Томске включал в себя не только знания основ экономических и международных процессов, но и стремление к сотрудничеству с иностранными предпринимателями, получение от них опыта. Также в статье упоминается, что, перенимая опыт у западных коллег, российские предприниматели

должны стать не только опытнее, но и «цивилизованнее» [21]. То есть в начале развития предпринимательских отношений российским и томским предпринимателям, в частности, не хватало опыта и образца ведения предпринимательского дела, что и старались перенять бизнесмены у иностранных коллег.

В бизнес-центр приезжали иностранные делегации с выступлениями для того, чтобы поделиться опытом. Заключить с иностранцами соглашение о сотрудничестве в сфере обучения считалось успехом. Например, летом 1993 г. бизнес-центр провел встречу с представителями бизнеса из Америки, где томские предприниматели изучали «некоторые тонкости светского общения у американцев: как правильно договариваться о встрече, как предпочтительнее одеваться и даже о том, как принято делать подарки на Западе» [22]. Это говорит о желании томичей сотрудничать с иностранными бизнесменами, но, с другой стороны, свидетельствует о крайней некомпетентности предпринимателей в вопросе делового общения. Кроме того, томские предприниматели старались перенять у зарубежных коллег и практические механизмы, например хранение и переработку сельскохозяйственной продукции. Об этом велись беседы с консультантами из испанской консалтинговой фирмы, которые также приезжали в Томск в 1993 г. [23].

О стремлении вывести томское предпринимательство на внешние рынки говорят семинары, которые проводились на эту тему как в бизнес-инкубаторе ТПУ [24], так и в томском ЦНТИ. Например, ЦНТИ проводил для предпринимателей информационный семинар «Новый механизм торгово-экономических отношений России со странами Азии: расчеты и просчеты» [25].

Развитие предпринимательских отношений и международных экономических связей способствовало открытию в Томском государственном университете новой специальности – «референт-международник». Предполагалось, что выпускник этой специальности: «...будет деловым человеком. Он должен знать экономику, право, обладать соответствующим кругозором, иметь знания по истории и культуре отдельных стран, хорошо знать языки. Предполагаем, что это будет человек, который нужен сейчас фирме, предприятию» [26]. Следовательно, для образа успешного предпринимателя важно было понимать процессы развития международной экономики, стремиться к сотрудничеству с иностранными коллегами. Кроме того, ТГУ пригласил профессора из Огайо с лекциями по политологии и бизнесу [27].

Волна популярности предпринимательства в начале 1990-х гг. способствовала открытию бизнес-школ для старшеклассников в Томске учебно-методическим центром и Томским отделением Азиатской холдинговой компании [28]. Даже молодежи прививалась мысль, что предпринимательство – это нужная и правильная деятельность. Студенты Томска также показывали желание заниматься бизнесом и активно боролись за свои права, что видно из заметок в периодической печати о забастовках студентов с требованием предоставления льгот для студенческого бизнеса [29].

Весной 1993 г. в ТГУ открыли школу для предпринимателей, куда могли поступить обучающиеся вуза. Перед началом занятий был проведен опрос среди студентов и выяснилось, что молодые люди подразумевают под бизнесом – исключительно спекуляцию. Поэтому одной из главных задач было показать, что «бизнесменом, как и предпринимателем, может быть не каждый. Тут нужна расторопность, инициатива, коммуникабельность, способность к риску» [30].

Интерес к предпринимательству у студентов и молодежи подкреплял и тем, что, исходя из анализа библиотеки ТПУ читатели стали больше интересоваться темой предпринимательства и читать книги на эту тему [31].

Для повышения осведомленности предпринимателей областной канал «ТВ-2» транслировал несколько передач зарубежных ТВ-каналов о предпринимательстве [32, 33].

Ученые и преподаватели томских вузов выражали свое отношение к развивающемуся предпринимательству в регионе: томская интеллигенция разделяла мнение большинства населения о лучшем положении предпринимателей относительно остального населения страны. Не отрицалось мнение о нецивилизованности новых предпринимателей, но она была оправдана в глазах региональной интеллигенции историческим контекстом и недостаточным количеством времени для выстраивания цивилизованного бизнеса [34]. В отличие от негативного отношения основной части населения к богатеющим предпринимателям, региональная интеллигенция оценивала роль предпринимательского слоя как возможность улучшения экономической ситуации в стране в отдаленной перспективе, а роль государства представлялась в активной поддержке предпринимательства с помощью льгот и ссуд.

В газетах также есть свидетельства о том, что ученые и преподаватели вузов открывали частные фирмы, так как заработная плата была на критически низком уровне [35].

Кроме популистских статей о взаимодействии администрации города и предпринимательства в газетах также публиковались письма читателей, статьи от журналистов и обозревателей газеты, в которых образ предпринимателя представлялся не только в позитивном ключе. В периодической печати встречаются определения предпринимателей, которые характеризуют их деятельность. Например, «мелочными» [36] бизнесменов называли в одной из заметок, в которой рассказывалось о том, как предприимчивые люди изготавливали столовые приборы из денежной мелочи. Подобный случай говорит о краткосрочном и нелегальном характере предпринимательской деятельности. Кроме того, подобного рода газетные публикации формировали отношение горожан к предпринимателям в первой половине 1990-х гг. как недоверчивое. Предпринимательская деятельность воспринималась как противозаконная, спекулятивная и нечестная. В этой ситуации у государства и региональных властей была сложная задача кроме материальной поддержки предпринимательства работать над улучшением вос-

приятия предпринимательства томичами для успешной интеграции этого института в общественную жизнь.

В контексте экспортной торговли предпринимателей сравнивали с хищниками, так как бизнесмены старались быстро и выгодно продать отечественное сырье за рубеж, т.е. как бы «отгрызть кусок» от ресурсов страны: «...у многих, очень многих отечественных коммерсантов-бизнесменов вместе с жилкой предпринимательства прорезались и зубы хищника» [37].

Конечно, в начале развития предпринимательства было рано говорить о достойном уровне деловой культуры предпринимателей. Об этом свидетельствует факт взаимодействия российских и канадских бизнесменов на одном из совещаний для предпринимателей. Из рассказа канадского бизнесмена, опубликованного в газете «Томский вестник», известно, что впечатление о российских предпринимателях сложилось неблагоприятное: они не могли дать четких гарантий исполнения сделки, при совершении сделок отсутствовали адвокаты [38]. Этот пример отсылает к образу томского купечества XIX в., когда купцы совершали большие сделки, заручившись только «честным словом» сторон, и честно его выполняли – такая культура делового общения сформировалась в XIX в., и ее отголоски находили проявление в предпринимательских отношениях конца XX в. Кроме того, в 1993 г. стали появляться очерки о томских купцах, тогда как в номерах газеты 1991–1992 гг. такого не встречалось. В очерках имеет место сравнение томских купцов XIX в. с предпринимателями конца XX в.

Е. Гавриленко, кандидат экономических наук, руководитель фирмы управленческого консультирования «Консультант», пишет в своей очерке о том, что зарождающийся слой предпринимателей далеко не идеален в профессиональном и нравственном отношении, хотя и среди бизнесменов встречаются очень разные люди. Он объясняет это сменой экономических укладов и тем, что цивилизованный бизнес не может зародиться сразу с началом новой экономики [39].

В заметках от редакции «Томского вестника» предпринимателям приписывались негативные характеристики. Например, в некрологе, посвященном корреспонденту газеты, было написано: «Он совсем не был похож на тех прытких молодых людей, что сейчас гурьбой ринулись в бизнес. Саша всего добивался своим трудом» [40]. То есть предпринимателю начала 1990-х гг. не было присуще трудолюбие, коммерсанта, который занимается стихийным бизнесом и спекуляцией, противопоставляли простому труженику.

Однако уже в 1993 г. в Томской области работали малые предприятия, которые занимались производством товаров и были заметны в общем объеме экономического производства. Так, крупные промышленные предприятия называли малое предпринимательство «братьями нашими меньшими», сотрудничали с представителями малого бизнеса [41].

В периодической печати начала 1990-х гг. были выявлены две формы создания образа предпринимателя: со стороны региональной администрации и со стороны

общественности. Власть старалась создать положительный образ предпринимателя, через многочисленные мероприятия с участием малого бизнеса и через публикации статей о плюсах томского предпринимательства. В «Томском вестнике» часто, практически в каждом номере, публиковались новости, заметки, интервью о взаимодействии предпринимателей и администрации, которые носили позитивный характер. В глазах общества образ предпринимателя, создаваемый стихийно реальными прецедентами взаимодействия с малым бизнесом, имел негативную окраску. «Томский вестник» не только поддерживал стремления администрации в популяризации предпринимательства, но и описывал реальное положение дел в городе, реакцию предпринимателей и общества на экономические и политические изменения.

К формированию позитивного образа предпринимателя, который создавался с помощью администрации региона в статьях газеты «Томский вестник», можно отнести следующие определения: дальновидный и опытный предприниматель; предприниматель-купец; творческий индивидуалист; главная фигура: предприниматель – умеющий организовать производство; аккуратный налогоплательщик; бизнесмен «нового типа»; прыткие молодые люди. На основе периодической печати автору удалось выделить качества, приписываемые предпринимателю начала 1990-х гг. от лица региональной власти: расторопность, инициатива, коммуникабельность, способность к риску.

Нейтральные характеристики: коммерсант, новый класс бизнесменов, новоявленные предприниматели, молодое поколение предпринимателей.

Негативные характеристики предпринимателей встречаются достаточно часто в обращениях граждан, интервью, очерках журналистов редакции: предприниматель – хищник; наглый ловкач; перекупщик; бизнесмен – очень богатый человек; не такой, как все остальные; новоявленный наглый ловкач; перекупщик и бизнесмен; далеко не идеален в профессиональном и нравственном отношении; жирующие предприниматели; наиболее обеспеченная группа населения – это предприниматели; кража – это бизнес; временщик – торгаш; мелочные предприниматели; не добиваются всего своим трудом; не имеют навыка делового общения.

Выделено несколько цитат, которые также описывают отношение к предпринимателям с негативной стороны: «Общей массе народа жить плохо. Одним бизнесменам, пожалуй, хорошо» [42], «Предприниматели занимаются всем, как будто тушат десять пожаров сразу» [43], «для небогатой семьи, не занимающейся бизнесом, сумма весьма значительная» [44], «предпринимателями себя называют многие, но если их рассортировать по группам, оказывается, что некоторые живут только сегодняшним днем, заботятся о сиюминутных интересах» [45], «новоявленные бизнесмены станут более цивилизованными» [46]. Стоит отметить, что в периодической печати сохранилось мнение наиболее активной части горожан, которые стремились высказаться, поделиться своим отношением к предпринимательству. Но тем не менее из анализа газетных статей становится понятно, что общество на

начальном этапе реформирования экономики относилось к предпринимательству настороженно, а их деятельность воспринималась как противозаконная, спекулятивная и нечестная.

В газете прослеживается формирование отношения к бизнесу у самих предпринимателей: «Жить можно прекрасно, но нужно работать» [47], «замешкавшийся на старте теряет все» [48].

Итак, в начале 1990-х гг. региональная власть играла важную роль в формировании новых институтов рыночной экономики, так как местная власть была расположена ближе к населению, чем центральное правительство, власть которого была сильно подорвана, а новое, цивилизованное взаимодействие между властью и обществом, основанное на принципе законности, еще не сформировалось. Администрация была заинтересована в развитии предпринимательства в регионе. Создание положительного образа предпринимателя являлось одной из важнейших форм развития здесь малого бизнеса. Основными методами формирования положительного образа предпринимателя в глазах общественности были: освещение в СМИ положительных и перспективных сторон развития предпринимательства в регионе, проведение конференций, образовательных встреч, организация переподготовки кадров, содействие созданию Ассоциации предпринимателей, поддержка благотворительной деятельности бизнесменов. Итоги и планы работы администрации по развитию малого бизнеса активно публиковались в СМИ, что также способствовало формированию позитивного образа предпринимателя. На первый план выходили личные качества и социально ориентированная деятельность.

Конструирование образа предпринимателя со стороны региональной власти исходило из идеальных представлений о предпринимательской деятельности. Еще не пришло понимание, что такое рыночная экономика; большинство представителей власти полагали, что действенными мерами будут постепенный переход, импортозамещение и широкие возможности государственного аппарата. Возможно, поэтому транслируемые характеристики предпринимателя так сильно отличались от реальной картины.

В начале периода либерализации экономические знания и рыночно-ориентированное мышление в СССР были невелики, еще не появилось истинного понимания роли и функций предпринимателей, но уже тогда необходимо было выстроить эффективную коммуникацию между слоем предпринимателей и обществом.

Общественность, взаимодействуя с предпринимателями, формировала о них свое мнение, которое находило отражение на страницах периодической печати и все больше закреплялось в умах томиичей. В глазах общества образ предпринимателя, создаваемый стихийно реальными прецедентами взаимодействия с малым бизнесом, имел негативных посыл. Главными характеристиками негативного образа предпринимателя начала 1990-х гг. являются нецивилизованность; богатство, заработанное нечестным трудом; преступность; наглость; спекуляция.

Данные характеристики относятся и к предприимчивым людям, которые занимались спекуляцией и прочей нелегальной деятельностью в период СССР. Их деятельность в рамках теневой экономики в период дефицита также приравнивалась к предпринимательской, зачастую воспринималась негативно, хоть и помогла справиться с нехваткой некоторых товаров.

Позже на складывающийся образ предпринимателя влиял и способ становления самого предпринимателя, так как часто этот процесс носил нелегальный характер. Основная часть населения с негодованием относилась к владельцам собственности и ресурсов, которые впоследствии становились предпринимателями. Также на образ предпринимателя негативно влияли преступные и мошеннические стратегии действий, которые предприниматели использовали часто как для открытия, так и для развития своего бизнеса.

Негативный образ в силу своей яркости и особенности воспринимался лучше, поэтому отношение к предпринимателям со стороны общественности в

начале 1990-х гг. было скорее негативным. Во многом такое отношение к предпринимателям и рынку, в общем, определялось привычкой мыслить и оценивать в рамках социалистической идеологии.

Кроме того, в 1992–1993 гг. общество ощутило существенные социально-экономические последствия переходного периода, надежды на быстрый переход и изменение уровня жизни в лучшую сторону у большинства не оправдались, это также влекло негативное отношение к представителям рыночной экономики – предпринимателям.

Формирование образа предпринимательства в конце XX в. было похоже на противостояние двух сил: администрации региона, с одной стороны, и самих предпринимателей, чья детальность находила отражение в возмущении общественности, – с другой. Поэтому работа региональной власти по формированию положительного образа социально ориентированного предпринимателя среднего класса продолжалась до начала XXI в.

Список источников

1. Дмитриенко Н.М. История Томска от основания до наших дней. Томск, 2004. 462 с.
2. Черданцева И.В. Социально-экономическое развитие региона на этапе становления рыночных отношений // Вестник науки Сибири. 2011. № 1. С. 443–446.
3. Кувалин Д.Б. Экономическая политика и поведение предприятий: механизмы взаимного влияния. М., 2009. 319 с.
4. Бляхер Л.Е. Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса (на примере мелких предприятий и самозанятых) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 3. С. 25–30.
5. Войткова В.А., Шевцов В.В. Реклама как источник финансирования томских СМИ в 1990-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 44–50. doi: 10.17223/19988613/79/5
6. Жиликова Н.В. Новейшая история томской журналистики: газеты, журналы и электронные СМИ в периоды «перестройки» и «лихих девяностых» // Век информации. 2020. Т. 8, № 3. С. 58–67.
7. Об общих началах предпринимательства граждан в СССР: Закон СССР от 02.04.1991 № 2079-1 (утратил силу) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 16. С. 442.
8. Да, были люди // Томский вестник. 05.07.1993. № 107.
9. А кушать хочется... // Томский вестник. 04.02.1992. № 22.
10. Анатолий черкасский: удалось главное – разбудить человека // Томский вестник. 02.06.1993. № 114.
11. Предприниматели России собрались в Томске // Томский вестник. 01.06.1993. № 103.
12. Аукцион – 4 // Томский вестник. 23.06.1992. № 120.
13. Без музыки и пива, но за хорошие деньги // Томский вестник. 11.06.1993. № 111.
14. Как всегда, в начале лета // Томский вестник. 18.07.1992. № 139.
15. Разгладые морщины // Томский вестник. 04.08.1993. № 149.
16. Ко дню города они должны стать артистами // Томский вестник. 22.09.1993. № 184.
17. К дню рождения дарят подарки // Томский вестник. 22.09.1993. № 184.
18. Осень – время праздников, не растерять бы духовность на пути к лучшей доле... // Томский вестник. 02.09.1992. № 171.
19. Театрам, музеям, библиотекам. Как распределяются средства фонда развития культуры // Томский вестник. 13.08.1992. № 157.
20. Господа бизнесмены и руководители госпредприятий, вам просто необходимы новые экономические знания! // Томский вестник. 15.05.1992. № 94.
21. Как делать деньги? // Томский вестник. 03.07.1993. № 128.
22. Бизнес-центр готовится к коммерческому семинару // Томский вестник. 15.07.1993. № 113.
23. И опять – консультанты // Томский вестник. 14.10.1993. № 200.
24. Как делать бизнес с американцами? // Томский вестник. 24.09.1993. № 186.
25. Выйти на азиатский рынок // Томский вестник. 07.08.1993. № 152.
26. Университету нужны умные, а не богатые // Томский вестник. 02.07.1992. № 127.
27. Обмен профессорами // Томский вестник. 06.10.1993. № 194.
28. Через два года – собственное дело // Томский вестник. 27.10.1993. № 210.
29. Забастовка: от Томска до Москвы // Томский вестник. 01.12.1993. № 233.
30. Студент и бизнес // Томский вестник. 30.04.1993. № 82.
31. В библиотеке ТПУ читают // Томский вестник. 01.07.1993. № 125.
32. Программа новостей ТВ-2 // Томский вестник. 19.06.1992. № 118.
33. Программа передач // Томский вестник. 12.06.1993. № 114.
34. Все мы – жертвы свободы // Томский вестник. 18.08.1992. № 160.
35. Малый бизнес // Томский вестник. 03.11.1992. № 215.
36. «Мелочные» бизнесмены // Томский вестник. 02.06.1992. № 106.
37. Настала пора власть употребить // Томский вестник. 10.06.1992. № 133.
38. Чего мне не хватало // Томский вестник. 18.07.1992. № 139.
39. Все мы – жертвы свободы // Томский вестник. 18.08.1992. № 160.
40. О чем ты думал, Саша, в свой последний миг // Томский вестник. 21.08.1992. № 163.
41. Промышленники и предприниматели объединились // Томский вестник. 13.11.1993. № 222.
42. Вопрос недели // Томский вестник. 03.12.1992. № 236.

43. В поисках равновесия // Томский вестник. 11.08.1992. № 155.
44. Персиковая капуста под маринадом // Томский вестник. 01.04.1993. № 61.
45. Интервью директора Торгово-сервисного центра «Березка» // Томский вестник. 27.02.1993. № 39.
46. Все мы – жертвы свободы // Томский вестник. 18.08.1992. № 160.
47. Надо много работать // Томский вестник. 06.08.1992. № 152.
48. Жизнь по-прежнему тяжела, но лед тронулся // Томский вестник. 05.08.1992. № 151.

References

1. Dmitrienko, N.M. (2004) *Istoriya Tomska ot osnovaniya do nashikh dney* [History of Tomsk from its foundation to the present day]. Tomsk.
2. Cherdantseva, I.V. (2011) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye regiona na etape stanovleniya rynochnykh otnosheniy* [Socio-economic development of the region at the stage of formation of market relations]. *Vestnik nauki Sibiri*. 1. pp. 443–446.
3. Kuvalin, D.B. (2009) *Ekonomicheskaya politika i povedenie predpriyatiy: mekhanizmy vzaimnogo vliyaniya* [Economic policy and behavior of enterprises: mechanisms of mutual influence]. Moscow.
4. Blyakher, L.E. (2000) *Izmenenie povedeniya ekonomicheskikh aktivnogo naseleniya v usloviyakh krizisa (na primere melkikh predpriyatiy i samozanyatykh)* [Changes in the behavior of the economically active population in times of crisis (on the example of small businesses and the self-employed)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 3. pp. 25–30.
5. Voytikova, V.A. & Shevtsov, V.V. (2022) Advertising as a Source of Financing for Tomsk Mass Media in the 1990s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 44–50. doi: 10.17223/19988613/79/5
6. Zhilyakova, N.V. (2020) *Noveyshaya istoriya tomskoy zhurnalistiki: gazety, zhurnaly i elektronnyye SMI v periody "perestroiki" i "likhikh devyanostykh"* [The latest history of Tomsk journalism: newspapers, magazines and electronic media during the periods of "perestroika" and the "dashing nineties"]. *Vek informatsii*. 8 (3). pp. 58–67.
7. *Vedomosti SND SSSR i VS SSSR*. (1991) *Ob obshchikh nachalakh predprinimatel'stva grazhdan v SSSR: Zakon SSSR ot 02.04.1991 № 2079-1 (utratil silu)* [On the general principles of citizen entrepreneurship in the USSR: Law of the USSR of 02.04.1991 No. 2079-1 (no longer in force)]. 16. p. 442.
8. *Tomskiy vestnik*. (1993) *Da, byli lyudi* [Yes, there were people]. 05 July. 107.
9. *Tomskiy vestnik*. (1992) *A kushat' khochetsya...* [But I want to eat...]. 04 February. 22.
10. *Tomskiy vestnik*. (1993) *Anatoliy cherkasskiy: udalos' glavnoe – razbudit' cheloveka* [Anatoly Cherkassky: the main thing was achieved – to wake up the person]. 02 June. 114.
11. *Tomskiy vestnik*. (1993) *Predprinimateli Rossii sobralis' v Tomske* [Russian entrepreneurs gathered in Tomsk]. 01 June. 103.
12. *Tomskiy vestnik*. (1992) *Auksion – 4* [Auction – 4]. 23 June. 120.
13. *Tomskiy vestnik*. (1993) *Bez muzyki i piva, no za khoroshie den'gi* [Without music and beer, but for good money]. 11 June. 111.
14. *Tomskiy vestnik*. (1992) *Kak vseгда, v nachale leta* [As always, at the beginning of summer]. 18 July. 139.
15. *Tomskiy vestnik*. (1993) *Razglad'te morshchiny* [Smooth out the wrinkles]. 04 August. 149.
16. *Tomskiy vestnik*. (1993) *Ko dnyu goroda oni dolzhny stat' artistami* [They should become artists by the City Day]. 22 September. 184.
17. *Tomskiy vestnik*. (1993) *K dnyu rozhdeniya daryat podarki* [They give gifts for birthdays]. 22 September. 184.
18. *Tomskiy vestnik*. (1992) *Osen' – vremya prazdnikov, ne rasteryat' by dukhovnost' na puti k luchshey dole...* [Autumn is a time of holidays, we should not lose spirituality on the way to a better life...]. 02 September. 171.
19. *Tomskiy vestnik*. (1992) *Teatram, muzeyam, bibliotekam. Kak raspredelyayutsya sredstva fonda razvitiya kul'tury* [To theaters, museums, libraries. How the funds of the cultural development fund are distributed]. 13 August. 157.
20. *Tomskiy vestnik*. (1992) *Gospoda biznesmeny i rukovoditeli gospredpriyatiy, vam prosto neobkhodimy novye ekonomicheskie znaniya!* [Gentlemen, businessmen and heads of state enterprises, you simply need new economic knowledge!]. 15 May. 94.
21. *Tomskiy vestnik*. (1993) *Kak delat' den'gi?* [How to make money?]. 03 July. 128.
22. *Tomskiy vestnik*. (1993) *Biznes-tseñtr gotovitsya k kommercheskomu seminaru* [Business center is preparing for a commercial seminar]. 15 July. 113.
23. *Tomskiy vestnik*. (1993) *I opyat' – konsul'tanty* [And again – consultants]. 14 October. 200.
24. *Tomskiy vestnik*. (1993) *Kak delat' biznes s amerikantsami?* [How to do business with Americans?]. 24 September. 186.
25. *Tomskiy vestnik*. (1993) *Vyyti na aziatskiy ryok* [To enter the Asian market]. 07 August. 152.
26. *Tomskiy vestnik*. (1992) *Universitetu nuzhny umnye, a ne bogatye* [The University Needs Smart People, Not Rich People]. 02 July. 127.
27. *Tomskiy vestnik*. (1993) *Obmen professorami* [Exchange of Professors]. 06 October. 194.
28. *Tomskiy vestnik*. (1993) *Cherez dva goda – sobstvennoe delo* [Own Business in Two Years]. 27 October. 210.
29. *Tomskiy vestnik*. (1993) *Zabastovka: ot Tomska do Moskvy* [Strike: From Tomsk to Moscow]. 01 December. 233.
30. *Tomskiy vestnik*. (1993) *Student i biznes* [Student and Business]. 30 April. 82.
31. *Tomskiy vestnik*. (1993) *V biblioteke TPU chitayut* [They Read in the TPU Library]. 01 July. 125.
32. *Tomskiy vestnik*. (1992) *Programma novostey TV-2* [TV-2 News Program]. 19 June. 118.
33. *Tomskiy vestnik*. (1993) *Programma peredach* [Program Guide]. 12 June. 114.
34. *Tomskiy vestnik*. (1992) *Vse my – zher'tvy svobody* [We Are All Victims of Freedom]. 18 August. 160.
35. *Tomskiy vestnik*. (1992) *Malyy biznes* [Small Business]. 03 November. 215.
36. *Tomskiy vestnik*. (1992) *"Melochnye" biznesmeny* ["Cheap" Businessmen]. 02 June. 106.
37. *Tomskiy vestnik*. (1992) *Nastala pora vlast' upotrebit'* [The Time Has Come to Use Power]. 10 June. 133.
38. *Tomskiy vestnik*. (1992) *Chego mne ne khvatalo* [What I Lacked]. 18 July. 139.
39. *Tomskiy vestnik*. (1992) *Vse my – zher'tvy svobody* [We Are All Victims of Freedom]. 18 July. 160.
40. *Tomskiy vestnik*. (1992) *O chem ty dumal, Sasha, v svoy posledniy mig* [What Were You Thinking About, Sasha, in Your Last Moment]. 21 August. 163.
41. *Tomskiy vestnik*. (1993) *Promyshlenniki i predprinimateli ob'edini'sya* [Industrialists and Entrepreneurs Unite]. 13 November. 222.
42. *Tomskiy vestnik*. (1992) *Vopros nedeli* [Question of the Week]. 03 December. 236.
43. *Tomskiy vestnik*. (1992) *V poiskakh ravnovesiya* [In Search of Balance]. 11 August. 155.
44. *Tomskiy vestnik*. (1993) *Persikovaya kapusta pod marinadom* [Peach Cabbage in Marinade]. 01 April. 61.
45. *Tomskiy vestnik*. (1993) *Interv'yu direktora Torgovo-servisnogo tsentra "Berezka"* [Interview with the Director of the Trade and Service Center "Beryozka"]. 27 February. 39.
46. *Tomskiy vestnik*. (1992) *Vse my – zher'tvy svobody* [We are all victims of freedom]. 18 August. 160.
47. *Tomskiy vestnik*. (1992) *Nado mnogo rabotat'* [We must work hard]. 06 August. 152.
48. *Tomskiy vestnik*. (1992) *Zhizn' po-prezhnemu tyazhela, no led tronul'sya* [Life is still hard, but the ice has broken]. 05 August. 151.

Информация об авторе:

Пономарева О.А. – аспирант кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olga.glushchenko.95@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.A. Ponomareva, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olga.glushchenko.95@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.05.2024;
одобрена после рецензирования 30.05.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 17.05.2024;
approved after reviewing 30.05.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

Научная статья
УДК 902.2(571.56)"16/17"
doi: 10.17223/15617793/507/16

Костюм в женских погребениях Якутии XVII–XVIII вв. как отражение социальной иерархии*

Александра Николаевна Прокопьева¹

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения
Российской академии наук, Якутск, Россия, sendiele@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются элементы костюма, встречающиеся в женских погребениях, как важный источник для понимания социальной иерархии якутского общества в XVII–XVIII вв. Источниковой базой исследования послужили материалы погребений, в которых есть достоверные данные о поле и возрасте погребенных. Исходя из частоты встречаемости, количества и качества изделий, выделены такие виды одежды, как тангалай, шуба с орлом, украшение туосакhta.

Ключевые слова: ингумация, гендер, опредмечивание статуса, мех и кожа, бисер, yasak

Для цитирования: Прокопьева А.Н. Костюм в женских погребениях Якутии XVII–XVIII вв. как отражение социальной иерархии // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 142–147. doi: 10.17223/15617793/507/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/16

Costume in women's burials of Yakutia of the 17th–18th centuries as a reflection of social hierarchy

Aleksandra N. Prokopeva¹

¹ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation, sendiele@gmail.com

Abstract. The research is dedicated to the study of clothing in women's burials as sources for understanding the social hierarchy of Yakut society in the 17th–18th centuries. The source base consisted of burial materials with reliable information about the gender and age of the buried individuals. From this sample, three age groups were identified: adolescents, adults, and older adults. The elements of clothing found in the burial materials were then compared. The most commonly encountered items represent a kind of mandatory minimum for all age groups, which includes waistbands, leg coverings, headwear, footwear, and two layers of shoulder garments. The rarest types of clothing turned out to be shoulder garments such as the tangalai and the fur coat with an eagle. These types of clothing were considered the most expensive and significant in women's wardrobes and were made from rare and valuable furs and fabrics; they were likely part of a bride's dowry. Overall, the material used for clothing directly depended on the wealth of the buried individuals. Prestigious items included imported beads, silk, and cloth. In addition to imported factory fabrics, local materials such as sable and fox fur, as well as deer and moose hides, were particularly valued. The pricing and perception of the prestige of these materials were influenced by the development of trade relations and the yasak taxation policy of the state. Local fashion was also affected by the spread of Christianity: gradually, shirts given for the acceptance of Christianity became part of the national costume. In the context of burial rites, the clothing worn by the deceased and the elements of clothing placed as accompanying inventory hold significance. A comparative analysis of male and female burials revealed that ritual tangalai and ceremonial fur coats could be used as bedding or blankets and served a symbolic function in denoting the family and social status of women. The absence of these types of clothing and decorations, such as tuosakhta, in adolescent burials indicates age differentiation. Compared to male burials, elements of clothing intended as spare or changeable garments are extremely rarely found in women's graves. This is likely related to the Yakut beliefs about death, where key aspects include the journey to another world and the "continuation" of a lifestyle script that differs for men and women. For the wealthy class, the idea of being on a journey was important and likely tied to the nomadic past of the Yakuts. Thus, the materials, composition, and functionality of clothing in the context of burial artifacts reflect both the individual traits of the buried women and the existing internal hierarchy of Yakut society.

Keywords: inhumation, gender, status identification, fur and leather, beads, yasak

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

For citation: Prokopeva, A.N. (2024) Costume in women's burials of Yakutia of the 17th–18th centuries as a reflection of social hierarchy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 142–147. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/16

Введение

Тема женских погребений в археологии занимает важное место в изучении культурного и социального контекста различных исторических эпох. Предметная сторона структурных компонентов женских погребений Якутии XVII–XVIII вв. позволяет не только реконструировать материальную культуру того времени, но и понять структуру социальной иерархии. В данной работе внимание сосредоточено на неотъемлемой части вещевого комплекса – костюме погребенных. В археологических и этнографических трудах не раз отмечалась многофункциональная сторона костюма, в том числе знаково-символический аспект костюма в погребальной обрядности.

Статья является продолжением изучения вещевого комплекса якутских погребений в свете идеи опредмечивания социального статуса. Ранее были опубликованы результаты исследования элементов конского убранства в женских погребениях [1]. В контексте предлагаемого исследования, под понятием «костюм» понимается не только одежда и украшения, которые были на телах усопших, но и на элементы костюма.

Материалы и методы

На данный момент на территории Якутии археологически исследовано около 400 погребений, датируемых XVII–XVIII вв. По способу погребения можно выделить грунтовый, наземный и воздушный виды [2. С. 34]. Наиболее репрезентативными являются грунтовые погребения, что вызвано их количеством и сохранностью вещевого комплекса, поэтому в данной статье представлены результаты сравнительного анализа материалов ингумаций. Из этой совокупности выделены погребения, в отношении которых есть точные антропологические определения пола и возраста. Так, в выборку вошло 47 захоронений, в которых было обнаружено 50 индивидов женского пола. Разница вызвана тем, что в числе грунтовых погребений было два ярусных и одно групповое погребение. Далее индивиды разделены на возрастные группы «подростки», «взрослые» и «старшие взрослые». Выделение возрастных групп основано на физиологических особенностях жизненных этапов и культурных традициях якутского общества. Так, условным рубежом между группами «подростки» и «взрослые» принят возраст 14–16 лет – средний возраст менархе и совпадающий с этим средний возраст замужества якутских женщин, по сохранившимся письменным данным.

Другим важным аспектом является кланово-сословная структура и имущественное расслоение якутского общества изучаемого периода. Историки выделяют несколько страт, среди которых можно отметить богатых скотовладельцев – глав кланов и внутриклановых семей, середняков, состоящих из родственников глав и их соседей, и бедняков, пребывавших в зависимом положении [3. С. 26–44]. Четких границ между

стратами не существовало, и потеря статуса, как и его повышение, было довольно распространенным явлением. В основе якутского общества лежали понятия знатности рода, кровной близости к основным клановым линиям. Так, даже обедневшая семья, но имеющая среди своих предков именитых личностей, пользовалась всеобщим уважением. Судя по сохранившемуся вещевому комплексу, абсолютное большинство грунтовых погребений следует отнести к могилам местной знати разного уровня и воинов, а останки бедняков, в силу особенностей погребального обряда, остаются археологически «невидимыми».

В контексте данной работы в каждой возрастной группе были выявлены наиболее часто и крайне редко встречающиеся компоненты костюма. Часто встречающиеся элементы являются неким универсальным набором, не маркирующим возраст и статус погребенных. Исходя из этого основное внимание уделено редким видам одежды и особенностям включения элементов костюма в погребальный обряд.

Результаты исследований

Сравнительный анализ показал, что обязательным минимумом костюма для всех возрастных групп женщин являются головной убор, плечевая одежда, натазники с ноговицами и обувь. Полным костюмом взрослых женщин можно считать четыре слоя одежды: рубашка из холста или шелка, платье-пальто из кожи, нарядная одежда с короткими рукавами или вовсе без них под названием *тангалай* (як. *таңалай*), меховая шуба. Состав варьируется в зависимости от возраста, семейного статуса и богатства рода погребенной. Так, в погребениях подростков не было выявлено нарядных безрукавок *тангалай* и парадных дорожных шуб, как и в погребениях женщин с бедным вещевым комплексом. Полный состав костюма встречается в наиболее богатых по количеству и качеству сопроводительного инвентаря могилах.

Все элементы костюма изготавливались преимущественно из натуральных материалов и по схожим лекалам. Имущественную дифференциацию выражало количество и качество тканых материалов, особенно для погребений XVIII в.

В XVII в. костюм богатой женщины любого возраста мог содержать небольшой бисерный декор и вставки из тонких полосок ткани (чаще всего китайки) вдоль ворота, манжет и опояски; накладными полосами с вышивкой цветными и жильными нитями могли быть украшены соединительные швы стана плечевой одежды. Особо ценилась хорошо выделанная шкура оленя или лося, полученной коже и замше придавали коричневый цвет обработкой растительными компонентами. Для оторочки одежды использовался мех соболя, колонка и горноста. К XVIII в. предметы «русского торгога» широко входят в оборот, что видно на материале изготовления головных уборов и плечевой одежды.

Шапки часто шьются из комбинации сукна и шелка, украшены бисером, металлическими бляшками и счетными жетонами европейского происхождения. Для верхнего слоя плечевой одежды использовали сукно российского и европейского происхождения, китайский шелк. Для XVIII в. характерно наличие рубашек, сшитых из холста, шелка, китайки, реже тонкой кожи. Вероятно, рубашки в якутском гардеробе появились с началом распространения христианства, когда за крещением местное население одаривалось рубашкой, крестом и другими предметами [4. С. 20–21].

Богатство владельца выражалось в использовании дорогих и редких мехов, в том числе привозных. Из-за сбора ясака в виде шкурок соболя и лисы эти виды высоко ценились и с постепенным истощением пушных ресурсов стали редкими в использовании мехов как основного материала одежды. Судя по материалам погребений, соболь, лиса и бобр использовались для отделки самых дорогих и значимых видов женской плечевой одежды – тангалай и хотойдоох сон. Под названием *тангалай* подразумевается распахнутая нарядная одежда с короткими рукавами или вовсе без них прямого или приталенного силуэта [5. С. 17; 6. С. 39–41]. Главным отличием этого наряда является богатый декор, состоящий из бисерной вышивки и металлических подвесок [7]. По этнографическим сведениям, *тангалай* появлялся в женском гардеробе в контексте свадебного обряда и служил парадно-ритуальной одеждой богатых замужних женщин [8. С. 92]. На данный момент понятие *тангалай* объединяет два подтипа одежды, отличающиеся своим декоративным оформлением и техническим кроем, но схожие по наличию коротких рукавов либо совсем их не имеющие. По поводу семантической составляющей есть разные теории [9, 10], но в целом безрукавки и одежда с короткими рукавами считаются одеждой замужних женщин. Так, среди выборки нарядный тангалай был обнаружен в погребении пожилой женщины из Ат Дабан VI, где был использован как одеяло [11. Л. 75]. Тангалай без бисерных нашивок были найдены в шести погребениях женщин от 20 до 40 лет. Помимо местных материалов, в пошиве нарядной плечевой одежды применяли привозные суконные ткани красного, коричневого и зеленого цвета.

Особо ценными были дорожные шубы *саных* (як. *сагыньнах*, *саңыйах*), которые шили из меха рыси, волка или оленя. В ясачных документах упоминаются собольи и лисьи шубы, но среди материалов погребений таковые практически не встречаются. Среди шуб выделяется *хотойдоох сон* (досл. «шуба с орлом»; встречаются также названия *ымыылаах сон*, *бэстэр-эйдээх сон*), которая, по данным этнографии, являлась частью приданого невест из богатых семей [12. С. 232–233]; в нем мог камлать шаман в случае отсутствия собственного ритуального облачения [5. С. 43]. Особенностью этих шуб является наличие серповидных орнитоморфных вставок на спинке шубы из меха соболя или другого пушного зверька. Такие шубы были обнаружены в богатых женских погребениях Елечей I (около 40 лет) [13. С. 72] и Бэрэ (50–60 лет) [13. С. 48–49]. В погребении Бэрэ было обнаружено сразу два:

первая была уложена под тело как подстилка, второй шубой было укрыто тело. Кроме своей редкости, тангалай и шубы с орлом объединяет то, что в женских могилах они могли быть уложены отдельно в качестве сопроводительного инвентаря.

Украшения. Металлические украшения также являются неотъемлемой частью костюма. Чаще всего фигурируют проволоочные серьги, гривны, перстни и кольца, а также нашивные украшения одежды, где количество украшений имеет прямую связь с богатством погребения. Однако даже в богатых могилах не всегда может быть представлен весь набор украшений на теле усопших. Так, в одном из самых богатых женских погребений Елечей I отсутствовала гривна, а в статусной могиле Ат-Дабан VI серьги, перстни и браслеты были связаны и уложены рядом с телом [11. Л. 81–82]. Вероятно, самыми значимыми в плане обозначения статуса являлись диски *туосахта*. Круглые плоские диски из металла пришивались на макушке головных уборов капоровидного типа, диаметр варьировался от 7 до 17–18 см. Как показал анализ состава металла [14], диски *туосахта* изготавливали преимущественно из серебра, реже из олова или железа. Чаще всего диск был единственным серебряным украшением во всем костюме. Туосахты встречаются только в погребениях взрослых с богатым вещевым комплексом. Так, только в 8 из 29 погребений взрослых женщин и в 4 из 15 пожилых женщин были найдены эти диски. Об особом символическом значении дисков говорит то, что в некоторых случаях на макушке шапки присутствовал кружок из белого меха. Вероятно, это более архаичный элемент, позднее замененный металлическим диском.

Обсуждение

Костюм погребенных можно рассматривать как отражение имущественной и социальной стратификации якутского общества XVII–XVIII вв. Имущественная дифференциация прежде всего заметна на материале изготовления одежды. Более престижными для XVII – начала XVIII в. являлись тканые фабричные материалы привозного характера из-за своей редкости и высокой стоимости. С развитием торговли тканью элементами роскоши становятся дорогие шелковые и суконные ткани, привозная одежда [15]. Между тем в состав костюма якутского населения вошли только отдельные виды привозной одежды, к которым можно отнести нательные рубашки и позже для мужского гардероба – штаны. Наличие рубашки можно оценивать как проявление высокого статуса, особенно если речь идет о привозных рубашках русского происхождения. Известно, что новая администрация стремилась привлечь на свою сторону якутскую знать, которая имела влияние на остальное население, часть которого находилась в зависимости от местной аристократии положений. В первое время за сдачу пушнины и принятие (пусть даже условное) православия полагались подарки в виде крестов, рубашек или отреза ткани и других предметов [4]. В глазах местного общества обладание вещами привозного характера было проявлением особого имущественного и общественного положения.

Далее знать транслировала моду на остальное население, которое стремилось хотя бы внешне походить на них. Наличие рубашек местного производства из тонко выделанной кожи можно объяснить адаптацией местных ресурсов под новые культурные коды: постепенно рубашки стали частью костюма, и взамен привозных рубашек из хлопка и шелка стали производить кожаные из местного сырья. Вероятно, рубашки подчеркивали высокий статус, особенно женской части, так как в сравнении с материалами мужских погребений встречаются гораздо реже.

Из-за постепенного истощения пушных ресурсов к XVIII в. особо ценными становятся как местные якутские материалы, так и в целом сибирские и дальневосточные: шкурки соболя, лисы, бобра и пр. Судя по архивным данным, в XVII в. бытовали шубы, полностью сшитые из соболя и лисы, но они не встречаются в материалах погребальных памятников. Упоминания наличия собольих носков, натазников и шуб среди некоторых полевых отчетов основаны только на визуальном осмотре, что необходимо верифицировать на генетическом или таксономическом анализе меха и кожи. Мех ценных пушных зверьков встречается в отделке самых дорогих и статусных видов одежды, таких как тангалай и санях, среди погребений аристократии.

Декор одежды является маркером материального достатка погребенных женщин применительно ко всем возрастам. Так, детские погребения, как правило, содержат минимальный набор одежды, но различаются количеством бисера и металлических подвесок: могилы, которые по количеству и качеству вещевого комплекса следует отнести к богатым, как правило, имеют большее количество бисера и металлических украшений. Плечевая одежда взрослых и старших взрослых более разнообразная, и здесь на достаток указывает как количество, так и сложность декора. Для костюма XVII в. наличие бисера напрямую связано с богатством и родовитостью, так как местное население получало бисер в качестве подарков и мены в первое время становления ясачной политики [6. С. 42]. Постепенно бисер белого, голубого и черного цвета становится одним из обязательных товаров «русского торгового», так как местное население Якутии активно его скупало и использовало прежде всего в украшении одежды. Так, в 1706 г. из Москвы в Якутск поступило «6 пудов бисеру (белый, лазоревый и черный) для подарков ясачным в обмен на пушнину» [16. С. 60]. Это заметно и на материалах погребений, где с начала XVIII в. в костюме бисера становится заметно больше.

Богато расшитые бисером и украшенные металлическими бляшками и подвесками тангалаи, вероятно, действительно обозначали семейный статус женщины и были символом их замужества, так как не обнаружены в погребениях подростков. Тангалай второго подтипа, тоже с короткими рукавами, но без богатого декора, к XVIII в. могла стать в целом символом высокого происхождения. Так, пройдя эволюционный путь развития, одежда типа тангалай к концу XIX в. была известна как *кэсиэччик* и стала больше похожа на русские безрукавки. Но даже к началу XX в. ношение этих

жилеток было обязательной частью этикета женщин из богатых и родовитых семей, эта традиция прослеживается и в современном якутском обществе.

На статусность женского погребения одежда указывает, если использована в качестве сопроводительного инвентаря, так как крайне редко встречается в такой функции. Тангалаи и шубы с орлом были уложены в качестве постилки и одеяла в богатых по вещевому комплексу могилах. Помимо этого, были обнаружены натазники или обувь (при том без подошвы), уложенные внутрь гроба или за его пределами. По сравнению с этим, мужские могилы содержат в себе гораздо большее количество и разнообразие запасной одежды. Например, в мужской могиле Хараандыйа в переметную суму было уложено: две пары меховой, две пары кожаной обуви; две пары утеплителей для ног из кожи; пара ноговиц из оленьих лап; пара кожаных рукавиц; ровдужный набедренник; меховой шарф [17. С. 37–39]. Так, около 15% всех грунтовых мужских погребений были снабжены дополнительной одеждой, где в среднем приходилось по четыре единицы одежды на каждую могилу. Доля женских могил с дополнительной одеждой составила 10%, где на могилу пришлось бы примерно по одной одежде.

Выводы

Комплектность одежды и личных украшений, несомненно, была связана с богатством женщин. Однако на имущественное положение погребенных прежде всего указывал материал изготовления. Так, дорогие привозные материалы и постепенно исчезающие местные меха, и в силу этого не менее дорогие, могли использоваться только для пошива одежды верхушки местной знати. Умелое комбинирование привозных и местных материалов говорит об адаптационной гибкости локальных вкусов и навыков мастеров пошива одежды. При этом вхождение в состав народного костюма только рубашки из всего ассортимента привозной готовой одежды или изготавливаемой на местах русским населением говорит о стабильном и давно выработанном местном культурном коде.

Фиксируется вариативность состава одежды и украшений для близких в имущественном положении и находящихся в одной возрастной страте погребенных, и это может свидетельствовать о неустойчивости отдельных элементов погребального обряда для разных родовых и локальных групп. Исходя из анализа письменных источников, можно предположить, что в состав вещевого комплекса входили предметы из приданого, символизировавшие происхождение женщины (нарядные тангалаи, конское снаряжение), а также маркирующие ее статус после замужества и связанные с положением мужа.

Сравнительный анализ одежды на погребенных и уложенных в качестве сопроводительного инвентаря выявляет наличие гендерных особенностей. Вероятно, прежде всего это связано с представлениями якутов о смерти, где ключевой концепцией был не только путь в иной мир, но и «продолжение» устроенного образа жизни в мире мертвых. Сменная одежда, характерная

для мужских погребений, отражала повседневность, где мужчины большую часть своего времени проводили вне дома, находясь на охоте, выпасе скота и других хозяйственных делах. Женщины были больше привязаны к усадьбе, и выезды были связаны с совершением ритуальных действий, участием в обрядовых мероприятиях и праздниках, что подтверждает наличие ритуальных и парадных видов одежды. Присутствие дорожных шуб и конского убранства в элитарных погребениях могло быть связано с идеями идеальной

жизни, где основная концепция пути в другой мир вызвана памятью о кочевническом прошлом якутов. Это коррелируется с этнографическими данными, где погребения владельцев земель и их сородичей происходило на территориях летников. Так, в случае смерти зимой необходимо было дожидаться лета, чтобы перевезти тело в летник и там провести похороны. Традиция отложенных похорон, фиксируемая на археологическом материале, в некоторых случаях могла быть вызвана этими представлениями.

Список источников

1. Прокопьева А.Н. Конское снаряжение в контексте сопроводительного инвентаря якутских погребений XVII–XVIII вв. (гендерный аспект) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 2(39). С. 47–56. doi: 10.25693/SVG.2022.39.2.004
2. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск : Наука, 2008. 296 с.
3. Борисов А.А. Социальная история якутов в позднее Средневековье и Новое время: (опыт комплексного исследования). Новосибирск : Наука, 2010. 272 с.
4. Шишигин Е.С. Распространение христианства в Якутии. Якутск : «Полиграфист» ЯНЦ СО РАН, 1991. 116 с.
5. Петрова С.И., Заболотская З.М. Народный костюм якутов: историко-этнографическое и искусствоведческое исследование. Новосибирск : Наука, 2013. 207 с.
6. Гаврильева Р.С. Одежда народа Саха конца XVII–XVIII вв. Новосибирск : Наука, 1998. 144 с.
7. Петрова С.И., Прокопьева А.Н. Якутская одежда тангалай: крой, отделка, технологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60). С. 151–162. doi: 10.20874/2071-0437-2023-60-1-13
8. Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: По преданиям якутов бывшего Якутского округа. Якутск : Бичик, 1994. 319 с.
9. Данилова Н.К. Ритуальная одежда народа саха: тангалай сон (историческая память и семантика) // Научный диалог. 2020. № 11. С. 362–378. doi: 10.24224/2227-1295-2020-11-362-378
10. Петрова С.И. Свадебный наряд якутов: традиции и реконструкция. Новосибирск : Наука, 2006. 104 с.
11. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 54128, 54129.
12. Маак Р.К. Вилуйский округ Якутской Области. СПб., 1887. Ч. III. 213 с.
13. Crubézy E. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale – 2009 (Rapport). Toulouse : Université Paul Sabatier (Toulouse III), FRE 2960 du CNRS, 2009. 214 p.
14. Прокопьева А.Н., Иванова Л.Ф. Каталог металлических украшений XV–XVIII вв. Якутии из археологических раскопок ИГИИПМНС СО РАН. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024622353. 29.05.2024.
15. Hochstrasser-Petit Ch., Romanova L., Duchesne S. [et al.] Yakut clothes of the 17th and 18th centuries, archaeology and restitution // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 131–147. doi: 10.20874/2071-0437-2020-51-4-12
16. Софронеев П.С. Якуты в первой половине XVIII века. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1972. 184 с.
17. Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в.: (по материалам погребений). Якутск : Якутиздат, 1971. 212 с.

References

1. Prokop'eva, A.N. (2019) Horse equipment in the context of the accompanying inventory of the yakut burials of the 17th – 18th centuries (gender aspect). *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik – North-Eastern Journal of Humanities*. 2 (39). pp. 47–56. (In Russian). doi: 10.25693/SVG.2022.39.2.004
2. Bravina, R.I. & Popov, V.V. (2008) *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' yakutov: pamyatniki i tradicii (XV–XIX vv.)* [The Yakut funeral and memorial rites: monuments and traditions (the 15th–19th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
3. Borisov, A.A. (2010) *Sotsial'naya istoriya yakutov v pozdnee Srednevekov'e i Novoe vremya: (opyt kompleksnogo issledovaniya)* [The social history of the Yakuts in the Late Middle Ages and Modern Times: (the experience of a comprehensive study)]. Novosibirsk: Nauka.
4. Shishigin, E.S. (1991) *Rasprostranenie khristianstva v Yakutii* [The spread of Christianity in Yakutia]. Yakutsk: Poligrafist, Yakut Scientific Center SB RAS.
5. Petrova, S.I. & Zabolotskaia, Z.M. (2013) *Narodnyy kostyum yakutov: istoriko-etnograficheskoe i iskusstvovedcheskoe issledovanie* [Yakut folk costume: a historical, ethnographic and art history study]. Novosibirsk: Nauka.
6. Gavril'eva R.S. (1998) *Odezhda naroda Saha konca XVII–XVIII vv.* [Clothing of the Sakha people of the end of the 17th – middle of the 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
7. Petrova, S.I. & Prokop'eva, A.N. (2023) Yakut tangalai clothing: cut, trimming, and technologies. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 1(60). pp. 151–162. (In Russian). doi: 10.20874/2071-0437-2023-60-1-13.
8. Bolo, S.I. (1994) *Proshloe yakutov do prihoda russkikh na Lenu: Po predaniyam yakutov byvshego Yakutskogo okruga* [The Past of Yakuts before the arrival of Russian on the Lena: According to legend of Yakuts of former Yakut Okrug]. Yakutsk: Bichik.
9. Danilova, N.K. (2020) Ritual Clothing of the Sakha People: tangalai son (Historical Memory and Semantics). *Nauchnyi dialog*. 1(11). pp. 362–378. (In Russian). doi: 10.24224/2227-1295-2020-11-362-378
10. Petrova, S.I. (2006) *Svadebnyy naryad yakutov: traditsii i rekonstruktsiya* [Yakut wedding dress: traditions and reconstruction]. Novosibirsk: Nauka.
11. Scientific and Branch Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. Category 1. Case 54128, 54129.
12. Maak, R.K. (1887) *Vilyuyskiy okrug Yakutskoy Oblasti* [Vilyuysky District of Yakut Oblast]. Part III. St. Petersburg.
13. Crubézy, E. (2009) *Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale – 2009 (Rapport)*. Toulouse: Université Paul Sabatier (Toulouse III), FRE 2960 du CNRS.
14. Prokopeva, A.N. & Ivanova, L.F. (2024) *Katalog metallicheskih ukrashenij XV–XVIII vv. Yakutii iz arheologicheskikh raskopok IGIIPMNS SO RAN. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii bazy dannyyh № 2024622353. 29.05.2024* [Catalog of metal jewelry of the XV–VIII centuries Yakutia from the archaeological excavations of the IGIIPMNS SB RAS. Certificate of state registration of the database No. 2024622353. 05/29/2024]
15. Hochstrasser-Petit, Ch. et al. (2020) Yakut clothes of the 17th and 18th centuries, archaeology and restitution. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 4 (51). pp. 131–147. doi: 10.20874/2071-0437-2020-51-4-12.
16. Sofronееv, P.S. (1972) *Yakuty v pervoy polovine XVIII veka* [Yakuts in the first half of the 18th century]. Yakutsk: Yakut. kn. izd-vo.

17. Konstantinov, I.V. (1971) *Material'naya kul'tura yakutov XVIII v.: (po materialam pogrebenij)* [Material culture of the Yakuts of the 18th century: (based on materials from burials)]. Yakutsk: Yakutizdat.

Информация об авторе:

Прокопьева А.Н. – научный сотрудник лаборатории археологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия). E-mail: sendiele@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.N. Prokopeva, research fellow, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: sendiele@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.09.2024;
одобрена после рецензирования 06.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 24.09.2024;
approved after reviewing 06.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

Научная статья
УДК 902.659
doi: 10.17223/15617793/507/17

Этноконфессиональная и социальная принадлежность нательных крестов с изображением распятия и пассионалов (орудия страстей Христовых) из археологических памятников Новосибирской области*

Ирина Владимировна Сальникова¹

¹ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, salnikovair52@gmail.com

Аннотация. Традиционным предметом при изучении некрополей XVIII–XIX вв. является крест. Встречаются нательные и наперсные кресты различной формы, но их сюжет каноничен. Особый интерес вызывают предметы с нестандартными сюжетами. К ним относятся изображение Распятия и орудий страстей Христовых. Анализ иконографии стратиграфического собрания памятников Нового времени Новосибирской области показал наличие католических крестов. Выявлены синкретичные, объединяющие в себе черты православия и католичества, три изделия, отнесенные к наперсным крестам, которые могли принадлежать священникам. Кресты с данной символикой маркируют национальный и конфессиональный состав первопоселенцев Сибири.

Ключевые слова: нательный крест, иконографический канон, конфессиональная и национальная принадлежность

Источник финансирования: работа выполнена в рамках государственного задания, проект «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства (FWZG-2022-0005)».

Для цитирования: Сальникова И.В. Этноконфессиональная и социальная принадлежность нательных крестов с изображением распятия и пассионалов (орудия страстей Христовых) из археологических памятников Новосибирской области // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 148–157. doi: 10.17223/15617793/507/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/17

The ethnoconfessional and social belongingness of cross pendants with the image of the crucifixion and passionals (instruments of the Passions of Christ) from the archaeological sites of Novosibirsk Oblast

Irina V. Salnikova¹

¹ Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, salnikovair52@gmail.com

Abstract. The cross as a symbol of belonging to Christianity is the most common archaeological artifact in the study of monuments of modern times. Crosses differ in shape and decor, but are mostly made according to the same iconographic canon. The category of crosses with rare iconography depicting the Crucifixion and Instruments of the Passions of Christ is of interest. The source of the research is the staurographic collection formed as a result of studying the monuments of modern times in Novosibirsk Oblast – two settlement complexes (the cultural layer of the Krivoshchekovo village, including the necropolis of St. Nicholas Church, the necropolis and the foundation of the Church of the Savior Cathedral in Kainsk) and the fortified outpost – the Umrevinsky prison. They date back to the middle of the 18th – 19th centuries. The aim of the article is to determine the ethnoconfessional and social belongingness of this group of subjects. The proposed typology, based on the analysis of iconographic features, made it possible to divide the crosses on the confessional basis, identify Catholic crosses and attribute three units to pectoral crosses that could belong to priests. A hypothesis was put forward that the cross pendants with images of the Instruments of the Passions of Christ are syncretic, uniting Christian denominations. The crosses with this plot, as well as crosses with clearly Catholic symbols, could belong to Polish-Lithuanian migrants who were part of the service people and participated in the development of Siberia. The comparison of the geographical localization of these types of crosses indicates a significantly larger quantity of Catholic and syncretic crosses in the monuments of Eastern Siberia (Ilmsky Ostrog,

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

churchyards of Irkutsk) and a decrease in their number in Novosibirsk Oblast. Consequently, the amount of Catholic and Proto-Catholic populations in these areas was much larger. Historical sources testify to the earlier development of Eastern Siberia and the subsequent migration of the population in the western direction. The crosses confirm this fact; thus, they are an ethnoconfessional indicator and an additional source for studying the migration processes of the first settlers of Siberia.

Keywords: cross, iconographic canon, confessional and national belongingness

Financial support: The work was carried out within the framework of the state assignment, Project "Research of Archaeological and Ethnographic Monuments in Siberia of the Era of the Russian State" (FWZG-2022-0005).

For citation: Salnikova, I.V. (2024) The ethnoconfessional and social belongingness of cross pendants with the image of the crucifixion and passionals (instruments of the Passions of Christ) from the archaeological sites of Novosibirsk Oblast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 148–157. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/17

Введение

В последние годы активно изучаются археологические памятники Нового времени на территории Новосибирской области. Данные объекты являются свидетельством освоения русскими этой территории. В их число входят два поселенческих комплекса (культурный слой села Кривошеково, включающий некрополь Никольской церкви, некрополь и фундамент церкви Спасского собора в г. Каинске) и укрепленный форtpост – Умревинский острог. Они датируются серединой XVIII – XIX вв.

Освоение русскими территории Верхнего Приобья, куда входит современная Новосибирская область, началась в конце XVII – начале XVIII в. «Колонизация будущей Азиатской России имела очаговый тип распространения и приобретала массовый земледельческий характер после возведения военных форtpостов, которые быстро превращались в административно-хозяйственные центры» [1. С. 3]. Подтверждением этого тезиса могут служить практически одновременно возведенные Умревинский (1703 г.), Чаусский (1713 г.) и Каинский (1722 г.) остроги. В первом десятилетии XVIII в. возникает «новоселенная» деревня Кривошеково, как пункт для торговли с телеутами в начале XVIII в. Затем ее жители стали специализироваться на перегоне скота на правый берег р. Обь и занимались торговлей, сельским хозяйством и рыболовством. Данные населенные пункты являлись впоследствии крупными административными центрами. В XIX в. село Кривошеково стало волостным центром, Каинск получил статус города в 1782 г. Колывань (бывший Чаусский острог) в 1822 г. В начале XIX в. эти населенные пункты превратились в торгово-транспортные узлы Московско – Сибирского тракта.

Историки выделяют два этапа освоения Сибири: военная колонизация Сибири, которая заключалась в строительстве городов-острогов, и земледельческая, целью которой являлось обеспечение материальной базы для служилого войска и для административного аппарата. Государственная политика обеспечила приток пашенного крестьянства. Еще один поток в конце XVII связан со значительной раскольничьей иммиграцией в Сибирь, особенно из северного края. Колонизация носила полиэтнический характер, в рядах «служилого населения» было немало иноземцев, «подданных Речи Посполитой, литовско-польского государственного образования. «За Урал они попадали преимущественно в виде военнопленных в разные периоды русско-

польских войн, будучи зачислены на службу в гарнизоны городов-острогов, оказались рассредоточены по всей Сибири» [2. С. 249] Именно «служилые люди» первыми реализовывали государственный план присоединения Сибири к Русскому государству. Исследования историков свидетельствуют о весомой роли иноземцев в колонизации Сибири. Примером может служить тот факт, что первый форtpост (Умревинский) на современной территории Новосибирской области основал в 1703 г. Алексей Степанов Кругликов и был его приказчиком до 1707 г. Он – сын Степана Круглика, шляхтича Мстиславского повета, который был взят в плен казаками Запорожского Войска, был поверстан в чин «сына боярского» и отправлен служить в Томск [3. С. 9]. Многие шляхтичи имели титул «дети боярские», им платили довольствие, давали наделы земли. В течение XVII в. в командной группе сибирского войска удельный вес польско-литовской шляхты в чинах детей боярских достигал 40–50% [1. С. 48].

В земледельческом этапе освоения Сибири принимали участие при главенствующей роли русского населения переселенцы с территории Севера, Среднего Поволжья, Зауралья, принудительные мигранты из Польши, Литвы, Белоруссии, Украины. [1. С. 28]. Таким образом, документальные источники и исследования историков указывают на этнически неоднородный состав мигрантов. В него входили не только русские люди, но и коренные народы Поволжья и представители европейских государств (Речи Посполитой, Англии, Швеции, Франции и проч.) [4. С. 6] Они несли в Сибирь свои национальные духовные традиции.

Одним из материальных показателей конфессиональной и национальной принадлежности мигрантов являются культовые предметы. Кресты нательные и наперсные – самая массовая категория находок, обнаруженная при исследовании поселенческих и погребальных комплексов археологических памятников Нового времени, эпохи освоения Сибири. Источниковой базой данного исследования является ставрографическое собрание (564 ед.), сформированное в результате исследования первых русских поселений на современной территории Новосибирской области.

Нательный крест как предмет личного благочестия свидетельствует о принадлежности к христианству и мог служить оберегом.

Иконографические сюжеты нательных крестов каноничны. Все композиции символичны и являются аргументами в пользу доказательств основных функций

нательного креста: «принадлежность к конфессии, информация о главном сакральном событии, в христианском мировоззрении – о распятии Богочеловека; прославление искупительного подвига Христа и его Воскресения; прославление христианского учения и апостольской церкви» [5. С. 56].

Большой интерес представляют кресты, имеющие нестандартную иконографию. В эту группу входят кресты с изображением Распятия Христа и кресты-тельники пассивности, на которых изображены орудия страстей Христовых. Цель исследования – определить этноконфессиональную и социальную принадлежность этой группы изделий.

Материалы и методы

Ставрографическая коллекция Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока включает материалы некрополей Никольской церкви села Кривошеково, (левобережье современного города Новосибирск), Спасского собора г. Каинска (современного города Куйбышев Новосибирской области). Привлечены результаты исследования Умревинского острога (Мошковский район Новосибирской области). Первая группа материалов получена в результате исследований археологических комплексов «Культурный слой села. Кривошеково» и «Археологический культурный слой Спасского Собора» в г. Куйбышев (ранее – г. Каинск), проведенных сотрудниками Отдела спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН в 2018–2020 гг. Авторы раскопок Умревинского острога – Бородавский А.П. и Шаповалов А.В. [6]. Для сравнения использованы материалы Восточной Сибири: коллекция Илимского острога [7] и синхронных некрополей г. Иркутска [8–10], сведения о крестах-тельниках, полученных из Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации [11].

Основным методом исследования является систематизация музейного собрания по методике, предложенной В.И. Молодиным на примере Илимской коллекции [7]. Тот же принцип использован в систематизации коллекций некрополей г. Иркутска, именно поэтому для сопоставления этноконфессионального состава мигрантов в разных географических регионах были выбраны эти материалы. Широко использованы метод аналогий, историко-культурный подход.

Результаты и обсуждение

Результат систематизации ставрографической коллекции памятников Нового времени Новосибирской области освещен автором в научной литературе [12, 13]. Открытым остается вопрос о конфессиональной принадлежности нательных крестов. Существует жесткий канон креста-тельника, несмотря на обилие форм и декора. Православный крест имеет четырехлопастную форму, на центральной стороне помещен рельефный восьмиконечный крест, определенные титулы и текст молитвы на обороте. Исключением является лепестковая или листовидная форма (тип 5), которые

некоторые исследователи считают женской формой креста-тельника [14]. Это утверждение достаточно традиционно аргументировано первым исследователем Э.П. Винокуровой, предложившей классификацию нательных крестов [15. С. 353]. Но этот тезис справедлив для погребального обряда в Европейской части России, в Сибири такой закономерности не наблюдается, например, в некрополе Илимского острога найдено только 11 экземпляров тельников этого типа, тогда как женских погребений 60 [7. С. 34]; на погосте Кривошеково подобных крестов выявлено 50 единиц, а женских погребений – более 150. Вероятно, это связано с высокой детской смертностью [16] и отсутствием близкого и постоянного источника пополнения православной атрибутики, вполне может быть правдивым наше предположение, что умершим младенцам надевали кресты родителей. Наши наблюдения показали отсутствие половозрастной связи формы и размеров нательных крестов.

Вопрос о конфессиональной интерпретации крестов дискуссионный и до сих пор открытый [17], несмотря на то что практически двадцать лет назад, на примере Илимской коллекции были обозначены типы крестов, отнесенных к старообрядческой традиции: 1 (подтип 1), 4, 5-й типы [18] (рис. 1).

Аргументом в пользу данного утверждения может служить тот факт, что только кресты 1, 4 и 5-го типов представлены в коллекции Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций г. Ветка. В конце XVII в. это была территория Речи Посполитой, куда переселились старообрядцы с центральной территории России, а затем во второй половине XVIII в. были переселены в Сибирь. Одна из групп получила название «поляки», вторая, обосновавшаяся в Восточной Сибири, – «семейские». Кроме того, кресты 4-го типа аналогичны изделиям, атрибутированным как старообрядческие, они, так же как формы для их изготовления, обнаружены на старообрядческом Архангельском погосте Олонечской губернии, датируются XVIII в. [19. С. 83].

Необходимо подчеркнуть, что в коллекции подавляющее количество нательных крестов по семантике, титулам имеют старообрядческий облик, но этот факт не дает основания определить конфессиональную принадлежность для всех первопоселенцев Новосибирской области. Форма и семантика нательного креста тесно связаны с дониконианским наследием. Указ Петра 1 от 31 января 1723 г. «О запрещении... выливать и продавать священные изображения из меди и олова» не распространялся на кресты нательные и модельные [20. С. 117], именно поэтому поморская традиция была сохранена, тиражировалась повсеместно и стала православным канонем вне зависимости от конфессии (таблица).

Исследователи отмечают ряд черт, которые присущи только для старообрядческого поморского лития: «Мужской крест имеет четырехконечную форму, женский – фигурную листовидную, с обязательным изображением рельефного восьмиконечного креста в центре каждого из них.

Рис. 1. Типы старообрядческих крестов. 1, 2 – тип 1; 2, 3 – тип 4; 5, 6 – тип 5

Таблица регионального распределения нательных крестов

Тип	Археологический памятник						
	Кривошеково, Никольский некрополь, Новосибирск, 278 ед., середина XVIII – XIX вв.	Каинск, Спасский некрополь, НСО, 253 ед., середина XVIII – XIX вв.	Умревинский острог, НСО, 41 ед., середина XVIII – XIX вв.	Спасский некрополь, Иркутск, 280 ед., начало XVIII – 60-е гг. XVIII в.	Владимировский некрополь, Иркутск, 31 ед., начало XVIII – 60-е гг. XVIII в.	Крестовоздвиженский некрополь, Иркутск, 189 ед., конец XVIII – начало XIX в.	Илимский острог, Иркутская обл., 215 ед., конец XVII – XIX вв.
1	54% (150)	42% (107)	53,6 % (22)	26,9% (75)	45,1 % (14)	25,4% (48)	32% (69.)
4	7,6 % (23)	9% (21)	15% (6)	36,2% (101)	9,7 % (3)	5,8 % (11)	15,3% (33)
5	17% (50)	9,4 % (22)	17% (7)	0,4% (1)	–	6,9% (13)	5,1% (11)
6	4,7 % (13)	12,3% (31)	1?	2,2 (6)	–	15,3 (29)	13,02% (28)
7	0,36% (1)	3,4 % (8)	0,4% (2)	12,2% (34)	22,6% (7)	9,5% (18)	15,8 % (34)
12	0,36 % (1)	–	–	–	–	–	–
13	–	1,18% (3)	–	–	–	–	–
14	0,36	–	–	–	–	–	–
15, католические кресты	036% (1)	–	0,2% (1)	–	–	12,2% (23)	0,46% (1)

Примечание: в скобках указано количество единиц.

На оборотной стороне старообрядческого нательного креста отливается текст молитвы: «ДА ВОСКРЕСНЕТЬ БОГЪ И РАЗЫДУТСЯ ВРАЗИ ЕГО...». Отличие надписи на старообрядческом кресте состоит в употреблении слова «РАЗЫДУТСЯ» (вместо «РАСТОЧАТСЯ» в общепринятой православной терминологии) [20. С. 118]. Кроме того, титул с надписями «ЦРЬ СЛЫ» (Царь Славы), «ІС ХС» (Иисус Христос), «НИКА» и буквы «К» (копие) и «Т» (трость) под раменами креста: изображения копья и трости, горы Голгофы; неприятные изображения фигуры распятого Христа; использование эмали [21. С. 169]. Следовательно, только определенные типы культовых изделий можно отнести к действительно старообрядческим крестам. Известно, что русские мигранты могли использовать любые нательные кресты, для них был важен сам предмет личного благочестия. Но тем не менее в нашей коллекции отмечены нетипичные кресты, к ним отнесены изделия с сюжетом Распятия Христова и орудий страстей Христовых. Впервые они отмечены в Илимской коллекции [22], затем встречены на погостах г. Иркутска [10]. Изделия разделены на две неравные по количеству, группы: наперсные и нательные кресты.

Наперсные кресты отличаются наличием образа Распятия Христова на лицевой стороне, крупными размерами. В коллекции музея три изделия отнесены к этой группе. Один предмет не вызывает сомнения ни

по семантике, ни по размерам. Крест восьмиконечный, односторонний с петлей на обороте, размеры 9 × 5,5 см, центральный образ – Распятие Христово, наверху – Спас Нерукотворный с преклоненными херувимами, титулы на верхней перекладине «ЦрьСвы», на концах центральной перекладины высоким рельефом нанесены титулы «І. С.», «Х.С.», наверху видна надпись «КРТ Распятие ГДА ІСА ХРСТА», в нижней части центральной перекладины – надпись «поклоняемся... Воскресение Твое славим», внизу изображена глава Адама, буквы по углам «г а» (рис. 2).

Рис. 2. Крест наперсный. Спасский собор (Каинск)

Еще два изделия, на наш взгляд, следует отнести к группе наперсных крестов. Один из них был обнаружен в каменном склепе, в северном пределе Спасского собора в Каинске [23].

Крест четырехконечный, двусторонний, серебряный, позолоченный. Он изготовлен с использованием сложной ювелирной технологии – литья, чеканки, гравировки, черни, плакирования, золочения, меднения [24]. Размеры: $5,58 \times 3,78 \times 0,28$ см, вес 9,26 г. На лицевой стороне креста на средокрестии помещен центральный образ – Распятие Христово, в верхней части, под оглавием, вероятно, помещен образ Господа Саваофа, на оконечностях боковых лопастей угадываются погрудные изображения предстоящих – поясные изображения Богоматери и апостола Иоанна Богослова, повернутые к центральному образу распятия. На оборотной стороне креста, под оглавием, видна ростовая фигура святого с поднятой правой рукой, что предполагает образ Воскресения Христова; под средокрестием изображена погрудная фигура святого, вероятно, святителя Николая Чудотворца; в нижней части вертикальной перекладины помещен сюжет Бичевания Христа; на левой оконечности – образ архистратига Михаила в виде скачущего крылатого всадника; на правой изображена Троица Ветхозаветная – три ангела с посохами, сидящие за столом (рис. 3, 1, 2). На принадлежность данного изделия к наперсным крестам указывает погребение в склепе на территории храма. Известно, что такой способ захоронения свидетельствует о высоком социальном статусе погребенных, поскольку после сенатских указов XVII в. был «внесён запрет на погребение внутри городов всех лиц, кроме знатных персон» [25. С. 159]. Следующим аргументом в пользу этого утверждения является знак отличия, который выдавался протоиереям и священникам, он установлен в 1797 году императором Павлом – «наперсный крест четырёхконечный, серебряный позолоченный, с изображением Распятия» [26].

Рис. 3. Крест наперсный. Спасский собор (Каинск):
1 – лицевая сторона; 2 – оборотная сторона

Второй крест, отнесенный к этой группе, зафиксирован в коллекции некрополя Николаевской церкви села Кривошеково. Односторонний, размеры: $7,6 \times 5,9, 0,2$ см, имеет оконечности луковичной формы. Наверху видно изображение трех куполов, на боковых лопастях изображены закомары, центральный образ –

Распятие Христово (рис. 4). Вероятно, он мог принадлежать священнику церкви, так как найден неподалеку надгробный гранитный памятник, на лицевой стороне которого подобное изображение куполов и закомар. Кроме того, архивные данные дают основание говорить о долговременной службе священников: например, с 1790 г. пономарем Никольской церкви села Кривошеково служил Андрей Курбаковский, в 1802–1841 гг. он был священником той же церкви [27].

Рис. 4. Крест наперсный. Никольская церковь (Кривошеково)

Следующую группу натальных крестов с изображением Распятия Христова следует отнести к католическим. Иконография центрального образа Спасителя иная и отличается от православной традиции: перекрещенные или сведенные стопы, подогнуты колени, часто отмечено наличие нимба, иные титулы, отсутствие молитвы на обороте, кроме того, ушко (оглавие) прикреплено параллельно плоскости креста. Один такой тельник обнаружен в некрополе Кривошекова. Сохранность неполная, отломано ушко и просверлено отверстие в верхней части креста. В центре на лицевой стороне помещена фигура распятого Христа, одно колено подогнуто, стопы сведены, нимб над головой в виде расходящихся лучей. Титулы «IC XC» расположены по обе стороны от головы Христа. Вверху под ушком на плате читаются буквы нижнего ряда титула «ЦІ» (Царь Иудейский), буквы верхнего повреждены отверстием. На обороте на горизонтальной перекладине помещена рельефная надпись прописными буквами «ВЛМАРВА», окантованная жгутовым орнаментом. В нижней части вертикальной лопасти имеется погрудное изображение святого с крестом в правой руке, чашей в левой и нимбом, обозначенным рельефной дугой (рис. 5, 1, 2). Второй натальный крест найден в Умревинском остроге. Односторонний, на лицевой стороне высоким рельефом выполнена фигура Распятия в католической традиции [6. С. 102] (рис. 5, 3).

Особого внимания для понимания национальной и конфессиональной принадлежности заслуживают натальные кресты с изображением орудий страстей Христовых. В эту группу вошли изделия 6 и 7 типа по классификации В.И. Молодина [7. С. 71–75]. По семантике и технике нанесения изображений разделены на три группы.

В первую входят кресты 6 типа. Описание следующее – на лицевой стороне помещен традиционный сюжет голгофского креста, титлы на боковых лопастях.

На обороте изображены Орудия страстей Христовых: на средокрестии виден ромб, что означает Гроб Господен, на правой боковой лопасти размещены изображения символов мученичества – гвозди, клещи, молоток, на левой стороне – розги, бич, вероятно, фонарь? На

вертикальной перекладине в верхней части кумган на поддоне внизу отчетливо видна лестница, столб с вервием, с петухом наверху (рис. 6, 1, 2).

Вторая группа крестов относится к седьмому типу, но изображения могут быть как рельефные, так и вдавленные, оборотная сторона оформлена схематично, но отдельные символы орудий страстей просматриваются (рис. 6, 3, 4).

Рис. 5. Кресты наперсные католические. 1, 2 – Никольская церковь. Кривошеково; 3 – Умревинский острог

Рис. 6. Кресты нательные с сюжетом на обороте орудий страстей Христовых. Тип 6: 1 – лицевая сторона; 2 – оборотная сторона. Тип 7: 3 – лицевая сторона; 4 – оборотная сторона

Кресты третьей группы относятся к 7-му типу. Они отличаются не только формой, сюжетами, декором – они украшены эмалью. На лицевой стороне центральный образ Распятия Христова, на боковых лопастях – погрудные изображения Богоматери и апостола Иоанна Богослова, под оглавием – фронтальное поясное изображение Господа Саваофа на облаках, ниже – Святой дух в виде голубя. На обороте на поперечной перекладине изображены символы орудий страстей Христовых, хорошо видны кошель, кумган, меч, гвозди, молоток, клещи, внизу изображение столба с петухом и лестница (рис. 7, 1–4). В исследовании, посвященном крестам – пассионалам, авторы выделяют три сюжета: инструменты мученичества – гвозди, клещи, копье, молоток, лестница, столб с вервием, бич или розги, Табличка INICI для унижения Христа; терновый венок; символическо-аллегорические изображения: кисть руки, кошель с 30 серебряниками, кумган

с уксусом, меч, которым святой Петр отсек ухо Малху, петух, пропевший трижды об отречении Петра, чаша (для омовения рук Пилата); символы событий – гроб господень, одежда Христа, фонарь со свечой [28]. Наши наблюдения показали, что не существовало четкого канона в изображении символов, порядка их расположения и количества, единственный сюжет – столб с петухом и лестница с вервием, фиксируется в определенном месте – на обороте нижней части перпендикулярной перекладины.

Традиционно, кресты с подобной символикой отражают проникновение западного католического влияния в XVII – нач. XVIII вв. [29. С. 85; 30]. Вероятно, они отвечали духовным запросам польско-литовских, украинских и белорусских переселенцев. На наш взгляд, кресты с подобной иконографией являются синкретичными, объединяя семантику православных крестов с католическим сюжетом.

Рис. 7. Кресты нательные с Распятием Христовым и сюжетом орудий страстей Христовых на обороте:
1, 3 – лицевая сторона; 2, 4 – оборотная сторона

Если рассматривать нательные кресты как национальный и конфессиональный маркер, то возможно проследить маршруты внутрисибирских миграционных потоков. Для этой цели составлена таблица регионального распределения католических крестов и протокатолических (с символикой орудий страстей) (см. таблицу). Сравнительный анализ ставрографической коллекции Новосибирской области с коллекциями восточных регионов, в частности Илимского острога, памятников г. Иркутска показал количественную разницу в распределении определенных типов крестов. На погостах г. Иркутска католических нательных крестов, обнаруженных в Крестовоздвиженском некрополе, в количестве 23 единиц, что составляет – 12,2% [8. С. 140]. На археологических памятниках Нового времени Новосибирского Приобья и в Илимском остроге католические кресты присутствуют в единичном виде. Но в восточном регионе количество крестов с элементами католицизма (орудия страстей Господних), которые могли оставить польско-литовские «служилые люди», намного превышает подобные в новосибирском собрании. Можно предположить, что часть католического населения использовали нательные кресты с западным протокатолическим сюжетом «страсти Господни». Это объясняется ак: чтобы стать подданными России, выходцы из стран с католическим вероисповеданием должны были принимать православие, но в их среде как дань традиции бытовали нательные кресты с соответствующей символикой. Следовательно, в этом регионе протокатолического населения было больше, чем в Новосибирском Приобье.

Документальные источники свидетельствуют о более раннем освоении территории Восточной Сибири, чем Западной, и последующие миграционные потоки имели обратное, западное направление. Наши выводы согласуются с результатами исследований историков [1, 2, 4]. Они обратили внимание на значительное число представителей польской шляхты, занимавших ключевые административные позиции. Обнаруженные нами архивные документы, в частности метрические книги Никольской церкви с. Кривошеково, указывают

на то, что священнослужители имели польские фамилии. Так, с 1790 г. пономарем служил Андрей Курбаковский, в 1802–1841 гг. он был священником той же церкви. В 1850 г. его сменил Николай Митропольский, диаконом в том же приходе был Михаил Полянский [31].

Заключение

Наше исследование показало, что нательные кресты могут быть дополнительным этноконфессиональным источником. Анализ ставрографического собрания археологических памятников Новосибирской области показал, что значительная часть нательных крестов принадлежала русскому православному населению, включая старообрядцев, для которых характерно использование крестов 1 (1 подтипа), 4, 5-го типов. Рассмотрена категория изделий с неканонической семантикой – изображением Распятия Христова и орудий страсти Господних. Она разделена на три группы: кресты нагрудные, кресты католические и синкретичные, объединяющие обе ветви христианства. Региональная фиксация типов нательных крестов свидетельствует об определенной географической локализации их обладателей и миграционных потоках. Так, например, на памятниках первопоселенцев Новосибирской области выявлены типы крестов-тельников, не встречающиеся в Восточной Сибири, что можно рассматривать как свидетельство новых миграционных потоков из центральных регионов России. [32. С. 11]. Этот вывод подтверждается результатом анализа картографирования типов нательных крестов, в котором зафиксирован 7-й тип как «сибирский», поскольку подавляющее количество крестов данного типа был распространен на территории Сибири [33].

Нательные кресты определяют принадлежность его владельца к определенной ветви христианства и отражают национальные и региональные духовные традиции, поэтому они являются дополнительным источником для изучения миграционных процессов первопоселенцев Сибири.

Список источников

1. Мамсик Т.С. Чауское Приобье: население и хозяйство. Опыт ретроспекций по материалам XVIII–XIX вв. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. 228 с.
2. Мамсик Т.С. Польско-литовская компонента в сибирской фамильной ономастике (XVII–XIX вв.) // Проблемы российско-польской истории и культурный диалог : материалы междунар. науч. конф., 23–24 апреля 2013 г. Новосибирск, 2013. С. 247–254.
3. Соколовский И.Р. Приказчик Умревинского острога Алексей Круглик и его отец (биографии двух «чиновников» XVII – нач. XVIII в.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX веков : регион. науч. конф., 5–6 декабря 1996 г. : тезисы докладов. Новосибирск, 1996. С. 8–9.
4. Соколовский И.Р. Служивые «иноземцы» в Сибири XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск : Сова, 2004. 212 с.
5. Островский А.Б. Православные нагрудные кресты (Зримые черты символов) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 8–9. СПб., 1995. С. 54–72.
6. Горохов С.В., Бородавский А.П. Нательные кресты Умревинского острога // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 3: Археология и этнография. С. 98–107.
7. Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск : ИНФОЛИО, 2007. 248 с.
8. Бердников И.М. Нательные кресты, иконки и образки из раскопок Крестовоздвиженского некрополя (Иркутск) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геохронология. Этнология. Антропология. 2012. № 1 (1). С. 138–165.
9. Бердников И.М. Кресты-тельники из некрополя Спасской церкви города Иркутска // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (47). С. 164–178.
10. Бердников И.М. Сибирский православный некрополь XVIII – XIX веков как археологический источник (по материалам исследований в Иркутске) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2012. 23 с.
11. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#> (дата обращения 28.08.2024).
12. Сальникова И.В. Ставрографическая коллекция Кривошековского некрополя (типология, семантика) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22, № 1 (81). С. 67–77. doi: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77
13. Сальникова И.В., Тимошенко А.А. Предварительные результаты исследования ставрографической коллекции некрополя Спасского собора (Куйбышев – ранее Каинск) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 909–917. doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.909-917
14. Перевозчикова С.А., Перевощиков С.Е., Пастушенко И.Ю. Гольяновское кладбище – памятник Нового времени в Среднем Прикамье // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. Т. 2. С. 40–43.
15. Винокурова Э.П. Металлические кресты – тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы XVII век. М. : Наука, 1999. С. 326–360.
16. Чикишева Т.А., Сальникова И.В. Первопоселенцы г. Новосибирска: демографическая структура населения Кривошековского Приобья в XVIII – первой половине XIX в. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49, № 2. С. 144–153. doi: 10.17746/1563-0102.2021.49.2.144-153
17. Самигулов Г.Х. Еще раз о литых крестах-тельниках конца XVII – середины XIX века (к вопросу о старообрядческих крестах) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Апельсин, 2008. С. 202–221.
18. Молодин В.И. Старообрядческие нательные кресты Илимской коллекции // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Омск : Изд-во ОмГУ, 2001. С. 20–30.
19. Островский А.Б., Федоров Ю.А. Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея. СПб. : Изд-во РЭМ, 2007. 348 с.
20. Зотова Е.Я. Медное художественное литье XVIII – начала XX вв. старообрядческих мастерских г. Москвы: источниковедческое исследование : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
21. Микшина Е.В. Влияние поморской традиции культового литья на иконографию крестов-тельников Сибири в XVIII веке (по археологическим материалам) // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты : материалы LVIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Омск : Издатель-Полиграфист, 2018. С. 168–171.
22. Молодин В.И. Кресты-тельники с изображением распятого Иисуса в Илимской коллекции // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 148–152.
23. Сальникова И.В., Морозов А.А. Склепы Спасского собора // Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 300-летию города Куйбышева/Каинска Новосибирской области, 240-летию присвоения Каинску статуса уездного города, а также 85-летию образования Новосибирской области. Новосибирск : Управление архивной службы, 2022. С. 99–106.
24. Сальникова И.В., Наберухина А.В. Уникальный крест из Каинского некрополя: иконография, семантика, технология изготовления // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. XXVIII. С. 698–705. doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0698-0705
25. Сахаров А.В. Организация кладбищ Российской Империи в свете официального законодательства второй половины XVII – начала XX века // Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия : материалы междунар. науч.-практ. конф., 5–6 апреля 2012 г. Пенза ; Баку, 2012. С. 153–161.
26. Наперсный крест // Православный портал «Азбука Веры». URL: <https://azbyka.ru/napersnyj-krest> (дата обращения: 20.08.2024).
27. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2817. Л. 8.
28. Гусаров А.Н., Коршун В.Е. Страстные нательные кресты XVIII – начала XX в. М. : Сам Полиграфист, 2018. 90 с.
29. Гнутова С.В. Орудия Страстей Христовых на русских крестах XVII–XIX веков // Филевские чтения. М., 1994. Вып. V. С. 68–86.
30. Колычев В. Страстоцвет // ВКонтакте. 12.08.2024. URL: https://vk.com/id709078476?w=wall709078476_258%2Fal (дата обращения: 12.09.2024).
31. ГАО. Д-156. Оп. 1. Д. 2824. Л. 60.
32. Сальникова И.В. Нательные кресты как отражение этноконфессионального состава первопоселенцев Новосибирского Приобья // Гуманитарные науки Сибири. 2023. № 4. С. 7–17. doi: 10.15372/HSS 2023 0401
33. Горохов С.В. Ареалы распространения некоторых типов нательных крестов XVII–XIX веков по данным из Государственного каталога музейного фонда Российской Федерации // Stratum plus. 2022. № 6. С. 373–386. doi: 10.55086/sp226373386

References

1. Mamsik, T.S. (2009) *Chauskoe Priob'e: naselenie i khozyaystvo. Opyt retrospektiy po materialam XVIII–XIX vv.* [Chaus Ob region: population and economy. An attempt at retrospection based on materials from the 18th–19th centuries]. Novosibirsk: SB RAS.
2. Mamsik, T.S. (2013) [Polish-Lithuanian component in Siberian family onomastics (17th–19th centuries)]. *Problemy rossiysko-pol'skoy istorii i kul'turny dialog* [Problems of Russian-Polish history and cultural dialogue]. Proceedings of the International Conference. 23–24 April 2013. Novosibirsk. pp. 247–254. (In Russian).

3. Sokolovskiy, I.R. (1996) [The clerk of the Umrevinsky prison, Aleksey Kruglik, and his father (biographies of two "officials" from the 17th – early 18th centuries)]. *Problemy istorii mestnogo upravleniya Sibiri XVII–XX vekov* [Problems of the history of local government in Siberia in the 17th–20th centuries]. Abstracts of the Conference. 5–6 December 1996. Novosibirsk. pp. 8–9. (In Russian).
4. Sokolovskiy, I.R. (2004) *Sluzhiyye "inozemtsy" v Sibiri XVII v. (Tomsk, Eniseysk, Krasnoyarsk)* [Service "foreigners" in Siberia in the 17th century (Tomsk, Yeniseisk, Krasnoyarsk)]. Novosibirsk: Sova.
5. Ostrovskiy, A.B. (1995) Pravoslavnye nagrudnye kresty (Zrimye cherty simvolov) [Orthodox pectoral crosses (Visible features of symbols)]. In: *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi* [Kunstkamera. Ethnographic notebooks]. Vol. 8–9. St. Petersburg. pp. 54–72.
6. Gorokhov, S.V. & Borodovskiy, A.P. (2017) Natel'nye kresty Umrevinskogo ostroga [Pectoral crosses of the Umrevinsky fort]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 16 (3). pp. 98–107.
7. Molodin, V.I. (2007) *Kresty-tel'niki Ilmskogo ostroga* [Pectoral crosses of the Ilmsk fortress]. Novosibirsk: INFOLIO.
8. Berdnikov, I.M. (2012) Natel'nye kresty, ikonki i obrázky iz raskopok Krestovozdvizhenskogo nekropolya (Irkutsk) [Pectoral crosses, icons, and images from the excavations of the Krestovozdvizhensky necropolis (Irkutsk)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geokhronologiya. Etnologiya. Antropologiya*. 1 (1). pp. 138–165.
9. Berdnikov, I.M. (2012) Kresty-tel'niki iz nekropolya Spasskoy tserkvi goroda Irkutsk [Pectoral crosses from the necropolis of the Church of the Savior in Irkutsk]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 3 (47). pp. 164–178.
10. Berdnikov, I.M. (2012) *Sibirskiy pravoslavnyy nekropol' XVIII – XIX vekov kak arkheologicheskii istochnik (po materialam issledovaniy v Irkutsk)* [Siberian Orthodox Necropolis of the 18th–19th Centuries as an Archaeological Source (Based on Research Materials in Irkutsk)]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
11. *Gosudarstvennyy katalog Muzeynogo fonda Rossiyskoy Federatsii* [State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://goskatalog.ru/portal/#> (Accessed 28.08.2024).
12. Sal'nikova, I.V. (2020) Stavrograficheskaya kollektsiya Krivoshekovskogo nekropolya (tipologiya, semantika) [Staurographic Collection of the Krivoshekovsky Necropolis (Typology, Semantics)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 22:1 (81). pp. 67–77. doi: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77
13. Sal'nikova, I.V. & Timoshchenko, A.A. (2020) Predvaritel'nye rezul'taty issledovaniya stavrograficheskoy kollektsii nekropolya Spasskogo sobora (Kuibyshev – ranee Kainsk) [Preliminary results of the study of the staurographic collection of the necropolis of the Spassky Cathedral (Kuibyshev – formerly Kainsk)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. 26. pp. 909–917. doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.909-917
14. Perevozchikova, S.A., Perevoshchikov, S.E. & Pastushenko, I.Yu. (2014) Gol'yanovskoe kladbishche – pamyatnik Novogo vremeni v Srednem Prikam'e [Golyanovskoye cemetery – a monument of the New Age in the Middle Kama region]. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [The culture of Russians in archaeological research]. Vol. 2. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg. pp. 40–43.
15. Vinokurova, E.P. (1999) Metallicheskie kresty – tel'niki XVII v. [17th-century metal crosses worn next to skin]. In: *Kul'tura srednevekovoy Moskvy XVII vek* [The culture of medieval Moscow in the 17th century]. Moscow: Nauka. pp. 326–360.
16. Chikisheva, T.A. & Sal'nikova, I.V. (2021) Pervoposelentsy g. Novosibirsk: demograficheskaya struktura naseleniya Krivoshekovskogo Priob'ya v XVIII – pervoy polovine XIX v. [The first settlers of Novosibirsk: the demographic structure of the population of the Krivoshekovsky Ob region in the 18th – first half of the 19th centuries]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 49 (2). pp. 144–153. doi: 10.17746/1563-0102.2021.49.2.144-153
17. Samigulov, G.Kh. (208) Eshche raz o litykh krestakh-tel'nikakh kontsa XVII – serediny XIX veka (k voprosu o staroobryadcheskikh krestakh) [Once again about the cast crosses-vestniks of the late 17th – mid-19th centuries (to the issue of Old Believer crosses)]. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [The Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Apel'sin. pp. 202–221.
18. Molodin, V.I. (2001) Staroobryadcheskie natel'nye kresty Ilmskoy kollektsii [Old Believer pectoral crosses of the Ilmsk collection]. In: *Istoricheskiy ezhegodnik. Spetsial'nyy vypusk* [Historical yearbook. Special issue]. Omsk: Omsk State University. pp. 20–30.
19. Ostrovskiy, A.B. & Fedorov, Yu.A. (2007) *Russkiy pravoslavnyy krest v sobranii Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya* [Russian Orthodox cross in the collection of the Russian Ethnographic Museum]. St. Petersburg: REM.
20. Zotova, E.Ya. (2003) *Mednoe khudozhestvennoe lit'e XVIII – nachala XX vv. staroobryadcheskikh masterskikh g. Moskvy: istochnikovedcheskoe issledovanie* [Copper artistic casting of the 18th – early 20th centuries of Old Believer workshops in Moscow: source study research]. History Cand. Diss. Moscow.
21. Mikshina, E.V. (2018) [The influence of the Pomor tradition of cult casting on the iconography of the pectoral crosses of Siberia in the 18th century (based on archaeological materials)]. *Drevnie i traditsionnye kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka: problemy, gipotezy, fakty* [Ancient and traditional cultures of Siberia and the Far East: problems, hypotheses, facts]. Conference Proceedings. Omsk: Izdatel'-Poligrafist. pp. 168–171. (In Russian).
22. Molodin, V.I. (2005) Kresty-tel'niki s izobrazheniem raspyatogo Isusa v Ilmskoy kollektsii [Pectoral crosses with the image of the crucified Jesus in the Ilmsk collection]. In: *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. Vol. 1. Barnaul. pp. 148–152.
23. Sal'nikova, I.V. & Morozov, A.A. (2022) [Crypts of the Spassky Cathedral]. *Materialy mezhtseynoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu goroda Kuibysheva/Kainska Novosibirskoy oblasti, 240-letiyu prisvoeniya Kainsku statusa uездного goroda, a takzhe 85-letiyu obrazovaniya Novosibirskoy oblasti* [Proceedings of the interregional conference dedicated to the 300th anniversary of Kuibyshev/Kainsk, Novosibirsk Oblast; 240th anniversary of Kainsk being granted the status of a district town; 85th anniversary of the formation of Novosibirsk Oblast]. Novosibirsk: Upravlenie arkhivnoy sluzhby. pp. 99–106. (In Russian).
24. Sal'nikova, I.V. & Naberukhina, A.V. (2022) Unikal'nyy krest iz Kainskogo nekropolya: ikonografiya, semantika, tekhnologiya izgotovleniya [A unique cross from the Kainsk necropolis: iconography, semantics, manufacturing technology]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Vol. 28. Novosibirsk: IAET SB RAS. pp. 698–705. doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0698-0705
25. Sakharov, A.V. (2012) [Organization of cemeteries of the Russian Empire in light of the official legislation of the second half of the 17th – early 20th centuries]. *Narody Evrazii. Istoriya, kul'tura i problemy vzaimodeystviya* [Peoples of Eurasia. History, culture and problems of interaction]. Proceedings of the International Conference. 5–6 April 2012. Penza; Baku. pp. 153–161. (In Russian).
26. Azbuka Very. (2024) *Napersnyy krest* [Pectoral cross]. [Online] Available from: <https://azbyka.ru/napersnyy-krest> (Accessed: 20.08.2024).
27. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-156. List 1. File 2817. Page 8.
28. Gusarov, A.H. & Korshun, V.E. (2018) *Strastnye natel'nye kresty XVIII – nachala XX v.* [Passion Crosses of the 18th – early 20th centuries]. Moscow: Sam Poligrafist.
29. Gnutova, S.V. (1994) Orudiya Strastey Khristovykh na russkikh krestakh XVII–XIX vekov [Instruments of the Passion of Christ on Russian Crosses of the 17th–19th Centuries]. In: *Filevskie chteniya* [Filevskie Readings]. Vol. V. Moscow. pp. 68–86.
30. Kolychev, V. (2024) Strastotsvet [Passion Flower]. *Vkontakte*. 12 August. [Online] Available from: https://vk.com/id709078476?w=wall709078476_258%2Fal (Accessed: 12.09.2024).
31. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-156. List 1. File 2824. Page 60.
32. Sal'nikova, I.V. (2023) Natel'nye kresty kak otrazhenie etnokontsional'nogo sostava pervoposelentsev Novosibirskogo Priob'ya [Pectoral crosses as a reflection of the ethno-confessional composition of the first settlers of the Novosibirsk Ob region]. *Gumanitarnye nauki Sibiri*. 4. pp. 7–17. doi: 10.15372/HSS 2023 0401

33. Gorokhov, S. V. (2022) Arealy rasprostraneniya nekotorykh tipov natel'nykh krestov XVII–XIX vekov po dannym iz Gosudarstvennogo kataloga muzeynogo fonda Rossiyskoy Federatsii [Distribution areas of some types of pectoral crosses of the 17th–19th centuries according to data from the state catalog of the museum fund of the Russian Federation]. *Stratum plus*. 6. pp. 373–386. doi: 10.55086/sp226373386

Информация об авторе:

Сальникова И.В. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела палеометалла Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: salnikovair52@gmail.com. ORCID: 0000-0003-3239-9418

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Salnikova, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: salnikovair52@gmail.com. ORCID: 0000-0003-3239-9418

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.09.2024;
одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 16.09.2024;
approved after reviewing 20.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

Научная статья
УДК 902/904
doi: 10.17223/15617793/507/18

Керамика неолита – ранней бронзы поселения Писаная-4: морфология, технологические особенности, культурно-хронологическая атрибуция*

Алена Юрьевна Юракова¹, Алексей Геннадьевич Марочкин²

^{1,2} Федеральный исследовательский центр угля и углехимии
Сибирского отделения Российской академии наук, Кемерово, Россия

¹ yurakova_al@mail.ru

² comcon@yandex.ru

Аннотация. Приводятся результаты морфологического и технико-технологического анализа керамики V – середины II тыс. до н.э. с поселения Писаная-4. Выявлены особенности гончарных традиций в выборе исходного сырья, состава формовочных масс, формах и способах конструирования, обработке поверхностей и орнаментации сосудов. Результаты интерпретируются в рамках изучения относительной хронологии и своеобразия культурных традиций неолита – ранней бронзы Среднего и Нижнего Притомья.

Ключевые слова: керамика, технология древнего гончарства, керамические традиции, формовочные массы, неолит, энеолит, период ранней бронзы, Притомье, Верхнее Приобье, Западная Сибирь

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Для цитирования: Юракова А.Ю., Марочкин А.Г. Керамика неолита – ранней бронзы поселения Писаная-4: морфология, технологические особенности, культурно-хронологическая атрибуция // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 158–167. doi: 10.17223/15617793/507/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/18

The Neolithic – Early Bronze Age pottery from the Pisanaya-4 settlement: Morphology, technological specifics, cultural and chronological attribution

Alena Yu. Yurakova¹, Alexey G. Marochkin²

^{1,2} Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russian Federation

¹ yurakova_al@mail.ru

² comcon@yandex.ru

Abstract. The discovery of the Pisanaya-4 stratified settlement in the south of the Low Tom River region is connected to the emergence of new Neolithic and Early Bronze Age sources in Kuznetsk hollow. The article aims to introduce into science classified data on pottery assemblages of the 5th – mid-2nd millennia BCE giving consideration to the main aspects of their morphological and technological specifics. The work suggests a plan of the relative chronology (including stratigraphic data) and cultural attribution of the pottery groups. The technical and technological specifics were studied using optical microscopy and based on the terminology and experimental solutions of ancient pottery researchers in terms of the historical and cultural approach. The conclusions deal with the pottery tradition specifics in raw material choice, molding composition, shapes and ways of designing, surface treatment and ornamentation of vessels. It is suggested that the earliest period of the site in the Holocene is the Early/Middle Neolithic according to a vessel fragment of the so-called "Isly" type. A vessel of the so-called "Kiprino-Irba-Novokuskovo group" found in the settlement has analogies in the Low Tom River region, made using band building from low ferruginized clay with shredded stone rock and chamotte, and it is connected to the Late Neolithic-Eneolithic (5th millennium BCE). The Bolshoy Mys culture vessels unknown at the Tom River are attributed to the Eneolithic Age (4th millennium BCE). The Eneolithic pointed-bottom forms were made using a slab construction technique, based on a capacitive building method, from predominantly unferruginized clays with admixtures of shredded stone rock and chamotte. The collection

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

contains fragments similar to the Bolshoy Mys vessels in ornaments (rows of stepping stamp) but different in technological parameters. They are probably connected to another tradition spread in the south of the Low Tom region in the Neolithic-Eneolithic Age. According to the stratigraphic data, the vessel of the Petrovskiy Bor type can probably be attributed to the Early Bronze Age. The Petrovskiy Bor vessel defines the tradition of using unferruginized silty clay as the initial raw material and adding highly concentrated shredded stone rock into the molding composition. The Early Bronze Age and the early Developed Bronze Age (late 3rd – mid-2nd millennia BCE) are presented in the materials of the settlement in the vessels of Samus and Krokholevo cultures. Samus culture vessels are made from silt/silty clay with shredded stone rock and organic solution. The flat-bottom Krokholevo vessel with "faked fabric" decoration marks an original tradition of use of highly ferruginized raw material with mineral (shredded stone rock, chamotte) and organic (wool, organic solution) elements. The obtained results, including the technological study experience, allow us to consider the early stages of pottery on the territory of the Middle and Low Tom River regions for the first time.

Keywords: pottery, ancient pottery technology, pottery traditions, molding compositions, Neolithic, Early Bronze Age, Tom River region, High Ob River region, West Siberia

Financial support: The study was carried out within the framework of the state assignment of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences "Socioculturogenesis and Cross-Border Interaction of Ancient and Medieval Societies in the Contact Zones of Western and Central Siberia" (AAAA-A21-121012090006-0).

For citation: Yurakova, A.Yu. & Marochkin, A.G. (2024) The Neolithic – Early Bronze Age pottery from the Pisanaia-4 settlement: Morphology, technological specifics, cultural and chronological attributing. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp.158–167. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/18

Введение

Поселение Писаная-4 расположено на мысовидном приустьевом участке первой и второй террас р. Томь, с северо-востока ограничено левым берегом ее правого притока – р. Писаная. Памятник открыт А.С. Сизёвым в ходе разведки 2019 г. в окрестностях Томской Писаницы. В настоящее время лаборатория археологии ФИЦ УУХ СО РАН продолжает комплексные исследования поселения, включающие датирование и видовое определение фаунистических остатков, изучение гео-

логии и структуры почв, палинологии, сырьевых стратегий и технологических традиций древнего населения на юге Нижнего Притомья. В 2019–2022 гг. изучено 88 м² площади поселения, вмещающих остатки галечных кладок и очагов (рис. 1). Получено 3 637¹ разновременных находок (палеолит – Новое время) – предметы каменной индустрии, изделия из металла, стекла, фрагменты керамики и костей животных. Материалы работ 2019 г. переданы в фонды музея-заповедника «Томская Писаница», работ 2020–2022 гг. – в Центр музейного хранения археологических коллекций ФИЦ УУХ СО РАН.

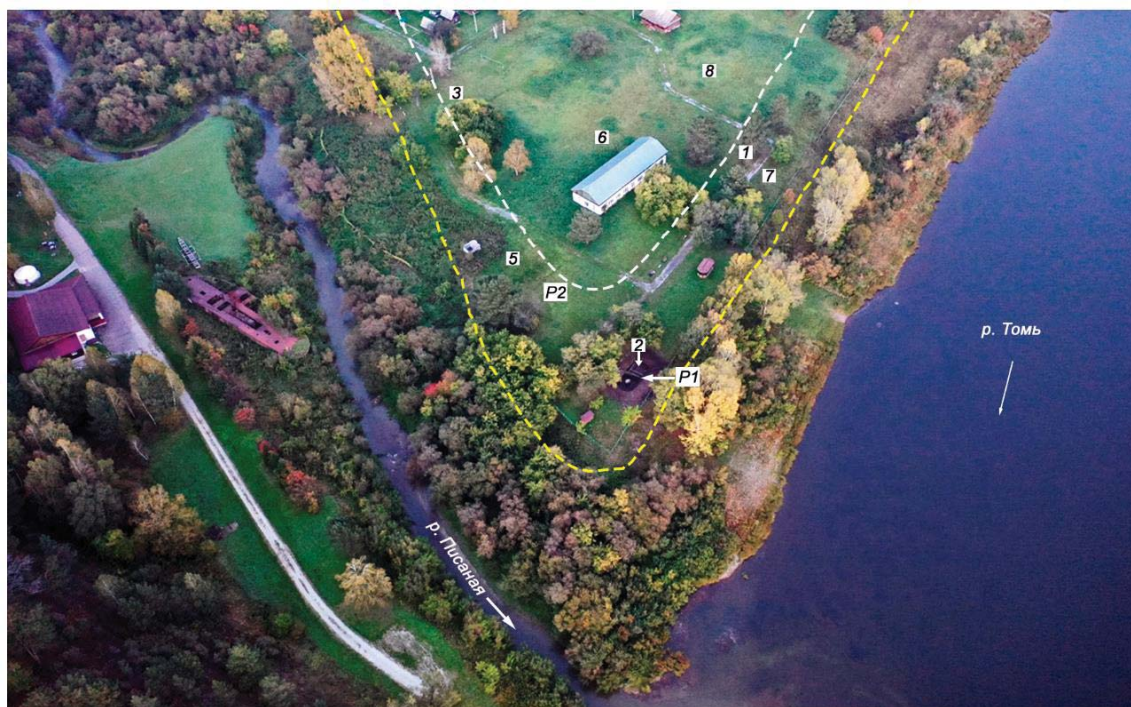

Рис. 1. Вид поселения Писаная-4 с обозначениями участков, изученных в 2019–2022 гг.: 1 – шурф № 1 (2019 г.); 2 – шурф № 2 (2019 г.); 3 – шурф № 3 (2021 г.); 5 – шурф № 5 (2021 г.); 6 – шурф № 6 (2021 г.); 7 – шурф № 7 (2022 г.); 8 – шурф № 8 (2022 г.); P1 – раскоп № 1 (2020 г.), P2 – раскоп № 2 (2021 г.). Пунктирными линиями показаны контуры первой (желтый цвет) и второй (белый цвет) надпойменных террас правого берега р. Томь

В статье анализируются керамические комплексы V – середины II тыс. до н.э., выявленные при изучении гумусированных слоев первой террасы. На данном участке, представлявшим в древности высокую пойму, отложения носят стратифицированный характер благодаря галечным русловым наносам, сформированным подъемами уровня воды в р. Томь [1]. Материалы неолита – ранней бронзы залегают в нижних горизонтах гумусированного суглинка в шурфах № 1 (пласт 3) и № 2 (пласты 5–9), раскопе № 1 (пласты 4–8). Это преимущество стратиграфической ситуации расширило возможности для более достоверной атрибуции керамических комплексов.

Материалы и методы

Керамическая коллекция неолита – ранней бронзы насчитывает 265 фрагментов не менее чем от 13 сосудов, разделенных на шесть морфологических групп. Технологическому анализу подвергнуты характеристики исходного сырья, формовочных масс, способы конструирования и обработки поверхностей сосудов. Исследование проводилось с использованием стереоскопического микроскопа ЛОМО МСП 1 Вар. 2 ($\times 10$ –80) и фотокамерой МС-5.3. Визуальная оценка ожелезненности исходного сырья [2] проводилась после обжига образцов в муфельной печи в течение 1 ч при температуре 85°C. Оценка запесоченности исходного пластичного сырья (ИПС), концентрации примесей в формовочных массах (ФМ) опиралась на опубликованные результаты экспериментальных исследований [3, 4]. Оценка естественного содержания песка в ИПС оказалась затруднена высокими концентрациями примеси дробленой каменной породы (ДрП) и в большинстве случаев не приводится в изложении результатов. Этот аспект изучения древней керамики Притомья требует методической проработки.

Результаты исследования

Материалы неолита – энеолита на поселении Писаная-4 представлены 142 фрагментами (фр.) не менее чем от девяти сосудов (группы 1–3), период ранней бронзы – 123 фр. не менее чем от четырех сосудов (группы 4–6). В коллекции также присутствуют 11 фрагментов, которые стратиграфически соотносятся с горизонтами залегания неолит-энеолитических комплексов, но не имеют выраженных признаков для морфологической атрибуции.

Группа 1. Единственный сосуд 1/1 известен по фрагменту тулова из подъемных сборов в северо-восточной части памятника [5. С. 51] с орнаментом из рядов нанесенных под углом овальных гладких вдавлений (рис. 2, 1). Технологический анализ провести не удалось, так как предмет отсутствовал среди материалов, переданных автором раскопок на хранение в музей-заповедник «Томская Писаница».

Группа 2. Представлена слабо профилированной верхней частью сосуда 2/1, зафиксированной по скоплению из 17 фр. в шурфе № 1 (рис. 2, 3). Сосуд с толщиной стенок 7–9 мм имеет открытое устье ($\varnothing \approx 30$ см),

форма дна не известна. Сконструирован из лент шириной около 3 см, поставленных внахлест. Декор выполнен в технике «шагания» инструментом с разреженной шнуровой обмоткой, о чем свидетельствуют отпечатки ворсинок, оставленные при движении инструмента. Поверх нанесены пояса из овальных ямок, сгруппированных по две в наклоненную влево диагональ. Аналогичный ряд ямок расположен на внутренней стороне венчика (рис. 2, 13); срез украшен поперечными гладкими оттисками. Изготовлен из слабоожелезненной, не запесоченной (?) глины; присутствуют единичные окатанные каменные включения (до 6 мм)². В составе ФМ – примеси дробленой каменной породы (преобладает) и шамота (рис. 2, 14). Включения дробленой породы остроугольные (0,2–2 мм), конгломератного состава с пленками слюды; концентрация достигает 40 ед./см². Частицы шамота (1–5 мм) аналогичны основному черепку по ожелезненности, встречаются в концентрации до 3 ед./см²; в составе – включения дробленой породы (до 1 мм).

Группа 3. Включает 113 фр. сосудов, орнаментированных «шагающими» штампами (рис. 2, 4–12; 3).

Сосуд 3/1 зафиксирован в виде разрозненных 34 фр. (31 тулова, 3 придонной части и дна) в шурфе № 2; часть из них планиграфически приурочена к галечной кладке. Сохранилась нижняя часть остродонного сосуда (толщина стенок – 4–7 мм, дна – до 14 мм), сконструированного из лент. Орнаментирован горизонтальными рядами «шагающего» зубчатого штампа высотой 1,5 см (рис. 3, 2–4). На большей части поверхности отпечатки зубцов стерты, однако на некоторых участках при косом освещении рельеф рабочей части инструмента различим отчетливо. Сосуд изготовлен из неожелезненной глины с редкими рыхлыми железистыми включениями (до 0,1 мм). Формовочная масса содержит примеси дробленой каменной породы (преобладает) и шамота. Включения дробленой породы (0,2–2 мм, доминирует размерность до 1 мм) остроугольные, с золотистыми пленками слюды; концентрация их достигает 40–60 ед./см². Частицы шамота (0,5–1 мм) встречаются редко (1–2 ед./см²), неожелезненные, в составе фиксируются остроугольные каменные включения (до 0,2 мм).

Сосуд 3/2 полностью реконструирован из скопления фрагментов *in situ* (69 экз.), обнаруженного в раскопе 2020 г. Форма остродонная, высотой ≈ 40 см, со слабой профилировкой стенок толщиной 6–7 мм и открытым устьем ($\varnothing \approx 34$ см). Сосуд сконструирован на основе емкостного начина из лент, составленных внахлест, о чем свидетельствуют видимые места наложения конструктивных элементов. Вся внешняя поверхность орнаментирована рядами «шагающего» гладкого штампа (рис. 3, 1, 5), иногда накладывающихся друг на друга (рис. 3, 6). Исходное пластичное сырье представляет собой смесь неожелезненной (преобладает) и ожелезненной глин, с естественными окатанными железистыми включениями (до 1 мм). Формовочная масса содержит примеси дробленой каменной породы (преобладает) и шамота (рис. 3, 7, 8). Включения дробленого камня (0,2–6 мм) остроугольные, присутствуют в значительной концентрации (до 38–40 ед./см²).

Шамот в концентрации до 14–15 ед./см² представлен частицами (1–4 мм) как из ожелезненного, так и

неожелезненного сырья; в составе фиксируются остроугольные включения дробленого камня (до 1 мм).

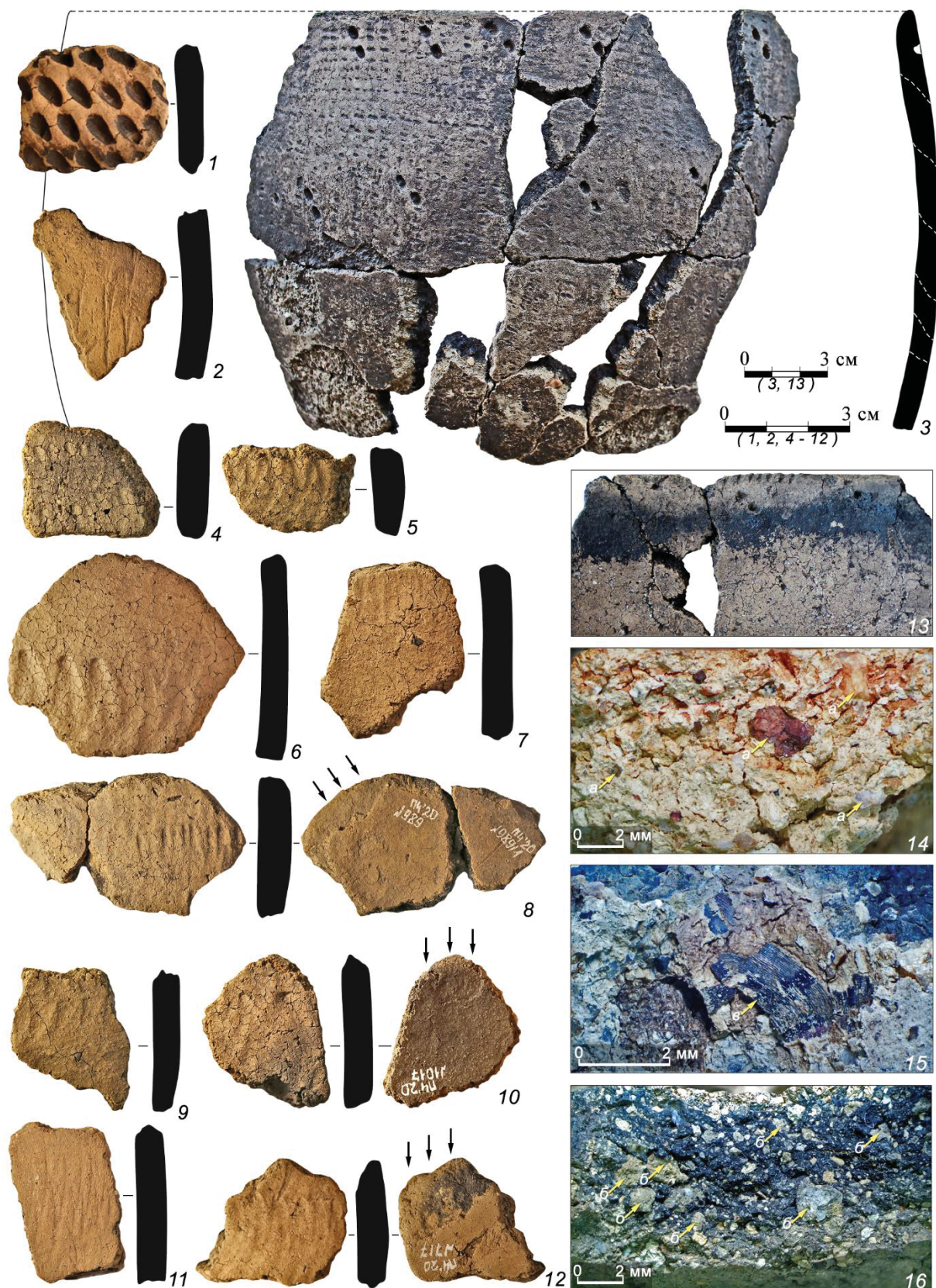

Рис. 2. Керамика поселения Писаная-4 (1 – группа 1; 2, 4–12, 15, 16 – группа 3; 3, 13, 14 – группа 2). Микрофотографии изломов, характеризующие состав исходного пластичного сырья и формовочных масс, – 14–16 (а – включения дробленой каменной породы; б – частицы шамота; в – отпечаток чешуи)

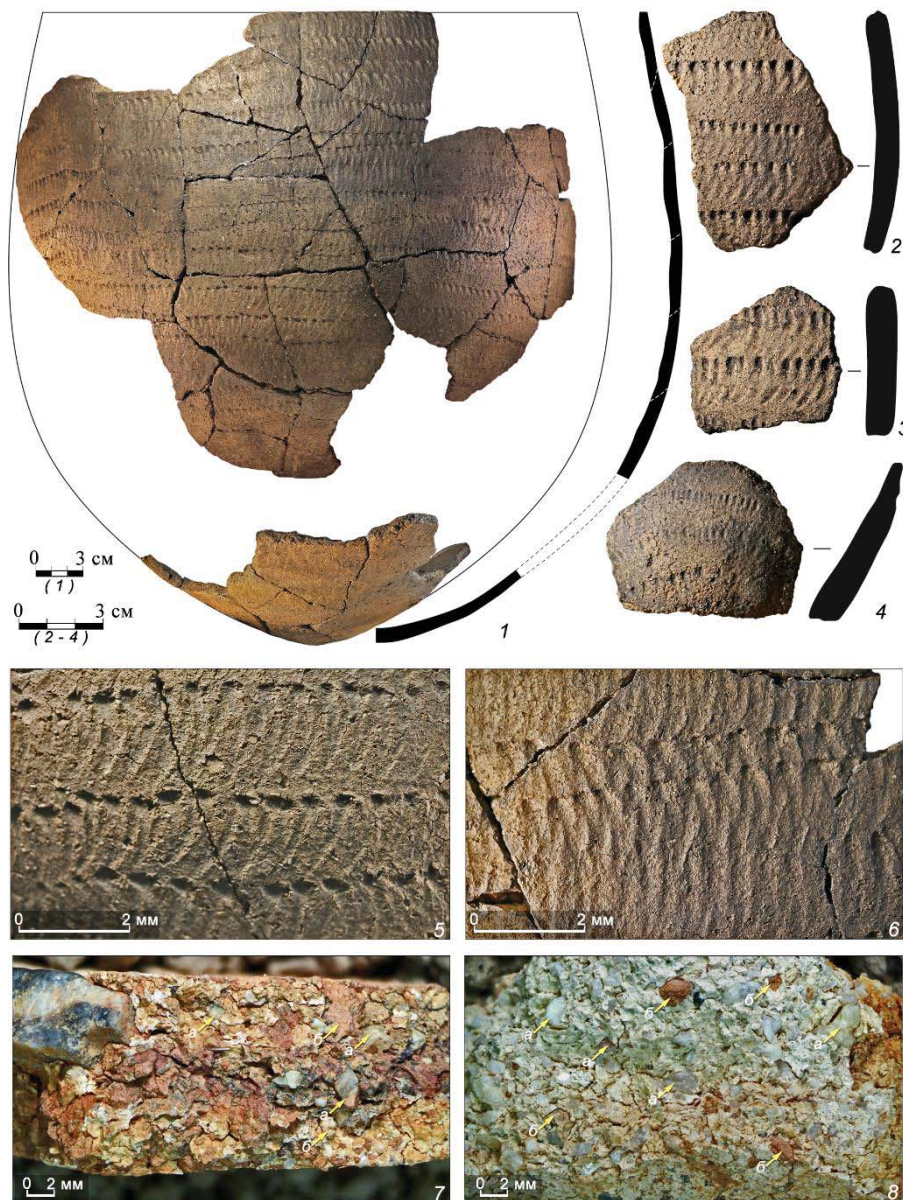

Рис. 3. Керамика поселения Писаная-4. Группа 3. 1 – сосуд 3/2; 2–4 – сосуд 3/1; 5–6 – увеличенные фото декора сосуда 3/2; 7, 8 – микрофотографии изломов, характеризующие состав исходного пластичного сырья и формовочных масс (а – включения дробленной каменной породы; б – частицы шамота)

Морфологически близки им еще 10 фр. тулов (см. рис. 2, 4–12) от сосудов, орнаментированных «шагающими» штампами, из шурфа № 2 2019 г. и раскопа 2020 г. Форма сосудов неопределима, но для части из них (рис. 2, 8, 10, 12) достоверно определяется способ конструирования лоскутным налепом. Для фрагментов этой группы характерны несколько вариантов рецептур:

1. Смесь ожелезненной и нежелезненной глин + ДрП + Ш – 1 фр. (рис. 2, 5).
2. Гл. нежелезненная + ДрП + Ш – 1 фр. (рис. 2, 9).
3. Гл. ожелезненная + ДрП + Ш – 1 фр. (рис. 2, 2).
4. «Илистая гл.» нежелезненная + ДрП + Ш – 2 фр. (рис. 2, 6, 10).
5. «Илистая гл.» ожелезненная + ДрП + Ш – 2 фр. (рис. 2, 11, 12).
6. «Илистая гл.» ожелезненная + Ш – 1 фр. (рис. 2, 8).

7. «Ил» / «Илистая гл.» нежелезненная + ДрП + ОР – 1 фр. (рис. 2, 7).

8. «Илистая гл.» ожелезненная + ДрП + ОР – 1 фр.

Группа 4. Представлена 57 фр. сосуда 4/1 (рис. 4, 1, 3). Реконструирована верхняя часть плоскодонного (?) сосуда с толщиной стенок 6–9 мм, сконструированного из лент. Поверхности заглажены твердым инструментом. Орнаментирован тройными и двойными горизонтальными прочерченными зигзагами (рис. 4, 14), срез украшен поперечными гладкими оттисками (рис. 4, 13). Для производства сосуда использовано среднежелезненное и слабо запесоченное (?) ИПС («илистая глина») со значительной долей естественных железистых включений, представленных окатанными темно-оранжевыми частицами (до 1,5 мм) и рыхлыми оранжевыми соединениями (0,2–1,5 мм).

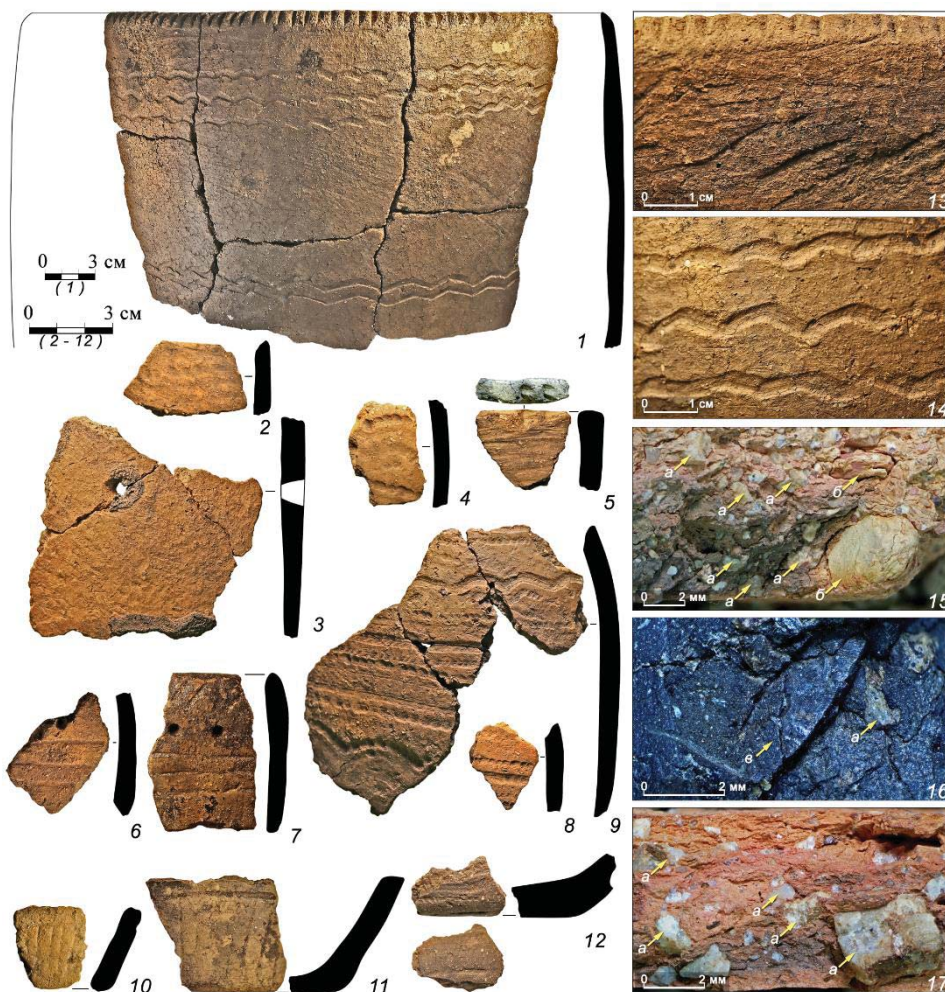

Рис. 4. Керамика поселения Писаная-4 (1, 3, 13–15 – группа 4; 2, 4–12, 16, 17 – группа 5), увеличенные фото декора сосуда 4/1 (13, 14) и микрофотографии изломов, характеризующие состав исходного пластичного сырья и формовочных масс (а – включения дробленной каменной породы; б – окатанные глиняные комочки в составе ИПС; в – отпечаток чешуи)

Естественные включения представлены фрагментами косточки (длиной 6 мм) и единичными отпечатками растительности с продольным рельефом (шириной 0,5 мм). Кроме того, в составе исходного сырья фиксируются окатанные глиняные комочки размером 3–6 мм (рис. 4, 15). Формовочная масса содержит примесь дробленной каменной породы в высокой концентрации (до 27 ед./см²). Частицы остроугольные (0,2–6 мм, преобладает размерность до 1–1,5 мм, крупные включения единичны), с включениями золотистых пленок слюды. На одном из фрагментов сосуда имеются следы ремонта (рис. 4, 3).

Группа 5. Представлена фрагментами двух сосудов, идентичных по форме (плоскодонные «банки»), способам конструирования (лоскутный налест), типу исходного сырья и составу ФМ. Их фрагменты найдены в раскопе 2020 г., еще 2 фр. сосуда 5/2 – в шурфе 2 2019 г. Оба сосуда изготовлены из ожелезненного, слабо запесоченного (?) ИПС, с естественными железистыми соединениями темно-оранжевого цвета (0,2–1 мм). В изломах фиксируются отпечатки рельефных стеблей растительности (шириной до 1 мм, длиной до 2 мм) и чешуи размером до 5 мм (рис. 4, 16), а также окатанных комочков глины (до 1 мм). Формовочные массы содержат примеси дробленной каменной породы

и органического раствора (рис. 4, 17). Включения дробленной породы (0,2–4 мм) остроугольные, встречаются в концентрации 20–26 ед./см². Примесь орграс- твора фиксируется по рыхлому темно-серому матовому налету и прозрачным блестящим пленкам, по- крывающим излом.

Сосуд 5/1 (28 фр. – 1 венчика, 26 тулова, 1 придон- ной части и дна), толщина стенок – 5–7 мм (рис. 4, 2, 4, 5, 8, 9, 12). Зона тулова орнаментирована волнистыми поясами отступающе-накольчатой «гребенки», о де- коре венчика и дна судить затруднительно из-за малых размеров фрагментов. Край венчика украшен оттис- ками зубчатого штампа.

Сосуд 5/2 (5 фр. – 1 венчика, 2 тулова, 2 придонной части и дна), толщиной стенок 4–5 мм (рис. 4, 6, 7, 10, 11). Орнамент венчика состоит из ряда наклонных пря- мых оттисков и расположенного под ним пояса из округлых ямок (Ø 4 мм); ниже вплоть до линии дна рас- полагаются чередующиеся зоны из прямых горизон- тальных и вертикальных прямых линий. Микрорельеф отпечатков свидетельствует о том, что в декорирова- нии применялся инструмент с твердой основой и ните- вой/веревочной обмоткой.

Группа 6. Включает 31 фр., соотносящихся с сосу- дом 6/1 (рис. 5) – плоскодонной «банкой» с толщиной

стенок 7–10 мм, сконструированной лоскутным наложением. Декор состоит из вертикальных оттисков гребенчатого штампа, пояса «жемчужин» в зоне венчика и заполненного наколами зигзага, нанесенного по тулову. Внешняя поверхность дна покрыта «псевдотекстильными» отпечатками, внутренняя грубо заглажена твердым инструментом. В роли ИПС использована сильно ожелезненная глина, в составе которой наблюдается большое количество (до 8–11 ед./см²) естественных окатанных железистых включений (до 5 мм) и рыхлых темно-оранжевых частиц (до 0,5 мм). Зафиксировано включение раковины белого цвета (до 4 мм, толщина – 0,2 мм), покрытое черным налетом (рис. 5, 2). Сосуд изготовлен из сложносоставной ФМ, включающей минеральные (шамот + дробленая порода) и органические

(шерсть + органический раствор) компоненты (рис. 5, 3–5). Среди минеральных примесей количественно преобладает шамот (5–6 ед./см²) с размером частиц до 0,5–1 мм; по степени ожелезненности аналогичен основному черепку, в составе – естественные включения бурого железняка (до 0,2 мм) и остроугольные каменные включения. Примесь дробленой каменной породы представлена единичными остроугольными включениями (0,2–0,4 мм). Примесь шерсти отчетливо фиксируется по разнонаправленным отпечаткам диаметром 0,1–0,2 мм и длиной до 18 мм и характерным завиткам. Добавка органического раствора выражена в виде аморфных полостей от жидкого вещества, прозрачных блестящих пленок и рыхлого коричневого налета, покрывающего изломы.

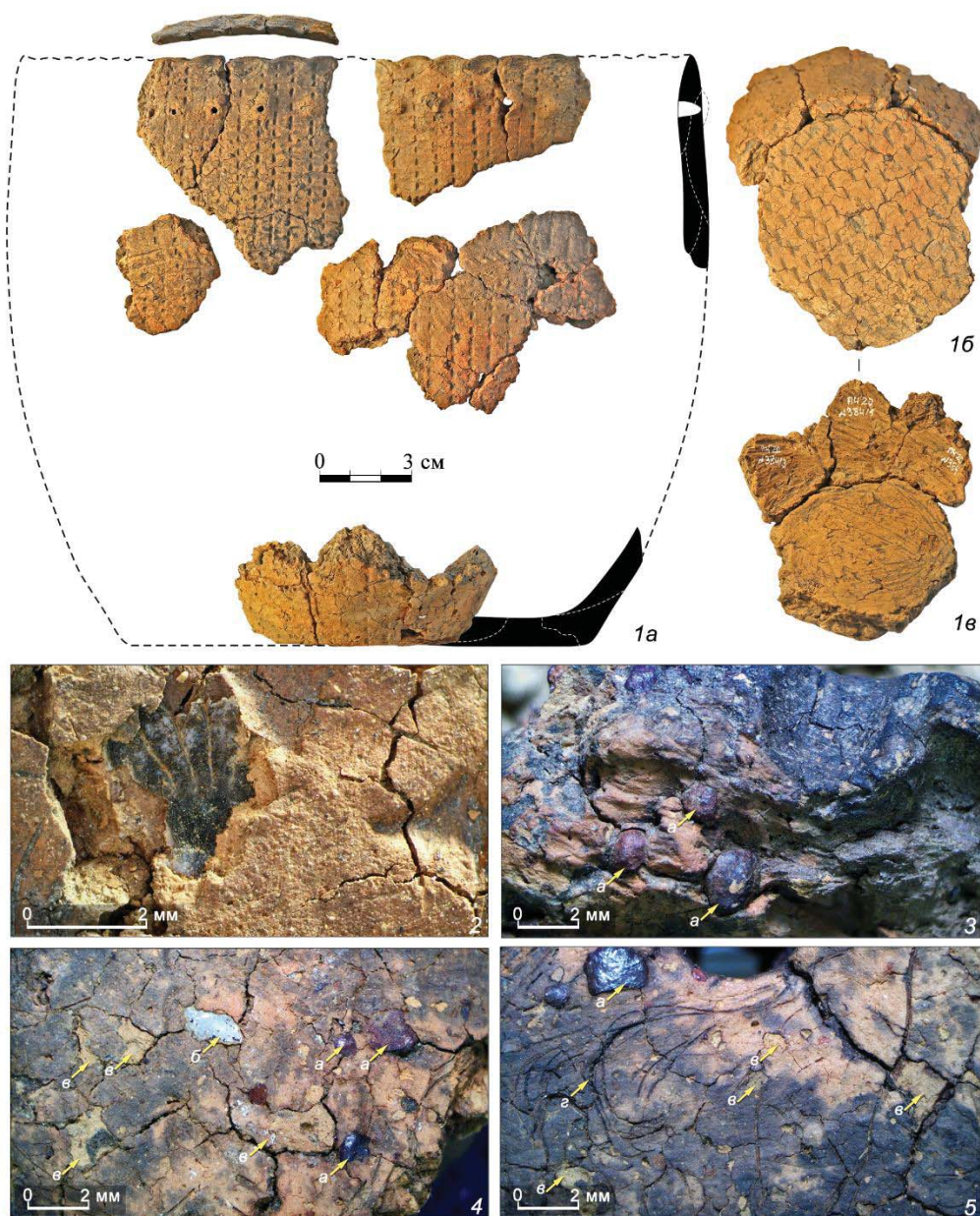

Рис. 5. Керамика поселения Писаная-4. Группа 6. Сосуд б/1. 1а – частичная реконструкция сосуда; 1б – вид внешней поверхности дна; 1в – вид внутренней поверхности дна; 2 – включение раковины в составе ИПС; 3–5 – микрофотографии изломов и поверхностей сосуда, характеризующие состав исходного пластичного сырья и формовочных масс (а – окатанные железистые включения в составе ИПС; б – включения дробленой каменной породы; в – частицы шамота; г – отпечатки шерсти)

Обсуждение результатов

Морфология и технология ранних керамических комплексов с поселения Писаная-4 отражает специфику гончарных традиций населения Среднего и Нижнего Притомья в периоды неолита и ранней бронзы. Предлагаемая относительная хронология выделенных групп подтверждается датирующими аналогиями из других районов Верхнего Приобья и стратиграфическими наблюдениями [1].

В материалах раскопок 2019–2022 гг. отсутствуют достоверные сведения о *раннем/среднем этапах неолита*. Исключение составляет фрагмент сосуда (группа 1), орнамент которого близок керамике так называемого изылинского типа со стоянок Долгая-1 [6. Рис. 1, 3, 8, 11–13] и памятников бассейна р. Иня [7]. С периодом *позднего неолита* – *энеолита* на поселении Писаная-4 соотносится керамика групп 2 и 3. Среди них наиболее ранние позиции занимает сосуд группы 2, близкий материалам первой пол. V тыс. до н.э. с поселения Остров Няша-1 [8], находкам с памятников Самусь-3 и Игреково-1 [7. Рис. 64, 2, 5; 74, 1; 9] в Нижнем Притомье. В этой же хронологической нише, предположительно, находится часть фрагментов группы 3, сходных по деталям орнаментальной техники («шагание» с прерыванием, выполненное тонким гладким штампом) с сосудах конца V – начала IV тыс. до н.э. стоянки Долгая-1 [6], отнесенными к так называемому «кипринско-ирбинско-новокусовскому массиву».

Период энеолита в существовании поселения Писаная-4 маркируется комплексом, к которому относятся сосуды 3/1 и 3/2 и часть близких им фрагментов группы 3. Он имеет прямые аналогии на памятниках *большемысской культуры* IV тыс. до н.э. [10] как в более стабильных форме и орнаментации сосудов, так и в технологии изготовления, имеющей отличия в разных районах ареала культуры [11]. Комплекс Писаной-4 представляет первую находку *большемысской керамики* на р. Томь. Северо-восточная граница ареала культуры определяется по находкам в Восточном Присалаирье [12]. Характер присутствия *большемысского населения* в Притомье пока не ясен, однако комплекс Писаной-4 является одним из свидетельств освоения восточных районов Кузнецкой котловины в период энеолита.

Начало *периода ранней бронзы*, предположительно, связано с появлением на памятнике керамики группы 4, аналогии которой имеются в материалах памятников Смирновский ручей (Ачинско-Мариинская лесостепь), Петровский Бор, Чердашный Лог (Нижнее Притомье). Подобную керамику И.В. Рудковский объединил при выделении неолитического *петровоборского типа* [13]. Находка на Писаной-4 может служить подтверждением его распространения на юге Томь-Чулымского междуречья, но ее стратиграфическая позиция (петровоборский сосуд залегает *in situ* выше и *большемысского комплекса* и отделен от него естественным галечным наносом) – не соответствует предложенной И.В. Рудковским неолитической датировке.

По всей видимости, проблема хронологии петровоборских комплексов требует дальнейшего накопления

археологических источников и, в первую очередь, данных стратиграфии и абсолютного датирования.

Комплекс *самусьской культуры* периода ранней бронзы представлен на поселении сосудах группы 5. Морфологически близки сосудах разных групп с поселений Крохалевка-1, Самусь IV [14. Рис. 27, 53, 55, 56]. Показательно, что при морфологических различиях технологические особенности обоих сосудов с Писаной-4 идентичны. Аналогичная рецептура формовочных масс (дресва + органический раствор) выявлена для практически единственного технологически изученного комплекса *самусьской культуры* Потаповы Лужки-III в Томском Приобье; в составе ИПС здесь также фиксируются отпечатки чешуи и растительности [15].

Стратиграфическую позицию, близкую *самусьской*, занимает керамика *крохалевской культуры* (группа 6). Часть фрагментов обеих групп в раскопе 2020 г. залегает в едином контексте в заполнении галечной кладки. Хотя это наблюдение единично и не связано с археологически «закрытыми» объектами, о нем стоит помнить при обсуждении хронологического соотношения *самусьских* и *крохалевских* комплексов. Предположения об их частичной синхронности в Кузнецкой котловине подтверждаются радиоуглеродными датировками из поселенческих комплексов [16, 17]. Необычна орнаментация *крохалевского сосуда* с Писаной-4, горизонтальным зигзагом, заполненным наколами. Этот мотив не известен для *крохалевских комплексов* в Верхнем Приобье, однако типичен для *самусьской орнаментальной традиции* [14. Табл. 11, 22–24]. В технологических аспектах *крохалевский комплекс поселения Писаная-4* представляет отдельную своеобразную традицию, ярко выделяющуюся использованием сильноожеженного исходного сырья и многокомпонентной формовочной массы. Идентичный рецепт формовочной массы с примесями дресвы, шамота, шерсти и органического раствора зафиксирован в числе характерных для *крохалевской посуды* с псевдотекстильным декором из Верхнего Приобья [18].

Заключение

При относительной малочисленности находок ранней керамики на поселении Писаная-4, их изучение значимо для изучения гончарных и культурных традиций древних обществ лесостепного юго-востока Западной Сибири. Для археологии неолита и ранней развитой бронзы Кузнецкой котловины полученные результаты впервые позволяют рассмотреть ранние этапы развития керамического производства. Анализ стратиграфического контекста культурного слоя Писаной-4 дает осторожные основания для хронологической привязки выявленных керамических групп, которые могут быть соотнесены с разными гончарными традициями периодов неолита и ранней бронзы.

К сожалению, хорошо читаемые морфологические аналогии для данных групп из других районов Верхнего Приобья не могут быть в полной мере дополнены сравнительным анализом технологических характеристик. Это в очередной раз ставит вопрос о

назревшей необходимости более интенсивного развития технологического направления в исследовании ранней керамики западносибирской лесостепи.

В потенциале это может дать новые возможности в установлении маркеров культурно-хронологической дифференциации археологических комплексов.

Примечания

¹ Общий объем исследованной в 2019–2022 гг. площади и количество полученных находок уточнены по отчетным данным после публикации тезисов доклада.

² Здесь и далее в скобках при описании включений в исходном сырье и формовочных массах указывается диапазон их размеров.

Список источников

1. Марочкин А.Г., Сизев А.С., Юракова А.Ю., Гаврилов Д.А., Хайрулина К.Д. Стратиграфия поселения Писаная-4 в окрестностях Томской писаницы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVII. 2021. С. 511–519.
2. Цетлин Ю.Б. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья: Вып. 4. Самара : Научно-технический центр, 2006. С. 421–425.
3. Лопатина О.А., Каздым А.А. О естественной примеси песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М. : ИА РАН, 2010. С. 46–57.
4. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Электронный каталог по керамической трасологии // СООО «Самарское археологическое общество». Самара, 2020. URL: <http://archsamara.ru/katalog/> (дата обращения: 15.07.2024).
5. Сизев А.С. Отчет о проведении археологической разведки в Яшкинском и Юргинском районах Кемеровской области в 2019 году // Архив Музея-заповедника «Томская Писаница». Кемерово, 2020. 159 с.
6. Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Материалы неолита–энеолита стоянки Долгая-1 (южные районы Нижнего Притомья) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, № 3. С. 189–201.
7. Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. 168 с.
8. Квасница Ю.К., Бычков Д.А., Идимешев А.А. Роль памятника Остров Няша-I в построении культурно-хронологической схемы Нижнего Притомья // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 4. С. 43–59. doi: 10.14258/tpai(2023)35(4).-03
9. Сеницына Г.В. О хронологии стоянок Игреково-1 и Игреково-2 в Среднем Приобье // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск : Аграф-Пресс, 2008. С. 193–197.
10. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.
11. Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Предварительные итоги исследований исходного сырья и формовочных масс керамики большемысской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2006. Т. XII. С. 341–344.
12. Бобров В.В., Молодин В.И., Журба Т.А., Колонцов С.В., Кравцов В.М., Кравцов Ю.В., Соболев В.И. Археологические памятники Тогучинского района Новосибирской области (Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России»). Вып. 5. Новосибирск, 2000. 101 с.
13. Рудковский И.В. Петровоборская керамика, или новое о неолите Верхнего Приобья // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). Т. 2. Новосибирск, 2005. С. 149–154.
14. Молодин В.И., Глушков И.Г. Самульская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.
15. Идимешев А.А., Богачук Е.А., Степанова Н.Ф. Предварительные результаты технико-технологического анализа керамики с поселения Потаповы Лужки-III (Томское Приобье) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 1. С. 46–58. doi: 10.14258/tpai(2023)35(1).-03
16. Бобров В.В., Марочкин А.Г. Крохалевская культура ранней бронзы на территории Кузнецкой котловины (специфика материального комплекса и хронология) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 108–112. doi: 10.17223/19988613/42/19
17. Ковтун И.В., Марочкин А.Г., Герман П.В. Радиоуглеродные даты и относительная хронология сейминско-турбинских, крохалевских и самульских древностей // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе : сб. науч. ст. : в 3 т. / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 269–274.
18. Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Степанова Н.Ф. Предварительные результаты технико-технологического анализа керамики эпохи неолита и бронзы с памятников Крохалёвка-5, 11 (север Верхнего Приобья) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 2. С. 22–43. doi: 10.14258/tpai(2023)35(2).-02

References

1. Marochkin, A.G. et al. (2021) Stratigrafiya poseleniya Pisanaya-4 v okrestnostyakh Tomskoy pisanitsy [Stratigraphy of the Pisanaya-4 settlement in the vicinity of Tomskaya Pisanitsa]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. XVII. pp. 511–519.
2. Tsetlin, Yu.B. (2006) Ob opredelenii stepeni ozheleznenosti iskhodnogo syr'ya dlya proizvodstva glinyanoy posudy [On determining the degree of ferruginization of the raw materials for the production of clay pottery]. In: *Voprosy arkheologii Povolzh'ya* [Issues of archeology of the Volga region]. Vol. 4. Samara: Nauchno-tekhnicheskiy tsentr. pp. 421–425.
3. Lopatina, O.A. & Kazdym, A.A. (2010) O estestvennoy primesi peska v drevney keramike (k obsuzhdeniyu problemy) [On the natural admixture of sand in ancient ceramics (towards a discussion of the problem)]. In: *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya* [Ancient pottery: results and prospects of study]. Moscow: IA RAS. pp. 46–57.
4. Vasil'eva, I.N. & Salugina, N.P. (2020) *Elektronnyy katalog po keramicheskoy trasologii* [Electronic catalog on ceramic traceology]. SOOO "Samara Archaeological Society". Samara. [Online] Available from: <http://archsamara.ru/katalog/> (Accessed: 15.07.2024).
5. Sizev, A.S. (2020) Otchet o provedenii arkheologicheskoy razvedki v Yashkinskom i Yurginskom rayonakh Kemeroovskoy oblasti v 2019 godu [Report on the archaeological reconnaissance in Yashkinsky and Yurginsky Districts of Kemerovo Oblast in 2019]. Archive of the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve. Kemerovo.
6. Marochkin, A.G. & Yurakova, A.Yu. (2014) Materialy neolita–eneolita stoyanki Dolgaya-1 (yuzhnye rayony Nizhnego Pritom'ya) [Neolithic–Eneolithic materials of the Dolgaya-1 site (southern regions of the Lower Tom region)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 13 (3). pp. 189–201.
7. Zakh, V.A. (2003) *Epokha neolita i rannego metalla lesostepnogo Prisaalir'ya i Priob'ya* [The Neolithic and Early Metal Age of the Forest-Steppe Salair and Ob regions]. Tyumen: Institute of the Problems of Northern Development, SB RAS.
8. Kvasnitsa, Yu.K., Bychkov, D.A. & Idimeshev, A.A. (2023) Rol' pamyatnika Ostrov Nyasha-I v postroenii kul'turno-khronologicheskoy skhemy Nizhnego Pritom'ya [The Role of the Nyasha-I Island Monument in the Construction of the Cultural-Chronological Scheme of the Lower Yom region]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 35 (4). pp. 43–59. doi: 10.14258/tpai(2023)35(4).-03

9. Sinitsyna, G.V. (2008) O khronologii stoyanok Igrekovo-1 i Igrekovo-2 v Srednem Priob'e [On the chronology of the Igrekovo-1 and Igrekovo-2 sites in the Middle Ob region]. In: *Vremya i kul'tura v arkhologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy: problemy interpretatsii i rekonstruktsii* [Time and Culture in Archaeological and Ethnographic Studies of Ancient and Modern Societies of Western Siberia and Adjacent Territories: Problems of Interpretation and Reconstruction]. Tomsk: AgraF-Press. pp. 193–197.
10. Kiryushin, Yu.F. (2002) *Eneolit i rannaya bronza yuga Zapadnoy Sibiri* [Eneolithic and Early Bronze Age in the South of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University.
11. Kiryushin, Yu.F., Abdulganeev, M.T. & Stepanova, N.F. (2006) Predvaritel'nye itogi issledovaniy iskhodnogo syr'ya i formovochnykh mass keramiki bol'shemyskoy kul'tury [Preliminary Results of Studies of the Raw Materials and Molding Masses of Bolshemys Culture Ceramics]. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. XII. pp. 341–344.
12. Bobrov, V.V. et al. (2000) *Arkheologicheskie pamyatniki Toguchinskogo rayona Novosibirskoy oblasti (Materialy "Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii")* [Archaeological monuments of the Toguchinsky district of the Novosibirsk region (Materials of the "Collection of historical and cultural monuments of the peoples of Russia")]. Vol. 5. Novosibirsk.
13. Rudkovskiy, I.V. (2005) Petrovoborskaya keramika, ili novoe o neolite Verkhnego Priob'ya [Petrov-Bor ceramics, or new information about the Neolithic of the Upper Ob region]. In: *Aktual'nye problemy arkhologii, istorii i kul'tury (k yubileyu professora T.N. Troitskoy)* [Current issues of archeology, history and culture (for the anniversary of Professor T.N. Troitskaya)]. Vol. 2. Novosibirsk. pp. 149–154.
14. Molodin, V.I. & Glushkov, I.G. (1989) *Samus'skaya kul'tura v Verkhnem Priob'e* [Samus culture in the Upper Ob region]. Novosibirsk: Nauka.
15. Idimeshev, A.A., Bogaychuk, E.A. & Stepanova, N.F. (2023) Predvaritel'nye rezul'tat tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramiki s poseleniya Potapovy Luzhki-III (Tomskoe Priob'e) [Preliminary results of technical and technological analysis of ceramics from the settlement of Potapov Luzhki-III (Tomsk Ob region)]. *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy*. 35 (1). pp. 46–58. doi: 10.14258/tpai(2023)35(1).-03
16. Bobrov, V.V. & Marochkin, A.G. (2016) Early Bronze Age Krokhaevskaya Culture on the Territory on Kuznetsk Depression (Material Complex and Chronology Specifics). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4 (42). pp. 108–112. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/42/19
17. Kovtun, I.V., Marochkin, A.G. & German, P.V. (2017) Radiouglerodnye daty i otnositel'naya khronologiya seyminsko-turbinskikh, krokhaevskikh i samus'skikh drevnostey [Radiocarbon dates and relative chronology of the Seima-Turbino, Krokhaev and Samus antiquities]. In: Derevyanko, A.P. & Tishkin, A.A. (eds) *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkhologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikhe: sb. nauch. st.: v 3 t.* [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul - Belokurikha: collection of scientific articles: in 3 volumes]. Vol. 1. Barnaul: Altai State University. pp. 269–274.
18. Grishin, A.E., Marchenko, Zh.V. & Stepanova, N.F. (2023) Predvaritel'nye rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramiki epokhi neolita i bronzy s pamyatnikov Krokhaevka-5, 11 (sever Verkhnego Priob'ya) [Preliminary results of technical and technological analysis of ceramics of the Neolithic and Bronze Age from the sites of Krokhaevka-5, 11 (north of the Upper Ob region)]. *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy*. 35 (2). pp. 22–43. doi: 10.14258/tpai(2023)35(2).-02

Информация об авторах:

Юракова А.Ю. – канд. ист. наук, научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово, Россия). E-mail: yurakova_al@mail.ru

Марочкин А.Г. – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, зав. лабораторией археологии Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово, Россия). E-mail: comcon@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.Yu. Yurakova, Cand. Sci. (History), research fellow, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: yurakova_al@mail.ru

A.G. Marochkin, Cand. Sci. (History), leading research fellow, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: comcon@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.09.2024;
одобрена после рецензирования 06.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.

The article was submitted 18.09.2024;
approved after reviewing 06.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 378.14
doi: 10.17223/15617793/507/19

Технологии искусственного интеллекта и обучение иностранным языкам: преподаватели и студенты региональных вузов

Ирина Евгеньевна Абрамова¹, Елена Петровна Шишмолина²

^{1,2} *Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия*

¹ *olesya@petrsu.ru*

² *elena.shishmolina@yandex.ru*

Аннотация. Актуальность работы обусловлена потребностью проанализировать и сопоставить актуальные данные о количественном и качественном применении ИИ-технологий в иноязычном образовании в разных странах и в Российской Федерации. Методами исследования послужили формализованный опрос с вопросами открытого и закрытого типов, сравнительный анализ, метод суммарных оценок (шкала Лайкерта). Исследование вносит вклад в поиск решения проблемы систематизации и регулирования использования наукоемких технологий ИИ в иноязычном образовании.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ-технологии, преподавание иностранных языков, преимущества и недостатки, мнения студентов и преподавателей

Для цитирования: Абрамова И.Е., Шишмолина Е.П. Технологии искусственного интеллекта и обучение иностранным языкам: преподаватели и студенты региональных вузов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 168–179. doi: 10.17223/15617793/507/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/19

Artificial intelligence technologies and foreign language teaching: Teachers vs students at regional universities

Irina E. Abramova¹, Elena P. Shishmolina²

^{1,2} *Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation*

¹ *olesya@petrsu.ru*

² *elena.shishmolina@yandex.ru*

Abstract. The relevance of the work is caused by the need to analyze and compare relevant data on quantitative and qualitative studies of the application of AI technologies in foreign language education both in different countries and in the Russian Federation. This topic is underdeveloped in Russia, which does not allow us to objectively assess not only the state of affairs, but also the difficulties and challenges faced by the participants of the educational process when using AI in foreign language education. The authors of the article make an attempt to fill this gap to a certain extent in the field of teaching, learning and application of foreign languages. The aim of the article is to diagnose the level of awareness of foreign language teachers and students from a number of regional universities about the resources of AI in foreign language education, to assess the peculiarities of their application in practice, to analyze the similarities and differences in subjective assessments of the use of AI technologies. A formalized survey with open- and closed-ended questions, comparative analysis, and a summative evaluation method (Likert scale) were chosen as research methods. The respondents (N=801) were teachers (N=104) and students (N=687) from three regional universities of the Russian Federation: Petrozavodsk State University, Ivanovo State University of Chemical Technology, Ivanovo State Energy University. It is revealed that teachers are less informed about AI resources for foreign language learning and less likely to put them into practice than their students. This shows a digital divide between respondents of different age groups. Students in general are more open to new technologies and adapt to them more quickly. Teachers working in non-linguistic majors appeared to be more informed than teachers of linguistics majors. They are significantly more likely to apply AI resources in practice. Teachers of linguistics majors are more likely to point out the disadvantages of using AI. Teachers and students identified such advantages in the application of AI in foreign language teaching and learning as saving study time, the ability to quickly obtain information from foreign language sources, individual approach to learning, involvement of students in the educational process, providing equal opportunities for students with different levels of foreign language proficiency. Among the disadvantages of using AI-technologies the respondents mentioned errors in translation of professional terminology, lack of contextual translation and text analysis in terms of micro- and macro-context, inability to take into account the stylistic features of the text, decrease in speech and thinking

activity of students, difficulties in the formation of speech skills, barriers in the development of the ability to think independently.

Keywords: artificial intelligence, AI technologies, foreign language teaching, advantages and disadvantages, students' and teachers' opinions

For citation: Abramova, I.E. & Shishmolina, E.P. (2024) Artificial intelligence technologies and foreign language teaching: Teachers vs students at regional universities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 168–179. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/19

Введение

Современный мир стремительно приближается к шестому технологическому укладу и очередной научно-технической революции, основой которой становится повсеместное применение наукоемких технологий, что стимулирует кардинальные изменения не только в экономике, производстве, бизнесе, науке, но и в образовании. Глобальное исследование мирового рейтингового агентства QS за 2022 г. показало, что три четверти работодателей (73%) в разных странах мира считают, что к 2030 г. ИИ станет экономически более эффективной альтернативой высококвалифицированным специалистам даже в таких сферах, требующих узкоспециализированного образования и подготовки, как юриспруденция, медицина, архитектура, не говоря уже о сфере услуг¹. Это, безусловно, требует соответствующей перестройки системы подготовки кадров на всех ступенях высшей школы. Согласно Указу Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», в 2019 г. утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». Она предусматривает формирование у учителей и школьников компетенций в области ИИ, реализацию профильных программ бакалавриата и магистратуры в сфере ИИ, а также популяризацию применения ИИ среди населения². Кроме того, важность последовательного внедрения технологий ИИ в систему российского высшего образования обусловлена следующими причинами:

1) назревшая необходимость научно обоснованного, регламентируемого и системного включения ИИ в учебный процесс в российских вузах и школах, вызванная отставанием от общемировых трендов: из 138 высоко цитируемых исследований, посвященных применению ИИ в образовании и опубликованных в журналах наукометрических баз Scopus и WoS с 2016 по 2022 г., только одно осуществлено в РФ, при этом авторами подавляющего большинства статей релевантной тематики являются китайские и американские ученые [1];

2) повышение требований российских работодателей к компетенциям соискателей в сфере практического применения ресурсов ИИ: отечественные компании при наборе персонала в 2023 г. в семь раз чаще, чем ранее, указывали на необходимость владения ИИ потенциальными работниками³;

3) необходимость более широкого применения технологий ИИ в российских научных исследованиях и повышения соответствующих квалификаций отечественных ученых для сохранения конкурентоспособности отечественной науки; согласно данным National

Bureau of Economic Research, подавляющее большинство ученых в мире используют ИИ в качестве ключевого инструментария в своей повседневной работе, область применения ИИ в исследованиях постоянно расширяется [2].

Следует также учитывать, что объем вложений в мировой рынок ИИ в образовании постоянно увеличивается: к 2030 г. его стоимость возрастет практически вдвое⁴. Признанными лидерами в данной сфере являются США и КНР, активно разрабатывающие соответствующие сервисы, программы и приложения⁵. В начале 2024 г. китайское правительство разрешило применение более сорока моделей ИИ, созданных ведущими китайскими компаниями⁶. Этому предшествовало введение пакета правил, регулирующих применение ИИ в различных областях, и разработка национального стандарта больших языковых моделей⁷. В сфере образования КНР также выступает первопроходцем, внедряя в китайских школах и вузах систему «умного образования»⁸. В США более половины преподавателей используют ИИ для планирования занятий, генерации заданий, оценивания успеваемости и выстраивания индивидуальной стратегии обучения студентов. Это позволило не только более эффективно использовать рабочее время, но и повысить успеваемость на 30%, снизить тревожность студентов на 20%⁹; аналогичные данные приводятся и китайскими педагогами [3].

В Российской Федерации публикуются отдельные научные статьи, описывающие конкретный опыт использования ИИ в учебном процессе в высшей школе, в том числе и в преподавании иностранных языков, однако говорить о системном применении, регулировании и широком внедрении ИИ в высшее образование пока нет оснований. П.В. Сысоев, анализируя компетентность преподавателей вузов в вопросах использования сервисов ИИ как инструмента обучения, выявил, с одной стороны, достаточно низкий уровень представления педагогов о дидактических и методических возможностях ИИ-технологий, а с другой стороны, потенциальную готовность большинства преподавателей к их применению на практике [4]. В целом следует признать, что в отечественной специальной литературе мало представлены исследования качественных и количественных данных по применению ИИ в сфере высшего образования, что не позволяет объективно оценить реальное положение дел, трудности и вызовы в этой важнейшей сфере, стремительно развивающейся в современном мире. Авторы статьи предпринимают попытку в определенной мере восполнить данный пробел, в первую очередь, в области преподавания, изучения и применения иностранных языков. Цель статьи – диагностировать уровень информированности преподавателей иностранных языков и студентов разных

направлений подготовки ряда региональных вузов о ресурсах ИИ в иноязычном образовании, оценить особенности их применения на практике, проанализировать сходства и различия в субъективных оценках использования технологий ИИ педагогами и обучающимися.

Теоретико-методологическая основа исследования и анализ практического опыта

Согласно Х. Чу, К. Янг и др., проанализировавшим 50 наиболее цитируемых исследований, опубликованных в журналах базы WoS с 1996 по 2020 г., применение ИИ в высшем образовании стремительно расширилось, начиная с 2017 г. Данная технология зарекомендовала себя как эффективный педагогический инструмент, помогающий не только при прогнозировании, оценивании и анализе успеваемости конкретного студента, но и способствующий индивидуальной адаптации учащихся к учебному процессу. При этом ученые преимущественно использовали количественные методы, а основной целью проводимых исследований являлось прогнозирование успеваемости студентов и их поведения при взаимодействии с ИИ (22,4% статей). Лишь 5,1% публикаций были посвящены разработке методических рекомендаций по применению ИИ в обучении [5]. Ученые О. Завацкий-Рихтер, В. Марин и др., отобрав по жестким критериям из 2 656 первоначально выявленных высокорейтинговых публикаций 146 статей за период с 2007 по 2018 г., также установили, что приоритетными сферами применения ИИ в высшей школе были прогнозирование и анализ успеваемости, системы адаптации учащихся к учебному процессу, обеспечение индивидуальной траектории обучения и интеллектуальные приложения, имитирующие работу репетитора [6].

Анализ научных статей из наукометрической базы WoS с 1990 по 2020 г., посвященных ИИ в иноязычном образовании, выявил ряд различий в применяемых научных методах и технологиях, целях, задачах и объектах исследования [7]. Он показал, что в этот период времени предпочтение отдавалось использованию сервисов и приложений ИИ для обучения письму, чтению и лексике. Что касается алгоритмов ИИ, то в языковом образовании в основном используются текстовые и мультимодальные генеративные ИИ и большие языковые модели чатов GPT (*Generative Pre-trained Transformer*), виртуальные тренажеры ITS (*Intelligent Tutoring System*), анализ естественного языка NLP (*Natural Language Processing*). Кроме того, широко применяются статистическое обучение, анализ данных, машинное обучение и машинный перевод, сервисы автоматизированного оценивания письменных работ и тестов, автоматическое распознавание речи. Отдельные научные работы посвящены преимуществам применения ИИ: повышению готовности к общению на иностранном языке, приобретению новых знаний, эффективному взаимодействию в аудитории, снижению тревожности. Тем не менее вне фокуса научного внимания остались вопросы влияния техно-

логий ИИ на психологические и когнитивные процессы, на особенности решения обучающимся сложных учебных задач, на способность к критическому мышлению, что, безусловно, требует дальнейшего изучения. Р. Занг и др., проведя критический анализ 57 статей из десяти наиболее известных высокорейтинговых журналов в области изучения языков с помощью цифровых инструментов, выявили основные типы технологий для изучения иностранного языка, а именно: ИИ для мобильного обучения, ИИ для мультимедийного обучения и языковой социализации, приложения для распознавания речи и преобразования текста в речь, а также ресурсы для цифрового обучения с применением игр [8].

Следует отметить, что из всех ресурсов ИИ для изучения иностранных языков в зарубежных источниках в большей степени изучено применение на практике приложений для обучения письму, которые позволяют повысить его качество, увеличить лексический запас студентов, снизить количество ошибок. Так, обзор 104 статей из базы Scopus, выполненный В. Алхарби, позволил установить, что все инструменты ИИ, используемые студентами для выполнения письменных работ на иностранном языке, можно разделить на 4 группы: инструменты оценки письменных работ; инструменты, исправляющие ошибки и предоставляющие обратную связь; машинные переводчики и генераторы текста GPT. Однако ученому не удалось обнаружить в анализируемых статьях последовательные рекомендации по применению ресурсов ИИ при обучении письму: одни авторы рекомендовали применять их при обучении студентов с низким уровнем владения языком, другие – обучающихся с высоким уровнем лингвистической подготовки [9].

Согласно Х. Кромптон и Д. Берке, подготовивших обзор статей из журналов базы WoS с 2016 по 2022 г., резкий количественный рост публикаций по ИИ в сфере образования наблюдался в период с 2021 по 2022 г., когда их число возросло в 3 раза сравнению с предыдущими периодами, что способствовало формированию новых направлений и тенденций в научном поиске [10]. Обращает на себя внимание тот факт, что научные работы по данной тематике проводились в разных странах неравномерно, явными лидерами стали ученые из КНР, обойдя специалистов из США. Что касается публикаций российских ученых, то в данном обзоре упоминалась только одна статья из РФ. Показательно, что более чем в 70% от общего числа анализируемых исследований в роли объектов изучения выбирались студенты, а преподаватели и представители администрации вузов – только в 17 и 11% случаев соответственно. В этот период времени большинство публикаций было посвящено применению ИИ именно в сфере языкового образования, в первую очередь, при обучении письму, чтению, лексике. Специалисты исследовали использование технологий ИИ при оценивании и анализе результатов иноязычного обучения, прогнозировании результатов, управлении индивидуальным процессом обучения, а также в качестве виртуального репетитора.

Е. Манире и др. системно проанализировали конкретные области применения ИИ при обучении языкам и выявили в этой сфере четыре быстроразвивающиеся научные направления, а именно: 1) многоаспектное воздействие ИИ-технологий на методику преподавания иностранных языков с точки зрения индивидуального подхода к обучению и разработке индивидуальной траектории овладения языком; 2) положительное влияние ИИ на результативность овладения языком и улучшение коммуникативной компетенции, в том числе и произношения; 3) разработка и апробация комплексных педагогических моделей, сочетающих ИИ со смешанным обучением и традиционными методиками преподавания иностранных языков; 4) этические аспекты разных подходов к применению ИИ в языковом образовании [11].

Как отмечалось выше, в высокорейтинговых журналах публикации российских ученых по данной тематике практически не представлены. Обзор публикаций за последние десять лет в российских журналах позволяет заключить, что, начиная с 2014 г., отдельные статьи отечественных ученых посвящены прежде всего применению машинного перевода (МП) при подготовке студентов-переводчиков и студентов неязыковых вузов. Так, М.В. Фоминых анализирует не только особенности включения в обучение иностранному языку в РГПУ (г. Екатеринбург) учебного машинного перевода в контексте конвергентного подхода, но и предлагает этапы организации деятельности студентов, а также выявляет большой потенциал машинного перевода в процессе обучения студентов таким важным компонентам переводческой практики, как работа с электронными словарями, анализ полученного машинного перевода, выполнение машинного перевода с последующим редактированием и постредактированием текста, сравнение переводов, сделанных разными системами машинного перевода [12]. Преподаватели Курского государственного университета разработали методику формирования готовности студентов к редактированию текстов МП, а также предложили алгоритм, позволяющий системно овладевать навыками постредактирования и эффективно применять их на практике [13]. Исследователи Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого обосновали необходимость включения постредактирования МП в программу обучения лингвистов-переводчиков [14]. Кроме того, изучается регулярное использование постредактирования машинного перевода как средства текущего индивидуального контроля [15], а также в качестве дидактического инструмента для формирования переводческой компетенции студентов неязыковых вузов [16].

Новым направлением применения технологий ИИ в иноязычном образовании в российских вузах стало включение в учебный процесс чат-ботов GPT, социолингвистические, дидактические и психологические характеристики которых, по мнению И.В. Тоцкой и Л.А. Недоспасовой, позволяют использовать их как для тренировки отдельных аспектов (например, лексики, грамматики, говорения или письма), так и для изучения отдельных тем [17]. Преподаватели Омского

государственного университета путей сообщения широко применяют чат-боты с искусственным интеллектом для индивидуализации обучения, составления текстов и упражнений для студентов с разным уровнем владения языком, тренировки грамматических и лексических навыков, развития умений говорения. При этом авторы отмечают такие недостатки данного инструмента, как риск неверной интерпретации контекста, ограниченность информационного массива чат-бота и возможные ошибки в формулировках [18]. У.В. Воевода и А.И. Шпынова, апробировав в учебном процессе чат-боты для выполнения студентами заданий по деловому письму, пришли к выводу, что данный ресурс не способен создать развернутый письменный текст и тем самым избавить неуспевающих студентов от необходимости выполнения домашней работы. Тем не менее ИИ-технология позволяет как преподавателям, так и студентам с высоким уровнем владения языком, правильно выстроившим тактику взаимодействия с ИИ, генерировать качественные письменные тексты и редактировать их в соответствии с заданными критериями [19]. Е.Ю. Есионова обосновывает подходы к использованию чат-ботов в сочетании со стандартными методиками преподавания языков, что дает возможность «...реализовать альтернативные модели обучения и осуществить переход от репродуктивных средств обучения к инновационно-рефлексивным» [20].

Несмотря на наличие отдельных публикаций по релевантной теме, говорить о том, что российские преподаватели иностранных языков хорошо осведомлены о ресурсах ИИ для иноязычного образования и системно используют их в учебном процессе с опорой на научно обоснованные дидактические и методические принципы, что разработаны единые стандарты, регулирующие их применение и закрепленные в учебной документации вузов, нет достаточных оснований. Доказательством этого утверждения могут быть результаты проведенного нами исследования, в котором участвовали не только преподаватели, но и студенты.

Методы и материалы исследования

В данном исследовании принял участие 801 респондент из трех региональных вузов РФ: Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ), Ивановского государственного химико-технологического университета (ИГХТУ), Ивановского государственного энергетического университета им. В.И. Ленина (ИГЭУ), из них 104 преподавателя (N=104) и 687 студентов (N=687). В табл. 1 представлены сведения о респондентах.

В группу респондентов-преподавателей вошли 35 преподавателей иностранных языков, работающих на лингвистических направлениях подготовки (ИЯЛ), и 69 преподавателей иностранных языков, преподающих на гуманитарных, технических и естественнонаучных специальностях (ИЯНЛ), из трех региональных вузов. Возрастной диапазон участников – от 29 до 67 лет, средний возраст составил 48,7 года.

Таблица 1
Количественная и качественная характеристика участников проведенного исследования

Группы респондентов	Количество чел.	%
Преподаватели иностранных языков у студентов нелингвистических направлений подготовки (преподаватели ИЯНЛ)	69	8,6
Преподаватели иностранных языков у студентов лингвистических направлений подготовки (преподаватели ИЯЛ)	35	4,4
Аспиранты	33	4,1
Магистранты	36	4,5
Студенты бакалавриата	628	78,4

Участники исследования из числа обучающихся представлены тремя группами, охватывающими все три ступени высшей школы: бакалавры, магистранты и аспиранты. Направления подготовки бакалавров включают «Педагогическое образование» («Учитель иностранного языка») и «Лингвистика», где иностранные языки изучаются углубленно в качестве основной специальности; технические, естественно-научные и гуманитарные направления подготовки (например, «История», «Социальная работа», «Социология», «Международные отношения», «Психология», «Туризм», «Лечебное дело», «Фармация», «Химия», «Информационные системы и технологии», «Управление в технических системах», «Промышленная электроника»). Бакалавры, углубленно изучающие иностранный язык, не выделялись в отдельную группу респондентов в силу того, что в целом их ответы не отличались от тенденций, выявленных у других информантов. Средний возраст информантов-бакалавров (N=628) составил 20,6 года. Магистранты (N=36), принявшие участие в работе, представляли такие специальности, как «Социальная работа», «Социология», «Психология», «Туризм», «Педагогика», их средний возраст – 20,7 года. Аспиранты (N=33) обучались по научным специальностям «Медицинские науки» (3.1. Клиническая медицина, 3.3. Медико-биологические науки) и «Социальные и гуманитарные науки» (5.1. Право, 5.2. Экономика, 5.6. Исторические науки, 5.8. Педагогика, 5.9. Филология). Средний возраст группы молодых ученых составил 29 лет.

В качестве методов исследования применялись общенаучные и специальные методы, такие как наблюдение, анализ, синтез, сопоставление, формализованный анкетный опрос с вопросами закрытого и открытого типов, сравнительный анализ, метод суммарных оценок (шкала Лайкерта). Целью проводимого исследования было получить срез актуальных данных о количественном и качественном применении сервисов, приложений и алгоритмов ИИ в иноязычном образовании как преподавателями иностранных языков, так и обучающимися и сопоставить полученные данные. Для этого решались следующие задачи: 1) выявить уровень информированности респондентов о технологиях ИИ в иноязычном образовании; 2) выявить частоту применения данных технологий; 3) проанализировать сходства и различия в субъективных оценках преимуществ и недостатков ИИ разными группами; информантов; 4) сравнить отношение преподавателей и обучающихся к

использованию отдельных инструментов ИИ в иноязычном образовании.

Формализованный опрос включал следующие пять блоков: блок 1 «Информированность преподавателей и студентов о ресурсах ИИ в сфере обучения иностранным языкам», блок 2 «Частота применения ИИ-технологий на практике преподавателями и студентами», блоки 3 и 4 «Субъективная оценка преподавателями и студентами преимуществ использования ИИ при обучении языкам» и «Субъективная оценка преподавателями и студентами недостатков применения ИИ в обучении языкам», блок 5 «Сопоставление отношения преподавателей и студентов к использованию отдельных инструментов ИИ в языковом образовании».

Блок 1: Информированность преподавателей и студентов о ресурсах ИИ в сфере обучения иностранным языкам. Для диагностики уровня информированности о ресурсах ИИ в иноязычном образовании, участников исследования просили ответить на вопрос: «Какие из перечисленных инструментов искусственного интеллекта для изучения иностранного языка Вам знакомы?». Результаты ответов респондентов представлены на рис. 1.

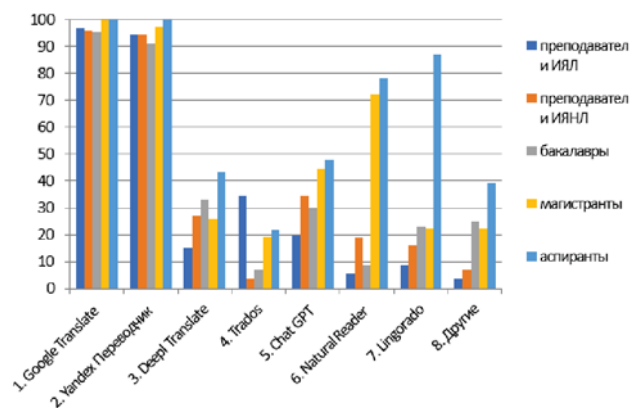

Рис. 1. Информированность преподавателей и студентов ПетрГУ об инструментах ИИ для изучения иностранных языков

Согласно данным рис. 1, в целом выявлена достаточно невысокая информированность обеих групп преподавателей иностранных языков об ИИ-технологиях, применяемых в иноязычном образовании. При этом число преподавателей ИЯНЛ, знакомых с различными наукоемкими технологиями и инструментами ИИ, оказалось несколько выше, чем преподавателей ИЯЛ. Так, программу машинного перевода (МП) DeepL Translate, известную качественным и точным переводом, знают 26,9% преподавателей ИЯНЛ и 15,4% преподавателей ИЯЛ. Установлено, что о виртуальном собеседнике ChatGPT осведомлены 34,6% преподавателей ИЯНЛ и 19,8% преподавателей ИЯЛ. Синтезатор речи Natural Reader известен 18,8% специалистов ИЯНЛ и 5,7% специалистов ИЯЛ, а о ресурсе автоматизированных транскрипций Lingorabo знают 15,9% преподавателей ИЯНЛ и 8,6% преподавателей ИЯЛ. При ответе на вопрос «Какие иные ресурсы для обучения иностранному языку вы знаете?», 7,2% преподавателей ИЯНЛ и 3,8% преподавателей ИЯЛ назвали такие приложения, как Grammarly, Reverso Context, SmartCat, Gamma, Supa.

Следует отметить, что о широко известных сервисах Google Translate и Yandex Переводчик информированы более 90% респондентов обеих групп, а о специализированном приложении автоматизированного перевода Trados, которое используют профессиональные переводчики и студенты, обучающиеся по направлению «Переводчик», в большей степени знают респонденты группы ИЯЛ (34,6%), чем преподаватели ИЯНЛ (3,8%).

Из трех групп обучающихся аспиранты продемонстрировали несколько большую информированность по сравнению с другими обучающимися. Так, о сервисе Lingorado знают 87% аспирантов и только 22,2% магистрантов и 22,8% бакалавров. Ресурс DeepL Translate знаком 43,5% аспирантов, 26,1% магистрантов и 33,1% бакалавров, а о программе Trados информированы 21,7% аспирантов, 19,4% магистрантов и 7% бакалавров. О синтезаторе речи Natural Reader знают 78% обучающихся аспирантуры, 72,2% магистрантов и 8,4% бакалавров. С нейросетью ChatGPT знакомы 47,8% аспирантов, 44,4% магистрантов и 29,5% бакалавров. При этом сервисы Google Translate и Yandex Переводчик из-

вестны всем группам студентов. Приложения ИИ, не перечисленные в анкете, назвали 39,1% аспирантов, 22,2% магистрантов и 24,8% студентов бакалавриата. Следует отметить, что аспиранты больше других групп респондентов информированы о сервисах ИИ, создающих структуру, текст и слайды презентаций (Tome, MagicSlides, Gamma, Prezo, Slidebean, Wepik, OpenAI) и генерирующих видео из текста (Colossyan, Sora), а бакалавры лучше знают о приложениях для визуализаций FusionBrain, Pinterest, PicsArt, In Collage, Collage Maker, Meitu, Snapseed.

Блок 2: Частота применения ИИ-технологий на практике преподавателями и студентами. Далее с целью выявить частотность применения респондентами инструментов ИИ в иноязычном обучении им было предложено ответить на вопрос «Как часто вы используете ресурсы ИИ для обучения студентов? / для выполнения учебных заданий?», выбрав между вариантами ответа «Очень часто» (5 баллов), «Часто» (4 балла), «Не знаю» (3 балла), «Крайне редко» (2 балла), «Не использую» (1 балл). Полученные результаты отражены на рис. 2.

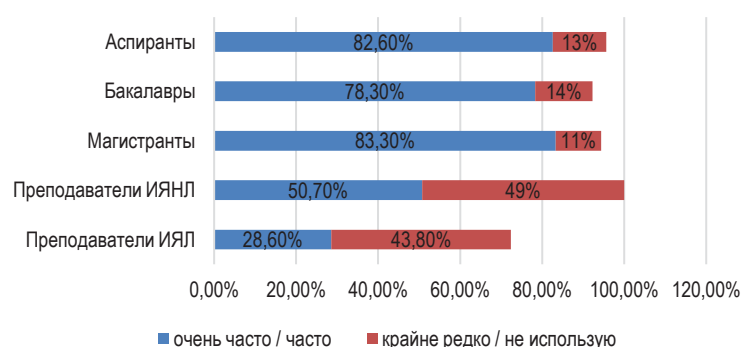

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как часто вы используете ресурсы ИИ для обучения студентов? / для выполнения учебных заданий?», %

Таблица 2

Субъективное мнение преподавателей и студентов о преимуществах ИИ в иноязычном обучении, %

Преимущества	Преподаватели ИЯЛ	Преподаватели ИЯНЛ	Бакалавры	Магистранты	Аспиранты
Экономия учебного времени	54,2	92,8	100	100	100
Быстрый доступ к информации из иноязычных источников	71,4	87	100	100	100
Равные возможности в выполнении задания для студентов с разным уровнем владения иностранным языком	31,4	66,7	—	—	—
Индивидуальный подход к обучению	12,4	87	18,8	97,2	95,7
Виртуальный тренажер	8,6	91,3	31,7	97,2	90,9
Повышение уровня вовлеченности студентов в образовательный процесс	28,6	58	—	—	—
Применение ИЯ в реальной жизни и в профессиональной деятельности	—	33	40	61,1	82,6
Помощь в выполнении трудных заданий	—	—	100	100	100

Согласно рис. 2 преподаватели ИЯНЛ заметно чаще, чем преподаватели ИЯЛ, используют отдельные инструменты ИИ в обучении, что оказалось статистически значимым при сравнении средних значений ответов и моды (наиболее частотного ответа): для преподавателей ИЯНЛ $\bar{x} = 3,07$; $M_0 = 4$, а для преподавателей

ИЯЛ $\bar{x} = 2,88$; $M_0 = 2$ (см. табл. 4). Можно предположить, что разница в частотности применения ИИ обусловлена требованиями стандарта, спецификой и конкретными условиями обучения лингвистов и нелингвистов. На языковую подготовку лингвистов по стандарту отводится в среднем 1 500 учебных часов (более

40 зачетных единиц). В то же время на изучение дисциплины «Иностранный язык» на нелингвистических направлениях отводится в среднем 144 часа (4 зачетных единицы), что не способствует повышению заинтересованности в овладении иностранным языком студентов-нелингвистов, изначально имеющих различный уровень подготовки. Данные обстоятельства заставляют преподавателей ИЯНЛ постоянно искать более интересные и современные подходы к обучению, в том числе и с помощью ИИ.

Кроме того, было установлено, что бакалавры, магистранты и аспиранты практически одинаково часто применяют новые технологии и ресурсы ИИ. Сопоставление результатов ответов респондентов-студентов и респондентов-преподавателей выявило, что обучающиеся используют ИИ намного чаще, чем преподаватели: различия между ответами этих групп статистически значимы (см. табл. 4). Вероятно, это можно объяснить тем, что молодое поколение более компетентно в современных цифровых инструментах и более адаптировано к новым технологиям.

Блок 3: Субъективная оценка преподавателями и студентами преимуществ использования ИИ при обучении языкам. Для определения субъективного восприятия преподавателями и студентами ИИ-технологий в иноязычном образовании респондентам было предложено в свободной форме указать их преимущества. Результаты ответов представлены в табл. 2.

Согласно табл. 2 преподаватели ИЯНЛ видят больше преимуществ в использовании технологий ИИ в образовательном процессе. Они отмечают такие до-

стоинства, как обеспечение с их помощью индивидуального подхода к обучающимся (87%), экономия учебного времени (91,3%) и быстрый доступ к информации из иноязычных источников (87%). Оценили функцию ИИ как виртуального тренажера 91,3% педагогов ИЯНЛ. Преподаватели ИЯЛ в меньшей степени отмечают вышеназванные преимущества, что вполне коррелирует с результатами, полученными в первых двух блоках.

Студенты в целом отмечают схожие положительные стороны использования ИИ при овладении иностранным языком, при этом выявлены некоторые различия в частотности. Абсолютное большинство обучающихся отметили экономию учебного времени, быстрый доступ к информации из иноязычных источников, помощь в выполнении сложных заданий. При этом большая часть магистрантов и аспирантов назвали в качестве преимущества технологий ИИ обеспечение индивидуального подхода и функцию тренажера. Кроме того, большинство аспирантов, более половины магистрантов и ~40% бакалавров считают, что ИИ играет положительную роль в их подготовке к использованию иностранного языка в реальной жизни и в профессиональной деятельности.

Блок 4: Субъективная оценка преподавателями и студентами недостатков применения ИИ в обучении языкам. Для диагностики субъективного восприятия преподавателями и студентами недостатков в применении ИИ в иноязычном обучении респондентов просили перечислить их в свободной форме. Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Субъективное мнение преподавателей и студентов о недостатках, выявленных ими при использовании ресурсов ИИ в иноязычном обучении, %

Респонденты	Преподаватели ИЯЛ	Преподаватели ИЯНЛ	Бакалавры	Магистранты	Аспиранты
Недостатки					
Ошибки в переводе профессиональной терминологии	91,4	94,2	95,5	91,7	97
Отсутствие контекстного перевода	91,4	86,9	79,6	88,9	93,9
Отсутствие учета стилистических особенностей текста при переводе	82,9	88,4	33,1	58,3	69,7
Неспособность обучать переводу как виду медиации	80	—	—	—	—
Снижение речемыслительной активности обучающихся	88,6	86,9	40	66,7	87,9
Препятствие в формировании прочных речевых умений и навыков	82,9	89,9	44,6	63,9	90,9
Барьер в развитии умения самостоятельно мыслить	94,3	92,8	81,2	97,2	97

Согласно табл. 3 все респонденты в целом отметили схожие проблемы, возникающие при применении ИИ в иноязычном обучении. При этом большинство недостатков выявлено при использовании ресурсов МП. Такие недостатки МП, как «Ошибки в переводе профессиональной терминологии», «Барьер в развитии умения самостоятельно мыслить» были названы как преподавателями, так и студентами в равной мере. Кроме того, подавляющее большинство преподавателей ИЯНЛ и ИЯЛ отметили отсутствие контекстного перевода и анализа текста с точки зрения микро- и макроконтраста.

На такой недостаток МП, как неспособность учитывать стилистические особенности текста указывают большинство преподавателей как ИЯЛ (82,9%), так и ИЯНЛ (88,4%), а также аспиранты (69,7%). Кроме того, большая часть преподавателей обеих групп, а также более половины магистрантов и аспирантов отметили такие недостатки, возникающие при использовании ИИ, как снижение речемыслительной активности обучающихся и препятствие в формировании прочных речевых умений и навыков. Следует отметить, что подавляющее большинство преподавателей и

студентов обратили внимание на тот факт, что чрезмерное использование ИИ не способствует развитию умения самостоятельного мышления.

Блок 5: Сопоставительный анализ отношения преподавателей и студентов к использованию отдельных инструментов ИИ в языковом образовании. Для выявления позиции педагогов и обучающихся по вопросу применения ИИ (синтезаторы речи,

ChatGPT, МП) в иноязычном обучении респондентам было предложено оценить по пятибалльной шкале свое отношение к утверждениям, связанным с личным опытом применения указанных сервисов ИИ. Применялась шкала Лайкерта, где 1 – отношение крайне отрицательное, 2 – отрицательное, 3 – нейтральное, 4 – положительное, 5 – очень положительное. Результаты ответов представлены в табл. 4.

Таблица 4
Сопоставление оценок личного опыта использования отдельных технологий ИИ и общей частотности применения различных ресурсов ИИ

Утверждение	Количество ответов, %	Среднее значение, $\bar{x}$	Мода, M_o
1. «Очень положительно» / «Положительно» оцениваю личный опыт использования синтезаторов речи при обучении иностранным языкам			
Преподаватели ИЯЛ	3,9	1,19	1
Преподаватели ИЯНЛ	50	2,96	1
Студенты бакалавриата	93	4,39	5
Магистранты	91,7	4,26	5
Аспиранты	82,6	4,17	5
2. «Очень положительно» / «Положительно» оцениваю личный опыт использования ChatGPT в обучении студентов ИЯ ИЯ (или при изучении ИЯ)			
Преподаватели ИЯЛ	3,9	1,65	1
Преподаватели ИЯНЛ	11,5	2,12	1
Студенты бакалавриата	95,7	4,35	4
Магистранты	91,7	4,27	4
Аспиранты	87	4,09	4
3. «Очень положительно» / «Положительно» оцениваю личный опыт использования технологии машинного перевода в обучении ИЯ (или при изучении ИЯ)			
Преподаватели ИЯЛ	46,2	3,04	4
Преподаватели ИЯНЛ	53,8	3,23	5
Студенты бакалавриата	73,1	3,78	4
Магистранты	83,3	3,85	4
Аспиранты	78,3	4	5
4. Общая частотность использования различных ресурсов ИИ			
Преподаватели ИЯЛ	28,6	2,88	2
Преподаватели ИЯНЛ	50,7	3,07	4
Студенты бакалавриата	95,7	4,35	4
Магистранты	91,7	4,26	5
Аспиранты	87	4,09	4

Большинство преподавателей ИЯЛ настроены отрицательно к использованию синтезаторов иноязычной речи при обучении студентов ($\bar{x} = 1,19$; $M_o = 1$). При этом около половины из них подчеркнули, что используют другие аутентичные аудиосредства обучения, а другая половина респондентов призналась, что не имеет опыта работы с синтезаторами речи. Также сдержанно относятся к использованию синтезаторов речи для обучения студентов половина опрошенных преподавателей ИЯНЛ ($\bar{x} = 2,96$; $M_o = 1$). Что касается применения ChatGPT в обучении ИЯ, то большинство преподавателей ИЯЛ ($\bar{x} = 1,65$; $M_o = 1$) и преподавателей ИЯНЛ ($\bar{x} = 2,12$; $M_o = 1$) затруднились выразить свое отношение к использованию ChatGPT при обучении иностранным языкам. Почти четверть преподавателей ИЯЛ относятся к использованию указанных сервисов ИИ в обучении отрицательно либо крайне отрицательно, а 43,8% из них отметили, что не используют данные ресурсы или применяют их крайне редко.

При исследовании отношения преподавателей к использованию МП в иноязычном образовании было установлено, что около половины преподавателей ИЯНЛ ($\bar{x} = 3,23$; $M_o = 5$ и ИЯЛ ($\bar{x} = 3,04$; $M_o = 4$) положительно относятся к применению МП.

В то же время все обучающиеся заявляют о готовности активно применять данные ресурсы в процессе изучения иностранных языков и подготовке домашних заданий. Значительное большинство бакалавров, магистрантов и аспирантов положительно оценили использование синтезаторов речи и отметили, что применяют их при выполнении заданий.

Что касается использования ChatGPT в обучении ИЯ, следует отметить, что бакалавры ($\bar{x} = 4,35$; $M_o = 4$), магистранты ($\bar{x} = 4,27$; $M_o = 5$) и аспиранты ($\bar{x} = 4,09$; $M_o = 4$) также позитивно оценили данный сервис и выразили свою готовность работать с ним. Было выявлено положительное отношение к использованию технологий МП в иноязычном образовании у большинства бакалавров ($\bar{x} = 3,78$; $M_o = 4$), магистрантов ($\bar{x} = 3,85$; $M_o = 4$) и аспирантов ($\bar{x} = 4$; $M_o = 5$). В целом студенты более высоко, чем преподаватели, оценивают свой опыт работы с указанными сервисами ИИ, что подтверждается статистически значимыми данными.

Данные четвертого раздела табл. 4 демонстрируют, что среднее значение и мода ответов на вопрос о частотности применения ресурсов ИИ в целом выше у преподавателей ИЯНЛ по сравнению с преподавателями ИЯЛ, то есть они чаще используют сервисы ИИ.

Эти показатели также оказались выше у обучающихся, чем у преподавателей обеих групп, что свидетельствует о том, что студенты статистически значимо чаще, чем преподаватели, обращаются к инструментам ИИ.

Полученные данные позволили сделать следующие выводы.

1. Преподаватели в значительно меньшей степени информированы о ресурсах ИИ для изучения иностранных языков и реже применяют их на практике, чем обучающиеся трех ступеней высшей школы. Это свидетельствует о цифровом разрыве между респондентами разных возрастных групп: студенты в целом более технологически грамотны, более открыты к новым идеям и инновациям, легче адаптируются к ним. В то же время не все преподаватели обладают достаточными знаниями и опытом работы с ИИ, не все педагоги доверяют этим инструментам, сомневаются в их эффективности и точности.

2. Зафиксированы различия в уровне информированности и в частотности применения ИИ между преподавателями ИЯНЛ и ИЯЛ. Преподаватели ИЯНЛ более информированы и статистически значимо чаще, чем преподаватели ИЯЛ, применяют ИИ в процессе обучения, хотя несколько настороженно относятся к использованию ChatGPT и синтезаторов речи. Преподаватели ИЯЛ в большей степени отмечают недостатки применения ИИ в иноязычном обучении, предпочитая традиционные методы обучения и сохранение полного контроля над учебным процессом.

3. Диагностировано, что преподаватели иностранных языков как лингвистических, так и нелингвистических направлений подготовки в целом не готовы активно и системно использовать технологии ИИ в иноязычном обучении. Это можно объяснить комплексом причин, главными из которых, помимо вышеупомянутых, являются, на наш взгляд, отсутствие официального регулирования применения ИИ в учебном процессе высшей школы, неразработанность теоретико-методологической базы и дидактических принципов использования ИИ, отсутствие единых методик преподавания.

4. Преподаватели и студенты фиксируют как преимущества, так и недостатки в применении ИИ-технологий в обучении иностранным языкам. Все группы респондентов отмечают такие преимущества, как экономия учебного времени, возможность быстрого получения информации из иноязычных источников, индивидуальный подход к обучению. Кроме того, преподаватели выделяют такие преимущества, как вовлечение студентов в образовательный процесс, предоставление равных возможностей участия в выполнении заданий для студентов с разным уровнем владения иностранным языком. Обучающиеся отмечают такие преимущества, как возможность самостоятельно выполнять сложные задания в случае затруднения, тренировка в применении иностранного языка в профессиональной деятельности и реальной жизни. При этом респонденты всех групп называют схожие недостатки использования ИИ в иноязычном обучении, различия

наблюдаются только в процентном соотношении ответов.

Заключение

Данное исследование выполнено в русле острой профессиональной дискуссии о проблемах применения технологий ИИ в высшей школе. Эта дискуссия призвана удовлетворить требования руководства страны обеспечить с помощью искусственного интеллекта конкурентоспособность экономики РФ, повышение производительности труда, рост благосостояния и качества жизни широких слоев населения, подготовку специалистов с компетенциями в сфере наукоемких технологий и создание для них современных рабочих мест в разных сферах экономики¹⁰. Новизна проведенного исследования заключается в анализе актуальных высокорейтинговых зарубежных публикаций по применению ИИ при обучении иностранным языкам в высшем образовании и сравнении полученных данных с имеющимися на текущий момент времени теоретико-методологическими и практическими разработками отечественных ученых по релевантной тематике; в сопоставлении позиций российских преподавателей и студентов по отношению к ИИ в иноязычном обучении с целью выявления проблемных зон и рисков для системного применения новейших цифровых технологий в области преподавания и изучения иностранных языков в университетах РФ.

Следует подчеркнуть, что профессиональное сообщество признает ИИ как одну из самых быстро развивающихся образовательных технологий за последние десятилетия, и в целом российские преподаватели разных дисциплин готовы к использованию ИИ в учебном процессе, осознавая объективность развития данного направления, требующего трансформации традиционных методик и подходов к преподаванию отдельных дисциплин в триаде «обучающийся – искусственный интеллект – педагог» [4]. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что хотя педагоги из разных стран массово проводят регулярные исследования по использованию ИИ-технологий в обучении разным аспектам речевой деятельности на иностранных языках, еще не выработаны единые подходы к внедрению ИИ в высшей школе в более широком масштабе, не определены риски и последствия такого внедрения для преподавания и обучения, отсутствует достаточное количество конкретных стратегий использования ИИ в языковом образовании, в том числе с целью повышения результативности обучения при одновременном уменьшении нагрузки на преподавателей и студентов. Представленные в статье результаты не противоречат данным О. Завацки-Рихтер и др., согласно которым выявлены низкий уровень критического осмысления проблем применения ИИ для высшей школы, установлена слабая связь практических разработок с теоретическими положениями, а также декларирована острая необходимость дальнейшего изучения этических и образовательных подходов в применении ИИ в высшем образовании [6].

Нереалистично и ошибочно отвергать и игнорировать использование в иноязычном обучении ИИ-технологий, ставших широкодоступными в современном мире [21]. Однако проведенное исследование выявило, что настороженное отношение преподавателей иностранных языков ряда российских региональных вузов к перспективам применения ИИ в образовательном процессе заметно отличается от позиций зарубежных коллег. Если в КНР, США и многих других странах подавляющее большинство преподавателей считают, что технологии ИИ должны стать и во многих случаях уже стали неотъемлемой частью учебного процесса [22], то многие участники данного исследования – преподаватели иностранных языков – указали, что пока не используют инструменты ИИ совсем или относятся к ним с большим недоверием, не видя перспектив их применения в обучении языкам. Что касается отношения респондентов-студентов к применению ИИ в иноязычном образовании, то полученные результаты не противоречат данным о том, что российские студенты готовы к активному использованию ИИ в учебе на регулярной основе, например, для написания и редактирования текстов и создания иллюстраций¹¹. Также полученные результаты о преимуществах и недостатках ИИ в обучении согласуются с уже имеющимися данными СберУниверситета¹². Что касается использования конкретных инструментов ИИ (таких как МП, ChatGPT), то, как было уста-

новлено, этими ресурсами пользуются почти 40% респондентов-студентов, что сопоставимо с результатами зарубежных исследователей о том, что 43% обучающихся в учебных заведениях США применяют чат GPT и МП для выполнения учебных заданий и сдачи экзамена¹³.

Следует констатировать, что, несмотря на наличие большого массива сервисов, платформ и алгоритмов ИИ, позволяющих более эффективно обучать иностранным языкам с учетом индивидуальных особенностей и с меньшими трудозатратами, на данный момент времени в отечественном профессиональном сообществе не разработаны единые стандарты применения ИИ-технологий, а также не сформулированы универсальные методические и дидактические принципы их использования при обучении студентов как лингвистических, так и нелингвистических специальностей. Не вызывает сомнения тот факт, что «...качественная цифровизация требует изменения всей архитектуры образования, грандиозной методической подготовки, работы с педагогическими кадрами, изменения управления и педагогического проектирования, переоценки образовательных целей, применения новых технологий педагогического дизайна» [23]. Решение этой непростой задачи предполагает объединение совместных усилий всего педагогического сообщества, учитывая стремительно меняющийся ландшафт современных инструментов обучения и педагогических технологий во всем мире.

Примечания

¹ What do employers want from today's graduates? // Insights from the 2022 QS Global Employer Survey. 2022. P. 20–21.

² Федеральный проект «Искусственный интеллект» // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/fed_proekt_iskusstvennyy_intellekt/

³ Работодатели начали стали чаще требовать от россиян навыки владения ИИ. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/02/06/22270009.shtm>

⁴ AI in Education Market Size - By Component (Solution, Service), By Deployment (On-premise, Cloud), By Technology (Machine Learning, Deep Learning, Natural Language Processing), Application, End-use & Forecast, 2023-2032. URL: <https://www.gminsights.com/industry-analysis/artificial-intelligence-ai-in-education-market>

⁵ Гонка искусственного интеллекта: Chat GPT и образование по странам // Вести образования. URL: https://vovogazeta.ru/articles/2023/4/14/big-data/22571-gonka_iskusstvennogo_intellekta_chatgpt_i_obrazovanie_po_stranam

⁶ China approves over 40 AI models for public use in past six months. URL: <https://www.reuters.com/technology/china-approves-over-40-ai-models-public-use-past-six-months-2024-01-29/>

⁷ Китай вводит 24 новых правила регулирования ИИ. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-08-15_kitaj_vvodit_24_novyh_pravila

⁸ China has started a grand experiment in AI education. It could reshape how the world learns. URL: <https://www.technologyreview.com/2019/08/02/131198/china-squirrel-has-started-a-grand-experiment-in-ai-education-it-could-reshape-how-the/>

⁹ AI in Education Statistics 2023 [Adoption, Benefits, Challenges]. URL: <https://businessolution.org/ai-in-education-statistics/#:~:text=Top%20AI%20Statistics%20in%20Education,for%20their%20projects%20and%20homework>

¹⁰ Путин дал поручения по развитию ИИ в России // РИА Новости. 24.11.2023. URL: <https://ria.ru/20231124/ai-1911660360.html>

¹¹ Как ИИ меняет высшее образование // Инновации на ББК+ Санкт-Петербург и область. URL: <https://spb.plus.rbc.ru/news/65129d157a8aa982a5ac4368?ysclid=ltm5n6ejc301722219>

¹² Как относятся преподаватели и студенты к внедрению искусственного интеллекта в образование? // Forbes Education – обучение за рубежом и в России. URL: <https://education.forbes.ru/tpost/112rg41-kak-otnosyatsya-prepodavateli-i-studenti?ysclid=ltm5hnar36893363201>

¹³ AI in Education Statistics 2023 [Adoption, Benefits, Challenges]. URL: <https://businessolution.org/ai-in-education-statistics/#:~:text=Top%20AI%20Statistics%20in%20Education,for%20their%20projects%20and%20homework>

Список источников

1. Crompton H., Burke D. Artificial intelligence in higher education: the state of the field // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2023. Vol. 20 (22). doi: 10.1186/s41239-023-00392-8
2. Cockburn I.M., Henderson R., Stern S. The impact of artificial intelligence on innovation. Cambridge, MA, USA : National bureau of economic research, 2018. T. 24449.
3. Tian W. et al. AI Chatbots in Chinese higher education: adoption, perception, and influence among graduate students—an integrated analysis utilizing UTAUT and ECM models // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. Art. No. 1268549. doi: 10.3389/fpsyg.2024.1268549
4. Сысоев П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомленность, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 10. С. 9–33. doi: 10.1992/0869-3617-2023-32-10-9-33
5. Chu H., Tu Y., Yang K. Roles and research trends of artificial intelligence in higher education: A systematic review of the top 50 most-cited articles // Australasian Journal of Educational Technology. 2022. № 38 (3). P. 22–42. doi: 10.14742/ajet.7526
6. Zawacki-Richter O., Marin V.I., Gouverneur F. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education—where are the educators? // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2019. Vol. 16, № 1. P. 1–27. doi: 10.1186/s41239-019-0171-0

7. Liang J.-C., Hwang G.-J., Chen M.-R.A., Darmawansah D. Roles and research foci of artificial intelligence in language education: an integrated bibliographic analysis and systematic review approach // *Interactive Learning Environments*. 2023. Vol. 31, № 7. P. 4270–4296. doi: 10.1080/10494820.2021.1958348
8. Zhang R., Zou D. Types, purposes, and effectiveness of state-of-the-art technologies for second and foreign language learning // *Computer Assisted Language Learning*. 2022. Vol. 35, № 4. P. 696–742. doi: 10.1080/09588221.2020.1744666
9. Alharbi W. AI in the foreign language classroom: A pedagogical overview of automated writing assistance tools // *Education Research International*. 2023. Vol. 2023. P. 1–15. doi: 10.1155/2023/4253331
10. Crompton H., Burke D. Artificial intelligence in higher education: the state of the field // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2023. Vol. 20, № 1. Art. No. 22. doi: 10.1186/s41239-023-00392-8
11. Manire E. et al. Artificial Intelligence and English Language Learning: A Systematic Review // *Excellencia: International Multi-disciplinary Journal of Education* (2994-9521). 2023. Vol. 1, № 5. P. 485–497.
12. Фоминых М.В. Машинный перевод в практике преподавания иностранного языка в условиях конвергентного подхода // *Нижегородское образование*. 2022. № 4. С. 61–66.
13. Бадулин Д.Е., Тарасюк Н.А. Формирование готовности будущих переводчиков к редактированию текстов мп: теоретические и практические аспекты подготовки // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2023. № 1 (65). С. 201–211.
14. Москвская К.Э. Обучение студентов лингвистического профиля постредактированию машинного перевода // *Вопросы методики преподавания в вузе*. 2022. Т. 11, № 1. С. 74–86. doi: 10.57769/2227-8591.11.1.07
15. Попова Н.В. Новые средства контроля сформированности иноязычной лингво-компьютерной компетенции студентов неязыкового вуза: на примере машинного перевода делового дискурса // *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2014. Т. 202. С. 77–84.
16. Абдуллахитов Р.Ш., Дашкина А.И. Формирование основ переводческой компетенции при взаимодействии студентов в компьютерной обучающей среде // *Terra Linguistica*. 2016. № 3 (250). С. 162–170.
17. Тощая И.В., Недоспасова Л.А. Образовательный потенциал чат-ботов в изучении иностранных языков: социолингвистический, дидактический и коммуникативный аспекты // *Концепт*. 2023. № 6. С. 14–27.
18. Лавриненко И.Ю. Использование чат-ботов GPT в процессе обучения английскому языку в неязыковом вузе: теоретический аспект // *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*. 2023. Т. 12, № 2. С. 18–25.
19. Воевода Е.В., Шпынова А.И. Применение технологий искусственного интеллекта при изучении делового английского (на примере письменных заданий) // *Мир науки, культуры, образования*. 2023. № 5 (102). С. 237–240.
20. Есионова Е.Ю. Искусственный интеллект как альтернативный ресурс для изучения иностранного языка // *Гуманитарные и социальные науки*. 2019. № 3. С. 155–166.
21. Hellmich E., Vinall K. FL instructor beliefs about machine translation: ecological insights to guide research and practice // *International Journal of Computer-Assisted Language Learning and Teaching*. 2021. Т. 11, № 4. С. 1–18.
22. Alharbi W. AI in the foreign language classroom: A pedagogical overview of automated writing assistance tools // *Education Research International*. 2023. Т. 2023. P. 1–15.
23. Атаян А.М., Гурьева Т.Н., Шарабаева Л.Ю. Цифровая трансформация высшего образования: проблемы, возможности, перспективы и риски // *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2021. Т. 1, № 2. С. 7–22.

References

1. Crompton, H. & Burke, D. (2023) Artificial intelligence in higher education: the state of the field. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 20 (22). doi: 10.1186/s41239-023-00392-8
2. Cockburn, I.M., Henderson, R. & Stern, S. (2018) *The impact of artificial intelligence on innovation*. Cambridge, MA, USA: National Bureau of Economic Research.
3. Tian, W. et al. (2024) AI Chatbots in Chinese higher education: adoption, perception, and influence among graduate students—an integrated analysis utilizing UTAUT and ECM models. *Frontiers in Psychology*. 15. Art. 1268549. doi: 10.3389/fpsyg.2024.1268549
4. Syssoev, P.V. (2023) Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii: osvedomlennost', gotovnost' i praktika primeneniya prepodavatelyami vysshey shkoly tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v professional'noy deyatel'nosti [Artificial intelligence in education: awareness, readiness and practice of using artificial intelligence technologies in professional activities by higher education teachers]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 32 (10). pp. 9–33. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33
5. Chu, H., Tu, Y. & Yang, K. (2022) Roles and research trends of artificial intelligence in higher education: A systematic review of the top 50 most-cited articles. *Australasian Journal of Educational Technology*. 38 (3). pp. 22–42. doi: 10.14742/ajet.7526
6. Zawacki-Richter, O., Marin, V.I. & Gouverneur, F. (2019) Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education—where are the educators? *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 16 (1). pp. 1–27. doi: 10.1186/s41239-019-0171-0
7. Liang, J.-C. Et al. (2023) Roles and research foci of artificial intelligence in language education: an integrated bibliographic analysis and systematic review approach. *Interactive Learning Environments*. 31 (7). pp. 4270–4296. doi: 10.1080/10494820.2021.1958348
8. Zhang, R. & Zou, D. (2022) Types, purposes, and effectiveness of state-of-the-art technologies for second and foreign language learning. *Computer Assisted Language Learning*. 35 (4). pp. 696–742. doi: 10.1080/09588221.2020.1744666
9. Alharbi, W. (2023) AI in the foreign language classroom: A pedagogical overview of automated writing assistance tools. *Education Research International*. 2023. pp. 1–15. doi: 10.1155/2023/4253331
10. Crompton, H. & Burke, D. (2023) Artificial intelligence in higher education: the state of the field. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 20 (1). Art. 22. doi: 10.1186/s41239-023-00392-8
11. Manire, E. et al. (2023) Artificial Intelligence and English Language Learning: A Systematic Review. *Excellencia: International Multi-disciplinary Journal of Education* (2994-9521). 1 (5). pp. 485–497.
12. Fominykh, M.V. (2022) Mashinnyy perevod v praktike prepodavaniya inostrannogo yazyka v usloviyakh konvergentnogo podkhoda [Machine translation in the practice of teaching a foreign language in the context of a convergent approach]. *Nizhegorodskoe obrazovanie*. 4. pp. 61–66.
13. Badulin, D.E. & Tarasyuk, N.A. (2023) Formirovaniye gotovnosti budushchikh perevodchikov k redaktirovaniyu tekстов mp: teoreticheskie i prakticheskie aspekty podgotovki [Formation of readiness of future translators for editing texts: theoretical and practical aspects of training]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (65). pp. 201–211.
14. Moskovskaya, K.E. (2022) Obuchenie studentov lingvisticheskogo profilya postredaktirovaniyu mashinnogo perevoda [Teaching students of the linguistic profile post-editing of machine translation]. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze*. 11 (1). pp. 74–86. doi: 10.57769/2227-8591.11.1.07
15. Popova, N.V. (2014) Novye sredstva kontrolya sformirovannosti inoyazychnoy lingvo-komp'yuternoy kompetentsii studentov neyazykovogo vuza: na primere mashinnogo perevoda delovogo diskursa [New means of monitoring the development of foreign language linguistic-computer competence of students of a non-linguistic university: on the example of machine translation of business discourse]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 202. pp. 77–84.

16. Abdullakhitov, R.Sh. & Dashkina, A.I. (2016) Formirovanie osnov perevodcheskoy kompetentsii pri vzaimodeystvii studentov v komp'yuternoy obuchayushchey srede [Formation of the foundations of translation competence in the interaction of students in a computer learning environment]. *Terra Linguistica*. 3 (250). pp. 162–170.
17. Totskaya, I.V. & Nedospasova, L.A. (2023) Obrazovatel'nyy potentsial chat-botov v izuchenii inostrannykh yazykov: sotsiolingvisticheskiy, didakticheskiy i kommunikativnyy aspekty [Educational potential of chat -bots in learning foreign languages: sociolinguistic, didactic and communicative aspects]. *Kontsept*. 6. pp. 14–27.
18. Lavrinenko, I.Yu. (2023) Ispol'zovanie chat-botov GPT v protsesse obucheniya angliyskomu yazyku v neyazykovom vuze: teoreticheskiy aspekt [Using GPT chatbots in the process of teaching English at a non-linguistic university: theoretical aspect]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy*. 12 (2). pp. 18–25.
19. Voevoda, E.V. & Shpynova, A.I. (2023) Primenenie tekhnologiy iskusstvennogo intellekta pri izuchenii delovogo angliyskogo (na primere pis'mennykh zadaniy) [Application of artificial intelligence technologies in the study of business English (based on written assignments)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 5 (102). pp. 237–240.
20. Esionova, E.Yu. (2019) Iskusstvennyy intellekt kak al'ternativnyy resurs dlya izucheniya inostrannogo yazyka [Artificial intelligence as an alternative resource for learning a foreign language]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 3. pp. 155–166.
21. Hellmich, E. & Vinall, K. (2021) FL instructor beliefs about machine translation: ecological insights to guide research and practice. *International Journal of Computer-Assisted Language Learning and Teaching*. 11 (4). pp. 1–18.
22. Alharbi, W. (2023) AI in the foreign language classroom: A pedagogical overview of automated writing assistance tools. *Education Research International*. 2023. pp. 1–15.
23. Atayan, A.M., Gur'eva, T.N. & Sharabaeva, L.Yu. (2021) Tsifrovaya transformatsiya vysshego obrazovaniya: problemy, vozmozhnosti, perspektivy i riski [Digital transformation of higher education: problems, opportunities, prospects and risks]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 1 (2). pp. 7–22.

Информация об авторах:

Абрамова И.Е. – д-р фил. наук, зав. кафедрой иностранных языков гуманитарных направлений Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: olesya@petrsu.ru. ORCID: 0000-0001-7289-5702

Шишмолина Е.П. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных направлений Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: elena.shishmolina@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-6253-1788

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.E. Abramova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Foreign Languages for Humanities, Petrozavodsk State University Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: lapucherabr@gmail.com

E.P. Shishmolina, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: elena.shishmolina@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.04.2024;
одобрена после рецензирования 11.09.2024; принята к публикации 30.10.2024.

The article was submitted 24.04.2024;
approved after reviewing 11.09.2024; accepted for publication 30.10.2024.

Научная статья
УДК 37
doi: 10.17223/15617793/507/20

Методика подготовки студентов к сдаче норм ГТО на занятиях физической культурой

Николай Сергеевич Берсенева¹, Светлана Александровна Тяглова²

^{1,2} Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия
¹ st4182@mail.ru

Аннотация. Представлена авторская методика подготовки студентов к сдаче нормативов, соответствующих различным уровням трудности комплекса ГТО. Особенность данной методики – акцент на развитие выявленных в результате исследования отстающих физических качеств (скоростная и силовая выносливость) средствами легкой атлетики и кроссфита. В результате применения методики на занятиях по физической культуре в течение семестра результаты в экспериментальной группе улучшились на 40%, в контрольной – на 26%, подтверждая эффективность представленных в методике упражнений.

Ключевые слова: ГТО, вуз, физическая культура, студент, легкая атлетика, мотивация, личность

Для цитирования: Берсенева Н.С., Тяглова С.А. Методика подготовки студентов к сдаче норм ГТО на занятиях физической культурой // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 180–188. doi: 10.17223/15617793/507/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/20

Method of preparing students of technical universities for passing the GTO standards

Nikolai S. Bersenev¹, Svetlana A. Tyaglova²

^{1,2} Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
¹ st4182@mail.ru

Abstract. The article presents the author's methodology for preparing students to pass the standards corresponding to different levels of difficulty of the GTO complex. The peculiarity of this technique is the emphasis on the development of lagging physical qualities identified as a result of the study (general and strength endurance) by means of athletics and crossfit, since they are similar in nature to the GTO tests. The experimental approbation of the methodology of physical preparation of students for passing the GTO standards is the aim of the work; it is based on the methods of pedagogical observation, pedagogical control tests, pedagogical experiment, mathematical processing of the data obtained. The basis of the technique is four groups of exercises developed on the basis of Brian Mackenzie's training system: running exercises, suspension pull-ups, jumps on projectiles, and core exercises. Each group of exercises (except for running ones) is differentiated by difficulty levels, where the first level is a preparatory exercise, and the fourth is a complicated version. Differentiation of exercises by difficulty level is necessary to comply with the principle of gradualness in increasing physical activity and to determine it in accordance with the initial physical fitness of students. So, the load of each group of exercises corresponds to the results obtained at the beginning of the experiment in one or another control standard, where: level 1 of difficulty is for subjects with an unsatisfactory results, level 2 for satisfactory ones, etc. During the training process, students move on to the next level, provided they perform the exercise without significant effort, maintaining a set pace and the required number of repetitions. For strength exercises, recommendations are given on the time spent in the concentric and eccentric phases of movement, as well as a pause between them. As a result of the application of the technique at the first stage in physical education classes during the semester (30 male students aged 18–21), the results of the experimental group improved by 40%, the control group by 26%, confirming the effectiveness of the athletics and crossfit exercises presented in the methodology. In further practice, the methodology was supplemented with a motivational and personal component and, as a result of a linear experiment (2021–22, 2022–23, 2023–24 academic years), revealed greater progress in the development of students' physical qualities compared to the traditional training program.

Keywords: GTO, university, physical education, student, athletics, motivation, personality

For citation: Bersenev, N.S. & Tyaglova, S.A. (2024) Method of preparing students of technical universities for passing the GTO standards. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 180–188. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/20

Введение

В последние годы подготовка к ВФСК ГТО в учебных заведениях страны становятся одной из главных

задач физического воспитания. Качество процесса физического воспитания оценивается в том числе и по «доле обучающихся, способных выполнить нормативные требования комплекса ГТО» [1].

Несмотря на многолетнюю традицию и наличие учебно-методических рекомендаций, проблема эффективной реализации комплекса в современных условиях остается нерешенной. В первую очередь этому способствуют отсутствие мотивации и недостаточная физическая подготовленность молодежи, снижение уровня здоровья студентов [2], отсутствие единого подхода к проблеме, а также методического и практического инструментария для преподавателей, соответствующего всем заявленным целям высшего образования и компетенциям будущего специалиста [3].

Объект проведенного исследования – процесс физического воспитания студентов Тюменского индустриального университета (ТИУ). Средства и методы физической подготовки студентов являются предметом исследования.

Цель проведенного авторами исследования – разработать и экспериментально апробировать методику физической подготовки студентов к сдаче норм ВФСК ГТО, включая для развития отстающих физических качеств средства легкой атлетики и кроссфита.

Несмотря на то, что ВФСК ГТО является нормативной основой учебных программ по физическому воспитанию студентов, исследования последних лет дают нам достаточное представление о проблемах его реализации в вузе. По сей день сохраняется узконаправленный подход в подготовке будущего специалиста, исключающий личностно-мотивационный компонент, комплексность (взаимовлияние физической и психологической сферы) и междисциплинарность [4. С. 29]. Акцент в работе педагогического состава направлен исключительно на физическую подготовку обучающихся.

Современные исследования процесса подготовки к выполнению студентами тестов ГТО можно условно разделить на два блока: изучение мотивационных стимулов к участию в испытаниях; формирование методики проведения занятий, развития отдельных физических качеств и общей физической подготовленности.

Мотивационно-ценностный компонент физической культуры, его формирование, осознание личностной значимости должны предвосхищать работу над физическими кондициями обучающихся. Это подтверждают опросы студентов, проведенные исследователями в процессе изучения мотивационного компонента: студенты готовы участвовать в сдаче норм ГТО при условии материального поощрения, получения зачета по дисциплине, наличии «доски почета» [5]. Примечательно, что в ответах преобладает потребительский компонент. Это говорит о девальвации ценностей физической культуры (таких как потребность в движении, самопознание, самовоспитание, позитивное отношение к физическому совершенствованию и др.).

Работа над повышением мотивации, на наш взгляд, должна включать проведение массовых соревнований, фестивалей ГТО в вузе, а также проработку таких вопросов, как финансовое стимулирование студентов, успешно сдавших нормы ГТО, и приравнивание сдачи норм комплекса ГТО в отчетном периоде к зачету по дисциплине «Физическая культура» [5], усиление системы мер поощрения студентов за участие в соревнованиях [6, 7].

В.В. Черняев в процессе физической подготовки студентов призывает ориентироваться на гуманитарную парадигму образования – развивать физическую культуру личности посредством освоения ценностей физической культуры через созидательную деятельность (личностную, профессиональную и социальную). «Занятия ради получения зачета по физической культуре по своей сути так же отрицательно воздействуют на сознание студентов, как и стремление спрятаться в специальной медицинской группе» [4. С. 30].

О.Н. Полухин, В.Н. Ирхин, И.Н. Никулин и др. в процессе изучения морально-психологических побуждений студентов (социальная значимость и жизненно-практическое значение комплекса ГТО, положительный пример референтных лиц, стимулы эмоциональные, ситуативные, соревновательные и др.) к участию в мероприятиях ГТО пришли к выводу, что данные побуждения также могут быть серьезным стимулом [9]. Исследователи предложили собственную типологию студентов, в основе которой – ведущий стимул занимающегося к занятиям физической культурой («живущие спортом», «игроки», «нигилисты», «формалисты»), и доказали важность условия дифференциации для обеспечения эффективности системы стимулирования студентов к участию в тестировании [9].

В процессе изучения психофункционального состояния студентов по методике САН (самочувствие, активность, настроение) до и после вовлечения в массовые мероприятия по сдаче норм ГТО специалисты стремились найти пути повышения мотивации обучающихся к ЗОЖ и учебным занятиям физической культурой [10].

Результаты данного исследования доказали важность регулярной просветительской работы (лекции, мероприятия и пр.) для популяризации ЗОЖ, повышения интереса к учебным и самостоятельным занятиям через трансформацию ценностных ориентаций. Самочувствие, активность и настроение студентов, регулярно участвующих в массовых мероприятиях, показали положительную динамику. Это благоприятно отразилось на здоровье участников эксперимента.

Считая существующие стимулы (индивидуализация требований, награды, освещение в СМИ, льготы и т.п.) к выполнению норм ГТО малоэффективными, Ф.И. Собынин и соавт. предлагают рассмотреть методологические аспекты мотивации для участия в испытаниях [11]. Концепции и теории о потребностях и инстинктах человека Д. Уотсона, З. Фрейда, К. Юнга, А. Маслоу, Л. Фестингера обнаруживают различные типы мотивации (биологический, интеллектуальный, социальный, экзистенциальный и др.) и помогают раскрыть идейность комплекса «как сферу самопознания, познания системы физической культуры, окружающей реальности в процессе занятий комплексом ГТО» [11. С. 60].

Поскольку выносливость как отстающее качество отмечают многие ученые, его развитию посвящаются отдельные исследования. Н.В. Рыжкин, Т.И. Тумасян, О.Ю. Бровашова и соавт. отмечают, что бег на длинные дистанции – это «единственный норматив, где есть процент студентов, не преодолевших всю дистанцию» [12. С. 73].

Для повышения результата рекомендуется сочетать упражнения для общей и специальной выносливости с дыхательными упражнениями, разделив тренировку на три этапа: аэробный, аэробно-анаэробный, соревновательный. В итоге большинство студентов смогли преодолеть дистанцию полностью, сократив время ее прохождения. Авторы также разработали программу для самостоятельных занятий студентов.

Е.Г. Ермаковой [13] разработан комплекс упражнений силовой направленности для достижения результата в подтягивании, отжимании, поднимании туловища из положения лежа на полу, реализуемый на занятиях по физической культуре в вузе. Систематичность, последовательность в увеличении нагрузки и совершенствование техники позволили студентам развить силовые показатели до необходимого уровня.

Для подготовки обучающихся к сдаче норм ГТО Н.И. Синявский и соавт. разработали структуру урока физической культуры, основанного на поддержании оптимального пульса в каждой части модуля [14], В.В. Новокрещенов и соавт. доказали эффективность пробного тестирования [15], В.Ю. Карпов и соавт. выявили взаимосвязь показателей физической подготовленности с результатами легкоатлетических упражнений комплекса [16].

Таким образом, разностороннее изучение ВФСК ГТО в рамках современных реалий находится на стадии кульминации, но пока единый комплексный подход к его реализации в вузах страны не представлен.

Материалы и методы

Исследование проводилось на базе Тюменского индустриального университета (Институт промышленных технологий и инжиниринга) в период с 2021 по 2024 г. В нем приняли участие 150 юношей в возрасте 18–23 лет (состав групп технического вуза в своем большинстве мужской).

На первом этапе (2021 г.) была разработана и апробирована методика подготовки студентов к сдаче норм ГТО.

На втором этапе проводился линейный эксперимент – методика была внедрена в четырех учебных группах первокурсников (120 чел.) для выявления прогресса результатов физической подготовленности студентов этих групп на втором и третьем курсах

(2021/22, 2022/23, 2023/24 уч. годы) и сравнении с результатами групп, обучающихся по стандартной учебной программе.

Авторы использовали следующие методы исследования: анализ современной научно-методической литературы по проблемам подготовки к сдаче норм ГТО в вузах страны, педагогическое наблюдение (контроль над выполнением физических нагрузок, изменения в уровне физической подготовленности студентов экспериментальной группы), педагогические контрольные испытания (тесты комплекса ГТО VI возрастной ступени у юношей в начале и в конце эксперимента), педагогический эксперимент (предметом анализа являлись показатели динамики развития уровня физической подготовленности студентов). Для проверки достоверности полученных результатов выполнены расчеты среднего арифметического значения, среднего квадратического отклонения, средней ошибки среднего арифметического, а также определение достоверности различий по t-критерию Стьюдента [17].

Контрольные нормативы выявляли уровень быстроты (бег на 30 метров), силовой выносливости (подтягивание из виса на высокой перекладине и поднимание туловища из положения лежа на спине за 60 с) гибкости (наклон вперед стоя на скамье) и скоростно-силовых (прыжок двумя ногами с места) способностей.

Первый этап по апробации предлагаемой методики длился один учебный семестр (весна 2021 г.). В эксперименте принимали участие 30 юношей дневной формы обучения. Контрольная группа (15 чел.) занималась по типовой учебной программе, а экспериментальная (15 чел.) – по предложенной нами методике, где стандартные средства физической подготовки были дополнены дифференцированными упражнениями из кроссфита и легкой атлетики.

Результаты и обсуждение

Для определения исходного уровня развития физической подготовленности студенты выполнили контрольные тесты, соответствующие зальным тестам ГТО VI ступени. Результаты среднего показателя группы и средней ошибки среднеарифметического представлены в табл. 1.

Таблица 1

Физическая подготовленность студентов контрольной и экспериментальной групп до и после эксперимента

Тесты		Экспериментальная группа			Контрольная группа		
		Начало эксперимента	Конец эксперимента	Прирост, %	Начало эксперимента	Конец эксперимента	Прирост, %
		M±m	M±m		M±m	M±m	
1	Наклон вперед (от уровня скамьи, см)	7±1,34	12,2±1,41	74,2	6±1,11	9±1,34	50%
	Уровень ФП	Удовл.	Хорошо		Удовл.	Хорошо	
	P	≤0,05			≥0,05		
2	Прыжок в длину с места, см	218,2±4,47	235,3±4,47	7,8	222,2±4,70	229,1±4,76	3,10%
	Уровень ФП	Удовл.	Хорошо		Удовл.	Хорошо	
	P	≤0,05			≥0,05		
3	Поднимание туловища из положения лежа на спине	40,6±1,41	45,6±0,74	12,3	41,4±1,56	44,8±1,26	8,2%
	Уровень ФП	Хорошо	Хорошо		Хорошо	Хорошо	
	P	≤0,05			≥0,05		

Тесты		Экспериментальная группа			Контрольная группа		
		Начало эксперимента	Конец эксперимента	Прирост, %	Начало эксперимента	Конец эксперимента	Прирост, %
		M±m	M±m		M±m	M±m	
4	Подтягивание из виса на высокой перекладине	7,4±1,20	12,1±1,56	63,5	8,3±1,5	10,2±1,8	23%
	Уровень ФП	Неудовл.	Хорошо		Неудовл.	Удовл.	
	P	≤0,05			≥0,05		
5	Бег на 30 м, с	4,7±0,07	4,3±0,06	8,5	4,8±0,09	4,5±0,1	6,2%
	Уровень ФП	Удовл.	Отлично		Удовл.	Хорошо	
	P	≤0,05			≤0,05		

Таблица 2

Методика подготовки студентов к сдаче нормативов ГТО

Кол-во микроциклов	Средства и методы	Подходы и повторения	Темп выполнения
2 микроцикла	Разминочный бег (РБ) 5 мин, общеразвивающие упражнения (ОРУ), специальные беговые упражнения (СБУ) Броски набивного мяча: из-за головы; от груди; за спину; вперед Упражнение на пресс 1-го уровня сложности Стретчинг	По 20 повторений 2 подхода по 20 повторений	10× 213
	Разминочный бег (РБ) 5 мин, ОРУ, СБУ Барьерная гимнастика (8 барьеров): перешагивание барьера: левая атакующая, правая маховая; правая атакующая, левая маховая; правым боком; левым боком Суперсет: упражнение на пресс 1-го уровня сложности + обычные приседания Стретчинг	По 8 повторений 2 суперсета по 15/15 повторений	До 140 уд/мин 313
2 микроцикла	Разминочный бег 5 мин, ОРУ, СБУ Старты из разных положений Прыжки: с места толчком двумя ногами, тройной прыжок с ноги на ногу Запрыгивания 1-го уровня сложности Планка: упор лежа на полу, упор лежа сзади Стретчинг	12 стартов по 20 м 20 повторений 10 повторений 2 подхода по 15 повторений по 2 подхода, удержание	10× 10× 10× 10× По 30 с
	Разминочный бег 5 мин, ОРУ, СБУ Суперсет: прыжки на скакалке + броски медбола (3–5 кг) вверх из приседа Подтягивание 1-го уровня сложности Стретчинг	4 суперсета: 100/20 повторений 3 подхода по 20 повторений	10× 323
3 микроцикла	Разминочный бег 7 мин, ОРУ Прыжки «звездочкой» на месте «Бурпи» с запрыгиванием (запрыгивания 1–2-го уровня) Прыжки в длину: с места толчком двумя ногами; тройной прыжок с ноги на ногу; десятикратный прыжок с ноги на ногу Упражнение на пресс, 2-й уровень Вис на высокой перекладине Стретчинг	60 повторений 4 подхода по 15 повторений 20 повторений По 10 повторений 3 подхода по 15 повторений 2 подхода, удержание	10× 10× 10× 10× 122 По 40–60 с
	Разминочный бег 7 мин, ОРУ, СБУ Прыжки на стопе с продвижением: подскоки; правым/левым боком; лицом/спиной вперед Суперсет: подтягивание 1–2-й уровень+ пробегание 30 м Подтягивание из виса на высокой перекладине Упражнение на пресс 1–2-й уровень Планка: упор лежа на предплечьях на полу; упор лежа левым/правым боком на полу правую/левую руку в сторону; упор лежа сзади на полу Стретчинг	30 м по 5 повторений 4 суперсета: 20 повторений 1 подход, макс. кол-во раз 3 подхода по 20 повторений 1 подход, удержание по 1 подходу, удержание	10× 323/10 223 1 мин По 30 с
1 микроцикл	Разминочный бег 5 мин, ОРУ, СБУ Прыжки на скакалке Подтягивание из виса на высокой перекладине Приседания с броском медбола (3–5 кг) в стену Пробегание 30 м Упражнение на пресс 1–2-й уровень Стретчинг	1000 раз 1 подход, макс. кол-во раз 3 подхода 15 повторений 8 повторений 3 подхода по 20 повторений	10× 311 10× 123
	Разминочный бег (РБ) 5 мин, ОРУ, СБУ Барьерная гимнастика (10 барьеров): перешагивание барьера: левая атакующая, правая маховая; правая атакующая, левая маховая; правым боком; левым боком Суперсет: упражнение на пресс 1–2-го уровня сложности + выпрыгивания из полуприседа Стретчинг	По 8 повторений 2 суперсета по 15/10 повторений	До 140 уд/мин 313/10×

Кол-во микроциклов	Средства и методы	Подходы и повторения	Темп выполнения
3 микроцикла	Разминочный бег 10 мин. ОРУ, СБУ Пробегание 30 м с низкого старта Прыжковые упражнения: прыжки с ноги на ногу с продвижением; бег с прямыми ногами; бег с высоким подниманием бедра Прыжок в длину с места Запрыгивания 2-го уровня Суперсет: подтягивание 2–3-й уровень + упражнение на пресс 2–3-го уровня Стретчинг	8 повторений По 10 повторений, 30 мет. 20 повторений 15 повторений 3 суперсета по 10/20 повторений	10× 10× 122
	Разминочный бег 10 мин, ОРУ Прыжки на скакалке Подтягивание 1–4-го уровня Подтягивание 1–3-го уровня Подтягивание 1–2-го уровня Планка: упор лежа на предплечьях на полу; упор лежа левым/правым боком на полу правую/левую руку в сторону Стретчинг	1000 раз Максимальное кол-во раз Максимальное кол-во раз Максимальное кол-во раз По 2 подхода, удержание	10× 112 112 112 45 с
1 микроцикл	Разминочный бег 7 мин, ОРУ, СБУ Броски медбола (7–10 кг): из-за головы; от груди; правой/левой рукой; за спину Стретчинг	По 15 повторений	10×
	РБ 7 мин, ОРУ, СБУ Барьерная гимнастика (10 барьеров): перешагивание барьера: левая атакующая, правая маховая; правая атакующая, левая маховая; попеременно правым / левым боком Суперсет: упражнение на пресс 1–4-го уровня сложности + запрыгивания 1–4-го уровня Стретчинг	По 10 повторений 2 суперсета по 15/15 повторений	До 140 уд/мин 111/10×
2 микроцикла	Разминочный бег 10 мин, ОРУ, СБУ Пробегание 30 м с низкого старта Прыжок в длину с места Запрыгивания 1–4-го уровня Суперсет: подтягивание 2–4-го уровня + упражнение на пресс 2–4-го уровня Стретчинг	6 повторений 20 повторений 2 подхода по 15 повторений 3 суперсета по 10/20 повторений	10× 10× 10× 122
	Разминочный бег 10 мин, ОРУ Прыжки на скакалке Подтягивание из виса на высокой перекладине 3-го уровня сложности Планка: упор лежа на предплечьях на полу; упор лежа левым/правым боком на полу правую/левую руку в сторону Стретчинг	1000 раз 2 подхода на максимальное кол-во раз По 2 подхода, удержание	10× 112 45 с
2 микроцикла	Разминочный бег 7 мин, ОРУ, СБУ Броски медбола (7–10 кг): из-за головы; от груди; правой/левой рукой; за спину Стретчинг	По 15 повторений	10×
	Разминочный бег 5 мин, ОРУ, СБУ Прыжки на скакалке Подтягивание из виса на высокой перекладине Приседания с броском медбола (3–5 кг) в стену Пробегание 30 м Упражнение на пресс 2–4-го уровня	1000 раз 1 подход, макс. кол-во раз 3 подхода 15 повторений 6 повторений 2 подхода по 20 повторений	10× 311 10X 123

Согласно результатам до эксперимента только 6 человек из 30 участников сдали предложенные нормативы на оценку «удовлетворительно» и выше. Особые трудности возникли при выполнении подтягиваний из виса на высокой перекладине (не справились 18 чел.), проявлении гибкости (15 чел.), в беге на 30 м (10 чел.).

На основании полученных данных была разработана и внедрена методика подготовки студентов к сдаче норм ГТО, цель которой – повышение уровня физической подготовленности с акцентом на развитие отстающих качеств. Методика рассчитана на 16 недель по 2 занятия в неделю с 7-дневными тренировочными микроциклами. Количество и тип тренировочных микроциклов: 4 тягивающих, 8 базовых и

4 восстановительных. Суть методики – включение в программу занятий средств и методов легкой атлетики и кроссфита, так как физические упражнения данных видов по характеру выполнения схожи с тестами ГТО.

Основа методики – 4 группы упражнений, разработанных на основе тренировочной системы Б. Маккензи: упражнения бегового характера, подтягивание из висов, запрыгивания на снаряды и упражнения для кора [18]. Каждая группа упражнений (кроме упражнений бегового характера) дифференцирована по уровням сложности, где первый уровень – это подводящее упражнение, а четвертый – усложненный вариант.

Подтягивание из висов делится по уровням сложности: 1-й уровень сложности – подтягивание из виса

лежа на низкой перекладине; 2-й уровень – подтягивание из виса на высокой перекладине с использованием резиновых петель для облегчения упражнения; 3-й уровень – подтягивание из виса на высокой перекладине; 4-й уровень – подтягивание из виса на высокой перекладине с использованием различных утяжелителей.

Запрыгивания на снаряды: 1-й уровень сложности – запрыгивание на различные снаряды высотой 30 см; 2-й уровень – запрыгивание на различные снаряды высотой 60 см; 3-й уровень – запрыгивание на различные снаряды высотой 1 м; 4-й уровень – прыжок в глубину (со скамьи на мат, с мата запрыгивание на различные снаряды высотой 1 м) [18].

Упражнения для мышц кора: 1-й уровень сложности – подъем корпуса лежа на спине, ноги согнуты в коленных суставах, руки параллельно корпусу; 2-й уровень – подъем ног лежа на спине; 3-й уровень – подъем ног на брусьях; 4-й уровень – поднос ног к перекладине из виса [19].

Дифференциация упражнений по уровню сложности необходима для соблюдения принципа постепенности в наращивании физической нагрузки в соответствии с исходной физической подготовленностью студентов. Так, нагрузка каждой группы упражнений соответствует полученным результатам в начале эксперимента в том или ином контрольном нормативе, где: 1-й уровень сложности – для испытуемых с неудовлетворительной оценкой, 2-й уровень – удовлетворительной и т.д.

В ходе тренировочного процесса студенты переходят к следующему уровню при условии выполнения упражнения без значительных усилий, выдерживая заданный темп и необходимое количество повторений [19].

К силовым упражнениям даны рекомендации по времени нахождения в концентрической и эксцентрической фазах движения, определена также пауза между ними. Например, темп выполнения для упражнения «подтягивание из виса на высокой перекладине» – 123, где 1 – это концентрическая фаза (1 с), 2 – пауза-удержание (2 с), 3 – эксцентрическая фаза (3 с). Ускоренный вариант выполнения упражнения обозначен как 10× [20].

Методика подготовки студентов экспериментальной группы дала достоверный прирост результатов во всех контрольных нормативах, в контрольной группе улучшение результатов уступает приросту экспериментальной группы и является статистически недостоверным в четырех контрольных нормативах из пяти. Статистические различия между результатами студентов до и после педагогического эксперимента контрольной и экспериментальной групп, а также процентный прирост результатов среднего показателя групп были представлены в табл. 1. Итоговый прогресс результатов отражен на рис. 1.

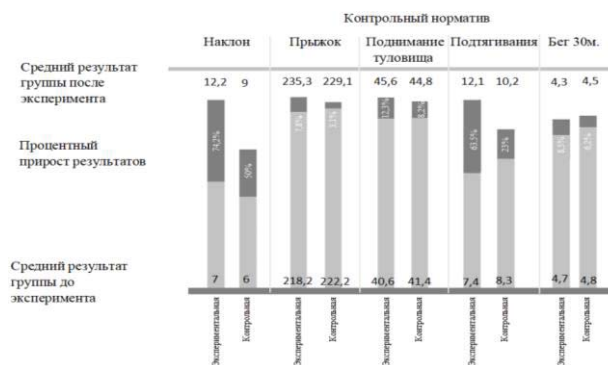

Рис. 1. Динамика показателей физической подготовленности в конце эксперимента

В тесте на гибкость средний показатель двух групп улучшился с оценки «удовлетворительно» до оценки «хорошо». В прыжке в длину с места прирост результатов в экспериментальной группе в два раза больше, чем в контрольной. В поднимании туловища лежа на спине групповые результаты улучшились в обеих группах, но при этом оценка физической подготовленности осталась прежней. В подтягивании из виса на высокой перекладине в экспериментальной группе произошел существенный прирост результата – 63,5%, в контрольной группе – 23%. В беге на 30 м в экспериментальной группе средний результат группы улучшился с оценки «удовлетворительно» до оценки «отлично», в контрольной группе – с «удовлетворительно» до «хорошо».

Эффективность методики была подтверждена на протяжении 2022–2024 гг. в процессе линейного эксперимента. Студенты, поступившие на 1-й курс в 2021/22 уч. году занимались по предложенной методике на протяжении всего процесса обучения (3 года), ежегодно проходили тестирование, а на 3-м курсе по окончании изучения дисциплины «Физическая культура» прошли итоговый тест. Следует отметить, что после государственного обновления критериев сдачи нормативов в последний год, мы оставили в качестве скоростного теста «бег на 30 м» в силу того, что вуз не располагает уличными площадками для тестирования на более длинные дистанции. Динамика показателей физической подготовленности экспериментальной группы на протяжении трех лет обучения отражена на рис. 2.

Далее мы сравнили результат со средним показателем физической подготовленности студентов 3-го курса, не участвовавших в эксперименте. Результаты представлены в табл. 3.

Согласно среднему значению показателей физической подготовленности по вузу, результаты других третьекурсников частично ниже, чем студентов экспериментальной группы: удовлетворительный результат у юношей – в проявлении гибкости, скорости и силы, остальные качества развиты на хорошем уровне.

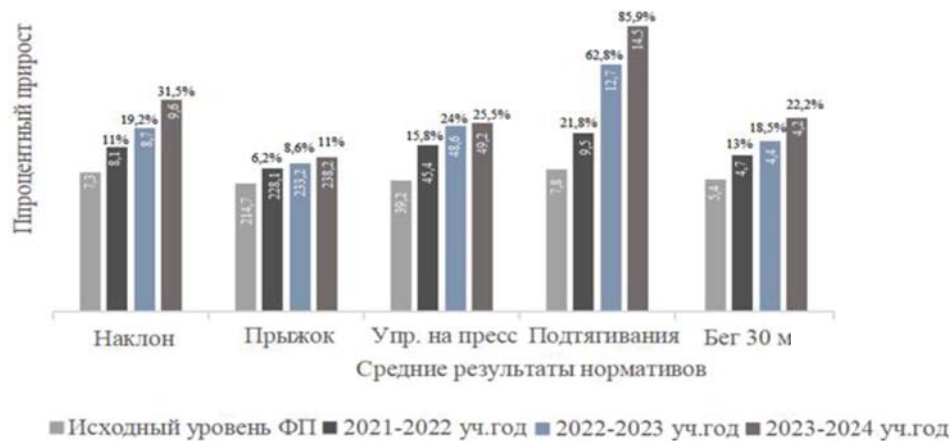

Рис. 2. Процентный прирост по годам относительно исходного уровня физической подготовленности в экспериментальной группе

Таблица 3

Мониторинг динамики физической подготовленности студентов экспериментальной группы на 1, 2, 3 курсах и сравнение среднего значения нормативов со средними результатами по вузу

Контрольный норматив	Исходный уровень ФП	2021/22 уч. год, прирост, %		2023/23 уч. год, прирост, %		2023/24 уч. год, прирост, %		Средний результат по институту (3 курсы)
Наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье	7,3 (удов.)	8,1 (хор.)	11%	8,7 (хор.)	19,2%	9,6 (хор.)	31,5%	7,6 (удов.)
Прыжок в длину с места толчком двумя ногами, см	214,7 (удов.)	228,1 (удов.)	6,2%	233,2 (хор.)	8,6%	238,2 (хор.)	11%	225,3 (хор.)
Поднимание туловища из положения лежа на спине, кол-во раз за 1 мин	39,2 (хор.)	45,4 (хор.)	15,8%	48,6 (отл.)	24%	49,2 (отл.)	25,5%	44,3 (хор.)
Подтягивание из виса на высокой перекладине, кол-во раз	7,8 (неуд.)	9,5 (неуд.)	21,8%	12,7 (хор.)	62,8%	14,5 (хор.)	85,9%	10,6 (удов.)
Бег на 30 м	5,4 (неуд.)	4,7 (удов.)	13%	4,4 (хор.)	18,5%	4,2 (отл.)	22,2%	4,9 (удов.)

У студентов, принимавших участие в эксперименте, результаты улучшились до отметки «хорошо» и «отлично», причем изначально отстающие качества (скорость и силовая выносливость) также выровнялись по итогам до положительных отметок.

Выводы

Современные ученые предлагают широкий спектр решения проблем повышения физической подготовленности студентов вуза средствами ГТО: от различных вариантов материального и предметного стимулирования участия в мероприятиях до повышения идейной составляющей и формирования мотивационно-ценностного компонента. Единство мнений в том, что решить проблему можно только переориентацией физического воспитания с прикладного на общекультурное, гуманитарное при достижении баланса между

личностно-значимыми и социально ориентированными приоритетами молодежи, а также при обогащении физкультурно-спортивной среды вуза. Не следует забывать, что комплекс ГТО в своей истории был неразрывно связан с традициями трудового и патриотического воспитания молодежи, реализуя в том числе гражданско-патриотическую, здоровьесформирующую и культурно-образовательную функции [21].

Сочетание вышеизложенных функций ценностного наполнения ГТО посредством регулярных бесед, информационных сообщений, с учебно-тренировочными занятиями по предлагаемой методике (с акцентом на средства легкой атлетики и кроссфита, позволяющими подтянуть отстающие физические качества) показало положительную динамику в тестировании.

Высокий результат проведенного эксперимента позволяет рекомендовать данную методику для включения в процесс физического воспитания студентов в вузах.

Список источников

- Аршинник С.П., Тонких Е.К., Малашенко К.В. О готовности обучающихся технического вуза к выполнению нормативов комплекса ГТО // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2023. № 11 (225). С. 29–34.
- Куликов Н.М. Физическая подготовленность студентов технического вуза в сравнении с нормативными требованиями Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» // Modern Humanities Success. 2023. № 1. С. 230–234.
- Аршинник С.П., Мартынова В.А., Тхорев В.И., Шубин М.С., Шубина Н.Г. К вопросу о преобразовании системы физического воспитания граждан России с учетом реализации положений комплекса ГТО // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2023. № 1. С. 28–38.
- Черняев В.В. Освоение студентами ценностей физической культуры в процессе самообразования // Культура физическая и здоровье. 2019. № 3 (71). С. 29–31.
- Новиков А.А., Горлов Д.О., Серищев А.В. Факторы повышения мотивации студенческой молодежи к выполнению нормативов испытательного комплекса ГТО // Культура физическая и здоровье. 2024. № 2 (90). С. 136–139.

6. Щетинина С.Ю. Повышение мотивации студентов вузов к выполнению нормативов комплекса ГТО как фактор улучшения их физической подготовленности // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2023. № 10 (224). С. 499–505.
7. Безноско Н.Н., Синявский Н.И., Фурсов А.В., Нацаренус Н.Н. Мотивационное отношение студентов к здоровому образу жизни и выполнению испытаний ГТО // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2022. № 3. С. 34–36.
8. Черняев В.В. Проектирование и конструирование гуманитарно ориентированного содержания образования по физической культуре в вузе : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004. 47 с.
9. Полухин О.Н., Ирхин В.Н., Никулин И.Н., Воронков А.В., Загоруйко Ю.А. Стимулирование студентов вуза к участию в мероприятиях комплекса ГТО // Теория и практика физической культуры. 2021. № 4. С. 106–107.
10. Сытник Г.В., Ашкинази С.М., Рагозина Н.А., Новиков А.Б. Комплекс ГТО в формировании мотивации к занятиям физической культурой и здорового образа жизни у студентов вузов (к 90-летию комплекса ГТО) // Спортивный психолог. 2021. № 3 (60). С. 4–8.
11. Собынин Ф.И., Покотилова А.А., Ивлева А.Н., Бойцова М.В. Методологические аспекты формирования мотивации для занятий комплексом ГТО // Научный поиск: личность, образование, культура. 2021. № 1 (39). С. 59–61.
12. Рыжкин Н.В., Тумасян Т.И., Бровашова О.Ю., Иванова А.А. Комплекс ГТО как основа физического воспитания в высших учебных заведениях // Культура физическая и здоровье. 2021. № 1 (77). С. 72–76.
13. Ермакова Е.Г. Особенности физической подготовки студентов к сдаче норм комплекса ГТО на силу // Развитие образования. 2021. Т. 4, № 1. С. 24–28.
14. Синявский Н.И., Фурсов А.В., Синявский Н.Н. Проектирование урока физической культуры, направленного на подготовку обучающихся к сдаче норм ГТО // Культура физическая и здоровье. 2022. № 1 (81). С. 113–116.
15. Новокрещенов В.В., Митриченко Р.Х. Оценка готовности студентов к выполнению нормативов комплекса ГТО по результатам пробных испытаний в процессе учебных занятий по физической культуре // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 32, № 1. С. 96–101.
16. Карпов В.Ю., Еремин М.В., Разживин О.А., Доронцов А.В. Повышение результативности легкоатлетических тестовых заданий комплекса ГТО у студентов на основе рационального подбора тренировочных средств // Теория и практика физической культуры. 2021. № 6. С. 39–40.
17. Основы научно-методической деятельности в физической культуре и спорте: учебно-методический комплекс (для студентов, обучающихся по специальности 050720 – Физическая культура). Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2011. 119 с.
18. Маккензи Б. Сила. Скорость. Выносливость / пер. с англ. О.Г. Белошеева. Минск : Попурри, 2018. 416 с.
19. Гаддур Би-Дж. Силовые упражнения без отягощений. Как заменить штангу весом своего тела / пер. с англ. П.А. Самсонов. Минск : Попурри, 2020. 288 с.
20. Кинг Я., Шулер Л. Большая книга мышц. Гениальный путеводитель по идеальной физической форме / пер. с англ. Д. Смирнов. М. : Эксмо, 2017. 360 с.
21. Манжелей И.В., Тяглова С.А. Внедрение Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» в процесс подготовки педагога // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3, № 4. С. 268–280. doi: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-268-280

References

1. Arshinnik, S.P., Tonkikh, E.K. & Malashenko, K.V. (2023) O gotovnosti obuchayushchikhsya tekhnicheskogo vuza k vypolneniyu normativov kompleksa GTO [On the readiness of students of a technical university to fulfill the standards of the GTO complex]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 11 (225). pp. 29–34.
2. Kulikov, N.M. (2023) Fizicheskaya podgotovlennost' studentov tekhnicheskogo vuza v sravnenii s normativnymi trebovaniyami Vserossiyskogo fizkul'turno-sportivnogo kompleksa "Gotov k trudu i oborone" [Physical fitness of students of a technical university in comparison with the regulatory requirements of the All-Russian physical culture and sports complex "Ready for Labor and Defense"]. *Modern Humanities Success*. 1. pp. 230–234.
3. Arshinnik, S.P. et al. (2023) K voprosu o preobrazovanii sistemy fizicheskogo vospitaniya grazhdan Rossii s uchetom realizatsii polozheniy kompleksa GTO [On transforming the system of physical education of citizens of Russia, taking into account the implementation of the provisions of the GTO complex]. *Fizicheskaya kul'tura, sport – nauka i praktika*. 1. pp. 28–38.
4. Chernyaev, V.V. (2019) Osvoenie studentami tsennostey fizicheskoy kul'tury v protsesse samoobrazovaniya [Students' Mastering of Physical Culture Values in the Process of Self-Education]. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e*. 3 (71). pp. 29–31.
5. Novikov, A.A., Gorlov, D.O. & Serishchev, A.V. (2024) Faktory povysheniya motivatsii studencheskoy molodezhi k vypolneniyu normativov ispytaniy kompleksa GTO [Factors of Increasing Motivation of Student Youth to Fulfill the Standards of the GTO Complex Tests]. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e*. 2 (90). pp. 136–139.
6. Shchetinina, S.Yu. (2023) Povyshenie motivatsii studentov vuzov k vypolneniyu normativov kompleksa GTO kak faktor uluchsheniya ikh fizicheskoy podgotovlennosti [Increasing the Motivation of University Students to Fulfill the Standards of the GTO Complex as a Factor in Improving Their Physical Fitness]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 10 (224). pp. 499–505.
7. Beznosko, N.N. et al. (2022) Motivatsionnoe otnoshenie studentov k zdorovomu obrazu zhizni i vypolneniyu ispytaniy GTO [Motivational attitude of students to a healthy lifestyle and completing GTO tests]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 3. pp. 34–36.
8. Chernyaev, V.V. (2004) *Proektirovanie i konstruirovaniye gumanitarno orientirovannogo soderzhaniya obrazovaniya po fizicheskoy kul'ture v vuze* [Design and construction of humanitarian-oriented content of physical education in a university]. Abstract of Pedagogics Dr. Diss. Moscow.
9. Polukhin, O.N. et al. (2021) Stimulirovaniye studentov vuza k uchastiyu v meropriyatiyakh kompleksa GTO [O complex events]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 4. pp. 106–107.
10. Sytnik, G.V. et al. (2021) Kompleks GTO v formirovaniy motivatsii k zanyatiyam fizicheskoy kul'turoy i zdorovogo obraza zhizni u studentov vuzov (k 90-letiyu kompleksa GTO) [The GTO complex in the formation of motivation for physical education and a healthy lifestyle among university students (on the 90th anniversary of the GTO complex)]. *Sportivnyy psikholog*. 3 (60). pp. 4–8.
11. Sobyenin, F.I. et al. (2021) Metodologicheskie aspekty formirovaniya motivatsii dlya zanyatiy kompleksom GTO [Methodological aspects of the formation of motivation for practising the GTO complex]. *Nauchnyy poisk: lichnost', obrazovanie, kul'tura*. 1 (39). pp. 59–61.
12. Ryzhkin, N.V. et al. (2021) Kompleks GTO kak osnova fizicheskogo vospitaniya v vysshih uchebnykh zavedeniyyakh [The GTO complex as the basis of physical education in higher educational institutions]. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e*. 1 (77). pp. 72–76.
13. Ermakova, E.G. (2021) Osobennosti fizicheskoy podgotovki studentov k sdache norm kompleksa GTO na silu [Features of students' physical preparation for passing the GTO complex standards for strength]. *Razvitie obrazovaniya*. 4 (1). pp. 24–28.
14. Sinyavskiy, N.I., Fursov, A.V. & Sinyavskiy, N.N. (2022) Proektirovanie uroka fizicheskoy kul'tury, napravlenno na podgotovku obuchayushchikhsya k sdache norm GTO [Design of a physical education lesson aimed at preparing students for passing the GTO standards]. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e*. 1 (81). pp. 113–116.
15. Novokreshchenov, V.V. & Mitrichenko, R.Kh. (2022) Otsenka gotovnosti studentov k vypolneniyu normativov kompleksa GTO po rezul'tatam probnykh ispytaniy v protsesse uchebnykh zanyatiy po fizicheskoy kul'ture [Assessment of students' readiness to fulfill the standards of the GTO complex based on the results of trial tests during physical education classes]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 32 (1). pp. 96–101.

16. Karpov, V.Yu. et al. (2021) Povyshenie rezul'tativnosti legkoatleticheskikh testovykh zadaniy kompleksa GTO u studentov na osnove ratsional'nogo podbora trenirovochnykh sredstv [Improving the performance of track and field test tasks of the GTO complex among students based on a rational selection of training tools]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 6. pp. 39–40.
17. Gorno-Altaysk State University. (2011) *Osnovy nauchno-metodicheskoy deyatel'nosti v fizicheskoy kul'ture i sporte: uchebno-metodicheskiy kompleks (dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti 050720 – Fizicheskaya kul'tura)* [Fundamentals of scientific and methodological activity in physical education and sports: educational and methodological complex (for students studying in the specialty 050720 – Physical Education)]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University.
18. Mackenzie, B. (2018) *Sila. Skorost'. Vynoslivost'* [Strength. Speed. Endurance]. Translated from English by O.G. Belosheeva. Minsk: Popurri.
19. Gaddur, B.J. (2020) *Silovye uprazhneniya bez otyagoshcheniy. Kak zamenit' shtangu vesom svoego tela* [Strength exercises without weights. How to replace the barbell with your body weight]. Translated from English by P.A. Samsonov. Minsk: Popurri.
20. King, I. & Schuler, L. (2017) *Bol'shaya kniga myshts. Genial'nyy putevoditel' po ideal'noy fizicheskoy forme* [The Book of Muscle. The World's Most Authoritative Guide to Building Your Body]. Translated from English by D. Smimov. Moscow: Eksmo.
21. Manzheley, I.V. & Tyaglova, S.A. (2017) Vnedrenie Vserossiyskogo fizkul'turno-sportivnogo kompleksa "Gotov k trudu i oborone" v protsess podgotovki pedagoga [Implementation of the All-Russian Physical Culture and Sports Complex "Ready for Labor and Defense" in the Process of Teacher Training]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*. 3 (4). pp. 268–280. doi: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-268-280

Информация об авторах:

Берсенов Н.С. – преподаватель Тюменского индустриального университета (Тюмень, Россия). E-mail: st4182@mail.ru

Тяглова С.А. – старший преподаватель Тюменского индустриального университета (Тюмень, Россия).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.S. Bersenev, lecturer, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: st4182@mail.ru

S.A. Tyaglova, senior lecturer, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation).

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.10.2024;
одобрена после рецензирования 29.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 11.10.2024;
approved after reviewing 29.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

Научная статья
УДК 377.8:796 (571.1)
doi: 10.17223/15617793/507/21

Качественная и количественная характеристика кадрового состава сферы физической культуры в Крыму в начале 30-х гг. XX в.

Андрей Викторович Мутьев¹, Беял Сейдалиевич Якубов²

^{1,2} Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

¹ dsport76@mail.ru

² bilyal.yakubov@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа архивных документов исследуется процесс формирования кадрового состава сферы физической культуры в Крымской АССР в начале 30-х гг. XX в. Приводятся сведения об организации курсовой подготовки физкультурных работников и создании среднеспециальных учебных заведений соответствующего профиля в Крыму. Дана характеристика образовательного уровня работников сферы физической культуры, приводятся фактические данные об их численности в Крымской АССР.

Ключевые слова: специалисты в области физической культуры, Крымская АССР, работники физкультурных организаций, подготовка физкультурных кадров

Для цитирования: Мутьев А.В., Якубов Б.С. Качественная и количественная характеристика кадрового состава сферы физической культуры в Крыму в начале 30-х гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 189–196. doi: 10.17223/15617793/507/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/21

Qualitative and quantitative characteristics of the physical culture personnel in Crimea in the early 1930s

Andrey V. Mutiyev¹, Bilyal S. Yakubov²

^{1,2} V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

¹ dsport76@mail.ru

² bilyal.yakubov@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of archival documents, the process of forming the personnel of the sphere of physical culture in the Crimean ASSR in the early 1930s is considered. The study used general theoretical and general historical research methods. It has been established that the main way of training instructors and organizers of physical education in the Crimean ASSR in the early 1930s remained training courses, which corresponded to the educational level of most physical education workers. Graduates of state institutes of physical culture, who were sent to Crimea, satisfied only a third of the need for personnel with higher physical education and were used to organize physical education work in physical culture councils, at large enterprises of the peninsula, as well as for teaching in Crimean higher educational institutions and the Crimean College of Physical Culture. Despite the steady growth in the number and level of fitness of physical education workers in the early 1930s, there was a shortage of them in Crimea, which was due to national phenomena characteristic of that time ("cleansing the house", lack of funds, staff turnover, etc.). In 1931, a college of physical culture was organized in Simferopol for the training of secondary qualified personnel, and a department of physical culture was opened at the Tatar Pedagogical College in Yalta. Already during their studies, students of these technical schools were attracted to work in their specialty at enterprises and organizations of the Crimean ASSR. To increase the number of physical education workers, the Supreme Council of Physical Culture of Crimea was looking for new forms of training, trying to participate in the opening of a correspondence college of physical culture and the training of mass instructors using radio. Despite all the measures taken, the actual need for physical education personnel by 1933 was satisfied by only 16.2% of the control figures for the region.

Keywords: specialists in physical culture, Crimean ASSR, employees of physical education organizations, training of physical education personnel

For citation: Mutiyev, A.V. & Yakubov, B.S. (2024) Qualitative and quantitative characteristics of the physical culture personnel in Crimea in the early 1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 189–196. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/21

Актуальность

Исследование вопросов становления и развития системы физической культуры в нашей стране продолжает оставаться актуальным и в сегодняшних усло-

виях. Особое значение приобретает внимательное рассмотрение первых десятилетий существования молодого советского государства, когда физическая культура становится неотъемлемой частью воспитания граждан. Внешнеполитические изменения, произо-

шедшие в конце 1920-х – начале 1930-х гг., в совокупности с внутриэкономическими преобразованиями внесли коррективы в функционирование многих отраслей народного хозяйства СССР, в том числе и в сферу физической культуры. Масштабные экономические планы государства, обозначенные решениями XVI съезда ВКП(б) в 1930 г., требовали повышения уровня физической подготовленности населения [1]. В соответствии с задачами социалистического строительства и пятилетних планов развития СССР партия и правительство ставили задачи подготовки здоровой и крепкой смены для «завершения дела коммунизма», отводя в этом важнейшую роль физкультурной работе среди различных слоев населения. Одной из основных проблем, стоящих на пути массового внедрения физической культуры и спорта в жизнь трудящихся страны, выступала резкая нехватка подготовленных физкультурных работников: руководящих кадров, инструкторов и преподавателей физической культуры.

В первое десятилетие после установления советской власти в Крыму на фоне ведомственного разноречия и неоднородности физкультурного движения наблюдался высокий уровень востребованности физкультурных кадров при существенной их нехватке и низком уровне квалификации основной массы задействованных работников. В начале 1930-х гг. физкультурное движение стало приобретать черты системы, обеспечивающей тесную взаимосвязь физической культуры с трудовой и оборонной деятельностью. Новые подходы в кадровой политике, предполагавшие массовую подготовку инструкторских кадров разной квалификации в соответствии с определенными квотами, были призваны в кратчайшие сроки переломить сложную ситуацию в отрасли физической культуры, сложившуюся за первое десятилетие существования советской власти в Крыму [2].

Проводя исторические аналогии, можно заметить ряд схожих задач и вызовов, стоявших перед органами управления физкультурным движением и народным образованием в 30-е гг. XX в. и современными министерствами и ведомствами, в связи с чем организация подготовки квалифицированных физкультурных кадров указанного периода все чаще становится предметом специального изучения в работах современных авторов. При рассмотрении развития физкультурного образования в отдельных регионах страны интерес представляют труды О. А. Румянцевой с соавт., где проведены теоретический анализ и обобщение материалов по истории развития физкультурного образования в Архангельской области [3]; историю становления физкультурного образования в Оренбуржье исследовали И.В. Карцева [4] и П.П. Тиссен [5]; основные вехи становления физкультурного образования Республики Башкортостан отмечены в работах Л.Ф. Сахибгареевой [6] и А.И. Ереминой [7]; определению этапов развития физкультурного образования в Якутии посвящены исследования Н.П. Олесова [8]; пути становления и развития высшего физкультурного образования в Карелии рассмотрены Е.А. Калининой и В.П. Умновым [9]. Аналогичными исследованиями были затронуты такие

регионы нашей страны, как Курский край [10], Красноярск [11], Западная Сибирь [12] и др.

Несмотря на наличие ряда публикаций по развитию системы подготовки кадров для физкультурной отрасли в Крыму в 1920-х гг. [2, 13], информация об организации этого процесса в начале 1930-х гг. в научном фонде полностью отсутствует.

Очевидное противоречие между необходимостью исследования постановки работы с физкультурными кадрами (с учетом количественного, качественного состава, особенностей подготовки) и практическим отсутствием научных работ, освещающих эти вопросы на территории Крымской АССР, определило основную **цель** данной работы: рассмотреть процессы становления профессионального физкультурного образования и системы подготовки кадров для отрасли физической культуры в Крымской АССР в начале 30-х гг. XX в. Были использованы общетеоретические и общесторические **методы исследования**. Базу источников исследования составила делопроизводственная документация советских органов управления физической культурой и образованием из фондов Государственного архива Республики Крым, большая часть которой впервые вводится в научный оборот.

Результаты и обсуждение

Основной формой обучения и проверки уровня квалификации физкультурных работников в 1920-х гг. в Крыму являлась курсовая подготовка и проведение квалификационных экспертиз. Для повышения квалификации были созданы постоянно действующие Объединения инструкторов (работников) физической культуры, ставшие обязательными для посещения всеми инструкторами и преподавателями физической культуры. Тем не менее профессиональный образовательный уровень большинства инструкторов республики был очень низким на фоне острой нехватки кадров на всех уровнях – от руководящего до низового. Внутриэкономические и внешнеполитические изменения конца 1920-х гг. стали предпосылкой для расширения физкультурной работы в стране и повлияли на дальнейшее формирование кадрового состава и строгую плановость организации его подготовки в 1930-х гг. на всех уровнях [2].

В начале 30-х гг. XX в. в крымском физкультурном движении была объявлена «чистка» от «враждебных элементов», которая, согласно резолюции Первой Всекрымской конференции по физической культуре (17 февраля 1930 г.) и решению Президиума Высшего совета физической культуры (ВСФК) Крыма (протокол № 4 от 8 марта 1930 г.), должна была завершиться до 10 апреля 1930 г. [14. Л. 15]. Проведение «чисток» часто вело к устранению части работников из рядов инструкторов физической культуры, многие из которых имели значительный опыт работы и квалификацию. В результате «бдительных проверок рядов физкультурных кружков» существенно ухудшилась и без того сложная кадровая ситуация в отрасли на полуострове.

В соответствии с постановлением Президиума ЦИК Крымской АССР ВСФК Крыма был реорганизован с возложением на него задач по руководству научно-исследовательской и учебной деятельностью в области физической культуры государственных органов и общественных организаций, а также созданию новых научно-учебных учреждений по физической культуре, организации краткосрочных курсов для подготовки работников по физической культуре [2]. В течение 1930 г. был запланирован и организован ряд мероприятий по подготовке инструкторов для физкультурных организаций Крыма, о чем регулярно поступали доклады с мест. Так, в мае 1930 г., заслушав доклад товарища Юрьева о военизации физической культуры и проведении физической подготовки в Осоавиахиме, ВСФК Крыма поручил районным советам физической культуры совместно с районными организациями Осоавиахима в предстоящий летний период организовать сеть краткосрочных курсов подготовки кадров физкультурных работников с военным уклоном. Материальное обеспечение курсов возлагали на районные структуры Осоавиахима (оплату работы лектора и помещения), советы физической культуры обеспечивали необходимые учебные пособия [14. Л. 21]. В протоколе заседания Президиума ВСФК Крыма № 12 от 24 сентября 1930 г. отражено, что был заслушан доклад инструктора военно-физической подготовки 3-й Крымской стрелковой дивизии Каневского о проведении курсов физической культуры для Красной армии. Курсы прошли удовлетворительно, однако вместо 70 человек их прошли лишь 24 [14. Л. 59].

На заседании пленума ВСФК при ЦИКе Крыма 10 декабря 1930 г. председателем Научно-методического комитета ВСФК Крыма Г.Д. Харабуга были предложены дальнейшие меры по обеспечению Крымской АССР кадрами по физической культуре. Руководящие кадры планировалось пополнять за счет направленных в Крым выпускников государственных институтов физической культуры. Для подготовки работников «среднего звена» предлагалось открыть Крымский техникум физической культуры. Подготовка же основной массы кадров в виде курсов различной продолжительности возлагалась на ВСФК Крыма и районные советы физической культуры [15. Л. 68–73].

В конце 1930 г. ВСФК СССР обратился ко всем областным и краевым советам физической культуры с вопросом о необходимости и важности создания при них секторов по учету кадров, без которых работа шла «в слепую». После этого при ВСФК Крыма был создан сектор кадров, разработавший план подготовки кадров на 1931 г. по четырем основным линиям: организации техникума физической культуры в Симферополе, проведении трехмесячных Всекрымских курсов деревенских работников по физической культуре, проведении семинаров помощников инструкторов физической культуры и актива силами районов и городов, а также включение вопросов организации и проведения массовой работы по физической культуре в курсы, проводимые райкомами и горкомаами Коммунистического союза молодежи (КСМ) и Осоавиахима и секторами кад-

ров всех организаций. В результате анализа потребности крымских организаций в инструкторах физической культуры ВСФК Крыма разработал план мероприятий по подготовке кадров различного уровня на 1931 г. (табл. 1). Планировалось подготовка 240 человек через семинары и курсы физкультурного актива различного уровня с указанием квот для кандидатов на их прохождение по социальному происхождению и национальности.

Таблица 1
Планируемые мероприятия по подготовке кадров по физической культуре на 1931 г. в Крыму [16. Л. 48]

Мероприятие по подготовке кадров	Кол-во мероприятий	Кол-во привлеченных преподавателей	Всего участников	Из них		В том числе татар
				рабочих	крестьян	
Набор в техникум физической культуры	1	10	40	15	15	10
Областные курсы физкультурного актива	1	10	40	10	30	20
Семинары актива по райкомам	10	50	200	100	100	60

Помимо вопросов подготовки, важнейшим разделом работы сектора кадров выступил учет имеющихся физкультурных кадров. Для этого было решено вести персональный учет по личным и должностным карточкам руководящего состава и работников областного масштаба, персональный учет всего инструкторского состава (по анкетной схеме) и количественный учет физкультурников с процентами основных показателей (социальное положение, национальность, партийность и т.д.).

Не менее важной задачей выступило закрепление имеющихся кадров. Для этого планировалось проработать среди всего руководящего состава и инструкторского состава (по городам и районам) решения ВСФК СССР о закреплении физкультурных работников, порядке их перемещения и отпусков.

Также было решено командировать в Московский и Ленинградский институты физической культуры не менее шести человек рабочих и крестьян из коренного населения, ознакомить всех физкультурных работников с порядком поступления в эти вузы, а существующему инструкторскому составу, желающему поступить в институты физической культуры в 1931 г., предлагалось согласовать этот вопрос с соответствующими советами физической культуры не позднее чем за три месяца до приема. Помимо этого, следовало вести решительную борьбу с имевшими место годичными отпусками выпускников институтов физической культуры.

Ввиду почти полного отсутствия в Крыму работников высшей квалификации ВСФК Крыма обратился в ВСФК СССР с просьбой обеспечить Крым таковыми в

течение ближайших двух выпусков Государственных институтов физической культуры.

Важным пунктом выступило положение о проведении работы по включению в штат всех руководств областных учреждений, проводящих физкультурную работу, штатных единиц инструкторов и инспекторов физической культуры.

Поскольку Крым являлся курортным регионом СССР, одним из важнейших направлений кадровой физкультурной работы выступило обеспечение имеющихся курортных учреждений кадрами по физической культуре. Для этого было решено вести строгий учет сезонных работников на курортах и контролировать их работу, разработать план частичного обеспечения курортов крымскими работниками, привлечь курортные управления к организации техникума физической культуры в Крыму и просить сектор кадров ВСФК СССР о командировании на четырехмесячную летнюю практику студентов Московского и Ленинградского институтов физической культуры, поступивших от Крыма [17. Л. 27].

На фоне острой нехватки физкультурных кадров не прекращался поиск новых форм массового привлечения населения страны к занятиям физической культурой. Одной из поддерживаемых форм проникновения физкультуры в частную жизнь всех социальных групп стала ежедневная трансляция на Всесоюзном радио с 1929 г. (с перерывом в 1941–1946 гг.) передачи «Утренняя гимнастика». Комплексы ее упражнений совершались под аккомпанемент фортепиано и периодически обновлялись, упражнения постепенно усложнялись. По отзывам радиослушателей, эти занятия повлияли на снижение заболеваемости населения, нормализацию ночного сна и заметное улучшение общего самочувствия, придавая в дневное время бодрость, энергию, повышая аппетит и позитивное настроение [18]. Осуществлялись попытки решения кадровой проблемы за счет использования средств радио. Так, в Крымском радиоцентре было решено, помимо утренней гимнастики по радио, проводить радиоконсультации по различным вопросам физической культуры, транслировать доклады, беседы и лекции, вести подготовку инструкторов физической культуры [19. Л. 8]. Работник ВСФК Крыма А. Найдич был направлен 1 мая 1931 г. на двухмесячные курсы по подготовке «Работников физической культуры по радио» в Москву [17. Л. 90–91].

ВСФК Крыма также принимал активное участие в обсуждении материалов по созданию заочного техникума физической культуры, который планировали организовать в виде «лабораторных сессий», проводимых три раза за трехлетний период обучения. Сессии предлагалось организовывать одновременно в нескольких крупных городах СССР (Ленинграде, Москве, Харькове, Баку). Крымские специалисты продолжали включать обязательно для национальных республик национальный язык и национальные виды физической культуры. Для Крыма следовало включить 40 учебных часов на крымско-татарский язык, 6 часов – для проработки крымско-татарской борьбы, 6 часов – на национальные танцы и 2 часа – на обучение «в виде проработки конного спорта» [20. Л. 137].

Однако идею открытия такого учебного заведения в стране реализовать так и не удалось.

В марте 1931 г. был проведен Всекрымский праздник физической культуры, который выявил ряд недостатков в развитии физкультурного движения в Крыму, в частности, «крайне плохое состояние с кадрами», что вызывало необходимость по линии Наркомпроса провести подготовку и переподготовку физкультурных педагогов по линии ФЗС, школ коммунистической молодежи, изб читален, политпросветработников и т.д. [21. Л. 82]. На заседании президиума ВСФК Крыма 7 апреля 1931 г. был заслушан доклад о деревенских курсах по физической культуре, после чего принято решение провести такие курсы для 40 человек, открыть их планировалось до мая 1931 г.; отбор кандидатов на курсы планировалось провести через Областной комитет Коммунистического союза молодежи [22. Л. 14].

Характеризуя положение с кадрами по состоянию на 3 мая 1931 г., в протоколе № 8 заседания президиума ВСФК Крыма отметили: «работников с высшей квалификацией – 4, 5–6 окончивших ФИЗО [физкультурное отделение] и техникумы по физической культуре. Основная часть те, кто прошел кратковременные курсы и имеющие большой практический стаж. Значительная часть – выдвиженцев – хороших физкультурников. Симферополь – 35 преподавателей, Керчь – 10, остальные районы 1–2» [22. Л. 38].

В июле 1931 г. в Совет народных комиссаров Крыма были представлены списки крымских инструкторов физической культуры для перевода их на 1-ю категорию по снабжению хлебом. Отмечалось, что «в школах и профсоюзных ячейках имеются инструкторы физической культуры, которые по роду своей деятельности имеют большую физическую нагрузку в течение 5–8 часов в день, между тем снабжение их проводится на общих основаниях со всеми служащими по 300 гр/день. Крымнаркомторг предлагает установить для них норму 600 гр/день на едока» [23. Л. 136]. Представленные списки дают представление об общем количестве штатных работников физической культуры по Крыму на середину 1931 г. Так, общее число оплачиваемых работников по физической культуре по Крыму составило 81 человек, из которых в Симферополе – 30, Севастополе – 14, Керчи – 13, Феодосии – 6, Евпатории – 14, Джанкое – 6, Карасубазаре – 2, Ялте – 13, Бахчисарае – 3 человека [23. Л. 143].

Потребность в кадрах значительно возросла после введения в СССР комплекса ГТО (1931 г) как нормативной основы физической культуры. Проведенные в течение лета и осени 1931 г. в городах Крыма заседания президиумов городских советов (в Керчи, Севастополе, Ялте и др.), на которых среди прочих вопросов обсуждался перестройка физкультурной работы, отмечали недопустимость отсутствия систематической подготовки физкультурных кадров на краткосрочных курсах помощников инструкторов. Так, на заседании президиума Севастопольского городского совета VIII созыва 16 июля 1931 г. было решено создать широкие курсы квалифицированных физкультурников через систему кружков на предприятиях [23. Л. 16].

Ялтинский районный исполнительный комитет на своем президиуме 2 сентября 1931 г. постановил организовать курсы коренного населения (татар) для работы в колхозах и совхозах по физической культуре с выделением для этого средств от райколхоза, провести ряд семинаров с работниками города по линии отделов народного образования, Осоавиахима и профсоюзов [24. Л. 18]. Крымколхозсоюз на заседании своего правления 2 сентября 1931 г. решил организовать краткосрочные курсы (не менее 3 месяцев) практических работников по физической культуре, разбив их на два сектора – русский и татарский [24. Л. 22]. Проведены были также в 1931 г. курсы по физической подготовке в 3-й Крымской стрелковой дивизии для ротных инструкторов по физической подготовке с планом на 70 человек. Прошли подготовку 31 человек [25. Л. 75].

Для обеспечения качественных показателей подготовки кадров для физкультурной работы в 1932 г. планировалось провести стационарную подготовку в следующих учебных заведениях: Крымском техникуме физической культуры с 1 января 1932 г. – 40 человек, с 1 октября 1932 г. – 80 человек; в Татарском педагогическом техникуме с 1 января 1932 г. – 40 человек, с 1 октября 1932 г. – 60 человек. Помимо этого, через краткосрочные курсы планировали подготовить 224 инструктора, через заочные курсы по радио – 1 070 человек. На эту работу было необходимо выделение средств в сумме 225 884 руб.: для Крымского техникума физической культуры – 86 699 руб., для Татарского педагогического техникума – 64 145 руб., для курсовой подготовки – 65 000 руб. и для заочных курсов по радио – 10 000 руб. [26. Л. 40–41].

Опираясь на решение Бюджетной комиссии ЦИК СССР, ЦИК Крымской АССР постановил: с 1 октября 1931 г. в г. Симферополе организовать техникум физической культуры с приемом первого года обучения в количестве 40 человек. Также было решено открыть отделение физической культуры при Татарском педагогическом техникуме в г. Ялте [17. Л. 27, 88, 192]. Для работы в техникуме физической культуры ВСФК СССР направил выпускников Государственного центрального института физической культуры (ГЦИФК) Л.В. Никольского, А.С. Тихонова и А.Я. Зильбера, а для работы в Татарском педагогическом техникуме в г. Ялте – выпускника Зорина, что позволило усилить преподавательский состав по специальным спортивным дисциплинам. Высший совет физической культуры Крыма провел активную подготовительную работу и в сжатые сроки, решив ряд кадровых, материальных и организационных проблем, выполнил поставленные задачи. Учебным заведениям, несмотря на большое количество трудностей, удалось в течение двух лет успешно проводить работу по подготовке физкультурных кадров. В 1933 г., после предоставления Крымскому техникуму физической культуры собственного помещения, он был переведен в г. Феодосию; туда же был переведен контингент из физкультурного отделения Ялтинского татарского педагогического техникума.

Уже конце мая 1932 г. студенты Крымского техникума физической культуры были направлены на

первую производственную практику, помогая крымским учреждениям в организации физкультурной работы. В социальный сектор деревни было направлено 26 человек, в Керчь – 5 человек, в Севастополь – 2, в Симферополь – 1. В Керчи и Севастополе в качестве базы для практики были задействованы коллективы физической культуры Госметзавода, Рыбтреста, Военпорта и железной дороги [27. Л. 20–23].

К концу 1932 г. ситуация с физкультурными кадрами в Крымской АССР продолжала оставаться сложной. За год удалось провести в районах и городах 13 курсов, на которых прошли подготовку 169 человек (табл. 2), однако большую часть выпускников направляли на другие участки работы, так что они уходили из отрасли физической культуры. При этом рост коллективов физической культуры и числа физкультурников значительно опережал рост числа подготовленных физкультурных кадров.

Таблица 2
Состояние физической культуры в городах и районах Крыма за 1932 г. (на 1 января 1933 г.) [28. Л. 2–17]

Совет физической культуры	Счло коллективов физической культуры	Количество физкультурников	Проведено курсов	
			количество курсов	количество участников
Симферопольский ГСФК	27	1 011	1	16
Джанкойский РСФК	14	499	–	–
Феодосийский ГСФК	8	470	3	52
Севастопольский ГСФК	21	1 281	2	10
Керченский ГСФК	5	4 600	4	66
Бахчисарайский РСФК	11	560	1	7
Карасубазарский РСФК	16	577	1	8
Старокрымский РСФК	12	320	1	10
Биюк-Онларский РСФК	3	152	–	–

На 1933 г. контрольные цифры подготовки кадров по физической культуре составили:

- через 3-месячные вечерние курсы без отрыва от производства (в Симферополе, Севастополе, Керчи, Феодосии, Ялте, Бахчисарае, Евпатории, Карасубазаре, Джанкое) прошли 200 человек;
- через 3-месячные областные курсы с отрывом от производства (при организациях Крымского совета профессиональных союзов, Крымпромокооперации и Наркомпросе) – 143 человека;
- через месячные курсы работников с отрывом от производства (в Ялте, Бахчисарае, Евпатории, Карасубазаре, Джанкое, а также в районах – Алуштинском, Биюк-Онларском, Балаклавском, Ишуньском, Сейтлерском, Старокрымском, Судакском, Симферопольском, Ак-Мечетьском, Фрайдорфском, Ленинском) – 285 человек;
- через областные 6-месячные курсы с отрывом от производства при Крымском совете профессиональных союзов – 20 человек;

– на мероприятиях по подготовке спортивных судей в городах и районах Крыма – 640 человек [29. Л. 18].

В итоге проведенных мероприятий к началу второй пятилетки (1933 г.) Крымская АССР значительно улучшила как количественные, так и качественные показатели кадрового обеспечения отрасли физической культуры (табл. 3).

Таблица 3

Показатели кадрового обеспечения физкультурными работниками организаций и учреждений Крымской АССР в 1933 г. [30. Л. 2–17]

Организации	Высшее образование	Среднее специальное образование	Курсы продолжительностью 1 год	Курсы продолжительностью менее 1 года	Без образования	Всего
Советы физической культуры и физкультурные учебные заведения	9	1	2	10	8	30
Профсоюзы	3	1	–	15	9	28
Промкооперация	–	–	–	1	–	1
Колхозы	–	–	–	10	–	10
Учебные заведения Наркомпроса	1	2	5	11	9	28
Лечебно-профилактические учреждения	17	20	1	3	3	44
Прочие организации	–	6	3	9	3	21
Всего	30	30	11	59	32	162

Так, в сравнении с 1930 г. количество физкультурных работников увеличилось вдвое – с 81 до 162 человек. В советах физической культуры, Крымском техникуме физической культуры в Симферополе и Татарском педагогическом техникуме в Ялте работало 30 человек, в коллективах физической культуры по линии профсоюзов – 28, Промкооперации – 1, в колхозах – 10, в учебных заведениях Наркомпроса – 28, лечебно-профилактических учреждениях – 44 и в прочих организациях – 21 человек. Среди работников физической культуры Крыма в 1933 г. мужчин было 146, женщин – 16, членов ВКП(б) – 27, членов ВЛКСМ – 35. Стаж работы в отрасли физической культуры от 1 года до 3 лет имели 78 работников, от 3 до 8 лет – 47, более 9 лет – 37 человек.

Значительно улучшились и показатели по уровню образования. Так, физкультурных работников с высшим и средним специальным образованием в Крыму в 1933 г. было по 18,5% соответственно, прошедших курсы продолжительностью один год – 6,8%, курсы продолжительностью менее одного года – 36,4%. Работников отрасли без специального образования было 19,7%. Основная часть работников с высшим образованием работала в высшем и местных советах физической культуры, крымских вузах, техникуме физической культуры, а также в лечебно-профилактических учреждениях Крыма. Однако следует отметить, что в крымских лечебно-профилактических учреждениях (санаториях, детском лагере «Артек», институтах климатологии) на физкультурных должностях работали в основном специалисты с высшим либо средним медицинским образованием. Работников с высшим физкультурным образованием по Крыму на 1933 г. было 14, а расчетная потребность составляла 45 специалистов. В целом по Крыму потребность в физкультурных кадрах оценивалась почти в 1 000 человек, доля фактического наличия составляла лишь 16,2%.

Заключение

Исследование показало, что основным способом подготовки инструкторов и организаторов работы по физической культуре в Крымской АССР в начале 1930-х гг. оставалась курсовая подготовка, которой и соответствовал образовательный уровень большинства физкультурных работников (43,2%). В отсутствие на полуострове высших физкультурных учебных заведений выпускники государственных институтов физической культуры, распределенные в учреждения Крыма, удовлетворяли лишь на треть потребность в кадрах с высшим физкультурным образованием; данных специалистов привлекали к организации физкультурной работы в советах физической культуры, на крупных предприятиях полуострова, а также в качестве педагогических работников в крымских высших учебных заведениях и Крымском техникуме физической культуры. Несмотря на поступательный рост количества и уровня подготовленности физкультурных работников в начале 30-х гг. XX в., в Крыму сохранялся их дефицит, который был обусловлен характерными для того времени общегосударственными явлениями: «чисткой рядов», нехваткой средств и текучестью кадров.

В целом кадровая ситуация в отрасли физической культуры Крымской АССР в начале 30-х гг. XX в. развивалась аналогично таковой в других регионах страны (Западной Сибири, Архангельской и Оренбургской областей, Курского Края и др.). В числе особенностей кадрового обеспечения физической культуры в Крыму исследуемого периода можно назвать системность работы ВСФК Крыма в подготовке кадров для отрасли, реализацию политики «коренизации» при подготовке физкультурных кадров в Крыму как национальной республике, привлечение значительного количества медицинских специалистов на физкультурные должности в курортных лечебных и профилактических учреждениях.

Список источников

1. Сарычева Т.В. Качественная и количественная характеристика кадрового состава сферы физической культуры в Западной Сибири в 1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 126–132.
2. Мутьев А.В. Кадровое обеспечение физической культуры и спорта в первое десятилетие после установления советской власти в Крыму // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 151–159. doi: 10.17223/15617793/498/17
3. Румянцова О.А., Шарапов А.С., Размахова С.Ю., Потапов Д.А. История развития физкультурного образования в Архангельской области // Теория и практика физической культуры. 2023. № 10. С. 3–5.
4. Карцева И.В. История физкультурного образования в Оренбуржье // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всерос. конф., Оренбург, 2017. С. 2669–2672.
5. Тиссен П.П. Исторические аспекты становления региональной системы физкультурного образования в Оренбургской области // Образование и личность: методологические и прикладные основания : сб. ст. Оренбург, 2021. С. 328–332.
6. Сахибгареева Л.Ф. Из истории развития физкультурного образования Республики Башкортостан // Век в спорте: от прошлого к будущему : сб. ст. конф. Уфа, 2023. С. 111–117.
7. Еремина А.И. Развитие системы физкультурного образования в Башкирской АССР в 1917–1941 годы // Вестник Белгородского института развития образования. 2019. Т. 6, № 1(11). С. 8–15.
8. Олесов Н.П. Исторический обзор становления и развития профессионального физкультурного образования в Якутии // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-1. С. 218–222.
9. Калинина Е.А., Умнов В.П. Преемственность физкультурного образования на региональном уровне // Теория и практика физической культуры. 2022. № 2. С. 3–4.
10. Цуканова О.М., Карпова Г.Г. Проблемы кадрового обеспечения физкультурной работы в школах Курского края (1918–1940 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12. № 6. С. 215–223.
11. Bliznevsky A.Yu., Bliznevskaya V.S. Promotion of Professional Educational Environment in the Field of Physical Education and Sport in the Krasnoyarsk Territory // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2012. Vol. 5, № 8. P. 1059–1068.
12. Сарычева Т.В. Кадровая обеспеченность Западно-Сибирского региона в период становления и развития советской системы физической культуры в 1920–1930-е гг. // Актуальные вопросы физической культуры и спорта : материалы Всерос. конф. Томск, 2019. С. 72–77.
13. Мутьев А.В., Коваленко Ю.А., Юнус М.А. Содержание и формы подготовки и повышения квалификации кадров для физической культуры и спорта в Крыму 1920-х – начале 1930-х годов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2024. Т. 10, № 2 (76). С. 71–80.
14. Государственный архив республики Крым (ГАРК). Ф. Р-1209 (Комитет республиканский по делам физической культуры и спорта при Совете народных комиссаров Крымской АССР, г. Симферополь Крымской АССР). Оп. 2. Д. 3.
15. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 4.
16. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 21.
17. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 11.
18. Шадрин С.С. «Союз нерушимый...»: формирование физической культуры и здорового образа жизни в Советском государстве (1917–1991 гг.) // Вестник Российской нации. 2022. № 3 (85). С. 19–56.
19. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 6.
20. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 14.
21. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 22.
22. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 16.
23. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 25.
24. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 31.
25. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 19.
26. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 56.
27. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 36.
28. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 41.
29. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 33.
30. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 40.

References

1. Sarycheva, T.V. (2016) Qualitative and Quantitative Characteristics of Staff in the Physical Culture Sphere in Western Siberia in the 1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 404. pp. 126–132. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/404/20
2. Mut'ev, A.V. (2024) Staffing of physical culture and sports in the first decade after the establishment of Soviet power in Crimea. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 151–159. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/17
3. Rumyantseva, O.A. et al. (2023) Istoriya razvitiya fizkul'turnogo obrazovaniya v Arkhangel'skoy oblasti [History of the development of physical education education in Arkhangelsk Oblast]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 10. pp. 3–5.
4. Kartseva, I.V. (2017) [History of physical education in the Orenburg region]. *Universitetskiy kompleks kak regional'nyy tsentr obrazovaniya, nauki i kul'tury* [University complex as a regional center of education, science and culture]. Conference Proceedings. Orenburg. pp. 2669–2672. (In Russian).
5. Tissen, P.P. (2021) Istoricheskie aspekty stanovleniya regional'noy sistemy fizkul'turnogo obrazovaniya v Orenburgskoy oblasti [Historical aspects of the formation of the regional system of physical education education in Orenburg Oblast]. In: *Obrazovanie i lichnost': metodologicheskie i prikladnye osnovaniya: sb. st.* [Education and personality: methodological and applied foundations: articles]. Orenburg. pp. 328–332.
6. Sakhibgarееva, L.F. (2023) [From the history of the development of physical education in the Republic of Bashkortostan]. *Vek v sporte: ot proshlogo k budushchemu* [A century in sports: from the past to the future]. Conference Proceedings. Ufa. pp. 111–117. (In Russian).
7. Eremina, A.I. (2019) Razvitie sistemy fizkul'turnogo obrazovaniya v Bashkirskoy ASSR v 1917–1941 gody [Development of the physical education system in the Bashkir ASSR in 1917–1941]. *Vestnik Belgorodskogo instituta razvitiya obrazovaniya*. 6:1(11). pp. 8–15.
8. Olesov, N.P. (2019) Istoricheskiy obzor stanovleniya i razvitiya professional'nogo fizkul'turnogo obrazovaniya v Yakutii [Historical review of the formation and development of professional physical education education in Yakutia]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 62-1. pp. 218–222.
9. Kalinina, E.A. & Umnov, V.P. (2022) Preemstvennost' fizkul'turnogo obrazovaniya na regional'nom urovne [Continuity of physical education education at the regional level]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 2. pp. 3–4.
10. Tsukanova, O.M. & Karpova, G.G. (2022) Problemy kadrovogo obespecheniya fizkul'turnoy raboty v shkolakh Kurskogo kraia (1918–1940 gody) [Problems of staffing physical education work in schools of the Kursk region (1918–1940)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*. 12 (6). pp. 215–223.
11. Bliznevsky, A.Yu. & Bliznevskaya, V.S. (2012) Promotion of Professional Educational Environment in the Field of Physical Education and Sport in the Krasnoyarsk Territory. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 5 (8). pp. 1059–1068.

12. Sarycheva, T.V. (2019) [Staffing of the West Siberian region during the formation and development of the Soviet system of physical education in the 1920s–1930s]. *Aktual'nye voprosy fizicheskoy kul'tury i sporta* [Current issues of physical education and sports]. Conference Proceedings. Tomsk. pp. 72–77. (In Russian).
13. Mut'ev, A.V., Kovalenko, Yu.A. & Yunus, M.A. (2024) Soderzhanie i formy podgotovki i povysheniya kvalifikatsii kadrov dlya fizicheskoy kul'tury i sporta v Krymu 1920-kh – nachale 1930-kh godov [Content and forms of training and advanced training of personnel for physical education and sports in Crimea in the 1920s – early 1930s]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya*. 10:2 (76). pp. 71–80.
14. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209 (Komitet respublikanskiy po delam fizicheskoy kul'tury i sporta pri Sovete narodnykh komissarov Krymskoy ASSR, g. Simferopol' Krymskoy ASSR [Republican Committee for Physical Culture and Sports under the Council of People's Commissars of the Crimean ASSR, Simferopol, Crimean ASSR]). List 2. File 3.
15. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 4.
16. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 21.
17. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 11.
18. Shadrin, S.S. (2022) "Soyuz nerushimyy...": formirovaniye fizicheskoy kul'tury i zdorovogo obraza zhizni v Sovetskom gosudarstve (1917–1991 gg.) ["The Unbreakable Union...": Formation of Physical Culture and Healthy Lifestyle in the Soviet State (1917–1991)]. *Vestnik Rossiyskoy natsii*. 3 (85). pp. 19–56.
19. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 6.
20. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 14.
21. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 22.
22. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 16.
23. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 25.
24. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 31.
25. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 19.
26. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 56.
27. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 36.
28. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 41.
29. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 33.
30. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 40.

Информация об авторах:

Мут'ев А.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: dsport76@mail.ru

Якубов Б.С. – аспирант кафедры педагогики Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: bilyal.yakubov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Mutiyev, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: dsport76@mail.ru;

B.S. Yakubov, postgraduate student, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: bilyal.yakubov@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.09.2024;
одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 13.09.2024;
approved after reviewing 30.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

Научная статья
УДК 8-81
doi: 10.17223/15617793/507/22

К вопросу о проблеме интерязыка, интерференции и билингвальных моделей: теоретические и прикладные аспекты

Нина Николаевна Рогозная¹, Мария Александровна Давыдова²

¹ Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия, nnrogoznaia@pushkin.institute

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, mdav95@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме речевой интерференции, формированию интерязыка и роли билингвальных моделей в процессе обучения иностранным языкам, в частности русскому как иностранному. Дается обзор отечественных и зарубежных работ по теме исследования, предпринимается попытка отследить, как менялось отношение к интерязыку на протяжении последних десятилетий. Делается вывод о прямой зависимости типа интерференции от уровня языковой подготовки инофона. Исследование носит конвергентный характер и выполнено в рамках системно-структурного подхода.

Ключевые слова: лингводидактика, русский язык как иностранный, билингвизм, билингвальные модели, интерференция, интерязык, языковые контакты, вторичная языковая личность

Для цитирования: Рогозная Н.Н., Давыдова М.А. К вопросу о проблеме интерязыка, интерференции и билингвальных моделей: теоретические и прикладные аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 197–205. doi: 10.17223/15617793/507/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/22

The problem of language interference, interlanguage and bilingual models: Theoretical and practical aspects

Nina N. Rogoznaya¹, Maria A. Davydova²

¹ Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation, nnrogoznaia@pushkin.institute

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, mdav95@mail.ru

Abstract. The article discusses the problem of interference manifestation in the language and speech of foreign speakers of different levels, the issues of interlanguage formation and the specifics of bilingual models functioning in the secondary linguistic personality. The authors' aim is to consider the dynamics of comprehension in linguistics and learning theory of the issues of interlanguage, speech interference, their peculiarities, as well as theoretical prerequisites for the creation of bilingual models and their further use in practice by teachers of foreign languages. The authors attempt to trace how scientific and methodological attitude to the phenomenon of interlanguage has been changing over the past decades, give definitions of key terms, makes their comparison, assesses their validity. The contribution of some domestic and foreign linguistic scholars to the development of the theory of language contact and interlanguage at different stages of its development is noted. The novelty of the study is dictated by the insufficient number of works that systematize scientific views on the nature of interlanguage and speech interference in the aspect of didactics and taking into account the historical dynamics of their comprehension. The authors note that interlanguage is formed in the space between the learner's native language and the new language being mastered in the process of educational and social activities, and it is influenced by many factors – learning motivation, learner's cognitive-psychological features, methods of teaching, time parameters, specificity of the structures of both languages, etc. The degree of interference correlates with the levels of language acquisition: it is most pronounced at the elementary and basic levels, and then gradually disappears, leading to the native speaker level. The article is carried out within the framework of the convergent approach. The authors take into account the theories of emergent and synergetic knowledge, and the main method of research is typological-comparative. As a result, the author comes to the conclusion that many aspects of the concept of interlanguage at the present stage of development of learning theory and the theory of language contacts can receive a new practical realization. Foreign language teachers can use the findings of specialists from the field of psycholinguistics, neurolinguistics, linguistics, using them to create methods of developing verbal intelligence, associative memory and grammatical sensitivity aimed at developing language ability. The authors note at the end that at present there is a steady interest in the study of speech interference issues, which requires addressing new technologies, a non-standard approach to teaching foreign languages to optimize the process of mastering. That is why it is relevant to involve mathematical models. The theory of interlanguage should be comprehended and generalized in a new vision.

Keywords: linguodidactics, Russian as foreign language, bilingualism, bilingual models, interference, interlanguage, language contacts, secondary language personality

For citation: Rogoznaya, N.N. & Davydova, M.A. (2024) The problem of language interference, interlanguage and bilingual models: Theoretical and practical aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 197–205. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/22

Введение

Вопросы интерференции, изучения причин речевых нарушений, природы билингвизма, двуязычия и многоязычия на научно-теоретическом уровне стали активно освещаться в отечественной и зарубежной лингвистике во второй половине XX в. (1970–2000 гг.). На Западе и в США проблематика традиционно рассматривалась в границах интересов прикладного языкознания, в России – в рамках теории обучения, методики преподавания иностранных языков и сопоставительной лингвистики, а также частично в лингвокультурологии и теории языковой личности (далее – ЯЛ). Некоторые исследователи предлагали даже выделять особое направление – контактную лингвистику, или лингвистику языковых контактов [1].

Поскольку языковые проблемы данного научного аспекта связаны с вопросами взаимопроникновения культур, их взаимовлияния и взаимообогащения, а также с вопросами миграционной политики, социально-языковой адаптации, они остаются **актуальными** и по сей день. Материал, полученный в ходе изучения процессов билингвизма и возникновения интерязыка, может стать благодатной почвой для исследования ряда нелингвистических проблем: исторических, этнологических, социологических, психолингвистических, психологических, антропологических и др. Так, изучение особенностей проявления лингвистической интерференции может дать ценную информацию и ответы на некоторые вопросы: какие промежуточные формы билингвизма и на каком языковом уровне выявляются в конкретной группе учащихся и почему; как формируется речь ребенка в двуязычной среде и каковы причины сильно выраженного акцента на том или ином языковом уровне; как протекают процессы языковой адаптации и социализации в иноязычной среде и т.д.

На современном этапе развития науки вопросы билингвизма и теории языковых контактов становятся традиционно объектом изучения математиков, физиологов, инженеров, кибернетиков, разработчиков систем искусственного интеллекта и т.д. Обусловлен такой интерес и тем фактором, что, по замечанию И.П. Пугачевич и Н.Н. Рогозной, «в современном мире двуязычие приобретает массовый характер» [2. С. 437].

Тенденция к синергии научного знания обеспечила совмещение в гуманитарном направлении не только подходов из разных областей «человекознания», но и внедрение ряда математических и инженерных подходов и схем для поиска решения проблемы интерференции и билингвизма.

Обзор литературы

В настоящей статье используется центральный термин теории языковых контактов – *билингвизм*, под которым нами понимается «языковая способность владения и попеременного пользования более чем одним языком» [3. С. 30].

Вместе с тем существует и более широкий подход, когда билингвизм понимается как слагаемое семантического объема такого понятия, как двуязычие. Важно подчеркнуть, что «двуязычие имеет социальный характер и локализуется в общественных отношениях, а билингвизм представляет собой языковую способность личности и локализуется в коре головного мозга говорящего» [3. С. 30]. Вслед за У. Вайнрайхом мы выделяем следующие функциональные типы билингвизма как наиболее точно отражающие когнитивную сущность явления: координативный, коррелятивный и субординативный. Координативный тип билингвизма предполагает сосуществование в сознании говорящего двух автономных и не взаимодействующих систем. При коррелятивном билингвизме имеет место совмещение двух систем в плане содержания, при этом они координированы в плане выражения. Субординативный билингвизм предусматривает частичное подчинение второго языка первому [4. С. 6]. В практике преподавания языков имеет место субординативный билингвизм.

У. Вайнрайх понимает *двуязычие* как возможность попеременно использовать то один язык, то другой в зависимости от экстралингвистических факторов: «...чисто лингвистическое изучение языкового контакта должно координироваться с экстралингвистическим изучением двуязычия и связанных с ним явлений... Выводы лингвиста, если он изучает языковые взаимодействия, не учитывая при этом социокультурного окружения данного языкового контакта, остаются как бы повисшими в воздухе» [5. С. 26–27].

Е.М. Верещагин минимизирует роль социальных факторов и считает билингвизм прежде всего психическим механизмом, который позволяет его носителю «воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам» [6. С. 34].

В данной статье *двуязычие* понимается как социолингвистическое явление, результат функционирования контакта, представляющего собой сложную форму развития системы в языковом сознании социально адаптированной билингвальной личности, т.е. прежде всего как социолингвистический феномен, возникающий в ответ на установление новых социальных связей [3, 7]. Кроме того, следует учитывать, что в процессе изучения двуязычия имеют место «психолингвистические, индивидуально-психические, когнитивные и социально-идеологические аспекты» [2. С. 437].

На современном этапе «в лингвистической литературе при описании языковых контактов нет единого подхода к пониманию терминов “двуязычие” и “билингвизм”». Причина заключается в том, что «до сих пор отсутствует ...всеми признанная теория межязыковых контактов, так необходимая современности» [8. С. 307].

Еще одно необходимое для настоящей статьи понятие – *интерференция* – заимствовано из физики, где термин обозначает наложение нескольких видов волн,

в результате чего происходит их двустороннее усиление или ослабление, а волны получают дополнительное распространение в пространстве. «Интерференционная языковая картина» в рамках теории обучения русскому языку как иностранному (далее – РКИ) представляется системой нарушений в русской речи иностранцев. В зависимости от того, на каком языковом ярусе выявлены нарушения, различают графоференты, фоноференты, граммаференты, лексоференты, синтаференты и прагмаференты, при этом важно подчеркнуть условный характер такого разграничения, поскольку определить переход от одного уровня к другому представляется затруднительным. Вместе с тем можно утверждать, что один языковой уровень представляет собой базовый, «строительный» материал для другого (графика для фонетики, лексика для грамматики и т.д.) [3]. Рассмотрим примеры графической интерференции в письменной русской речи японцев. К данному типу нарушений можно отнести следующие случаи: 1) слитное написание слов (*вслучае успехов...* – *в случае успехов..., настол...* – *на столе..., реагирующая...* – *реагировать на...*); 2) расчленение слова на значащие части (*Я опоздал, по тому что про спал* – *Я опоздал, потому что проспал*); 3) перестановка букв (*кулб* – *клуб, специалистмаи* – *специалистами*); 4) пропуск букв или слогов (в пропускаемых преобладают гласные): а) в начале слова – *В чтверг* (*четверг*) я обязательно *пердам* (*передам*) книгу и *првет* (*привет*) от вас; б) середине слова – Я хочу работать *перебочком* (*переводчиком*), *Обсужение* (*обсуждение*) затянулось, Он обратился в больницу за *помцью* (*помощью*), в) в окончаниях слов – Нам *все* (*всем*) понравилась школа; 5) лишняя буква или несколько букв слога в слове (часто «лишними» становятся гласные): Билеты на *конкурса* (*конкурс*) имени Чайковского, Он был *посолом* (*послом*) в Японии [3. С. 114–115]. Отметим, причины появления графоферентов могут быть связаны как с отличной, так и похожей алфавитной графикой в родном и изучаемом языках.

Таким образом, ошибка рассматривается как производное речевой интерференции, отражающее этап формирование языковой и коммуникативной компетенций на переходном этапе, а само явление интерференции связывается с функционированием *интерязыка* и проявляется в наличии собственно интерференции и акцента (в широком понимании это подчинение чужой структуры языка навыкам своей родной) [4]. Подчеркнём, в настоящей статье указанные два термина (акцент и интерференция) разграничены: «<...> интерференция локализована в говорящем субъекте, а акцент – в слушающем» [3. С. 29], при этом в последнем отражён социолингвистический аспект (акцент предполагает специфику восприятия речи носителем языка; вместе с тем и интерференция, и акцент могут проявляться в грамматике и словообразовании, но природа их локализации различна [3. С. 94]. Отметим, У. Вайнрайх также выделяет социолингвистическую составляющую в акценте [5].

Обратимся к рассмотрению явления интерязыка. Считается, что термин «интерязык» впервые был упо-

треблен Л. Селингером в статье 1969 г. «Языковые переносы» в значении «индивидуальная языковая система обучающегося, формирующаяся при изучении неродного языка и отражающая промежуточную компетенцию между родным и изучаемым неродным языком». Написание термина обусловлено его калькированной природой и необъяснимо с точки зрения правил современного русского языка.

Важно отметить, что в кругу лингвистов побеждает позиция оценивания интерференции как исключительно негативного влияния родного языка на процесс изучения иностранного языка вообще и русского в частности. Суть такого влияния заключается в том, что нормы и законы овладения языком учащиеся воспринимают неизменно через призму родного. При теоретическом объяснении этого явления часто дается отсылка к понятию «отрицательный языковой материал», введенному в научный оборот академиком Л.В. Щербой и называемому скорее результат такого взаимодействия языков – высказывание, недоступное для понимания, а потому коммуникативно не эффективное [9].

В работах последних лет предлагается изменить ракурс понимания оценки явления речевой интерференции со знаком «+» и «–». Мы предлагаем толковать интерференционное отрицательное влияние родного языка как собственно интерференцию, а положительное влияние как транспозицию. В современной лингводидактике широко исследуется и описывается явление интерференции. На сегодняшний день явление транспозиции представляет собой «terra incognita» и еще ждет своих исследователей, поскольку механизм положительного переноса, вероятно, имеет другую природу образования и функционирования. Можно высказать предположение, что транспозиция предполагает включение в этот механизм многих экстралингвистических, психолингвистических, когнитивных, физиологических, культурологических и др. факторов.

Безусловным плюсом современного этапа развития теории языковых контактов является тот факт, что конкретные проявления интерязыка (лакуарность, гиперсистематизация, изменчивость, единицы уровневой интерференции – граммаференты, фоноференты и пр.) достаточно подробно описаны в разных языковых комбинациях (русский – французский [10], русский – турецкий, японский, монгольский, немецкий и французский [4, 11], русский – адыгейский [12], русский – китайский [13], французский – конголезский [14], русский – немецкий [15], французский – суахили, лингала, киконго и килуба [16] и ряд других), а значит, они могут стать материалом для системной методологической работы при создании национально ориентированных учебно-методических пособий и учебников.

В лингво-математическом исследовании В.Г. Кирья и Н.Н. Рогозной [17] приводятся важные статистические данные о том, что только 5% инофонов в результате многолетнего обучения достигают уровня «координативного билингвизма» (=двуязычия), при котором уровень владения иностранными языками сопоставим с родным; при этом 95% обучающихся следует характеризовать как «субординативных билинг-

вов», которые характеризуются периодическим «откатом знаний» в силу невостребованности новой лингвистической системы либо укреплением коммуникативного опыта и изменением интерязыка в сторону положительной динамики. Результаты этого исследования подтверждают тот факт, что работа с интерференцией должна вестись на всех этапах обучения иностранным языкам (элементарный, базовый, продвинутый).

Исследователи предлагают различные схемы управления интерференцией, но на сегодняшний день этот вопрос требует дальнейшего научного поиска и разработки. Одной из продуктивных идей нам представляется обращение к эмерджентности (языковой системы), под которой понимается «свойство целостности системы, рождающееся при взаимодействии компонентов системы» [18. С. 112]. Предполагаем вслед за разработчиками теории языковой эмерджентности, что столь необходимое в процессе обучения «приращение смысла» (речевые ситуации; вербальные, графические и семиотические модели, свобода модифицировать текст) может стать управляемым следствием «синергирования языковых ресурсов на основе инвариантных моделей языковой системы» в процессе обучения [19]. То есть в процессе накопления знаний об отдельных языковых единицах, их грамматических формах, речевых образцах и т.д., умений их использовать в практике речи закономерно должен происходить тот самый переход количества в качество, формирование надязыкового пространства, которое и позволит говорить о сформированной коммуникативной компетенции, исключающей интерференцию. По замечанию еще одного исследователя, П.Н. Барышникова, «языковая эмерджентность представляет лишь виток эволюции: язык, сознание, культура, технологии – однородные явления, направленные на эффективное решение эволюционных задач» [20. С. 26]. Отчасти этим процессом может управлять преподаватель РКИ, которому могут помочь наши рекомендации, представленные в основной части статьи.

Новизна исследования продиктована недостаточным количеством работ, которые бы систематизировали научные воззрения на природу интерязыка и речевой интерференции в аспекте лингводидактики.

Цель настоящей статьи – рассмотреть динамику осмысления в лингвистике и методике преподавания РКИ вопроса интерязыка, речевой интерференции, их особенностях и создания билингвальных моделей в практике овладения иностранным языком.

В качестве предмета исследования определен феномен речевой интерференции (а также интерязыка и создания билингвальных моделей), рассмотренный через призму научного знания и представленный в его развитии – ретроспективе и перспективе.

Объектом изучения и описания становится научное осмысление понятия интерязыка на разных этапах его развития.

Методика и методология исследования

Исследование носит теоретико-аналитический характер и выполнено в рамках конвергентно-дивергентного подхода, с учетом синергетической парадигмы

современного гуманитарного знания. На основе типолого-сопоставительного подхода использованы методы: аналитический, сравнительный, сопоставительный, метод синтеза и обобщения основных достижений в рамках темы исследования.

История вопроса

Теоретическое осмысление проблем, вызванных взаимодействием языков в сознании обучающегося, традиционно связывается с именами отечественных и зарубежных лингвистов – У. Вайнрайха, С.П. Кордера, В. Кук, Г. Сусана, Т. Мейсона, Л. Селинкера, В.В. Виноградова, Е.М. Верещагина, А.А. Залевской, В.М. Шаклеина, С.Н. Цейтлин, Н.Н. Rogozной, Н.Д. Гальсковой, Д.И. Изаренкова, Г.И. Богина, Э.Г. Азимов, В.Г. Гака, А.Н. Щукина, Р.К. Миньяр-Белоручева, Е.И. Пассова, Ю.Н. Караулова, А.Е. Супрун и др.

Традиционно результатом языковых контактов является феномен появления интерязыка, который связан с субординативным билингвизмом, достижение высшей степени которого можно приравнять к двуязычию. Некоторые исследователи определяют двуязычие как конечный, желаемый результат обучения языку или овладения им, чаще всего недостижимый в практике овладения.

У. Вайнрайх свидетельствует о том, что истинное двуязычие индивидуума формируется только в условиях коллективного двуязычия [5. С. 25], при этом билингвизм понимается им широко (это не только владение двумя языками, но и двумя диалектами), а все процессы внутри него признаются универсальными. Важно, что американский исследователь одним из первых заговорил о необходимости изучать языковые процессы через призму неязыковых закономерностей: «...чисто лингвистическое изучение языкового контакта должно координироваться с экстралингвистическим изучением двуязычия и связанных с ним явлений» [5. С. 26]. Значительное место в процессе освоения нового языка отводится психологическим факторам, в частности, психологии восприятия иного языка с опорой на опыт своего.

Известно высказывание Л.В. Щербы о том, что «понятие смешения языков – одно из самых неясных в современной лингвистике» [21. С. 40] и что чаще всего оно обуславливается одной из трех причин (потребностью в заимствовании слова или понятия одним языком из другого; изменениями в том или ином языковом уровне, вызванными влиянием иностранного языка; языковыми ошибками, которые укрепились в разговорной речи и стали нормой). В связи с чем академик предлагает различать процесс заимствования и процесс смешения языков: если первый восходит к билингвизму, то второй, по его разумению, зиждется «на смешанном языке». При этом на любом этапе развития языка можно обнаружить промежуточные формы, так как указанные процессы перемежаются [21. С. 52], а развитие билингвизма и возникновение интерязыка обусловлено, во-первых, способом изучения иностранного (второго) языка и, во-вторых, наличием границ в сферах употребления двух и более языков.

Важно отметить, что ученый предлагает заменить термин «смешение» иным, более точным определением – «взаимное влияние языков», предполагающим участие обоих языков в процессе овладения.

В этом аспекте идеи Льва Владимировича расходятся с постулатами У. Вайнрайха, утверждавшего, что один из языков в двуязычии всегда будет доминирующим, и интерференция будет проявляться с учетом такого доминирования [5. С. 136]. Кроме того, языки всегда будут отличаться по тем же «языковым пунктам», по которым у них имеется и сходство: действительно, языки взаимно влияют друг на друга, но один в большей степени, чем другой.

В настоящей статье *интерязык* определяется как «целостная языковая система», образованная путем наложения языковых явлений и синестезирующая графические, фонетические, просодические, лексические, грамматические и синтаксические «привнесения как из одного языка (родного), так и из другого (изучаемого)» [4. С. 12].

Обзор западных теорий интерязыка позволяет заключить, что на первом этапе появления данного понятия в 1970-е гг. можно было выделить три подхода к его изучению: исследование совокупности (Л. Селингер), исследование проницаемости (Ч. Аджеман), исследование континуумных особенностей (Е.Е. Тарон). На следующем этапе (1980-е гг.) изучение интерязыка велось через призму значимости ошибок, объема отрицательного языкового материала, который вступает с интерязыком в отношения симбиоза [22. С. 79–80].

В те же годы китайские исследователи начали подходить к изучению вопросов интерязыка сугубо в практическом ключе: они вычленили морфему (корневую основу) как важную единицу интерязыка и подвергли ее всестороннему изучению. В конце XX в. в китаистике появились исследователи, предпринявшие попытки теоретического осмысления проблемы. В частности, произошло сближение интерязыка с другими подсистемами лингвистики, а позже в работах Люй Би Суна прозвучала идея необходимости изучения теории интерязыка в совокупности с методикой преподавания, теорией текста, лингвокультурологией [22. С. 79–80]. Эти идеи звучат современно и по сей день.

Современное состояние

Новейший этап изучения теории речевой интерференции ознаменован стремлением исследователей рассмотреть проблему не только с позиций сугубо языковых механизмов, но и сквозь призму общей теории познания, процессов развития общественных контактов в условиях мультикультурализма. К примеру, в работе Л.Дж. Доти и М. Лонга «Справочник в области овладения неродным (вторым) языком» процесс обучения неродному языку рассматривается с позиций общепознавательных ценностей и в рамках подхода, который принято называть антропоцентрическим (по уточнению исследователя Н.В. Лосевой, еще и «студентоцентричным») [10. С. 296]. Накопленные знания и практический опыт в области интерязыка позволяют анализировать явление и с позиций философии, кибернетики, математики, логики, психологии и т.д. [23].

К настоящему времени разработана «типология лингвистической интерференции в русской речи иностранцев», предложена система педагогической диагностики ошибок на уроках РКИ, что значительно облегчило работу по формированию языковой и коммуникативной компетенций, нивелированию акцентных проявлений на разных стадиях изучения второго языка. Нарушения в речи иностранцев предлагается квалифицировать поуровнево, при этом отмечается, что могут наблюдаться случаи промежуточных нарушений (морфолого-синтаксические или лексико-грамматические) [4. С. 218]. Детальное описание билингвальных моделей языковых явлений в разносистемных языках (русском и японском, русском и французском, русском и монгольском, русском и турецком) помогает преподавателю вести точечную работу по улучшению интерязыка и составить лингвистический атлас нарушений в русскоязычной речи инофонов [11].

Ориентируясь прежде всего на практическую пользу и применение данных о языковой интерференции в педагогической практике, предлагаем систематизировать уровневые модели нарушений по критериям существенности / несущественности ошибки для коммуникации, ее типичности / нетипичности и устойчивости / неустойчивости для носителей языков определенных групп. Так, часть ошибок ярче всего проявляется у носителей конкретных национальностей, часть выявляется строго в определенный период обучения, часть сохраняется и по завершении обучения. Статусом «типичной ошибки» наделяются «ошибки системного характера, обусловленные взаимодействием двух контактирующих языков и многократно зарегистрированные в речевой деятельности учащихся-иностранцев». Такие ошибки в свою очередь делятся на типичные / нетипичные [13. С. 148].

Представляется, что на основе наработок могут быть составлены картотеки речевых ошибок и нарушений, вызванных явлением интерференции, для носителей языков разных групп, изучающих РКИ, что поможет преподавателю в ходе учебного процесса оперативно и целенаправленно вести работу по их обнулению.

Кроме того, необходима разработка и апробирование методологической стратегии, карты типичных речевых нарушений для национально ориентированной аудитории. В связи с этим требуется создание полноценного УМК и системы корректировочных курсов, ориентированных на носителей близкородственных родных языков, имеющих похожие интерференты при овладении РКИ. Такой комплекс мер позволит учащимся доработать отдельные фрагменты языковой системы, исправить часть типичных ошибок. Представляется, что одной из форм организации такой корректировочной практики должна стать практика проведения уроков с аналитическим разбором ошибок и причин их возникновения: считаем, что метод, используемый в корректировочной терапии, может работать и в области лингводидактики.

Интересен опыт математического моделирования проявленности интерязыка в процессе изучения РКИ [17. С. 191]. Интенсивное формирование интерязыка отмечается в процессе первых лет обучения, после

чего может наблюдаться небольшой спад. Он обусловлен, по мнению исследователей, «малой интенсивностью обращения к неродному языку», однако не ведет к полному отмиранию знаний – остаточная база неродного языка сохраняется, даже если языковые иноконтакты сведены к нулю. Авторы концепции математического моделирования интерязыка предлагают варьировать параметры в процессе обучения и наблюдать за языковым поведением обучаемого и наращиванием объема его знаний, тем самым нивелируя систему интерязыка.

Часть исследователей склоняется к рассмотрению проблемы интерференции в рамках концепции формирования вторичной языковой личности. Само понятие «языковая личность» (далее – ЯЛ) в отечественной традиции восходит к трудам Ю.Н. Караулова и Г.И. Богина, которые дали ему теоретическое осмысление в 1980-е годы. Авторство термина приписывают немецкому филологу Й.Л. Вайсгерберу (1927), который рассматривал языковую способность человека через призму коллективного культурного опыта и национального наследия [24]. Н.Д. Гальскова, отталкиваясь от трудов предшественников, под *вторичной языковой личностью* предлагает понимать «совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне» [25. С. 59]. При этом наличие коммуникативных способностей и даже языковой одаренности становится не залогом эффективного и полноценного иноязычного общения, а лишь одной из предпосылок «для формирования межкультурной компетенции и развития вторичной языковой личности» с минимальными акцентными проявлениями [26. С. 112], что и является целью обучения РКИ и другим иностранным языкам. В данном контексте интересным термином представляется «вторичная» языковая личность. Попробуем проанализировать осмысление этого понятия в лингвистической литературе.

Одним из первых исследователей, предложивших использовать понятие «вторичная (удвоенная, инофонная) языковая личность» в дидактике была И.И. Халева. Определяя ее как личность, «способную воспринимать и понимать “текстовую деятельность” (Т.М. Дридзе) иного лингвокультурного социума», ученый сделала акцент на невозможности формирования компетенций понимания и осмысления иноязычной речи без того, чтобы «вторичная языковая личность хотя бы относительно приблизилась к “природному” носителю языка по уровню не только языковой, но и когнитивной (лингвокогнитивной) компетенций и ...по уровню осведомленности относительно стереотипных ситуаций общения и общего контекста этого общения, включая так называемый “вертикальный” (по О.С. Ахмановой) контекст, охватывающий собой и совокупность прецедентных (по Ю.Н. Караулову) текстов, его формирующих» [27. С. 2, 27].

Отметим, что при рассмотрении интерференции через призму концепции ЯЛ исследователь предлагает учитывать тот факт, что в процессе усвоения иностранного языка новая лингвосистема накладывается на уже имеющуюся систему родного языка, усвоенного в онтогенезе, а параллельно с новым языком индивидум

усваивает и элементы другой (вторичной, инофонной) языковой картины мира, новые концептуальные и категориальные системы, отраженные в изучаемом языке – его когнитивные схемы. При этом базово все уровни (по Ю.Н. Караулову) изначально существовавшей языковой личности «расширяются», обогащаются, а по И.И. Халеевой, формируется «иная (дополнительная)» языковая и концептуальная картины мира [27. С. 20, 30].

Л.П. Халыпина вместо термина «вторичная языковая личность» предлагает использовать понятие «поликультурная языковая личность»: «необходим принципиально иной подход к формированию языковой личности – подход, который базировался бы на когнитивном уровне осмысления как универсальных культурных концептов, имеющих общечеловеческую ценность, так и на понимании специфического культурного характера выражения данных концептов в различных этнокультурах», а «целью обучения иностранным языкам определяется ...формирование такой языковой личности, которая будет способна к активной и продуктивной жизнедеятельности в глобальном поликультурном обществе» [28. С. 3]. По мнению исследователя, сформировать поликультурную ЯЛ можно в рамках компетентностного подхода к обучению и принципа поэтапного формирования в структуре ЯЛ «поликонцептуальной, полилингвистической и коммуникационно-технологической компетентностей» [28. С. 6]. При всей разумности предлагаемой автором исследования гипотезы концепция полилингвальности ЯЛ не получила широкого распространения в лингводидактике в отличие от идеи вторичности, хотя, на наш взгляд, именно она достойна всестороннего внимания.

Однако понимая некоторую условность широко применяемого в современной лингводидактике понятия «вторичная» языковая личность, важно отметить, что изучая иностранный язык, индивидум уже обладает сформированной ЯЛ, которая в процессе изучения нового языка, новой лингвокультуры трансформируется, расширяется, обогащается, но вместе с тем остается единой цельной системой – конечным продуктом обучения. На наш взгляд, данное понятие следует признать с точки зрения психолингвистики терминологически не очень удобным. Вероятно, поэтому Ю.Н. Караулов не использует его в своих трудах, хотя постоянно говорит о формировании ЯЛ инофона.

По утверждениям ряда авторитетных методистов от степени развитости коммуникативных / иноязычных / языковых способностей зависит скорость достижения конечной цели обучения (формирования новой, расширенной ЯЛ) и степень выраженности речевых нарушений, вызванных в том числе явлениями межкультурной и внутриязыковой интерференции. К таким способностям относят, к примеру, «вербальный интеллект», проработанное словесно-логическое мышление и достаточный уровень развитости речевой деятельности (Л.И. Сидоренкова [29]); умение использовать различные «системы символических форм» (И.В. Барыкина [30]); генетическую способность распознавать структуру языка (Н. Хомский [31]); формирование «чувства языка» («феномен интуитивного владения

языком, проявляющийся в понимании и использовании идиоматических, лексических, стилистических и пр. конструкций еще до целенаправленного овладения языком в обучении» [32]); «способность к фонетическому кодированию», «грамматическую чувствительность», «механическую ассоциативную память» и «индуктивную способность» (Дж.Б. Кэрролл, С. Сапон [33]) и др.

Представляется, что эти идеи на современном этапе развития теории языковых контактов и лингводидактики могут получить новое практическое направление в виде межъязыковой дидактики на основе конвергентного подхода. В этой связи представляется перспективным опора на достижения из различных областей знания (психолингвистики, нейролингвистики, нейробиологии, квантовой лингвистики и др.) с целью последующего создания с их помощью методики развития вербального интеллекта, ассоциативной памяти и грамматической чувствительности (методики отзеркаливания, присоединения, включения и т.д.), направленные на развитие языковой способности. Подобную работу следует сопровождать целенаправленным развитием межъязыковой компетенции. В процессе обучения с целью развития межъязыковой компетенции и предупреждения интерференционных ошибок (графоференты, фоноференты, граммаференты, лексоференты, синтаференты, прагмаференты), возникающих на разных языковых ярусах, рекомендуется опираться на сопоставительные лингвистические данные структур контактирующих языков, представленные не разрозненно, а системно. Таким образом, типолого-сопоставительное языкознание обнаруживает важное лингводидактическое значение, которое проявляется в возможности прогнозировать ряд трудностей и выстраивать профилактические методы и приемы в процессе обучения РКИ с опорой на родной язык учащихся.

В заключение отметим, интерязык формируется в пространстве между Я₁ и Я₂ в процессе учебной и социальной деятельности. На его функционирование оказывает влияние множество факторов: учебная мотивация, когнитивно-психологические особенности личности обучающегося, лингвометодические приемы обучения, временные параметры овладения языком, специфика структур обоих языков и т.д.

Выводы

Изучение вопросов билингвизма, интерференции, типологии речевых нарушений, а также проблемы возникновения и функционирования интерязыка носит выраженный конвергентный характер, так как указан-

ная проблематика связана не только с собственно лингвистическим ракурсом исследования, но и охватывает психолингвистическую, психологическую, социолингвистическую, нейрофизиологическую и др. составляющие. Изложенный в настоящей статье круг проблем в рамках теории языковых контактов предполагает дифференциацию ряда терминов, которые нередко рассматриваются как синонимичные и взаимозаменяемые, что касается таких терминов, как «интерференция», «акцент», «билингвизм» и «двуязычие». Данный подход предполагает однозначность понимания терминологического аппарата, а значит, позволяет проникнуть в глубину изучаемых явлений. Следствием языковых контактов является возникновение интерязыка как промежуточной лингвистической компетенции, в рамках которой функционирует интерференция. Ошибки в речи изучающих иностранный язык (в нашем случае РКИ) не случайны и вызваны речевой интерференцией, представляющей собой переходный и неминуемый этап в овладении иностранным языком, в частности РКИ. Различные случаи отрицательного переноса определяются как типы интерференции (межъязыковая и внутриязыковая). Вопросы описания положительного переноса, именуемые транспозицией, требуют специальных исследований, направленных на изучение сущности функционирования универсальных механизмов лингвистических систем. Значимым достижением современного этапа в изучении вопросов функционирования языковых контактов, билингвизма, интерязыка и интерференции является разработанная типология интерференции в русской речи иностранцев, предполагающая описание различного типа нарушений, проявляющихся в графике (графоференты), фонетике (фоноференты), грамматике (граммаференты), лексике (лексоференты), синтаксисе (синтаференты), а также в области прагматики высказывания (прагмаференты / текстоференты). Вместе с тем важно учитывать условность такого разграничения речевых нарушений по уровням, поскольку не всегда представляется возможным определить переход от одного уровня к другому. С целью прогнозирования и профилактики возможных нарушений продуктивным является обращение к обозначенным выше сопоставительным исследованиям, в которых обнаруживается значительный лингвистический потенциал при овладении иностранным языком, в частности РКИ.

В заключение отметим, что степень выраженности интерференции коррелирует с уровнями овладения языком: наиболее ярко она проявляется на элементарном и базовом уровнях, а затем постепенно исчезает, приводя к третьему и четвертому уровням.

Список источников

1. Goebel H. L'Atlas linguistique du ladin central et des dialects limitrophes (première partie, ALD-I) // Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain. 1996/1997. № 22/3-4-23/1-2. P. 276-279.
2. Пугачевич И.П., Рогозная Н.Н. Интерязык как промежуточная система в условиях билингвизма // Вестник ИрГТУ. 2015. № 4(99). С. 435-439.
3. Рогозная Н.Н. Билингвизм. Интерязык. Интерференция. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2012. 172 с.
4. Рогозная Н.Н. Типология лингвистической интерференции в русской речи иностранцев (на материале разноструктурных языков) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 381 с.
5. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / пер. с англ. яз. и комментарии Ю.А. Жлуктенко, проф., д-ра филол. наук ; вступительная статья В.Н. Ярцевой, чл. корр. АН СССР. Киев : Изд-во при Киевском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1979. 262 с.

6. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М. : МГУ, 1969. 159 с.
7. Рогозная Н.Н. Языковые контакты: билингвизм, интерязык, интерференция. М. : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2022. 200 с.
8. Рогозная Н.Н. Теоретические основы языковых контактов // Вестник ИрГТУ. 2014. № 2(85). С. 306–312.
9. Шерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. С. 24–39.
10. Лосева Н.В. Некоторые аспекты использования теории интерязыка в методике преподавания иностранных языков // Человек и его язык : материалы юбилейной XVI международной конференции научной школы-семинара имени Л.М. Скрябиной, РГПУ им. Герцена. СПб. : Скифия, 2013. С. 296–301.
11. Рогозная Н.Н. Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев. Иркутск : Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. 332 с.
12. Багировов Х.З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты: На материале адыгейского и русского языков : дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2005. 426 с.
13. Багдудева А.В. Специфика функционирования имени существительного в речи билингвов (русско-китайский и китайско-русский интерязыки) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 22 с.
14. Багана Ж. Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2004. 350 с.
15. Виноградская М.В. Интерферентные явления в речи российских немцев: грамматический и лексико-семантический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2009. 180 с.
16. Коч К.И. Локальное преобразование французского языка в Демократической Республике Конго в условиях билингвизма : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2021. 155 с.
17. Кирий В.Г., Рогозная Н.Н. Математическая модель субординативного билингвизма. Возникновение интерязыка // Вестник ИрГТУ. 2009. № 2(38). С. 37–42.
18. Беляев А.Н. Эмерджентность и равновесие языковых элементов // Российский электронный научный журнал. 2022. № 1 (43). С. 110–118.
19. Альбеков Н.Н. Эмерджентность как объект современной науки // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (ч. 1). URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=21089> (дата обращения: 28.10.2019).
20. Барышников П.Н. Эмерджентные свойства языковых процессов сознания // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2(34). С. 22–31.
21. Шерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л. : Изд. Ленинградского университета, 1958. Т. 1. С. 40–53.
22. Рогозная Н.Н. Новое в лингвистике: к теории интерязыка // Вестник БГУ. 2009. № 10. С. 78–82.
23. Doughty C. J., Long M. The Handbook of Second Language Acquisition. Wiley-Blackwell, 2005. 912 p.
24. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. Родной язык и формирование духа. 2-е изд., испр. и доп. М. : Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
25. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам : пос. для учителя. 3-е изд., перераб. и доп. М. : АРКТИ, 2004. 192 с.
26. Игна О.Н. «Слагаемые» лингвистической одаренности и способностей к иностранным языкам // Вестник ТГПУ. 2012. Вып. 10 (125). С. 109–113.
27. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1990. 38 с.
28. Халяпина Л.П. Методическая система формирования поликультурной языковой личности посредством Интернет-коммуникации в процессе обучения иностранным языкам : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2006. 46 с.
29. Сидоренкова Л.И. Возрастные различия в структуре языковых способностей и возможности их учета в процессе обучения иностранному языку // Психология обучения. 2008. № 10. С. 14–28.
30. Барынкина И.В. Особенности способностей к изучению иностранных языков // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 1 (1). С. 258–260.
31. Хомский Н. Логические основы лингвистической теории // Новое в лингвистике. М., 1965. Вып. IV. С. 482–484.
32. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / сост. Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. М. : Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.
33. Способности к иностранным языкам (foreign language aptitude) // Психология человека. URL: <http://www.psibook.com/20/17/96> (дата обращения: 01.10.2022).

References

1. Goebel, H. (1996/1997) L'Atlas linguistique du ladin central et des dialects limitrophes (première partie, ALD-I). *Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain*. 22/3-4–23/1-2. pp. 276–279.
2. Pugatsevich, I.P. & Rogoznaya, N.N. (2015) Interyazyk kak promezhutochnaya sistema v usloviyakh bilingvizma [Interlanguage as an Intermediate System in the Context of Bilingualism]. *Vestnik IrGTU*. 4 (99). pp. 435–439.
3. Rogoznaya, N.N. (2012) *Bilingvizm. Interyazyk. Interferentsiya* [Bilingualism. Interlanguage. Interference]. Irkutsk: IrSTU.
4. Rogoznaya, N.N. (2012) *Tipologiya lingvisticheskoy interferentsii v russkoy rechi inostrantsev (na materiale raznostrukturykh yazykov)* [Typology of linguistic interference in Russian speech of foreigners (based on materials from languages with different structures)]. Philology Dr. Diss. Moscow.
5. Weinreich, U. (1979) *Yazykovye kontakty: sostoyaniye i problemy issledovaniya* [Language contacts: state and problems of research]. Translated from English. Kyiv: Izd-vo pri Kievskom gosudarstvennom universitete izdatel'skogo ob"edineniya "Vishcha shkola".
6. Vereshchagin, E.M. (1969) *Psikhologicheskaya i metodicheskaya kharakteristika dvuyazychiya (bilingvizma)* [Psychological and methodological characteristics of bilingualism]. Moscow: MSU.
7. Rogoznaya, N.N. (2022) *Yazykovye kontakty: bilingvizm, interyazyk, interferentsiya* [Language contacts: bilingualism, interlanguage, interference]. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute.
8. Rogoznaya, N.N. (2014) Teoreticheskie osnovy yazykovykh kontaktov [Theoretical foundations of language contacts]. *Vestnik IrGTU*. 2 (85). pp. 306–312.
9. Shcherba, L.V. (1974) O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii [On the threefold aspect of linguistic phenomena and on the experiment in linguistics]. In: *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka. pp. 24–39.
10. Loseva, N.V. (2013) [Some aspects of using the theory of interlanguage in the methods of teaching foreign languages]. *Chelovek i ego yazyk* [Man and his language]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg: Skifiya. pp. 296–301. (In Russian).
11. Rogoznaya, N.N. (2001) *Lingvisticheskiy atlas narusheniy v russkoy rechi inostrantsev* [Linguistic atlas of violations in Russian speech of foreigners]. Irkutsk: Izdanie OGUP "Irkutskaya oblastnaya tipografiya No. 1".
12. Bagirov, Kh.Z. (2005) *Bilingvizm: teoreticheskie i prikladnye aspekty: Na materiale adygeyskogo i russkogo yazykov* [Bilingualism: theoretical and applied aspects: Based on the Adyghe and Russian languages]. Philology Dr. Diss. Krasnodar.

13. Bagdueva, A.V. (2022) *Spetsifika funktsionirovaniya imeni sushchestvitel'nogo v rechi bilingvov (russko-kitayskiy i kitaysko-russkiy interyazyki)* [Specifics of the functioning of a noun in the speech of bilinguals (Russian-Chinese and Chinese-Russian interlanguages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
14. Bagana, Zh. (2004) *Yazykovaya interferentsiya v usloviyakh franko-kongolezskogo bilingvizma* [Language interference in the context of Franco-Congolese bilingualism]. Philology Dr. Diss. Saratov.
15. Vinogradskaya, M.V. (2009) *Interferentnye yavleniya v rechi rossiyskikh nemtsev: grammaticheskiy i leksiko-semanticheskiy aspekty* [Interference phenomena in the speech of Russian Germans: grammatical and lexical-semantic aspects]. Philology Cand. Diss. Maykop.
16. Koch, K.I. (2021) *Lokal'noe preobrazovanie frantsuzskogo yazyka v Demokraticheskoy Respublike Kongo v usloviyakh bilingvizma* [Local transformation of the French language in the Democratic Republic of the Congo in the context of bilingualism]. Philology Cand. Diss. Belgorod.
17. Kiriy, V.G. & Rogoznaya, N.N. (2009) *Matematicheskaya model' subordinativnogo bilingvizma. Vozniknovenie interyazyka* [Mathematical model of subordinate bilingualism. The emergence of interlanguage]. *Vestnik IrGTU*. 2 (38). pp. 37–42.
18. Belyaev, A.N. (2022) *Emerdzhentnost' i ravновесие yazykovykh elementov* [Emergence and equilibrium of linguistic elements]. *Rossiyskiy elektronnyy nauchnyy zhurnal*. 1 (43). pp. 110–118.
19. Al'bekov, N.N. (2015) *Emerdzhentnost' kak ob'ekt sovremennoy nauki* [Emergence as an object of modern science]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. 2 (1). [Online] Available from: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=21089> (Accessed: 28.10.2019).
20. Baryshnikov, P.N. (2016) Emergent properties of linguistic processes of consciousness. *Vestnik Tomskogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2 (34). pp. 22–31. (In Russian).
21. Shcherba, L.V. (1958) *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu i fonetike* [Selected Works on Linguistics and Phonetics]. Vol. 1. Leningrad: LSU. pp. 40–53.
22. Rogoznaya, N.N. (2009) *Novoe v lingvistike: k teorii interyazyka* [New in Linguistics: Toward an Interlanguage Theory]. *Vestnik BGU*. 10. pp. 78–82.
23. Doughty, C.J. & Long, M. (2005) *The Handbook of Second Language Acquisition*. Wiley-Blackwell.
24. Vaysgerber, Y.L. (2004) *Rodnoy yazyk i formirovanie dukha. Rodnoy yazyk i formirovanie dukha* [Native Language and the Formation of the Spirit. Native Language and the Formation of the Spirit]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS.
25. Gal'skova, N.D. (2004) *Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam : pos. dlya uchitelya* [Modern Methods of Teaching Foreign Languages: teacher's handbook]. 3rd ed. Moscow: ARKTI.
26. Igna, O.N. (2012) "Slagaemye" lingvisticheskoy odarennosti i sposobnostey k inostrannym yazykam ["Components" of linguistic giftedness and abilities for foreign languages]. *Vestnik TGPU*. 10 (125). pp. 109–113.
27. Khaleeva, I.I. (1990) *Osnovy teorii obucheniya ponimaniyu inoyazychnoy rechi (podgotovka perevodchikov)* [Fundamentals of the Theory of Teaching Understanding of Foreign Language Speech (Training of Translators)]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
28. Khalyapina, L.P. (2006) *Metodicheskaya sistema formirovaniya polikul'turnoy yazykovoy lichnosti posredstvom Internet-kommunikatsii v protsesse obucheniya inostrannym yazykam* [Methodological System of Formation of Multicultural Linguistic Personality through Internet Communication in the Process of Teaching Foreign Languages]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. St. Petersburg.
29. Sidorenkova, L.I. (2008) *Vozrastnye razlichiya v strukture yazykovykh sposobnostey i vozmozhnosti ikh ucheta v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku* [Age differences in the structure of language abilities and the possibility of taking them into account in teaching a foreign language]. *Psikhologiya obucheniya*. 10. pp. 14–28.
30. Barynkina, I.V. (2012) *Osobennosti sposobnostey k izucheniyu inostrannykh yazykov* [Features of abilities to study foreign languages]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (1). pp. 258–260.
31. Khomskiy, N. (1965) *Logicheskie osnovy lingvisticheskoy teorii* [Logical foundations of linguistic theory]. In: *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Vol. 4. Moscow. pp. 482–484.
32. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2009) *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)]. Moscow: Izd-vo IKAR.
33. Psibook.com. (2022) *Sposobnosti k inostrannym yazykam (foreign language aptitude)* [Foreign language aptitude]. [Online] Available from: <http://www.psibook.com/20/17/96> (Accessed: 01.10.2022).

Информация об авторах:

Рогозная Н.Н. – д-р филол. наук, профессор кафедры методики преподавания русского языка как иностранного Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия). E-mail: nnrogoznaia@pushkin.institute
Давыдова М.А. – преподаватель кафедры сопоставительного изучения языков Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: mdav95@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.N. Rogoznaya, Dr. Sci. (Philology), professor, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: nnrogoznaia@pushkin.institute
M.A. Davydova, lecturer, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: mdav95@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024;
одобрена после рецензирования 05.09.2024; принята к публикации 30.10.2024.

The article was submitted 01.04.2024;
approved after reviewing 05.09.2024; accepted for publication 30.10.2024.

Научная статья
УДК 37.02
doi: 10.17223/15617793/507/23

Использование нейросетей для развития письменно-речевых умений, языковых навыков и критического мышления в курсе «Английский язык в сфере деловой коммуникации»

Аида Сергеевна Родоманченко^{1, 2}, Елена Владимировна Сорокина³

^{1, 3} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

² Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Москва, Россия

^{1, 2} a.rodomanchenko@gmail.com

³ sorokina.english@gmail.com

Аннотация. Рассматривается использование генеративного интеллекта в курсе «Английский для делового общения» в НИУ ВШЭ и описывается интеграция ИИ в создание деловой документации для развития языковых умений и критического мышления студентов. Опросы и анализ письменных работ подтвердили положительную динамику в развитии данных умений. Результаты исследования демонстрируют эффективность интеграции ИИ в курс, а предлагаемый инструментарий способствует формированию специалистов, соответствующих конъюнктуре рынка.

Ключевые слова: генеративный интеллект, искусственный интеллект (ИИ) в образовании, деловой английский, английский для специальных целей, критическое мышление, письменно-речевые умения, языковые навыки, деловая переписка

Для цитирования: Родоманченко А.С., Сорокина Е.В. Использование нейросетей для развития письменно-речевых умений, языковых навыков и критического мышления в курсе «Английский язык в сфере деловой коммуникации» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 206–216. doi: 10.17223/15617793/507/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/23

Using artificial intelligence to develop students' writing proficiency, language fluency, and critical thinking skills in the ESP course English for Business Communication

Aida S. Rodomanchenko^{1, 2}, Elena V. Sorokina³

^{1, 3} HSE University, Moscow, Russian Federation

² National University of Science and Technology MISIS, Moscow, Russian Federation

^{1, 2} a.rodomanchenko@gmail.com

³ sorokina.english@gmail.com

Abstract. This research paper explores the integration of generative artificial intelligence (AI) tools in an ESP course English for Business Communication at the National Research University Higher School of Economics, with a focus on practical applications within the curriculum. It highlights the gradual integration of AI, from simple to complex tasks, into the creation of business correspondence, enhancing students' familiarity with AI technology and developing their language and critical thinking skills. The study employed a reflective analysis approach to enhance students' engagement with the AI tools, focusing on developing writing, language, and critical thinking skills. The students were required to write business documents individually and in a team, tailored to their assigned roles, ensuring the adaptation of content to specific organisational needs and responsibilities. Peer feedback was incorporated to refine written works, enriching vocabulary usage, language conventions, and cohesive expressions in students' writings. A total of 79 students participated in the course, with 41 actively engaging with the AI tools for writing tasks and 26 contributing to two surveys. The surveys were conducted to gauge student attitudes towards the course and the introduction of AI tools into the educational process. The second survey was administered three months after course completion to assess long-term impacts and reflections on the acquired skills. As students' perceptions cannot be fully considered an objective tool to measure the development of their writing and critical thinking skills, additional analysis of student writings was conducted. It involved comparing the initial, a motivational letter, and the final, a complaint letter, works written in class without AI assistance and serving as pre- and post-course assessments to evaluate changes in students' written papers. The analysis focused on changes in writing quality, critical evaluation of texts, and synthesis of information in alignment with business communication requirements. The research found that the introduction of generative AI tools in the Business English language course had a positive impact on students' writing proficiency, language fluency, and critical thinking skills, showcasing the effectiveness of integrating AI in educational settings. The surveys conducted revealed a shift in student perceptions towards AI tools, with participants recognising the value of AI in enhancing their

writing abilities and critical thinking skills. Overall, the research underscored the significance of integrating AI tools in educational practices to enhance students' learning experiences, foster critical thinking, and improve language proficiency in academic and professional contexts. The paper contributes to the field of language education by demonstrating the successful integration of generative AI technologies in an educational environment, showcasing their potential for enhancing learning experiences.

Keywords: generative artificial intelligence, artificial intelligence (AI) in education, English for business communication, English for specific purposes, critical thinking, writing skills, language proficiency, business correspondence

For citation: Rodomanchenko, A.S. & Sorokina, E.V. (2024) Using artificial intelligence to develop students' writing proficiency, language fluency, and critical thinking skills in the ESP course English for Business Communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 206–216. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/23

Введение. Практическая ценность внедрения генеративных моделей в реалиях современного рынка труда

Внедрение генеративных систем в образовательной среде является своевременной реакцией на технологические изменения, происходящие в сфере бизнеса во всём мире. ИИ-технологии являются нишевой сферой, в которой компании борются за узкоспециализированных профессионалов, обладающих компетенциями в различных генеративных направлениях: от промпт-инжиниринга до ИИ-психологии. Компании ожидают, что даже кандидаты, не специализирующиеся на data science, как минимум прошли курсы по генеративному интеллекту и его практическому применению [1. Р. 70]. Компании видят большой потенциал роста эффективности и сокращения рутинных задач от использования ИИ и все больше интегрируют генеративные инструменты в оптимизацию бизнес-процессов. Время, которое раньше затрачивалось на однообразные действия, теперь можно выделить на повышение эффективности коммуникации с внутренними и внешними клиентами. Так, например, если до 2023 г. сотрудники тратили до 60% рабочего времени на синтез информации, то сейчас этот показатель можно сократить до 10% [2]. Именно поэтому, готовя специалистов с учетом требований современных бизнес-реалий, необходимо принимать во внимание влияние ИИ на динамику работы в команде и потребность в оптимизации внутренних и внешних бизнес-коммуникаций и оперативно адаптировать учебные дисциплины [3. Р. 2].

В прошлом часто можно было услышать критику со стороны представителей рынка труда в отношении качества выпускаемых высшей школой кадров. На сегодняшний день перед университетами как никогда остро стоит задача быть в авангарде профессиональных и технологических изменений в мире, чтобы своевременно отвечать на запросы бизнеса [4]. Вчерашние выпускники нередко уже имеют профессиональный опыт, и компании ожидают, что молодые сотрудники максимально быстро пройдут адаптационный период и полноценно включатся в работу. Особенно это касается представителей поколения Z – так называемых цифровых аборигенов, которые выросли вместе с технологиями. Действительно, как показывает практика, студенты быстро адаптируются к внедрению новых технологий во все сферы жизни и учебного процесса. Однако им всё ещё не хватает жизненного опыта и профессиональных навыков для полного соответствия

ожиданиям работодателя. Именно поэтому генеративный ИИ может быть полезен для сокращения разрыва между опытом и навыками у «молодых» сотрудников интеллектуальной сферы и способен привести к повышению производительности их труда [5].

Нейросети способны выполнять co-pilot – функцию для работников интеллектуальной сферы, которые могут применять ИИ для расшифровки устной речи и разработки деловых документов. От человека в данном взаимодействии требуется лишь верификация результата генерации [6]. И хотя некоторые исследователи выражают опасение, что использование ИИ отрицательно скажется на навыках критического мышления [7, 8. Р. 12], всё чаще можно слышать, что именно для стадии верификации ответов нейросети на запрос пользователя требуется критический анализ созданного текста [2]. Более того, генеративный интеллект может быть особенно полезен в межкультурной коммуникации, так как способен учитывать геополитический контекст и изменять индивидуальный стиль общения в соответствии с культурными, социальными нормами и лингвистическими нюансами [9].

Однако определение авторства работы, созданной при помощи генеративного ИИ, является дилеммой как с этической, так и с юридической точки зрения [6, 7, 10], поскольку уже сегодня практически невозможно отличить текст, созданный искусственным интеллектом, от написанного человеком [11]. Как результат, необходимо отчётливо «осознавать» преимущества, ограничения и риски, которые влечет за собой использование ИИ» [5]. Задачей руководителя в данном случае должно стать принятие решения, в каких именно процессах целесообразно использовать ИИ для оптимизации рутинных действий и перенаправления ресурса сотрудников на творческие задачи, командную работу и внедрение инноваций [2].

Стоит отметить и изменения в академической сфере. Так, некоторые исследователи предсказывают значительное изменение роли преподавателя, которая трансформируется из функции передачи знаний в компетенцию инструктора по обучению и тренера личностных навыков, обладающего достаточным временным ресурсом, для развития талантов каждого студента [12]. Невозможно запретить использование ИИ при создании письменных работ, но можно научить студентов этичному и эффективному использованию генеративных моделей как дополнительного инструмента для выполнения письменных работ и создания документов [13].

С целью оценки эффективности применения генеративных моделей как инструмента развития языковых навыков, письменно-речевых умений и критического мышления студентов нейросети были официально разрешены к использованию студентами 4-го курса бакалавриата ШИЯ ВШЭ в 2023/24 академическом году в рамках учебной дисциплины «Английский язык в сфере деловой коммуникации».

Описание учебной дисциплины и целесообразность использования генеративных моделей для обучения студентов деловому письму

Целью статьи является описание и анализ результатов эксперимента по внедрению технологий искусственного интеллекта и приложений, созданных на основе больших языковых моделей, в учебный процесс, А ТАКЖЕ оценка эффективности их применения для развития письменно-речевых умений, языковых навыков и критического мышления студентов. Данная статья не направлена на популяризацию нейросетей и не содержит призыв внедрять данную практику во все дисциплины, где ведётся работа над письменно-речевыми умениями, однако результаты эксперимента могут быть полезны разработчикам подобных курсов. Авторы статьи поддерживают позицию К.М. Гетчелла [3. С. 20] и призывают критически подходить к использованию многих разработок в сфере деловой коммуникации, так как преподаватели в первую очередь должны помогать студентам увидеть социальный эффект от интеграции ИИ в различные сферы профессиональной деятельности.

В настоящий момент под искусственным интеллектом подразумеваются способные к самообучению нейронные сети [14. С. 9]. Среди них выделяют технологии генеративного искусственного интеллекта [14. С. 73–74], к которым относятся голосовые помощники, построенные на механизмах обработки естественного языка большими языковыми моделями, в частности ChatGPT, запущенный компанией OpenAI осенью 2022 г., Gemini от компании Google, Perplexity AI, GigaChat от Сбербанка и YaGPT от Яндекса. Особенности таких помощников является их способность отвечать на запросы пользователя, используя контекстную информацию. В данной статье слова «искусственный интеллект», «ИИ», «нейросеть», «технологии генеративного интеллекта» используются как синонимы. В рамках курса студентам было предложено использовать доступные в России без VPN и подписки инструменты, понимающие и создающие контент на английском языке. Среди них был чат-бот @GPT4Tbot в «Телеграм» и perplexity (perplexity.ai). Однако данное предложение носило рекомендательный характер и не ограничивало возможности студентов по использованию других нейросетей.

Учебная дисциплина, в рамках которой было реализовано использование генеративных моделей для развития письменно-речевых умений и критического мышления, построена по принципу деловой игры и включает цикл логически связанных симулятивных заданий, направленных на погружение студентов в среду

деловой коммуникации на английском языке. Студенты работают в команде, состав которой неизменен на протяжении всего курса, рассчитанного на 342 ч (52 ч контактной работы, из них 52 ч – практические занятия, 290 ч – самостоятельная работа). Задания моделируют ситуации внутрикорпоративного общения и общения с партнерами по бизнесу с целью достижения поставленных перед компанией / группой индивидуальных предпринимателей задач.

Помимо увеличения языкового багажа студентов, предлагаемые задания направлены на развитие навыков делового общения, работы в команде, выстраивания стратегии взаимодействия с партнёрами. Кроме того, на курсе студенты развивают личностные качества: лидерство, навыки взаимообучения и взаимоконтроля, ответственность за собственное обучение.

Деловая игра строится на сочетании моделей PBL (обучение на основе проектов), ESP (преподавание английского для специальных целей), ЕМІ (язык как средство медиации), а также предполагает внедрение технологий искусственного интеллекта как инструмента создания контента и развития письменно-языковых умений. В отличие от курсов, где проект является целью, модель PBL предполагает, что проект есть средство получения знаний и отработки навыков. В самом начале деловой игры студенты узнают о цели, которую команда должна достичь с помощью письменной и устной коммуникации, – разрешении конфликтных ситуаций и последующим заключением договора с контрагентом. На протяжении курса студенты совместно работают для достижения этой цели, в том числе ведут деловую переписку.

Содержание курса очень насыщено как с информационной, так и с лексической точки зрения, и выполнение больших письменных работ в предыдущие годы было вынесено за рамки аудиторной работы. Однако, как показала практика 2022/23 уч. года, появление ChatGPT осенью 2022 г. привело к массовым попыткам использования студентами данной технологии для фальсификации выполнения письменных домашних работ. Подобные практики деструктивно влияют на эффективность письменных заданий как для развития навыков деловой переписки, так и для работы над языковым материалом курса, что потребовало пересмотра подхода к выполнению данных заданий курса. Использование студентами нейросетей при сдаче выпускных работ спровоцировало обсуждение ввода официальных запретов на использование искусственного интеллекта в образовательных учреждениях [7].

Принимая во внимание глобальный бум развития ИИ-технологий, популярность нейросетей у студентов и отсутствие на начало учебного года методических решений по этическому использованию нейросетей в образовательном процессе, авторами статьи было предложено интегрировать применение ИИ-технологий в методику курса. С разрешения академического руководителя программы в первом семестре 2023/24 уч. г. в курс «Английский язык для деловой коммуникации», читаемый на 4-м курсе программы бакалавриата «Иностранные языки и межкультурная

коммуникация» в национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), была официально внедрена работа с искусственным интеллектом как в классе, так и дома. Для повышения этического аспекта использования ИИ наравне с техническим в практику курса был введён рефлексивный анализ участия студентов в проектной работе [3. Р. 16].

Работа выстроена от простого к сложному: от знакомства с инструментом, создания запросов, использования чата в качестве источника информации для реализации подхода «к письму через чтение» до полного включения ChatGPT в создание финального продукта. Практика показала, что адаптация студентов к работе с генеративными системами помогает сократить время выполнения задания [5] и повысить эффективность процесса письма. Перекладывание на ИИ задач по генерации идей для текста и создания его структуры позволяет преодолеть страх чистого листа и увидеть предложенную проблему под другим углом [8, 15], в то же время повышая уровень персонализации материала и предоставляя дополнительные возможности проявить творческий потенциал [16. С. 36].

Снижение уровня стресса у студентов является одним из ключевых факторов улучшения навыков письма [17. Р. 31]. При работе с ИИ студенты самостоятельно проводят первичную редакцию своей работы без страха негативной обратной связи. Так, в работе над ошибками они могут определить свои типичные слабые места, получить подробные объяснения на предмет исправлений от генеративного интеллекта и, что самое главное, готовы принять обратную связь от ИИ как ещё одну возможность работы над навыками, а не субъективную оценку преподавателя или однокурсников. Более того, уровень стресса ожидаемо снижается, так как вместо отложенной обратной связи студент получает незамедлительный ответ на свой запрос и может продолжить работу по улучшению результата [18. С. 62]. На сегодняшний день генеративный интеллект помогает с несколькими проблемными зонами в рамках работы над текстом: предлагает улучшить логическую связность текста, чётко излагать мысли [8. Р. 15]; избежать многословия и сложных для понимания читателем конструкций. Также генеративная модель может переработать загруженный текст в соответствии с коммуникативной задачей или заданным жанром письменной работы [15].

Однако необходимо осознавать ограничения искусственного интеллекта и проверять результаты генераций на наличие логических ошибок [3. С. 7], в особенности учитывая, что ChatGPT может фабриковать информацию в случае, если не имеет достоверных исходных данных по теме запроса [19]. Поэтому первоочередной задачей преподавателя является развитие у студентов академической честности и прикладных навыков работы с генеративным интеллектом, отвечающих потребностям студентов и политике образовательного учреждения. Студенты, в свою очередь, несут ответственность за использование ИИ как инструмента достижения цели в рамках практического задания курса [13].

Интеграция нейросетей в учебную дисциплину

Задание 1: сопроводительное письмо. В качестве домашнего задания для подготовки к занятию студентам предлагается посмотреть небольшой видеоразбор структуры сопроводительного письма и изучить необходимый вокабуляр. Студенты также должны найти актуальную вакансию, соответствующую их профессиональному опыту и личным предпочтениям.

Занятие в классе строится по модели трёх О (оценка – обучение – оценка), или трёх Т (test – teach – test). На занятии для установки языкового уровня студенты пишут сопроводительное письмо, основываясь на своём резюме и выбранной позиции, традиционным способом (ручкой на бумаге) без использования каких-либо электронных ресурсов.

Сразу после написания письма студентам предлагается познакомиться с ИИ-инструментом и попробовать самостоятельно сформулировать промпт для нейросети. Авторы статьи считают развитие этого навыка на этапе обучения в вузе неотъемлемым, так как многие работодатели отмечают недостаточную компетенцию сотрудников в работе с нейросетями, что приводит к ошибкам в применении данного инструмента: сотрудники не различают «прогноз» и «решение» в результатах генераций и склонны воспринимать информацию, полученную с помощью нейросети, как готовое решение задачи/проблемы, нежели как прогноз возможного развития ситуации, который требует доработки с помощью критического мышления [3. С. 9].

Учебная дисциплина построена на принципе взаимобучения (peer-to-peer) и предполагает, что на курсе студенты обмениваются друг с другом опытом в использовании ИИ-технологий, обсуждают влияние точности формулировки запроса на валидность полученного результата и формируют запрос к нейросети. Итогом работы должна стать подборка сопроводительных писем для выбранных студентами вакансий. Во время занятия студенты также оценивают предложенные нейросетью варианты сопроводительных писем с точки зрения наиболее востребованных (наиболее часто упоминающихся) умений и навыков, используемых языковых клише, структуры написания документа. Обсуждение проводится на английском языке в небольших группах.

В качестве домашнего задания студенты дорабатывают сопроводительное письмо, которое было написано в классе, с учётом языкового наполнения и организационной структуры текста, предложенных нейросетью. Приведем обязательные элементы, присутствующие в письменной работе, которую студент загружает в систему управления обучением (LMS) или сдает преподавателю в электронном или печатном виде: описание вакансии; резюме; фото изначального письма, написанного в классе; примеры писем, сгенерированных ИИ; итоговый вариант сопроводительного письма.

Итоговая работа оценивается на предмет соответствия жанру, желаемой позиции и логике построения текста. Использование активного вокабуляра и общая языковая грамотность оцениваются в изначальной, «бумажной», версии, написанной в классе.

Сравнение языка, который студенты использовали в классе для обсуждения задания, с загруженной фотографией изначального сопроводительного письма позволяет понять, насколько самостоятельно было выполнено задание. При возникновении вопросов к академической честности студентов на следующем занятии им может быть предложено за 15 мин написать ещё одно сопроводительное письмо на предложенную преподавателем вакансию, основываясь на их личном резюме. Данное задание позволяет сравнить оба полученных результата письма, оценить работу студентов, а также, в зависимости от полученных результатов, скорректировать дальнейшее использование ИИ в курсе.

Задание 2: меморандум. Прежде чем приступить к написанию меморандума, студенты до занятия самостоятельно изучают видео, в котором рассказывается о структуре и языковом наполнении меморандума. В классе студенты в группах обсуждают содержательную сторону документа, формулируют, что именно каждый из них хочет донести до сотрудников своей компании, и пишут черновик меморандума в традиционном формате. На этом этапе необходимо объяснить студентам важность написания черновика документа самостоятельно, без использования ИИ, с целью развития языковых навыков и письменно-речевых умений.

Во время внутрикомандной работы студенты обсуждают изначальное содержание меморандума каждого сотрудника, рассматривают возможность реализации проекта при определённых ограничениях и предлагают изменения с позиции своей должности.

Содержание документа индивидуально и не может дублироваться, так как оно адаптируется в соответствии с выполняемой в команде ролью: так, маловероятно, что финансовый директор/менеджер будет писать меморандум о проведении собеседований с потенциальными сотрудниками, а менеджер по подбору кадров, в свою очередь, не будет информировать сотрудников о выполнении бюджетного плана.

После выполнения задания и написания черновика меморандума (текст пишется от руки) студентам предлагается использовать возможности нейросетей для проверки грамотности использованных языковых конструкций и улучшения черновика. После получения обратной связи от ИИ студенты решают, какие изменения могут быть внесены, а что нужно оставить как есть, и вносят правки в исходный текст, фиксируя изменения (акцентным цветом в рукописных работах либо с помощью функционала рецензирования для текстов в электронном виде).

Итоговая работа оценивается на предмет связности текста. Соответствие работы жанру, отсутствие грамматических ошибок и использование активного словаря оценивается в изначальном тексте, написанном от руки в классе. Предложенные ИИ варианты текста являются частью документа, который сдаётся на проверку. Ключевой момент оценивания состоит в том, что итоговая работа должна максимально отражать изначальный текст. Если итоговая работа кардинально отличается от изначального рукописного текста, то за задание выставляется 0.

При последующем обсуждении итоговых работ в классе важно акцентировать внимание студентов на влияние нейросети на их индивидуальный стиль письма: выбор лексики, грамматики и синтаксиса, а также степени формальности. Рефлексия со стороны студентов позволит им более точно понять разницу между изначальным (черновым) текстом и его финальной версией [3. С. 13].

Задание 3: деловое предложение. Как и в предыдущих заданиях, теоретическая часть по правилам написания делового предложения осваивается студентами посредством заранее предоставленного преподавателем справочного и видеоматериала. В классе студенты обсуждают в группе, какой именно продукт/услугу они могут предложить другой команде. На данной стадии мозгового штурма технологии генеративного интеллекта могут быть использованы для сбора дополнительных идей, что именно может быть интересно партнёрам и какова потенциальная рыночная стоимость предлагаемого продукта/услуги. Студенты оценивают сгенерированные нейросетью опции и формируют итоговый список.

Следующим шагом является применение полученных знаний о структуре делового предложения на практике. Студенты должны обсудить наполнение каждой части. На данном этапе черновик может быть выполнен в формате ключевых слов и неполных предложений. Для индивидуализации дальнейшей работы студентам предлагается разделить между собой предлагаемые продукты/услуги и сфокусироваться на своем выборе; продукт/услуга не должны повторяться. Во время обсуждения студенты ведут записи индивидуально.

Индивидуальная работа продолжается совместно с нейросетью, которая по запросу студентов предлагает дополнительные идеи (вектор 1) или создаёт деловое предложение на основе индивидуального черновика каждого студента (вектор 2). В зависимости от выбранного вектора задание строится следующим образом:

Вектор 1. Студенты делают заметки на листе в формате маркированного списка. Эти заметки могут быть использованы для написания делового предложения в традиционном формате. Документ, который сдаётся преподавателю для оценивания, включает все заметки, которые велись в классе, включая идеи ИИ и текст бизнес-предложения.

Вектор 2. Студенты проверяют полученный результат, оценивая его законченность и связность, при необходимости добавляют требуемые аспекты или придают большую индивидуальность тексту. На этом этапе может быть использован элемент взаимооценивания с фокусом на выстраивании общей логики текста и ясности бизнес-предложения. После получения обратной связи от одноклассников учащиеся дорабатывают свои индивидуальные деловые предложения, добавляя активный словарь курса, языковые клише и слова-связки. Вся работа ведётся в облачном документе в режиме редактирования с фиксацией каждого шага. Итоговая работа оценивается преподавателем на предмет соответствия требованиям жанра, ясности текста и логической стройности.

Критерии оценивания задания включают ведение заметок и прозрачный вклад ИИ. Максимальный балл получают в том случае, если при использовании ИИ на этапе мозгового штурма идеи, предложенные им, отмечались в виде маркированного списка и в дальнейшем перефразировались в авторском тексте. Если же они использовались без изменений, то автор получает за данный критерий половину от максимально возможного количества баллов. В случае, если ИИ добавляли в черновик полные предложения, которые позднее были перефразированы в тексте, автор получает $\frac{1}{4}$ балла. Идеи ИИ, записанные полными предложениями или текстом и использованные без изменений, считаются плагиатом, и за всё задание, равно как и за данный критерий, выставляется 0 баллов.

Вне зависимости от направленности задания работа осуществляется через взаимооценивание: бизнес-предложение отправляется студентам-партнёрам и презентуется устно во время занятия. Бизнес-партнёры обращают внимание на содержание и на то, насколько предложенный продукт/услуга соответствуют их целям, и «голосуют кошельком», выбирая команду, с которой они будут строить в курсе дальнейшие бизнес-отношения.

Часть студентов может предпочесть выполнить данное задание без использования технологий генеративного интеллекта. В таком случае после проведения группового обсуждения им надо дать возможность написать бизнес-предложение полностью самостоятельно. В осеннем модуле 2023/24 уч. г. в группах автора 1 13 человек писали с использованием нейросетей и 6 – без использования, а в группе автора 2 все 11 студентов предпочли писать без вклада ИИ. Тем не менее следует отметить, что при работе с нейросетями задействованы когнитивные и социально-эмоциональные навыки более высокого порядка, требующие развития умений критического мышления и принятия решений [2].

Задание 4: контракт. Учитывая тот факт, что в современном мире контракты очень редко пишутся «с нуля», технологии генеративного интеллекта могут быть полностью интегрированы в выполнение задания по созданию контракта в рамках курса. Дома, как и с предыдущими заданиями, студенты знакомятся с контрактом как жанром деловой документации, нарабатывают языковые клише и грамматические структуры, используемые при написании контрактов, выполняя лексические задания. В классе студенты создают запрос ИИ для формирования шаблона контракта, копируют полученный результат в облачный документ и дорабатывают черновик контракта в группе в режиме редактирования. Условия контрактов обсуждаются партнерами устно на занятии в парах и тройках, после чего группы снова возвращаются «в офис компании» для доработки финальной версии контракта.

С учётом того, что студенты работают изначально с готовым шаблоном, работа по созданию черновика, обсуждению условий и доработке итоговой версии документа может быть выполнена в рамках одного занятия. Итоговая работа оценивается преподавателем с использованием технологий генеративного интеллекта на предмет соответствия требованиям жанра, учёта

всех необходимых элементов и чёткости изложения. Обратная связь, предложенная ИИ, дорабатывается преподавателем и высылается студентам. Всей группе выставляется единая оценка.

Задание 5: письмо-рекламация. Данное задание завершает серию письменных работ, выполняется в классе без использования ИИ и, будучи схожим по жанру с сопроводительным письмом, служит итоговым контролем для оценивания всех языковых навыков и письменных речевых умений, работа над которыми шла в течение всего курса.

Образовательные результаты

Внедрение открытого использования технологий генеративного интеллекта в практический курс английского языка прошло процесс апробирования в рамках электива «Английский язык в сфере деловой коммуникации» программы «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Из 79 студентов, выбравших курс, в экспериментальном обучении принял участие 41 студент. Для подтверждения гипотезы данного исследования было проведено входное тестирование, которое включало версию мотивационного письма, написанного в классе, и письмо-жалобу, тоже написанное в классе в качестве итогового контроля. Также был проведён опрос студентов.

Стоит заметить, что опрос проводился дважды: сразу после окончания курса (Опрос 1: 19 участников) и через три месяца после окончания курса (Опрос 2: 26 участников). Данный подход помог оценить изменения в отношении студентов к курсу и предложенному инструментарию, а также дать достаточное время на рефлекссию и оценку возможности использования новых навыков в ситуациях вне курса. Интересно, что с течением времени студенты смогли иначе взглянуть на достигнутые результаты и более высоко оценить новые инструменты.

Так, на момент начала курса лишь треть участников опроса (35%) отметили частый опыт использования ИИ, у остальных (65%) опыт использования нейросетей был небольшим.

После завершения курса половина опрошенных (50%) не отметили изменений в объёме использования инструмента, в то время как оставшиеся участники заметили, что начали чаще использовать ИИ (46%), а также понимать, как применять его наиболее эффективно (4%) (рис. 1).

Рефлексия, предложенная в рамках второго опроса, помогла студентам оценить соотношение своих усилий и вклада ИИ в работу над каждым типом вышеописанных заданий. В основном тип работы можно отнести к одной из следующих категорий: полностью самостоятельная работа без использования технологий генеративного интеллекта; использование ИИ для доработки собственного текста в рамках задания; использование ИИ для генерации идей и/или создания исходного текста, который впоследствии дорабатывался до указанных целей коммуникации и под критерии

оценки; работа, полностью написанная нейросетью за студента (рис. 2).

Рис. 1. Использование ИИ для написания текстов на английском языке после окончания курса

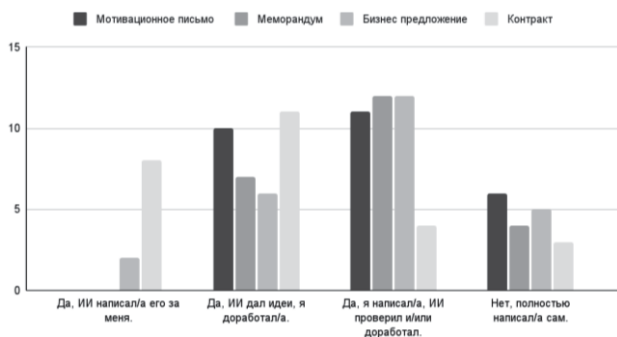

Рис. 2. Использование ИИ для написания заданий курса

Как видно, нейросети чаще всего были задействованы для получения обратной связи и предложений по улучшению текста, созданного студентами (12 из 26 студентов), а также для генерации идей (11 из 26) для последующей работы студентов. Как и предполагалось, контракт, являясь групповым проектом, потребовал меньше всего индивидуальных усилий от каждого студента: так, 8 студентов использовали ИИ для создания готового документа без дальнейших изменений, 11 дополнили проект ИИ конкретным содержанием согласно условиям, согласованным с контрагентом, 4 использовали ИИ в том числе для доработки заключительной версии документа в соответствии с целями задания и лишь 3 отметили, что написали контракт полностью самостоятельно, что кажется маловероятным.

Для того чтобы оценить влияние генеративного интеллекта на развитие языковых навыков, письменноречевых умений и критического мышления, оба опроса включали позиции саморефлексии по шкале Ликерта, каждая из которых начиналась со слов «Использование ИИ при выполнении заданий помогло мне...»:

- познакомиться с языковыми клише, используемыми в деловой переписке, в том числе расширить вариативность языкового оформления (использовать синонимы и языковые клише);

- развить навык языкового оформления текстов, в том числе я начал/а замечать в текстах и применять в своей речи новые грамматические конструкции;

- сформировать/развить умение анализировать текст на предмет логического построения, его стилистического и языкового оформления;

- сформировать/развить умение критического анализа текста, в том числе на предмет уместности предложенных ИИ идей и решений;

- понять, на что именно нужно обращать внимание при написании текстов деловой переписки.

Все позиции саморефлексии сформулированы таким образом, что выбор опций «Полностью согласен» и «Согласен» отражает положительную корреляцию между использованием нейросетей и развитием языковых навыков, письменной речи и критического мышления с точки зрения студентов, в то время как выбор опций «Категорически не согласен» и «Не согласен» показывает отсутствие взаимосвязи между ИИ и развитием указанных умений (рис. 3, 4).

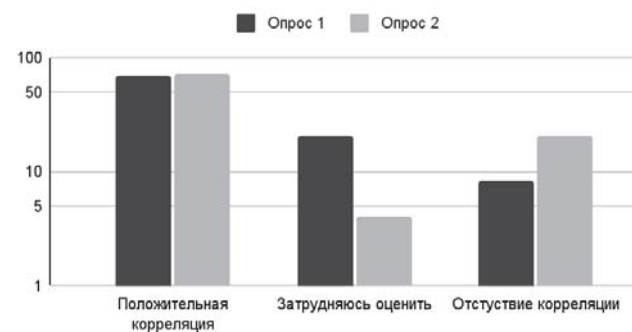

Рис. 3. Корреляция между использованием ИИ и развитием языковых навыков, письменноречевых умений и критического мышления

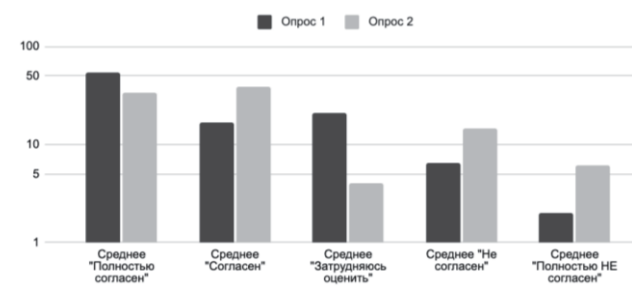

Рис. 4. Средние показатели по всем утверждениям

Как видно из результатов опроса, студенты в целом согласны, что технологии генеративного интеллекта оказали положительное влияние на развитие указанных выше умений. Однако стоит отметить изменения в ответах между Опросом 1 и Опросом 2.

Так, сразу после окончания курса суждения студентов были более позитивными: 54% респондентов выразили полное согласие с положительным влиянием ИИ, выбрав опцию «Полностью согласен», в то время как лишь 2% студентов отрицали положительное влияние ИИ.

С течением времени общая динамика практически не изменилась, однако студенты стали больше выбирать опции «Согласен» (39% в Опросе 2) и «Не согласен» (15% против 6%), и доля затруднившихся с ответом сократилась с 21 до 4%.

Целесообразно разделить позиции саморефлексии на две категории: развитие письменно-речевых умений и способности анализа текста. Вероятнее всего, студенты отмечали общее улучшение в развитии языковых навыков, включая расширение языкового диапазона: 89% респондентов в Опросе 1 и 88% в Опросе 2. Обратная картина наблюдается в грамматическом оформлении речи: если изначально учащиеся были уверены (63%) или затруднились оценить (32%) положительное влияние ИИ, то рефлексия через три месяца показала, что лишь 50% студентов считают, что ИИ действительно повлиял на их навык языкового оформления текстов. Из них 16 отметили, что начали замечать новые грамматические конструкции, а 10 – применять их в своей речи. Обращаем внимание, что данный опрос представляет собой анонимную форму саморефлексии и может расходиться с реальными достижениями студентов в рамках курса. Для понимания реальных достижений учащихся в следующей части данной статьи представлен анализ письменных работ студентов, принимавших участие в исследовании.

Особенно стоит отметить осознание необходимости критически анализировать тексты, созданные ИИ (79% респондентов в Опросе 1 и 77% в Опросе 2), и, как следствие, повышение способности критически оценивать собственные тексты и синтезировать информацию в соответствии с требованиями деловой коммуникации. В итоге студенты могут оценить общую эффективность текста (63 и 73% соответственно), но им всё ещё сложно использовать отдельные элементы, которые могут повлиять на общее качество текста деловой переписки. Так, учащиеся могут оценить использование разнообразных грамматических конструкций в тексте, который создал ИИ (62%, Опрос 2), но не могут настолько же эффективно применять этот навык в письменных работах (38%, Опрос 2). В целом студенты более критично настроены по отношению к текстам, генерируемым нейросетью, научились замечать шаблонность используемых ИИ фраз и структур, снизилось количество плагиата.

Анализ письменных работ студентов

Невозможно ожидать, что впечатления студентов от курса и прогресс, которого, по их мнению, они достигли, являются объективными. Чтобы повысить валидность данных и подтвердить или опровергнуть результаты рефлексии студентов, был проведен анализ работ, которые были написаны без использования ИИ в начале и в конце курса. Первая версия сопроводительного письма – черновик, который студенты писали от руки в аудитории перед тем, как доработать текст с помощью нейросетей; письмо-рекламация – финальная письменная работа, написанная без использования генеративной сети и призванная проверить действительные изменения в навыках письма студентов.

В целях подтверждения факта улучшения письменных умений были проанализированы входные и фи-

нальные письменные работы 23 из 26 студентов, согласившихся принять участие в Опросе 2. Работы остальных студентов проанализированы не были, так как из-за ротации студентов в группах в течение первого месяца в наличии не оказалось изначальной версии сопроводительного письма.

Для оценки работ использовались аналитическая и холистическая шкалы. Аналитическая шкала позволила оценить структуру и логическую организацию текста, стилистическое оформление, лексическое разнообразие и точность использования лексических единиц, расширение диапазона грамматических конструкций. Холистическая шкала позволила сопоставить наличие изменений в письменных работах студентов: значительные улучшения, небольшие улучшения, нет улучшений, замечен регресс. Так, в соответствии с данной шкалой 8 студентов показали значительные улучшения в навыках письма; в финальных работах 12 студентов были отмечены небольшие улучшения в навыках; у 3 студентов не было выявлено значительных улучшений в последней письменной работе на курсе.

В большинстве финальных работ (20 из 23) отмечается лучшая логическая и структурная организация текста, что более точно соответствует заданию. Данное улучшение значительно облегчает работу с письмом-рекламацией для получателя в деловой игре, что ведёт к повышению качества письменной деловой коммуникации. Большая часть письменных работ (16 из 23) в достаточной степени соответствует стилистике жанра деловой переписки. Отмечается использование риторических приёмов, соответствующих жанру и цели письма, а также широкая вариативность стилистических средств и клише, в том числе определённых конструкций, позволяющих более точно воздействовать на читателя.

Оценка лексического разнообразия финальных работ показала, что студенты стали стремиться и к большей вариативности профессиональной лексики. Однако во многих работах (22 из 23) ещё нет абсолютной точности в её использовании, что может объясняться довольно небольшой продолжительностью курса. Интересно, что оценка языкового оформления текста в целом соответствует восприятию студентов, выраженному в опросах: несмотря на положительную динамику в синтаксисе, анализ финальных работ не выявил расширения диапазона грамматических конструкций.

Перед интеграцией технологий генеративного интеллекта в учебную дисциплину мы предположили, что ИИ позволит познакомить студентов с шаблонами деловой документации, принятыми в бизнес-среде, и поможет в создании собственных текстов с соблюдением строгих лингвистических стандартов.

Кроме того, работая над проектами, которые имеют непосредственное отношение к их культуре и будущему, студенты смогут развить критическое и аналитическое мышление, анализируя предложенные ИИ идеи и решения. Использование ИИ в рамках курса делового английского позволяет достичь следующих образовательных результатов (таблица).

Образовательные результаты

Показатель	Образовательный результат	Сопроводительное письмо	Меморандум	Деловое предложение	Контракт
Содержание	Дать четкое понимание написания текста в рамках заданного жанра, включая его структуру и языковое наполнение	+	+	+	+
Язык	Ввести языковые клише и грамматические структуры, соответствующие поставленному жанру	+	+	+	+
Работа с технологиями	Сформировать/развить навык...				
	... формулировки задачи для ИИ	+			+
	... использования ИИ с целью проверки языкового оформления текста		+		+
	... использования ИИ с целью генерации идей и решений			+	+
Критическое мышление и анализ текста	Сформировать/развить умение критического анализа текста на предмет...				
	... логического построения текста, его стилистического и языкового оформления		+		+
	... уместности предложенных ИИ идей и решений			+	+

Заключение

Использование ИИ в рамках курса позволяет не только разобраться в тонкостях различных жанров деловой переписки и развить умения письменного делового общения, но и научиться поступательно использовать технологии искусственного интеллекта в широком спектре ролей (от персонального помощника до члена команды [3. Р. 11]) для достижения поставленных бизнес-целей. Перед студентами встает новая задача: как сократить время на выполнение задания с помощью ИИ и одновременно соотнести полученный продукт с целями коммуникации и требованиями заказчика. Соответственно, новый тип задачи приводит к использованию навыков более высокого порядка. Так, в случае использования нейросети для генерации идей и решений фокус смещается с анализа исходного материала и самостоятельного синтеза информации в итоговый продукт на критический анализ сгенерированного ИИ текста и приведение его в соответствие с целями коммуникации.

Во время участия в деловой игре студенты выступают и как создатели продукта, и как заказчики, оценивая актуальность продукта или услуги для удовлетворения потребностей своего бизнеса. Это позволяет им более активно вовлекаться в процесс игры и научиться видеть ситуацию с разных сторон. Созданный продукт письменной коммуникации (свой и контрагентов) критически оценивается с точки зрения поставленной задачи или желаемого результата.

Понимание тонкостей жанра деловой коммуникации оценивается преподавателем и самими студентами на протяжении всего курса, так как письмо, написанное без учёта потребностей целевой аудитории и с нарушениями жанра, будет оставлено без ответа партнёрами по деловой игре, а контракт не будет заключён. Написанные в рамках курса сопроводительные письма отправляются вместе с резюме в реальные компании, и студенты получают предложения о работе. Достижение образовательных результатов, на которые направлена описываемая практика, подтверждается и самими студентами в отзывах на курс.

Поэтапность внедрения инструмента, построение работы от простого к более сложному, возможность выбора объема использования технологий генеративного интеллекта, взаимооценивание и обратная связь как от ИИ, так и от преподавателя ведут к постепенному формированию необходимых умений, повышению автономии в обучении и позволяют адаптировать курс под нужды каждого учащегося. Кроме того, разрешённое прозрачное использование нейросетей позволяет снизить количество случаев плагиата при выполнении письменных работ.

Хотя курс проводился на иностранном языке и работа над улучшением навыков владения языком была одной из главных задач, разработчики курса уверены, что данная методика может широко применяться в дисциплинах по деловой и межкультурной коммуникации как на русском, так и на иностранных языках для оттачивания навыков общения.

Список источников

- Harrison A. How to make money online with chatGPT (a complete up-to-date guide for beginners). 2023.
- De Smet A., Durth S., Hancock B., Mugayar-Baldocchi M., Reich A. The human side of generative AI: Creating a path to productivity. 18.03.2024. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/people-and-organizational-performance/our-insights/the-human-side-of-generative-ai-creating-a-path-to-productivity> (дата обращения: 24.03.2024).
- Getchell K.M., Carradini S., Cardon P.W., Fleischmann C., Ma H., Aritz J., Stapp J. Artificial Intelligence in Business Communication: The Changing Landscape of Research and Teaching // *Business and Professional Communication Quarterly*. 2022. Vol. 85, Is. 1. doi: 10.1177/23294906221074311
- Владимирова О. Высшие достижения: как будет проходить трансформация вузов // *Известия*. 03.07.2023. URL: <https://iz.ru/1538253/olga-vladimirova/vysshie-dostizheniya-kak-budet-prokhodit-transformatsiya-vuzov> (дата обращения: 08.02.2024).
- Alavi M. Research: How Different Fields Are Using GenAI to Redefine Roles // *Harvard Business Review*. March 25, 2024. URL: <https://hbr.org/2024/03/research-how-different-fields-are-using-genai-to-redefine-roles> (дата обращения: 12.02.2024).
- Кодачигов В. Найдется что: «Яндекс» запустит для поисковика сверхсовременную нейросеть // *Известия*. 01.02.2023. URL: <https://iz.ru/1462961/irina-tcyruleva/naidetsia-cto-iandeks-zapustit-dlia-poiskovika-sverkhsovremennuiu-neiroset> (дата обращения: 12.02.2024).
- Немчинова Е. Виртуальная девушка и реклама для Рейнольдса: почему все обсуждают ChatGPT // *Sostav*. 27.01.2023. URL: <https://www.sostav.ru/publication/pochemu-vse-sejchas-obsuzhdayut-chatgpt-58791.html> (дата обращения: 12.02.2024).
- Cardon P., Fleischmann C., Aritz J., Logemann M., Heidewald J. The Challenges and Opportunities of AI-Assisted Writing: Developing AI Literacy for the AI Age // *Business and Professional Communication Quarterly*. 2023. Vol. 86, Is. 3. doi: 10.1177/23294906231176517
- Ellis D. The Power Of AI In Modeling Healthy Communications // *Forbes*. 17.08.2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/forbesbusinesscouncil/2023/08/17/the-power-of-ai-in-modeling-healthy-communications/?sh=36500e583fdd> (дата обращения: 08.02.2024).
- Булгаков Д. Чужим умом: почему писатели недовольны искусственным интеллектом // *Известия*. 02.01.2024. URL: <https://iz.ru/1627623/dmitrii-bulgakov/chuzhim-umom-pochemu-pisateli-nedovolny-iskusstvennym-intellektom> (дата обращения: 08.02.2024).
- Ruby D. ChatGPT Statistics for 2023: Comprehensive Facts and Data. 2023. URL: <https://www.demandsage.com/chatgpt-statistics/> (дата обращения: 12.02.2024).
- Luo Q., Yang J. The Artificial Intelligence and Neural Network in Teaching // *Computational Intelligence and Neuroscience*. 2022. doi: 10.1155/2022/1778562
- D'Agostino S. ChatGPT Advice Academics Can Use Now // *Inside Higher Ed*. 11.01.2023. URL: <https://www.insidehighered.com/news/2023/01/12/academic-experts-offer-advice-chatgpt> (дата обращения: 10.02.2024).
- Авраменко А.П. Большие языковые модели в лингвистике и лингводидактике. М.: КДУ, Добросвет, 2023. 129 с. URL: <https://bookonlime.ru/node/71529>
- AIContentfy team. How AI Writing Tools Can Help You Write Like a Pro. 07.11.2023. URL: <https://aicontentfy.com/en/blog/how-ai-writing-tools-can-help-you-write-like-pro> (дата обращения: 10.02.2024).
- Титова С.В., Староверова М.В. Этапы цифровизации языкового образования в 20–21 вв. // *Вестник Московского университета*. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26, № 3. С. 25–45.
- Krashen S.D. Principles and Practice in Second Language Acquisition. University of Southern California, 2009. URL: https://www.sdkrashen.com/content/books/principles_and_practice.pdf
- Danesi M. AI in Foreign Language Learning and Teaching. Theory and Practice. Nova Science Publishers, Inc., 2024. 147 p.
- Schmidt E., Kissinger H., Huttenlocher D. ChatGPT Heralds an Intellectual Revolution // *The Wall Street Journal*. 24.02.2023. URL: <https://www.wsj.com/articles/chatgpt-heralds-an-intellectual-revolution-enlightenment-artificial-intelligence-homo-technicus-technology-cognition-morality-philosophy-774331c6> (дата обращения: 10.03.2024).

References

- Harrison, A. (2023) *How to make money online with ChatGPT (a complete up-to-date guide for beginners)*.
- De Smet, A. et al. (2024) *The human side of generative AI: Creating a path to productivity*. 18.03.2024. [Online] Available from: <https://www.mckinsey.com/capabilities/people-and-organizational-performance/our-insights/the-human-side-of-generative-ai-creating-a-path-to-productivity> (Accessed: 24.03.2024).
- Getchell, K.M. et al. (2022) Artificial Intelligence in Business Communication: The Changing Landscape of Research and Teaching. *Business and Professional Communication Quarterly*. 85 (1). doi: 10.1177/23294906221074311
- Vladimirova, O. (2023) Vysshie dostizheniya: kak budet prokhodit' transformatsiya vuzov [Highest achievements: how will the transformation of universities take place]. *Izvestiya*. 03.07.2023. [Online] Available from: <https://iz.ru/1538253/olga-vladimirova/vysshie-dostizheniya-kak-budet-prokhodit-transformatsiya-vuzov> (Accessed: 08.02.2024).
- Alavi, M. Research: How Different Fields Are Using GenAI to Redefine Roles. *Harvard Business Review*. March 25, 2024. [Online] Available from: <https://hbr.org/2024/03/research-how-different-fields-are-using-genai-to-redefine-roles> (Accessed: 12.02.2024).
- Kodachigov, V. (2023) Naydetsya chto: "Yandeks" zapustit dlya poiskovika sverkhsovremennuyu neyroset' [What will be found: Yandex will launch a state-of-the-art neural network for the search engine]. *Izvestiya*. 01.02.2023. [Online] Available from: <https://iz.ru/1462961/irina-tcyruleva/naidetsia-cto-iandeks-zapustit-dlia-poiskovika-sverkhsovremennuiu-neiroset> (Accessed: 12.02.2024).
- Nemchinova, E. (2023) Virtual'naya devushka i reklama dlya Reynol'dsa: pochemu vse obsuzhdayut ChatGPT [Virtual girl and advertising for Reynolds: why everyone is discussing ChatGPT]. *Sostav*. 27.01.2023. [Online] Available from: <https://www.sostav.ru/publication/pochemu-vse-sejchas-obsuzhdayut-chatgpt-58791.html> (Accessed: 12.02.2024).
- Cardon, P. et al. (2023) The Challenges and Opportunities of AI-Assisted Writing: Developing AI Literacy for the AI Age. *Business and Professional Communication Quarterly*. 86 (3). doi: 10.1177/23294906231176517
- Ellis, D. (2023) The Power Of AI In Modeling Healthy Communications. *Forbes*. 17.08.2023. [Online] Available from: <https://www.forbes.com/sites/forbesbusinesscouncil/2023/08/17/the-power-of-ai-in-modeling-healthy-communications/?sh=36500e583fdd> (Accessed: 08.02.2024).
- Bulgakov, D. (2024) Chuzhim umom: pochemu pisateli nedovol'ny iskusstvennym intellektom [Someone else's mind: why writers are unhappy with artificial intelligence]. *Izvestiya*. 02.01.2024 [Online] Available from: <https://iz.ru/1627623/dmitrii-bulgakov/chuzhim-umom-pochemu-pisateli-nedovolny-iskusstvennym-intellektom> (Accessed: 08.02.2024).
- Ruby, D. (2023) *ChatGPT Statistics for 2023: Comprehensive Facts and Data*. [Online] Available from: <https://www.demandsage.com/chatgpt-statistics/> (Accessed: 12.02.2024).
- Luo, Q. & Yang, J. (2022) The Artificial Intelligence and Neural Network in Teaching. *Computational Intelligence and Neuroscience*. doi: 10.1155/2022/1778562
- D'Agostino, S. (2023) ChatGPT Advice Academics Can Use Now. *Inside Higher Ed*. 11.01.2023. [Online] Available from: <https://www.insidehighered.com/news/2023/01/12/academic-experts-offer-advice-chatgpt> (Accessed: 10.02.2024).

14. Avramenko, A.P. (2023) *Bol'shie yazykovye modeli v lingvistike i lingvodidaktike* [Large language models in linguistics and linguodidactics]. Moscow: KDU, Dobrosvet. [Online] Available from: <https://bookonline.ru/node/71529>
15. AIContentfy team. (2023) *How AI Writing Tools Can Help You Write Like a Pro*. 07.11.2023. [Online] Available from: <https://aicontentfy.com/en/blog/how-ai-writing-tools-can-help-you-write-like-pro> (Accessed: 10.02.2024).
16. Titova, S.V. & Staroverova, M.V. (2023) Etapy tsifrovizatsii yazykovogo obrazovaniya v 20–21 vv. [Stages of digitalization of language education in the 20th–21st centuries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 19. *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 26 (3). pp. 25–45.
17. Krashen, S.D. (2009) *Principles and Practice in Second Language Acquisition*. University of Southern California, [Online] Available from: https://www.sdkrashen.com/content/books/principles_and_practice.pdf
18. Danesi, M. (2024) *AI in Foreign Language Learning and Teaching. Theory and Practice*. Nova Science Publishers, Inc.
19. Schmidt, E., Kissinger, H. & Huttenlocher, D. (2023) ChatGPT Heralds an Intellectual Revolution. *The Wall Street Journal*. 24.02.2023. [Online] Available from: <https://www.wsj.com/articles/chatgpt-heralds-an-intellectual-revolution-enlightenment-artificial-intelligence-homo-technicus-technology-cognition-morality-philosophy-774331c6> (Accessed: 10.03.2024).

Информация об авторах:

Родоманченко А.С. – канд. пед. наук, доцент Школы иностранных языков Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (Москва, Россия); доцент Национального исследовательского технологического университета "МИСИС" (Москва, Россия). E-mail: a.rodomanchenko@gmail.com

Сорокина Е.В. – приглашенный преподаватель Школы иностранных языков Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (Москва, Россия). E-mail: sorokina.english@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.S. Rodomanchenko, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, HSE University (Moscow, Russian Federation); associate professor, National University of Science and Technology MISIS (Moscow, Russian Federation). E-mail: a.rodomanchenko@gmail.com

E.V. Sorokina, visiting lecturer, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: sorokina.english@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.05.2024;
одобрена после рецензирования 29.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 13.05.2024;
approved after reviewing 29.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 34.023
doi: 10.17223/15617793/507/24

Правовое положение женщины в крестьянской семье и сельской общине имперской России во второй половине XIX – начале XX в.

Иван Константинович Воронин¹

¹ Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, voronin@festu.khv.ru

Аннотация. Рассматривается проблема определения правового статуса женщины в крестьянской семье и сельской общине в России периода второй половины XIX – начала XX в. Правовой статус женщины определяется как обособленный комплекс правовых норм или особый правовой институт, определяющий их положение в обществе. Автор приходит к выводу, что правовое положение женщины в семье зависело от следующих факторов: правового положения её мужа, её роли во внутрисемейном разделении труда, взаимоотношения различных возрастных групп.

Ключевые слова: статус женщины, эмансипация, сельская община, крестьянский мир, обычное право

Для цитирования: Воронин И.К. Правовое положение женщины в крестьянской семье и сельской общине имперской России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 217–224. doi: 10.17223/15617793/507/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/24

The legal status of a woman in a peasant family and rural community of imperial Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries

Ivan K. Voronin¹

¹ Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russian Federation, voronin@festu.khv.ru

Abstract. The article deals with the problem of determining the legal status of a woman in a peasant family and rural community in Russia during the second half of the 19th – early 20th centuries. The legal status of a woman is defined as a separate set of legal norms or a special legal institution that determines their position in society. This is not identical to the gender approach because it does not amount to the establishment of equality between men and women. In order for women to have equal opportunities with men to exercise their rights, taking into account their biosocial characteristics, they must be provided with certain benefits, which goes against the establishment of formal equality. The initial chronological boundary is 1861, when the development of Russia was determined by the General Provision on Peasants Who Came out of Serfdom dated February 19 of the same year. It not only freed peasants from serfdom, but also legalized the peasant community that existed in the Russian countryside long before the abolition of serfdom. The position of a peasant woman in the family and society was regulated by customary law. It was based on the principle of the primacy of the collective interests of the family over the interests of individuals, not excluding women. The main idea was to ensure the economic stability of the family. The idea of justice presupposed the creation of equal economic conditions for all members of the community. By a traditional family, the author means a large family in which several generations coexist under one roof. And all of them, like agnatic kinship in Roman law, are in the power of the householder. The structure of the female half of the family consisted of the following elements: (1) the wife of the head of the family; (2) the wives of the sons or brothers of the head of the family (daughters- or sisters-in-law); (3) unmarried daughters of the head of the family; (4) old women (5) widows. The article examines in detail the legal status of each of them. By law, husbands were required to support their wives. Heavy field work was the lot of men. Women could be freed from other heavy jobs. Thus, they were given benefits, given the importance of their childbearing function in the family. Thus, the legal status of a woman in the family depended on the following factors: the legal status of her husband; her role in the intra-family division of labor; relationships between different age groups. In some cases, a woman was given the opportunity to decide her fate by choosing her future spouse. After the death of her husband, the widow became the head of the family and her adult sons obeyed her. The inequality of rights and responsibilities was undeniable, but men, having great rights, bore great responsibility for the welfare of the family. A woman could, under certain circumstances, take full responsibility for the situation of the family, while receiving additional rights in the community.

Keywords: status of women, emancipation, rural community, peasant world, traditions, customary law

For citation: Voronin, I.K. (2024) The legal status of a woman in a peasant family and rural community of imperial Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 217–224. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/24

Права и обязанности русской женщины в крестьянском мире, имеется в виду в крестьянской семье и крестьянской сельской общине, привлекали внимание отечественных исследователей ещё в XIX в. Большинство этих исследований посвящены общине как уникальному явлению русской истории. Исследователей, прежде всего, интересует обычное право, которое являлось основным регулятором общественной и личной жизни крестьян в соседской общине. При этом статус женщин в них рассматривался лишь косвенно [1–3]. Более подробно это вопрос освещают работы этнографического характера [4, 5]. Однако в них акцент делается в большей мере не на правовой стороне дела, а на обрядах и верованиях. Большое внимание брачно-семейным правоотношениям и положению женщин в крестьянской семье уделили ученые-юристы: С.В. Пахман [6], И.Г. Оршанский [7], В.А. Колесников [8], А.И. Загоровский [9] и др. Исследования крестьянской общины продолжили советские ученые [10, 11]. Итогом этой работы стала монография П.Н. Зырянова [12]. В последнее время этой темой активно занимались В.Б. Безгин [13], З.З. Мухина [14] и ряд других исследователей. Появились также и специальные обобщающие работы, посвященные непосредственно правовому статусу русской крестьянки в досоветское время (С.В. Ворошилова [15], Е.П. Татаринова [16] и ряд других исследователей). В целом положение женщины в большинстве работ характеризуется в мрачных тонах: крайне забитая мужем, свекром и свекровью, отягощенная множеством забот и лишенная всяких прав. Лишь некоторые авторы полагают, что не все было столь безрадостным в жизни женщины-крестьянки [17].

Под правовым статусом женщин мы понимаем, вслед за Д.Ф. Латыповой [18], обособленный комплекс правовых норм или особый правовой институт, определяющих их положение в обществе. Наш подход не тождественен гендерному подходу, так как не сводит эволюцию правового положения женщин к установлению равноправия мужчин и женщин. В свое время Л.И. Петражицкий отмечал, что реальное и юридическое равенство женщин – это далеко не одно и то же [19]. Для того чтобы женщины имели равные с мужчинами возможности реализовать свои права, предполагает Д.Ф. Латыпова, учитывая её биосоциальные особенности, ей должны быть предоставлены определенные льготы. Это, в свою очередь, идет вразрез установлению формального равенства [18].

Исходным хронологическим рубежом является 1861 г., когда развитие России определялось «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля того же года (ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXXVI. 1861. Отд. 1. Февраля 19. № 36657). Аналогичные нормативные акты были приняты и для государственных крестьян – «О поземельном устройстве государственных крестьян» (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XLI. Отд. 2. 1866. Ноября 24. № 36659). Оно

не только освобождало крестьян от крепостной зависимости («Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевые угодья» (ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXXVI. 1861. Отд. 1. Февраля 19. № 36657), но и легализовало крестьянскую общину, существовавшую повсеместно в русской деревне задолго до отмены крепостного права [20]. Поэтому автор рассматривает статус не абстрактной женщины, а женщины-крестьянки, и не в абстрактном обществе, а в крестьянском мире, т.е. в крестьянской семье и крестьянской общине и за пределы их не выходит. Наконец, надо учитывать и тот факт, что отечественное право, отягощенное феодальными пережитками, и словесный строй российского общества вовсе не предполагали даже формального равенства прав личности.

Безусловно, одной из особенностей положения женщины-крестьянки в семье и обществе было то, что оно регулировалось, главным образом, обычным правом, которому отнюдь не была свойственна ни унификация, ни детальная регламентация. Важную роль играли определенные принципы, лежащие в основе норм обычного права [21]. Прежде всего это примат коллективных интересов семьи над интересами индивидов, не исключая женщин. Необходимо было всеми силами обеспечить хозяйственную устойчивость семьи. Внутрисемейное разделение прав и обязанностей между мужчинами и женщинами и внутри женского коллектива этому способствовали. Не был понятен крестьянам и принцип равенства перед законом. Наоборот, судили «по человеку», т.е. по его трудовому вкладу в общее и в общесемейное хозяйство. Сюда следует отнести идею справедливости. Её суть заключалась в создании равных условий хозяйствования для всех членов общины.

По мнению Т.Н. Шатковской, специализирующейся по истории обычного права, оно состояло из норм традиционных, т.е. непосредственно обычного права, и общепринятых установлений [21. С. 107]. Последние относятся к нормам официального права, изложенным в Своде законов Российской империи, главным образом в Законах о состояниях (Т. IX) и Своде законов гражданских (т. X, ч. 1), и признаваемые крестьянами. К этим общепринятым нормам можно отнести и нормы, восходящие к каноническому праву.

После 1861 г. роль общины возросла, так как в условиях увеличения крестьянских выплат помещику только она могла хоть как-то гарантировать жизнеспособность мелкого крестьянского хозяйства. Однако крестьянство не могло окончательно разорвать свои отношения с помещиком и уйти в город, так как выкуп земли был обязателен. Необходимо отметить и тот факт, что на крестьянах оставался и подушный податъ, выплачиваемая ими государству в качестве обязательного налога. При этом субъектами таких платежей были исключительно лица мужского пола, достигшие совершеннолетия.

Сельская община объединяла отдельных домохозяев, как правило, связанных между собой не кровными узами, а общими хозяйственными интересами (отсюда её ещё называли соседской). Главной функцией такой общины был регулярный передел пахотных земель между её членами, распределение повинностей и податей, разрешение конфликтных вопросов. Органами управления в соседской общине были сельский сход и сельский староста, избираемый на сходе. В созываемом старостой сельском сходе могли участвовать и принимать решения только домохозяева.

Реформа 1861 г. сделала крестьян лично свободными. В России формируется рынок свободных рабочих рук. Крестьяне формально получили право свободно уходить из деревни на заработки, будучи не связаны напрямую властью помещика. Сезонный отток рабочих рук из деревни на заработки получил название отходничество. Это явление возникло ещё до отмены крепостного права, но после 1861 г. оно приняло массовый характер. Как правило, отходники – это лица мужского пола, у которых в деревне оставались жены и дети. Община неохотно отпускала столь необходимых им мужчин – главных полевых работников и кормильцев. Они же были и основными плательщиками и подушной подати, и выкупных платежей. Комиссия по преобразованию волостных судов была создана императором по указу от 27 января 1871 г. В орбиту её работы были вовлечены волостные суды и должностные лица Костромской, Ярославской, Московской, Тверской, Вологодской, Самарской, Саратовской и Новгородской великорусских губерний. По итогам работы комиссии в 1873 г. было опубликовано шесть томов соответствующих «Трудов...», не потерявших научное значение до наших дней.

По данным Комиссии по преобразованию волостных судов [22. С. 40, 50, 96, 183], в деревнях ряда губерний, таких как Владимирская, Московская, Костромская, Новгородская, Псковская, Ярославская, в самый «горячий» сезон – весну и лето, уже в начале 1870-х гг., т.е. через десять лет после начала крестьянской реформы, отсутствовало до половины взрослого мужского населения [23. С. 186, 189, 221, 455]. Тяжелый крестьянский труд почти целиком ложился на плечи оставшихся в деревне женщин, что не могло не сказаться на их статусе в крестьянской общине и в крестьянской семье.

О том, что представляла традиционная крестьянская семья, можно судить по докладной записке, представленной в Комиссию по преобразованию прокурором Белозерского уездного суда Новгородской губернии Ф.Д. Касперовичем (1836–23.10.1898). В 1867–1874 гг. Ф.Д. Касперович – прокурор Белозерского окружного суда, надворный советник [24. Л. 1–30; 25. С. 279].

Записка представляет собой несколько десятков печатных страниц, на которых респондент подробно отвечает на все поставленные комиссией вопросы, обнаружив при этом удивительную наблюдательность и осведомлённость: «Неразрывно сообщностью имущества связаны права и обязанности членов семьи на положение в доме и на отношения к главе домохозяину.

Права эти и обязанности нигде не определены в законе, тем не менее, они существуют, и нарушение одним из членов границ занимаемого им положения в доме всегда ведет к неурядице, которая мешает благосостоянию хозяйства. При жизни отца в семействе, состоящем из мужа, жены и детей, право распоряжаться всем хозяйством беспелляционно принадлежит отцу; это право он сохраняет до своей кончины или до тех пор, пока по старости или дряхлости не передаст хозяйство старшему сыну. Домашним хозяйством, по крестьянскому выражению, – обрядней и стряпней заведует мать, которой, если сыновья женаты, невестки беспрекословно повинуются; она их наряжает на домашние работы точно так же, как хозяин наряжает самую хозяйку и за ней весь дом на полевые и другие, неразрывно с ними связанные работы. После смерти отца и хозяина, если дети малолетние, в права его вступает мать и сохраняет это право, пока старший сын не встанет на ноги и не примет на себя хозяйство, или, когда сыновей нет, зять, принятый в дом к дочери, не снимет с неё работы по полемому хозяйству. При сыне-хозяине и при зяте, принятом в дом, мать сохраняет первое место в домашнем хозяйстве, т.е. заведует всем домашними занятиями, стряпает и собирает на стол. Это право она сохраняет до своей смерти или до того времени, когда она по старости и дряхлости, под именем бабки, не перейдет к более легкому занятию, ухаживая за своими внучатами. За ней вступает во все права жена хозяина-сына, а прочие невестки становятся к ней в те же отношения, в каких были к свекрови, но так как эти отношения старшей золовки к младшим искусственные, а не естественные, то начинаются между ними ссоры, в которых постепенно принимают участие мужья и, наконец, совершенно естественно, начинается речь о разделе братанников сперва в семье, а потом на сельском сходе. Иногда, впрочем, отец при своей жизни отделяет своих взрослых сыновей, тогда последние, по крестьянскому выражению, уже соседи своему отцу; но бывают случаи, что отцы ради материальных выгод желают властвовать над своими отделенными сыновьями, община обыкновенно вступает и защищает сыновей против самодуров-отцов. Были случаи, что отцы обращались к содействию общих судебных мест. Таков заведённый порядок в домашнем крестьянском быту. Этот порядок поддерживается правом хозяина – приказывать и учить (бить) свою жену и детей. Невесток своих хозяин бить не имел права, их учат только мужья, о чем старики-отец и мать им напоминают при каждом удобном случае, внучат тоже учит отец и мать, только за отсутствием их – дед и бабка» [23. С. 488–489].

Несколько предварительных замечаний. В данном тексте автор обозначил статус женщины в традиционной семье по мере изменения её половозрастных функций. Предварительно следует сказать, что, согласно традиции, замужняя женщина – «отрезанный ломоть». Имеется в виду, что она разрывает связь со своей прежней семьей, т.е. семьей отца и матери. Здесь уместна аналогия с римским правом. Как известно, в Древнем Риме существовало два типа родства: агнатическое и когнатическое. Само слово семья – *family* – буквально

означает имущество домовладыки, куда входило первоначально всё, включая и его жену, и детей, и рабов и т.д. Агнатическими «родственниками» (в русском языке есть другое более приемлемое слово применительно к родственникам по линии супруга – свойственники) или агнатами признаются все лица, кто живет под крышей домовладыки и находятся в его власти (*patrias potestas*). Когнатическое родство – это родство по крови. Однако эмансипированный сын, т.е. отделенный от отца и выделившийся в отдельную семью, так же, как и дочь, вышедшая замуж, членами *family* в традиционном римском праве не считались [26. С. 279].

Когда мы говорим о традиционной семье, то мы имеем в виду большую семью. Её еще называют сложной или нераздельной семьей. Это семья, в отличие от малой семьи, где живут два поколения – мать, отец и их дети, в которой под одной крышей сосуществует несколько поколений, в том числе и женатые сыновья со своими женами и детьми. И все они подчиняются власти домохозяина. По сути, это родовая община, которую впоследствии сменяет более крупное объединение – соседская община. Интересно, что и в XIX в. большие семьи входили в соседские общины и на сельских сходах они могли быть представлены сразу двумя или даже тремя взрослыми мужчинами.

Если исходить из той записки, что представил Ф. Касперович, структура женской половины семьи включала следующие основные возрастные группы, как-то: 1) жена главы семьи; 2) жены сыновей или братьев главы семьи (снохи); 3) незамужние дочери главы семьи; 4) старухи; 5) вдовы. К ним следует еще добавить выпавшие из нормальной семейной жизни, описанные 3.3. Мухиной, старые девы и солдатки [27. С. 182]. Разберем статус каждой из этих групп.

1. Жена главы семьи («большуха»). Такой статус её мужа признавался и обычаем, и законом. Соответственно, положение жены было производно от статуса её мужа, что соответствовало и обычаю, и закону. Отсюда следовало то, что жена обязана «пребывать к мужу в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома» (ПСЗРИ. Собрание I. Т. IX. Ч. I. Ст. 107). Это соответствовало не только светскому (обычному и общепринятому), но и каноническому праву – «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинует Христу, так и жены своим мужьям во всем» (Послание Апостола Павла к Ефесянам (Еф.5:22–33)).

Если отец семейства отдавал распоряжения по хозяйственной части прежде всего сыновьям, то его жена – снохам, т.е. женами сыновей. В обязанность «большухи» входили все домашние работы (приготовление пищи, стирка, рукоделие – прядение, ткачество), соблюдение домашними различных обрядов. В их ведении были и работы во дворе дома (уход за домашними животными), работа на приусадебном участке (огороде). «Большухе» беспрекословно подчинялись сыновья, но только до их женитьбы.

2. Жены сыновей, или снохи. Они находились в подчинении «большухи» и выполняли все её приказания.

Она не только отдавала распоряжения, но и следила за их выполнением, нередко выговаривая нерадивым молодым хозяйкам. Обязанность варить и подавать на стол выполнялись снохами поочередно. От «дежурства» могли первое время освобождать недавно вошедшую в семью молодую женщину.

Снохи находились в прямом подчинении своих мужей, как и «большуха» по отношению к домохозяину, согласно общепринятым нормам и нормам традиционным. Как отмечалось выше, мужья должны были «учить» своих жен. Однако в нормальной большой семье это не позволялось делать не только свёкру и свекрови. Не могли это делать и братья мужа. Последний выступал защитником соей жены. В противном случае она обращалась за защитой в волостной суд [6. С. 108].

Тем не менее обычай признавал за замужней женщиной право на обособленное от мужа имущество, коим было приданное. Как правило, это движимое имущество, а также деньги. В редких случаях крупный и мелкий рогатый скот. Последнее имущество растворялось в общем имуществе семьи, которым распоряжался муж. Если этого не происходило, то женщине принадлежал и приплод от скота. Приданное было пусть и слабой, но гарантией материальной независимости женщины [6. С. 68–71] на случай жестокого обращения с женщиной в семье мужа, непредвиденных обстоятельств, связанных с его смертью, и отторжения вдовы большой семьей.

3. Незамужние дочери главы семьи. Они по мере возможностей вовлечены в общехозяйственную работу. Однако главная их забота – подготовка приданного. В неимоверных количествах ткется льняное полотно, шьются платья, деревенские наряды и т.д. Это имущество, по мнению С.В. Пахмана, становилось личной собственностью девушки ко времени выхода её замуж. Однако после смерти отца они в отличие от его сыновей, не могли рассчитывать на свою долю в наследстве. В то же время в обязанность братьев вменялась выдать сестру замуж, снабдив её приданным [6. С. 228–236].

Наряды шились ещё и для того, чтобы блеснуть ими перед потенциальными женихами. Народные обычаи предусматривали различные мероприятия, способствующие взаимным встречам будущих невест со своими сужеными. Молодые благодаря этим обычаям могли свободно выбрать себе брачного партнера, основываясь не только и не столько на голом расчете, но и полагаясь на чувства взаимной симпатии. При этом активная роль могла принадлежать и женской половине. В ряде случаев девушки-крестьянки могли пренебрегать условностями, не боясь осуждения, что было немыслимо среди других сословий. Тот же Ф.Д. Касперович свидетельствует: «Иногда эта свобода отношений двух полов доходит до того, что женский пол нанимает особую избу, в которой каждая из девок по чести (без совокупления) проводит ночь с избранным его парнем (деревни Гдовского уезда: Корковчина, Исаковщина, Боровик и др.). После этого обыкновенно, если только старики не противятся, начинается сватовство и свадьба, сопровождаемая обрядами, обличающие глубокую их древность...» [23. С. 489]. Отсюда

требование закона об обязательном для священников при венчании испрашивании у брачующихся пар о добровольном их согласии на вступление в брак [28. С. 309] имело под собой определенное основание.

4. Старухи. Эта группа представлена в семье лицами старшего возраста. Как правило, это может быть «большуха» из-за отсутствия здоровья и сил, передавшая свою власть старшей снохе. Существовала обязанность детей, согласно закону и обычаю, содержать «старуху» до её кончины. При этом надо отметить, что эта норма в русском праве утвердилась еще в XVII в., будучи закрепленной в ст. 6 гл. XXII Соборного уложения [29. С. 288], а затем приняла более определенные черты в ст. 2086 «Уложении о наказании уголовных и исправительных» (ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XX. Ч. 1. № 19283). Суровость наказания – лишение свободы от одного года и более лет, в течение которых родители фактически лишались средств существования, понуждало стариков обращаться не в общие, а в волостные суды.

В свою очередь удел престарелой женщины в семье детей – ухаживание за малолетними внуками. Их роль возросла в семьях, где взрослые мужчины были в отхожих промыслах, а их жены были целиком заняты хозяйственной работой и не могли уделять время своим малолетним детям. На помощь старухам привлекались подростки 8–11 лет.

5. Вдовы. По общепринятому порядку распоряжаться имуществом мог только мужчина-домохозяин, следовательно, его вдове по наследству не передавалось никакое имущество, оно должно было переходить сыновьям. Однако, как правило, если вдова была бездетна, ей переходила часть имущества. Остальное уходило родственникам мужа. Размер вдовой доли в имуществе зависел от возраста вдовы: чем моложе, тем меньше была доля. Община полагала, что молодой вдове легче выйти вновь замуж и тем самым обеспечить свое существование. Если по смерти мужа вдова оставалась с малолетними детьми, то она назначалась опекуном их имущества по достижению ими совершеннолетия. Одновременно она становилась домохозяином, распоряжаясь имуществом детей в их пользу [6. С. 257–266].

Она могла остаться домохозяином и при взрослых сыновьях, при условии, что не выйдет вновь замуж. Эта норма была общепринятой со времен Русской правды: «Если же она, оставаясь вдовою, захочет жить в одном доме со своими детьми, а дети того не захотят, то в подобном случае творите волю матери, а не детей...» [30. С. 24]. Изменение женщиной своего статуса не вызывало возражений со стороны общины. Более того, она допускалась к участию в сельском сходе, но без права входить в выборные органы сельского самоуправления. Одновременно на нее возлагалась ответственность за выплаты подушной подати и выкупных платежей. Так, в начале 1870-х гг. в одной из волостей Тамбовской губернии исследователи зафиксировали обычай, по которому вдова после смерти мужа получает его имущество (даже если с покойным супругом детей не прижили) и община, в которой они состояли предлагает ей, кроме имущества, ещё и землю

оставить себе – для оплаты подати [22. С. 678] Главным принципом было «чтобы земля обрабатывалась» и можно с неё было подати уплачивать.

Большая семья могла распасться по смерти мужчины-домохозяина. В этом случае сыновья давали матери часть имущества, которая в большинстве волостей Европейской России равнялась 1/7 наследства. Последнее соответствовало тому, что наследовала мать при живых детях по закону (СЗРИ. Т. X. Ч. 1. Ст. 1148).

Если вдовой становилась сноха, то перед ней был выбор. Она могла, в случае если была бездетна уйти к родителям, взяв с собой свое приданное. Если же у нее были дети – остаться у родителей мужа. Но при этом её роль была незавидной. Защиты ей было ждать не от кого, а обидеть её могли и домохозяин, и братья мужа, и «большуха», и другие снохи. Однако во всех случаях ей не возбранялось выходить замуж вновь. В последнем случае детей под опеку могла взять семья первого мужа [6. С. 352–353], что противоречило общему законодательству.

6. Солдатки, т.е. снохи, мужья которых были призваны в армию. По закону во время нахождения их мужей на военной службе сохраняли все личные и имущественные права своего состояния и продолжали числиться в составе тех обществ, к которым принадлежат их мужья. Они могли и проживать в местах службы их мужей, но не рассчитывать на какое-то «казенное вспомоществование» в снятии там квартиры и проживание [31. С. 52]. По этой причине солдатки, имеющие детей, как правило, проживали в семье мужа, так как уйти жить к родителям было крайне предосудительно. Это было затруднительно сделать даже после гибели мужа на службе или безвестного его отсутствия (пропал без вести, попал в плен и т.д.), равно как и выйти вновь замуж, хотя по закону это не возбранялось.

7. Старые девы (вековухи), т.е. незамужние женщины старших возрастов, потерявших всякую надежду выйти замуж. Выдать девицу замуж – первая обязанность отца семейства. В противном случае вся семья вынуждена была терпеть старую деву.

По закону мужья были обязаны не только любить, но и содержать своих жен сообразно своего материальному состоянию (СЗРИ. Т. X. Ч. 1. Ст. 106). Обязанности содержать мужа женой в законе не прописывались. Тяжелые полевые работы повсеместно были уделом мужчин, прежде всего к ним относится вспашка и посевная. В ряде волостей Вятской губернии уже в начале XIX в. женщины освобождались и от других тяжелых работ (зимняя заготовка дров, например) [32. С. 325]. Таким образом, несмотря на, казалось бы, приниженное положение женщин в крестьянской семье, им давались льготы, учитывая важность их детородной функции в семье. Однако к уборке зерновых (в черноземных областях – пшеницы, а в нечерноземных – ржи), привлекались все члены семьи, исключая малолетних и немощных стариков.

Покорность женщины мужу, как того требовал закон и обычай, не была абсолютной. Сторонние наблюдатели отмечали, что если мировые суды практически не вмешивались во внутрисемейные разборки, то в волостных судах они составляли значительную часть

рассматриваемых дел. К рассмотрению таких дел их понуждало и общее законодательство (СЗРИ. Т. X. Ч. 1. Ст. 256). Как правило, суд принуждал женщин, которые уходили от мужей из-за не мотивированного жестокого с ними обращения, вернуться в семью, так как это входило в противоречие с обычаем [6. С. 87]. Закон также неукоснительно требовал, чтобы жена проживала совместно с мужем (СЗРИ. Т. X. Ч. 1. Ст. 103).

В то же время общество вставало на сторону женщины, если истязания мужа были не мотивированы и переходили все мыслимые пределы. Как правило, нерадивого и излишне жестокого мужа в волостных судах наказывали розгами. В делах Комиссии по преобразованию волостных судов С.В. Пахманом [6. С. 103–105] обнаружено 34 дела, в которых мужья, избитые в немеренной жестокости, сопряженной с пьянством и расточительностью, наказывались волостными судами битьем розгами. Это зафиксировано в Московской, Владимирской, Тамбовской, Нижегородской, Костромской губерниях. Так, что одними увещаниями буйные крестьяне не ограничивались. Если жена провоцировала мужа на побои, то розгами могли наказать обоих [6. С. 109]. Согласно высочайшему указу от 17 апреля 1863 г., женщины не могли подвергаться телесным наказаниям вообще, в том числе по приговору волостных судов (ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXXVIII. Отд. 1. 1863. Апрель 17. № 39504). Этим указом вообще отменялись телесные наказания для женщин всех сословий. Кроме того, они окончательно отменялись для православных церковнослужителей и их детей. Эта норма распространялась также и на духовных лиц нехристианских вероисповеданий. Как показывает практика деятельности волостных судов, именно этот запрет ими и нарушался. Однако женщин в целом наказывали реже, чем мужчин, а розгами не так часто, главным образом за разврат. В то же время честь женщины была неприкосновенна. Крестьянский суд вставал на сторону тех женщин, честь которых была оскорблена даже словом [33. С. 50].

Суровость обращения с ними мужчин была, на наш взгляд, обусловлена не их жестокостью, а тяжелой повседневностью. Позорным явлением в традиционной большой семье было «снохачество», т.е. сожительство главы семьи со снохой – женой своего сына. «Снохачество» получило распространение в крестьянской среде в XVIII – первой половине XIX столетиях. Как правило, молодые женщины не могли найти себе защиты ни в семье мужа, ни в семье родителей, ни в общине. Однако, согласно каноническому праву, такое сожительство считалось грехом и приравнивалось к

кровосмешению, что влекло за собой недействительность брака. На таких же позициях стояло и российское законодательство – ст. 2088 «Уложение о наказании уголовных и исправительных» (ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XX. Ч. 1. № 19283).

В конце XIX в. отношение в крестьянской среде к «снохачеству» меняется, что нашло отражение в обычном праве. Повсеместно это явление призралось. В ряде волостей Калужской губернии по жалобе сыновей сельский сход вставал на их сторону и настаивал на семейном разделе. В других местностях той же губернии снохачи ущемлялись в правах: их не допускали ни на сход, ни на сельскую сходку и т.д. Сыновья, уличившие отца в связи со своей женой, выходили из его отцовского подчинения [34. С. 168–169, 555].

Таким образом, правовое положение женщины в большой (традиционной) семье зависело от нескольких факторов. Это прежде всего правовое положение её мужа. Второй важнейший фактор – её роль во внутрисемейном разделении труда. В определенной степени её статус зависел от взаимоотношений различных возрастных групп. В ряде случаев женщине самой предоставлялось право и возможность решать свою судьбу, выбирая себе будущего супруга. Нередко женщина после смерти мужа становилась главой семейства, которой подчинялись взрослые сыновья. Неравенство прав и обязанностей было налицо. Однако необходимо отметить, что мужчины, имея большие права в традиционной семье, несли большую ответственность за её благосостояние. Они же брали на себя наиболее тяжелую и ответственную мужскую работу. Женщина также могла, при определенных обстоятельствах, взять на себя полную ответственность за положение семьи, получая при этом и дополнительные права в общине.

Под воздействием внутренних противоречий и внешних обстоятельств, на её смену шли новые семейные отношения. Под внутренними противоречиями имеются в виду противоречия, возникающие между старшим и младшим поколениями взрослых, внутри женского сообщества в семье. Все это подрывало семью изнутри. Большая (неразделенная) семья, способствующая выживанию в традиционных отношениях крестьянского хозяйства, оказалась негибкой в новых условиях. Она сковывала частную инициативу отжившими предписаниями и традициями. Возрастающая роль женщины в хозяйственной жизни села, особенно в регионах, где был развит отхожий промысел, входила в противоречие с её статусом в традиционной неразделенной семье.

Список источников

1. Изгоев А.С. Общинное право (Опыт социально-юридического анализа землевладения, как института гражданского права). СПб. : Типолит. «Надежда», 1906. 160 с.
2. Илларионов Н.С. Обычное право. Харьков : Изд. Харьков. губ. стат. комитета, 1893. 73 с.
3. Кавелин С.П. Исторический очерк поземельного устройства государственных крестьян. М. : Типолит. В. Рихтер, 1912. [2], 72 с.
4. Жбанков Д.Н. Бабыя сторона. Статистико-этнографический очерк. Кострома : Губернской типография, 1891. 126 с.
5. Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту: Свод данных, добытых этногр. материалами покойного кн. В.Н. Тенишева / [соч.] кн. В.В. Тенишева. Брянск : Тип. Л.И. Итина и К°, 1907. [2], 192, IV с.
6. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России: юридические очерки. Т. 2: Семейное право. СПб. : Б.и., 1877. 400 с.
7. Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб. : Тип. А.Е. Ландау, 1879. [4], 455 с.
8. Колесников В.А. Причины крестьянских семейных разделов. Ярославль, 1896. 58 с.
9. Загоровский А.И. Курс семейного права. 2-е изд. Одесса : Тип. Акционерного южнорусского общ-ва печатного дела, 1909. 564 с.
10. Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М. : Наука, 1976. 323 с.
11. Александров В.А. Обычное право крепостной деревни. М. : Наука, 1984. 257 с.

12. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М. : Наука, 1992. 256 с.
13. Безгин В.Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX века. Тамбов : РГНФ, ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2015. 192 с.
14. Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М. : ИЭА РАН, 2012. 299 с.
15. Ворошилова С.В. Правовое положение женщин в России в XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. 56 с.
16. Татаринова Е.П. Гражданско-правовой статус женщин в России в XVII – первой половине XIX века : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 19 с.
17. Лаухина Г.Е. Поземельная община и женщина крестьянка в 60–90-е годы XIX века (по материалам Центрального Черноземья) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. С. 81–84.
18. Латыпова Д.Ф. Генезис института правового положения женщин: от римского права к современности. Уфа : РИО БашГУ, 2003. 125 с.
19. Петражицкий Л.И. Речь профессора Л.И. Петражицкого, депутата 1-й Государственной думы: по стенографическому отчету / Партия народной свободы. СПб. : Тип. Б.М. Вольфа, 1907. 16 с.
20. Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М. : Наука, 1976. 323 с.
21. Шатковская Т.В. Традиционные принципы обычного права российских крестьян второй половины XIX – начала XX веков: понятие, классификация и особенности // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. 2006. С. 105–110.
22. Труды Комиссии по преобразованию волостных судов (Словес. опросы крестьян, письм. отзывы различ. мест и лиц и решения: волост. судов, съездов мировых посредников и губ. по крестьян. делам присутствий). Т. II: Владимирская и Московская губернии. СПб., 1873. 670 с.
23. Труды Комиссии по преобразованию волостных судов (Словес. опросы крестьян, письм. отзывы различ. мест и лиц и решения: волост. судов, съездов мировых посредников и губ. по крестьян. делам присутствий). Т. VII: Отзывы различных мест и лиц. СПб., 1873. 658 с.
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 536. Оп. 6. Д. 5435. Л. 1–30.
25. Волков С.В. Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М. : Российский фонд содействия образованию и науки, 2016. 800 с.
26. Дождев Д.В. Римское частное право. М. : Норма; ИНФРА-М, 1996. 685 с.
27. Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М. : ИЭА РАН, 2012. 299 с.
28. Свод законов Российской империи. Т. IX. Законы о состояниях. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. 477с. 87.
29. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 3: Акты земских соборов. М. : Юридическая литература, 1985. 512 с.
30. Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие / сост. Ю.П. Титов. М. : Проспект, 1998. 469 с.
31. Канторович Я.А. Законы о женщинах: (Сборник всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола). СПб. : Изд. А. Канторовича, 1899. 272 с.
32. Трушкова И.Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX вв. (система жизнеобеспечения). Киров, 2003. 722 с.
33. Труды Комиссии по преобразованию волостных судов (Словес. опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения: волостных судов, съездов мировых посредников и губ. по крестьянским делам присутствий). Т. III: Ярославская, Костромская и Нижегородская губернии. СПб., 1873. 640 с.
34. Русские крестьяне. Жизнь, быт, нравы: Материалы «Этнографического Бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 3. СПб. : Деловая полиграфия, 2005. 648 с.

References

1. Izgovev, A.S. (1906) *Obshchinnoe pravo (Opyt sotsial'no-yuridicheskogo analiza zemlevladieniya, kak instituta grazhdanskogo prava)* [Communal law (An attempt at a socio-legal analysis of land ownership as an institution of civil law)]. St. Petersburg: Tipo-lit. "Nadezhda".
2. Illarionov, N.S. (1893) *Obychnoe pravo* [Customary law]. Kharkiv: Izd. Khar'kov. gub. stat. komiteta.
3. Kavelin, S.P. (1912) *Istoricheskii ocherk pozemel'nogo ustroystva gosudarstvennykh krest'yan* [Historical essay on the land structure of state peasants]. Moscow: Tipo-lit. V. Rikhter.
4. Zhabankov, D.N. (1891) *Bab'ya storona. Statistiko-etnograficheskii ocherk* [Women's side. Statistical and ethnographic essay]. Kostroma: Gubernskoy tipografiya.
5. Tenishev, V.V. (1907) *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu: Svod dannykh, dobytykh etnogr. materialami pokoynoy kn. V.N. Tenisheva* [Justice in Russian peasant life: A collection of data obtained by ethnographers. materials of the late prince V.N. Tenishev]. Bryansk: Tip. L.I. Itina i K°.
6. Pakhman, S.V. (1877) *Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii: yuridicheskie ocherki* [Customary civil law in Russia: legal essays]. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.].
7. Orshanskiy, I.G. (1879) *Issledovaniya po russkomu pravu, obychnomu i brachnomu* [Research on Russian law, customary and marital]. St. Petersburg: Tip. A.E. Landau.
8. Kolesnikov, V.A. (1896) *Prichiny krest'yanskikh semeynykh razdelov* [Causes of peasant family divisions]. Yaroslavl.
9. Zagorovskiy, A.I. (1909) *Kurs semeynogo prava* [Course in family law]. 2nd ed. Odessa: Tip. Aktsionernogo yuzhnorusskogo obshch-va pechatnogo dela.
10. Aleksandrov, V.A. (1976) *Sel'skaya obshchina v Rossii (XVII – nachalo XIX v.)* [Rural community in Russia (17th – early 19th century)]. Moscow: Nauka.
11. Aleksandrov, V.A. (1984) *Obychnoe pravo krepostnoy derevni* [Customary law of a serf village]. Moscow: Nauka.
12. Zyryanov, P.N. (1992) *Krest'yanskaya obshchina Evropeyskoy Rossii v 1907–1914 gg.* [Peasant community of European Russia in 1907–1914]. Moscow: Nauka.
13. Bezgin, V.B. (2015) *"Na miru" i v sem'e: russkaya krest'yanka kontsa XIX – nachala XX veka* ["At peace" and in the family: Russian peasant woman of the late 19th – early 20th centuries]. Tambov: TSTU.
14. Mukhina, Z.Z. (2012) *Semeynyy byt i povsednevnost' krest'yan Kurskoy gubernii: traditsii i dinamika peremen v poreformennoy Rossii* [Family life and everyday life of peasants of the Kursk province: traditions and dynamics of changes in post-reform Russia]. Moscow: IEA RAS.
15. Voroshilova, S.V. (2011) *Pravovoe polozhenie zhenshchin v Rossii v XIX – nachale XX vv.* [Legal status of women in Russia in the 19th – early 20th centuries]. Abstract of Law Dr. Diss. Saratov.
16. Tatarinova, E.P. (2017) *Grazhdansko-pravovoy status zhenshchin v Rossii v XVII – pervoy polovine XIX veka* [Civil and legal status of women in Russia in the 17th – first half of the 19th centuries]. Law Cand. Diss. Saratov.
17. Laukhina, G.E. (2009) *Pozemel'naya obshchina i zhenshchina krest'yanka v 60–90-e gody XIX veka (po materialam Tsentral'nogo Chernozem'ya)* [Land community and peasant woman in the 1860s–1890s (based on materials from the Central Black Earth Region)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. pp. 81–84.
18. Latypova, D.F. (2003) *Genezis instituta pravovogo polozheniya zhenshchin: ot rimskogo prava k sovremennosti* [Genesis of the Institute of Legal Status of Women: from Roman Law to the Present]. Ufa: Bashkir State University.

19. Petrazhitskiy, L.I. (1907) Rech' professora L.I. Petrazhitskago, deputata 1-y Gosudarstvennoy dумы: po stenograficheskomu otchetu [Speech of Professor L. I. Petrazhitsky, Deputy of the 1st State Duma: Based on the Verbatim Report]. In: *Partiya narodnoy svobody* [People's Freedom Party]. St. Petersburg: Tip. B.M. Vol'fa.
20. Aleksandrov, V.A. (1976) *Sel'skaya obshchina v Rossii (XVII – nachalo XIX v.)* [Rural Community in Russia (17th – Early 19th Centuries)]. Moscow: Nauka.
21. Shatkovskaya, T.V. (2006) Traditsionnye printsipy obychnogo prava rossiyskikh krest'yan vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov: ponyatie, klassifikatsiya i osobennosti [Traditional Principles of Customary Law of Russian Peasants in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Concept, Classification, and Features]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*. Special Issue. pp. 105–110.
22. Commission for the Transformation of Volost Courts. (1873) *Trudy Komissii po preobrazovaniyu volostnykh sudov (Sloves. oprosy krest'yan, pis'm. otzvyvy razlich. mest i lits i resheniya: volost. sudov, s"ezdov mirovykh posrednikov i gub. po krest'yan. delam prisutstviy)* [Works of the Commission for the Reform of Volost Courts (Verbal surveys of peasants, written responses from various places and persons and decisions: volost courts, congresses of peace mediators and provincial offices for peasant affairs)]. Vol. II. St. Petersburg.
23. Commission for the Transformation of Volost Courts. (1873) *Trudy Komissii po preobrazovaniyu volostnykh sudov (Sloves. oprosy krest'yan, pis'm. otzvyvy razlich. mest i lits i resheniya: volost. sudov, s"ezdov mirovykh posrednikov i gub. po krest'yan. delam prisutstviy)* [Works of the Commission for the Reform of Volost Courts (Verbal surveys of peasants, written responses from various places and persons and decisions: volost courts, congresses of peace mediators and provincial offices for peasant affairs)]. Vol. VII. St. Petersburg.
24. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 536. List 6. File 5435. Pages 1–30.
25. Volkov, S.V. (2016) *Vysshee chinovnichestvo Rossiyskoy imperii. Kratkiy slovar'* [Higher Officialdom of the Russian Empire. Brief Dictionary]. Moscow: Rossiyskiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauki.
26. Dozhdev, D.V. (1996) *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman Private Law]. Moscow: Norma; INFRA-M.
27. Mukhina, Z.Z. (2012) *Semeynyy byt i povsednevnost' krest'yan Kurskoy gubernii: traditsii i dinamika peremen v poreformennoy Rossii* [Family Life and Everyday Life of Peasants in Kursk Province: Traditions and Dynamics of Change in Post-Reform Russia]. Moscow: IEA RAS.
28. Russian Empire. (1857) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. IX. St. Petersburg: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
29. Anon. (1985) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t.* [Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes]. Vol. 3. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
30. Titov, Yu.P. (1998) *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii: ucheb. posobie* [Reader on the history of the state and law of Russia: textbook]. Moscow: Prospekt.
31. Kantorovich, Ya.A. (1899) *Zakony o zhenshchinakh: (Sbornik vseh postanovleniy deystvuyushchego zakonodatel'stva, otnosyashchikhsya do lits zhenskogo pola)* [Laws on women: (Collection of all regulations of the current legislation relating to females)]. St. Petersburg: Izd. A. Kantorovicha.
32. Trushkova, I.Yu. (2003) *Traditsionnaya kul'tura russkogo naseleniya Vyatskogo regiona v XIX – nachale XX vv. (sistema zhizneobespecheniya)* [Traditional culture of the Russian population of the Vyatka region in the 19th – early 20th centuries (life support system)]. Kirov.
33. Commission for the Transformation of Volost Courts. (1873) *Trudy Komissii po preobrazovaniyu volostnykh sudov (Sloves. oprosy krest'yan, pis'mennye otzvyvy razlichnykh mest i lits i resheniya: volostnykh sudov, s"ezdov mirovykh posrednikov i gub. po krest'yanskim delam prisutstviy)* [Works of the Commission for the Reform of Volost Courts (Verbal surveys of peasants, written responses from various places and persons and decisions: volost courts, congresses of peace mediators and provincial offices for peasant affairs)]. Vol. III. St. Petersburg.
34. Anon. (2005) *Russkie krest'yane. Zhizn', byt, nrayy: Materialy "Etnograficheskogo Byuro" knyazya V.N. Tenisheva* [Russian peasants. Life, everyday life, Customs: Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V.N. Tenishev]. Vol. 3. St. Petersburg: Delovaya poligrafiya.

Информация об авторе:

Воронин И.К. – канд. юрид. наук, доцент кафедры "Теория и история государства и права" Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Хабаровск, Россия). E-mail: voronin@festu.khv.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.K. Voronin, Cand. Sci. (Law), associate professor, Far Eastern State Transport University (Khabarovsk, Russian Federation). E-mail: voronin@festu.khv.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.03.2024;
одобрена после рецензирования 22.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.

The article was submitted 28.03.2024;
approved after reviewing 22.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.

Научная статья
УДК 3.34.349
doi: 10.17223/15617793/507/25

Фаунистическое право в системе российского права: теоретический аспект

Светлана Витальевна Иванова¹

¹ Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург, Россия, servis-05@list.ru

Аннотация. Проанализирован вопрос о «прописке» фаунистического права в системе советского и российского права. Проведен теоретический анализ научных позиций ученых-юристов, в рамках которых фаунистическое право рассматривается как составная часть земельного, экологического, природоресурсного права. Автор обосновывается вывод о том, что в настоящее время фаунистическое право следует относить к числу самостоятельных отраслей права, обладающих спецификой предмета правового регулирования, социальной функцией и межотраслевыми связями.

Ключевые слова: фаунистическое право, предмет, метод, система права, источники, социальная функция, межотраслевые связи, животный мир

Для цитирования: Иванова С.В. Фаунистическое право в системе российского права: теоретический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 225–233. doi: 10.17223/15617793/507/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/25

Faunistic law in the system of Russian law: A theoretical aspect

Svetlana V. Ivanova¹

¹ Orenburg Institute – Branch of the Kutafin Moscow State Law University, Orenburg, Russian Federation, servis-05@list.ru

Abstract. Objects of the animal world play a huge role in the life of society. They serve as a source for obtaining industrial and medicinal raw materials, food products and other material values necessary to meet the needs of the population. Today the following issues are essential: ensuring food security, the material basis of which is, among other things, the objects of fauna, aquatic bioresources; maintaining a high revenue part of the budget, replenished by granting the right to extract wildlife; and, finally, preserving biodiversity. The need for an in-depth study of relations on the protection and sustainable use of wildlife is dictated by the negative factors resulting from the irrational use of wildlife. Consequently, there is a need for further search for appropriate tools to regulate relations on the protection and sustainable use of fauna. Therefore, in the doctrine of modern Russian law, the question of the present state and prospective development of faunistic law is still relevant. Such questions arouse theoretical and practical interest. This article aims to determine the place of faunistic law in the system of Russian law and the main criteria of independence of faunistic law, and to identify the problems of their legal regulation. In the course of the study the author used scientific works of legal scholars on different aspects of "prescription" of norms on the protection and use of fauna. The basis of the study was the norms of environmental legislation, as well as the provisions of environmental legal scientific doctrine. The methodological basis of the article is represented by individual philosophical, general and specific scientific methods of research. The article examines the normative composition, principles, method, subject, social function of faunistic law. In the course of the research the author applied concrete-historical, logical methods, method of analysis and synthesis. The chosen methodology is justified by the tasks of considering the genesis and current state of faunistic law in the system of Russian law. The author carried out a theoretical analysis of scientific positions of legal scholars, in the framework of which faunistic law is considered as an integral part of law on land, environmental, natural resources. The article substantiates the conclusion that at present the faunistic law should be referred to the number of independent branches of law possessing the specificity of the subject of legal regulation, social function and inter-branch links. As a result, the author argues that faunistic law is a branch of Russian law, which is endowed with specific features characteristic of an independent structural formation. Faunistic law has the specificity of the subject of legal regulation, social function and inter-branch links.

Keywords: faunistic law, subject, method, system of law, sources, social function, inter-branch relations, fauna

For citation: Ivanova, S.V. (2024) Faunistic law in the system of Russian law: A theoretical aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 225–233. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/25

Необходимость в углубленном исследовании отношений по охране и устойчивому использованию животного мира продиктована негативными факторами, сложившимися в результате нерационального использования животного мира. Следовательно, необходим дальнейший поиск надлежащего инструментария для регулирования отношений по охране и рациональному использованию животного мира. Актуальность данной задачи обусловлена, во-первых, многообразием объектов животного мира (в России обитает около 130 тыс. видов животных, а это почти 8% всей мировой фауны), что обуславливает многообразие возникающих общественных отношений по их охране и рациональному использованию, а также проблемы осуществления управленческой деятельности в области охраны и использования животного мира органами государственной власти. Во-вторых, животный мир, являясь составной частью природной среды, выступает как неотъемлемое звено в цепи экологических систем, необходимый компонент в процессе круговорота веществ и энергии природы, активно влияющий на функционирование естественных сообществ, структуру и естественное плодородие почв, формирование растительного покрова, биологические свойства воды и качество окружающей природной среды в целом. Поэтому исследование теоретических основ фаунистического права приводит к установлению специфических особенностей отношений по охране и использованию животного мира и выявлению взаимодействия с другими отраслями права, что обуславливает изучение межотраслевой связи фаунистического права с другими отраслями права в сфере правового регулирования фаунистических правоотношений. В-третьих, актуальность обусловлена сохранением всего биоразнообразия, в том числе животного мира как составляющего его элемента. Темпы антропогенного вмешательства не соотносятся со временем восстановления естественным способом численности популяций видов животного мира. Для их восстановления и обеспечения расширенного воспроизводства необходимо создание определенных условий. Процесс восстановления имеет свои временные границы. В результате, когда нарушается природное равновесие, возникает необходимость предпринимать меры по охране животного мира. Охрана и устойчивое использование животного мира становятся задачей международного и национального значения, требующей всестороннего, комплексного правового регулирования. Поэтому в доктрине современного российского права по-прежнему остается актуальным вопрос о настоящем состоянии и перспективном развитии фаунистического права. Такие вопросы вызывают теоретический и практический интерес. Аргументация вопроса о месте фаунистического права в системе права позволяет уяснить механизм правового регулирования фаунистических правоотношений, обосновать необходимость государственного регулирования отношений в сфере охраны и использования объектов животного мира в силу их значимости для общества.

Важность научных исследований критериев деления системы права на отрасли обусловлена содержанием научных работ ученых-юристов.

Подобные научные работы свидетельствуют о необходимости дальнейшего обновления критериев самостоятельности отраслей права. Наряду с предметом и методом правового регулирования основное значение приобретают отраслевые принципы, функции, источники, отражающие социальное назначение и сущность отрасли права.

Научная дискуссия о месте фаунистического права в системе советского права

На становление современного фаунистического права как самостоятельной отрасли во многом оказали воздействие взгляды и идеи советских ученых. В рамках советской правовой доктрины была создана теоретическая основа для формирования относительно самостоятельного структурного образования. В рассматриваемый период стали появляться труды ученых, в которых впервые была сделана попытка определить место фаунистического права в системе советского права. Анализ различных точек зрения ученых по данному вопросу позволяет объединить теоретические позиции в несколько научных направлений.

Земельное право, одно из первых природоресурсных отраслей в 40-е гг., было признано самостоятельной отраслью права. При этом земельное право рассматривали в широком и узком смысле. Именно в широком смысле земельное право включало в себя совокупность норм, регулирующих отношения по охране и использованию объектов окружающей среды. Поэтому земельное право объединяло горное, лесное, водное право. Это было обусловлено тем, что леса, недра, воды непосредственно связаны с землей. По убеждению В.С. Якушева, к предмету земельного права в широком смысле также относятся отношения по использованию диких животных, флоры, атмосферного воздуха [1. С. 75]. Данная позиция автора была обусловлена нормами Декрета II Всероссийского съезда Советов о земле, согласно которому все природные ресурсы, включая животный мир, были объявлены всенародным достоянием. В рассматриваемый период советской власти для регулирования отношений по сохранению и использованию диких животных были приняты нормативные правовые акты. Тем не менее отрасль законодательства о животном мире не получила должного развития. Это было связано с тем, что право исключительной государственной собственности на землю стало основным фактором перспективного развития советского земельного законодательства. В итоге представители данного научного направления считали, что нормы об охране и использовании диких животных не имели самостоятельной «прописки» и были частью земельного права в широком смысле. О.С. Колбасов высказывал предложение о том, что в таком понимании земельное право следует рассматривать как «прообраз природоохранного права» [2. С. 148].

В рамках второго направления, разрешающего вопрос о месте фаунистического права в системе права, отношения по использованию и сохранению объектов животного мира были предметом природоресурсного права. Впервые такую идею высказал Н.Д. Казанцев. По мнению автора, в предмет данной отрасли права включены общественные отношения по использованию и сохранению всех природных ресурсов, в том числе животного мира.

По мнению В.П. Балезина, нормы фаунистического права составляет институт особенной части природоресурсного права [3. С. 133]. Ю.И. Тюткин выделял в рамках природоресурсного права другие самостоятельные, комплексные отрасли. В их число автор относил земельное, водное, фаунистическое право. При этом он отождествлял фаунистическое и охотничье право [4. С. 29]. Тем самым, фаунистическое право рассматривалось в узком смысле, включая в свое содержание только нормы, регулирующие отношения по охране и использованию охотничьих ресурсов.

Представители третьей научной позиции о месте фаунистического права в системе права определяли ее в качестве самостоятельной или комплексной отрасли советского права. При этом охотничье и рыболовное право представляли собой подотрасли фаунистического права. По мнению С.С. Константиныди, предмет правового регулирования выступали отношения в сфере охоты, рыболовства, права собственности, использования и охраны всех объектов животного мира. Именно Константиныди впервые высказал мысль о самостоятельности фаунистического права в системе права. Автор обосновывал эту мысль тем, что данная отрасль имеет свою группу общественных отношений, составляющих предмет отрасли; метод правового регулирования, специальные отраслевые принципы [5. С. 117].

О.С. Колбасов считал, что фаунистическое право является самостоятельной отраслью права, которая находится на стадии развития. Окончательное формирование данной отрасли, по мнению автора, произойдет после принятия основного закона об использовании и охране животного мира [6. С. 50]. Впоследствии такой закон был принят. Именно он стал основой для формирования фаунистического права как самостоятельной отрасли, обладающей характерными чертами. О.С. Колбасов считал, что причиной более позднего образования фаунистического права по сравнению с земельным или водным правом стало отсутствие основного базового нормативного правового акта в сфере охраны и использования объектов животного мира. Тем самым отмечается процесс дифференциации природоресурсных отраслей в самостоятельные отрасли права. Это было обусловлено признанием в доктрине права характерных для земельного, лесного, водного, фаунистического права предмета правового регулирования, наличия кодифицированных нормативных правовых актов.

Таким образом, в советский период, в 40-е и 70-е гг. наблюдался процесс интеграции фаунистического права в земельное право, а впоследствии – в природоресурсное право. Наряду с этим была сформулирована основа для определения фаунистического права в качестве самостоятельной отрасли права.

Фаунистическое право в системе современного российского права: вопросы теории

В доктрине современного российского права также не сформировалось единого мнения по вопросу о месте фаунистического права. Исследования различных мнений учёных-юристов по данному вопросу приводят к

выводу о наличии нескольких направлений. Согласно первому отраслевому направлению, фаунистическое право рассматривается как подотрасль экологического права. Подобная позиция поддерживалась многими учеными. Так, И.О. Краснова и Н.Г. Жаворонкова считают, что предмет экологического права включает отношения по охране и использованию земель, животного мира, лесов, атмосферного воздуха. Впервые подобную позицию высказал Н.Д. Казанцев. По мнению авторов, данная точка зрения обусловлена взаимосвязью земли и других природных ресурсов. Одновременно учёные отмечают, что все природные ресурсы являются неотъемлемой частью природы [7. С. 25]. Поэтому И.О. Краснова рассматривает природоресурсные отрасли как элементы экологического права. Поддерживая данную точку, Б.В. Ерофеев отмечает, что лесное, водное, земельное и другие отрасли права представляют собой единую правовую систему и одновременно отрасли экологического права [8. С. 26]. В.В. Лазарев отмечал сложный состав экологических отношений, включающий нормы земельного, водного, горного, фаунистического, лесного, воздушного, космического права [9]. О.Л. Дубовик рассматривала фаунистическое право в качестве части законодательства и раздела Особенной части экологического права [10. С. 576].

Другое направление по вопросу о месте фаунистического права в системе права отражает идею о том, что оно наряду с земельным, лесным и водным правом является самостоятельной отраслью права, входящей в экологическое право как комплексная (суперотрасль) [11. С. 87]. Однако самостоятельность отрасли предполагает относительную независимость предмета правового регулирования, отраслевых принципов и особенности метода правового регулирования. Структурными элементами отрасли права являются подотрасли, институты и нормы права. Поэтому правовая конструкция фаунистического права как отрасли права и одновременно части экологического права противоречит основным положениям теории права. Структурным элементом экологического права не может быть другая отрасль права.

Интерес вызывает точка зрения О.С. Колбасова. Автор считал, что в процессе объединения земельного, водного, горного, фаунистического, лесного права образуется новая отрасль права – право окружающей среды. В результате такой интерпретации природоресурсные отрасли «прекращают свое существование» [6. С. 51].

Рассматривая фаунистическое право в рамках экологического права, М.М. Бринчук указывает на тот факт, что основное значение должен приобрести интегрированный подход. Посредством такого подхода разрешаются правовые проблемы в области охраны окружающей среды, которые нельзя разрешить в отраслевом законодательстве. По мнению автора, интегрированный подход позволяет сформулировать общие принципы, способы; использовать инструменты, которые бы обеспечили гармоничное взаимодействие природных объектов и ресурсов с учетом их специфики [11].

Интеграцию природоресурсных отраслей отметил Н.Н. Краснов. Автор указывал, что у природоресурсных отраслей наблюдается экологическая связь их взаимодействие осуществляется посредством правового регулирования отношений по сохранению и использованию объектов природы [12. С. 4]. Таким образом, охрана и использование – это две формы взаимодействия, которые составляют основу экологического права. А.П. Анисимов считает, что экологические отношения «отражают два разных подхода к системе общество – природа». Так, в процессе предоставления ресурсов природы в пользование к субъектам правоотношений предъявляются требования по их сохранению [13. С. 7]. Именно это обуславливает то положение, что в предмет экологического права включают отношения по охране и использованию объектов окружающей среды. Этим же фактом обуславливается позиция авторов, которые рассматривают фаунистическое право и другие природоресурсные отрасли как составные части экологического права: самостоятельные отрасли, подотрасли либо институты [14. С. 91].

По мнению С.А. Боголюбова, экологическое право представляет собой комплексную отрасль, включающую природоохранную и природоресурсную части. Эти части объединяет общий предмет, методы правового регулирования. Автор предлагает «искусственно не разделять охрану и использование». В связи с этим в рамках экологического права он выделяет соответствующие подотрасли. Одновременно земельное, фаунистическое, горное, водное право представляются как институты экологического права [15. С. 37]. А.П. Анисимов считает, что данная конструкция приводит к «ассиметричному строению российского права». Действительно, если проанализировать нормативный объем институтов экологического права, то можно прийти к выводу, что содержание фаунистического, земельного, водного права в несколько раз больше института экологической экспертизы и ряда других институтов. В таком случае мы приходим к «ассиметричному строению системы российского права» [14. С. 93].

В юридической литературе встречаются возражения отдельных учёных относительно трактовки экологического права в широком смысле [16. С. 26]. Авторы указывают на то, что если в рамках экологического права объединять общественные отношения по охране и использованию природных ресурсов, то образуется неотъемлемая юридическая конструкция. В данном случае одна отрасль права включает в себя две другие отрасли. К примеру, Б.В. Ерофеев не разделял идею взаимодействия природоресурсного и природоохранного права [17. С. 86]. Автор считал, что эти отрасли права различаются по методу, предмету правового регулирования, источникам.

Согласно третьему направлению по вопросу о месте фаунистического права, оно рассматривается как часть природоресурсного права. Данная позиция обусловлена тем, что предметом природоресурсного права является группа отношений по использованию природных ресурсов, по праву собственности на землю, воду, леса, животный и растительный мир. В подобном слу-

чае складывается аналогичная ситуация с конструкцией «отрасль в отрасли», что противоречит основам теории права. С позиции А.П. Анисимова, природоресурсное право представляет собой научное название совокупности однородных отраслей права. Автор сравнивает природоресурсное право с частным правом, включающим семейное, гражданское, жилищное право.

Фаунистическое право как самостоятельная отрасль: современный подход

Рассмотрение вопроса о «прописке» фаунистического права в системе права и динамике ее развития позволяет всесторонне и полно понять механизм правового регулирования фаунистических правоотношений.

Для того чтобы конкретная совокупность норм права была определена в качестве отрасли права, необходимо чтобы она отвечала отдельным критериям. Исследование системы советского права началось в 1930-е гг. В этот период в рамках проведения первой дискуссии о системе права, учеными был предложен критерий самостоятельности отраслей права. Таким единственным критерием выступал предмет правового регулирования. В ходе последующих дискуссий к числу основных критериев деления отраслей права был отнесен метод правового регулирования. Длительное время формирование отраслей права осуществлялось на основе этих двух критериев. Однако в дальнейшем многообразии общественных отношений объективно требовало собственного регулирования, что приводило к формированию новых отраслей и, соответственно, к усложнению строения системы права. Подобное развитие системы права обусловило разработку других критериев. Наряду с предметом и методом правового регулирования в юридической литературе были предложены такие дополнительные критерии, как функции права, принципы права, источники права, «конвенционное отношение к тому или иному правовому массиву (звену) как к отрасли права» [18. С. 86].

В качестве самостоятельного фактора любой отрасли права выступает предмет правового регулирования. Предметом любой отрасли права становятся общественные отношения, требующие своего регулирования специальными нормами, с помощью особых средств, приемов, способов. Предметом фаунистического права выступают общественные отношения, объектом которых является все многообразие животного мира. Учитывая особенности животного мира, фаунистические правоотношения следует объединить в несколько групп: отношения по использованию и сохранению объектов животного мира; отношения по охране редких, находящихся под угрозой исчезновения видов диких животных, отношения собственности на объекты животного мира; управленческие отношения в сфере сохранения и использования животного мира. В соответствии со ст. 72 Конституции РФ, на регулирование данных групп правоотношений направлены нормы федерального и регионального законодательства. Также позиция о трех группах отношений, составляющих предмет фаунистического права, отражена в

отдельных положениях Федерального закона «О животном мире».

Так, положения ст. 3 данного закона указывают на то, что действующее законодательство о животном мире направлено на регулирование отношений между субъектами по использованию и сохранению диких животных, находящихся в состоянии естественной свободы. Нормы ст. 4 закона о животном мире включают положения о государственной собственности на животный мир. Принципы государственного управления, а также разграничение полномочий государственных органов в сфере сохранения и использования объектов животного мира закрепляют нормы отдельных статей федерального и регионального законодательства о животном мире. Рассматриваемые группы общественных отношений имеет свои особенности. Во-первых, многообразие объектов. К их числу следует отнести ресурсы охоты и рыболовства, редкие виды диких животных, среда их обитания. Самостоятельным объектом фаунистических правоотношений выступают следующие особенности: во-первых, право на изъятие объектов животного мира; во-вторых, одним из субъектов данных отношений является государство в лице должностных лиц, государственных органов. Именно государство устанавливает требования к другому субъекту – пользователю. Дифференцирующие требования обусловлены многообразием видов пользования животным миром. В-третьих, основаниям возникновения фаунистических отношений присущ публичный характер (разрешения, договоры) и смешанный, объединяющий организацию аукциона, вынесение решения и заключение публичного договора.

Другим системообразующим фактором отрасли права, наряду с предметом, является метод правового регулирования. При этом в юридической литературе ученые обращают внимание на неадекватность данного критерия, поскольку методы «направлены скорее на решение общесоциальных и общеправовых задач, нежели собственно отраслевых» [19. С. 12].

Регулирование общественных отношений в сфере охраны и использования диких животных осуществляется посредством воздействия правовых норм, способов, приемов. Многообразие и особенности метода правового регулирования фаунистического права обусловлены разнообразием фаунистических правоотношений. Особенность метода правового регулирования отношений в области сохранения и использования диких животных характеризуется внедоговорным характером. Субъекты фаунистических правоотношений чаще не договариваются о своих правах и обязанностях, а используют утвержденную форму договора или соглашения, в которых уже определены правомочия сторон. Другая особенность метода правового регулирования фаунистического права проявляется в его императивном характере. Императивность норм фаунистического права отражается в том, что законодательством о животном мире закрепляются условия передачи объектов животного мира пользователям; четко устанавливается субъектный состав правоотношений; определяется размер платы на изъятие диких живот-

ных из среды обитания и др. В юридической литературе отмечают, что с принятием федерального законодательства о рыболовстве и охоте в рамках рассматриваемых отношений стал преобладать договорный диспозитивный метод правового регулирования [20. С. 108]. Однако с данной позицией автора следует не согласиться. Так, договоры о предоставлении объектов животного мира в пользование носят публичный характер. Формы подобных договоров в большинстве случаев утверждаются государственными органами, состав субъектов четко определен, утверждены права и обязанности субъектов. К примеру, охотхозяйственное соглашение следует отнести к числу публичных договоров. Это обусловлено несколькими положениями. Во-первых, одним из участников охотхозяйственного соглашения является государственный орган исполнительной власти, который в силу своих полномочий реализует публичные цели. Во-вторых, объем прав и обязанностей участников соглашения определен в примерной форме, утвержденной Минприроды России. В-третьих, охотхозяйственное соглашение направлено на удовлетворение публичных интересов. В-четвертых, порядок заключения соглашения четко определен в нормативных правовых актах. Публичные договоры используются как в сфере охоты, так и рыболовства. В данном случае субъектами договора являются индивидуальные предприниматели или юридические лица, имеющие в собственности или на праве аренды пруд или обводненный карьер и занимающиеся товарным рыбоводством.

В юридической литературе определяется, что основным критерием самостоятельности отрасли должны стать принципы. Именно принципы фаунистического права указывают на основные направления государственной политики в области охраны и использования объектов животного мира. Принципы представляют собой основополагающие идеи, начала, в соответствии с которыми формируются нормы фаунистического права. Так, А.Я. Рыженков считает, что правовую специфику отрасли права отражают отраслевые принципы. Принципы выступают как «носители содержательного начала в правовом регулировании». При этом метод правового регулирования определяет специфику норм права, но не содержание правовых норм. При этом предмет правового регулирования указывает на действующую правовую регламентацию [21. С. 25].

В юридической литературе отмечают, что основным критерием самостоятельности отрасли права следует рассматривать принципы права. По мнению М.И. Козыря, особенности отрасли права отражают не только ее предмет и методы правового регулирования, но и наличие принципов, свойственных данной отрасли [22. С. 53]. Принципы фаунистического права формируются под воздействием существующих общественных отношений в области использования и сохранения объектов животного мира, являются их отражением и определяют перспективы их развития. Принципы фаунистического права закрепляют сущность действующего законодательства о животном мире, выступают основой для

определения правового положения субъектов правоотношений, являются правовым базисом, которому соответствуют все другие нормы права.

Условно принципы, закреплённые в ст. 12 Федерального закона «О животном мире», можно разделить на собственно отраслевые и межотраслевые. Отраслевые принципы фаунистического права определяют сущность содержательного начала отношений в сфере сохранения и использования животного мира. Именно данные принципы отражают юридическую специфику фаунистического права, определяют основы государственной политики. Межотраслевые принципы определяют взаимодействие фаунистического права с другими отраслями права. На регулирование общественных отношений в сфере охраны и использования объектов животного мира могут претендовать нормы нескольких отраслей с целью их правового регулирования. Именно этим характеризуется межотраслевой характер принципов фаунистического права. К числу таких отраслей следует отнести конституционное, финансовое, административное, гражданское, бюджетное и др. Межотраслевыми принципами являются принципы гласности, платности, ответственности за нарушение законодательства в сфере охраны окружающей среды.

К числу принципов фаунистического права относится принцип обеспечения устойчивого использования и устойчивого существования диких животных. Устойчивое использование объектов животного мира включает в себя использование, способное сохранить способность объектов животного мира к естественному воспроизводству и, одновременно, биологическое разнообразие животного мира. Целью принципа устойчивого существования является сохранение и восстановление популяций диких животных, предупреждение распространения различных заболеваний объектов животного мира. Реализация данного принципа осуществляется посредством экономических, правовых, организационных мероприятий. Так, для обеспечения принципа устойчивого использования и существования диких животных разрабатываются документы стратегического планирования, направленные на поддержку мероприятий по сохранению объектов животного мира и среды его обитания. Также в целях обеспечения данного принципа устанавливаются ограничения и запреты на пользование диких животных, нормативы изъятия ресурсов охоты и рыболовства, вводится государственный учет, мониторинг и кадастр животного мира.

Содержание принципа отделения права пользования животным миром от права пользования землей и другими природными ресурсами определяется тем, что использование диких животных осуществляется в особом порядке, установленном законодателем. Данный порядок направлен на сохранение объектов животного мира для настоящего и будущего поколений. Животный мир является самостоятельным объектом природы и, соответственно, в отношении его в действующем законодательстве закрепляется правовой режим использования и охраны. В отдельных случаях, к примеру по

охотхозяйственному соглашению, право пользования объектами животного мира передается в пользование вместе с землей, водными объектами, лесом.

Одним из отраслевых принципов фаунистического права является пользование животным миром способами, не допускающими жестокого обращения с животными. Реализация данного принципа осуществляется посредством установления мер юридической ответственности, утверждения Правил охоты и рыболовства. С целью гуманного обращения с объектами животного мира законодатель также определяет требования по сохранению среды обитания диких животных. Туманные способы исключают причинение вреда диким животным. За жестокое обращение с животными (дикими и домашними) предусмотрена уголовная ответственность.

Принцип недопустимости совмещения деятельности по осуществлению государственного контроля с деятельностью по использованию животного мира имеет важное значение. Правовой основой данного принципа являются нормы Федерального закона «О животном мире». В частности, ст. 1, 16, 16.1 закреплены предметы ведения органов управления и их полномочия. Данный принцип означает, что должностные лица, наделенные правом осуществлять контроль и надзор, не могут осуществлять хозяйственную деятельность и получать доходы от использования объектов животного мира.

Одним из важнейших принципов фаунистического права является принцип привлечения граждан и общественных объединений к решению задач в сфере сохранения, воспроизводства и использования диких животных. Правовой основой участия граждан и общественных объединений в процессе управления животным миром является Конституция РФ. Дальнейшая реализация данного принципа происходит в нормах действующего законодательства о животном мире, об охоте, о рыболовстве. В ряде субъектов РФ приняты нормативные правовые акты, в которых детализируется процедура участия граждан в процессе управления. Согласно данному принципу гражданам и общественным объединениям предоставляется право принимать участие в подготовке решений, реализация которых в дальнейшем может оказать влияние на состояние ресурсов охоты и рыболовства, а также среды их обитания. Одновременно на органы государственной власти и органы местного самоуправления законодатель возлагает обязанность по обеспечению такого участия в установленном порядке и определенных формах.

Сущность принципа гласности заключается в том, что процесс предоставления в пользование объектов животного мира осуществляется открыто, публично, посредством опубликования информации о проведении конкурсов и аукционов на официальных сайтах государственных органов.

Содержание принципа платности реализуется в нормах бюджетного и налогового законодательства. Налоговый кодекс РФ определяет субъектов сбора за пользование объектами животного мира, ставки сбора, сроки уплаты. Поскольку подобные сборы относятся к числу федеральных сборов, их аккумулирование осуществляется в федеральном бюджете.

Порядок зачисления и дальнейшее распределение происходит в соответствии с положениями Бюджетного кодекса РФ.

Интерес представляет позиция А.Я. Рыженкова, который предложил в качестве дополнительного критерия построения отраслей права рассматривать социальную функцию права. С позиции автора, из числа критериев, определяющих самостоятельность отрасли, основное значение выполняет социальная функция. Это обусловлено тем, что социальная функция опосредована потребностями субъектов права и условиями жизни; способствует принятию юридически значимых действий государственными органами.

При таком подходе фаунистическое право следует рассматривать как самостоятельную отрасль права, поскольку она выполняет важнейшую социальную функцию. Рыбохозяйственная сфера выполняет приоритетные задачи государственной политики по обеспечению продовольственной безопасности населения страны. Рыбная продукция и рыба содержат животный белок, «незаменимые аминокислоты, непредельные жиры, макро- и микроэлементы, природные витамины и биологически активные вещества, количество потребления которых во многом определяет здоровье и продолжительность жизни населения» [23. С. 47]. Подобные характеристики свидетельствуют о социальной ценности объектов животного мира. А значит, отношения по сохранению и использованию ресурсов охоты и рыболовства требуют государственного регулирования. Только социально значимые отношения подвержены государственному регулированию.

Самостоятельность отрасли права определяет наличие кодифицированного акта или наличие одного или нескольких самостоятельных значимых нормативных правовых актов. Действительно, это важный критерий интеграции отрасли, поскольку предмет и метод правового регулирования закрепляются именно в нормативных правовых актах [24. С. 15]. Нормативная основа по мнению Г.В. Выпхановой, отражает «объективные процессы, происходящие во всех сферах общества, учитывает общественные, частные, государственные потребности и интересы в правовом регулировании данных общественных отношений» [25. С. 183]. Именно в нормативных правовых актах закрепляются обязательные правила поведения субъектов по использованию и сохранению диких животных для удовлетворения потребностей общества и государства.

В рамках фаунистического права нормативный материал сконцентрирован в нескольких крупных законодательных актах. Во-первых, нормы права, регулирующие вопросы охраны многообразия животного мира, общие принципы государственного управления, полномочия федеральных и региональных органов власти; виды и порядок предоставления в пользование и условия изъятия объектов животного мира определены в Федеральном законе «О животном мире»; во-вторых, нормы права, регулирующие вопросы собственности и особенности предоставления в пользование ресурсов охоты и рыболовства закреплены в специальных федеральных законах; в-третьих, законодательство субъектов РФ определяет условия и порядок изъятия и пользования объектов животного мира, не

относящихся к охотничьим ресурсам и водным биологическим ресурсам.

Фаунистическое право имеет внутреннюю структуру, состоящую из нескольких институтов права. Так, нормы права, определяющие форму собственности на животный мир, объединены в институте собственности. Следует также выделить межотраслевой институт государственного управления в сфере охраны использования объектов животного мира и институт ответственности за нарушение законодательства о животном мире. Правовые нормы, регулирующие порядок и условия охраны животного мира, сохранения и использования диких животных объединяются в специальные институты. Именно в них отражается вся специфика фаунистического права. Указанные институты связаны между собой единым предметом правового регулирования. Значимость и ценность в исследовании внутреннего строения фаунистического права обусловлены достижением общей задачи – познанием сущности системы фаунистического права. Взаимосвязь институтов фаунистического права характеризуется качественной особенностью объекта правового регулирования, в качестве которого выступает животный мир.

Межотраслевые связи фаунистического права с земельным, водным и другими природоресурсными отраслями права выстраиваются по двум направлениям: охране и использованию объектов животного мира. Безусловно, объекты природы неотделимы друг от друга и взаимосвязаны. Поэтому от среды обитания (леса, вода, атмосферный воздух) зависят качественные и количественные показатели объектов животного мира. Взаимосвязи и взаимовлияние, существующие между объектами окружающей среды, вызывают необходимость применения комплексной системы правовых, организационных и иных мер по охране и использованию животного мира. Межотраслевые связи фаунистического права с лесным, земельным, водным правом обусловлены единой целью – сохранением биоразнообразия, и общими принципами. Межотраслевые принципы в рамках природоресурсных отраслей определяют сущность правового регулирования общественных отношений по использованию и сохранению природных ресурсов. Они содержат общие требования для субъектов права в целях обеспечения устойчивого использования природных ресурсов.

В итоге фаунистическое право представляет собой отрасль российского права, которая наделена специфическими особенностями, характерными для самостоятельного структурного образования. Фаунистическое право обладает спецификой предмета правового регулирования, социальной функцией и межотраслевыми связями. Данный вывод обусловлен несколькими положениями. Во-первых, фаунистическое право имеет качественно особый род общественных отношений, обладающих стабильностью и требующих правовой регламентации. Во-вторых, животный мир представляет собой социальную ценность, что обуславливает формирование социальной функции фаунистического права. В-третьих, в рамках фаунистического права сформировался самостоятельный нормативный массив. В-четвертых, фаунистическое право имеет свои отраслевые принципы, отражающие сущность и социальное назначение отрасли.

Список источников

1. Якушев В.С. Метод и принципы регулирования земельных отношений // Правоведение. 1961. № 4. С. 75–81.
2. Колбасов О.С. Экология: политика – право: Правовая охрана природы в СССР. М.: Прогресс, 1983. 230 с.
3. Базелин В.П. Правовая охрана окружающей среды городов и других населенных пунктов // Проблемы взаимодействия общества и природы. Тезисы докладов к теоретической конференции. М., 1974. С. 133–135.
4. Тютеекин Ю.И. Природа. Общество. Закон. Кишинев: Штиинца, 1976. 152 с.
5. Константиныди С.С. Охрана животного мира. Алма-Ата, 1975. 120 с.
6. Колбасов О.С. Охрана природы и воспроизводство природных ресурсов. Т. 5: Правовые исследования по охране окружающей среды в СССР. М., 1978. 207 с.
7. Экологическое право: учебник для бакалавров / отв ред. Н.Г. Жаворонкова, И.О. Краснова. М.: Проспект, 2015. 467 с.
8. Ерофеев Б.В. Экологическое право: учебник для вузов. М., 1992. 448 с.
9. Лазарев В.В. Основы права. URL: http://society.polbu.ru/lazarev_pravo/ch37_i.html
10. Экологическое право: учебник / О.Л. Дубовик, Л. Кремер, Г. Люббе-Вольфф; под ред. О.Л. Дубовик. 2-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2007. 767 с.
11. Бринчук М.М. Экологическое право: учеб. для высших учебных заведений. М., 2010.
12. Советское земельное право: учебник / под ред. Н.И. Краснова. М.: Юрид. лит., 1977.
13. Анисимов А.П. Экологическое право в «широком» и «узком» смысле: приглашение к дискуссии // Новая правовая мысль. 2013. № 2. С. 7–11.
14. Анисимов А.П. Экологическое право как отрасль права и его место в системе права России: дискуссионные вопросы // Аграрное и земельное право. 2016. № 7. С. 91–97.
15. Боголюбов С.А. Сочетание правовых международных и национальных терминов и принципов в экологической сфере // Международно-правовое и национальное регулирование экологической сферы общества: сб. ст. М., 2011. С. 37–38.
16. Калинин И.Б. Природоресурсное право. Основные положения. Томск, 2000. 350 с.
17. Ерофеев Б.В. Экологическое право: учебник. М., 1999. 624 с.
18. Азми Д.М. Значение отраслевого деления права. Критерии выделения и иерархия отраслей права // Государство и право. 2011. № 2. С. 86–90.
19. Рыженков А.Я. Механизм формирования отраслей в системе российского права (часть 1) // Современное право. 2023. № 12. С. 9–13.
20. Сиваков Д.О. Правовое регулирование рыболовства в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 1. С. 101–108.
21. Рыженков А.Я. К вопросу о генезисе отраслевых принципов права // Современное право. 2023. № 7. С. 25–30.
22. Козырь М.И. Аграрное право России: проблемы становления и развития. М., 2003. 208 с.
23. Богачев А.И. Значение рыбохозяйственного комплекса в обеспечении продовольственной безопасности России // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Сельскохозяйственные науки. Экономические науки. 2018. Т. 4, № 4. С. 47–54.
24. Рыженков А.Я. Роль источников права в формировании отраслевого деления системы права // Современное право. 2023 № 11. С. 15–19.
25. Выпханова Г.В. Правовые проблемы информационного обеспечения природопользования и охраны окружающей среды: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 466 с.

References

1. Yakushev, V.S. (1961) Metod i printsipy regulirovaniya zemel'nykh otnosheniy [Method and principles of regulation of land relations]. *Pravovedenie*. 4. pp. 75–81.
2. Kolbasov, O.S. (1983) *Ekologiya: politika – pravo: Pravovaya okhrana prirody v SSSR* [Ecology: politics – law: Legal protection of nature in the USSR]. Moscow: Progress.
3. Balezin, V.P. (1974) [Legal protection of the environment of cities and other populated areas]. *Problemy vzaimodeystviya obshchestva i prirody* [Problems of interaction between society and nature]. Abstracts of the Theoretical Conference. Moscow. pp. 133–135. (In Russian).
4. Tyutekin, Yu.I. (1976) *Priroda. Obshchestvo. Zakon* [Nature. Society. Law]. Kishinev: Shtiintsa.
5. Konstantinidi, S.S. (1975) *Okhrana zhivotnogo mira* [Protection of wildlife]. Alma-Ata.
6. Kolbasov, O.S. (1978) *Okhrana prirody i vosproizvodstvo prirodnikh resursov* [Nature Conservation and Reproduction of Natural Resources]. Vol. 5. Moscow.
7. Zhavoronkova, N.G. & Krasnova, I.O. (eds) (2015) *Ekologicheskoe pravo: uchebnik dlya bakalavrov* [Environmental Law: textbook for bachelor's degree students]. Moscow: Prospekt.
8. Erofeev, B.V. (1992) *Ekologicheskoe pravo: uchebnik dlya vuzov* [Environmental Law: textbook for universities]. Moscow.
9. Lazarev, V.V. (n.d.) *Osnovy prava* [Fundamentals of Law]. [Online] Available from: http://society.polbu.ru/lazarev_pravo/ch37_i.html
10. Dubovik, O.L. (ed.) (2007) *Ekologicheskoe pravo: uchebnik* [Environmental Law: textbook]. 2nd ed. Moscow: Eksmo.
11. Brinchuk, M.M. (2010) *Ekologicheskoe pravo: ucheb. dlya vysshih uchebnykh zavedeniy* [Environmental law: textbook for higher educational institutions]. Moscow.
12. Krasnov, N.I. (ed.) (1977) *Sovetskoe zemel'noe pravo: uchebnik* [Soviet land law: textbook]. Moscow: Yurid. lit.
13. Anisimov, A.P. (2013) Ekologicheskoe pravo v "shirokom" i "uzkom" smysle: priglashenie k diskussii [Environmental law in the "broad" and "narrow" sense: an invitation to discussion]. *Novaya pravovaya mysl'*. 2. pp. 7–11.
14. Anisimov, A.P. (2016) Ekologicheskoe pravo kak otrasl' prava i ego mesto v sisteme prava Rossii: diskussionnye voprosy [Environmental law as a branch of law and its place in the legal system of Russia: controversial issues]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 7. pp. 91–97.
15. Bogolyubov, S.A. (2011) Sochetanie pravovykh mezhdunarodnykh i natsional'nykh terminov i printsipov v ekologicheskoy sfere [Combination of legal international and national terms and principles in the environmental sphere]. In: *Mezhdunarodno-pravovoe i natsional'noe regulirovanie ekologicheskoy sfery obshchestva: sb. st.* [International legal and national regulation of the environmental sphere of society: collection of articles]. Moscow. pp. 37–38.
16. Kalinin, I.B. (2000) *Prirodouresursnoe pravo. Osnovnye polozheniya* [Natural resource law. Basic provisions]. Tomsk.
17. Erofeev, B.V. (1999) *Ekologicheskoe pravo: uchebnik* [Environmental law: textbook]. Moscow.
18. Azmi, D.M. (2011) Znachenie otraslevogo deleniya prava. Kriterii vydeleniya i ierarkhiya otrasley prava [The importance of sectoral division of law. Criteria for identifying and hierarchy of branches of law]. *Gosudarstvo i pravo*. 2. pp. 86–90.
19. Ryzhenkov, A.Ya. (2023) Mekhanizm formirovaniya otrasley v sisteme rossiyskogo prava (chast' 1) [The mechanism for the formation of branches in the system of Russian law (part 1)]. *Sovremennoe pravo*. 12. pp. 9–13.
20. Sivakov, D.O. (2013) Pravovoe regulirovanie rybolovstva v Rossii i za rubezhom [Legal regulation of fisheries in Russia and abroad]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 1. pp. 101–108.
21. Ryzhenkov, A.Ya. (2023) K voprosu o genezise otraslevykh printsipov prava [On the genesis of sectoral principles of law]. *Sovremennoe pravo*. 7. pp. 25–30.

22. Kozyr', M.I. (2003) *Agrarnoe pravo Rossii: problemy stanovleniya i razitiya* [Agrarian law of Russia: problems of formation and development]. Moscow.
23. Bogachev, A.I. (2018) *Znachenie rybokhozyaystvennogo kompleksa v obespechenii prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossii* [The importance of the fisheries complex in ensuring food security of Russia]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sel'skokhozyaystvennyye nauka. Ekonomicheskie nauki*. 4 (4). pp. 47–54.
24. Ryzhenkov, A.Ya. (2023) *Rol' istochnikov prava v formirovanii otraslevogo deleniya sistemy prava* [The Role of Sources of Law in the Formation of the Sectoral Division of the Legal System]. *Sovremennoe pravo*. 11. pp. 15–19.
25. Vypkhanova, G.V. (2009) *Pravovye problemy informatsionnogo obespecheniya prirodopol'zovaniya i okhrany okruzhayushchey sredy* [Legal Problems of Information Support for Nature Management and Environmental Protection]. Law Dr. Diss. Moscow.

Информация об авторе:

Иванова С.В. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой теории государства и права Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Оренбург, Россия). E-mail: servis-05@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Ivanova, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Theory of State and Law, Orenburg Institute – Branch of the Kutafin Moscow State Law University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: servis-05@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.06.2024;
одобрена после рецензирования 22.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 03.06.2024;
approved after reviewing 22.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

Научная статья
УДК 341
doi: 10.17223/15617793/507/26

Международно-правовое сотрудничество в рамках БРИКС: эволюция, результаты и перспективы развития

Елена Петровна Лапочкина¹

¹ Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург, Россия, elapochkina@yandex.ru

Аннотация. Показаны предпосылки формирования БРИКС, а также исторические этапы эволюционирования объединения, занимающего одно из ведущих мест на международной арене. Прослежена поэтапная (2009–2023 гг.) институционализация форматов взаимодействия в рамках БРИКС, в том числе появление новых организационных механизмов, таких как Новый банк развития (НБР) и Пул условных валютных резервов (ПУВР). Отдельно анализируются правовой статус группы и перспективы международного сотрудничества государств-участников.

Ключевые слова: БРИКС, правовой статус объединения, параорганизация, трансконтинентальное сотрудничество, институционализация форматов взаимодействия в рамках БРИКС, саммиты БРИКС

Для цитирования: Лапочкина Е.П. Международно-правовое сотрудничество в рамках БРИКС: эволюция, результаты и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 234–240. doi: 10.17223/15617793/507/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/26

International legal cooperation within BRICS: Evolution, results and development prospects

Elena P. Lapochkina¹

¹ Orenburg Institute – Branch of the Kutafin Moscow State Law University, Orenburg, Russian Federation, elapochkina@yandex.ru

Abstract. Modern international architecture, formed in the post-war period, is in the process of transformation, gradually changing configuration – the unipolar concept of the world order is being replaced by a multipolar one. In the context of this international trend, the BRICS interstate association is of particular interest, striving to establish the concept of multipolarity in the practice of international relations. This, in turn, predetermined the aim of the research, which was to study the historical and law aspects of the BRICS activities and determine the prospects for its progressive functioning. The article, based on an analysis of political science, economic and legal literature, shows the prerequisites for the formation of BRICS, as well as the historical stages of the evolution of the association, which occupies one of the leading places in the international arena. The evolutionary path of the BRICS was identified through the study of the final documents of the annual BRICS summits, systematization and generalization of the information contained in them. The gradual (2009–2023) institutionalization of interaction formats within BRICS is traced, including the emergence of new organizational mechanisms, such as the New Development Bank (NDB) and the Contingent Foreign Exchange Reserve Pool (CCR). The legal status of the group and the prospects for international cooperation of the participating states are analyzed separately. It is noted that in terms of legal status, BRICS is a para-organization of a transcontinental type since, on the one hand, it does not have the characteristic features of an international intergovernmental organization (charter, autonomy, permanent bodies); on the other hand, it has institutionalized mechanisms of interstate cooperation. Promising areas of international cooperation among members of the BRICS group include the transition to settlements in national currency in foreign trade activities, liberalization of international trade turnover within the group, deepening energy cooperation, as well as expanding the composition of the group with new members. In conclusion, it is stated that BRICS is a promising and, in the future, popular format for interaction between developing countries with a universal agenda and can be considered as an international center of influence representing the interests of dynamically developing countries.

Keywords: BRICS, legal status of the group, para-organization, transcontinental cooperation, institutionalization of interaction formats within BRICS, BRICS summits

For citation: Lapochkina, E.P. (2024) International legal cooperation within BRICS: Evolution, results and development prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 234–240. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/26

БРИКС является интенсивно развивающимся межгосударственным объединением межцивилизационного характера, составляющим конкуренцию западным интеграционным альянсам.

Об этом свидетельствуют статистические данные, приводимые главой Банка России Э.С. Набиуллиной, которая отмечает, что «экономики стран БРИКС достаточно быстро развиваются. С присоединением новых

членов доля БРИКС в глобальной экономике выросла с 31 до 35%, если смотреть по итогам 2023 г. по паритету покупательной способности. И эти цифры чуть выше, чем доля стран «Большой семерки» [1]. Кроме того, потенциал БРИКС значим и в территориальном (более трети всей поверхности Земли), и в демографическом (около половины глобального населения) аспектах, что актуализирует необходимость изучения историко-правовых контуров функционирования группы, определения ее правового статуса и перспектив развития.

История создания и эволюционирование БРИКС. Возникновение и формирование БРИКС в качестве крупного многовекторного полифункционального межгосударственного объединения, занимающего одно из ведущих мест на международной арене, стало возможным благодаря осознанию лидерами ключевых развивающихся стран, с одной стороны, необходимости региональной экономической интеграции как предпосылки повышения конкурентоспособности их национальных экономик, с другой – потребности в перестройке мироустройства и системы глобального управления, сформировавшихся в поствоенный период. В юридической и политологической литературе предлагаются различные варианты периодизации истории создания и эволюционирования БРИКС, показывающие процесс трансформации БРИКС от «клуба интересов» до многомерного стратегического партнерства» [2. С. 43].

Д.Э. Денисова, рассматривая этапы становления БРИКС, предлагает трехэтапную периодизацию, выделяя, в частности, *предпосылочный этап (1990–2006 гг.)*, в рамках которого формируются благоприятные условия для создания межгосударственного объединения (консультативный механизм в формате РИК, встречи министров иностранных дел России, Китая, Индии в 2000–2006 гг. в США, Казахстане, России), *этап зарождения межгосударственного объединения и интенсификации сотрудничества (2006–2010 гг.)*, а также *трансформационный этап (2010 г. – наст. время)*, характеризующийся расширением сфер взаимодействия государств – участников БРИКС [2. С. 44].

Весьма любопытна с аналитической точки зрения предложенная учеными-политологами Дж. Киртоном и М.В. Ларионовой пятилетняя цикловая периодизация истории функционирования БРИКС. Ученые, осмысливая богатый и содержательный пятнадцатилетний опыт международного сотрудничества в рамках БРИКС, предлагают выделять три пятилетних цикла, каждый из которых имеет свое содержательное и функциональное значение:

– *формирующий цикл (2008–2013 гг.)*, для которого характерно создание институциональной основы БРИКС, определение стратегических приоритетов объединения, в том числе принципов его функционирования, а также определение «интеграционной идентичности группы»;

– *второй цикл (2014–2018 гг.)*, специфика которого выражена в сохранении единства межгосударственного объединения, несмотря на противоречия между

государствами-участниками (например, конфликты между Индией и Китаем);

– *третий цикл (2018–2022 гг.)*, называемый исследователями *испытания противоречиями, COVID-19 и кризисом, вызванным пандемией* (политические разногласия между Бразилией и другими «членами» БРИКС по поводу участия Хуана Гуайдо на саммите в 2019 г., индокитайские конфликты и разногласия по афганстанскому вопросу, в частности обеспокоенность Индии позицией Китая по поводу признания правительства талибов в Афганистане, индокитайский пограничный конфликт в Ладкхе в 2020 г., кризис в области здравоохранения и др.) [3. С. 10–19].

Каждая из классификаций акцентирует внимание на различных историко-правовых аспектах эволюционирования БРИКС в крупное межгосударственное объединение неформального типа. Между тем, обобщая историко-правовые исследования, в которых рассматриваются основные этапы возникновения и формирования БРИКС, формульно обозначим эволюционный путь этого межгосударственного объединения: РИК–БРИК–БРИКС. Каждый член формулы отражает значимый исторический этап в формировании и дальнейшем развитии группы.

Так, еще в начале 1990-х гг. была сформулирована идея стратегического партнерства трех государств – России, Индии и Китая (РИК), образно оформленная Евгением Максимовичем Примаковым в 1998 г. как «евразийский стратегический треугольник» [4. С. 72].

РИК, возникшее исключительно как объединение политического типа, стремящееся к утверждению концепции многополярного мира, просуществовало до 2004 г. и было фактически преобразовано в объединение БРИК в связи с присоединением к группе четвертого государства – Бразилии – и расширением целей существования объединения – от исключительно политических к торгово-экономическим.

Официальное оформление группы БРИК началось в сентябре 2006 г., когда на 61-й сессии ООН в г. Нью-Йорк по инициативе Президента РФ Владимира Владимировича Путина состоялась встреча министров иностранных дел четырех государств – России, Китая, Индии и Бразилии. Указанная встреча на министерском уровне и ряд кратких встреч глав государств БРИК, проводившихся в 2008–2009 гг., послужили предпосылками формирования институциональной основы функционирования БРИК – саммита (встречи) глав государств – участников группы, впервые организованного и проведенного 16 июня 2009 г. в г. Екатеринбург. Начиная с 2009 г. саммиты БРИКС проводятся ежегодно и выступают как инструмент многосторонней дипломатии, средство выработки новых форматов и направлений взаимодействия государств – участников группы, а также расширения состава межгосударственного объединения.

В табл. 1–3 представлены результаты пятнадцатилетнего сотрудничества (по циклам) государств в рамках БРИКС в период с 2009 по 2023 г. [3–6].

Таблица 1

Результаты международного сотрудничества государств БРИК(С) в первый пятилетний цикл

№ п/п	Место и дата проведения	Достигнутые договоренности и результаты	Организационные и институциональные решения
I	г. Екатеринбург, 16 июня 2009 г.	1. Совместное заявление лидеров стран БРИК. 2. Совместное заявление стран БРИК по продовольственной безопасности. <i>Результаты:</i> задекларированы стремление к достижению многополярного мироустройства; поддержка «группы двадцати» по преодолению мирового финансового кризиса; поддержка реформы МФИ; предложение системы мер по решению проблемы продовольственной безопасности	1. Проведение следующего саммита в г. Бразилиа
II	г. Бразилиа, 15–16 апреля 2010 г.	1. Совместное заявление стран БРИК. <i>Результаты:</i> задекларированы поддержка многосторонних торговых переговоров в рамках Дохийского раунда ВТО; продвижение рамочной конвенции ООН об изменении климата; реализация ЦРТ в период до 2015 г.; выпуск первой статистической публикации в рамках БРИК	1. Проведение следующего саммита в Китае. 2. Организация встреч министров торговли стран-участниц. 3. Организация Академического и Делового форумов
III	г. Санья, 13–14 апреля 2011 г.	1. Совместная декларация стран БРИКС и План действий. <i>Результаты:</i> поддержка вступления России в ВТО, декларирование необходимости реформирования системы ООН; сотрудничество в области здравоохранения, сельского хозяйства, международной информационной безопасности и борьбы с киберпреступностью	1. Присоединение ЮАР в состав группы. 2. Проведение следующего саммита в Индии. 3. Организация встреч министров здравоохранения стран-участниц. 4. Создание Рабочей группы по с/х сотрудничеству
IV	г. Нью-Дели 28–29 марта 2012 г.	1. Делийская декларация и Делийский план действий. 2. Генеральное соглашение об общем порядке открытия кредитных линий в национальных валютах БРИКС. 3. Многостороннее соглашение о подтверждении аккредитивов в рамках механизма межбанковского сотрудничества стран БРИКС. <i>Результаты:</i> обсуждение вопросов поддержания глобальной экономической стабильности, применения антикризисных мер, урегулирования ситуации вокруг Сирии и Ирана	1. Проведение следующего саммита в ЮАР. 2. Обсуждение инициативы по созданию Нового банка развития для мобилизации ресурсов на финансирование проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития
V	г. Дурбан, 26–27 марта 2013 г.	1. Этеквинская декларация и Этеквинский план действий. 2. Декларация о создании Делового совета БРИКС. 3. Декларации об учреждении Консорциума экспертных центров стран БРИКС и о выходе совместной статистической публикации стран БРИКС. <i>Результаты:</i> выражение озабоченности относительно рисков и негативных последствий для роста стран с формирующимся рынком и развивающихся стран, связанных с нетрадиционной денежно-кредитной политикой развитых государств и медленными темпами реформы архитектуры глобального управления; поддержка индустриализации африканских стран; поддержка инициатив ООН по урегулированию конфликта ЦАР и Конго	1. Проведение следующего саммита в ЮАР. 2. Принятие решения о создании Нового банка развития (НБР) и Пула основных валютных резервов (ПУВР) . 3. Новый формат взаимодействия – БРИКС – страны Африки (=БРИКС+). 4. Организация встреч министров образования стран-участниц. 5. Создание Совета экспертных центров БРИКС

Таблица 2

Результаты международного сотрудничества государств БРИКС во второй пятилетний цикл

№ п/п	Место и дата проведения	Достигнутые договоренности и результаты	Организационные и институциональные решения
VI	г. Форталеза, 15–16 июля 2014 г.	1. Форталезская декларация и План действий. 2. Соглашение об учреждении НБР. 3. Договор о создании ПУВР (Резервного фонда) БРИКС. <i>Результаты:</i> обсуждение сотрудничества по исследованиям и разработке в области ИКТ; выработка поручений по созданию группы экспертов в целях координации и сотрудничества государств в вопросах кибербезопасности на площадке ООН; создание правовой основы для сотрудничества национальных банков развития в области инноваций; поддержка диалога с африканским континентом посредством взаимодействия с Африканским Союзом	1. Проведение следующего саммита в России. 2. Создание Платформы БРИКС для обмена информацией в целях содействия торговому и инвестиционному сотрудничеству. 3. Проведение первой встречи министров науки, технологий и инноваций БРИКС
VII	г. Уфа, 8–9 июля 2015 г.	1. Уфимская декларация и План действий. 2. Стратегия экономического партнерства стран БРИКС до 2020 г. 3. Меморандум национальных банков развития о взаимопомощи по вопросам сотрудничества с НБР. 4. Меморандум по созданию Сетевого университета БРИКС. <i>Результаты:</i> вопросы глобального управления, такие как реформа ООН, глобальная безопасность в области здравоохранения, призыв странами БРИКС США ратифицировать реформы МФИ 2010 года, ориентация на внешнюю торговлю в национальных валютах	1. Проведение следующего саммита в Индии. 2. Проведение первой встречи министров энергетики, окружающей среды, труда и занятости, промышленности, связи, культуры и молодежной политики, руководителей налоговых органов. 3. Учреждение форматов – Гражданский, Молодежный и Парламентский БРИКС

№ п/п	Место и дата проведения	Достигнутые договоренности и результаты	Организационные и институциональные решения
VIII	Гоа, 15–16 октября 2016 г.	1. Декларация Гоа и План действий. 2. Меморандумы о взаимопонимании между дипломатическими академиями и по созданию платформы сельскохозяйственных исследований стран БРИКС. <i>Результаты:</i> подтверждение намерения сторон по продвижению переговоров Дохийского раунда в рамках ВТО и реформы МФИ, поддержка мер по борьбе с BEPS; координация национальных цифровых программ, укрепление взаимодействия между предприятиями (B2B), передача технологий и стандартизация в области ИКТ; расширение сотрудничества по противодействию терроризму, борьбе с отмыванием денег, незаконным оборотом наркотиков и неправомерным действиям в сети Интернет; расширение торгового и инвестиционного сотрудничества с членами БИМСТЕК	1. Проведение следующего саммита в Китае. 2. Создание Рабочей группы по борьбе с терроризмом
IX	г. Сямэнь, 4–5 сентября 2017 г.	1. Сямэньская декларация, включающая в качестве приложений итоговые документы сотрудничества БРИКС и План действий. <i>Результаты:</i> укрепление межгрупповой сплоченности по вопросам экономического и технического сотрудничества, электронной торговли, торговле услугами, содействию инвестициям, обмену между людьми в области культуры, образования, науки и технологий	1. Проведение следующего саммита в ЮАР. 2. Инициатива по созданию Фонда облигаций БРИКС в национальной валюте. 3. Предложение по институционализации БРИКС+. 4. Учреждение культурно-образовательных форумов
X	г. Йоханнесбург, 25–27 июля 2018 г.	1. Йоханнесбургская декларация и Йоханнесбургский план действий; 2. Меморандум БРИКС о взаимопонимании по региональной авиации. <i>Результаты:</i> констатация кризиса ВТО и обязательство развивать правовую базу многосторонней торговой системы, бороться с протекционизмом; поддержка центральной роли ООН в международных делах, расширенное гуманитарное сотрудничество (наука, бизнес, кино, местное самоуправление, СМИ)	1. Проведение следующего саммита в Бразилии. 2. Создание Партнерства БРИКС по новой промышленной революции . 3. Формат аутрич со странами Африки

Таблица 3

Результаты международного сотрудничества государств БРИКС в третий пятилетний цикл

№ п/п	Место и дата проведения	Достигнутые договоренности и результаты	Организационные и институциональные решения
XI	г. Бразилиа, 13–14 ноября 2019 г.	1. Декларация Бразилиа, включающая приложения «Результаты сотрудничества БРИКС» и «Заседания, проведенные под председательством Бразилии». 2. Рабочий план БРИКС в области науки, технологий и инноваций на 2019–2022 гг. <i>Результаты:</i> укрепление сотрудничества в области инноватики, в сфере цифровой экономики и активизации борьбы с транснациональной преступностью, развитие цифровой платформы глобальной сети научно-исследовательских инфраструктур	1. Проведение следующего саммита в России. 2. Инициатива по созданию Целевой группы по цифровым технологиям БРИКС
XII	г. Москва, 17 ноября 2020 г.*	1. Московская декларация с приложениями «Результаты сотрудничества в рамках БРИКС» и «Встречи, проведенные в рамках российского председательства». 2. Стратегия экономического партнерства БРИКС на период до 2025 г. 3. Антитеррористическая стратегия БРИКС. <i>Результаты:</i> акцентировка на антипандемийных мерах: обмен информацией, поддержка ВОЗ и АСТ, распространение вакцины на повсеместной основе; подведение итогов экономического сотрудничества в период с 2015 по 2020 г.	1. Проведение следующего саммита в России. 2. Институционализация отчетности стран БРИКС в сфере экономического сотрудничества
XIII	г. Нью-Дели, 9 сентября 2021 г.*	1. Делийская декларация. 2. План действий по реализации антитеррористической стратегии БРИКС. 3. Совместное заявление БРИКС по укреплению и реформированию многосторонней системы. 4. План действий стран БРИКС по сотрудничеству в области с/х на 2021–2024 гг. <i>Результаты:</i> задекларирована поддержка институтов глобального управления, в том числе ООН, МВФ, ВТО и ВОЗ, расширения сотрудничества с G20 и другими многосторонними форумами; завершение разработки Плана по борьбе с терроризмом; поддержка мирового сообщества в решении проблемы изменения климата	1. Проведение следующего саммита в Китае
XIV	г. Пекин, 24 июня 2022 г.*	1. Пекинская декларация XIV саммита БРИКС. 2. План действий по реализации Соглашения между правительствами государств БРИКС о сотрудничестве в области культуры на 2022–2026 гг.	1. Проведение следующего саммита в ЮАР.

№ п/п	Место и дата проведения	Достигнутые договоренности и результаты	Организационные и институциональные решения
		<i>Результаты:</i> содействие экономическому восстановлению после пандемии COVID-19, обеспечение энергетической безопасности, подчеркивание роли ИИ в обеспечении устойчивого развития, обсуждение этических проблем при использовании ИИ, углубление гуманитарных обменов	2. Создание Совместного комитета БРИКС по космическому сотрудничеству. 3. Инициатива об организации Форума БРИКС высокого уровня по вопросам устойчивого развития
XV	г. Йоханнесбург, 22–24 августа 2023 г.	1. Итоговая Йоханнесбургская декларация-2023. <i>Результаты:</i> признание ведущей роли ООН в международной системе с одновременным призывом по ее реформированию, констатация необходимости перехода на использование национальных валют в международной торговле и финансовых операциях, укрепление механизма нераспространения ОМП, признание необходимости расширения группы как фактора консолидации стран «незападного мира»	1. Проведение следующего саммита в России. 2. Принятие решения о расширении состава группы (Аргентина ^{*1} , Египет, Иран, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и Эфиопия)

* – саммиты, которые проходили в онлайн-формате, что было обусловлено пандемийным периодом.

¹ Аргентина отказалась от участия в БРИКС.

Современное наименование группы государств (БРИКС) вошло в международный дипломатический оборот с 2011 г., когда в состав объединения было включено пятое государство, представляющее африканский континент, – Южно-Африканская Республика (далее-ЮАР). Как отмечают исследователи, создание и международное самоутверждение БРИКС является закономерным процессом, обусловленным рядом факторов. «Объединение Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР в межгосударственную организацию было обусловлено следующими факторами страны имеют приблизительно одну весовую категорию и подобные интересы на мировой арене; у них схожий тип влияния на международные отношения» [2. С. 43].

В настоящий момент БРИКС имеет тенденцию к расширению состава участников. Так, с 1 января 2024 г. в состав группы вошли новые государства, решение о вступлении которых было принято на 15-м саммите БРИКС в г. Йоханнесбург. Состав группы дополнили, в частности, Египет, Иран, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и Эфиопия. Таким образом, на современном этапе своего развития БРИКС стал более представительным объединением – «пятерка» была трансформирована в «десятку».

Юридическая природа и правовой статус БРИКС. В юридической литературе отсутствует единство мнений относительно юридической природы и правового статуса БРИКС. Как подчеркивает Л.П. Ануфриева, «использование разнообразных формул: “группа”, “альянс”, “партнерство”, “ассоциация”, “клуб”, “квазиорганизация”, параорганизация» и т.п. – воспринимается прежде всего как свидетельство отсутствия у них формально-юридических и организационно-правовых характеристик по сравнению с «традиционными» в действующем международном правопорядке международными организациями, демонстрирует указание на трактовку “усеченной” значимости в юридическом смысле таких “неорганизованных/неинституционализированных” лиц» [7. С. 123].

Действительно, юридическая квалификация БРИКС весьма неоднородна в содержательном отношении. Полифония исследовательских позиций среди ученых-правоведов и политологов демонстрирует это обстоятельство. Анализируя правовой статус БРИКС

через систему выработанных в доктрине международного права признаков или критериев международной межправительственной организации (учредительного договорная основа функционирования, добровольность, автономность, наличие постоянно действующих органов, функция сотрудничества), Г.Г. Шинкарепкая приходит к убеждению, что БРИКС необходимо квалифицировать в качестве «межгосударственной институциональной структуры сотрудничества, то есть как постоянную структуру, не достигающую уровня международной межправительственной организации» [8. С. 145].

В свою очередь, Л.П. Ануфриева, изучая правовую природу и принципы сотрудничества в рамках БРИКС в их соотношении общепризнанных принципов международного права и отраслевых принципов МЭП, делает вывод о том, что БРИКС не является международной организацией в собственном смысле слова. Авторитетный ученый-международник полагает, что «в сегодняшней реальности БРИКС действительно не отвечает критериям институционализации (международной организации): не имеет учредительного договора, регулируемого нормами международного права... нет организационной структуры, то есть органов, обеспечивающих рассматриваемому образованию выступление вовне (персонификацию); не обладает волей, относительно обособленной от воли государств-членов...» [7. С. 129]. Отсюда следует, по мнению ученого, что БРИКС не наделяется качествами международной правосубъектности, складывающейся из прав, обязанностей и международно-правовой ответственности субъекта международного права.

Дополняет исследовательскую полифонию мнений относительно юридической природы БРИКС позиция Н.М. Бевеликовой, которая, раскрывая правовые особенности развития группы, определяет ее в качестве «строящегося вне стереотипов нового алгоритма международных отношений – как глобального форума со своим вектором развития», «неформального межгосударственного объединения, не обладающего правосубъектными и правотворческими свойствами и явными институциональными качествами» [9. С. 111, 113].

Вместе с тем Н.М. Бевеликова предлагает рассматривать неоднозначный правовой статус БРИКС в кон-

тексте активно развивающихся интеграционных процессов: «...следует понимать, что такое статусное положение БРИКС (наличие не всех признаков международной организации) может быть обусловлено различиями в развитии интеграционных процессов в Европе и Азии» [9. С. 112]. В этом смысле БРИКС можно рассматривать как интеграционное образование нетрадиционного типа, не обладающее признаками наднациональности, характерной для европейской и отрицаемой в азиатской интеграции.

Юридический портрет БРИКС дополняется и другими исследовательскими штрихами: БРИКС рассматривается также как международная квазиорганизация (А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев), неформальный клуб (А.В. Кузнецов), особый коллективный формат, наделенный качествами интеграционного объединения (Д.Е. Денисова).

Рассмотрев различные позиции относительно юридической природы БРИКС, мы полагаем необходимым придерживаться классического подхода к осмыслению правового статуса БРИКС, согласно которому группа не квалифицируется как международная межправительственная организация в силу отсутствия у нее характерных признаков (устава, органов, автономности) и, следовательно, не наделяется качествами субъекта международного права. По нашему мнению, *БРИКС является параорганизацией трансконтинентального типа* и статусно близка к таким неформальным объединениям, как «Группа двадцати», «Парижский клуб государств-кредиторов» и другим аналогичным объединениям.

Перспективы сотрудничества в рамках БРИКС.

Несмотря на обсуждаемые в научной литературе проблемы взаимодействия стран БРИКС, среди которых особо отмечаются культурная, экономическая и политическая неоднородность государств-участников, различия в принципах построения и функционирования их финансовых систем (транспарентные и нетранспарентные), трансконтинентальный характер объединения и дифференцированное политическое целеполагание [10. Т. 5. С. 329], значительный конфликтогенный потенциал некоторых участников группы (Китай и Индия), у данного межгосударственного объединения имеются перспективы расширения состава участников, направлений сотрудничества и форматов работы,

что подтверждается эмпирически – позитивным пятнадцатилетним опытом межгосударственного взаимодействия.

В частности, результаты ежегодных саммитов и проводимых в рамках принимаемых планов действий мероприятий демонстрируют поступательное развитие группы, состоящее: во-первых, в расширении сфер взаимодействия участников БРИКС – от торгово-экономических и политических аспектов до гуманитарных (здравоохранение, образование, климат и т.п.); во-вторых, в появлении новых дискуссионных площадок – академических, деловых, молодежных форумов; в-третьих, в образовании новых форматов взаимодействия с внешними партнерами – БРИКС+ и БРИКС-аутрич.

Анализ юридической и экономической литературы по исследуемому вопросу показывает, что актуальными и перспективными направлениями международного сотрудничества группы БРИКС являются:

- переход на расчеты в национальной валюте по внешнеторговым операциям, а в отдаленном будущем – на единую валюту по экспортно-импортным операциям участников группы в контексте проведения политики дедолларизации;
- углубление энергетического сотрудничества государств-участников, состоящего, с одной стороны, в расширении использования природного газа, возобновляемых источников энергии и водородной энергетики, с другой – в обеспечении глобальной энергетической безопасности;
- продолжение институционализации сотрудничества в рамках БРИКС (появление новых переговорных треков) и либерализация взаимной торговли;
- расширение состава группы, прежде всего, некоторыми странами Ближнего Востока и Северной Африки, что позволит рассматривать БРИКС как международный центр влияния, представляющий интересы динамично развивающихся стран.

Таким образом, БРИКС является перспективным и востребованным форматом взаимодействия развивающихся стран с универсальной повесткой, включающей вопросы политического, торгово-экономического, финансово-валютного, энергетического, инвестиционного, гуманитарного сотрудничества, и значимым экономическим, территориальным и демографическим потенциалом.

Список источников

1. Набиуллина Э.С. БРИКС в 2023 году обогнали «Большую семерку» по доле в мировой экономике // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240129/briks-1924217546.html>
2. Денисова Д.Э. БРИКС: вчера, сегодня, завтра // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2022. № 2 (17). С. 40–54.
3. Киртон Д.Д., Ларионова М.В. БРИКС. Первые 15 лет сотрудничества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17, № 2. С. 7–30.
4. Явнова И.И. БРИКС: история создания // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2015. № 53. С. 71–74.
5. Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия // История БРИКС. URL: <https://nkibrics.ru/pages/history-brics>
6. Гусев А. Итоги саммита БРИКС: реализм, направленный в будущее // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/41920>
7. Ануфриева Л.П. БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 123–133.
8. Шинкаревич Г.Г. О правовом статусе БРИКС // Современное право. 2015. № 10. С. 140–145.
9. Бевеликова Н.М. БРИКС: правовые особенности развития // Журнал российского права. 2015. № 8 (224). С. 110–123.
10. Кудрявцева Л.В., Попова П.Е. Проблемы и перспективы развития сотрудничества стран БРИКС // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5, № 1. С. 327–331.

References

1. Nabiullina, E.S. (2024) *BRICS v 2023 godu obognali "Bol'shuyu semerku" po dole v mirovoy ekonomike* [BRICS overtook the G7 in share of global economy in 2023]. RIA Novosti. [Online] Available from: <https://ria.ru/20240129/briks-1924217546.html>
2. Denisova, D.E. (2022) *BRICS: vchera, segodnya, zavtra* [BRICS: yesterday, today, tomorrow]. *Gumanitarnye i politiko-pravovye issledovaniya*. 2 (17). pp. 40–54.
3. Kirton, D.D. & Larionova, M.V. (2022) *BRICS. Pervye 15 let sotrudnichestva* [BRICS. The first 15 years of cooperation]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. 17 (2). pp. 7–30.
4. Yavnova, I.I. (2015) *BRICS: istoriya sozdaniya* [BRICS: history of creation]. *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya*. 53. pp. 71–74.
5. Nkibrics.ru. (n.d.) *Natsional'nyy komitet po issledovaniyu BRIKS, Rossiya* [National Committee on BRICS Research, Russia]. [Online] Available from: <https://nkibrics.ru/pages/history-brics>
6. Gusev, A. (n.d.) *Itogi sammita BRIKS: realizm, napravlenyy v budushchee* [Results of the BRICS Summit: Realism Aimed at the Future]. [Online] Available from: <https://interaffairs.ru/news/show/41920>
7. Anufrieva, L.P. (2019) *BRICS: o pravovoy prirode i printsipakh sotrudnichestva* [BRICS: On the Legal Nature and Principles of Cooperation]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 12 (109). pp. 123–133.
8. Shinkaretskaya, G.G. (2015) *O pravovom statuse BRIKS* [On the Legal Status of BRICS]. *Sovremennoe pravo*. 10. pp. 140–145.
9. Bevelikova, N.M. (2015) *BRICS: pravovye osobennosti razvitiya* [BRICS: legal features of development]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 8 (224). pp. 110–123.
10. Kudryavtseva, L.V. & Popova, P.E. (2019) *Problemy i perspektivy razvitiya sotrudnichestva stran BRIKS* [Problems and prospects for the development of cooperation among the BRICS countries]. *Byulleten' nauki i praktiki*. 5 (1). pp. 327–331.

Информация об авторе:

Лапочкина Е.П. – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Оренбург, Россия). E-mail: elapochkina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.P. Lapochkina, Cand. Sci. (Law), associate professor, Orenburg Institute – Branch of the Kutafin Moscow State Law University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: elapochkina@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.05.2024;
одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 21.05.2024;
approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

Научная статья
УДК 343.43
doi: 10.17223/15617793/507/27

Противодействие торговле людьми в АСЕАН

Екатерина Николаевна Рахманова¹, Елена Анатольевна Писаревская²

^{1,2} Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия

¹ Ekaterina.rachmanova@gmail.com

² liorev@mail.ru

Аннотация. Проводится сравнительно-правовой анализ положений законодательства, как регионального, так и национального, о противодействии торговле людьми государствами, входящими в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Отмечаются причины распространенности торговли людьми в этих государствах. Анализируются особенности нормативной регламентации противодействия торговле людьми в некоторых из них (Вьетнам, Индонезия, Сингапур), а также специфика уголовной политики в сфере противодействия торговле людьми в АСЕАН.

Ключевые слова: АСЕАН, законодательство, конвенция АСЕАН, Палермский протокол, торговля людьми

Для цитирования: Рахманова Е.Н., Писаревская Е.А. Противодействие торговле людьми в АСЕАН // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 241–247. doi: 10.17223/15617793/507/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/27

Combating human trafficking in ASEAN

Ekaterina N. Rakhmanova¹, Elena A. Pisarevskaya²

^{1,2} Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ Ekaterina.rachmanova@gmail.com

² liorev@mail.ru

Abstract. Human trafficking is a serious global problem. At the same time, ASEAN states, as countries of origin, transit and destination, account for about one third of the world's human trafficking. This has led to numerous efforts by ASEAN to eradicate this crime and the adoption of the ASEAN Convention Against Trafficking in Persons Especially Women and Children, to which almost all ASEAN member states are parties, as well as the UN Convention against Transnational Organized Crime, the Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children, etc. The aim of the work is to study the experience of combating human trafficking in ASEAN states, as well as to identify the causes of the prevalence of human trafficking in this region and the ineffectiveness of the implementation of international, regional and national documents on combating human trafficking by countries. The article examines certain provisions of the ASEAN Convention and the specifics of its application, and presents the results of a comparative legal study of criminal law prohibitions in force in a number of ASEAN countries. The comparative legal and historical methods used in the work allow comparing acts aimed at combating human trafficking in the region. The authors also use general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, generalization) and specific scientific (statistical) research methods. The theoretical basis of the study consists of the works of both domestic and foreign experts, and, as the normative base, both international documents and national legislation of a number of ASEAN countries were highlighted. The authors attribute the prevalence of human trafficking in ASEAN states to universal or large-scale social problems inherent in many countries of the world, such as poverty and globalization, as well as specific ones, which are characteristic only of these countries. The problems include the unequal economic development of ASEAN countries, the ethnographic features of the region, internal conflicts, open borders, international tourism, including sex tourism, the specifics of national legislation, etc. Combating human trafficking is complicated by the institutional features of ASEAN, including the principle of non-interference, compliance with the ASEAN-X formula, etc., which is reflected not only in the criminal policies of ASEAN states, but also in the specifics of legislation, which in a number of countries does not comply with not only international, but also regional documents to which they are parties. Most national laws on human trafficking were adopted before their ratification. The analysis conducted allows concluding that ASEAN's efforts to combat human trafficking have not yet been successful. There is a need for closer cooperation between member countries, bilaterally and multilaterally, and at the international level, as well as updating the current legislation in a number of ASEAN countries.

Keywords: ASEAN, legislation, ASEAN convention, Palermo Protocol, human trafficking

For citation: Rakhmanova, E.N. & Pisarevskaya, E.A. (2024) Combating human trafficking in ASEAN. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 241–247. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/27

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) объединяет десять стран, которые занимают 4,5 млн км² земли с населением около 634,5 млн человек, различающихся не только в социальном и культурном отношении, но и практически несопоставимым уровнем жизни.

Данный регион можно назвать идеальным для торговли людьми, поскольку на него приходится около одной трети мировой торговли людьми. Ежегодно из стран АСЕАН незаконно вывозят около 200 000 женщин и детей. Все государства АСЕАН в той или иной степени являются странами происхождения, транзита или назначения [1].

Масштабность этой проблемы во многом обусловлена процессами глобализации, спровоцировавшей значительный экономический разрыв между относительно богатыми странами, такими, как Таиланд и Сингапур, и бедными, такими как Камбоджа или Мьянма, который неизбежно порождает как легальную, так и нелегальную, или незаконную, миграцию и торговлю людьми. Не случайно согласно Индексу глобального рабства (Global Slavery Index) из десяти государств АСЕАН наихудшее положение наблюдается в Мьянме, которая в 2023 г. заняла 3-е место среди 27 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в то время как Сингапур – 23-е [2]. ВВП на душу населения в Сингапуре составляет 67 360 долл. США, тогда как в Камбодже – 1 488 долл. США [3, 4]. Помимо этого, в числе причин исследователи называют внутригосударственные конфликты, стихийные бедствия, этнографические особенности региона, пандемию COVID-19 и др. [5, 6].

В результате АСЕАН с конца прошлого столетия вынуждена предпринимать шаги по преодолению или сокращению торговли людьми. Было принято несколько деклараций, которые, правда, не имеют обязательной силы, поскольку государства – члены АСЕАН отдают предпочтение мягкому праву. Первым шагом в этом направлении явилось принятие в 1997 г. на Первой конференции АСЕАН Декларации о транснациональной преступности, касающейся в том числе и торговли людьми [7].

Но в 2007 г. Международная организация по миграции совместно с АСЕАН провела пилотное исследование в Камбодже, Индонезии, Филиппинах и Таиланде [8], результаты которого показали, что в правоохранительной сфере между членами АСЕАН отсутствует реальное межгосударственное сотрудничество. Пытаясь как-то решить данную проблему, в 2011 г. были разработаны «Практические рекомендации АСЕАН по эффективному реагированию уголовного правосудия на торговлю людьми», состоящие из двух частей. Первая часть посвящена имеющейся на тот момент правовой базе, а также работе с потерпевшим как со свидетелем, защитителем и т.п. Вторая часть касается межгосударственного судебного сотрудничества, проблем экстрадиции, правовой помощи, установления сетей между исследователями-специалистами, прокурорами и юристами.

Не меньшее значение имела Декларация АСЕАН о защите и поощрении прав рабочих мигрантов 2007 г.,

в которой государствам предлагалось создать и развивать правовую практику по регулированию найма трудящихся-мигрантов и разработать механизмы устранения злоупотреблений при приеме их на работу (п. 14) [9].

Нельзя не упомянуть также Декларацию АСЕАН 2011 г. против торговли людьми, особенно женщинами и детьми, в которой государства взяли на себя обязательство «предпринять согласованные усилия для эффективного решения возникающей региональной проблемы, а именно торговли людьми, особенно женщинами и детьми» [10].

В 2015 г. на саммите АСЕАН была принята Конвенция против торговли людьми, особенно женщинами и детьми, которая вступила в силу после ее подписания 6 из 10 членов АСЕАН в 2017 г., в п. «а» ст. 1 которой указывается в качестве одной из основных целей «справедливое и эффективное наказание виновных в торговле людьми». Понятие «торговля людьми», сформулированное в Конвенции, соответствует определению, содержащемуся в Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющем Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (Палермский Протокол) 2000 г. [11].

Действие Конвенции распространяется, прежде всего, на преступные деяния, носящие транснациональный характер (ст. 3). В части 3 ст. 5 предусмотрен перечень отягчающих ответственность обстоятельств, а также ответственность: за совершение преступления в составе организованной группы (ст. 6), отмывание доходов от преступной деятельности (ст. 7), коррупцию (ст. 8) и за воспрепятствование осуществлению правосудия (ст. 9).

Глава 3 «Профилактика» (ст. 11–13) содержит рекомендации об установлении двустороннего и многостороннего сотрудничества между государствами, в том числе обмене между государствами информацией о принятии законодательных и иных мер и т.п.

Примечательно, что в случае, если между государствами-участниками отсутствует договор о выдаче, они могут рассматривать Конвенцию в качестве правового основания для выдачи за преступления, предусмотренные в ст. 5 Конвенции. Это положение имеет особое значение, поскольку в АСЕАН отсутствует региональный акт об экстрадиции, несмотря на постоянное обсуждение этого вопроса.

Кроме того, ст. 20 Конвенции предусматривает, что если между государствами не заключено двустороннее соглашение, они могут рассматривать Конвенцию в качестве основы для взаимного сотрудничества правоохранительных органов в отношении преступлений, охватываемых Конвенцией [12].

Но на практике региональное сотрудничество в правоохранительной сфере в полной мере пока так и не реализовано. Одной из причин такого положения являются институциональные особенности АСЕАН. Во-первых, важной характеристикой деятельности АСЕАН является принцип невмешательства. Этот принцип включен во все основные документы АСЕАН. Принцип невмешательства также проявился в механизме признания Конвенции, в которой было установлено, что она вступает в силу только после того, как

минимум шесть подписавших ее участников ратифицируют ее в своих государствах [13. С. 41].

Во-вторых, это статус Секретариата АСЕАН, являющегося центральным институтом организации, ответственным за координацию и содействие реализации политики и ее решений. Но Секретариат не наделен специальными полномочиями по отслеживанию и контролю за реализацией политики АСЕАН в борьбе с торговлей людьми. В сочетании с принципом невмешательства это создает своего рода барьер, препятствующий эффективной борьбе с торговлей людьми.

В-третьих, обязательность консенсуса при принятии решений, что вытекает из формулы АСЕАН – X, которая «подразумевает, что один или большее количество членов Ассоциации могут по своему усмотрению воздержаться от участия в том или ином виде экономической активности, что позволит другим участникам достигать соглашений, не дожидаясь одобрения АСЕАН в его полном составе» [14. С. 82]. Эта формула позволяет АСЕАН развиваться без внутренних конфликтов, но влияет на выполнение, в том числе конвенционных обязательств.

Перечисленные особенности АСЕАН отражают принципы, заложенные в концепции «Путь АСЕАН», в числе которых лояльность участников АСЕАН друг к другу, невмешательство во внутренние дела, стремление к консенсусу и отсутствие конфронтации между государствами [15. С. 258]. С одной стороны, данные принципы способствовали формированию успешного регионального экономического сотрудничества, но с другой – они же осложняют решение вопросов, связанных с обеспечением безопасности в регионе, в том числе противодействием торговле людьми. И хотя АСЕАН является единой организацией, но каждое из десяти входящих в нее государств руководствуется своим национальным подходом к данной проблеме.

Следующим фактором, затрудняющим региональное сотрудничество в рассматриваемой сфере, является различная структура преступности, которая влияет на уголовную политику государств. Так, если Таиланд, Вьетнам и Камбоджа, в которых развитие индустрии туризма сопровождается в наибольшей степени ростом так называемого секс-туризма, больше внимания уделяют противодействию сексуальной эксплуатации, то для Индонезии, в которой доминируют принудительный труд и незаконная трудовая миграция, на первое место выходит контроль за незаконной миграцией [16, 17].

Разная уголовная политика и разные ее цели находят свое отражение в законодательстве о запрете торговли людьми, которое далеко не всегда и не во всех странах соответствует не только международным, но и региональным документам, участниками которых они являются.

Нужно отметить, что взаимодействие государств АСЕАН с международным сообществом в рамках борьбы с торговлей людьми носит непростой характер. Бруней подписал Палермский протокол только в 2020 г., но до сих пор его не ратифицировал, Индонезия и Вьетнам ратифицировали его в 2009 и 2012 гг. соответственно, Таиланд не ратифицировал Протокол до 2013 г., а Сингапур – до сентября 2015 г.

Во многом это вызвано особенностями данного региона. Принято считать, что в число признаков, отличающих торговлю людьми от незаконной миграции и контрабанды людей, следует включать то, что «согласие жертвы торговли людьми достигается применением определенных мер воздействия со стороны преступника, в то время как незаконные мигранты очень часто по собственной инициативе стремятся к выезду в другое государство» [18. С. 157], поскольку тяжелые условия жизни в ряде государств Юго-Восточной Азии вынуждают людей добровольно переезжать в соседние страны, что серьезно осложняет выявление принуждения.

Кроме того, вербовщиками чаще всего являются не представители организованной преступности, а соседи, знакомые, родственники. В результате, по крайней мере на начальном этапе, «жертва» торговли людьми на Юго-Востоке Азии, надеющаяся на лучшую жизнь, добровольно переезжает в другую страну. Так, исследование, посвященное проблемам торговли людьми на лаоско-тайской границе, показывает, что граждане Лаоса, прежде всего женщины, добровольно незаконно пересекают границу в надежде на лучшие условия труда, более высокие заработки, поскольку уровень жизни в Таиланде намного выше, чем в Лаосе, но попадают в сексуальное рабство [19].

В Протоколе о торговле людьми помимо принуждения, участия представителей организованной преступности, акцент делается также на важности обеспечения государствами целостности границ (ст. 11). Но географические особенности данного региона, в котором издавна существуют трансграничная торговля между жителями пограничных стран, открытые границы, устоявшиеся миграционные и контрабандные маршруты, коррупция в правоохранительных органах и на границах, различные уровни экономического развития, ограниченные финансовые и человеческие ресурсы и отсутствие координации между странами региона, не позволяют им эффективно контролировать границы и проводить операции по выявлению незаконных мигрантов [17].

Тем не менее в государствах АСЕАН приняты и принимаются законы, которые содержат нормы о привлечении к ответственности виновных в торговле людьми, и ссылки в различной степени на ст. 3 Протокола о торговле людьми. При этом в странах АСЕАН термин «торговля людьми» в первую очередь подразумевает сексуальную эксплуатацию женщин и детей, что связано с особой распространенностью в ряде стран данного явления [20].

В Индонезии Закон № 21 от 2007 г. об искоренении торговли людьми [21] был принят до ратификации страной Конвенции АСЕАН.

Закон, а также УК Индонезии 2023 г. предусматривают ответственность не только физических, но и юридических лиц. Особенностью индонезийского законодательства является одновременное применение Закона и Уголовного кодекса.

В частности, при назначении наказания суды применяют не только ст. 297 и 298 УК, но также ссылаются на Закон № 21.

Тем более что в Законе указаны дополнительные обстоятельства, отягчающие ответственность виновного и отсутствующие в Уголовном кодексе: наличие у потерпевшего тяжелой травмы, тяжелых психических расстройств, других инфекционных заболеваний, которые ставят под угрозу жизнь, беременность, или нарушение, или потерю у потерпевшей репродуктивной функции [22].

Правовая база **Вьетнама** по борьбе с торговлей людьми включает в себя законы, которые нуждаются в обновлении в силу их несоответствия международным и региональным стандартам, несмотря на то, что Вьетнам является участником Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, Палермского протокола, а также Конвенции АСЕАН. Но практически все национальные акты были приняты еще до ратификации названных документов и действуют до сих пор без изменений. Так, согласно УК Вьетнама 1999 г. жертвами торговли людьми могут быть только женщины и дети [23], аналогичное положение содержится и в Законе 2011 г. «О предупреждении торговли людьми и борьбе с ней» [24]. В этом же Законе, так же как и в ст. 151 УК (в редакции 2017 г.), уголовная ответственность за торговлю детьми возможна, только если потерпевшее лицо не достигло 16-летнего возраста, несмотря на то что ст. 2 (d) Конвенции АСЕАН от 2015 г. под несовершеннолетним подразумевает лицо, не достигшее 18 лет.

Такой же позиции придерживается и Верховный Суд Вьетнама, который в своем Постановлении № 02/2019/NQ-HDTP от 11 января 2019 г. «О порядке применения статьи 150 о торговле людьми и статьи 151 о торговле людьми в возрасте до 16 лет Уголовного кодекса» [28] говорит о потерпевших в возрасте до 16 лет, а в п. 2 Постановления раскрываются лишь некоторые виды торговли людьми [25, 26].

Филиппины после ратификации Палермского протокола в 2003 г. были первым государством – участником АСЕАН, принявшим закон, известный как Закон о борьбе с торговлей людьми [27], в который затем были внесены поправки в 2013 и 2022 гг. Помимо традиционных понятий, касающихся торговли людьми, в Законе под торговлей людьми понимается продажа ребенка приемным родителям под ложным предлогом и с использованием таких схем, как фальсификация данных о ребенке или манипулирование его происхождением, чтобы представить ребенка сиротой или найденным; распространение в онлайн-сети материалов о сексуальном насилии и эксплуатации детей; вовлечение детей в вооруженные конфликты; продажа и покупка органов человека и др.

В качестве жертв торговли людьми указаны также лица, которые не в состоянии себя защитить в силу физических или умственных недостатков. Закон содержит понятие долговой кабалы и сексуальной эксплуатации, договорного брака как одной из форм сексуальной эксплуатации, определение секс-туризма и порнографии.

Правило IV Закона в ст. 1 предусматривает, что Филиппины вправе «осуществлять юрисдикцию в отношении любого действия, определенного и наказывае-

мого в соответствии с Законом, даже если оно совершено за пределами их территории и независимо от того, является ли такое действие или действия преступлением в месте его совершения, если преступление, являющееся длящимся преступлением, было начато в Филиппинах. Филиппины также могут осуществлять юрисдикцию в отношении любого деяния, определенного и наказываемого в соответствии с Законом, если оно совершено в другой стране, при условии, что подозреваемый или обвиняемый: (а) является гражданином Филиппин; (б) является постоянным жителем Филиппин; или (с) совершил действие против гражданина Филиппин» [28].

Уголовно наказуемыми в соответствии с Законом № 9208 с поправками, внесенными в последующие годы, помимо традиционных являются действия, например, владельцев и операторов интернет-кафе, точек доступа, киосков, центров денежных переводов и денежных переводов, транспортных услуг, туристических предприятий, торговых центров и других коммерческих учреждений, открытых и обслуживающих население, которые в течение 48 часов с момента получения фактов и обстоятельств того, что нарушения Закона происходят в их помещениях или что их помещения и услуги используются для совершения нарушений Закона, не сообщают о происходящем в соответствующие правоохранительные органы [29].

Торговля людьми криминализована в **Сингапуре** в 2014 г. после принятия Закона о предотвращении торговли людьми [30], который, в целом, соответствует Протоколу ООН о торговле людьми. Признавая транснациональный характер преступления, ст. 3 (4) Закона 2014 г. предусматривает, что к ответственности привлекаются лица, находящиеся за пределами Сингапура, за оплачиваемый секс с лицами, не достигшими 18 лет (ст. 376C УК Сингапура) и за сексуальный туризм за пределами Сингапура, совершенный с несовершеннолетними, не достигшими 18 лет (ст. 376D). Согласно Закону лица, совершившие преступление впервые, могут быть приговорены к тюремному заключению на срок до 10 лет, штрафу на сумму до 100 000 сингапурских долларов и избиению палкой до 6 ударов. Ответственность ужесточается для лиц, совершивших данное преступление повторно, – максимальное наказание в 1,5 раза превышает впервые назначенное и также предусматривает тюремное заключение, штраф и избиение палкой.

До принятия Закона в стране были криминализованы только проституция женщин и детей, половые акты с несовершеннолетними лицами, не достигшими 16 лет [31], покупка и продажа органов человека [32]. Единственным законодательным актом, который криминализировал торговлю людьми, была Женская хартия 1997 г., в которой ст. 141 указывалось, что торговля женщинами и девочками является преступлением. Но данное положение не распространялось на торговлю мужчинами и мальчиками, а само понятие «торговля людьми» не раскрывалось [33].

Подводя итоги, следует признать, что с конца прошлого столетия в АСЕАН предпринято много усилий

в целях искоренения или сокращения торговли людьми.

Но проблема до сих пор не решена, чему способствуют три фактора:

- 1) институциональные особенности АСЕАН;
- 2) нехватка финансовых и человеческих ресурсов в ряде стран региона препятствует эффективной реализации программ по борьбе с торговлей людьми;
- 3) отсутствие единых стандартов и подходов к борьбе с торговлей людьми.

В одних странах законы о торговле людьми выходят за рамки Конвенции АСЕАН и Палермского протокола, а другие, напротив, сужают данное понятие.

Одни страны основное внимание уделяют сексуальной эксплуатации женщин и детей и контролю за международным туризмом, в то время как другие – трудовой эксплуатации и незаконной миграции.

Эти факторы подчеркивают необходимость более комплексного и согласованного подхода к решению проблемы торговли людьми в регионе АСЕАН.

Список источников

1. Kumar A. Status of Human Trafficking as Modern-Day Slavery in South Asia // *Research Nepal Journal of Development Studies*. 2020. Vol. 3. P. 91–99.
2. The Global Slavery Index 2023. URL: <https://cdn.walkfree.org/content/uploads/2023/05/17114737/Global-Slavery-Index-2023.pdf> (accessed: 19.07.2024).
3. ВВП Сингапура: объем, темпы роста на душу населения, структура. URL: <https://take-profit.org/statistics/gdp/singapore/> (accessed: 19.07.2024).
4. ВВП Камбоджи: объем, темпы роста на душу населения, структура. URL: <https://take-profit.org/statistics/gdp/cambodia/> (дата обращения: 19.07.2024).
5. Kakar M.M., Yousaf F.N. Gender, Political and Economic Instability, and Trafficking into Forced Marriage // *Women & Criminal Justice*. 2021. Vol. 32, № 3. P. 277–287.
6. Braithwaite A., Salehyan I., Savun B. Refugees, forced migration, and conflict: Introduction to the special issue // *Journal of Peace Research*. 2019. Vol. 56, № 1. P. 5–11.
7. Solim J. The Accommodation of ASEAN Convention against Trafficking in Persons (ACTIP) in Indonesia Regulation // *Fiat Justitia*. 2019. Vol. 13, № 2. P. 167–186.
8. ASEAN and trafficking in persons: Using data as a tool to combat trafficking in persons. IOM and ASEAN, 2007. 164 p.
9. ASEAN Declaration on the Protection and Promotion of the Rights of Migrant Workers. URL: <https://webapps.ilo.org/dyn/migpractice/docs/117/Declaration.pdf> (accessed: 19.07.2024).
10. ASEAN Convention Against Trafficking in Persons, Especially Women and Children. November 23, 2015. URL: <https://asean.org/asean-convention-against-trafficking-in-persons-especially-women-and-children/> (accessed: 19.07.2024).
11. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // *Собрание законодательства РФ*. 04.10.2004. № 40. Ст. 3884.
12. Yusran R. The ASEAN Convention Against Trafficking in Persons: A Preliminary Assessment // *Asian Journal of International Law*. 2018. Vol. 8, № 1. P. 258–292. doi: 10.1017/S2044251317000108
13. Фомичева Е.А. Новые вызовы единству и международной роли АСЕАН // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2021. Т. 3, № 3(52). С. 36–50. doi: 10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-036-050
14. Церерин А.Н. Особенности создания экономического Сообщества АСЕАН // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2010. № 1. С. 79–89.
15. Хонрада Г.Д., Бокерия С.А. Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» как основа нового регионализма // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 2. С. 253–264. doi: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-253-264
16. Sobel M. Sex trafficking and the media: Perspectives from Thailand and the United States. London : Routledge, 2018. 190 p.
17. Molland S. The Value of Bodies: Deception, Helping and Profiteering in Human Trafficking Along the Thai Lao Border // *Asian Studies Review*. 2010. Vol. 34, № 2. P. 211–229.
18. Nguyen Thi H., McIntyre-Mills J. Breaking the Cycle of Trafficking in Vietnam: A Critical Systemic Policy Review // *Systemic Practice and Action Research*. Springer, 2021. Vol. 34, № 5. P. 475–493.
19. Скоробогатый А.В. Соотношение незаконной миграции и торговли людьми // *Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. X Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 22 апреля 2022 г. Могилев : Могилев. ин-т Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2022. С. 156–158.*
20. Kneebone S., Debeljak J. Combating transnational crime in the Greater Mekong Subregion: the cases of Laos and Cambodia // Holmes L. (Ed.) *Trafficking and Human Rights: European and Asia-Pacific Perspectives* (1 ed.). 2010. P. 133–152.
21. 2023 ASEAN Leaders' Declaration on Combating Trafficking in Persons Caused by the Abuse of Technology. Adopted in Labuan Bajo, Indonesia on 10 May 2023. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2023/08/2023-ASEAN-Decl-TIP-Tech.pdf> (accessed: 20.07.2024).
22. Law of the Republic of Indonesia, 2007 «On the Eradication of the Criminal Act of Trafficking in persons». URL: <https://www.warnathgroup.com/wp-content/uploads/2015/03/Indonesia-TIP-Law-2007.pdf> (accessed: 20.07.2024).
23. Yudhoyono G., Setiyono J. Indonesian Government's Efforts to Eradicate the Crime of Human Trafficking // *International Journal of Social Science and Human Research*. 2024. Vol. 7, № 5. doi: 10.47191/ijsshr/v7-i05-42
24. Penal Code, 1999. Law No. 15/1999/QH10. URL: https://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Vietnam/VN_Penal_Code.pdf (accessed: 20.07.2024).
25. Law No. 66/2011/QH12 «On human trafficking prevention and combat». URL: <https://www.iccnwtispcanarc.org/upload/pdf/9398591291Law%20on%20human%20trafficking%20prevention%20and%20combat.pdf> (accessed: 22.07.2024).
26. Resolution «Guiding the application of the Penal Code's Article 150 on human trafficking and Article 151 on trafficking in persons aged under 16 years», No. 02/2019/NQ-HDTP. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/EN/Trach-nhiem-hinh-su/Resolution-02-2019-NQ-HDTP-guidelines-Article-150-concerning-human-trafficking-of-Criminal-Code/409374/tieng-anh.aspx> (accessed: 22.07.2024).
27. Нгуен Тан Луат, Чинь Зуи Тхуен. К вопросу профилактики и борьбы с преступлением торговли людьми во Вьетнаме // *Криминологический журнал*. 2020. № 3. С. 21–23. doi: 10.24411/2687-0185-2020-10045
28. Asmoro J. Bride Trafficking from Vietnam to China: The Critique of Socialist Feminism // *Global South Review*. 2023. Vol. 5, № 1. P. 62–79. doi: 10.22146/globalouth.85237

29. 2022 Implementation Rules and Regulations of Republic Act (R.A.) NO. 9208 (The Anti-Trafficking in Persons Act of 2003), as amended by R.A. NO. 10364 (The Expanded Anti-Trafficking in Persons Act of 2012) and further amended by R.A. NO. 11862 (The Expanded Anti-Trafficking in Persons Act of 2022). URL: https://lawphil.net/statutes/repacts/ra2023/irr_9208_2023.html (accessed: 22.07.2024).
30. Prevention of Human Trafficking Act 2014 (No. 45 of 2014). URL: <https://www.warnathgroup.com/wp-content/uploads/2015/03/Singapore-2014-TIP-Act.pdf> (accessed: 22.07.2024).
31. Singapore Penal Code (Chapter 224) as amended 2007. URL: https://www.cuhd.org/wp-content/uploads/2020/03/Singapore_TIP-provisions1.pdf (accessed: 22.07.2024).
32. Human Organ Transplant Act (HOTA). URL: <https://www.nlb.gov.sg/main/article-detail?cmsuud=d375b6ac-a12a-4455-bf75-9cef3a1b22aa> (accessed: 22.07.2024).
33. Singapore Women's Charter 1997. URL: https://www.cuhd.org/wp-content/uploads/2020/03/Singapore_TIP-provisions1.pdf (accessed: 20.07.2024).

References

1. Kumar, A. (2020) Status of Human Trafficking as Modern-Day Slavery in South Asia. *Research Nepal Journal of Development Studies*. 3. pp. 91–99.
2. *The Global Slavery Index 2023*. [Online] Available from: <https://cdn.walkfree.org/content/uploads/2023/05/17114737/Global-Slavery-Index-2023.pdf> (Accessed: 19.07.2024).
3. Take-profit.org. (2024) *VVP Singapura: ob'em, tempy rosta na dushu naseleniya, struktura* [Singapore's GDP: Volume, Growth Rate per Capita, Structure]. [Online] Available from: <https://take-profit.org/statistics/gdp/singapore/> (Accessed: 19.07.2024).
4. Take-profit.org. (2024) *VVP Kambodzhii: ob'em, tempy rosta na dushu naseleniya, struktura* [Cambodia's GDP: Volume, Growth Rate per Capita, Structure]. [Online] Available from: <https://take-profit.org/statistics/gdp/cambodia/> (Accessed: 19.07.2024).
5. Kakar, M.M. & Yousaf, F.N. (2021) Gender, Political and Economic Instability, and Trafficking into Forced Marriage. *Women & Criminal Justice*. 32 (3). pp. 277–287.
6. Braithwaite, A., Salehyan, I. & Savun, B. (2019) Refugees, forced migration, and conflict: Introduction to the special issue. *Journal of Peace Research*. 56 (1). pp. 5–11.
7. Solim, J. (2019) The Accommodation of ASEAN Convention against Trafficking in Persons (ACTIP) in Indonesia Regulation. *Fiat Justisia*. 13 (2). pp. 167–186.
8. IOM & ASEAN. (2007) *ASEAN and trafficking in persons: Using data as a tool to combat trafficking in persons*. IOM and ASEAN.
9. *ASEAN Declaration on the Protection and Promotion of the Rights of Migrant Workers*. [Online] Available from: <https://webapps.ilo.org/dyn/migpractice/docs/117/Declaration.pdf> (Accessed: 19.07.2024).
10. *ASEAN Convention Against Trafficking in Persons, Especially Women and Children. November 23, 2015*. [Online] Available from: <https://asean.org/asean-convention-against-trafficking-in-persons-especially-women-and-children/> (Accessed: 19.07.2024).
11. RF. (2004) Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime (adopted in New York on 15.11.2000 by Resolution 55/25 at the 62nd plenary meeting of the 55th session of the UN General Assembly). *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 04 October. 40. Art. 3884. (In Russian).
12. Yusran, R. (2018) The ASEAN Convention Against Trafficking in Persons: A Preliminary Assessment. *Asian Journal of International Law*. 8 (1). pp. 258–292. doi: 10.1017/S2044251317000108
13. Fomicheva, E.A. (2021) Novye vyzovy edinstvu i mezhdunarodnoy roli ASEAN [New Challenges to ASEAN Unity and International Role]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 3:3 (52). pp. 36–50. doi: 10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-036-050
14. Tsererin, A.N. (2010) Osobennosti sozdaniya ekonomicheskogo Soobshchestva ASEAN [Features of the Creation of the ASEAN Economic Community]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 1. pp. 79–89.
15. Khonrada, G.D. & Bokeriya, S.A. (2023) Kontseptsii "Shankhayskogo dukha" i "Puti ASEAN" kak osnova novogo regionalizma [The Concepts of the "Shanghai Spirit" and the "ASEAN Path" as the Basis for New Regionalism]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 23 (2). pp. 253–264. doi: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-253-264
16. Sobel, M. (2018) *Sex trafficking and the media: Perspectives from Thailand and the United States*. London: Routledge.
17. Molland, S. (2010) The Value of Bodies: Deception, Helping and Profiteering in Human Trafficking Along the Thai Lao Border. *Asian Studies Review*. 34 (2). pp. 211–229.
18. Nguyen Thi H. & McIntyre-Mills, J. (2021) Breaking the Cycle of Trafficking in Vietnam: A Critical Systemic Policy Review. *Systemic Practice and Action Research*. 34 (5). pp. 475–493.
19. Skorobogatyy, A.V. (2022) [The relationship between illegal migration and human trafficking]. *Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika* [Fight against crime: theory and practice]. Abstracts of International Conference. Mogilev. 22 April 2022. Mogilev: Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. pp. 156–158. (In Russian).
20. Kneebone, S. & Debeljak, J. (2010) Combating transnational crime in the Greater Mekong Subregion: the cases of Laos and Cambodia. In: Holmes, L. (ed.) *Trafficking and Human Rights: European and Asia-Pacific Perspectives* (1 ed.). pp. 133–152.
21. *2023 ASEAN Leaders' Declaration on Combating Trafficking in Persons Caused by the Abuse of Technology. Adopted in Labuan Bajo, Indonesia on 10 May 2023*. [Online] Available from: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2023/08/2023-ASEAN-Decl-TIP-Tech.pdf> (Accessed: 20.07.2024).
22. *Law of the Republic of Indonesia, 2007 "On the Eradication of the Criminal Act of Trafficking in persons"*. [Online] Available from: <https://www.warnathgroup.com/wp-content/uploads/2015/03/Indonesia-TIP-Law-2007.pdf> (Accessed: 20.07.2024).
23. Yudhoyono, G. & Setiyono, J. (2024) Indonesian Government's Efforts to Eradicate the Crime of Human Trafficking. *International Journal of Social Science and Human Research*. 7 (5). doi: 10.47191/ijsshr/v7-i05-42
24. *Penal Code, 1999. Law No. 15/1999/QH10*. [Online] Available from: https://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Vietnam/VN_Penal_Code.pdf (Accessed: 20.07.2024).
25. *Law No. 66/2011/QH12 "On human trafficking prevention and combat"*. [Online] Available from: <https://www.iccnwtispcanarc.org/upload/pdf/9398591291Law%20on%20human%20trafficking%20prevention%20and%20combat.pdf> (Accessed: 22.07.2024).
26. *Resolution "Guiding the application of the Penal Code's Article 150 on human trafficking and Article 151 on trafficking in persons aged under 16 years", No. 02/2019/NQ-HDTP*. [Online] Available from: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/EN/Trach-nhiem-hinh-su/Resolution-02-2019-NQ-HDTP-guidelines-Article-150-concerning-human-trafficking-of-Criminal-Code/409374/tieng-anh.aspx> (Accessed: 22.07.2024).
27. Nguen Tan Luat, Chin' Zuy Tkhuen. (2020) K voprosu profilaktiki i bor'by s prestupleniem trgovli lyud'mi vo V'etname]. *Kriminologicheskii zhurnal*. 3. pp. 21–23. doi: 10.24411/2687-0185-2020-10045
28. Asmoro, J. (2023) Bride Trafficking from Vietnam to China: The Critique of Socialist Feminism. *Global South Review*. 5 (1). pp. 62–79. doi: 10.22146/global.south.85237
29. 2022 Implementation Rules and Regulations of Republic Act (R.A.) NO. 9208 (The Anti-Trafficking in Persons Act of 2003), as amended by R.A. NO. 10364 (The Expanded Anti-Trafficking in Persons Act of 2012) and further amended by R.A. NO. 11862 (The Expanded Anti-Trafficking in Persons Act of 2022). [Online] Available from: https://lawphil.net/statutes/repacts/ra2023/irr_9208_2023.html (Accessed: 22.07.2024).

30. *Prevention of Human Trafficking Act 2014 (No. 45 of 2014)*. [Online] Available from: <https://www.warnathgroup.com/wp-content/uploads/2015/03/Singapore-2014-TIP-Act.pdf> (Accessed: 22.07.2024).
31. *Singapore Penal Code (Chapter 224) as amended 2007*. [Online] Available from: https://www.cuhd.org/wp-content/uploads/2020/03/Singapore_TIP-provisions1.pdf (Accessed: 22.07.2024).
32. *Human Organ Transplant Act (HOTA)*. [Online] Available from: [tps://www.nlb.gov.sg/main/article-detail?cmsuuiid=d375b6ac-a12a-4455-bf75-9cef3a1b22aa](https://www.nlb.gov.sg/main/article-detail?cmsuuiid=d375b6ac-a12a-4455-bf75-9cef3a1b22aa) (Accessed: 22.07.2024).
33. *Singapore Women's Charter 1997*. [Online] Available from: https://www.cuhd.org/wp-content/uploads/2020/03/Singapore_TIP-provisions1.pdf (Accessed: 20.07.2024).

Информация об авторах:

Рахманова Е.Н. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: Ekaterina.rachmanova@gmail.com

Писаревская Е.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: liorev@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.N. Rakhmanova, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Criminal Law, Northwestern Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: Ekaterina.rachmanova@gmail.com

E.A. Pisarevskaya, Cand. Sci. (Law), associate professor, Northwestern Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: liorev@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.09.2024;
одобрена после рецензирования 22.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 05.09.2024;
approved after reviewing 22.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.*

Научная статья
УДК 347.1
doi: 10.17223/15617793/507/28

Принцип конфиденциальности в условиях модернизации медицинской отрасли: системно-правовой подход

Валентина Дмитриевна Рузанова¹, Елена Сергеевна Крюкова²

^{1,2} Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия

¹ vd.ruz@mail.ru

² kr-elena1203@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы режима конфиденциальности информации в условиях внедрения в медицину инновационных направлений. Авторами выявлены соотношение понятий «врачебная тайна», «персональные данные», «сведения о состоянии здоровья», «генетическая информация» и особенности правовых режимов составляющих их сведений. Предложены подходы к построению системы законодательства в направлении развития института конфиденциальности сведений о пациенте.

Ключевые слова: конфиденциальность, персонализированная медицина, генетическая информация, правовой режим, сведения о состоянии здоровья

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00720, <https://rscf.ru/project/23-28-00720/>

Для цитирования: Рузанова В.Д., Крюкова Е.С. Принцип конфиденциальности в условиях модернизации медицинской отрасли: системно-правовой подход // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 248–254. doi: 10.17223/15617793/507/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/28

The principle of confidentiality in the context of the medical industry modernization: A systemic legal approach

Valentina D. Ruzanova¹, Elena S. Kryukova²

^{1,2} Samara National Research University, Samara, Russian Federation

¹ vd.ruz@mail.ru

² kr-elena1203@mail.ru

Abstract. The article raises the problems of modernizing the confidentiality of information in the healthcare sector in the context of the introduction of a personalized approach to the diagnosis and treatment of patients in order to develop an integrated regulatory approach to regulating relations in this area. In the course of the research, both general and specific methods of cognition were used: intersectoral, systemic and dialectical. The principle of the safety of medical data is defined as the leading ethical and legal principle of interaction between medical personnel and patients. The concepts "medical secrecy", "personal data", "health information" and "genetic information" are correlated; the features of the legal regimes of their constituent information are identified and compared. It is emphasized that a number of individual characteristics of the patient necessary for the doctor, useful in implementing a personalized approach, but indirectly related to the state of their health, can be obtained outside the scope of the examination and treatment process, which leaves such data outside the regime. As a general approach, it is proposed to treat as a medical secret all information used in the provision of medical assistance to a citizen related to their health. The main role in building a system of legislation in the direction of developing the institution of confidentiality of patient information is assigned to the basic law on healthcare, in which it is proposed to consolidate the fundamental provisions on the confidentiality of patient information, their expanded composition and structure in order to create special legal confidentiality regimes that exclude duplication (including the medical secrecy institution). It is proposed to form these regimes meaningfully through special regulations in the field of healthcare, including by-laws. The features of the information obtained during the application of a personalized approach in medicine are revealed, and it is proposed in the basic law to supplement genetic information with other information that individualizes the patient. The idea is substantiated that when working with depersonalized data, the principles of confidentiality will have a broader range of actions and go beyond the protection of information about a specific person. It is proposed to form a subordinate regulatory block for the medical industry that accompanies data turnover, covering personalized and impersonal types of genetic information, including those used in the functioning of biobanks. The need was identified for detailing the range of subjects with access to both personalized and impersonal information, as well as for building diagrams of the relationship between them. The authors emphasized the importance of controlling the turnover of genetic information on the part of the data owner oneself and proposed appropriate mechanisms.

Keywords: confidentiality, personalized medicine, genetic information, legal regime, information about state of health

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00720, <https://rscf.ru/project/23-28-00720/>

For citation: Ruzanova, V.D. & Kryukova, E.S. (2024) The principle of confidentiality in the context of medical industry modernization: A systemic legal approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 248–254. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/28

Введение

Режим конфиденциальности информации свойствен многим сферам экономики и общественной жизни, однако в секторе здравоохранения его можно считать ведущим этико-правовым принципом взаимодействия между медицинским персоналом и пациентами. Сущность конфиденциальности состоит в сохранности полученной информации, возможности доступа к ней только в строго установленном порядке, представляющем собой алгоритм соответствующих действий, объем и форму предоставления сведений. Стремительное развитие медицины диктует необходимость совершенствования механизмов защиты информационных ресурсов отрасли. Как верно отмечается в литературе, в последние годы при помощи биотехнологий ученые добились впечатляющих успехов в области здравоохранения [1. С. 65]. Активное проведение генетических исследований дало толчок развитию новых прорывных направлений и подходов в медицине, позволило модернизировать и индивидуализировать диагностику и лечение пациентов. Генетизация и цифровизация системы здравоохранения выводит на новый уровень необходимость обеспечения конфиденциальности данных, связанных с использованием генетических и цифровых технологий, прежде всего в сфере персонализированной медицины. В настоящее время именно персонализированный подход, основанный на учете особенностей функционирования генетического аппарата пациента, выступает в качестве основного тренда в современной медицине, поскольку позволяет не только прогнозировать сценарии развития наследственных патологий, но и обеспечивать индивидуальную профилактику и лечение заболеваний. Интересно отметить, что представления о персонализированной медицине как методе неоднократно подвергались пересмотру и в современный период; несмотря на определение специалистами основных его направлений, он продолжает наполняться новым содержанием с учетом развития технологий в сфере здравоохранения [2. С. 4; 3].

Методы

В процессе исследования были использованы как общие, так и частные методы познания: междотраслевой, системный и диалектический и др. Применение указанных методов позволило проанализировать принцип конфиденциальности как основу взаимодействия врачей и пациентов, который объединяет несколько организационно-правовых отраслевых институтов, в частности «соблюдение врачебной тайны», «правовой режим персональных данных», «получение информи-

рованного добровольного согласия», и установить соотношение законодательства о здравоохранении и законодательства о персональных данных, а также сведений о состоянии здоровья и генетических данных в части определения режима конфиденциальности сведений о пациенте. В результате был выработан интегрированный нормативный подход к регулированию отношений в этой сфере.

Дискуссия

Развитие инновационных методов в медицине требует дальнейшего совершенствования регламентации информационных отношений с учетом того, что генетические данные человека, составляющие основу персонализированной медицины, безусловно, нуждаются в формировании специального правового режима.

К сожалению, в судебной практике нередки случаи нарушения прав граждан в связи с несанкционированным распространением охраняемых сведений, что вызвано в том числе недостатками правового регулирования и, как следствие, отсутствием единообразия в правоприменительной деятельности (Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 2-158/2021 от 28.12.2021 № 88-10769/2021 и др.).

Конфиденциальность лежит в основе взаимодействия врачей и пациентов, объединяя несколько организационно-правовых отраслевых институтов, выступающих в качестве поддерживающих ее мер, в частности соблюдение врачебной тайны, правовой режим персональных данных, получение информированного добровольного согласия и др. Любая закрытая информация, в том числе в медицине, снабжена защитными механизмами, гарантирующими ее конфиденциальность. Информационная безопасность во многих отраслях экономики обеспечивается посредством различных по природе и направленности средств, включая систему идентификации и аутентификации пользователей и поставщиков данных, контроль доступа, ограничение субъектного состава ведомственных информационных баз, кодирование и обезличивание сведений, физическую защиту, состоящую в охране серверов, оборудования и хранилищ и др. Ведущую роль в защитном механизме традиционно занимают правовые средства.

Применение персонализированного метода в медицине должно информационно обеспечиваться путем закрепления правового режима генетической и иной информации, определяющего не только правила использования и хранения сведений, но и их уничтожения. В разрезе нововведений ситуация осложняется масштабным внедрением современных технологий и

переходом основной части сведений в цифровое пространство. Эффективному развитию передовых направлений в медицине, ориентированных на адресную диагностику и лечение, способствуют технологии искусственного интеллекта, призванные быстро и всесторонне обработать колоссальные объемы сведений, вычленив необходимую информацию и сопоставить собранные материалы. В этой связи инновационный формат работы с информационными ресурсами нуждается в выработке дополнительных гарантирующих конфиденциальность правил обращения данных.

Центральную позицию в заданном ракурсе занимает институт врачебной тайны. Сохранность медицинских данных – бесспорно, важная составляющая механизма защиты личных неимущественных прав граждан. Врачебная тайна – часть частной жизни гражданина, с одной стороны, и одновременно стержень, фундаментальное начало медицинской деятельности – с другой. Надлежащее соблюдение указанного основополагающего права пациента повышает уровень доверия к медицинскому персоналу, а следовательно, способствует успешному лечению, скорейшему выздоровлению и реабилитации. Режим врачебной тайны охвачен как отраслевой медицинской нормативной базой, так и правилами законодательства, сопровождающими всю информационную сферу. Ведущий отраслевой закон в сфере здравоохранения [4] связывает понятие врачебной тайны с фактом обращения гражданина за медицинской помощью и включает в него сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении. В свою очередь закон, закрепляющий режим персональных данных, обособляет сведения о состоянии здоровья лица в качестве специальной категории [5].

Ряд исследователей настаивают на применении понятия «медицинская тайна» для более точного обозначения исследуемой категории сведений [6. С. 19]. Вместе с тем большинство ученых, с мнением которых мы солидарны, рассматривает оба эти понятия как тождественные, не придавая тем самым особого значения терминологии. Дискуссионным также является и вопрос о видовой принадлежности врачебной тайны [7. С. 35; 8. С. 25]. В связи с этим присоединяемся к имеющему место в доктрине мнению о том, что относительно одного и того же вида информации могут возникать различные по субъектному составу отношения, поэтому ее видовая принадлежность может варьировать [9. С. 43].

Отметим, что по законодательству значительная часть сведений, которые применяются в ходе оказания гражданам медицинской помощи, не относится к врачебной тайне. Это может быть связано с природой информационного материала, например, сведения немедицинского характера, или с моментом его получения, в частности, в процессе проведения профилактических мероприятий, а не на этапе, указанном в законе. В теории неоднократно поднимался вопрос о целесообразности расширения круга сведений, защищенных режимом врачебной тайны [6. С. 19].

Считаем, что сегодня требуется разработка специальных критериев, на основании которых те или иные сведения следует относить к врачебной тайне [10].

В качестве же общего подхода предлагаем относить к врачебной тайне все связанные со здоровьем гражданина сведения, используемые при оказании медицинской помощи.

Отметим, что проблема конфиденциальности сведений о пациенте сопряжена также с функционированием персонифицированной учетно-регистрационной системы, связанной с обработкой данных обратившихся за медицинской услугой граждан. Не все подлежащие обработке персональные данные допустимо квалифицировать в качестве врачебной тайны, что требует конкретизации перечня обязанностей осуществляющих персонифицированный учет лиц в части соблюдения правил о конфиденциальности. При этом правовое регулирование здесь должно быть согласовано с положениями законодательства о персональных данных.

На практике остро стоят вопросы документального сопровождения процесса раскрытия медицинской информации. Подчеркнем, что волеизъявление пациента относительно доступности касающейся его информации должно быть оформлено самостоятельным актом. Использование информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство для разнородных целей не отвечает интересам пациента, учитывая, что последнее имеет совершенно иное назначение. Как верно подчеркивается в литературе, в этом волевом акте не раскрываются ни цели, ни порядок дальнейшего использования и обработки информации [11. С. 72].

В связи со сказанным считаем необходимым установить соотношение законодательства в сфере здравоохранения и законодательства о персональных данных в части определения режима конфиденциальности сведений о пациенте. Отметим, что такое соотношение не является линейным, поскольку в каждом из этих нормативных блоков используется свой понятийный аппарат, требующий каждый раз при его применении проведения сравнительного содержательного анализа.

Мы исходим из широкой интерпретации персональных данных, состоящей в том, что в случае сомнений относительно принадлежности той или иной информации к персональным данным ее следует считать персональными данными. Отметим, что нормативный блок в области персональных данных состоит не только из базового закона, но и их обширной подзаконной нормативной базы, регламентирующей все операции с названной информацией личного характера, а также последствия утечки и оценку вреда. Для сопровождения процесса работы с персональными данными утверждены необходимые формы документов: согласие, акты, регламенты, уведомления государственных органов, журналы регистрации. Отметим, что достаточно подробно регламентируется обращение таких ресурсов вплоть до указания в документах видов носителей информации, целей и способов работы с ней.

Конфиденциальность персональных данных обеспечивается двухзвенной регламентацией посредством закрепления как общего запрета на их раскрытие и распространение без согласия субъекта персональных данных, так и специальных правил обработки отдельных их видов и соответствующих исключений из них.

Следует сказать, что режим обработки сведений гораздо более широкая правовая конструкция, нежели режим их конфиденциальности, поскольку «обработка» представляет собой совокупность любых действий с персональными данными и включает в себя, в том числе, распространение и предоставление сведений, отражающих собственно конфиденциальность.

Важно видеть, что законодательство о персональных данных устанавливает режим не всех сведений, отнесенных базовым медицинским законом к врачебной тайне. Таким образом, названные нормативные правовые акты «пересекаются» в разрезе режима конфиденциальности только в части сведений. В этой связи важное практическое значение приобретает вопрос относимости легально закрепленных исключений к тем или иным сведениям. Сопоставление норм позволяет сделать вывод о том, что исключения, закрепленные законодательством о персональных данных, касаются только сведений о состоянии здоровья пациента.

В отношении сведений о состоянии здоровья также возникает интересный, не нашедший отражения в законе вопрос о так называемых пределах конфиденциальности, заключающийся в возможности их передачи другим специалистам. Полагаем, что здесь также требуется согласие пациента, однако в целях обеспечения эффективности лечения врачу должно быть вменено в обязанность разъяснять гражданину необходимость привлечения других специалистов [12. С. 77]. В законе не установлен состав сведений о состоянии здоровья. Опираясь на правовую категорию «здоровье» и законодательно закрепленное определение последнего, предлагаем к таким сведениям относить сведения о заболевании, расстройстве функций органов и систем организма.

При установлении соотношения сведений о состоянии здоровья и генетических данных необходимо иметь в виду следующее: сведения о состоянии здоровья могут относиться, а могут и не относиться к генетическим, и, в свою очередь, не все генетические сведения связаны со здоровьем человека. Так, данные, характеризующие биологические и физиологические особенности человека (биометрические данные: дактилоскопические данные, рост, вес человека и др.), обособлены законодателем и отграничены от специальных категорий, к которым относятся в том числе сведения о состоянии здоровья. Отметим также, что генетические данные, являясь видом медицинских данных, могут использоваться и не в медицинских целях. Таким образом, при современном правовом регулировании в сфере персональных данных имеет место «наслоение» норм об отдельных видах информации (сведений о состоянии здоровья, биометрических персональных данных, генетической информации), что, с нашей точки зрения, не является препятствием для формирования самостоятельных режимов их конфиденциальности. Суть таких режимов должна состоять в различном наборе исключений из общего правила о возможности разглашения и предоставления соответствующих сведений с письменного согласия субъекта персональных данных.

Несмотря на то что генетическая информация относится к персональным данным, ее правовой режим выходит далеко за рамки режима последних, что необходимо

учитывать при формировании правил об обеспечении конфиденциальности в этой сфере. Указанная особенность обусловлена тесной связью генома, генетической информации и генетических исследований. Сегодня требуется совершенствование не только существующего режима генетической информации, но и его различных модификаций в медицинских и исследовательских целях. Как известно, в настоящее время исследования в сфере генома помогают не только в борьбе с болезнями, но в улучшении здоровья людей [13. С. 6]. В свете сказанного существенно актуализируется проблема определения правового режима генетической информации, причем не только в рамках собственно медицинской сферы, но и в более широком ее значении – как одного из факторов, оказывающих влияние на здоровье нации в целом.

Особенности правового режима генетической информации предопределяются в том числе и ее видовыми различиями. Так, по степени индивидуализации она может быть как персонализированной, так и обезличенной, что приводит к необходимости формирования автономных групп правовых норм, определяющих порядок использования генетических данных в зависимости от этого деления. В литературе неоднократно обращалось внимание на то, что обработка информации в общественно полезных целях без согласия обладателя не закреплена в законодательстве даже применительно к деперсонализированному формату [14. С. 185]. Данное обстоятельство является препятствием для развития в том числе и персонализированной медицины.

Особое место генетических сведений в составе персональных данных связано с их способностью нести в себе информацию о родственниках пациента, поскольку сведения о геноме одного человека содержат информацию о геномах членов его семьи [15. С. 186], а также о населении региона или даже целого этноса. По этой причине родственники также заинтересованы в получении сведений, прямо или косвенно затрагивающих их состояние здоровья, дающих возможность выявить потенциальные риски, принять действенные и своевременные меры по их предотвращению. Как следствие, встают широко обсуждаемые в доктрине вопросы этического-правового плана о допустимости сообщения соответствующих результатов родственникам, а также и самому гражданину при его нежелании с ними ознакомиться.

Собранная о пациенте информация иного характера (социально-бытовые условия, профессиональные риски, окружающая среда и пр.) также вносит свой вклад в формирование персонализированного подхода в диагностике и лечении. К сожалению, работодатели, страховщики, банки и иные учреждения, обслуживающие население, в случае получения подобного рода сведений могут воспользоваться этими данными в своих интересах.

Многие ученые неоднократно подчеркивали, что выявленные отклонения, связанные со здоровьем гражданина, могут выступать дискриминационными основаниями [16. С. 145].

Таким образом, комплекс данных, нуждающийся в защите, может выходить за рамки сведений, составляющих врачебную тайну и персональные данные, а намерение по-

лучить такую информацию могут иметь не только медицинские учреждения и научные центры, но и иные субъекты, что требует применения усиленных мер охраны. Развитие персонализированной медицины предполагает более масштабное применение генетических сведений в медицине, а потому устоявшиеся механизмы охраны используемых сведений нуждаются в корректировке. Кроме того, при применении индивидуализированных подходов в диагностике и лечении пациентов возникает необходимость использования дополнительной информации, ставшей доступной из источников, не связанных с обращением в медицинское учреждение (от работодателей, социальных служб и пр.). В связи с этим существующие правовые средства защиты, которые сегодня не рассчитаны на разнородность (с точки зрения источников поступления и содержательной части) комплекса собранных данных, также требуют модернизации в направлении обеспечения согласованности правового регулирования.

Выводы

Изложенное позволяет сделать ряд выводов относительно подходов к построению системы законодательства в направлении развития института конфиденциальности сведений о пациенте в условиях модернизации медицинской отрасли.

Считаем, что центральное место здесь должно быть отведено базовому закону о здравоохранении, в рамках которого следует обозначить основополагающие правила о конфиденциальности сведений о пациенте, отражающие специфику медицинской отрасли и коррелирующие с общими положениями законодательства о конфиденциальности информации. При этом необходимо обеспечить согласование правового регулирования не только с информационным (прежде всего, с законодательством персональных данных), но и с гражданским, административным и иным законодательством. Введенные расширенные правила охватят и дополнят уже действующие положения, в том числе касающиеся врачебной тайны. Предлагаемый интегрированный нормативный подход обусловит целостность и взаимодействие охранительных норм, а четкая внутренняя структуризация позволит избежать дублирования специальных правовых режимов конфиденциальности. Содержательное наполнение отдельных режимов должно осуществляться многоуровневым и разноплановым по направленности специальным нормативным массивом в сфере здравоохранения, состоящим из законов и подзаконных нормативных актов. Именно в последнем нормативном сегменте должна быть закреплена специфика документооборота в области здравоохранения (согласие, медицинские карты, собственные информационные системы), не нашедшая отражения при сходном детальном нормировании оборота персональных данных.

В названном законе генетическая составляющая сведений должна быть дополнена иной по характеру информацией, позволяющей учесть индивидуальные

особенности пациента, что повлечет расширение круга и форм взаимодействия участников (сведения могут касаться родственников, других членов семьи и прочего окружения). Такой подход позволит собрать воедино особенности режима генетической и иной индивидуализирующей информации, выявить и соотнести понятийный аппарат и заложить основу документооборота, сопровождающего процессы обращения названных данных. Кроме того, при построении правового регулирования в части работы медицинских учреждений и научных центров с обезличенными данными необходимо исходить из того, что закрепленные в законе основы конфиденциальности здесь будут иметь более масштабный спектр действия и выходить за рамки охраны информации о конкретной личности.

Считаем, что сегодня для создания безопасных условий использования генетических и иных индивидуализирующих пациента сведений способов, применяемых для охраны персональных данных, явно не достаточно. На наш взгляд, к основным направлениями структурирования режима указанных сведений относятся: нормирование целей использования результатов генетических тестирований, выработка и закрепление исключительных оснований раскрытия данных при наличии рисков, выработка четкого и последовательного алгоритма совершения действий в отношении полученных данных. Подчеркнем, что здесь особенно возрастает роль подзаконного нормативного блока, сопровождающего оборот данных и охватывающего персонализированные и обезличенные виды генетических сведений, используемых в том числе и при функционировании биобанков.

Сам процесс обращения генетических данных носит многоэтапный и разветвленный характер, в ходе которого к соответствующим процедурам могут быть привлечены различные специалисты (в том числе не относящиеся к медицинскому персоналу), что требует детального конструирования каждого звена в цепи взаимодействия участников исследуемых отношений во избежание потери данных. Отметим, что аналогичная ситуация складывается и при оказании медицинской помощи в формате телемедицины. По этой причине важно закрепить круг субъектов, имеющих доступ как к персонализированной, так и к обезличенной информации, и построение схем взаимосвязи между медицинским и техническим персоналом. Необходимо также снять препятствующие развитию персонализированной медицины ограничения, связанные с обработкой деперсонализированной информации в общественно-полезных целях, легально закрепив возможность, с одной стороны, расширения границ допустимого использования данных, а с другой – их надлежащей защиты.

Полагаем также, что активное вовлечение самого обладателя данных в процесс контроля за их оборотом (например, посредством отслеживания судьбы последних в личных кабинетах) будет способствовать обеспечению баланса частных и общественно полезных интересов при осуществлении медицинской деятельности.

Список источников

1. Каюмова А.Р. Защита прав человека в контексте применения современных биотехнологий: некоторые проблемы // Юрист. 2019. № 1. С. 64–71.

2. Jain K.K. Personalized Medicine / Decision Resources Inc. Waltham, MA, USA. 1998. 763 p.
3. Кеваль К.Д. Персонализированная медицина // *Terra medica nova*. 2009. № 1. С. 4–11.
4. Федеральный закон 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.
5. Федеральный закон 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета. 29.06.2006. № 165.
6. Павлов А.В. О некоторых проблемах терминологии законодательства о врачебной тайне // *Медицинское право*. 2019. № 1. С. 17–23.
7. Куранов В.Г. К вопросу о совершенствовании правового регулирования института врачебной тайны // *Медицинское право*. 2014. № 2. С. 34–38.
8. Винокуров В.А. Права и свободы человека и гражданина при обработке персональных данных в части соблюдения личной и врачебной тайны // *Конституционное и муниципальное право*. 2022. № 3. С. 24–28.
9. Соколова О.С. Административно-правовые режимы конфиденциальной информации в системе специальных административно-правовых режимов // *Современное право*. 2005. № 8. С. 40–45.
10. Пушкарева А.Н. К вопросу о понятии и признаках врачебной (медицинской) тайны по законодательству Российской Федерации // *Медицинское право*. 2016. № 6. С. 34–38.
11. Подузова Е.Б. Охрана информации, составляющей врачебную тайну, в сфере применения технологий искусственного интеллекта в DIGITAL-медицине // *Актуальные проблемы российского права*. 2023. № 6. С. 68–74.
12. Павлов А.В. Правовое регулирование общественных отношений по поводу врачебной тайны в Королевстве Дания и в Российской Федерации: сравнительный анализ // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2017. № 4. С. 74–80.
13. Гинтер Е.К. Медицинская генетика : учебник. М. : Медицина, 2003. 448 с.
14. Акулин И.М., Чеснокова Е.А., Смирнова К.М., Пресняков Р.А. Трансформация института врачебной тайны в эпоху электронного здравоохранения // *Закон*. 2019. № 9. С. 179–189.
15. Кубитович С.Н. ДНК как носитель информации неограниченного круга лиц // *Вестник экономической безопасности*. 2017. № 4. С. 185–190.
16. Рассолов И.М., Чубукова С.Г., Микурова И.В. Анализ возможного применения к регулированию отношений по поводу генетической информации институтов персональных данных, личной тайны, врачебной тайны // *Lex russica*. 2020. № 4. С. 143–151.

References

1. Kayumova, A.R. (2019) Zashchita prav cheloveka v kontekste primeneniya sovremennykh biotekhnologiy: nekotorye problemy [Protection of human rights in the context of the use of modern biotechnology: some problems]. *Yurist*. 1. pp. 64–71.
2. Jain, K.K. (1998) *Personalized Medicine*. Decision Resources Inc. Waltham, MA, USA.
3. Keval', K.D. (2009) Personalizirovannaya meditsina [Personalized medicine]. *Terra medica nova*. 1. pp. 4–11.
4. RF. (2011) Federal'nyy zakon 21.11.2011 № 323-FZ "Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ "On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 28 November. 48. Art. 6724.
5. *Rossiyskaya gazeta*. (2006) Federal'nyy zakon 27.07.2006 № 152-FZ "O personal'nykh dannykh" [Federal Law of July 27, 2006, No. 152-FZ "On Personal Data"]. 29 June. 165.
6. Pavlov, A.V. (2019) O nekotorykh problemakh terminologii zakonodatel'stva o vrachebnoy tayne [On Some Problems of Terminology of Legislation on Medical Confidentiality]. *Meditsinskoe pravo*. 1. pp. 17–23.
7. Kuranov, V.G. (2014) K voprosu o sovershenstvovanii pravovogo regulirovaniya instituta vrachebnoy tayny [On Improving the Legal Regulation of the Medical Confidentiality Institution]. *Meditsinskoe pravo*. 2. pp. 34–38.
8. Vinokurov, V.A. (2022) Prava i svobody cheloveka i grazhdanina pri obrabotke personal'nykh dannykh v chasti soblyudeniya lichnoy i vrachebnoy tayny [Human and Civil Rights and Freedoms in the Processing of Personal Data in Terms of Observing Personal and Medical Confidentiality]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 3. pp. 24–28.
9. Sokolova, O.S. (2005) Administrativno-pravovye rezhimy konfidentsial'noy informatsii v sisteme spetsial'nykh administrativno-pravovykh rezhimov [Administrative and legal regimes of confidential information in the system of special administrative and legal regimes]. *Sovremennoe pravo*. 8. pp. 40–45.
10. Pushkareva, A.N. (2016) K voprosu o ponyatii i priznakakh vrachebnoy (meditsinskoy) tayny po zakonodatel'stву Rossiyskoy Federatsii [On the concept and features of medical (healthcare) confidentiality under the legislation of the Russian Federation]. *Meditsinskoe pravo*. 6. pp. 34–38.
11. Poduzova, E.B. (2023) Okhrana informatsii, sostavlyayushchey vrachebnuyu taynu, v sfere primeneniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v DIGITAL-meditsine [Protection of information constituting a medical secret in the field of artificial intelligence technologies application in digital medicine]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 6. pp. 68–74.
12. Pavlov, A.V. (2017) Pravovoe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy po povodu vrachebnoy tayny v Korolevstve Daniya i v Rossiyskoy Federatsii: sravnitel'nyy analiz [Legal regulation of public relations regarding medical confidentiality in the Kingdom of Denmark and in the Russian Federation: a comparative analysis]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 4. pp. 74–80.
13. Ginter, E.K. (2003) *Meditsinskaya genetika: uchebnik* [Medical Genetics: Textbook]. Moscow: Meditsina.
14. Akulin, I.M. et al. (2019) Transformatsiya instituta vrachebnoy tayny v epokhu elektronnoy zdavoookhraneniya [Transformation of the Institute of Medical Confidentiality in the Era of Electronic Healthcare]. *Zakon*. 9. pp. 179–189.
15. Kubitovich, S.N. (2017) DNK kak nositel' informatsii neogranichennoy kruga lits [DNA as an Information Carrier for an Unlimited Number of Persons]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 4. pp. 185–190.
16. Rassolov, I.M., Chubukova, S.G. & Mikurova, I.V. (2020) Analiz vozmozhnogo primeneniya k regulirovaniyu otnosheniy po povodu geneticheskoy informatsii institutov personal'nykh dannykh, lichnoy tayny, vrachebnoy tayny [Analysis of the possible application of the institutions of personal data, personal privacy, and medical confidentiality to the regulation of relations regarding genetic information]. *Lex russica*. 4. pp. 143–151.

Информация об авторах:

Рузанова В.Д. – канд. юрид. наук, и.о. зав. кафедрой гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самара, Россия). E-mail: vd.ruz@mail.ru

Крюкова Е.С. – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самара, Россия). E-mail: kr-elena1203@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.D. Ruzanova, Cand. Sci. (Law), acting head of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University (Samara, Russian Federation). E-mail: vd.ruz@mail.ru

E.S. Kryukova, Cand. Sci. (Law), associate professor, Samara National Research University (Samara, Russian Federation). E-mail: kr-elena1203@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.07.2024;
одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 11.07.2024;
approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.*